

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXII, № 4.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

БЫТА И ЯЗЫКА РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

СЪВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

СОБРАННЫЕ И ПРИВЕДЕННЫЕ ВЪ ПОРЯДОКЪ

П. В. ШЕЙНОМЪ.

ТОМЪ III.

**ОПИСАНІЕ ЖИЛИЩА, ОДЕЖДЫ, ПИЩИ, ЗАНЯТІЙ; ПРЕПРОВОЖДЕНІЕ ВРЕМЕНИ,
ИГРЫ, ВЪРОВАНІЯ, ОБЫЧНОЕ ПРАВО; ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДОВОСТВО, ЗНАХАРСТВО,
ЛѢЧЕНІЕ БОЛѢЗНЕЙ, СРЕДСТВА ОТЪ НАПАСТЕЙ, ПОВѢРЬЯ, СЛЕВѢРЬЯ, ПРИМѢТЫ**

И Т. Д.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вос. Отдѣл., 9 лст., № 12.

1902.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1902 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Покойный П. В. Шейнъ, при своей жизни, успѣлъ напечатать изъ III-го тома «Матеріаловъ» только 30 листовъ (480 страницъ), остальное (481—518) было набрано, такъ сказать, на черномъ, безъ всякой системы, и сохранилось въ гранкахъ, причемъ оригиналы набора утеряны. Пришлось возстановлять смыслъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по догадкѣ, кое-что оказалось необходимымъ и совершенно опустить (напр., объясненіе къ утраченному рисунку звѣзды). Всѣ ли матеріалы, касающіеся быта бѣлоруссовъ, бывшіе въ распоряженіе Шейна, исчерпаны выпускаемымъ томомъ, трудно сказать, такъ какъ въ типографіи, какъ уже сказано, никакихъ рукописей, относящихся къ данному сборнику, не сохранилось, да и оставшіяся послѣ смерти автора бумаги пока не разобраны. Есть основаніе предполагать, что бѣлорусскихъ рукописныхъ матеріаловъ (по крайней мѣрѣ достойныхъ печати) въ бумагахъ покойнаго этнографа и не окажется: иначе не чѣмъ объяснить то, что онъ постоянно просилъ, у кого только можно было, соответствующихъ матеріаловъ, да и печаталъ этотъ томъ почти 8 лѣтъ (съ 1893 г.), тогда какъ предыдущіе появлялись сравнительно быстро; самый видъ книги — постоянныя повторенія сходныхъ рубрикъ съ разными дополненіями — говорить о томъ же.

Настоящій томъ содержитъ очень цѣнные этнографическіе матеріалы, касающіеся народнаго быта, и является естествен-

нымъ завершеиіемъ предыдущихъ двухъ томовъ (въ 3-хъ книгахъ); вслѣдствіе этого Императорская Академія Наукъ нашла нужнымъ выпустить его въ свѣтъ, хотя — быть можетъ — и не въ томъ видѣ, въ какомъ предполагалъ сдѣлать это самъ авторъ. Пишущій эти строки слышалъ отъ покойнаго, что онъ намѣренъ былъ въ предисловіи помѣстить большую записку о своихъ «крохоборныхъ» трудахъ на почвѣ собиранія народныхъ произведеній, о частыхъ невзгодахъ и рѣдкихъ удачахъ на этомъ пути, отвѣтъ на нѣкоторыя упреки критики и т. п.; въ концѣ книги, вѣроятно, былъ бы данъ, по примѣру первыхъ двухъ томовъ, историко-литературный комментарий къ напечатанному; но разъ судьба не дозволила сдѣлать этого самому собирателю, то другимъ выполнить подобное намѣреніе оказалось почти невозможнымъ, хотя и имѣются въ ихъ распоряженіи нѣкоторыя подходящія данныя.

Наблюденіе за печатаньемъ окончанія III тома принадлежало ординарному академику В. И. Ламанскому; редактировалъ страницы 481—518, отмѣтилъ опечатки и составилъ предметный указатель къ книгѣ профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Е. О. Карскій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОПИСАНІЕ ЖИЛИЩА, ОДЕЖДЫ, ПИЩИ, ЗАНЯТІЙ, ПРЕ-
ПРОВОЖДЕНІЯ ВРЕМЕНИ, ИГРЪ, ВѢРОВАНІЙ, ОБЫЧНАГО
ПРАВА НАСЛѢДСТВА И ПРОЧ.

ОПИСАНІЕ

жилища, одежды, пищи, занятій, препровожденія времени, игръ, вѣрованій, обычнаго права наслѣдства и проч.

а. Крестьянъ Витебскаго уѣзда (бывшаго Суражскаго) Королевской волости.

Хотя бѣлоруссы имѣютъ большое стремленіе къ подворному пользованію землею, однако селятся они всегда деревнями. Причина тому вѣроятно та, что прежде, до реформы, помѣщики заставляли ихъ селиться деревнями, теперь же они получили землю въ надѣлъ по деревнямъ, такъ что выйти имъ изъ деревни нѣтъ никакой возможности. Слова: починокъ, поселокъ, застѣнокъ здѣсь (въ Витебск. губ.) вовсе неизвѣстны. Если какой-нибудь крестьянинъ купить себѣ кусокъ земли и выселится изъ деревни, или дворовые, получившіе въ надѣлъ небольшіе куски земли, займутся на нихъ хлѣбопашествомъ, то усадьбы ихъ, не имѣвшія прежде названія, получаютъ ихъ отъ имени собственника или прежняго владѣльца, напр.: *Дзямидыўщина* — отъ имени Дзямидъ, *Бурдзѣнки* — отъ фамиліи Бурдзѣныкъ и т. п. Про нихъ же говорятъ: «тотъ Дзямидъ, тотъ Бурдзѣныкъ, што живецъ на одзинѣчцы».

Въ Витебскомъ уѣздѣ живетъ много шляхты, имѣющей маленькія усадьбы въ нѣсколько десятинъ. Такихъ шляхтичей крестьяне зовутъ *пучками*, если они живутъ на *одиночцы*. Названіе это относится къ самому шляхтичу, а не къ его усадьбѣ.

Вообще деревни Витебской губ. всегда бываютъ небольшія, — рѣдко можно тутъ встрѣтить деревню хатъ въ 20; обыкновенно

же онѣ состоятъ не болѣе какъ изъ 10-ти, но есть деревни въ 3 или даже въ 2 хаты и все-таки зовутся *дзяреўнямі*. Въ Могилевской же губерніи есть деревни въ нѣсколько десятковъ, даже въ сотню хатъ, я сама видѣла такія деревни въ Оршанскомъ уѣздѣ, но это были деревни князей Любомирскихъ, вѣроятно князья эти и заставляли своихъ крестьянъ такъ строиться.

Деревни бѣлорусскія обыкновенно строятся безъ всякаго плана и симметріи. Если вы встрѣтите гдѣ нибудь въ Бѣлоруссіи деревни съ улицами и домами, выстроенными въ рядъ, то это явленіе объясняется настоятельнымъ требованіемъ прежнихъ владѣльцевъ; тамъ же, гдѣ владѣльцы не обращали вниманія на постройки жилищъ своихъ подданныхъ, тамъ и послѣ реформы бѣлоруссы продолжаютъ строить ихъ безъ всякаго порядка, гдѣ и какъ попало, не руководствуясь при этомъ ничѣмъ, даже удобствомъ. Поэтому вы часто видите хаты бѣлорусскихъ крестьянъ стоящими совѣмъ въ ложбинѣ, среди грязи, лишь подальше отъ сосѣда, такъ какъ главнымъ стремленіемъ бѣлорусса пользоваться своей собственностью совершенно отдѣльно. Если и была когда нибудь у насъ община, то слѣды ея, по крайней мѣрѣ въ Витебской губерніи, совершенно затерялись. Никогда бѣлоруссы ничего не дѣлають сообща. Если случится, что нѣсколько хозяевъ покупають или снимають въ аренду вмѣстѣ какое-нибудь имѣніе, луга или лѣсъ, то сейчасъ же стараются подѣлить на шнуры и всякій хозяинъ обрабатываетъ свой шнуръ отдѣльно, независимо отъ другаго. Ни въ одной деревни не найдете вы общественнаго колодца, или сажелки. Если нѣтъ въ селеніи натурального источника воды, то всякій хозяинъ копаеть у себя на огородѣ сажелку или просто *кулдобину* и оттуда беретъ воду для своего обихода. Ни одна деревня не можетъ сговариваться съ другой, ближайшей, на тотъ конецъ, чтобы обкопать свои поля канавами, хотя отлично понимаютъ, что отсутствіе ихъ въ мокрые годы служитъ причиною постоянныхъ неурожаевъ. Нигдѣ въ нашихъ бѣлорусскихъ деревняхъ нѣтъ общественной бани, но всякій хозяинъ, если только онъ человѣкъ зажиточный,

строить себѣ свою баню, и тутъ даже не бываетъ никогда того, чтобы нѣсколько ближайшихъ сосѣдей сговаривались между собой топить эту баню (разумѣется съ согласія хозяина) по очереди, для того, чтобы мыться въ ней сообща. Всякій норовитъ истопить ее, когда потребуется, только для своего семейства. Никогда въ бѣлорусскихъ деревняхъ не бываетъ никакихъ сходокъ для обсужденія мірскихъ дѣлъ: начала полевыхъ работъ, сѣнокоса, жатвы и т. п., но каждый хозяинъ когда вздумаетъ, тогда и выѣзжаетъ въ поле. Нигдѣ даже нѣтъ общественнаго пастуха, хотя стада и пасутся вмѣстѣ, но всякій хозяинъ посылаетъ отдѣльно своего пастуха или пастушку. Слова: міръ, мірской, общество, общественный—до реформы совсѣмъ неизвѣстны были бѣлоруссамъ.

Но вернемся къ жилищу. Хотя у бѣлоруссовъ и есть названіе: улица, но этимъ словомъ они обозначаютъ только проходы между заборами, такъ какъ хаты свои они строятъ безъ всякаго плана. Что же касается до работъ сообща въ пользу одного, т. е. до толѣкъ, то наши бѣлоруссы дѣйствительно пользуются ими, но только исключительно для вывозки навоза подъ озимый хлѣбъ, и то въ настоящее время даже и этотъ обычай, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, начинаетъ выходить изъ употребленія. Крестьяне предпочитаютъ вывозить навозъ по найму, чѣмъ толѣками. Они говорятъ, что толѣка слишкомъ дорого обходится. Прежде крестьяне возили лѣсъ и рубили себѣ хаты толѣками; теперь и это совсѣмъ вывелось.

Хату свою бѣлорусъ строитъ такимъ образомъ: изба въ одномъ срубѣ, къ ней пристраиваются сѣни и если крестьянинъ зажиточный, то насупротивъ этой избы онъ ставитъ другую; если же семейство ужъ очень велико, то на дворѣ строитъ еще хатку; но какъ бы ни былъ богатъ крестьянинъ, никогда ничего похожаго на домъ онъ не построитъ, т. е. чтобы было хотя двѣ комнаты въ одномъ срубѣ, а все ставитъ отдѣльныя хаты. Входъ въ хату всегда со двора, иногда при входѣ бываетъ крылечко, но очень рѣдко. Вмѣсто ступенекъ тутъ лежитъ

камень. Рѣзныхъ украшеній на хатѣ вы у нашихъ бѣлоруссовъ никогда не встрѣтите; скворешниковъ тоже нигдѣ не увидите. Къ хатѣ пристраивается хлѣвъ. Въ хлѣву обыкновенно помѣщаются овцы и телята, такъ какъ входъ въ него только изъ сѣней. Крупный же скотъ и лошади помѣщаются возлѣ хаты. Впрочемъ для лошадей отгораживаются мѣста въ *пунѣ*, или подъ навѣсомъ. Въ устройствѣ хаты теперь вводятся кое-какія улучшенія, напр. печь всегда уже съ трубой. Въ хатѣ, кромѣ лавокъ, бывають уже и скамейки и даже деревянные стулья, вмѣсто палатей — кровати, окна всѣ со стеклами. Но прежнія хаты строились такъ: по правую сторону отъ дверей — низкая курная печь, надъ печью возлѣ дверей маленькое четвероугольное отверстіе для дыма, заткнутое тряпкой, противъ печи другое маленькое окно, тоже безъ болонки¹⁾, съ деревянной задвижкой, въ углу — по́ставъ для жернововъ, а подъ окошкомъ лавочки и полки для посуды, кадушка для воды (свизикъ), — возлѣ окошка прибитая къ стѣнѣ узенькая дощечка (планечка), за которую втыкаются ложки. За печкой, во всю длину стѣны — полъ²⁾, а надъ нимъ другой рядъ досокъ — полати. Старшіе члены семьи спятъ на полу, а молодые парни, дѣвки и дѣти — на *полацяхъ*. Полати у крестьянъ заступаютъ мѣсто дѣтской. У хорошаго хозяина благовоспитанныя дѣти при входѣ въ хату не только посторонняго лица, но даже отца, должны сейчасъ же взбираться на полати и тамъ смирно играть. Вдоль двухъ остальныхъ стѣнъ идутъ лавки. Лавки должны быть сдѣланы изъ одной доски, слѣдовательно широкія лавки составляютъ предметъ гордости хозяина. Бывають столь широкія лавки, что онѣ дѣлаются какъ бы фамиліной драгоценностью и переходятъ отъ отца непремѣнно къ старшему сыну. Передъ лавками, въ углу стоитъ столъ, а передъ столомъ коротенькая лавочка, *пирáдокъ*. Столъ долженъ быть всегда покрытъ скатертью, а на ней — непременно кусочекъ хлѣба и солонка съ солью. Божница же помѣ-

---

¹⁾ т. е. безъ стекла. ²⁾ Нары.

щается въ лѣвомъ углу отъ входа. На божницу свою здѣшніе бѣлоруссы обращаютъ очень мало вниманія, такъ какъ они отличаются крайнимъ индифферентизмомъ къ религіи. Вы увидите тамъ какой нибудь закоптѣлый образъ, завѣшанный грязнымъ ручникомъ, безъ всякихъ украшеній.

Передъ печью стоять что-то въ родѣ деревяннаго подсвѣчника, аршина въ два вышины, для втыканія лучины, такъ называемый *паничъ*, и столбъ для вѣшанія одежды. Вотъ и вся мебель бѣлорусса. Одежду свою крестьяне держатъ въ *кублахъ*, круглыхъ кадкахъ съ крышками, но кублы эти стоятъ обыкновенно въ клѣти, такъ какъ въ хатѣ могли бы разсохнуться и разсыпаться.

Надворныя постройки размѣщаются какъ можно ближе къ хатѣ: и такъ прямо противъ хаты стоитъ обыкновенно *клѣть*, т. е. амбаръ, гдѣ храниться хлѣбъ, одежда, упряжь, словомъ — все имущество хозяина. Амбаръ этотъ обыкновенно бываетъ съ крыльцомъ, въ родѣ веранды. Возлѣ амбара помѣщается *посты* — навѣсъ для *колѣсъ* (телѣги), саней и т. п.; хлѣва для скота и лошадей помѣщаются за амбаромъ, или за хатой, смотря потому, какъ послѣдняя построена, такъ какъ обычай не возбраняетъ ставить ее на какую угодно сторону горизонта, хлѣвъ же, а въ особенности стойло для лошадей должно быть построено такъ, чтобы эти животныя непремѣнно стояли головами или къ сѣверу, или къ югу, но никакъ не на востокъ. Овинъ (ёўня), — сарай для хлѣба — пуня, строятся обыкновенно немножко подальше, на огородѣ. Дворы свои бѣлоруссы держатъ крайне грязно: хотя бы грязь была по колѣно, они никогда не позаботятся окопать ихъ канавой для стока нечистотъ. Никогда также они не посадятъ около своихъ хатъ какихъ либо цвѣтовъ. Вообще на цвѣты (краски) бѣлоруссы не обращаютъ никакого вниманія: даже дѣвушки здѣшнія и тѣ никогда не плетутъ себѣ вѣнковъ, не дѣлаютъ букетовъ и не убираютъ даже себѣ голову цвѣтами.

Одежда преняго, дореформеннаго бѣлорусса состояла вся изъ бѣлаго съ синимъ. Мушчины носили бѣлую рубаху съ ши-

рокимъ воротникомъ, съ прямымъ прорѣзомъ на груди, поверхъ бѣлыхъ штановъ, опоясанную узкимъ, синимъ съ бѣлымъ поясомъ. Верхняя одежда лѣтомъ состояла изъ длиннаго балахона, въ талию изъ бѣлаго холста, но не изъ простаго, а вытканнаго, и называлась *насоу*, — зимой такой же балахонъ изъ бѣлаго или сѣраго сукна носилъ названіе сѣрмяги. И лѣтній и зимній балахоны обшивались синими шнурками. Шуба тоже бѣлая и надѣвалась подъ сѣрмягу. Шуба вмѣстѣ съ сѣрмягой составляли такъ называемый *снизык*. Поясъ опять синій съ бѣлымъ, но только пошире. На голову и лѣтомъ и зимою надѣвали войлочную шляпу съ узенькими полями, только лѣтняя шляпа дѣлалась твердая, а зимняя — мягкая, такъ чтобы можно было на уши насунуть, *облавухая*, на ногахъ же лапти. Лапти у насъ бываютъ двухъ родовъ: 1) *щербачни* или *кывярзни* — легкіе лапти, почти только однѣ подошвы, безъ головокъ и запятокъ, 2) *пыхрасни* глубокіе лапти, совершенно въ родѣ башмаковъ, крѣпко сплетенные изъ липоваго лыка; *щербачни* же и *пыхрасни* плетутся также изъ лозы тамъ, гдѣ нѣтъ достаточно липы. Инструментъ, которымъ плетутся лапти, называется *катачылъ*¹⁾. Это что-то въ родѣ деревяннаго шила. Нога подъ лапти обувается въ онучи; лѣтомъ для этого служатъ холщевыя — *пырцянки*, зимой суконныя — *суконки*.

Волосы бѣлоруссы носятъ довольно длинные, ровно кругомъ подстриженные, съ прямымъ проборомъ, бороды и усовъ не бреютъ. Разница между будничной и праздничной одеждой состояла только въ степени доброты матеріала. Что же касается до женщинъ, то у нихъ была и особая праздничная одежда: въ будни бѣлорусска носила бѣлую холщевую рубаху съ широкимъ воротомъ и узкими рукавами, лѣтомъ бѣлую широкую юбку, тоже холщевую, зимою синій суконный *андаракъ*²⁾, бѣлый фартухъ и бѣлый на голову платокъ, въ праздникъ же одѣвала рубаху съ широкими рукавами, собранными около самой кисти руки и завязанными ленточкой; юбка у богатыхъ какая нибудь цвѣт-

1) т. е. кочадыгъ. 2) Шерстяная юбка, домашняго приготовленія.

ная, крамная, т. е. купленная, у бѣдныхъ же опять бѣлая холщевая, но *подбѣранная*, т. е. перетканная иногда до самыхъ колѣнъ красными нитками въ какіе нибудь узоры; фартукъ тоже, если не крамный, то подбѣранный красными нитками; *шнуроўка* — родъ лифа безъ рукавовъ, съ довольно высокимъ вырѣзомъ около шеи и зашпиленная на боку съ лѣвой стороны груди на три крючка (гоплика). «Шнуроўка» дѣлалась изъ штофа или чернаго сукна, полубархата, т. е. вообще изъ какой-нибудь тяжелой матеріи, кругомъ около горла и рукавовъ обшивалась галуномъ. На голову и женщины и дѣвушки навязывали какой-нибудь цвѣтной платокъ, большею частью красный. Только дѣвушки изъ подъ платка выпускали волосы, сплетенными въ одну косу съ лентами, женщины же тщательно прятали волосы подъ платокъ. Верхняя одежда женщинъ ничѣмъ не отличалась отъ мужской: для нихъ *носбѣ*, *спрмяга* и шуба шились совершенно такимъ же покроємъ, какъ и для мужчинъ, на ногахъ такая же обувь, какъ и у мужчинъ. Нужно отдать справедливость бѣлоруссамъ, что хотя они мало заботятся о чистотѣ и красотѣ своихъ жилищъ, но за то крайне чистоплотны и опрятны насчетъ одежды, вѣроятно потому, что женщины бѣлорусскія очень трудолюбивы и большія мастерицы прясть и ткать. Одна женщина, напримѣръ, въ зиму можетъ выпрясть и выткать болѣе 100 аршинъ холста, такъ что всякая изъ нихъ имѣетъ по нѣсколько дюжинъ рубахъ, юбокъ, платковъ и т. п. Маленькая дѣвочка, лѣтъ семи, начинаетъ уже прясть, гдѣ же въ домѣ нѣтъ дѣвочекъ, а больше *малыцесъ*, то и тѣ лѣтъ до 15-ти тоже прядутъ. Во время зимнихъ вечеровъ, особенно до Рождества, дѣвушки и молодыя женщины устраиваютъ что-то въ родѣ великорусскихъ посидѣлокъ, т. е. собираются въ одну хату прясть. Это называется *супрядки*, говорятъ идти ѣ супрядки. На этихъ вечерахъ поютъ пѣсни, баюць (говорятъ) басни (сказки). Но молодые парни никогда не заходятъ на эти вечера. Изъ украшеній бѣлорусскія крестьянки носятъ въ ушахъ серьги и на шеѣ множество различныхъ *каралей* ¹⁾, изъ которыхъ

¹⁾ Бусы, передѣлка слова «кораллы».

онѣ отдають предпочтеніе краснымъ. Всякая дѣвушка старается добыть себѣ нѣсколько шнурковъ настоящихъ коралловъ, *праўдзiвыя каралi*. Такія карали составляютъ семейную драгоценность и переходятъ по наслѣдству отъ матери къ старшей дочери. На пальцахъ носятъ тоже кольца, но только однѣ дѣвушки, замужнія же женщины носятъ лишь вѣнчальное кольцо и то только пока не потеряютъ, что обыкновенно случается вскорѣ послѣ свадьбы, такъ какъ вѣнчальнымъ кольцамъ онѣ не придаютъ никакого значенія; вѣнчальныя же свѣчи напротивъ того хранятся ими весьма тщательно и цѣнятся очень высоко: ихъ зажигаютъ во время трудныхъ родовъ женщины, или при бо-лѣзни котораго либо изъ супруговъ, во время бури и т. п. Дѣтей до 10-ти лѣтняго возраста бѣлоруссы одѣваютъ только въ рубаху, подпоясывая ее поясомъ, такъ что нельзя отличить мальчика отъ дѣвочки, развѣ только тѣмъ, что послѣднимъ обвязываютъ иногда снурокъ дѣтскихъ каралей около шеи; только по минованіи 10-ти лѣтъ дѣвочки непременно прокалываютъ уши и вдѣваютъ серьги. Крестиковъ же на шеѣ ни мужчины ни женщины никогда не носятъ.

Воспитаніе бѣлорусскихъ дѣтей начинается съ пастушки. Такъ какъ всякій хозяинъ долженъ пасти самъ свой скотъ, то какъ только ребенку минетъ 7 лѣтъ, будь это дѣвочка или мальчикъ, его посылаютъ въ поле со скотиной. Пастухомъ ребенокъ бываетъ до 13-ти, послѣ же этого срока отецъ—сына, а мать—дочь начинаютъ приучать къ работѣ, т. е. брать съ собою повсюду. До 18-ти лѣтъ, какъ *малецъ*, такъ и *дзѣўка* дѣлаются уже настоящими работниками. Хорошій работникъ долженъ уметь все самъ сдѣлать: соху, борону, колесы, сани, построить избу, даже самъ осадзидъ¹⁾ окошко, двери. Дѣвушки же должны уметь прясть и ткать разные холсты и сукно и кое-какъ шить, т. е. уметь пошить себѣ и мужу бѣлье. Верхняя одежда шьется обыкновенно портными. Другихъ рукодѣлій бѣлорусскія крестьянки

¹⁾ *Осадзиць* — укрѣплять какое-либо хозяйственное орудіе, *насаживать*. Слов. Носовича.

совсѣмъ не знаютъ, по крайней мѣрѣ въ Витебской губерніи ни одна даже не умѣетъ вязать чулковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вяжутъ крючкомъ самыя простыя кружева, которыми обшиваютъ себѣ воротники и передники.

Кустарнымъ промысломъ бѣлоруссы, по крайней мѣрѣ нашей мѣстности, никакимъ не занимались никогда и не занимаются теперь — кромѣ бондарства, т. е. выдѣлыванія на продажу деревянной посуды, напр. дежекъ, ведръ, мисокъ и ложекъ бѣлыхъ, некрашенныхъ и ночвы. Глиняная посуда: горшки, миски, кувшины дѣлаются тоже по деревнямъ, но не крестьянами: обыкновенно какой нибудь мѣщанинъ снимаетъ въ деревнѣ подходящій кусокъ земли и открываетъ тамъ свое производство: лѣпитъ самъ съ своимъ семействомъ посуду для обихода окрестныхъ жителей. Собственно же крестьяне, кромѣ бондарства, занимаются еще только портняжествомъ и *печкурствомъ*, т. е. въ свободное отъ полевыхъ работъ время шьютъ на крестьянъ верхнюю одежду и бьютъ печи. Женщины, хотя ткуть множество холста, однакожь продаютъ его очень неохотно, развѣ только уже изъ крайности. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть мѣстечки, тамъ жители ихъ, а равно и сосѣднихъ дереней, ходятъ иногда на лѣто въ Петербургъ, или Ригу, гдѣ большей частью занимаются выгрузкою судовъ.

Единственнымъ занятіемъ бѣлорусса есть и остается земледѣліе. Если у него земли недостаточно, а нанять негдѣ, то лишніе члены семьи нанимаются въ батраки или же ходятъ въ поденщину — другаго промысла не знаютъ.

Мѣрою земли теперь у крестьянъ считается десятина; но прежде считали на морги и *уволоки*.

Прежде существовала мѣра длины *шнуръ*, которая имѣла 23 сажени. Но теперь шнуромъ зовется мѣра совсѣмъ произвольная. Всякая деревня имѣетъ отдѣльный шнуръ, то есть при раздѣлѣ полей и луговъ крестьяне просто берутъ веревку, подлиннѣе или покороче, смотря по количеству земли для раздѣла, и этой веревкой дѣлятъ землю на равныя участки, которые и зовутся *шнурами*:

шнуръ Ивана, шнуръ Пахома и т. д., такъ что вся пахотная земля и луга бывають въ шнурахъ. Хотя бѣлоруссы въ сравненіи съ великоруссами, получили въ надѣлъ гораздо больше земли (отъ $4\frac{1}{2}$ до 5-ти и 6-ти десятинъ на душу), но этотъ надѣлъ все-таки оказался для нихъ недостаточнымъ, особенно въ виду постоянныхъ ихъ раздѣловъ. Правда, имъ теперь запрещаютъ дѣлиться, и волостнымъ правленіямъ строжайше приказано слѣдить за этимъ и только въ крайнихъ случаяхъ допускать раздѣлъ, однако что вы водѣлаете съ женщинами? Каждая изъ нихъ видитъ прямую для себя пользу, если мужъ ея будетъ выдѣленъ, и поэтому всѣми силами и стремятся къ раздѣлу. Въ настоящее время вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ уже обращена въ пахоту или сѣнокосъ, такъ что уже повсемѣстно крестьяне нуждаются въ дровяномъ лѣсѣ и принуждены покупать таковой, или красть у помѣщиковъ.

Ляднымъ хозяйствомъ собственно бѣлорусъ не занимается. Это дѣло латышей, которые приходятъ къ намъ изъ Курляндіи: они обыкновенно садятся прямо въ лѣсъ, вырубають его, выкарчивають, жгутъ и весь хлѣбъ сѣютъ на лядахъ. Наши же крестьяне лядами занимаются между прочимъ. Такъ какъ свой лѣсъ они уже весь вырубили, то каждый хозяинъ старается, по силѣ возможности, нанять у помѣщика одну или нѣсколько десятинъ мелкаго лѣса. Цѣна этимъ десятинамъ довольно разнообразная: поближе къ городу — 8 р. въ годъ, подальше отъ него — 3 р. Нанимають обыкновенно на нѣсколько лѣтъ, самый малый срокъ: на 3 года. Въ свободное время, преимущественно весною и осенью, весь лѣсъ срубають и складываютъ на дрова, мелкій же: вѣтви, макушки складываютъ въ *груды*. Груды эти зимуютъ на мѣстѣ, а на слѣдующую весну ихъ сжигаютъ, оставшіяся же отъ нихъ головешки сгребають граблями, а золу тщательно перемѣшиваютъ съ землею, помощію такъ называемыхъ *копылъ*. Копыло — это длинная крѣпкая палка, съ желѣзной лопаточкой на концѣ, нѣчто въ родѣ кирки или кочерги. Процессъ перемѣшиванія земли съ золою зовется: *копылицъ ляды*. Закопы-

ливши, сѣютъ преимущественно ячмень, иногда пшеницу. Посѣявши, скородятъ, опять таки граблями. Копылицъ ляды считается тяжелою работою, но за то урожай на лядахъ бываетъ превосходный, такъ что есть пословица: «што на лядзи посѣяно, ўсё роўно, якъ ў за́крымѣ».

Послѣ сятія хлѣба на лядахъ обыкновенно растетъ отличная трава, такъ что какъ самыя ляды, такъ и вырубленная изъ подъ лѣса десятина даетъ обильный сборъ сѣна и вполнѣ вознаграждаетъ крестьянина за его трудъ.

Если ляды не далеко отъ хаты, то на нихъ сѣютъ разсаду, т. е. капусту и брюкву (грызынку), а также и рѣпу, которая по этому зовется лядзінка.

Отношеніе здѣшняго бѣлорусса къ религіи очень трудно опредѣлить; вѣрнѣе всего будетъ сказать, что она его вовсе не интересуе́тъ. Въ церковь бѣлоруссы ходятъ только для препровожденія времени; крестятъ дѣтей, вѣнчаются въ церкви потому только, что безъ этого нельзя, но внутренняя, духовная сторона религіи, кажется, ихъ вовсе не занимаетъ. Въ Бога вѣрують, т. е. вѣрують, что Богъ «сотворыў свѣтъ и ўсихъ тварей и каждому даў свою долю». Доли этой никакимъ образомъ не минуешь и не измѣнишь. Но дальше, о Богѣ, какъ о существѣ милующемъ и карающемъ, они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. О безсмертіи души такъ выражаются: Ну куды тамъ пойдзишь на той свѣтъ? стухнишь, згніеши ў гробу — вотъ и ўсё тутъ!

Чорта, *нячѣсѣніка* — тоже не боятся, ничего необыкновеннаго ему не приписываютъ, развѣ только, когда какой нибудь безпечный заблудится гдѣ нибудь въ лѣсу или въ полѣ, говорятъ, что его «нячѣсѣцѣики водзіли». Бѣлоруссы твердо вѣрують, что во всякой хатѣ есть чортъ, домовый или *хохликъ*. Домовой — это чортъ высшаго разряда, и пакостей можетъ надѣлать больше, нежели хохликъ. Хохликъ же — какой-то игривый чертенокъ, имѣющій свое мѣсто пребыванія за печкой, откуда онъ и пугаетъ людей, серьезнаго же вреда никогда не дѣлаетъ. Другое дѣло — домовый: если онъ разсердится, то можетъ такъ сдѣлать,

что крестьянину никакое предпріятіе не удастся (ничѣго ни пойдзець ў руку). За что домовой бываетъ сердитъ — объяснить не могу, но знаю, что для того, чтобъ его умилостивить, обращаются къ *дзядамъ* ¹⁾. Точно также въ хлѣвахъ живутъ *хлѣўники*, которые портятъ скоть. И на нихъ есть *дзяды*. Я сама разъ видѣла, какъ такой дѣдъ выгонялъ *хлѣўника*, т. е. собственно не видѣла, такъ какъ въ хлѣвъ съ собой онъ никого не пустилъ, но только видѣла, какъ этотъ дѣдъ, возвратившись изъ хлѣва, сталъ страшно икать, зѣвать, при чемъ объявилъ, что это хлѣўникъ такъ его измучилъ. Зато въ колдовство, въ напусканіе болѣзней, въ дурной глазъ и т. п. у нихъ вѣра весьма сильна, но о томъ, какой силой все это производится, они нисколько не думаютъ. Такъ напр., если кто хочетъ *поддѣлать* своему врагу какую либо болѣзнь, онъ или идетъ въ церковь, покупаетъ тамъ свѣчку, ломаетъ ее на нѣсколько частей и потомъ уже ее зажигаетъ и ставитъ предъ какимъ нибудь святымъ, или же обращается къ знахарю и тотъ даетъ ему наговоренной воды, которую онъ долженъ ухитриться подать ее какъ нибудь выпить тому, кому хочетъ *поддѣлать*. Но что именно знахарь нашептываетъ надъ водой, къ какой силѣ онъ обращается—этого узнать нельзя, и онъ этимъ не интересуется. Такъ какъ по понятію бѣлорусса всѣ болѣзни происходятъ или отъ поддѣла, или отъ дурного глаза, то, чтобы выгнать ихъ, онъ обращается или къ знахарю или къ знахаркѣ, а тѣ или просто заговариваютъ, или же даютъ наговоренную воду. Всѣ наружныя болѣзни заговариваются, при внутреннихъ же дается вода. Какъ при нашептываніи воды, такъ и при заговариваніи обращаются, кажется, болѣею частью къ святымъ, но тоже и Богъ знаетъ къ кому (см. Заговоры т. II). Святыхъ бѣлоруссы не очень-то уважаютъ, хотя и зовутъ всѣхъ богами. Есть много сказокъ, въ которыхъ святыя ходятъ по землѣ и занимаются воровствомъ, при чемъ попъ и *дзяды* непременно имъ помогаютъ. Изъ святыхъ самымъ большимъ уваже-

---

¹⁾ знахарямъ.

ніемъ пользуются Микола, Михайла и *Юрзя или Юорзя*, хотя про весенняго и осенняго Юрзя есть поговорка: «Два Юрзи — да оббдва дурни: одзинъ голодны, а други холодны». Въ честь Микола и Михайла устроиваются праздники Микольщина и Михальщина. Праздники эти такого рода: въ нѣкоторыхъ деревняхъ имѣются образа этихъ святыхъ, которые въ день, имъ посвященный, переносятся изъ хаты въ хату, отъ одного хозяина къ другому. Хозяинъ, который принимаетъ къ себѣ образъ, долженъ задать пиръ, конечно, съ попойкой — справить Михальщину или Микольщину. Религіозная же церемонія вся заключается въ томъ, что передъ образомъ зажигаютъ нѣсколько свѣчей и немного молятся, такъ что крестьянинъ, принимающій къ себѣ образъ, снимаетъ его съ божницы и несетъ къ себѣ, всѣ идутъ за нимъ. Пришедши въ свою хату, ставятъ его въ божницу. Бабы вѣшаютъ на божницу чистый ручникъ, опять зажигаютъ свѣчи, немного молятся и садятся за столъ. Тутъ уже начинается пиръ и попойка, про образъ же и помину болѣе нѣтъ. *Святой Ильля* считается дѣлательемъ грома и молній, однако во время грозы вовсе къ нему не обращаются, а выносятъ передъ хату кочергу, вилы и помело и кладутъ все это около порога, бросаютъ въ сторону тучи кусочки вербы, торчавшіе отъ Вербнаго воскресенья за божницей, зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи, если таковыя имѣются въ хатѣ. Святому Ильлю, хотя и приписываютъ, что онъ сдѣлалъ громъ, но управлять имъ онъ не можетъ. 22-го іюля Святой Ильля мочится въ воду, и съ этого дня вода дѣлается холодною и поэтому купаться больше нельзя, такъ какъ дѣйствительно около этого времени идутъ дожди.

Всѣ праздники у бѣлоруссовъ считаются особенно святыми; такъ говорятъ: Святой Спасъ, Святая Прачиста, Святое Рождство и т. д. Въ сказкахъ всѣ праздники олицетворяются, они ходятъ по землѣ, какъ равно и святая Прачиста, — остальные же дни недѣли не олицетворяются.

Канунъ Рождества, Новаго года, Крещенья зовется *кы-*

ляда. Предъ Рождествомъ и Крещеніемъ — *голодная кылада*, предъ Новымъ годомъ же — *тлѹстая кылада*¹⁾.

Недѣля послѣ Троицы зовется Русальною недѣлей, такъ какъ въ эту недѣлю русалки ходятъ по межѣ, заманиваютъ молодыхъ дѣвушекъ и на смерть ихъ защекочивающъ. Прежде, бывало, въ эту пору ни одна дѣвушка не осмѣливалась ходить въ лѣсъ одна. Русалокъ бѣлоруссы представляютъ себѣ красивыми дѣвушками въ бѣлой одеждѣ, съ зелеными волосами.

Время отъ Покрова дня до Филипповыхъ заговинъ зовется *большой свадебницей*; Рождественскіе же праздники — *колядками* и *колядами*. Во время колядъ, т. е. въ теченіе двухъ недѣль женщины ничего не дѣлаютъ по вечерамъ, особенно строго запрещается прясть, и потому вечера эти называются святыми.

Время отъ Крещенія до Масляницы зовется *малой свадебницей*. Первый понедѣльникъ Великаго поста зовется *шилнымъ* понедѣльникомъ. Весь этотъ день посвящается пьянству въ корчмѣ, что называется коваць шила. Срѣтеніе Господне, 2-го февраля — *Громніцы*, или *Стрѣчання*, т. е., что зима съ весной *устрекаюцца*. Свѣтлое Христово воскресеніе иначе не называется, какъ *вяликъ дзень*, великій четвергъ — чистый четвергъ. Въ этотъ день всѣ стараются помыться въ банѣ. Хозяйка же должна предъ восходомъ солнца перебрать лукъ (пыбулю) и намочить, т. е. приготовить къ поѣву. Вторникъ Оомной недѣли называется *радыница*. Въ этотъ день работаютъ только до полудня, и то большею частью около могилъ, исправляютъ ограды на могильникахъ, ставятъ кресты умершимъ въ теченіе года; послѣ же полудня всѣ отправляются на могилки, неся съ собой водку и разныя яства, между которыми непременно должны быть крутыя яйца, такъ какъ въ память всякаго умершаго нужно прокатить на могилкѣ накрестъ яйцо. Молятся на могилкахъ только въ такомъ случаѣ, если есть тутъ священникъ, и служатъ панихиды, но обыкновенно только воютъ

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ *кутил*.

съ разными причитываніями. Наголосившись, накричавшись досыта, начинаютъ ѣсть и пить, но сперва выливаютъ немного водки на могилу и отъ всякаго яства кладутъ по кусочку въ землю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже пляшутъ здѣсь же, на могилахъ; у насъ пляшутъ тоже, но не на кладбищѣ, а послѣ, вечеромъ, въ ближайшей корчмѣ.

Кромѣ Радыницы бѣлоруссы поминаютъ своихъ умершихъ въ субботу передъ Св. Духомъ — Духовская суббота и въ субботу за двѣ недѣли предъ *Пилипѣйкой*. Но въ эти дни на могилы не ходятъ, а только пекутъ блины и варятъ клѣцки, такъ какъ клѣцки считаются похороннымъ кушаньемъ. Садясь за столъ, крестьяне говорятъ: «Помяни, Божа, родзіцелей нашихъ!» Послѣ обѣда хозяйка выносятъ кусочки блиновъ и мяса и кладетъ или за окномъ, или за хатой на завалинки: это для *родзіцелей*.

9-е марта зовется *сырокѣй*. Въ этотъ день пекутъ маленькія, круглыя *бубашки*, изъ какой угодно муки, и ѣдятъ ихъ съ сытою, конечно у кого есть медъ, а то и такъ просто сухія.

Ко всякому пиру и празднику у бѣлорусса есть особенное кушанье, которое обязательно варятъ въ эти дни. Такъ на свадьбу — должно быть непременно *макаронз*¹⁾, все равно съ молокомъ, или съ мясомъ, *кыренья*, т. е. какіе нибудь овощи: брюква, или морковь; каша должна быть изъ мелкой крупы, супъ съ картофелемъ, но никакъ не съ крупой, щей тоже не варятъ, но *полѣйку*, заквашенную или сывороткой или хлѣбнымъ квасомъ. Кромѣ этихъ обязательныхъ кушаньевъ, конечно, смотря по состоянію, готовятъ много другихъ, напр. разныя жаркія, студень, пироги, сырники и т. п.

На похороны и поминки обязательно клѣцки и каша изъ буйной²⁾ ячменной крупы — *гуца*, остальное что угодно; при этомъ, конечно, и кутья, которую носятъ на кладбище и тамъ ѣдятъ.

На крестинахъ должны быть *ладки*, маленькіе блинчики — и каша. На *постныя кылады* — овсяный кисель и кутья съ медомъ или съ постнымъ масломъ. На *тойстую кыладу* — студень и

¹⁾ лапша.   ²⁾ крупной.
Сборникъ II Отд. II. А. Н.

кутья съ саломъ. На Рождество — колбасы съ чеснокомъ. На Пасху — яйца и сыръ, остальное какъ угодно.

На Вознесенье — нужно непременно печь блины — «мось-циць Хрысту дорогу на небо¹⁾». Впрочемъ блины пекутся при всякомъ случаѣ, можно сказать, что это самое любимое кушанье бѣлоруссовъ: пекутъ ихъ и тонкими (собственно блины) и толстыми — драчены, изъ всякой муки, постными — припеканные картофелемъ, макомъ, коноплей и — скоромными: на яйцахъ и молокѣ, припеканными творогомъ и сметаной, или просто только помазанными масломъ; ѣдятъ же блины большею частью холодными.

Къ національнымъ бѣлорусскимъ кушаньямъ, кромѣ блиновъ, принадлежатъ овсяный кисель, овсяное толокно, *боўтуха* или *колотуха*, похлебка изъ смѣси муки съ масломъ, или *затоўчонная* саломъ; солодуха, постная похлебка, которая особеннымъ образомъ готовится изъ ржаной муки на нѣсколько дней заразъ; предварительно ее очень долго варятъ и потомъ вливаютъ въ хлѣбную дежку и тамъ заквашиваютъ. Пироговъ съ начинкою наши бѣлоруссы вовсе не пекутъ, — развѣ въ постъ начинаютъ хлѣбъ грибами. Изъ приправъ, кромѣ перцу, ничего не употребляютъ. Впрочемъ все это относится къ жизни прежнихъ бѣлоруссовъ, лѣтъ 15, 20 тому назадъ²⁾. Теперь все измѣнилось, и одежда и пища. Теперь являются приправами и хрѣнъ и горчица, дѣлаютъ и разные пироги и пирожныя, только блины по прежнему все еще въ большомъ уваженіи.

Кромѣ блиновъ, есть еще нѣчто, чему бѣлоруссы до сихъ поръ остаются вѣрны, это — корчма. Какъ прежде, такъ и теперь корчма играетъ важную роль въ жизни бѣлорусса. Корчма бѣлорусская не то, что великорусскій кабакъ, гдѣ только можно купить водки и напиться пьянымъ. Для бѣлорусса корчма служитъ дополненіемъ семейной жизни; ни одно семейное торжество не обходится безъ корчмы: въ корчмѣ женихъ высматриваетъ

¹⁾ Это водилось (а можетъ быть водится и теперь) съ одинаковой цѣлью и среди крестьянскаго населенія иныхъ великорусск. губерній. III.

²⁾ Это было написано въ началѣ 80-тыхъ годовъ. III.

себѣ невѣсту, въ корчмѣ большей частью бываетъ и *зговоръ и запоины*, въ корчму заѣзжаетъ всякая свадьба послѣ вѣнца, въ корчму заѣзжаютъ кумы съ подѣ хреста, въ корчму ходятъ всѣ—и старые и малые. Такъ напр. въ первый день праздника Святаго Духа есть обычай отпускатъ къ обѣднѣ всѣхъ пастуховъ и всѣхъ дѣтей; изъ церкви же всѣ отправляются въ корчму, гдѣ родители нанимаютъ имъ музыку, и тамъ они пляшутъ весь день.

Корчмы бѣлорусскія строятся обыкновенно такимъ образомъ: большія сѣни, по одну сторону изба, гдѣ продается водка; тамъ сидятъ обыкновенно только записные пьяницы; по другую сторону одна или двѣ большія избы съ лавками вокругъ и длинными столами — это залы для всякаго рода сходокъ и совѣщаній.

Почти всякій шинкаръ нанимаетъ отъ себя музыканта, который долженъ являться въ корчму всякій праздникъ и играть. Пока молодежь танцуетъ, старики въ другой избѣ за чаркой водки обсуждаютъ и рѣшаютъ всевозможные вопросы, какъ частные, такъ и общественные. Здѣсь происходятъ и купля и продажа, и наемъ работниковъ; здѣсь обсуждается выборъ должностныхъ лицъ, такъ что въ волостное правленіе отправляются уже послѣ, только для соблюденія формальностей.

Такъ какъ почти всѣ шинкари въ Бѣлоруссіи евреи, то они вообще имѣютъ громадное вліяніе на крестьянъ; но нужно замѣтить, что евреи отличаются крайнею осторожностью, такъ что во всѣхъ вопросахъ, прямо ихъ не касающихся, стараются держаться въ сторонѣ. Крестьяне къ евреямъ относятся какъ будто бы съ презрѣніемъ, зовутъ ихъ пархами, жидами, ругаютъ въ глаза на всякомъ шагу, однакожъ на дѣлѣ жидъ можетъ ими какъ угодно ворочать, такъ напр. въ работники они нанимаются къ евреямъ гораздо охотнѣе, нежели къ христіанамъ разныхъ сословій, и то не потому, что евреи не закабаливаютъ, а просто по доброй волѣ. Мнѣ кажется даже, что бѣлорусскіе евреи гораздо менѣе обдираютъ крестьянъ, нежели великорусскіе кулаки изъ самихъ же крестьянъ. Вѣроятно это потому, что евреевъ очень много — большею частью очень бѣдныхъ, такъ что между

ними самими является конкуренція въ обдираніи, и одинъ передъ другимъ должны спускать, такъ что менѣе обдирающій будетъ имѣть большее число кліентовъ. Вѣроятно по этой же причинѣ между бѣлорусскими крестьянами до сихъ поръ совсѣмъ нѣтъ кулаковъ. Хотя бы который крестьянинъ изъ зажиточныхъ и вздумалъ давать деньги или хлѣбъ на проценты, жида не допустятъ, сейчасъ предложатъ заемъ отъ себя на болѣе выгодныхъ условіяхъ и перетянутъ къ себѣ. Что бѣлоруссы не питаютъ къ евреямъ никакой дѣйствительной вражды, самымъ лучшимъ доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что нигдѣ въ Бѣлоруссіи не было ничего похожего на еврейскіе погромы.

Въ заключеніе нужно сказать о характерѣ нашихъ бѣлорусовъ. Главною чертою ихъ характера — апатія, какъ къ добру, такъ и ко злу, такъ напр. бѣлорусъ очень рѣдко пускается на крупное воровство со взломомъ, на убійство же почти никогда. Во всѣхъ преступленіяхъ такого рода у насъ участвуютъ исключительно раскольники. Но мелкое воровство, стянуть, что плохо лежитъ, — на это всякій бѣлорусъ способенъ, даже это какъ-то у насъ не считается большимъ порокомъ, особенно если кража совершена не у своего брата мужика, а у пана или жида, а что уже лѣсъ красть, то это положительно не считается порокомъ, говорятъ: «лѣсъ насѣиу Богъ, ниhto яго ни росыціу ни годувау, ёнъ ничый». И на этомъ основаніи самый честный хозяинъ станетъ вамъ красть лѣсъ у кого бы то ни было.

Данное слово бѣлоруссы держатъ довольно крѣпко; тоже нужно сказать, что они довольно правдивы: лгуновъ между ними очень мало, гостепріимны, не злопамятны, такъ напр. къ прежнимъ помѣщикамъ теперь почти никакой ненависти у нихъ замѣтить нельзя. Въ семейной жизни, хотя и считаютъ женщину будто бы гораздо ниже мущины, такъ что утверждаютъ, что мужъ, если даже и убьетъ жену, не долженъ ни передъ кѣмъ отвѣчать, но на дѣлѣ женщины имъ ничуть не поддаются и не спускаютъ. Если которой ужъ очень плохо жить замужемъ, то она попросту бросаетъ мужа и уходитъ, даже малыхъ дѣтей забираетъ съ со-

бою, если только въ состояніи ихъ прокормить, и мужъ въ такомъ случаѣ, ничего съ ней не подѣляетъ. Если же они дерутся, то ужъ драка всегда бываетъ обоюдная, женщина никогда не спуститъ.

Къ смерти бѣлоруссы относятся чрезвычайно равнодушно, даже считаютъ позоромъ бояться смерти. Такъ напр. старая женщина, только что оправившаяся отъ тяжелой болѣзни, на вопросъ мой: боялась ли она умирать? съ гордостью мнѣ отвѣчала: «развѣ я такой хвामीли, штобъ бояцца умираць?» Долго плакать по умершемъ тоже считается грѣшно, а плакать женѣ по мужѣ просто даже неприличнымъ, развѣ если остались малыя дѣти.

Скупыхъ бѣлоруссы терпѣть не могутъ, особливо если кто скупъ насчетъ ѣды, говорятъ это большой грѣхъ «жалѣць для своей души».

Зовутъ себя бѣлоруссы — *наськими, тутейшами*, русскими же или бѣлоруссами — никогда. Раскольниковъ (расколовъ) зовутъ *москалями*, пановъ и мелкую шляхту — поляками; на вопросъ же: какой они вѣры? отвѣчаютъ: *руської*, а католики — *паньской* вѣры, но различія между руськой и паньской вѣрой, кажется, никакого не признаютъ, а съ одинаковымъ чувствомъ ходятъ какъ въ церковь, такъ и въ костелъ, т. е. съ полнымъ равнодушіемъ. Но поляковъ не любятъ, такъ какъ съ представленіемъ о полякѣ является представленіе о панѣ, паньщинѣ и пригонѣ.

О понятіяхъ нашихъ крестьянъ о собственности и практикуемыхъ въ ихъ средѣ правахъ наслѣдства могу сообщить слѣдующее:

Обыкновенно старый бездѣтный крестьянинъ не живетъ одинъ; коль скоро уже не можетъ справиться съ полевыми работами, онъ беретъ себѣ въ домъ какого-нибудь родственника или чужого парня, женитъ его, и послѣ смерти старика тотъ дѣлается полнымъ хозяиномъ какъ земли, такъ и всего имущества. Иногда случается, что пріемышъ не угодитъ старику, тогда онъ его выгоняетъ, а себѣ беретъ другого. Понятно, что наслѣдникъ дѣлается тотъ, который жилъ въ хатѣ послѣдній. Формальностей при этомъ не соблюдается ровно никакихъ и наслѣдникомъ пріе-

мышь дѣлается безъ согласія родственниковъ, даже вдовы старика, ежели таковая есть. Но въ послѣднее время родственники умершаго, напр. родные братья, стали время отъ времени заявлять претензіи на наслѣдство; въ такомъ случаѣ дѣло идетъ на сельскій сходъ, который, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, всегда рѣшалъ въ пользу пріемыша. Вдова старика обыкновенно остается въ хатѣ и пріемышъ долженъ ее кормить.

Если же умираетъ молодой крестьянинъ, у котораго остается жена, то — есть ли у нея дѣти, или нѣтъ — она во всякомъ случаѣ въ правѣ взять себѣ *примака*, который и дѣлается полнымъ хозяиномъ земли и всего имущества и правъ своихъ не теряетъ, хотя бы жена его и умерла и онъ взялъ себѣ другую. Онъ продолжаетъ пользоваться этими правами опять-таки безъ всякихъ формальностей. Ежели же въ хатѣ два *примака* или нѣсколько, и одинъ изъ нихъ умираетъ и оставляетъ вдову, то, ежели у нея нѣтъ дѣтей и она еще молода, ее сейчасъ же выгоняютъ изъ хаты, не давая ей рѣшительно ничего; если же она старуха, долго жившая въ супружествѣ съ мужемъ, то ей даютъ нѣкоторую долю имущества, напр. корову, овцу, нѣсколько хлѣба (въ зернѣ), одежду покойнаго мужа и т. п. Также выгоняютъ вдову, если у нея нѣтъ сына, а только однѣ дочери. Пожалуй вдова можетъ жаловаться сельскому сходу, который обыкновенно при-суждаетъ, чтобы вдова съ дочками оставалась въ хатѣ и чтобы ее тамъ кормили, но большей частью ни одна не можетъ ужиться тамъ при новой домохозяйкѣ и всегда уходитъ и дѣтей съ собою забираетъ. Выдѣлу же какого-нибудь имущества, кромѣ одежды покойника, — вдова съ дочками никогда получить не можетъ, даже если она и старуха, потому что говорятъ: «дочки могутъ прокормиць».

Совеѣмъ другое дѣло, ежели у вдовы остался сынъ, тогда, хотя бы и отошла и его съ собою взяла, онъ никогда не теряетъ права на наслѣдство, — какъ на надѣлъ земли, такъ и на часть имущества. Въ такомъ случаѣ составляется что-то въ родѣ описи, собираются сосѣди, родственники умершаго и вдовы, сель-

скій староста, иногда и старшина, дѣлается оцѣнка всему имуществу, выдѣляется часть для сироты и отдается на храненіе или остающемуся въ хатѣ, или которому нибудь изъ родственниковъ умершаго, но самой вдовѣ — никогда. Тоже ничего не дается и на воспитаніе сына, если она сама отойдетъ и его съ собою возьметъ. Землею обыкновенно владѣетъ оставшійся въ хатѣ хозяинъ до совершеннолѣтія наслѣдника; — ежели онъ опекунъ, то и имущество хранится у него, — ежели же опекунъ другой кто, то ему передается на храненіе лошадь, корова, хлѣбъ, соха, *колесы* (телѣга), сани и т. д. Въ случаѣ растраты довѣреннаго имущества, съ опекуна строго взыскивается, такъ что все у него продадутъ и вознаградятъ сироту. Теперь опись обыкновенно дѣлается волостнымъ писаремъ на бумагѣ и хранится въ волостномъ правленіи, но крестьяне на эту опись совсѣмъ не обращаютъ вниманія; хотя бы она какимъ-нибудь образомъ и затерялась, имъ рѣшительно все равно, такъ какъ бывшіе при описи свидѣтели отлично все держать въ памяти, и по достиженіи сиротою совершеннолѣтія все вытребуютъ отъ опекуна до послѣдней мелочи. Лѣтъ, опредѣленныхъ для совершеннолѣтія, нѣтъ никакихъ. Коль скоро малецъ вырастетъ и въ состояніи работать, онъ можетъ требовать своего надѣла или имущества.

Въ хату, гдѣ двое или больше мужчинъ, вдова никогда не беретъ *примака*, не потому, чтобы на этотъ счетъ существовалъ какой-нибудь законъ, а просто потому, что къ такой вдовѣ никто не рѣшится идти въ примакъ. И выгоняютъ ее тоже не въ силу существующаго на этотъ счетъ обычая или закона, а просто дѣлаютъ ей жизнь въ домѣ невозможною, такъ что она волей-неволей должна уйти.

Если у крестьянина нѣтъ сына, а только дочери, то къ одной изъ нихъ онъ принимаетъ зятя въ домъ и примакъ этотъ дѣлается его полнымъ наслѣдникомъ — опять-таки безъ всякихъ формальностей. Если примакъ принять къ старшей дочери, то, въ случаѣ смерти отца, долженъ остальныхъ ея сестеръ выдавать замужъ, то есть справлять ихъ свадьбы, но все имущество и

земля остаются ему. Крестьянинъ при своей жизни, если ему зять не нравится, можетъ его выправить изъ дома и принять къ другой дочкѣ; но если дочь одна и онъ принялъ уже къ ней примака, то какъ бы съ зятемъ ни ругались — послѣдній обыкновенно уже остается въ хатѣ.

Иногда остается вдова, у которой дочь взрослая, сыновья же малые, — тогда она принимаетъ къ дочери примака, но сыновья, выросши, могутъ его выправить и дать ему только часть имущества, но земли не дать.

Вообще право наслѣдства у крестьянъ бѣлоруссовъ чрезвычайно сбивчивое, закона на этотъ счетъ нѣтъ никакого. Основной законъ тутъ кажется тотъ, что наслѣдуетъ мушину, который въ состояніи работать, а слѣдовательно и уплачивать подати и всѣ повинности, родство же какъ будто бы ни при чемъ въ дѣлѣ наслѣдства; такъ напр. сынъ всегда наслѣдуетъ отцу, но если вдова, у которой малые сыновья, возьметъ себѣ примака, — къ себѣ именно, а не къ дочкѣ, то сыновья, прижитые этимъ примакомъ, дѣлаются совсѣмъ равноправными наслѣдниками съ сыновьями отъ умершаго ея мужа.

Такъ какъ вдова выдѣленнаго крестьянина имѣетъ право брать себѣ примака, если она еще молода, или же принимать къ дочери, если сыновья малы, или совсѣмъ таковыхъ нѣтъ (но во всякомъ случаѣ остается хозяйкой и никогда не рискуетъ быть выгнанной), то этимъ, вѣроятно, объясняется почему всякая крестьянка по выходѣ замужъ старается всѣми силами, чтобы мужъ ея отдѣлился. Поэтому большихъ хозяйствъ у бѣлоруссовъ совсѣмъ нѣтъ. Одинъ надѣлъ и тотъ дѣлится. Въ случаѣ выбитія крестьянина изъ деревни куда-нибудь, напр. въ городъ на заработки, или если онъ идетъ въ солдаты, то обыкновенно надѣлъ свой передаетъ кому-нибудь на срокъ за извѣстную плату; передать же совсѣмъ, въ полную собственность, не можетъ, такъ какъ, хотя бы отецъ передалъ, сынъ всегда вправѣ потребовать этотъ надѣлъ назадъ.

Сообщ. А. Ф. Лисовскій.

ОПИСАНІЕ

пищи, одежды и быта Бѣлоруссовъ.

б) бывшаго Суражскаго, Витебскаго, Полоцкаго, Дриссинскаго, Лепельскаго, Люцинскаго и Городскаго уѣздовъ той-же губерніи.

А. Пища.

Хлѣбныя печенія.

1. Главную, повсюдную, первую, а часто и послѣднюю, т. е. другими словами, преимущественную пищу крестьянъ составляетъ хлѣбъ. Имъ начинается и кончается всякая ѣда; онъ сопутствуетъ работнику въ полѣ, путнику въ дорогѣ; съ хлѣбомъ встрѣчаютъ и провожаютъ дорогихъ гостей, не исключая «и *почаснаго іосцика*», когда тотъ отправляется въ послѣднее убѣжище на землѣ. Хлѣбъ бываетъ: чистый, *пушнэй*, *половэй*, *градовый* и мякинный. Чистый хлѣбъ готовится изъ просѣянной муки, провѣянной ржи; *пушнэй* — изъ непросѣянной муки; *половэй* хлѣбъ есть такой, въ составъ котораго вошла овсяная или ячменная мука въ половинной долѣ съ ржаной; *градовый* хлѣбъ готовится изъ муки отъ непровѣянныхъ и слабо или совсѣмъ неочищенныхъ зеренъ; наконецъ, мякинный хлѣбъ готовится изъ ржаной муки, смѣшанной съ различною мякиною: овсяною, гречневою, ячменною и пшеничною. Этотъ послѣдній хлѣбъ употребляетъ самая дѣремычная бѣдность, крайняя нужда, и про него обыкновенно шутливо говорятъ: «по ёмъ чортъ бѣгъ — ногу *заскабивъ* ¹⁾».

Печенье хлѣба и все, что съ нимъ происходитъ, касается слѣдующихъ предметовъ и дѣйствій.

¹⁾ занозилъ.

Хлѣбная *утѣора*¹⁾ дѣлается въ хлѣбницѣ съ вечера; утромъ происходитъ *замѣса*. Для бѣлки²⁾ берется изъ квашни кусокъ тѣста величиною въ дѣтскую голову; нѣсколькими поворотами въ рукахъ стряпуха придаетъ ему шарообразную форму и кладетъ на хлѣбную лопату, устланную листьями, или же посыпанную *трѣстками*³⁾. Съ лопаты хлѣбное тѣсто осторожно сдвигается въ печи. Приставшее къ стѣнкамъ квашни тѣсто отскребается и даетъ *поскрѣбышг*. Чтобы верхняя *скѣрка*⁴⁾ была мягче, вынутыя изъ печи хлѣбныя бѣлки отмачиваются водой, или же прикрываются легкою одеждою и полотенцемъ. Хлѣбъ за столомъ разрѣзываетъ почти всегда самъ хозяинъ. Если онъ обгоняетъ порцію вокругъ хлѣба, получается *лѣстка*, *лѣста*⁵⁾, въ половину — *скибка*⁶⁾. Хлѣбныя покрѣмки кладутся обыкновенно дѣтямъ и вообще имѣющимъ прочные зубы; дѣтямъ же даются хлѣбныя *ковѣлки* и *кусаники*⁷⁾. Остающаяся половина хлѣба называется *краюхой*. Обыкновенно краюха лежитъ на столѣ отъ ѣды до ѣды, или берется въ путь при краткосрочной отлучкѣ, какъ, на примѣръ, при полевыхъ и лѣсныхъ работахъ.

2. Когда стряпуха печетъ хлѣбъ, она предварительно выпекаетъ изъ хлѣбнаго тѣста *сочни*, или *лопуны* для которыхъ расплескиваетъ комъ тѣста по величинѣ сковороды, и ставитъ въ печное чело, пока не выпечется. Для приданія лучшаго вкуса сочное тѣсто посыпается солью, а иногда тминомъ и макомъ.

3. Тѣ-же сочни называются *лѣпнями*, когда бываютъ по-

¹⁾ *утѣора* — растворъ.

²⁾ *Бѣлка* — цѣльный ржаной хлѣбъ, какой-бы то не было величины. Всякій же бѣлый пшеничный хлѣбъ называется *пирогомъ*. Никифор.

³⁾ *высѣвками*.

⁴⁾ *корка*.

⁵⁾ *лѣста, лѣстка* — тонкая порція всякаго хлѣба, отрѣзанная во всю ширину хлѣба или въ большую половину. Никифор. А по словарю Носовича — просто: *ломоть*.

⁶⁾ *Скиба, скибка* — *толстая* хлѣбная порція, отрѣзанная во всю ширину хлѣба. Никифор.

⁷⁾ *кусаники, кусаничекъ* — кусокъ, кусочекъ оставшійся отъ *кусаннаго* хлѣба. Слов. Носовича.

крыты слоемъ припѣки, которая дѣлается изъ толченаго мака, конопли и картофеля съ прибавленіемъ къ послѣднему, въ скромные дни, яицъ, масла, сметаны, творогу и проч.

4. Въ великопостные дни печется, хотя и рѣдко, *пртснѣкъ* (не кислый хлѣбъ). Этотъ хлѣбъ не имѣетъ распространенія и печется по временной нуждѣ, когда бываетъ хлѣба перепѣкъ, лучше сказать — недопѣкъ.

5. Близкое сходство съ сочнями и лѣпнями имѣютъ *гульбишники*¹⁾, приготовляемые изъ картофельнаго тѣста, на которое употребляется отварной мятый или сырой картофель, протертый чрезъ терку. Смотря по времени, въ гульбишники прибавляется то масло, то молоко, то сметана, то творогъ, то яйца, то толченая конопля и макъ. Драчоны приготовляются изъ пшеничной муки, смѣшанной со ржаной. Онѣ намазываются масломъ и складываются одна на другую.

6. Хотя блины приготовляются изъ разной муки, но первенство и распространенное употребленіе остается за овсяными блинами. Просѣянная овсяная мука, жидко разведенная водой, *утворяется* (растворяется) съ вечера и къ утру даетъ проквасившееся жидкое тѣсто. Изъ него пекутся блины. Овсяные высѣвки, налитые на-ночь водою, даютъ цѣжъ для киселя. Выжатые трѣски примѣшиваются къ свиной *мѣшанкѣ*, или отдаются гусямъ и коровамъ. Блины пекутся почти въ каждый праздничный день, а также въ поминальные дни, по десяти приблизительно штукъ на cadaго члена семьи, помѣщаются въ рѣшето и передъ ѣдой кладутся на столъ противъ мѣста сидѣнія cadaго семьянина. Вмѣстѣ съ блинами ставится на столъ какая нибудь *моканина*: скромная или постная *прижаніна*, жидкій творогъ со сметаной, а иногда медъ. Оторвавъ приблизительно четвертую часть блина, ѣдящій свертываетъ его трубочкой и опускаетъ въ моканину. Если въ ней есть раздробленные куски сала, мяса, колбасы, то онъ старается захватить въ трубочку одинъ такой кусочекъ. Остатки блиновъ рѣдко берегаются до

¹⁾ отъ сл. *гульба*, т. е. бульба: картофель.

слѣдующей ѣды, такъ какъ они скоро черствѣютъ; они отдаются дѣтямъ *хлусіть* ¹⁾ или же домашнимъ животнымъ.

«Стравы, потравы» ²⁾.

7. Капу́ста. Капустой здѣшніе крестьяне называютъ вообще кислое блюдо, приготовляемое изъ рубленой капусты, свеклы, рѣпы, моркови и брюквы. Такая капуста заготавливается съ осени. Для ежедневнаго употребленія капуста варится непременно съ *заколотою* ³⁾, ради *путряности* ⁴⁾. Заколота, лукъ и перецъ составляютъ присмаки. Кромѣ ихъ въ капусту, какъ и во всякую стрáву, входитъ *закрása* ⁵⁾: въ постные дни — грибы, маюшки, рыба, судакъ и алей ⁶⁾; въ скоромные же дни — сало, вяцдлина ⁷⁾ и мясо. Капуста не готовится со сметаною, которая всецѣло сберегается для выработки масла. Эта стрáва почти такъ же обычна, какъ и хлѣбъ, и въ зажиточномъ и въ бѣдномъ домѣ. Называясь капустою, кушанье это часто вовсе не имѣетъ капусты, а потому на видъ оно не привлекательно изъ-за своего почти чернаго цвѣта; вкусъ же зависитъ отъ *присмаковъ* и *закрасъ*. Обыкновенно капуста подается на столъ первую. Сначала хлебаютъ (сербаютъ) ложками жижку, подхватывая *мочѣники*, если таковые накрошены въ капусту, а потомъ уже доѣдаютъ густѣжъ.

8. На смѣну капусты готовится *помѣйка* или *юшка*, — овсяная цѣжа, или квась, разбавленный ржаною, рѣдко пше-

¹⁾ позабавиться.

²⁾ Хотя какъ *стрáва* такъ и *потрава* есть названіе всякаго варенаго кушанья, но разница однако между ними, та, что первое обозначаетъ кушанье по преимуществу постное, тогда какъ второе — скоромное. Нужно замѣтить, что слова *страда*, *потрава* обозначаютъ и порчу производимую скотомъ на лугу или въ полѣ. Никиф.

³⁾ ржаная или пшеничная мука, которая прибавляется къ жидкимъ кислымъ кушаньямъ. Въ прѣсныхъ кушаньяхъ *заколотою* называется картофель, отъ котораго кушанья крахмалятся. Никиф.

⁴⁾ отъ слова: *путра*, т. е. все, что дѣлаетъ кушанья крахмалистымъ, какъ бы пудрить его. Такъ напр., въ морковникѣ путрой будетъ картофель. Никиф.

⁵⁾ *закраса* — всякая прибавка къ кушаньямъ: сушеные грибы, масло, мука, рыба, мясо и проч., что прибавляется кушанью вкусу. Никиф.

⁶⁾ По Словарю Носовича — *олей*: конопляное масло. III.

⁷⁾ всякое копченное мясо, въ особенности окорока свиней. Никиф.

ничною мукою; съ прибавленіемъ *присмаковъ* и *закрасъ* готовится это несложное кушанье.

9. Весеннею и лѣтнею порой первымъ кислымъ блюдомъ бываетъ *холодникъ* изъ *кислицы* (щавеля), *шныти* и ботвиньи, которыя сперва отвариваются, потомъ рубятся и разбавляются квасомъ, за исключеніемъ *кислицы*, имѣющей собственную кислоту. Присмаки холодника служатъ: крошеный лукъ, преимущественно перья его, огуречный цвѣтъ и, при урожаѣ, крошеные огурцы. Если есть возможность, въ *холодникъ* кладутся малюшки, сушеная рыба, и рѣдко туда прибавляется для *закрасы* молоко и *посметенья*¹⁾).

10. Къ кислымъ кушаньямъ слѣдуетъ причислить *журъ*, очень жидкій кисель, который закрашивается коноплянымъ молокомъ, аléемъ, а въ скоромные дни коровьимъ масломъ. *Журъ* ѣдятъ преимущественно горячимъ, такъ какъ по охлажденіи онъ даетъ другое блюдо — почти кисель.

11. Какъ сказано выше, овсяная мука идетъ цѣликомъ на блины, а выѣвки настаиваются для цѣжи, изъ которой готовится кисель. Обыкновенно кисель готовится въ большомъ горшкѣ, который, будучи поставленъ въ печь, остается до того времени, когда придетъ пора разливать его въ миски. Потомустряпуха мѣшаетъ кисель въ печи киселѣвкой (особая деревянная кочерга). Кисель ѣдятъ съ коноплянымъ молокомъ, *алеемъ*, съ *сымою* и съ коровьимъ молокомъ.

12. Исключительно въ постные дни готовится *солодѹха* изъ тонкой ржаной муки съ прибавленіемъ иногда меда. Когда жидкій растворъ солодѹхи станетъ бродить, горшокъ плотно закрываютъ и ставятъ въ вольный печной духъ до утра. Вынутую изъ печи солодѹху нужно быстро охладить, что зимней порою достигается прибавленіемъ въ горшокъ снѣгу и установкою его въ снѣгъ. Это повторяется до трехъ разъ и смачная²⁾, *ласая*³⁾ солодѹха готова.

¹⁾ Остатокъ сметаны, который получается послѣ битья масла. Никифор. По русски вмѣстѣ *посметанье* говорятъ: *пахтаніе* III. ²⁾ вкусная. ³⁾ лакомая.

Солодушныя пѣнки даются *блазнымъ* ¹⁾.

13. Обыкновенная тюра называется *тицѣнками*. Это кушанье готовится на квасу, сывороткѣ, рѣдко молокѣ и разсоленной водѣ, а весеннею порой на *беркѣ* (березовомъ соку). Для тцѣнокъ употребляется иногда сыта, въ которую въ поминальные дни *тицѣютца* баранки.

14. Та же тюра на водѣ, или квасу, сваренная съ добавленіемъ постнаго масла, называется *чекулѣдой* ²⁾. Такое кушанье готовится исключительно въ постные дни и часто изъ сухарей, или засохшихъ кусанниковъ.

15. *Крупникъ* или *крупѣня* есть похлебка изъ ячменной, гречневой и рѣдко просовой крупы. Крупѣня варится не очень жидко, иначе про неё станутъ говорить, что «крупѣня зы крупиной гоняйтца съ дубиной». Въ скоромные дни крупѣня варится съ мясомъ, или саломъ, а въ постные приправляется алѣемъ, коноплянымъ молокомъ, или же варится съ судакомъ, малюшками, *подсмаженною* (поджаренною) мелкою рыбой, грибами. Какъ въ скоромную, такъ и въ постную крупѣню входитъ картофель ради *пугряности*. *Бялёная крупѣня* есть молочный супъ, наполовину разбавленный водой и притомъ сваренный на снятомъ молокѣ. Овсяная крупѣня варится очень рѣдко, а ржаная и того рѣже — почти одинъ разъ въ годъ, а именно — около Ильина дня — изъ первыхъ сноповъ молодой, часто зеленой ржи. Ржаная крупѣня варится только на попушку.

16. Къ этому разряду кушаньевъ принадлежитъ бульба — то скоромная, то постная. Она приправляется тѣми же присмаками и прикрасками, какъ и крупѣня. Самый картофель, составляющій всю суть бульбы, растирается въ горшкѣ. Въ скоромные дни бульба часто закрашивается *сварками* ³⁾.

17. Брюквенный супъ называется грыжанкой, а морков-

---

¹⁾ По Словарю Носовичи: *блазень* — малолѣтній, а по Никиф. — «*блазнык*: названіе всякаго малолѣтняго, неразумнаго челоуѣка». ²⁾ Передѣлка слова: шеколадъ, въ польскій его формѣ чеколяда. ³⁾ *сварки* — твердые остатки послѣ жаренья сала. Никифор.

ный — *морквой* (морковью). Оба супа варятся бялёными и ради путряности, въ нихъ непременно входитъ картофель.

18. Густой супъ изъ перловой крупы, похожій скорѣе на кашу, называется гущею. Гущу заволаживаютъ то масломъ, то топленымъ саломъ, смотря по времени, и ѣдятъ безъ хлѣба въ концѣ обѣда, полдника, или ужина.

19. Сравнительно съ капустой и другими жидкими кушаньями мало хлѣба идетъ на *бовтѹху*, или *колотѹху*. Сходство между этими двумя кушаньями состоитъ въ томъ, что оба варятся изъ взболтанной на водѣ муки и оба приготавливаются возможно жидкими. На бовтѹху идетъ ржаная, ячменная и рѣдко пшеничная мука; на колотѹху же гречневая, гороховая и бобовая.

20. Приготовленная возможно гуще колотѹха даетъ кулѣшъ, который бываетъ однако и ячменный. Всѣ три кушанья: бовтуха, колотуха и кулѣшъ подаются на столъ теплыми и приготавливаются только въ обѣденной пропорціи.

21. *Затцирка*. Она приготавливается изъ прѣснаго тѣста ячменной, гречневой и пшеничной муки. Тѣсто пропускается чрезъ рѣшето, или растирается между рукъ, и немного сохнетъ, прежде чѣмъ поступить въ горшокъ, Затцирка обыкновенно *заволаживается* ¹⁾ *волюгой*.

22. Въ постные дни изъ гороха и боба приготавливаются *комы*. Отваренный въ соленой водѣ бобъ или горохъ толчется въ ступѣ и, неочищенный отъ шелухи, вынимается оттуда жменькой, стискивается въ круглый комокъ и откладывается въ рѣшето до ѣды. Это — комы, обыкновенно подаваемые въ концѣ ѣды, а иногда по выходѣ изъ-за стола, чтобы *похлусить* ²⁾.

23. Тотъ же разваренный и пропущенный чрезъ рѣшето горохъ, или бобъ, по застуженіи, даетъ густой, крѣпкій кисель. Онъ разрѣзывается вдоль и поперекъ ножомъ, поливается алѣемъ и даетъ *ласые бруски*, которые опять же подаются на заѣдки. Для ѣды брусковъ приготавливаются отдѣльныя спицы изъ лучины, иногда съ двумя оконечниками; послѣднія спицы назы-

¹⁾ подправляется.   ²⁾ пошутить, позабавиться.

ваются видѣльцами. При помощи этихъ спицъ брускі извлекаются изъ поставленной на столъ посуды.

24. Клѣтки. Онѣ приготовляются изъ различной приварочной муки, причемъ не рѣдко употребляется мука смѣшанная — ржаная съ ячменной, гречневая со ржаной и проч. Густое прѣсное тѣсто раскатывается въ длинныя ленты, которыя потомъ разрѣзываются на небольшія части и до поступленія въ горшокъ вянуть, потомъ ихъ опускаютъ туда, и когда достаточно сварятся, подаютъ на столъ. По большей части, клѣтки — постное кушанье. Въ скоромные дни *клѣтки* приготовляются съ *вушками*: внутри каждой клѣтки помѣщается маленькій кусочекъ сырого сала, причемъ она непремѣнно закручивается опытною рукою стряпухи.

25. Какъ поминальное кушанье, *куцьця* готовится къ жалобному и поминальному столу, въ *дзяды* и *каляды*. Для куцьци употребляется цѣльныя зерна пшеницы, рѣдко ржи и перловая крупа, которыя, будучи спарены, приправляются сытою, а за неимѣніемъ меда, масломъ. Въ послѣднемъ случаѣ *куцьця* подается на столъ теплою. Баранки въ сытѣ, или отварные, приправленные масломъ, иногда замѣняютъ куттю и называются ея именемъ.

26. Яѣшня (яичница) бываетъ *смаженая* и *п्राженая*. Первая готовится на сковородкѣ съ мелкими кусочками сала, а вторая въ лѣткѣ, мискѣ и горшкѣ, въ вольномъ духу. Для послѣдней яйца взбалтываются, солятся и, смѣшанныя съ молокомъ, ставятся въ печь. Пращеная яѣшня подается на столъ то теплою, то холодною, и какъ ласое кушанье, всегда въ концѣ ѣды.

27. Къ ласымъ (лакомымъ) стравамъ слѣдуетъ отнести *кулагу*, которая готовится изъ всевозможныхъ ягодъ, даже калины и рябины, но не клюквы. Когда поставленные въ вольный духъ ягоды стопюцца, ихъ *заколѣчиваютъ* тонкою мукою, иногда и пшеничною, и опять ставятъ въ печь. Кулагу *закрашиваютъ* медомъ, если въ немъ нѣтъ недостатка, и подаютъ на столъ и теплою и холодною. Иногда кулагою намазываютъ лѣстки хлѣба, особенно, когда она надто (слишкомъ) солодко приготовлена.

Мясныя кушанья и «пачысты».

28. Желудокъ и кишки всякаго животнаго, очищенные и искрошенные, называются кнѣгами. Кнѣги входятъ въ поливку и крупѣню, какъ закрѣса и присмаки. Но, будучи затѣшены, съ мучною заколотою, съ присмаками, кнѣги даютъ самостоятельное кушанье.

29. Легкія, *ничанѣ*, почки, а иногда и ядра убойныхъ самцовъ, искрошенные, затѣшенные, съ заколотою, съ закрѣсою и присмаками, даютъ кушанье *вонтрѣбки*.

30. *Прижаніна* служитъ *моканиной* при блинахъ. Въ жидкое прѣсное тѣсто, по большей части изъ ржаной муки, кладутся: мелкіе кусочки свиного сала, *скѣбки*, колбасы (въ Рожд. Хр.), лукъ и перецъ. Все это въ закрытой латкѣ ставится въ топившуюся печь, гдѣ и остается до ѣды, и прямо изъ печи ставится на столъ. Хотя и рѣдко, *прижаніна* дѣлается постною (въ Крещ. коляду) и въ ней вмѣсто *скормѣтчины* главное мѣсто занимаетъ селѣдка.

31. Колбасы сырыя заготавливаются только къ Рождественскимъ праздникамъ:¹⁾ двѣ или три *килбасины* сберегаются, впрочемъ, къ *товстѣй* субботѣ (*мясныи дзядѣ*). Преимущественно свинныя, только вымытыя кишки *кранѣютца* (начинаются) кусками свиного мяса и сала съ добавленіемъ луку, чесноку и перцу. Рѣдко въ колбасы употребляется яловичина. Кромѣ мяса, колбасы *кранѣются* *ничанями* (печенками), кровью, мукой и крупой. Колбасы мучныя и крупяныя зажариваются (*смажатца*) отдѣльно, тогда какъ первыя *лотуютца* у *прижанінѣ* и потребляются вмѣстѣ съ нею.

32. Всякое зажаренное мясо называется *пачыстымъ*. На пачысто идетъ: яловичина, *випручѣна*¹⁾, *кабанина*, баранина и козина. Смотря по семьѣ, на пачысто употребляется или кунпѣкъ²⁾, или лѣтка, или груздѣнка, или озадокъ³⁾. Вынутое

¹⁾ отъ сл. *випрукъ*: кабанъ. ²⁾ или *кумпякъ*: кусокъ чистаго мяса, окорокъ, стегно. Никифор.; ³⁾ задняя часть мелкаго животнаго. Никиф.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

изъ кадки мясо не обмывается, чтобы не потерять *пѣха*, а кладется прямо на сковороду, или въ лѣтку, присаливается, если мясо свѣжо, посыпается перцемъ и крошенымъ лукомъ и, политое нѣсколькими ложками воды ради подливывы ставится въ истопленную жаркую печь.

33. Къ пѣчистымъ слѣдуетъ причислить и цѣликомъ за-жареннаго поросенка, гуся, индюка и курицу. Часто поросенокъ крапаетца кашей со скварками и *вонтробками*¹.

34. Трабѹхъ или *киндзюкъ*²) есть желудокъ убойнаго животнаго, начиненный (напханный) гречневою кашей со скварками, или небольшими кусочками свиного сала. Киндзюкъ подается въ концѣ ѣды непременно теплымъ и даже жаркимъ.

35. *Стюдзинь* готовится изъ ногъ и головы убойной скотины, смотря по семьѣ, изъ цѣлаго *хода* (четыре ноги), или изъ половиннаго. Вмѣстѣ съ ногами и головой въ *стюдзинь* употребляются и *королевы носы* (когѣнные кости). Самымъ лакомымъ стюдзинимъ считается свиной и изъ гусиныхъ лапокъ. Стюдзинь подается на столъ и при началѣ и въ концѣ ѣды, въ отдѣльной мискѣ, тутъ же разрѣзается брусками (см. 23) и выбирается ложками; попадающіяся въ стюдзини косточки непременно смѣкчутца, мягкія разжевываются ради извлеченія мозговаго сока и только послѣ такой переборки отдаются собакамъ.

Примѣчаніе. Всякое *пѣчисто* подается на столъ въ той же посудѣ, въ которой оно тушилось, прѣжилось, или смѣжилось. Уже здѣсь оно вынимается при помощи ножа и ложки, разрѣзается на *лытѣники* (глутки) и въ измельченномъ видѣ бросается снова въ посуду, гдѣ оставалась подлива. Разрѣзывающій пѣчисто, да и всякое вообще мясо, держитъ его лѣвою рукой, такъ какъ употребленіе *видѣлицъ* (вилокъ) совершенно незнакомо здѣсь. Время отъ времени онъ слизываетъ обильный

---

¹) Внутренность. ²) По словарю Носовича: *киндзюхи* (только во мн. ч.)— кишки, внутренности.

мясной сокъ съ пальцевъ лѣвой руки, а по окончаніи работы вытираетъ обѣ руки о волоса и рукава своего платья.

Не совѣтъ обобранныя косточки онъ даетъ смоктѣть тѣмъ, кого больше шанѹиць (любить), чаще же всего — *блѣзнамъ*, кои и управляютъ съ ними до времени ѣды пячѣста. Каждый беретъ глытѣники пячѣста пальцами же, которые въ свою очередь часто облизываетъ и вытираетъ о волоса, платье и, въ заключеніе, о собственные сапоги. Всѣмъ этимъ никто не брезгаетъ, не *ѣрбуитиць*, такъ какъ за столомъ сидятъ свои семьяне; въ случаѣ же принесетъ Богъ чужанѣна, то и онъ не погѣрбуитиць обстановкой ѣды, такъ какъ она не нова и не странна для него. — Когда глытѣники пячѣста съѣдены и остается подлѣва, послѣднюю вымакиваютъ кусками хлѣба и, наконецъ, такимъ же кускомъ кто-нибудь вытираетъ и самую посуду до-чиста. Мало того — какой-нибудь лѣсый блѣзинъ просто вылизываетъ посуду, въ которой послѣ этого и кошкѣ нечѣмъ поживиться.

Какъ пячѣсты, такъ и разныя стрѣвы подаются на столъ въ одной и той же посудѣ, если семья не превышаетъ душъ восьми. Замѣчательно, тутъ никто не съѣстъ больше на счетъ другого, — что достигается житейской сноровкой и распорядительностью старшихъ. Всякую стрѣву черпаютъ ложками и *сѣрбають* или *сѹрзають*, для разжиженія хлѣба или мясного глытѣника, приблизительно двумя разами; вторая ложка стрѣвы поступаетъ въ ротъ на *захлѣбку*, она такъ сказать прогоняетъ въ горло разжеванную пищу и выполаскиваетъ ротъ для новаго жевка. Когда стрѣва вычерпана и подбавка ея не требуется, то кто-нибудь сливаетъ подѣнки стрѣвы въ подставленную ложку, или же въ ротъ нагбѣмъ¹⁾. Въ ту же опорожненную, рѣдко сполоснутую теплой водой миску вливается новая стрѣва.

Благодаря сноровкѣ, весьма рѣдко случается, чтобы кто-нибудь пустѣлъ на столъ пѹтчики, или обронилъ крошки каши, напримѣръ. Почерпнутую ложку стрѣвы непременно нужно

¹⁾ *Набиомъ* или *наибомъ* — нагибаніемъ, нагибая сосудъ. Слов. Носов.

обтереть о края миски и тутъ же подвести подъ ложку хлѣбный *кусаникъ*, при поддержкѣ котораго она доносится до рта. Разумѣется, при такой общей осторожности, на столѣ не окажется ни капли стрѣвы, развѣ на мѣстахъ блазновъ, которыхъ тутъ же учать ударами ложки по лбу. Что же касается хлѣбныхъ крошекъ, то онѣ тщательно собираются мякишемъ кусаника, какъ скоро падуть на столъ.

Положенная на столъ ложка, при временной остановкѣ, не оставляетъ даже влаги, такъ какъ она облизывается за каждымъ черпкомъ. Такимъ образомъ, послѣ обильной и продолжительной ѣды, можно видѣть иногда совершенно чистый столъ, особенно при отсутствіи за нимъ блазновъ. Обычное чавканье во время ѣды не рѣжетъ уха; въ нѣкоторыхъ семьяхъ оно происходитъ съ сомкнутымъ ртомъ; только *сѣрбанне* да *вурзанне* раздаются за столомъ пока не опорожнена посуда.

Сдѣланное мною описаніе кушаній будетъ значительно полнѣе если я присоединю еще нижеслѣдующія сообщенія:

36. На скорую руку, рѣдко на *захлібку*, ѣдятъ *сыркойшу* (она же — сыропѣха — сыропѣня, т. е. простоквашу), пыстыялку¹⁾ съ творогомъ и безъ него, и *посмѣтциenne*²⁾, обыкновенно получаемое при сбоѣ масла. Мятый творогъ съ пыстыялкый, или съ посмѣтциннымъ составляетъ внѣ-домашнюю пищу — въ дорогѣ, въ полѣ и на сѣнокосѣ.

37. При упоминаніи о различныхъ стрѣвахъ, нерѣдко приходится слышать о *закрасахъ*, *присмакахъ* и *вологахъ*. Это не кушанья и подъ ними слѣдуетъ разумѣть все, что или видоизмѣняетъ кушанье во вкусѣ, или что дѣлаетъ его болѣе или менѣе питательнымъ, или придаетъ ему внѣшній видъ. Такъ: сало, мясо, рыба, грибы будутъ *закрасы*, тогда какъ соль, перецъ, лукъ, чеснокъ — *присмаки*; масло же всѣхъ видовъ, топленое сало, сметана называются *вологахъ*. Въ житей-

¹⁾ Постоляка — прѣсное молоко. Носов.

²⁾ *Посмѣтциenne* — остатокъ сметаны, который получается послѣ битья масла. Имъ обыкновенно удобряютъ кислые кушанья. Никифор.

скомъ, часто неразборчивомъ быту, эти понятія смѣшиваются и замѣняются доно другимъ.

38. Основные, такъ сказать, части кушанья называются приваркомъ. Крупа въ *крупѣни*, мука и капуста въ борщу, соль во всякомъ кушаньи, картофель, морковь и брюква въ супѣ будетъ приварокъ. Мука пшеничная, гречневая, овсяная и ячменная называется приварковою мукою. Одна и та же ржаная мука въ капустной *заколѣтѣ* называется приварковой, тогда какъ въ хлѣбѣ — просто хлѣбной мукой.

39. Пироги изъ бѣлой пшеничной муки неизвѣстны Витебскому простолюдину, сколько потому, что такую муку нужно приобрести покупкою, столько еще болѣе потому, что стряпухи не знаютъ употребленія дрожжей. Пирожное тѣсто изъ домашней темной пшеничной муки онѣ квасятъ такимъ же способомъ, какъ и хлѣбное, безъ дрожжей. Чаше всего ржаное хлѣбное тѣсто, отдѣляемое для пирога, мѣсится пшеничною мукой, или же болѣе тонкою ржаной. Внутри такого пирога помѣщается накрѣпка (мясная, творожная, или грибная), тѣсту дается слабая *волога*; получается крынанный (начиненный) пирогъ. Пирогъ рѣдко вызывается домашними событіями, но служитъ по большей части на путевыя надобности. Простой черный хлѣбъ съ запеченными внутри куриными яйцами въ свою очередь называется пирогомъ.

40. Еще рѣже можно видѣть употребленіе черепенниковъ, которые повсемѣстно называются *бубашками*. Бубашки получаютъ изъ гороховъ и мѣстечекъ и единственными пекарями ихъ являются наши повсюдныя жидовки.

41. Оттуда же вывозитъ бѣлорусскій простолюдинъ ситникъ и пирогъ (ситный и пшеничный хлѣбъ), и употребляетъ, какъ ласый кусочекъ.

42. Изъ города, мѣсничка, или мѣстной корчмы получается *силадидова*¹⁾ *жйжка* или *лякз*. Грязная мутная жйжка ста-

¹⁾ селедочная.

вится въ мискѣ на столъ и составляетъ моканіну для хлѣба, сочнѣй, рѣдко — блиновъ. Разумѣется, что послѣ употребленія жйжки или лѣку каждый, мучимый жаждой, то и дѣло пить — не напьется.

43. Внутреннее «яловичиная», свиное и баранье сало — *доръ* — тщательно обирается и *скварица* въ жаркой печи. Разлитое въ миски, или тарелки и застуженное оно даетъ круглые бруски, употребляемые потомъ на разныя надобности: этимъ саломъ воложатъ разныя стрѣвы, кашу, или разогрѣваютъ *дели*¹⁾ *моканыны*. Впрочемъ свиное сало не поддается захолаживанью: оно наливается въ *слбекъ*²⁾ *горнушекъ*³⁾ и оттуда вычерпывается ложкой, по мѣрѣ надобности. Сальные вытопки *скварки*, *шкварки* не выбрасываются, а берегаются дели присмаковъ; въ будничныхъ же случаяхъ скварки замѣняютъ *вологу*; ихъ даютъ дѣтямъ на «лѣсы»⁴⁾. Преимущество предъ другими имѣютъ гусиныя скварки.

44. Всякая *скырымѣтина* берегается въ прокъ соленьемъ. Кромѣ цѣлыхъ лѣтокъ, кунпьяковъ, засаливаются пѣхвы (пѣховыя части), скабки (реберные куски). Ванзѣнку же (копченые окорока) готовятъ немногіе, наиболѣе замѣжные *жйжари* или потершіеся *оѣма* (мимо, около) *пѣнскихъ дворовъ*; у большинства же *лѣтки* и *кунпѣйки* остаются *вяндлиной*, т. е. просолеными и выѣтренными (выѣтвранными). *Вяндлина* берегается въ зерновомъ хлѣбѣ, въ закромахъ. Если эти запасы недостаточно просолены, то скоро пускаютъ *пахъ* (запахъ), а наконецъ обращаются въ *тухлятину*. То же бываетъ и съ свинимъ паружнымъ саломъ, обыкновенно разрѣзываемымъ *скибками*. Кромѣ этого, мяснымъ запасамъ грозятъ *рыбакй* (черви), если животное убито въ тотъ день, въ которомъ встрѣчается буква *р*, напр., вторникъ, среда, четвергъ, или если во время солки, до окончанія ея, солившій вытеръ руки, или отресь ихъ не внутрь, а наружу *свѣзика*.

¹⁾ для. ²⁾ банка. ³⁾ небольшой горшечекъ. ⁴⁾ на лакомство. ⁵⁾ обыватели.

45. Всякая *пиранѡчная*¹⁾ *страва* почитается лучшею, чѣмъ дневная и такую *страву* даютъ *ласунѡмъ*²⁾. *Прокислая* же *страва* отдается собакамъ и свиньямъ. Про эту послѣднюю *страву* обыкновенно говорятъ, что она *просваталася*.

46. *Мочѣники*, т. е. хлѣбныя корки, сухіе кусаники, брошенные въ *страву*, — бываютъ во всякой жидкой *стравѣ* и ихъ ѣдятъ *до-густу* старики и лица съ плохими зубами. *Мочѣники* бросаются въ миску, когда та на столѣ, а не въ горшокъ, иначе прѣсная, напр., *страва* скоро «*присваталася ба*». *Мочѣники* есть такъ сказать частная собственность въ общей мискѣ того, кто ихъ *нытюпѡвъ* туда, и кто захочетъ воспользоваться чужимъ *мочѣникомъ*, тотъ предварительно испрашиваетъ позволенія у его владѣльца.

47. Возрастные, а чаще дѣти ѣдятъ *прѣжинный хлѣбъ*. Обыкновенная *мустка*, или *скибка* хлѣба, помоченная въ квасѣ или водѣ, *трусица* солью и становится въ *чалесникъ* подъ припекъ топящейся въ *развалъ* печки, сначала одной стороною, а потомъ и другою, пока не поджарится.

Я сказалъ о пищѣ все, что могъ удержать въ памяти. Да кажется, другихъ пищевыхъ *вымысловъ* да *выгидовъ* не встрѣчается въ столѣ бѣлорускаго простолюдина, хотя близкіе деревенскіе знакомые увѣряли меня, что недавніе простачки, теперь *готуютъ макарѡну*³⁾, разное *пироженьчики*, покупаютъ къ пирогамъ *разынки* (изюмъ), *мигдалы* и *жѡветая тѡя самѡя*, *што паны ѣ пирѡвъ кладутъ* (шафранъ). Въ то же время бѣлоруссы *облѡсовались* и на латышской кухнѣ, благодаря наплыву и повсюдному размѣщенію латышей въ губерніи. Такъ, отъ нихъ переняли какое-то безымянное кушанье, изъ смѣси селедки, сала, крупы, картофеля и хлѣба съ *присмаками*: все это одновременно кладется въ горшокъ и варится до густоты.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о распредѣленіи ѣды. Когда лѣтнею порой работа *пѣльная*,

1) переночевавшая. 2) лакомкамъ. 3) лапшу.

съѣдобной чередѣ слѣдуютъ приблизительно такъ: пока хозяинъ, или работникъ *сдѣластъ упряжку* (часовъ до семи утра), хозяйка вытопитъ печь и пришлетъ на поле *снѣданне*; послѣ него идетъ вторая упряжка (часовъ до одиннадцати утра), за нею обѣдъ и отдыхъ часовъ до трехъ по полудни, который завершается *пѣлдникомъ*, новой упряжкой до солнечнаго заката, съ коимъ почти одновременно идетъ *вячѣра* (ужинъ). Въ *посницу*, при трудныхъ полевыхъ работахъ, въ продолженіе послѣдней упряжки дѣлаются кратковременныя остановки, въ которыхъ невыпряженная лошадь пощиплетъ скудной травы, а ея хозяинъ тѣмъ временемъ *похлѣситъ* хлѣба. На *хлѣску* идугъ остатки *пѣлдника*. Смотри по разстоянію, пахарь то приходитъ домой, то справляетъ ѣду на полѣ.

Зимнею, осеннею и весеннею порой тѣ же четыре *пѣжи* отправляются дома, при чемъ каждой изъ нихъ сопутствуетъ если не сонъ, такъ лежанье. Съ разсвѣтомъ, какъ только встаютъ, бываетъ *снѣданне*, обѣдъ часовъ въ 11, *пѣлдникъ*, или какъ зимою называютъ его, *пѣдвячѣрокъ* — около трехъ часовъ, и наконецъ, *вячѣра* часовъ въ семь, въ восемь, *при тѣплѣ*!

Разница въ лѣтней и зимней ѣжѣ довольно замѣтная. Лѣтомъ ѣжей служить по большей части одна *страда*, хотя и мѣняющаяся. Такъ, если на *снѣданне* былъ *журъ*, на обѣдѣ будетъ *крупѣня*, на *пѣлдникѣ* — кулѣшъ, на *вячѣру* — клѣцки. Зимой, при большомъ досужествѣ, можно ѣсть двѣ и три *страды* особенно за обѣдомъ; эти *страды* безсмѣнно появляются за каждой ѣжей, такъ что къ *вячѣры* даже *прикрѣютъ*. Особенно же разнятся ѣжи зимняя и лѣтняя во времени: насколько медленна зимняя ѣжа, настолько торопка лѣтняя, про которую обыкновенно сами крестьяне говорятъ: «нѣколи тамъ дѣжа разводѣцца — пыжи-лыбавъ, ды й ладно!».

Б. ОДЕЖДА.

1. Рубашка съ косымъ, низкимъ воротникомъ, или безъ воротника, называется *сорѣйкой*. Если у *сорѣйки* нѣтъ воротника,

то воротъ и шейное отверстіе ея обшиты бываютъ пестрою тесьмой (синія, бѣлыя и красныя нитки въ клѣточки), а подъ мышки вставлены *палики*, квадратные куски кумача, или какой-нибудь цвѣтной *домотканки*. *Сордика* едва доходитъ до колѣнъ и носится на *выпуску*.

2. Рубашка съ большимъ откладнымъ *ковнеромъ* (воротникомъ), съ прорѣзомъ на срединѣ груди, называется *кошулей*, *кошульцый*. Эта рубашка не обшита тесьмою и безъ *паликовъ*. Иногда *ковнеръ* (воротникъ) *кошульцы* стягивается короткими, пришитыми къ концамъ шнурками; чаще же всего онъ имѣетъ съ одной и съ другой стороны обметанныя петли и застегивается *шпóнкой*, или ленточкой, цвѣтнымъ обрѣзомъ матеріи. И эта рубашка едва доходитъ до колѣнъ. Она по большей части вкладывается въ штаны, особенно если таковыми бываютъ *майтки*, а не *портки*, при послѣднихъ она носится на *выпуску*.

3. Холщевые штаны называются *портками*. У *портковъ* нѣтъ кушачной обшивки и держатся они на бедрахъ, при помощи *матузы*¹⁾ или *моторка*²⁾, который стягиваетъ и распускаетъ *портки*, смотря по надобности, подобно тому, какъ это бываетъ въ устьяхъ нѣкоторыхъ мѣшковъ. При неумѣлости деревенскихъ бѣлошвеекъ, въ задней части *портковъ* всегда образуется традиціонный отвислый мѣшечекъ — *гузѣнне*³⁾. *Матузъ* и *гузѣнне* занимаютъ видное мѣсто при леченіи дѣтскихъ болѣзней и болѣзней животныхъ. — *Матузъ* завязывается петлевымъ узломъ спереди и концы его скрываются подъ выпущенною рубашкой. При *горъзахъ* и *жъртахъ* сторонній дергаетъ за конецъ *матузы*: петля его и сборки портковъ распускаются, и они быстро спадаютъ внизъ, ниже колѣнъ.

Съ *майтками* не бываетъ этого: они имѣютъ поясную обшивку и застегиваются или *гузинами*⁴⁾, или *идѣтками* съ петель. Лѣтніе *майтки* шьются изъ цвѣтной *домотканки* (преимущественно синія и бѣлая нитка, иногда желтая и даже красная);

1) Въ слов. Носовича: *матузъ* — шнурокъ вообще, гашинякъ. 2) у Носов: *моторъ* — привязь. 3) задняя часть брюкъ (отъ слова: *гузно*). 4) пуговицами.

зимніе же изъ домотканнаго сукна. Какъ въ *порткахъ*, такъ и въ *майткахъ* дѣлается по одному *кишаню*¹⁾ съ правой стороны; въ *порткахъ*, впрочемъ, рѣже.

4. Выпущенная поверхъ штановъ рубашка *подпирѣзывающа дѣрой*²⁾, *пыясѣмъ*. Для всегда ременная *подперѣзка*; *пыясъ* же бываетъ плетенный изъ цвѣтныхъ сукошныхъ нитокъ, въ смѣси съ *портяными* и заканчивается двумя *кутасами*³⁾.

Такой поясъ называется *плистянкой*, *плиссянкой*. Когда *плистянка* на рубашкѣ, то петля и *кутасы* бываютъ на боку, преимущественно лѣвомъ; на верхней же одеждѣ то и другое приходится на срединѣ. На рубашкѣ поясъ бываетъ ниже живота, тогда какъ на верхней одеждѣ онъ приходится иногда выше середины живота. Кромѣ *плистянки* и *для* на верхней одеждѣ бываетъ покупной шерстяной поясъ, хорошо извѣстный каждому.

5. *Носѣвъ*⁴⁾ есть главная выходная лѣтомъ одежда. *Ковнѣрный носѣвъ*, имѣющій широкій ($2\frac{1}{2}$ вершка) откладной воротникъ, встрѣчается вблизи Витебска и въ западной сторонѣ губерніи; онъ не имѣетъ таліи и *кишанѣвъ*. Въ восточной сторонѣ, около границы Смоленской и Могилевской губерній встрѣчается *носѣвъ безковнѣрный*, причемъ края шейной и грудной части, а также отверстія *кишанѣвъ* обшиты толстымъ (въ мизинецъ) синимъ снуркомъ; надъ *кишанѣмъ* и внизу его дѣлается узорная вышивка изъ того же снурка. Этотъ послѣдній *носѣвъ* шьется въ талію, а у шеи и поясицѣ застегивается на нитяный *кузикъ*, особо изготовляемый крестьянскими портными. *Носѣвъ* бываетъ ослѣпительной бѣлизны; *ковнѣрные* же *носѣвы* бываютъ синіе и съ примѣсью другихъ цвѣтовъ, особенно въ послѣднее время.

6. Что сказано о покроѣ *носѣва*, то же слѣдуетъ сказать о сѣрмягѣ и шубѣ. Въ *безковнѣрныхъ* сѣрмягахъ и шубахъ шей-

¹⁾ карману. ²⁾ подпоясывается ремнемъ. ³⁾ Кутась — висчая кисть изъ нитокъ. Носовичъ. ⁴⁾ произносится чаще *носоу* и вѣроятно отъ глаг. *носить*. По слов. Носовича: *Носѣвъ* «нѣчто въ родѣ рубахи отъ холста, которую крестьяне надѣвають поверхъ одежды для предохраненія ее лѣтомъ отъ дождя, а зимою отъ снѣга».

ная, грудная и карманная обшивки, а равно и пуговики, дѣлаются изъ кожи. Въ *жандиксахъ* (женскихъ) шубахъ на груди и надъ *кишаньями* нашиваются кожаныя вырѣзныя фигурки, узоры — чѣмъ такія шубы и отличаются отъ *муськихъ*.

7. *Носдѣзъ*, сѣрмяга и шуба шьются немного ниже колѣнъ; но тѣ же одежды покороче, значительно выше колѣнъ, называются: *снѣзкомъ*, *сидкомъ*, *исидкомъ*, *подысидкомъ*. Въ этихъ послѣднихъ одеждахъ «*ю люди*» почти не выходятъ — онѣ домашнія одежды; при выходѣ поверхъ нихъ одѣвается другая, выходная одежда.

Зимою поверхъ *носдѣзъ* одѣвается шуба, а на нее сѣрмяга, которая и *подпирѣзываетца пысдѣмъ*. Осенью и весною то подъ *носомъ*, то подъ сѣрмягою бываютъ *снѣзки* и проч.

8. Зимнею и вообще холодною порой руки защищаются рукавицами и *исидтками*; послѣднія одѣваютъ и женщины; *скарпѣтки* (вязаныя перчатки) употребляются исключительно женщинами въ болѣе опояченныхъ уѣздахъ губерніи.

9. Употребленіе *кымизѣлки* (жилетки) замѣчается въ тѣхъ же опояченныхъ уѣздахъ.

10. *Картузъ* — прежде рѣдкостная шапка — теперь кажется вытѣснилъ другія, старосѣвскія шапки: *обловуху*, *брыль* и *марѣлку*; по крайней мѣрѣ, первыя двѣ почти не встрѣчаются теперь. Тяжелая, но теплая *обловуха* дѣлалась домашними шапочниками изъ овчины и покрывалась сукномъ домашняго приготовления. Для большей теплоты *обловуха* подбивалась паклей, или свойлочившейся шерстью. По внѣшнему виду *обловуха* напоминала старинную треуголку съ отрѣзаннымъ, или загнутымъ переднимъ угломъ. На уши и шею спускались отвороты, которые, въ случаѣ ненужности, задирались къ верху, давая *обловухѣ* видъ шапки съ опушкою, и, чтобы отвороты не опадали, стягивались вверху снурками, пришитыми къ наушникамъ. Лѣтъ 30 назадъ я видѣлъ одну такую *обловуху*, которая вѣсила болѣе четырехъ фунтовъ.

11. *Брыль* — темносѣрая войлочная, съ загнутыми полями,

высокая шляпа — встрѣчался въ пограничныхъ съ Смоленскою губер. мѣстахъ. У самаго основанія *брыль* облежала ажурная изъ конскихъ волосъ тесьма, шириною въ вершокъ, и спадала кистью назадъ; въ кисть вплетались крохотные кусочки красного, а иногда синяго сукна. Сколько помню, *брыль* носился зимою и лѣтомъ.

12. О *марелкахъ*, бѣлорусскихъ шляпахъ, достаточно извѣстно. Онѣ попреимуществу изъ бѣлаго войлока, коническія безъ полей, и низкія, плоскодонныя, съ короткими, загнутыми вверхъ полями. Я помню, однако, *марѣлки* табачнаго и сѣраго цвѣтовъ.

13. Въ Лепельскомъ, Дриссенскомъ и Люцынскомъ уѣздахъ иногда встрѣчаются *капельюши* — лѣтнія шляпы изъ соломы, распластанной лозы и рѣчнаго камыша, *ситника*. *Капельюши* носятъ пастухи и вообще мелкота; настоящій *жйхаръ* не одѣваетъ *капельюшу*.

14. Повсюдною лѣтомъ и зимой, въ будни и въ праздникъ, дома и въ людяхъ, обувью служатъ лапти — лыковые и лозовые; хотя и рѣдко встрѣчаются лапти берестовые. Простѣйшіе лапти изъ лозовой и липовой коры, 'наскоро сработанные, называются *кывирзнѣми* (кывирзѣнь, — знѣ). Эти лапти скорѣе будничные, лѣтніе. Лучшій видъ лаптей есть *пыхлопнѣи*. *Пыхлопнѣи* работаютъ на особой колодкѣ, иногда одноножными, съ толстою подошвой изъ пакли. Они имѣютъ видъ глубокихъ башмаковъ и защищаютъ ногу не въ примѣръ лучше *кывирзнѣи*. Какъ *кывирзнѣи*, такъ и *пыхлопнѣи* не одѣваются въ *босонджжу*, а на обернутую въ онучи ногу и придерживаются на ней *обдрами*, *оборками*. Простѣйшія *оборки* бываютъ веревочныя; болѣе же щегольскія — плетеные изъ черныхъ нитокъ длинныя пояса («тятерка ў черныхъ оборкахъ» — та дичь, за которою охотятся деревенскіе ловеласы). У каждаго лаптя одна *оборка*, которая серединой прикрѣпляется къ ушкамъ лаптей, а затѣмъ, перевивая ногу въ подъемѣ и голени, завязывается ниже колѣнъ, разумѣется, поверхъ онучи. Самыя онучи представляютъ квадратный кусокъ холста, или домашняго сукна. Въ болѣе парадныхъ

случаяхъ на каждую ногу идетъ по двѣ онучи: одной обертывается ступня, а другой — голень. — Болѣе короткія *оборки* называются *заборсками*, и отсюда происходитъ ежедневное выраженіе — *зыбырсаѣть лапти*.

15. Зимнею порой вмѣсто онучъ употребляются *панчѡхи* — длинныя, безъ пятокъ чулки, изъ толстыхъ *сучѣныхъ* нитокъ. *Панчѡхи* приготовляются дома на деревянныхъ *пруткахъ*, войлочатся въ домашней ступѣ, послѣ чего онѣ скорѣе похожи на валенки, чѣмъ на суконныя чулки.

16. Зимною же *оѡлинцы* замѣняютъ сапоги, лапти и чулки вмѣстѣ, онѣ приготовляются дома зажими *шапывѡлами* изъ домашней овечьей и козьей шерсти.

17. *Бѡты*, теперь повсюдная обувь, въ воспоминаемое мною время составляли достояніе *замѡжныхъ* людей и пріобрѣтеніе бѡтовъ составляло событіе. Бѡты справлялись почти разъ въ жизни, тщательно береглись и переходили по наслѣдству. Самыми лучшими *бѡтами* считались *осташи*, рыжіе, при чемъ голенища были почти всегда пришивныя къ головкамъ, во всходы которыхъ вшивались клинья, имѣвшіе форму языка. Такіе сапоги назывались *бѡтами съ языками*. Когда *бѡты* изнашивались настолько, что нужно было сооружать другіе *пришвы*, голенища отрѣзывались: оставались *опѡрки*, которые еще долго служили посильную службу, подобно тому, какъ лапотныя *отѡпки*, или *отѡпыши* пока не исчезали наконецъ въ *шумѣтники*¹⁾.

18. *Пастолы* — кожаныя подошвы, замѣняющія лапти, не привились къ повсемѣстному употребленію, хотя и не составляютъ диковины въ западныхъ уѣздахъ губерніи.

19. Безъ различія времени, шея повязывается *красною хусткой*. Это — нервый изъ мужскихъ *прибѡровъ*. Впрочемъ, не въ видѣ прибора, а по необходимости, шея, поверхъ одежды обертывается большою *жанѡцкою хусткой* въ зимнюю пору.

20. Вторымъ *прибѡромъ* слѣдуетъ считать *кылиту*, ножикъ

¹⁾ *Шумѣтникъ*, мѣсто, куда сбрасываютъ выметенный соръ. Никиф.

и *грибенёцъ*, кои отдѣльно привѣшиваются къ поясу, что поверхъ рубашки. *Калитá* — квадратная сумочка, непременно кожаная каждая сторона которой не болѣе $2\frac{1}{2}$ вершковъ. Одной или двумя пришитыми кожаными петлями *калитá* привѣшивается къ поясу, закрывается такою же по величинѣ закрывкой и застегивается на мѣдный *гузикъ*, пришитый къ *калитѣ*. На ней часто можно видѣть до пяти и болѣе *гузиковъ*, всегда гладко отчищенныхъ. *Калита* служитъ для храненія бумажныхъ денегъ, хотя тамъ нерѣдко можно найти и монеты.

21. На томъ же поясѣ, справа отъ *калиты*, въ кожаномъ чехлѣ привѣшивается ножикъ (рѣдко складной), къ черенку котораго привязанъ однимъ концомъ узкій ремень, длиною въ аршинъ; другой конецъ ремня привязывается къ поясу. Такой ножикъ служитъ для разныхъ *справъ* въ любомъ мѣстѣ; имъ щепаются лучина, дѣлаются зубья въ грабли, *скребѣцца бѹльба* (чистится картофель), чинится упряжь, рѣжется *животина*, хлѣбъ и проч.

22. Слева отъ *калиты* на короткомъ *рамушкѣ* (ремешкѣ) виситъ мѣдный *грибинёцъ*, имѣющій, разумѣется, единственное исключительное назначеніе.

23. Кромѣ указанныхъ трехъ приборовъ *курицъ* (т. е. курящіе табакъ) носятъ на томъ же поясѣ *пѣпку*¹⁾ и *капшукъ*. Иногда они только засовываются подъ поясъ. Чаше же всего *пѣпка* и *капшукъ* кладутся за пазуху къ голому тѣлу (дома), или въ *кишенъ* (внѣ дома). *Пѣпка* бываетъ съ гнутымъ *цубукомъ*, съ *чѣстикомъ* (согнутая металлическая спица); *пѣпка* и *чѣстикъ* привязываются къ *цубукѣ* тоненькими ремешками, чтобы не потерялись. *Капшукъ* — мѣшечекъ изъ цвѣтной матеріи — служитъ для храненія табака, кремешка, трута и кресиwa, или же *сарничекъ*.²⁾ Въ *капшукѣ* нерѣдко можно найти и деньги.

24. *Нюхачи* носятъ табакерки и рожки съ *табакой*, то *у кишаню*, то *зыпазушишу*, то *у носовицъ* подъ поясомъ.

¹⁾ пѣпка — трубка для куренія табаку. ²⁾ спичекъ.

25. Для ношенія денегъ употребляется *мошонка* — холщовый мѣшокъ, домашнимъ образомъ спитый. *Мошонка* носится преимущественно на груди, но иногда кладется въ *кишѣнь* и въ голенище. При *мошонкѣ* на груди, а чаще при тѣльномъ крестѣ виситъ мѣдная *калѹпка* (видъ ложечки) для извлеченія ушной сѣры.

26. При путевыхъ *спрѣвахъ* необходимымъ дополненіемъ служить: *хотулъ* ¹⁾, *тѣрба* и *кошѣль*. Первый (большой холстинный мѣшокъ) служить для складки дорожнаго добра — бѣлья, инструментовъ и проч.; другіе же для храненія съѣстныхъ запасовъ, при чемъ *кошѣль* имѣетъ полное преимущество передъ *тѣрбой*, такъ какъ съѣстные запасы въ немъ не мнутся. *Кошѣль* дѣлается изъ лыка и бересты, непременно съ крышкою, и носится черезъ плечо за спиною на веревкѣ, поясѣ и ремнѣ.

Жандикая одежда, обувь и приборы.

27. Женская рубашка бываетъ *ковнѣрная* и безъ *ковнѣра*. *Ковнѣрная* рубашка шьется съ широкимъ и узкимъ воротникомъ, который бываетъ всегда откладной и застегивается *шнѣлкой*, лентой, или обрѣзкомъ цвѣтной матеріи. Эта рубашка имѣетъ *палики*, въ видѣ наплечныхъ нашивокъ *крѣмной* (лавочной) матеріи, или холщевой цвѣтной *домоткѣнки*. Въ остальномъ женская рубашка совершенно сходна съ мужскою и отличается отъ нея развѣ только длиною ниже колѣнъ и пожалуй тѣмъ, что въ расчетливомъ хозяйствѣ женскія рубашки шьются двусоставными: грудь, рукава и спина изъ тонкаго *кѹжелю*, или *поркѣлю*, а остальная часть ея изъ толстой *пѣчеси* ²⁾. Безковнѣрная рубашка имѣетъ ту особенность, что стягивается на шеѣ снуркомъ, подобно тому, какъ мужскіе *портки съ матузѣмъ*. Эту послѣднюю рубашку, по преимуществу, носятъ незамужнія женщины, или женщины, не имѣющія грудныхъ дѣтей. Что же касается рукавовъ женской рубашки, то они бываютъ почти всегда по длинѣ руки и въ *ковнѣрныхъ* рубашкахъ заканчиваются воротничкомъ съ нашивкою, одинаковою съ *паликами*.

¹⁾ по словарю Носовича: *хотулъ*: кошель или нищенская сума. ²⁾ у Носовича — *пачески*, *почеси* — хлопокъ, остающійся при чесаніи льна.

28. Хотя въ общежитіи *сподніцей* и называется всякая юбка, но исключительное названіе *сподніцы* принадлежитъ бѣлой холстинной юбкѣ, которая бываетъ *кружельная* и *пачесная*. Иногда подолъ *сподніцы* имѣетъ красную, или узорчатую тесьму, которая шьется одновременно съ холстомъ, а не нашивается.

29. Та же набивная юбка называется *набойкой*, гдѣ по сипему полю идутъ набивные бѣлые цвѣтки и узоры. *Набойчатая сподніца* есть простѣйшая выходная юбка.

30. Синяя, красная и бѣлая нитки, сотканныя въ полоски, даютъ цвѣтной холстъ исключительно на юбки. Если эти нитки *пóртовыя* (льняныя), то юбка будетъ называться *саяномъ*, если же въ перемежку съ суконными—*дрылихомъ*. *Саянъ* носится преимущественно лѣтнею порой, *дрылихъ*—зимнею. Въ той и другой юбкѣ дѣлается вставной спереди *фартухъ*—кусокъ холста отъ поясницы до колѣнъ почти и вершковъ въ 10 шириною. *Набойка*, *саянъ* и *дрылихъ* имѣютъ *пыднадолыкъ*—узкую полосу холста, вершка въ 2, подшитую къ оконечности подола съ *подысподди*. *Саянъ* и *дрылихъ* держатся на поясницѣ при помощи *іафтыкъ* и *іаплюкѣвъ*, *сподніца* же—на тесемкахъ изъ холста, или нитяныхъ *пистѣйчакхъ*, въ видѣ пояса.

31. *Кітликъ* или *шнурѣвка*—родъ корсета, имѣющаго, подобно жилеткѣ, полную спинку и плечи, безъ воротника. *Кітликъ* дѣлался изъ парчи, бархата и яркаго цвѣта сукна, *у-оо-блѣнку*, съ кишечной обкладкой вокругъ нижней части,—что напоминало колбасу вокругъ талии,—и туго застегивался по срединѣ груди *іафтыками* и *іаплюкѣми*. *Кітликъ* справлялся одинъ разъ въ дѣвической жизни и потомъ, по выходѣ въ замужество, лишь донашивался. Видѣть новый *кітликъ* на старухѣ было такъ же странно, какъ и видѣть шапку на головѣ женщины.

32. вмѣстѣ съ *кітликомъ* дѣвушки носили парчевой вѣнокъ, который представлялъ изъ себя стѣнки маленькаго сита безъ сѣтки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти ситовыя стѣнки на самомъ дѣлѣ служили основою вѣнка и обкладывались парчей снаружи, а другой матеріей внутри. Для той же надобности употреблялся

лубокъ, береста и сахарная бумага. Вѣнокъ ничѣмъ не поддерживался на головѣ, и открывалъ *макушку* послѣдней; изъ подъ него спадала на спину дѣвическая коса съ вплетенными въ конецъ ея лентами, или кусками цвѣтной матеріи. Когда та же дѣвушка являлась къ вѣнчанію, какъ *княгиня*¹⁾, вѣнокъ обильно украшался яркими лентами вокругъ; вмѣстѣ съ косой, или расплетенными волосами, такія же ленты спускались на спину. Послѣ свадьбы вѣнокъ или отдавался въ стороннее пользованіе, или складывался въ скриню на память.

Умершія дѣвушки погребались непременно въ вѣнкахъ, часто съ *княгинными приборами*.

33. Близкое сходство съ вѣнкомъ имѣетъ *намѣтка*, или *обмѣтка*, употребляемая пожилыми замужними женщинами. *Намѣтка* дѣлается изъ бѣлаго коленкора, по мѣрѣ головы, съ закрытымъ дномъ и двумя широкими пришитыми полосами спускается позади въ стороны.

34. Какъ вѣнокъ, такъ и *намѣтка* служатъ праздничными головными нарядами. Въ будничной и, пожалуй, бѣдной жизни головнымъ уборомъ служитъ *хустка*²⁾, то *крáмная*, то домотканная.

Бѣлая *хустка* непременно окаймляется красными (въ утѣкѣ) нитками, а иногда и бахромой; *хустка* одной матеріи съ *саймомъ* часто не имѣетъ каймы. При выходѣ *ѣ-люди* голова украшается обязательно двумя *хустками*; одна изъ нихъ, сложенная треугольникомъ, накладывается на голову и связывается на затылкѣ, причѣмъ концы идутъ врозь; другая, сложенная такимъ же образомъ, накидывается на голову послѣ верхней одежды; при чемъ концы *хустки* иногда перевязываются подъ подбородкомъ. Во время зимняго пути голова и шея обвязываются третью *хусткой*, гораздо большею, чѣмъ двѣ предыдущія.

35. Замужнія и вообще пожилыя женщины непосредственно на голову одѣваютъ *чапѣизъ*, или *коптіуръ*, не только при выходѣ *ѣ-люди*, но и на ночь дома.

¹⁾ Княгиня — т. е. невѣста.   ²⁾ платокъ.

36. При выходѣ *ў-люди* каждая женщина держитъ въ рукахъ свернутый небольшой платокъ, часто *хустку*, называемую *шмоткой*, *шмотчійкой*. Трудно съ точностію указать назначеніе *шмотки*. Мнѣ думается, что она служитъ для того, «абы́ што было ў рукахъ». Когда женщина, особенно дѣвушка, слышитъ что нибудь *сорóнное ў грыва́ди* ¹⁾, то она прикрываетъ ею лицо, чтобы скрыть смущеніе. Другого употребленія *шмотки* я не помню, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда парень и дѣвушка идутъ вмѣстѣ, *пóплычъ*: тогда парень держитъ одинъ конецъ *шмотки*, а хозяйка ея другой.

37. Совершенно иное дѣло — *шмотка за плечами*. Въ дорогѣ женщины не несутъ ни *тóрбочки*, ни *кошеля́*. Свои путевые съѣстные запасы онѣ складываютъ въ средину платка, завертываютъ двумя концами, двумя же свободными завязываютъ *шмотку* на груди, причемъ *шмотка* лежитъ на спинѣ наискось: одинъ конецъ проходитъ чрезъ правое плечо, а другой подъ лѣвой пахой.

38. Обувью для женщинъ служатъ тѣ же лапти и *обóры* съ онучами, что и у мужчинъ. Разумѣется, что *замóжныя* ²⁾ *жóнки* не носятъ лаптей, а *чераві́ки*, или *бóты*, которые предпочитаютъ *чераві́камъ*. Но современные *жóнцы* носятъ *чераві́ки со скрі́помъ, красные*. Матери и бабки этихъ *жóнокъ* носили *чераві́ки*, отличавшіеся отъ лаптей тѣмъ, что сработаны были изъ кожи. У такихъ *чераві́ковъ*, какъ и у лаптей, были пришивные усики для *оборковъ*, которыми нога перевивалась точно такъ же, какъ и при лаптяхъ.

39. Верхняя *жанді́кая одежда* не имѣетъ рѣзкой разницы отъ мужской, за исключеніемъ шубныхъ украшеній, — о чемъ сказано выше, — а потому всякая верхняя одежда одинаково употребляется и мужчиною и женщиной. Правда, верхняя одежда женщинъ сравнительно длиннѣе и доходитъ почти до пятъ, тогда какъ мужская едва ниже колѣнъ. Правда также и то, что въ верхней женской одеждѣ преобладаетъ кафтанный покрóй.

¹⁾ Въ обществѣ.   ²⁾ зажиточныя.

40. *Жанóцкими приборáми* (насмѣшливая поговорка: «лапти да обóры усѣ еѣ приборá») служатъ: *истúжски* и *похúстки*. *Истúжской* называется всякая лента, гдѣ-бы она ни употреблялась — въ вѣнкѣ, въ косѣ, въ *ковнерѣ*¹⁾; *похúсткой* же называется, при томъ же употребленіи, обрѣзокъ цвѣтной матеріи, кромка ея. Чѣмъ ярче и пестрѣе *истúжка* и *похúстка*, тѣмъ онѣ цѣннѣе.

41. Кромѣ *истúжекъ* и *похúстокъ* приборами служатъ: *кра́ли*, *серыи* и *пярсыцѣнки*²⁾. *Серыи* и *пярсыцѣнки* по большей части мѣдныя, у богатыхъ, — *серебряныя*. Что же касается *краля* (коралгъ?), то онѣ бывають различныя: *бруштýнъ* (янтарь), *зѣмчугъ*, *гарнáты*, *кывавáя мáтица*, — въ одинъ, два и болѣе снурка. Всѣ *крали*, какъ и другіе *приборы*, не *чужды жднцы* во всѣ періоды ея жизни.

Заключая далеко неполное описаніе одежды, я считаю умѣстнымъ отмѣтить, что нижняя одежда — рубашка, портки, юбки, платки, онучи называются *блáзной*. Къ *блáзнѣ* нужно причислить: *прысти́рдлы* (простыни), *скáтирки*, *убрусы* и *ручникіи* (полотенца). Вся же верхняя одежда въ совокупности называется *лайно́*, *ланнѣ*.

За неимѣніемъ сѣнниковъ, подушекъ и одѣялъ (кóлдра) верхняя одежда идетъ подъ бокъ, подъ изголовье и на покрышку во время сна (поговорка: «што ў косьцѣли, то и ў посьцѣли»).

Отъ такого повсюднаго и неустаннаго употребленія одежда скоро изнашивается. Нельзя сказать, что и *блáзна* бываетъ долговѣчнѣе при черномъ трудѣ. То тамъ, то сямъ образуются *дрáнты-брáнты*³⁾, *шарпотте* (отвислые надорванные куски): хозяйка перебирая въ своемъ складѣ разное *трантѣ*⁴⁾, и найдя подходящія *скупáття*⁵⁾, откладываетъ ихъ на *лáпки*⁶⁾. Когда же одежда доносилась до того, что *ризь рыззю пышибаить*, ее причисляютъ къ *старíзни* и употребляютъ на черныя надобности: покрываютъ скоть, подстилають подъ ноги, покрываютъ

1) Въ воротникѣ. 2) кольца. 3) тряпки, рубище. 4) рвать. 5) клочки. 6) лоскутки для заплаты одежды.

дежки, горшки и проч., пока кочующій тряпичникъ не избавить дома отъ разной *старізы*, въ обмѣнъ на иголки, *шпильки*, кольца, крали, тесемки, нитки и проч.

Всякая запасливая хозяйка и вообще женщина хранить разное *тряпье* и *тряпички* въ небольшихъ *ванзѣлькахъ* (узелкахъ): «а можетъ быть къ чему нибудь пригодится». Въ досужіе святочные часы она перебираетъ это *тряпье* и *ветошь*, часто съ досужею сосѣдкой; всякая *пыдрыбязина*¹⁾ даетъ поводъ и тему для разговора, когда онъ сошелъ раньше на нѣтъ. Для *текавыхъ* же *блѣзновъ* такой переборъ и пересмотръ составляетъ истинный праздникъ, особенно если въ ихъ распоряженіе поступить та, или другая *тряпичка*.

Составляя частную собственность, *пыдрыбязны ванзѣлки*, вмѣстѣ съ *бязізной* и *маннѣмъ*, хранятся въ собственномъ *кубѣ*, или *скрынѣ*. Какъ только дѣвушка *пыдбираица* подѣ *кынягину*, родители даютъ ей отдѣльный *кубелъ*, или *скрыню*, куда она и начинаетъ скоплять приданое: холстъ, нитки, полотенца, пояса и проч., преимущественно собственного производства и рукодѣлья. Мужчины, разумѣется, не имѣютъ *кубловъ*, хотя имѣютъ *скрыни*: ихъ *бязізна* покоится то въ маткиныхъ, то въ жениныхъ *схóвохъ*; одежда же виситъ на стѣнѣ, или лежитъ на *полѣ* (нары) и *полáтяхъ*. *Скрыня* предназначается у мужчинъ для болѣе важныхъ *схóвохъ*: денегъ, закладныхъ вещей, мелкихъ инструментовъ, предметовъ упряжи, *шыллехъ* да *копыллехъ*, разнообразныхъ *цвячковъ* и проч. Особенно богаты ими *дядóвскіи скрыни*, или же *скрыни* старыхъ *батѣхъ*.

Дяды и *батѣкы* не перебираютъ однако своего *скарбу* отъ нечего дѣлать, подобно *жóнкамъ*, а открываютъ ихъ въ серіозныхъ только случаяхъ, когда нужно исправить, напр., упряжь, вколотить куда-нибудь завѣтный, залежавшійся гвоздь, достать деньги. *Текавыи блѣзны* не подходятъ близко къ такой *скрынѣ* изъ опасенія получить *лискача*, *а́льбо лопуні* отъ угрюмаго

¹⁾ Мелочь, лохмотья.

дѣда, или батьки, а только издали *текають* на скрытое въ *скрытъ добро*.

Благодаря новому строю жизни, *старосѣвская одѣжа*, *обутте* и *прибѣры* почти исчезаютъ даже въ захолустныхъ мѣстахъ. Такъ, *спиньжакъ* вытѣсняетъ *носовъ* и *сѣрмягу*, *дублѣнка*—шубу, дешевый *картузъ*—*марѣлку*, *брыль* и *обловѣху*, бутылочные сапоги со скрипомъ—*боты-осташі* и лапти—*пыхлонні*, яркій гарусный шарфъ, безсмѣнный на шеѣ лѣтомъ и зимой—легкую *домоткинскую хустѣлку*. То же, въ особенности, замѣтно въ женскихъ костюмахъ: *крамная* юбка съ кофтой смѣняетъ *сайны*, *дрылихи* и *китлики*, шелковый платокъ на головѣ—*дявоцкіи вянки*, которые при вѣнчаніи замѣняются лавочными вѣнчальными цвѣтами на головѣ, башмаки на высокихъ подборахъ со скрипомъ—*бабинскіе чиравоіки съ оборками* и проч. Вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ разныя *мошонки*, *кылиты*, удобно занимаемыя дешевыми *пуртумами*.

И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли *корпѣть* и *горбѣть* надъ тканьемъ *хустки*, *сайна* и *дрылиха*, или надъ сооруженіемъ *мошонки* и *кылиты*, когда въ любомъ городѣ и мѣстечкѣ лавки полны дешевыхъ платковъ, ситцевъ и кошельковъ? И все это на перебой дешево!

Въ храмовые праздники въ церкви, въ *кирмашные дни* на *кирмашѣ*, при *вясѣліяхъ*, и вообще, когда бываетъ *сбой народу*, уже нельзя увидѣть теперь сплошной бѣлой стѣны, образуемой *носовами*, *намѣтками*, *хустками*, бѣлыми шубами, бѣлыми сѣрмягами,—теперь эта стѣна дѣлается *стракатою*, *пялѣсою*, и въ ней, какъ отчужденные, только мелькаютъ, а не преобладаютъ бѣлая одежда.

Порядокъ дня и дневныя занятія.

Зимній день.

Съ послѣдними пѣтухами стряпуха встаетъ, наскоро умывается и раскладываетъ въ печи огонь. Пока разгорятся дрова она наливаетъ горшки, ставитъ ихъ въ печь и принимается

за чистку картофеля, для чего въ пособничество приглашается кто-нибудь, преимущественно «молочанка» (работница), или наемный пастухъ,—моетъ крупу и проч., словомъ, дѣлаетъ всѣ приготовления къ предстоящей стряпнѣ. Если изба курная, то забавно видѣть, какъ старики, дѣти и всѣ семьяне, помѣщавшіеся на печи и на полатяхъ, долго крѣпившіеся на своихъ теплыхъ мѣстахъ, послѣ перваго дыма, съ увеличеніемъ послѣдняго, схватываютъ свои шубы и армяки и спускаются на такъ называемый «полъ» — досчатую постилку подъ полатами —, и тутъ нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ сонъ, иные же только «вылеживаются», т. е., говоря другими словами, нѣжатся. Каждый разъ при такихъ передвиженіяхъ кто-нибудь скажетъ: «авой ужъ зыкурѣла!» Хозяинъ же въ сотый разъ повторитъ: «надо будить робиць кóминъ (трубу)». Стряпня идетъ. Стряпуха кладетъ приправу въ горшки, не вынимая ихъ изъ печи, а при помощи «полóника» — большой ложки съ длинной рукояткой; часто горшки не вынимаются изъ печи до окончанія стряпни. По мѣрѣ приближенія конца стряпни, все поднимается на ноги, моется, чешется «щетями» изъ свиныхъ волосъ, домашняго изготовленія, и молится. Дѣти, закутавшись въ шубы, сидятъ или лежатъ на «полу», куда ихъ перенесли, или же сами они перешли съ полатей, до тѣхъ поръ, пока не усядутся за столъ. Наиболее малымъ при пробужденіи дается кусокъ хлѣба, который они ѣдятъ сидя или лежа на «полу». Во время топки печи въ избу вводится недавно отелившаяся корова, кормится здѣсь мякиной или «вотриной», которая состоитъ изъ пустыхъ колосевъ ржи, ячменя и т. под., отдѣляющихся при молотбѣ; здѣсь же корова и выдѣивается. Не только ребятишки, но часто и возрастные мочатъ своею мочою коровій кормъ. Кончивъ свое дѣло, стряпуха кладетъ на столъ ложки и ставитъ миску съ кушаньемъ, семьяне вспласкиваютъ снова руки водою, вытираютъ ихъ, крестятся и усаживаются за столъ, каждый на свое, разъ опредѣленное мѣсто. Въ это время дѣти оставляютъ свои мѣста на «полу» и по лавкѣ переходятъ къ столу. Хлѣбъ рѣжетъ хозяинъ и вручаетъ каж-

дому члену порознь: большимъ «скибки» (большія порціи), а малымъ «лустки» (тонкія порціи). При ѣдѣ хлѣба потребляется больше, чѣмъ «варива» (кушанья), особенно за первымъ блюдомъ. Если кушанье съ саломъ, то хозяйка предварительпо вынимаетъ его изъ горшка, толчетъ въ пустой чашкѣ особымъ деревяннымъ толкачемъ и потомъ наливаетъ сюда кушанье, если же кушанье съ мясомъ, то оно выкладывается на тарелку, гдѣ рѣжется на маленькіе кусочки, или самимъ хозяиномъ, или, по его порученію, кѣмъ-нибудь изъ застольниковъ. Кости и хрящи отдаются дѣтямъ. Мясо придерживается рукою, а ножомъ въ другой разрѣзывается. Вся семья въ это время сидитъ молча и внимательно слѣдитъ за работой *закройщика*, который, кончивъ свое дѣло, тщательно вылизываетъ ножъ и пальцы, вытираетъ ихъ о волосы и рубашку. Затѣмъ онъ поднимаетъ тарелку надъ чашкой и сбрасываетъ туда разрѣзанное мясо, при помощи ложки, которою счищаетъ и тарелку. Часто бываетъ, что дѣти въ это время успѣютъ поссориться; ихъ не бьютъ, какъ въ обычное время, ладонью, кулакомъ, поясомъ, а ложкой по головѣ; та же расправа бываетъ и съ другими, напр. съ женой у мужа. Бѣлоруссъ не торопится ѣдой. Откусивъ хлѣба и положивъ въ ротъ ложку «варива», кушающій кладетъ ложку на столъ, долго жуетъ пищу и уже проглотивъ пережеванное, онъ снова берется за ложку и хлѣбъ. При окончаніи одного блюда ложку тщательно вылизываютъ, а не обмываютъ и не вытираютъ для другого блюда. Заслуживаетъ вниманіе то высокое уваженіе, которое крестьянинъ питаетъ къ хлѣбнымъ даже крошкамъ. Упадетъ напр. малenkій кусочекъ хлѣба на полъ, крестьянинъ тотчасъ его поднимаетъ и пажбно цѣлуетъ, говоря: «прости Божухна!» Эта первая ѣда, называемая «сидання», продолжается три четверти часа и болѣе и приспособляется по времени такъ, что конецъ его совпадаетъ съ разсвѣтомъ. За «сиданнимъ» почти всегда рѣшаются работы и время препровожденія дня каждаго изъ членовъ семьи. «Ну хула табѣ Господи!» произноситъ хозяинъ, крестить мѣсто, гдѣ лежала, его «скибка», потомъ себя и встаетъ. То же дѣлаетъ и вся семья.

Мущины одѣваются и уходятъ изъ избы подать кормъ скоту, поить его, рубить дрова и проч.; женщины же, разумѣется, остаются дома и принимаются за прялки. Но стряпуха примется за это не прежде, какъ убравъ со стола и накормивъ свиней, въ избѣ же, гдѣ имъ запаряна мякина еще при стряпнѣ. И только послѣ этого она садится за прялицу отдыхать. Ребятишки, называемые «блѣзнами», отправляются въ деревню иногда босикомъ и въ одной рубашкѣ, и заигрываются тамъ съ сверстниками до вечера, пользуясь сосѣдскими харчами. О «блѣзнахъ» дома обыкновенно мало беспокоятся. Около одиннадцати часовъ семья собирается къ обѣду, за которымъ подается почти все то, что подавалось за «снѣданнимъ» и за которымъ семья ѣстъ и съ одинаковымъ аппетитомъ, и съ одинаковою медлительностью. При менѣе спѣшныхъ работахъ, а въ особенности въ праздничный день, мущины ложатся отдохнуть часа на два, на три, потомъ справятъ какую нибудь работу и около трехъ часовъ «попдничаютъ», т. е. кушаютъ одно или два блюда изъ приготовленныхъ на день. Время до наступленія вечера проводится въ рубкѣ и расколкѣ дровъ, въ водопой скота, въ дачѣ ему корма и другихъ надворныхъ работахъ. Съ наступленіемъ вечера мущины забираются въ избы и, среди семейнаго гама, то щѣпаютъ лучину, то вьютъ веревки, то плетутъ лапти и корзины, исправляютъ упряжь, перекидываясь словами съ остальными членами семьи. Женщины дѣлаютъ одну и ту же работу: съ ранняго утра прядутъ. Сплошь да рядомъ случается, что съ наступленіемъ сумерекъ женщины, каждая со своею прялкою, приходятъ одна къ другой въ «посидѣлки». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ гамъ въ избѣ невообразимый, какъ потому, что каждая женщина старается поскорѣе подѣлиться съ сосѣдкой своими текущими дѣлами, такъ еще болѣе потому, что бѣлорусскія женщины не умѣютъ говорить тихо, сдержанно. Слушая всю эту болтовню, соскучивъ непониманіемъ дѣла, хозяйникъ сплунетъ и потребуетъ «вечѣри». Скажи онъ это часомъ позже, болтовня все бы продолжалась и ни одна изъ гостей не подумала бы про домъ; между тѣмъ, какъ теперь сразу у всѣхъ

является потребность отправиться домой, потому, что тамъ «ждутъ» ее. На посидѣлкахъ ничѣмъ не угощаютъ, кромѣ орѣховъ, и то, если они имѣются. Дѣвушки не принимаютъ участіе въ обычной болтовнѣ «молодухъ», за то въ пѣсняхъ онѣ не уступятъ остальнымъ. «Посидѣлки», кромѣ рабочихъ цѣлей, въ Витебскомъ уѣздѣ ничего другаго не имѣютъ.

«Вечѣряетъ» семья остатками дневныхъ кушаній, не отступая отъ программы предыдущей ѣды. За недостаткомъ кушаній семья обходится и хлѣбомъ, что случается рѣдко, такъ какъ стряпуха готовитъ каждый разъ въ достаточномъ количествѣ. Послѣ вечерни всѣ размѣщаются по своимъ мѣстамъ для сна; женщины, впрочемъ, иногда продолжаютъ свою прядильную работу.

Приблизительно такимъ образомъ проводится зимній день бѣлорускаго крестьянина въ своемъ обычномъ теченіи, при полномъ составѣ членовъ семьи.

ЛѢТНІЙ ДЕНЬ.

Тотъ же крестьянинъ, который обнаруживаетъ зимою медлительность въ ѣдѣ, и пожалуй даже въ работѣ, лѣтомъ не таковъ. Переночуя въ сараѣ, или на ночлегѣ, подъ овчинымъ тулупомъ, при первомъ разсвѣтѣ оставляетъ постель, моетъ лицо чѣмъ ни попало, даже росой и, прихвативъ нужное для работы отправляется въ поле. Тамъ онъ работаетъ на тощій желудокъ и только чрезъ часа три, когда ему принесутъ кушать, останавливается, поспѣшно ѣстъ и снова принимается за работу, вплоть часовъ до 11, когда ему вторично принесутъ обѣдъ. За обѣдомъ онъ сидитъ дольше и кушаетъ медленнѣе, потому что въ эту пору дня трудно работать. Послѣ обѣда, выбравъ тѣнь, онъ отдыхаетъ часа два, потомъ «полуднуить» и снова работаетъ до солнечнаго захода, съ которымъ спѣшить домой «повечерить» и заснуть. Такъ проводитъ свой день крестьянинъ, когда работаетъ для себя; не то конечно бываетъ, если тотъ же крестьянинъ работаетъ по найму: тутъ онъ ведетъ себя по зимнему.

Три раза въ день бѣлоруссы ѣсть въ полѣ. Для этого приспособлена особая посудина, называемая «кубликомъ». Посудина эта деревянная, съ крышкой, у которой придѣлана задвижка въ ушки «кублика» и ручка. Въ кубликѣ носится только жидкая пища. Кубликъ не вмѣщаетъ больше полуторныхъ гарнцевъ.

Сообщ. Н. Я. Никифоровскій.

ОПИСАНІЕ

быта Бѣлоруссовъ.

в) Гродненской губерніи и уѣзда Лашинскаго прихода.

А. Жилище.

Крестьяне Гродненскаго уѣзда, по искони вкоренившемуся обыкновенію, деревни свои называютъ *сѣлами*, а иногда *вѣсками*. Если незнакомый съ мѣстностью спроситъ встрѣчнаго туземца: «зъ якой вы (или ты) *дзярэўни*?» или: «какъ называется эта деревня?» то вопрошаемый хотя и отвѣтитъ вопросительно же, но прежде окинетъ его съ ногъ до головы удивленнымъ взглядомъ и въ свою очередь спроситъ: «мусиць, чаловѣчку, вы (или ты) *расейскій*, што пытаѣцесь не по нашему, а говѣрыце: «зъ якой *дзярэўни*?» И когда тотъ скажетъ: «не, я тутэйши, Воўковыскаго уѣзда, Луцянскай *парахві* ¹⁾, туюлько говорю крыху ²⁾ ина́чай, бо ў москалёў ³⁾ быў 10 (или 15) рокоў», то туземецъ зачастую замѣтитъ: «А дальбо! я таки думаў по одзѣ́нни и съ твару ⁴⁾ выглядывае бы на нашаго тутэйшаго чаловѣка, а гўторка ⁵⁾ уже не наша. Божа ты ласкавы! што гэта значыць быць ў москалёў: побыў 10 рокоў и зусимъ языкъ зломаў свой».

Деревни свои крестьяне Гродненской губерніи строятъ большей частью вблизи какой-либо рѣки или рѣченки и въ рѣдкихъ случаяхъ—при источникѣ. Колодцы рѣдко только встрѣчаются,

¹⁾ Т. е. прихода. ²⁾ не много. ³⁾ въ солдатахъ, у русскихъ. ⁴⁾ По одеждѣ и лицу. ⁵⁾ говоръ, произношеніе.

а гдѣ они есть, то заурядъ принадлежать зажиточнымъ только хозяевамъ, которые въ дореформенное время были въ помѣщичьихъ имѣніяхъ *цигунами*, войтами и т. п. Сажалокъ крестьяне никогда не копаютъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ находятся довольно значительныя лужи, въ которыхъ вода (за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ) въ продолженіи года бываетъ въ изобиліи и которыя во время ихъ высыханія лѣтомъ весьма не трудно было превратить въ пруды и сажалки, но крестьяне наши весьма равнодушно относятся къ такого рода насущной потребности, какъ чистая вода для здоровья, и на дѣланныя имъ замѣчанія на этотъ счетъ со стороны священника или другого какого-либо вліятельнаго лица, обыкновенно отвѣчаютъ: «Атъ! пережили наши дѣды и бацьке, не копали сажалокъ, — переживемо и мы. Не трѣба лишней работы».

Деревни бѣлорусскія Гродненской губерніи хотя и строятся безъ всякаго предварительнаго плана, но однако съ соблюденіемъ нѣкоторой симметріи. Онѣ обыкновенно бываютъ отъ 10 хатъ или посадъ до 100 и болѣе и всегда въ рядъ, въ одну линію или улицу, но такъ, чтобы одинъ домъ отъ другого находился на одинаковомъ разстояніи.

Въ Гродненской губерніи и уѣздѣ есть много деревень шляхетскихъ, которыя населяющая ихъ шляхта иначе не называется, какъ *околицами*. Околицы эти въ Гродненскомъ уѣздѣ начинаются съ 3-ей версты отъ села Лаши, на востокъ и югъ, гдѣ самыя плодородныя поля, гдѣ напр. урожай пшеницы бываетъ часто самъ 20 и 30. Въ околицахъ этихъ бываетъ отъ 12 до 80 домовъ, но расположены эти дома безалаберно. Въѣхать въ такую околицу можетъ только тотъ, кто бывалъ уже тамъ прежде не менѣе 10 разъ. Издали околица высматриваетъ мѣстечкомъ, но въѣздъ въ нее не скоро найдешь. Такъ напримѣръ съ правой стороны стоитъ домъ, сарай, съ лѣвой — хлѣвъ, насупротивъ — хлѣвъ другого пана шляхтича. За этимъ хлѣвомъ опять домъ, который окруженъ хлѣвами сосѣдей, а этого шляхтича — хлѣвъ и сарай за сосѣдними хлѣвами. Здѣсь опять домъ, окно

котораго заслоняется хлѣвомъ сосѣда и т. д. Если незнакомый прохожій спросить обитателя такой околицы: «Якѡя гѣто сялѡ?»,—то мой панъ шляхчицъ сочтетъ такой вопросъ за обиду и отвѣтитъ (если крестьянину): «Якѡя табѣ сяло? Муси тобѣ очи выперло? Ци ты ни бачишь, што гѣто окѡлица?». Такъ и мнѣ однажды (въ 1885 году) случилось проѣзжать около околицы Пѣкелки (на разстояніи 9 верстъ отъ Лаши), названія которой я не зналъ. И когда я спросилъ у проходившаго по дорогѣ шляхтича: какъ называется это село, то я получилъ въ отвѣтъ: «Копыто!. Тѣнъ глуны, хто пыта!». Словомъ, шляхтичъ никогда не отвѣтитъ какъ слѣдуетъ, если его спросятъ, какъ зовется его село или деревня. Въ упомянутыхъ мѣстностяхъ около 70 околицъ, въ которыхъ нѣтъ ни одного крестьянскаго дома. Обитатели этихъ околицъ поселены тутъ, вѣроятно, во дни владычества польскихъ королей, при соединеніи великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Приводимъ нѣкоторые названія изъ числа этихъ околицъ: Занѣвичи, Станѣвичи, Пѣколка, Юхнѣвичи, Эйсмонты малыя, Эйсмонты вѣльке, Петровичи и т. д. Поселянъ этихъ мѣстностей крестьяне называютъ *крупниками* и *бохоновой шляхтой*. Шляхта же въ свою очередь, при ругнѣ, обзываетъ крестьянъ *хамами*: «што ты, хѣме, вероўка, рѣкрутъ! Ци ты вѣдаешъ, што шляхтичъ хоць сѣдзиць на огрѡдзѣ, але роўны воевѡдзѣ». Но послѣ мятежа шляхта сбавила свою спесь и нѣсколько пріутихла, такъ какъ почти половина изъ нихъ не могла доказать своего шляхетства и вынуждена была приписаться къ податному сословію.

Когда крестьянинъ нашей мѣстности собирается построить хату или сарай, то онъ приглашаетъ къ себѣ на *толоку* не менѣе 20—25 хозяевъ, а иногда и болѣе, для привоза бревенъ изъ лѣса, такъ какъ лѣсъ въ Лашинскомъ приходѣ находится на порядочномъ разстояніи отъ селеній—отъ 25 до 45 верстъ и одному крестьянину не подъ силу была бы такая вывозка. Толока, стало быть, въ этомъ случаѣ является для него незамѣнимымъ подспорьемъ: денегъ за свой трудъ сосѣди не берутъ и

удовлетворяются однимъ только угощеніемъ. Строить же крестьянинъ самъ или же съ помощью наемнаго плотника. Если мѣсто для постройки окажется низменнымъ, гдѣ постоянно стоитъ вода, то крестьянинъ старается сдѣлать на немъ насыпь, но никакъ не можетъ выбрать себѣ другое мѣсто — сосѣди не позволяютъ ему отступить отъ общаго плана, и если онъ покусится на такое отступленіе, то всѣ на него опрокинутся и скажутъ: «А што ты, браткѣ! Муси ты хочашъ пожаръ зробицы, што ты хочашъ ў другомъ мѣсьци хату будоваѣ?» и заставятъ его строить свою хату подъ линію. Въ одномъ только случаѣ сдѣлаютъ для него исключеніе и уважатъ его просьбу: если у него въ домѣ часто бываютъ смертные случаи, которые, по увѣренію знахаря, происходятъ отъ того, что домъ этотъ стоитъ не въ хорошемъ мѣстѣ. Впрочемъ такого рода снисхожденія скорѣе всего оказываютъ лишь людямъ вліятельнымъ, какъ напримѣръ *войту*, *цѣуну* и ихъ близкимъ родственникамъ. И тогда домъ строятъ все-таки сажени въ 3, 4 или даже 5 отъ улицы, но никакъ на улицу или же вправо или влѣво отъ старой хаты, что ни въ какомъ случаѣ не допускается.

Хаты свои наши крестьяне строятъ изъ еловыхъ и сосновыхъ бревенъ и всегда въ одинъ срубъ, длиною въ 4 сажени, иногда и менѣе, а шириною въ 4. Къ этому срубѣ пристраиваются сѣни (промень) сажени въ 3 длины и 4 ширины. При сѣняхъ каморка, т. е. кладовая такихъ же размѣровъ; входъ въ нее изъ сѣней. За каморкой идутъ 2—3 хлѣва — и все это подъ одной крышей и занимаетъ пространство отъ 12 до 30 сажень. Въ каморкѣ устраивается вышка, родъ полатей, въ 2 комнаты. Вышка всегда бываетъ рельефно выдвинута въ сѣни. Каморка обыкновенно безъ пола и потолка. У однихъ только войтовъ и цѣуновъ, т. е. у помощниковъ управителей помѣщичьихъ имѣній изъ крестьянъ, мы встрѣчаемъ каморки съ потолками и полами.

Свои дома и прочія постройки, до реформы, крестьяне Гродненской губерніи строили сами, безъ всякаго вмѣшательства въ

это дѣло со стороны помѣщика или его управителя. Хотя они и отпускали безмездно лѣсной матеріалъ для построекъ.

Кроятъ крестьяне свои хаты соломою. Крыша называется *стряхю*, чердакъ называется *юрою*. Ёнъ полѣзъ на *юру*—значить: онъ пошелъ на чердакъ. Говорятъ впрочемъ: «ёнъ полѣзъ на хату». Полъ въ хатѣ всегда земляной, выбитый изъ глины.

Въ сѣняхъ, при входѣ, съ правой стороны стоятъ жернова, а правѣ жернововъ, у самой стѣнки, выкопанъ погребъ, гдѣ складываются на зиму картофель (бульба), брюква (брушка) и ставится въ кадкахъ заготовленные въ прокъ капуста, свекла (бураки) и проч. Въ этихъ же погребахъ дѣвушки сберегаютъ въ пескѣ руту — на случай выхода ей самой замужъ или же если ей придется быть *дружкой* у пріятельницы-невѣсты, гдѣ безъ руты ей нельзя бы было показаться.

При входѣ въ хату съ правой стороны стоитъ печь.

До 1861 года у всѣхъ, безъ исключенія, крестьянъ нашихъ хаты были курныя, и только начиная съ этого времени они стали класть печи съ трубами. Такъ напр. въ с. Лашѣ въ настоящее время изъ 90 хатъ только 7 съ трубами, а во всемъ Лапинскомъ приходѣ, довольно большомъ, и теперь едва-ли окажется болѣе 40 хатъ съ трубами (по мѣстному — каминами).

Печь дѣлаютъ большею частію изъ кирпичей и глины, иногда только изъ одной глины. Печи послѣдняго рода не отличаются прочностью. По размѣрамъ печь бываетъ длиною аршины въ три, шириною—въ $2\frac{1}{2}$, а въ вышину въ 2 аршина 4 вершка, не болѣе, такъ что остается достаточное пространство, чтобы сидѣть свободно взрослому человѣку. Печь кладется на 4-хъ столбахъ и забирается досками кругомъ, такъ что образуется просторное подпечье, въ которомъ во всю зиму, до самой весны, держать куръ, поросятъ малыхъ, сосунковъ. Передняя часть печи называется *припечекъ*, а та часть, которая повыше устья называется *сопѹхой*. Она всегда покрыта сажей. Поэтому часто можно слышать такое выраженіе: «Ёнъ такі чорны якъ *сопѹха*». Съ правой стороны припечка находится печурка, куда обыкновенно вы-

гребають жаръ изъ печи. Въ этой печуркѣ зимой и ужинъ готовятъ, впрочемъ весьма рѣдко, потому что у нашихъ крестьянъ ужинъ обыкновенно состоитъ изъ остатковъ обѣда.

Войдя въ хату, вы увидите повыше печи, подъ потолкомъ, на протяженіи всей стѣны двѣ жердочки, весьма закоптѣлыя, — это *градь*. На нихъ сушатъ дрова про запасъ, дней на 10; на этихъ же градахъ крестьяне коптятъ колбасы. Съ лѣвой стороны градъ находится маленькое квадратное отверстіе въ $\frac{1}{4}$ аршина, въ родѣ окошечка, и называется *верхникъ*. Это отверстіе обыкновенно закрывается дощечкой, а въ нѣкоторыхъ хатахъ и просто тряпками. Верхникъ этотъ замѣняетъ трубу, черезъ которую дымъ выходитъ наружу, и его открываютъ только во время топки печи, да дважды въ годъ во время ужина *дзды*: какъ *душачки змърлы* прышли на вечеру и еще когда кто изъ членомъ семьи тяжело умираетъ. Тогда обыкновенно говорятъ: «треба верхникъ отчинити, капъ хучей¹⁾ *сконау* или *сконала*».

Отапливають у насъ хаты почти повсѣмѣстно соломой и овечьимъ навозомъ; топятъ и дровами, но рѣдко, такъ какъ въ Лашинскомъ приходѣ сажень 3-хъ-полѣнныхъ дровъ стоитъ руб. 15.

Когда варятъ кушанья въ печкѣ, то въ промежутокъ горшковъ кладутъ дрова, а съ лѣвой и правой стороны связанные пучки соломы. Для ужина же печку не топятъ, а ставятъ при печуркѣ треножникъ, а у кого его нѣтъ, то три плоскихъ камня, на нихъ горшокъ, подъ который кладутъ очень мелко изрубленные дрова и разводятъ огонь.

Съ лѣвой стороны отъ входа въ хату стоитъ неподвижная лавочка, на который ставятъ воду въ горшкахъ и другіе нужные горшки. Надъ этой лавочкой, на небольшомъ разстояніи прибить къ стѣнѣ желѣзными гвоздями *ложечникъ*, въ который втыкають ложки. А немного повыше ложечника находится *наличка*. На ней ставятъ соль, тарелки и миски. Вдоль стѣны, къ

---

¹⁾ Скорѣй.

покуцию стоитъ *лава*, которая у богатыхъ бываетъ шириной въ аршинъ, а толщиной отъ 2-хъ до 3-хъ вершковъ, чѣмъ богатые хозяева (господари) особенно гордятся. Выше этой *лавы*, къ дверямъ, надъ окномъ, тянется вторая палица, на которую хозяйка (господыня) ставитъ миски и *дълянки*, т. е. мясо, когда достаетъ горшки съ печи.

Отъ *покуция* вправо, вплоть до противоположной стѣны идетъ вторая *лава*. Надъ нею, немного повыше, вы увидите въ стѣнѣ съ правой и лѣвой стороны по 6 дырокъ, въ которыя вставляются небольшія палочки, на нихъ весною хозяйки снуютъ пряжу. Отъ одной палочки до другой 4 сажени и всѣ въ совокупности называются *убица*, а по польски *scіopa*. Отъ боковой стороны печи до стѣны пристраивается полъ (нары).

Полати рѣдко гдѣ бываютъ въ домахъ крестьянъ нашего уѣзда, а гдѣ онѣ есть, тамъ называются *полатки*.

Съ правой стороны печки стоитъ деревянный столбъ, аршинъ въ объемѣ. Въ этотъ столбъ вбита однимъ концемъ жердочка, которая другимъ своимъ концемъ упирается въ противоположную стѣну. На эту жердочку всѣ члены семьи вечеромъ вѣшаютъ свою носильную одежду.

Покуць, какъ извѣстно, считается у крестьянъ чуть ли не во всей Россіи почетнымъ мѣстомъ, но у крестьянъ Гродненскаго, Сокольскаго, Волковыскаго и Бѣлостокскаго уѣздовъ Гродненской губерніи вы ни у одного крестьянина въ хатѣ не найдете какой бы то ни было иконки, хотя и у нихъ у всѣхъ *покуць* считается почетнымъ мѣстомъ, но они, когда молятся въ торжественныхъ случаяхъ, какъ напр. на *дѣдахъ* (*дзѣдкѣ*), въ день Пасхи, Рождества Христова и на *куцию*, то обойдутъ вокругъ стола, скажутъ *пацеры*, перекрестятся и сядутъ за обѣдъ или ужинъ. Но въ эти дни во время ѣды на *покуць* вѣшаютъ чистый утиральникъ на колочкѣ. Въ *покуць* молятся только въ случаѣ, если крестьянинъ женить сына или выдаетъ дочь замужъ. Тогда отодвинуть столъ и, обойдя вокругъ него три раза, становятся на колѣни лицомъ къ *покуцѣ*, съ плачемъ кладутъ земные по-

клоны и потомъ кланяются всѣмъ присутствующимъ. То же самое продѣлываетъ *исподаръ*, если отдаетъ сына въ солдаты.

Въ хатѣ всегда бываетъ столъ, при столѣ одна скамья, которая называется *слонъ*; иногда бываютъ еще маленькія скамейки въ аршинъ — *слончикъ*.

Малыя дѣти спятъ въ ногахъ своихъ родителей на нарахъ (полу), подростки и старые на печкѣ, а взрослые дѣти на лавкахъ или на землѣ. Зимой во время топки печи, когда бываетъ много дыму, дѣти, отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ, лежа на печкѣ, спускаютъ голову, чтобы дымъ не выѣдалъ глазъ.

Столъ обыкновенно покрывается бѣлою скатертью только въ праздники. На столѣ всегда лежитъ хлѣбъ, покрытый *скарачемъ*, — родъ утиральника, въ концѣ котораго находится 12 скрученныхъ веревочекъ. Этимъ-то скарачемъ родители подчасъ и наказываютъ своихъ дѣтей.

На лѣвой стѣнѣ вбито желѣзко, подъ названіемъ *бабка*, это нѣчто въ родѣ лошадиной подковы, только гораздо тоньше, съ отверстіемъ для вставки лучинокъ; эта *бабка* по вечерамъ служитъ подсвѣчникомъ.

Амбары¹⁾ строятся крестьянами въ рѣдкихъ случаяхъ.

Лошадей ставятъ въ хлѣвахъ головами на сѣверъ или на югъ и старательно избѣгаютъ ставить ихъ головой на востокъ.

Дворы свои крестьяне наши содержатъ довольно опрятно. Въ праздники можно ихъ видѣть чисто выметенными, даже усыпанными желтымъ пескомъ, а гдѣ есть аеръ, — то аеромъ; гдѣ мѣстность низменная, тамъ прокапываютъ при строеніи канавы для стока воды. Нерѣдко при домахъ, гдѣ есть дѣвушки, можно встрѣтить въ огородѣ ими устроенный цвѣтникъ, въ которомъ онѣ разводятъ слѣдующіе любимые свои цвѣты: руту, мяту двухъ сортовъ: полевую, и гирилку — пеструю длинную, въ родѣ осоки, съ зелеными и бѣлыми полосками, георгины, піоны, настурцію, шпарги (т. е. шпинатъ), лиліи, нарцисы и наконецъ пизымо — родъ

¹⁾ Амбаръ по мѣстному: *свиرونъ*. И. К.

крыжовника, цвѣтъ его желтый, непріятный. Весной и лѣтомъ дѣвушки дѣлають себѣ изъ цвѣтовъ букеты, которыми украшаютъ себѣ голову.

Бань крестьяне нашей губерніи нигдѣ въ своихъ деревняхъ и селахъ не строятъ и многіе изъ нихъ даже и понятія не имѣють, что такое баня. Въ печахъ они тоже никогда не парятся, за исключеніемъ только такихъ случаевъ, когда на кого изъ членовъ семейства нападетъ короста (чесотка). Тогда одержимаго этой болѣзнію сажаютъ въ недавно истопленную печь минутъ на 10, не болѣе, послѣ чего его обмываютъ тепленькой водой.

Въ городахъ и мѣстечкахъ евреи содержатъ торговыя бани, съ которыхъ выручаютъ порядочный доходъ. Не смотря на отсутствіе въ нашихъ селахъ бань, крестьяне и крестьянки наши всегда однако чистоплотны и опрятны. Лѣтомъ они купаются въ рѣкахъ, прудахъ и другихъ ближайшихъ источникахъ, а зимою хозяйка нагрѣетъ горшокъ воды, нальетъ въ ушатокъ, либо въ ночвы—и всѣ взрослые члены семейства мужскаго пола поочередно моютъ себѣ этой водой голову, шею и тѣло до пояса, снявши, разумѣется, рубаху и оставаясь въ штанахъ. Такимъ же образомъ моются и женщины. Малолѣтнихъ дѣтей, когда моютъ, раздѣваютъ до нага. Взрослыя же дѣвушки моются только въ отсутствіи мужчинъ.

Б. Пища.

Печеніе хлѣба ¹⁾ производится слѣдующимъ образомъ: съ вечера растворяють въ квашнѣ ржаную муку, на *крыщинахъ* (гущѣ

¹⁾ Считаю нужнымъ привести здѣсь выписку изъ письма почтеннаго И. О. Карскаго при посылкѣ настоящей его статьи:

«Прилагая при семъ письмѣ посылный свой трудъ о пищѣ, одеждѣ и обуви, равно какъ о питаніи малолѣтнихъ дѣтей крестьянъ Гродненскаго уѣзда, смѣю увѣрить, что въ моемъ описаніи все сушая правда. Хотя я по происхожденію изъ дворянъ, но отецъ мой, служившій причетникомъ при церкви въ селѣ Лашѣ, былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ, имѣлъ своихъ 8 человекъ дѣтей, да 6 дѣтей—сиротъ отъ своихъ умершихъ братьевъ, да самъ-другъ съ женой, итого, стало быть 16 человекъ. Поэтому мы жили очень бѣдно и жизнь наша ничѣмъ не отличалась отъ крестьянской

отъ кваса). Въ Гродн. губ. квась всегда держатъ въ *дежахъ* и при растворѣ хлѣба квась сливаютъ въ какую-нибудь посуду, а на остающейся гущѣ (крыщинахъ) растворяютъ хлѣбъ, который скоро укисаеть, и на другой день, рано утромъ, часовъ въ 5, въ растворъ сыплотъ ржаную муку, и хозяйка или какая-либо изъ взрослыхъ дочерей или невѣстокъ мѣситъ его руками. Замѣсивши, дѣлаютъ крестъ на тѣстѣ и ставятъ дежу на особенную подставку, которая всегда стоитъ среди хаты на полу. Когда тѣсто взойдетъ, поднимется, то затопляютъ печь, въ которую сначала посадятъ *рагойжъ*, — круглая лепешка, на подобіе блина, толщиной въ вершокъ, вѣсомъ отъ 3-хъ до 4-хъ фунтовъ. По выемѣ рагойжа изъ печи его тотчасъ ѣдятъ съ капустой или борщемъ. Затѣмъ сажаютъ и хлѣбъ. Хлѣбовъ дѣлаютъ нѣсколько: большихъ, не болѣе четырехъ, каждый вѣсомъ отъ 30-ти до 50-ти фунтовъ: ихъ называютъ *бохонами* — и одинъ хлѣбъ малый — отъ 10 до 20 ф., первый называется *бондою*, а второй, меньшій — *бондячкою* или *гускою*. Кромѣ того дѣлаютъ еще одинъ хлѣбъ — 6-ой, отъ 3 — 5 ф., который носитъ названіе: *подскрѣбокъ*. Если въ домѣ есть малыя дѣти, то для каждаго изъ нихъ пекутъ фунтовые булки, на подобіе птицы и называютъ ихъ *гусочками*. — Хлѣбъ обыкновенно сидитъ въ печи часовъ 8.

Осенью, начиная съ 1-го октября, крестьяне наши пекутъ булки изъ гречневой муки, иногда изъ пшеничной, гдѣ пшеница въ изобиліи, а въ крайнихъ случаяхъ изъ ячменной муки. Бѣдные крестьяне пекутъ всѣ эти *булки* безъ всякой начинки и все-таки ихъ называютъ пирогами.

На обѣдъ сначала обыкновенно подаютъ борщъ или капуста, на 2-ое — *крупникъ* или *брушку*, затѣмъ *дѣлянку*, которую самъ gospodarъ разрѣзываетъ на мелкіе кусочки и посолить. Всѣ застольники чинно берутъ и ѣдятъ. Какъ передъ обѣдомъ, полуднемъ и ужиномъ, такъ и послѣ этихъ трапезъ

исключая одежды. Столъ нашъ былъ тотъ же, что у крестьянъ и всѣ упоминаемыя въ моемъ описаніи кушанья употребляемы были и у насъ. Они никогда не изгладятся изъ моей памяти». И. К.

всегда всѣ крестятся и говорятъ: «Дзяку Пану Богу за обѣдъ, полудзѣнь или за вечѣру»; отца и мать никогда не благодарятъ.

Въ октябрѣ крестьяне рѣжутъ барановъ, солятъ ихъ въ прокъ и изъ этого мяса приготавливаютъ себѣ лакомыя кушанья до 14-го ноября. Обѣдъ въ это время состоитъ изъ двухъ слѣдующихъ блюдъ: 1) борщъ съ бараниной и 2) брюква съ картофелемъ—тоже съ бараниной. 1-го октября у каждого крестьянина-хозяина приготавливаются въ честь праздника гречневые пироги, которые несутъ въ церковь, въ жертву, вмѣстѣ съ цѣлымъ сырымъ бараньимъ бокомъ. Таковая жертва идетъ въ пользу причта. Ужинъ большею частью состоитъ изъ гречневой *зацирки*, которую подкрашиваютъ бараньимъ растопленнымъ саломъ, а иногда на ужинъ приготавливаютъ картофельную кашу. Однообразіе стола нашихъ крестьянъ продолжается до *дзѣдовъ*, которые обыкновенно бываютъ около 28-го октября и всегда въ субботу. Наканунѣ этого дня, т. е. въ пятницу, бабы, уже съ 12 ч. начинаютъ готовить слѣдующія кушанья: 1) *Квашенину*, т. е. *холодецъ*—изъ бараньихъ ножекъ, головы и брюха, 2) пироги, 3) гречневую кашу съ саломъ, 4) капусту съ мясомъ, 5) супъ ячменный съ мясомъ, 6) горохъ сухой, называемый *пороны*, 7) оладьи изъ гречневой муки и 8) мясо жареное. Мясо всякаго рода—вареное въ супѣ, въ борщѣ, въ капустѣ и т. д. крестьяне наши называютъ *дзянкою*, а жареное—*печенкою*¹⁾. На *дзѣдѣ*, въ субботу крестьяне обѣдаютъ очень рано: въ 5 часовъ утра. *Дзѣдѣ* соотвѣтствуютъ великорусской поминальной Дмитріевской субботѣ. Хотя крестьяне наши эту субботу празднуютъ, но въ церковь въ этотъ день не ходятъ, а отправляются туда только въ слѣдующее воскресенье и берутъ съ собою баранью ногу и хлѣба и имъ обдѣляютъ всѣхъ нищихъ, которыхъ въ этотъ день очень много тутъ собирается. При подачкѣ нищему хлѣба обыкновенно говорятъ: «*помалися Богу за души змарля*», напр. *Антося, Рыгира, Петруки, Баутруки, Тумоша, Гацесю, Галёны* и пр. Нищій въ свою очередь отвѣ-

¹⁾ и (въ Витебск. г.): *пачистомъ*. III.

часть: «Припомни, Божя, душачка змарлые Антося и т. д. при мшахъ, при нешпорахъ, при рожаницахъ, при голосныхъ звонахъ» и пр. И тотъ изъ нихъ, который больше болтаетъ, пользуется и большею лептою и приноситъ онъ домой полныя торбы хлѣба и мяса, а который мало говоритъ, тотъ возвращается домой съ пустыми торбами. Вообще во время *дзядоў* никогда не заказываютъ ни обѣдни, ни панихиды.

Съ 14-го ноября до 24-го декабря ежедневный столъ слѣдующій: 1) борщъ, подтертый сырымъ чеснокомъ или коноплянымъ масломъ, 2) брюква съ картофелемъ съ тѣмъ же масломъ, если есть,—то съ грибами. Постнаго масла крестьянинъ нашъ никогда не купитъ. На 2-ое блюдо подаютъ горохъ съ картофелемъ. На ужинъ варятъ картофель неочищенный, который при ѣдѣ обмакиваютъ въ разсолъ отъ сельдей, *сз волякз* ¹⁾ и въ рѣдкихъ случаяхъ варятъ супъ изъ одного картофеля. Супа ячнаго постомъ никогда не варятъ.

Къ этому нужно прибавить, что у крестьянъ нашего уѣзда ко всякому торжественному празднику, какъ церковному, такъ и семейному считается непременнымъ долгомъ приготовить особенныя, такъ сказать *традиціонныя* обрядовыя кушанья²⁾.

На сочельникъ (на постную кутью 24-го декабря и 5-го января) 24-го декабря готовятъ слѣдующія кушанья: 1) бобъ или горохъ, 2) овсяный кисель съ коноплянымъ или маковымъ молокомъ, 3) кутью изъ перловыхъ крупъ, которыя крестьяне сами готовятъ въ ступахъ, но отнюдь не покупаютъ, бѣднымъ же состоятельные сосѣди обыкновенно дарятъ около двухъ гарнцевъ. Готовятъ же нѣсколько сельдей, уху изъ грибовъ, овсяный кисель, супъ изъ грушъ сушеныхъ, кутью, — отнюдь несладкую, съ однимъ только коноплянымъ молокомъ.

На Рождество Христово. Обѣдъ въ этотъ день всегда бы-

¹⁾ Волякъ этотъ каждый крестьянинъ расходуетъ въ постъ 3 гарнца; гарнецъ стоитъ 2 коп. сер. И. К.

²⁾ Этого исконнаго обычая (съ нѣкоторыми только видоизмѣненіями, требуемыми мѣстными условіями) крѣпко придерживаются бѣлоруссы всѣхъ губерній С.-З. края. III.

ваетъ рано, около 9-ти часовъ утра. Первое блюдо—капуста съ мясомъ, на второе—*панцакъ*: супъ изъ перловыхъ крупъ, съ мясомъ; на третье—самое лакомое блюдо: *верещана*, которая состоитъ изъ бураковаго разсола или квасу, куда кладутъ нѣсколько фунтовъ свѣжаго свиннаго сала, разрѣзаннаго на малыя кусочки (около 30), фунта три колбасы, свиного ребра, затѣмъ лукъ и перецъ.

На Васильеву кутью: *куцця* съ *каўбасою* и компотъ и все это вмѣстѣ варятъ очень долго, изъ чего наконецъ выходитъ довольно лакомое кушанье.

Отъ 7-го января до великаго поста въ употребленіи слѣдующія кушанья: на обѣдъ—капуста съ свинымъ саломъ, но дѣлянки не даютъ; супъ варятъ ячменный, тоже съ саломъ и тоже безъ дѣлянки. Въ воскресные и праздничные дни подаютъ дѣлянки изъ бараньяго мяса, которыя прекращаются съ воскресеньемъ на заговини.

Въ великій постъ ѣдятъ то же самое, что въ постъ Рождественскій, заисключеніемъ солодухи, которую приготавливаютъ изъ ржи, съ прибавленіемъ гречневой муки. Великій постъ крестьянами соблюдается строго. На ужинъ очень часто приготавливаютъ сырую капусту съ коноплянымъ молокомъ, трутъ рѣдку съ тѣмъ же молокомъ, а иногда сырую капусту подтираютъ печеною головкой селедки.

Пасха. Въ этотъ праздникъ пекутъ булки пшеничныя, большею частью изъ черной муки, т. е. непеклеванной, а смолотой дома въ жерновахъ. Зажиточные крестьяне пекутъ бѣлыя булки, но пироговъ никто изъ крестьянъ никогда не приготавливаетъ. Красятъ яйца большей частью въ желтый и зеленый цвѣтъ, но иногда и въ красный и синій. Варятъ окорокъ свиной, сыръ, колбасы и вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью несутъ въ церковь освящать.

Послѣ Пасхи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ варятъ капусту съ саломъ, чечевицу съ картофелемъ и съ саломъ, и горохъ—тоже съ саломъ.

Съ 23-го апрѣля на поляхъ начинаютъ расти различныя

травы, какъ-то: во ржи и пшеницѣ—васильки (по гродн.—валожка); на яровыхъ посѣвахъ — свѣрепица¹⁾, рѣдка²⁾, скрипица³⁾, крапива; въ огородахъ: лебеда, чарнобуль⁴⁾, жешка, си неводъ и въ крайнихъ случаяхъ—дразень, несносная трава. Воложка и лебеда составляетъ лакомое кушанье.

Крестьяне Гродн. уѣзда варятъ названныя травы слѣдующимъ образомъ. Валожку чисто перемываютъ въ водѣ и, изрубивши мелко на мелко, бросаютъ въ горшокъ, куда прибавляютъ $\frac{1}{2}$ ф. ячменныхъ крупъ, $\frac{1}{16}$ ф. свиного сала, 2 гарнца картофеля, и когда подаютъ на столъ, то нальютъ туда еще около трехъ квартъ свѣжаго молока. Въ такомъ размѣрѣ приготавливаютъ это блюдо человекъ на 10—12 (воложка или васильковъ — около 10 ф.). Такимъ же образомъ приготавливаютъ и лебеду, свѣрепицу, скрипицу, рѣдку и синеводъ, исключая чарнобуля, который варятъ вмѣсто борща, т. е. съ квасомъ, а гдѣ есть щавель, то варятъ и его, но безъ мяса, а только забѣливаютъ сметаной. Упомянутые мною выше травы крестьяне варятъ себѣ ежедневно на обѣдъ, а въ неурожайные годы, въ день по два раза, что продолжается до первыхъ чиселъ іюня. Въ это время травы про-

¹⁾ Эта трава весной растетъ на поляхъ и въ огородахъ, въ яровомъ хлѣбѣ, преимущественно въ овсѣ и ячменѣ. Она цвѣтетъ желтымъ цвѣтомъ и во время цвѣтенія заглушаетъ собою овесъ, но потомъ пропадаетъ. Листья свѣрепицы похожи на листья рѣпы, корни ея очень тонки и ихъ никто не кушаетъ, но листья варятъ и ѣдятъ. И. К.

²⁾ Рѣдка — зелень весьма похожая на свѣрепицу, но отличается отъ нея формою листьевъ. Рѣдка всегда въ большемъ количествѣ, чѣмъ свѣрепица. Цвѣтетъ она желтымъ цвѣтомъ. Въ концѣ іюня можно видѣть въ овсѣ какъ рѣдку, такъ и свѣрепицу въ большемъ изобиліи. Обѣ эти травы тогда только собираютъ для стола, когда онѣ не въ полномъ ростѣ, въ 2-хъ, 3-хъ листьяхъ, а позже ихъ собираютъ только для корма скоту. Листья рѣдки похожи на листья рѣдкисы, а листья свѣрепицы на листья рѣпы. Корни рѣдки также тонки и ихъ тоже не ѣдятъ. И. К.

³⁾ Скрипица растетъ большею частію на паровыхъ поляхъ, особенно тамъ, гдѣ почва гористая и каменистая. Если скрипицу взять въ руку и потереть, то она скрипитъ. Цвѣтетъ она бѣлымъ цвѣтомъ; листья ея довольно толстые и нѣжныя, ее можно скорѣе сварить подобно лебедѣ. И. К. NB.: Что за зелень *жежжа* и *синеводъ* г. К. не объясняетъ. III.

⁴⁾ Чарнобуль растетъ пирамидально; листья его сверху зеленые, а снизу бѣлые. И. К.

падаютъ, а въ огородахъ, на посаженной брюквѣ вырастаютъ листья, которые обламываютъ и варятъ, подобно воложкѣ, а листья бураковъ замѣняютъ борщъ. *На Вознесеніе*: капуста съ окорокомъ, супъ ячный съ окорокомъ же и ячница съ колбасою, называемой *паршивой*.

На Троицѣ—то же, что на Вознесеніе; только вмѣсто ячницы *паршивой* готовятъ изъ гречневой муки съ саломъ другого рода ячницу, которая запекается въ печкѣ въ макотрѣ (верцѣхѣ).

На Троицѣ крестьяне ѣдятъ въ послѣдній разъ мясо, котораго больше не употребляютъ вплоть до 15-го августа, а свои обычныя кушанья во все это время заправляютъ свинымъ саломъ и забѣливаютъ молокомъ. Съ іюня мѣсяца до августа, на ужинъ варятъ затирку съ молокомъ. Для 10 человекъ въ затирку льютъ 1 гарнецъ молока. Отъ 25 іюля до 15 августа, къ листьямъ брюквы прибавляютъ въ маломъ количествѣ свѣжій картофель, приблизительно на 10 чел. — $\frac{1}{2}$ гарнца. Съ 15-го августа крестьяне картофеля употребляютъ очень много, приблизительно 12 гарнцевъ на семью, состоящую изъ 8 душъ. Варятъ горошекъ, картофель съ водой, который забѣливаетъ молокомъ. Этотъ супъ называютъ *бульбонъ*, а иногда подкрашиваютъ саломъ. Весной и лѣтомъ крестьяне мяса никогда не ѣдятъ, но въ праздники и въ воскресные дни 3-ье блюдо бываетъ ячница. Ее готовятъ слѣдующимъ образомъ: 2 кварты молока, куда разбиваютъ 10 яицъ, все это забалтываютъ и ставятъ въ горячую печь, откуда она выходитъ довольно жидка, а иногда прибавляютъ гречневой муки $\frac{1}{2}$ ф. или фунтъ и сала, а иногда макотру картофельной каши жидкой, куда прибавляютъ одинъ гарнецъ свѣжаго молока, 10 яицъ и ставятъ макотру въ горячую печь, гдѣ и запекается (макотра называется также верцѣхою).

На крестинахъ: Ячменный супъ (кулѣшъ) съ мясомъ и разнаго сорта каши, какъ-то: гречневая, ячменная, бульбенная (картофельная), но главную роль тутъ играетъ ячница (*яѣшня*).

На свадьбу должна быть непременно капуста съ мясомъ, за-

тѣмъ мясо жареное, если зимой, то непременно колбаса. Для закуски послѣ водки пекутъ булки и варятъ мясо.

На похороны и поминки: капуста съ мясомъ, *култиш* (ячменный супъ). *Куты* на поминкахъ никогда не бываетъ.

В. ОДЕЖДА.

а) мужчинъ.

Рубахи мужчины носятъ всегда бѣлыя, изъ тонкаго холста, называемаго кужеля, съ среднимъ воротникомъ, съ прямымъ до пупа прорѣзомъ на груди, поверхъ штановъ, длиною—до колѣнъ и длиннѣе, опоясывая ее разноцвѣтнымъ узкимъ поясомъ. Воротникъ рубахи застегивается большей частью металлической *шпонкой*, изъ красной или желтой мѣди, но иногда и шнурочкомъ. Лицевая сторона шпонки блестящая. Шпонка стоитъ отъ 2 до 5 коп. Лѣтомъ мужчины носятъ вмѣсто штановъ холщевыя, бѣлыя подштанники, а зимою штаны суконныя. Тѣ и другіе называются *и́новицы*.

Верхняя одежда мужчинъ и женщинъ—лѣтомъ свитка или сермяга изъ домашняго сукна, бѣлаго или сѣраго цвѣта. Свитки шьются длинныя до пятокъ, съ прорѣзомъ для кармановъ, которые пришиваются только въ случаѣ надобности, а у дѣвокъ и женщинъ свитки эти бываютъ покороче. Зимою и мужчины и женщины носятъ кожану одинаковаго покрою.

И зимой и лѣтомъ мужчины носятъ шапки теплыя, барашковыя—изъ сѣрыхъ или черныхъ барановъ. Верхъ шапки бываетъ изъ чернаго или синяго сукна: шапки эти стягиваются сзади короткой, синей ленточкой. Почти по всей Гродненской губерніи шапки носятъ съ козырьками, довольно приличныя, но большею частью соломенные шляпы собственнаго издѣлья, очень красивыя, стоимостью отъ 20-ти до 60-ти коп. Шляпы изъ лучшей ржаной соломы, плетенныя въ зубки, называются: *плеценки-зубатки*.

Волосы крестьяне наши носятъ довольно длинныя, ровно кругомъ подстриженные, а спереди—чубы, короче подстриженные.

Усы, бороды и баки брѣютъ, но съ 1863 г. нѣкоторые крестьяне перестали брить послѣдніе.

б) женщинъ.

Женщины тоже носятъ рубахи бѣлыя, но изъ кушеля, а андаракъ или юпку холщевую, изъ домашняго холста въ клѣточки, или въ полосья синяго цвѣта съ бѣлымъ. Андараки подвязываютъ поясомъ. Передникъ тоже холщевый, но часто и ситцевый, бѣлаго или другого цвѣта. Завязывается передникъ кругомъ талии бѣлыми тесьмами. На головѣ женщины и дѣвушки повседневно носятъ разноцвѣтные платки *юлеўки*, стоимостью отъ 30 коп. и болѣе. Отправляясь въ церковь, женщины надеваютъ на голову *чапцы*, окаймленные красной ленточкой, а тѣ, которые побогаче, обшиваютъ чепецъ кругомъ брыжжами (родъ тюля). Только по чепцу можно отличить дѣвку отъ замужней женщины. Замужнія женщины носятъ на головѣ каптуры съ брыжжами и нацѣпляютъ *бандлики*. Дѣвки одѣваютъ на шею очень много разноцвѣтныхъ бусъ, шнурковъ до 15 и болѣе, которые называютъ *пацюрки*. Серегъ ни дѣвки, ни женщины не носятъ. Пацюрки же носятъ и *молодки*, но въ гораздо меньшемъ количествѣ; иные носятъ настоящіе кораллы и янтарные бусы. Нѣкоторыя дѣвушки носятъ *шнуrowѣки*¹⁾, обыкновенно изъ краснаго хорошаго сукна, безъ рукавовъ, обшиваемые спереди, кругомъ и сверху позументами (*залунами*), сзади фалдочки. Покрой этой *шнуrowѣки* объяснить трудно. Это что-то очень древняя одежда, она передается по наслѣдству изъ роду въ родъ, и говорятъ: «э́та шнуrowѣка аще моё баби matka носила». Въ настоящее время шнуrowокъ болѣе не шьютъ. Праздничные платки у женщинъ и дѣвушекъ бываютъ бѣлые, красные и синіе съ бѣлыми точками. Волосы свои дѣвушки заплетаютъ въ двѣ косы, но ихъ невидать, потому что онѣ обвертываютъ ихъ на головѣ въ родѣ шапки. Если только не постъ, то дѣвушки втыкаютъ въ головной свой платокъ 2 букета цвѣтовъ, лѣтомъ—живыхъ,

¹⁾ Объясненіе этого сл. см. выше, стр. 48, № 31.

а зимой искусственныхъ. Кромѣ того лѣтомъ женщины надѣваютъ черезъ плечо нанскосокъ 3-аршинный платъ изъ тонкаго, бѣлаго холста или изъ хорошаго коленкора.

Обувь. Мужчины и женщины носятъ лапти 3-хъ сортовъ: 1) *ходаки* или *хвилянки*—это родъ башмаковъ грубой работы. Къ нимъ пришиваются 4 ушка для оборокъ. 2) Лапти изъ одной толстой кожи, на подобіе чолна; въ нихъ прокалываются съ правой стороны 5 дырокъ и съ лѣвой 5, а спереди—2, куда всовываются оборки, т. е. тонкія веревочки, въ родѣ бичевокъ, длиной въ 5 аршинъ, которыми обвертываютъ ноги. 3-ій родъ лаптей плетутъ изъ липовыхъ лыкъ и изъ лозы, подошвы къ нимъ пришиваютъ изъ старой кожи, большею частью изъ старыхъ голенищъ. Въ этихъ лаптяхъ бываетъ 12 ушекъ для застегиванія оборокъ. Въ церкви въ лѣтнее время мужчины стоятъ въ сапогахъ, а женщины и дѣвушки въ башмакахъ, чаровикахъ и панчохахъ (чулкахъ), которые они надѣваютъ только предъ входомъ въ нее и снимаютъ по выходѣ изъ нея, а туда и обратно тѣ и другія шествуютъ босикомъ,нося свою обувь — женщины подмышкой, а мужчины на палочкѣ на плечахъ. Поэтому неудивительно, что крестьяне часто хвастаются: «отъ! добрый раменъ на моихъ ботахъ или чаботахъ, я ихъ ношу дванадцаты рокъ безъ жадной¹⁾ поправки».

Одежду свою крестьянки держатъ въ кублахъ съ крышками. Кублы эти держатъ обыкновенно въ каморкахъ. Сундуковъ вовсе у нихъ нѣтъ. Въ кублахъ же онѣ держатъ тонкій холстъ, *кужель*, *почеснину* и рукавники, до 500 аршинъ и болѣе, смотря по вмѣстимости кубла. Сверху холста въ кублѣ лежатъ праздничныя рубахи, платки, плахты, андараки, и въ ящикахъ (?)—стужки, *биндалики*²⁾, *коронки*³⁾, *жуковинки*⁴⁾, *шпонки*⁵⁾ и *чапцы*. Сермяги праздничныя вѣшаютъ на жердяхъ въ каморкахъ. Какъ шубы, такъ и сермяги крестьяне называютъ *свит-*

¹⁾ всякой; ²⁾ низшій сортъ кружева; ³⁾ высшій сортъ кружева; ⁴⁾ перстни; ⁵⁾ заправка, застежка. Сл. Носовича.

ками и свитами, названіе же *сермяги* вы рѣдко услышите. Вмѣсто шубы говорятъ: кожихъ.

в) шляхты.

Шляхта нашего уѣзда: мужчины вмѣсто сермягъ носятъ *сурдуть* до пятъ, въ родѣ ксендзовскихъ, изъ такого крестьянскаго сукна домашняго производства, и только немногіе изъ нихъ красятъ это сукно въ черный цвѣтъ. Если же сукно не крашенное, а сѣрое, тогда, гдѣ есть шовъ, тамъ нашиваютъ черную или бѣлую ленту. Нѣкоторые носятъ капоты изъ сѣраго сукна съ металлическими желтыми пуговицами (гузиками); на шеѣ носятъ желтые платки. Обувь у шляхты: сапоги и ходаки; въ сапоги они обыкновенно кладутъ пучекъ соломы.

Шапокъ, кромѣ національныхъ конфедератокъ, не носятъ. Эти конфедератки обыкновенно изъ синяго сукна, опушонные сивыми барашками. На верху шапки кисточка (кутасикъ) бѣлая на шнуркѣ, которая на зиму зашивается внутрь шапки, такъ что ея не видать, а на весну опять выпускаютъ наружу. Шапки эти довольно высокія. Шляхтянки же платя изъ домашняго сукна никогда не носятъ, а носятъ кофты и *алиерки* изъ фабричнаго матеріала; обуваются въ башмаки, на головѣ у нихъ чепчики особеннаго покроя, изъ подъ которыхъ сзади виднѣются въ волосахъ высокія гребни. Шляхтянки съ самаго младенческаго возраста носятъ серьги, крестьянки же никогда этого не дѣлаютъ. Въ костелъ шляхта ходитъ въ пестрыхъ кофтахъ яркаго цвѣта, остальной же костюмъ такой же, какъ у крестьянокъ. Зимой шляхта носитъ овчинные тулупы, крытые простымъ домашнимъ сукномъ.

Г. Воспитаніе дѣтей.

Дѣтей своихъ крестьянки кормятъ грудью до двухъ, чаще до трехъ лѣтъ. Мнѣ часто встрѣчалось быть очевидцемъ, какъ трехлѣтній ребенокъ подносилъ матери табуретку (слонъ, слончикъ) со словами: «Матуля! или мади! дай мнѣ цычки поссаць»

(т. е. пососать). И мать, бывало, сядетъ, дастъ ему грудь, и пососавши сколько ему хотѣлось, онъ обыкновенно прибавлялъ: «а циперь, мацц, дай мнѣ поѣсьци!» И тутъ же мать нальетъ ему въ миску борщу или другую похлебку. При этомъ нужно однако замѣтить, что до трехъ лѣтъ грудью кормятъ своихъ младенцевъ только тѣ матери, у которыхъ дѣти рѣдко рождаются, а у которыхъ часто — тѣ ихъ кормятъ до 2-хъ лѣтъ и менѣе, но меньше 1½ года никто не кормитъ.

Уже на 4-мъ мѣсяцѣ крестьянки даютъ своимъ дѣтямъ свѣжее молоко, растопленное коровье масло, но часто и овечье. (Надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что крестьяне нашего уѣзда обыкновенно доятъ овецъ, начиная съ 23-го апрѣля до 15-го августа, и это молоко употребляютъ себѣ въ пищу). Полугодовыхъ дѣтей крестьянки кормятъ гречневой кашей, которую сверху обливаютъ молокомъ. Бѣдные же крестьяне вмѣсто каши кормятъ своихъ младенцевъ *кормушкой*, т. е. рѣжутъ мелкими кусочками черный хлѣбъ, обливаютъ водою и такъ варятъ и выходятъ своего рода каша. Но, къ сожалѣнію, эта кормушка причиняетъ много вреда малымъ дѣтямъ, отъ нея дѣлается сильное расстройство желудка и часто оканчивается смертию.

Пеленаютъ младенцевъ въ *пелюшки* (тряпки изъ стараго бѣлья) и запелениваютъ поясомъ въ 2 вершка ширины и 2½ аршина длины. Держатъ младенцевъ въ люлькахъ (колыбелкахъ), а лѣтомъ, во время жатвы, бабы берутъ дѣтей съ собою въ поле, гдѣ, связавъ 3 или 4 снопа ржи или другого хлѣба, поставитъ ихъ такъ, что образуется тѣнь, разстелютъ сермягу и на нее кладутъ ихъ спеленатыми, давши имъ въ ротъ соску, сдѣланную изъ холщевой тряпки, въ которую положить разжеванный кусочекъ хлѣба съ сахаромъ. Хорошо если дитя спокойное, если же нѣтъ, то мать съ досады пошлепаетъ его и скажетъ: «ляжы, подлю, капъ ты лѣхъ крыцаю».

Въ случаѣ болѣзни дѣтей (болятъ онѣ большей частью брюшными болѣзнями) къ докторамъ рѣдко обращаются, а несутъ ихъ къ деревенскимъ бабкамъ. Взявши изъ рукъ матери ребенка,

бабка немедленно вымоетъ его въ теплой водѣ, растирая ему мыломъ грудку, перевернетъ его три раза *на отліў*, слегка ударивъ его ладонью по пяткамъ тоже трижды, и затѣмъ передаетъ его матери со словами: «циперъ будзе уже здоровы или здоровая».

Отъ испуга и чаровъ обкуриваютъ ребенка *свѣтлицоннымъ зельемъ*. А если это не поможетъ, то его (отъ одного мѣсяца до года), когда замѣсяцъ хлѣбъ кладутъ въ квашню сверхъ тѣста и закрывши крышкою, продержатъ тамъ около получасу. Если ребенокъ станетъ кричать, ему даютъ соску и говорятъ: «якъ ёнъ гѣто на цѣсыцѣ пропоцѣе, то будзе вельми здороў и чароў не боицца, бо лежаў на дару Боскомъ».

Случается, что дитя въ дежѣ умочится, но хозяйка мать этимъ нисколько не сконфузится, а скажетъ: «э свое дзиця, не чужое и хлѣпъ нашъ; што зробиць,— зѣмо, не умremo». Если такого рода лѣченіе не поможетъ, то обращаются къ знахару или знахаркѣ, впрочемъ весьма рѣдко, такъ какъ ихъ въ нашемъ уѣздѣ очень мало. Въ уѣздахъ же Брестскомъ, Пружанскомъ и Кобринскомъ, гдѣ ихъ въ изобиліи, тамъ чаще всего къ нимъ обращаются во всѣхъ болѣзняхъ и недугахъ.

Если дитя начинаетъ ходить, то мать при первомъ его самостоятельномъ шагѣ ножомъ проведетъ черту между его ножекъ по землѣ, говоря: «циперъ ёнъ будзѣ ходзиць, бо я яму (или ей) пуцѣчко разрѣзаў¹⁾».

Волосы ребенку принято стричь на третьемъ году. Передъ стрижкой мать непременно расчесетъ ему волосы, приговаривая: «Дай Боже ласкавы, капъ ты николи не заблудзіў (или заблудзила) и шоў (или шла) простою дорошкою».

На 4-мъ, 5-мъ или 6-мъ году мать научаетъ ребенка креститься и говорить, утромъ вставши: «Нейца, Сына, Духа свен-тего, амень. Дзяку тебѣ, Пανε Божа, што заховаў ночанку и приждаў дня святаго!» Вечеромъ она ихъ учитъ молиться такъ:

---

¹⁾ Этотъ суевѣрный обычай практикуется почти у всего русскаго народа,—не у однихъ только крестьянъ. III.

«Дзяку Табѣ, Пане Божа, што дзенекъ пережыў и ночанки святуо или дождаўся».

На 8-мъ и 9-мъ году мать обучала ребенка болѣе длиннымъ молитвамъ, какія только сама знала, большею частію польскія, въ родѣ: «Ойче нашъ», и проч. Такъ училось молодое поколѣніе молитвамъ до 1863 года. Въ настоящее время дѣти крестьянъ нашихъ учатся молитвамъ, какъ слѣдуетъ, чисто православнымъ, благодаря существующимъ вездѣ въ краѣ министерскимъ и церковно-приходскимъ училищамъ.

Дѣти нашихъ крестьянъ уже съ малыхъ лѣтъ начинаютъ привыкать къ труду вообще и къ нужнымъ въ хозяйскомъ обиходѣ работамъ въ особенности. Такъ напримѣръ какъ мальчики, такъ и дѣвочки отъ 8-ми до 15-ти лѣтъ въ лѣтнюю пору уже пасутъ въ полѣ лошадей и воловъ отъ 5 часовъ вечера до заката солнца и отъ 3 часовъ ночи до 8 утра, но настоящими пастухами они не бываютъ, потому что пастухъ на все лѣто нанимается обществомъ.

Уже съ 15-лѣтняго возраста отцы приучаютъ своихъ сыновей косить, пахать, боронить и прочимъ работамъ. Взрослый мужчина долженъ умѣть сдѣлать все необходимое по хозяйству, а именно: кромѣ полевыхъ работъ онъ долженъ умѣть насадить косу, сдѣлать соху, борону, колѣсы ¹⁾, сани и все это починять; далѣе онъ долженъ умѣть построить хату, хотя вчернѣ; долженъ знать и столярную часть, умѣть сдѣлать двери, рамы къ окнамъ и т. п. и рѣдко кто изъ крестьянъ нашего уѣзда не умѣетъ сдѣлать перечисленныхъ мною работъ. Многіе изъ нашихъ поселянъ занимаются и бондарствомъ: дѣлаютъ бочки, ушаты, ведры, ночвы, миски, ложки бѣлые, некрашенныя, которыя сбываютъ на базарахъ. Въ слѣдующихъ 5 деревняхъ нашего уѣзда Копціовицянскаго прихода: Малаховичахъ, Великой Ольшаницѣ, Малой Ольшаницѣ, Гибуличахъ и Цвикличахъ готовятъ глинянную посуду, которую сбываютъ на базарахъ въ Гроднѣ,

¹⁾ т. е. телеги.

Индурѣ и другихъ мѣстечкахъ. Въ этихъ деревняхъ хать около 90 и во всѣхъ почти занимаются приготовленіемъ глиняной посуды.

Верхнюю одежду крестьяне сами не шьютъ, а отдаютъ шить евреямъ.

Печки же въ своихъ хатахъ крестьяне сами бьютъ изъ глины, а нѣкоторые складываютъ ихъ изъ кирпичей.

Дѣвочекъ мать, въ свою очередь, обучаетъ, уже съ 7-ми лѣтъ прясть,—сперва *валъ*, толстое *пакумля* (пакля), отрешье, потомъ лучший сортъ той же *пакумля*, а затѣмъ ленъ и волну, а также жать, полоть и т. д. и наконецъ ткать разные холсты и сукно, шить бѣлье и все нужное въ домашнемъ быту, кромѣ панчохъ, которыя не принято самимъ вязать: ихъ вяжутъ жидовки за плату отъ 8-ми до 12 копѣекъ за пару. Нѣкоторыя дѣвушки умѣютъ вязать крючкомъ простыя кружева (коронки), которыми обшивають себѣ передники и воротники рубахъ, и такой же доброты вяжутъ себѣ чепчики, которые носятъ обыкновенно подъ платкомъ.

Д. ЗАНЯТІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

Единственное занятіе крестьянъ нашего уѣзда остается земледѣліе. Если у нихъ земли недостаточно, а арендовать или просто нанимать негдѣ, то лишніе члены семьи нанимаются въ батраки, или же ходятъ на поденщину, другими промыслами не занимаются. Впрочемъ лѣтомъ крестьяне доставляютъ на своихъ подводахъ въ мѣстечко соль съ барокъ на пристаняхъ рѣки Нѣмана изъ за 20 и до 30 верстъ.

До реформы и устройства желѣзныхъ дорогъ многіе помѣщики отдавали въ наемъ своихъ крестьянъ евреямъ — купцамъ, для проведенія бичевой барокъ до Кролевца (Кенигсберга). Помѣщики брали съ евреевъ за человѣка—отъ 50—60 рублей, а послѣдніе крестьянамъ выдавали только по 3 рубля. Барки (виципы) тащили по Нѣману рѣкъ отъ начала апрѣля и возвращались домой около 15-го августа. Казенные же крестьяне на-

нимались сами добровольно. На другіе же промыслы никогда и ни откуда не отправлялись. Попробуйте сказать крестьянину нашего уѣзда, чтобы онъ пошелъ на заработки за 100 или 200 верстъ, такъ онъ непремѣнно вамъ скажетъ: «Хиба ошалѣушы, што пойду на край свѣта?» Если же казенные крестьяне и ходили до Кролѣвца (Кёнигсберга), то очень немногіе и неохотно, а крѣпостные ходили по неволѣ.

Крестьянки нашего уѣзда весьма трудолюбивы и хорошія мастерицы прясть и ткать. Почти каждая изъ нихъ можетъ въ теченіе зимы выпрясть и выткать до 150 аршинъ хорошаго холста средней толщины такъ называемаго *кужеля*. У каждой по нѣсколько дюжинъ рубахъ, юбокъ, платковъ и въ запасѣ по 500 и болѣе аршинъ холста разнаго сорта, изъ котораго однако сбываютъ на базарѣ только небольшое количество. Въ годъ хозяйка продать холста становъ около пяти (станъ — 3 аршина), но въ голодные годы продаетъ его гораздо больше, становъ— до 50, т. е. до 150 аршинъ и болѣе.

Скотъ крестьяне наши держатъ въ весьма ограниченномъ количествѣ, одну лошадь, рѣдко двухъ, одного или двухъ воловъ, двѣ или одну корову, пару овецъ, пару и больше, штукъ до 8-ми, свиней, и только.

Овецъ у насъ доятъ не только крестьяне, но и моя мать покойница ихъ доила. Молоко овечье хотя и отдаетъ навозомъ, но оно весьма жирное, и сыры изъ него очень вкусны.

Козъ во всей нашей губерніи никто изъ крестьянъ не держитъ. Вы ихъ встрѣтите только въ мѣстечкахъ, у евреевъ, на что крестьяне смотрятъ съ презрѣніемъ. «Якіе гѣты жидѣ дурныѣ», говорятъ они, «трымаюць¹⁾ козъ! зъ ихъ нема ни какой ноўды (пользы): молоко слизко, якъ сморкачь, а яны, по́длы, ядуць гѣто молоко!»

Со ѣкотиной они обходятся всегда милосердно, жестоко ея не бьютъ и говорятъ: «Вóлики, короўки и говѣчки свянцона кўб-сточка, а коня погáне».

¹⁾ держать.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Если крестьянинъ нашъ и продаетъ скоть, то только здоровый, но чаще онъ продаетъ лишь его приплодъ; себѣ же въ пищу онъ оставляетъ только больныя штуки. Если у него заболѣетъ волъ, корова, теленокъ, баранъ, овца, или свинья и видитъ онъ, что на ихъ выздоровленіе нѣтъ надежды, то никоимъ образомъ не допуститъ, чтобы его *живина* (скотина) *здохла* (подохла) и съѣли собаки, но непременно ее зарѣжетъ, и въ такомъ случаѣ говорится не: «зарѣзаў, а дорѣзаў» ¹⁾.

Изъ домашнихъ птицъ крестьяне держатъ куръ — отъ 3-хъ до 15-ти, иные держатъ и гусей отъ 3-хъ до 7-ми, которые обыкновенно выводятъ отъ 14-ти до 60 гусенятъ. Осенью же ихъ всѣхъ продаютъ. Нѣкоторые крестьяне прирѣчныхъ деревень держатъ и утокъ, но гдѣ рѣки нѣтъ, тамъ рѣдко вы встрѣтите этихъ птицъ.

Птичьимъ мясомъ крестьяне обыкновенно не пользуются для своего стола, исключая только тѣхъ случаевъ, гдѣ того требуетъ установленный искони религиозный обрядъ. Такъ напримѣръ на *застѣки* или *досѣки* ржи они къ обѣду непременно зарѣжутъ пѣтуха или гускѣ. А помимо подобныхъ случаевъ крестьяне наши ни за что не рѣшатся зарѣзать курицу или цыпленка, даже во время серьезной болѣзни кого-нибудь изъ членовъ семейства, когда врачъ кромѣ куриного супа не позволяетъ больному употреблять никакой другой пищи.

Перья домашнихъ птицъ для подушекъ въ употребленіи только у однихъ зажиточныхъ крестьянъ, и то они ихъ не щиплютъ, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ, но рубятъ топоромъ, отчего подушки на практикѣ оказываются весьма неудобными. Болѣе богатые крестьяне совсѣмъ не пользуются этими перьями, а когда настаетъ въ нихъ надобность, какъ напримѣръ при выдачѣ замужъ своихъ дочерей, то и перья и пухъ покупаютъ у евреевъ. О перинахъ же наши крестьяне и понятія не имѣютъ. Обыкновенно они дѣлаютъ свои подушки изъ особенной травы, расту-

---

¹⁾ «Зарѣзаў» значитъ — здоровую, а «дорѣзаў» — больную К.

щей на мокрыхъ лугахъ; эта трава похожа на вату. Къ этой-то травѣ они прибавляютъ паклю, отчего подушки выходятъ весьма твердыми.

Пчелъ рѣдко у кого изъ нашихъ крестьянъ можно встрѣтить. Они считаютъ ихъ святыми: «Янъ церкви и косыцѣлы освящающъ».

Е. ПОРЯДОКЪ ДНЯ И ДНЕВНЫЯ ЗАНЯТІЯ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА.

у крестьянъ нашего уѣзда остались, за малыми исключеніями, тѣже и теперь, какъ и до реформы. Рабочій день въ хатахъ всегда открывается трудами женщинъ-домохозяекъ. При крѣпостномъ правѣ онѣ вставали въ 2 ч. пополудни, чтобы успѣть приготовить кушанья для домохозяина и другихъ тягловыхъ работниковъ семьи, выгонявшихся панскими войтами спозаранку на барщину: лѣтомъ въ поле, а зимою на молотьбу и др. работы. Въ настоящее же время хозяйки встаютъ только въ 5 ч. утра, а мѣшины еще позже.

Зимою, хозяйка, вставши, тотчасъ отправляется въ погребъ съ *сѣвенокъ*, въ которую набираетъ тамъ картофеля, брюквы, капусты или бураковъ. Принесши все это въ хату, перечиститъ, приготовить, какъ слѣдуетъ и размѣститъ по горшкамъ; затѣмъ нальетъ горшки водою и поставитъ ихъ въ печь: два горшка съ кушаньемъ для семейства — рядомъ, а третій, въ промежуткѣ первыхъ, съ одной только *бѣлбой* (картофелемъ) — для борова. Затѣмъ разложитъ между горшками огонь и непременно перекреститъ его. Въ это-то время она, по большей части, читаетъ шепотомъ молитву, безъ малѣйшаго чувства благоговѣнія, а лишь по одной, съ дѣтства вкоренившейся привычкѣ. Если у нея есть дочери взрослыя, то онѣ садятся за прялку, прядутъ что-либо и тутъ такимъ же образомъ творятъ молитву. Маленькія же дѣвочки, отъ двухъ до 9-ти лѣтъ, спятъ очень долго и встаютъ только тогда, когда уже готовъ обѣдъ. Умывшись, онѣ читаютъ молитву подъ наблюдениемъ

старшихъ сестеръ или братьевъ. То же самое дѣлають и мальчики. Взрослые же парни и мушны встаетъ позже женщинъ, приблизительно около 6-ти часовъ утра. Вставши, они первымъ дѣломъ осматриваютъ скотину, и тутъ на ходу читають молитву, дадутъ корму только однимъ лошадямъ, а воловъ, коровъ и овецъ кормятъ позже, часа два спустя. Въ 8 часовъ завтракають или, какъ они говорятъ—обѣдаютъ, послѣ чего мушны отправляются на токъ молотить, женщины принимаются за шитье бѣлья и починку стараго, а дѣвки за пряжу кудели. Въ 12 часовъ мушны вторично кормятъ скотину, а часъ спустя идутъ полудновать, и ѣдятъ то же самое, что ѣли въ обѣдъ. Послѣ полдника мушны опять отправляются молотить до 4 часовъ пополудня, а женщины занимаются кормленіемъ свиней и птицъ. Отъ 4-хъ до 5-ти часовъ всѣ собираются въ хату и ужъ больше ничего не дѣлають. Это время называется «*шара юдзина*». Затѣмъ мушны вяють веревки, плетутъ полукошки, корзинки, шьютъ изъ лозы и соломы коробки разной величины: *шостнастки* (въ 12 гарнцевъ), *сѣвинки* (въ 7 гарнцевъ), гарнцы,— плетутъ лапти разныхъ сортовъ, какъ-то: *постолы*, *филянки*, *ходаки* и пр., починяють боты себѣ и *чаровики* бабамъ. Бабы въ это время продолжаютъ свои работы по хозяйству, дѣвки прядутъ и если ихъ въ хатѣ нѣсколько, то поють пѣсни, рассказываютъ сказки, загадываютъ загадки, но чаще всего онѣ по вечерамъ ходятъ поочередно на супрядки другъ къ дружкѣ, гдѣ зачастую и остаются ночевать. На супрядкахъ дѣвки прядутъ очень долго, нерѣдко за-полночь и все-таки на другой день встають очень рано, такъ что всего на все онѣ спятъ въ сутки не болѣе трехъ часовъ, а къ 8-ми часамъ утра возвращаются уже домой къ обѣду.

По праздникамъ всѣ въ домѣ встають въ 8 часовъ утра: мушны кормятъ скотъ, бабы и дѣвки сообща готовятъ обѣдъ, молятся такимъ же образомъ, какъ и въ будни, въ 10 часовъ обѣдаютъ и затѣмъ отправляются въ церковь, а дальніе, живущіе верстъ за 8 или за 10, обѣдаютъ еще раньше, но безъ

обѣда въ церковь никто и ни за что не поидеть, за исключеніемъ развѣ только того, кто желаетъ исповѣдоваться и причаститься. По выходѣ изъ церкви одни прямо идутъ домой, а другіе предварительно заходятъ въ корчму, гдѣ выпьютъ маленько и закусятъ, вечеромъ же, если не постъ, то туда отправляется и молодежь и тамъ составляются у нихъ танцы.

Весной же, въ будни, мушны встаютъ тоже рано, часа въ 3—4, осматриваютъ соху, борону, хозяйка приготовляетъ обѣдъ, а взрослые парни отправляются съ лошадьми на ночлегъ, дѣвки выпускаютъ коровъ, воловъ на *позаранку*, а въ 7 часовъ пригоняютъ ихъ обратно домой и въ тоже время и парни приѣзжаютъ съ лошадьми съ ночлега. Вся семья тогда садится за столъ, пообѣдаютъ, и вслѣдъ затѣмъ мушны отправляются въ поле пахать (горать), парни борновать, а гдѣ парней нѣтъ, тамъ дѣвки заступаютъ ихъ мѣсто. Днемъ женщины ткутъ сукно и разнаго рода холстъ, бѣлятъ его, въ чемъ и взрослые дочери имъ помогаютъ. Эта работа у нихъ продолжается до 24-го іюня. Съ этого числа мушны берутся за косы, начинаютъ косить сѣно, что продолжается до первыхъ чиселъ іюля, а дѣвушки и подростки ворошатъ, сушатъ сѣно, которое потомъ мушны возятъ домой. Покончивъ съ этой работой, женщины берутся за серпы и начинаютъ жать рожъ и другой хлѣбъ, въ чемъ имъ помогаютъ мальчишки, иногда и парни, мушны же никогда, такъ какъ въ это время они вздваиваютъ, т. е. пашутъ во второй разъ подъ посѣвъ ржи.

Лѣтомъ работа у всѣхъ спѣшная, кипучая. Мушны возятъ снопы домой и непременно стараются, чтобы 30 іюля былъ испечень новый хлѣбъ.

Съ 1-го августа мушны пашутъ поле въ 3-й разъ (встраиваютъ), съ 15-го начинаютъ сѣять рожъ и пшеницу, 6-го этого мѣсяца пробуютъ бульбу, а съ 15-го уже начинаютъ ее употреблять ежедневно въ кушанья.

Въ церковь лѣтомъ наши крестьяне не охотно ходятъ, и по праздникамъ норовятъ какъ бы больше поспать въ сараѣ на

свѣжемъ сѣнѣ,—по вечерамъ ходятъ осматривать поле: нѣтъ ли погравы, *шкоды*? До 8-го сентября даже въ корчму они не ходятъ, развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ, и то только одни мушчины.

Съ 8-го же сентября, когда празднуютъ *Богацъ*, крестьяне туда начинаютъ уже ходить почаще, такъ какъ съ этого времени начинается у нихъ и продажа хлѣба. Съ осени и въ церковь они чаще ходятъ, ѣздятъ и въ мѣстечко на базаръ съ своими женами и тамъ гуляютъ. Съ базара мать обыкновенно привозитъ взрослымъ дочерямъ хусцінки, а отецъ товаръ на *постолы* или *боты*, маленькія же дѣти съ особенною радостью встрѣчаютъ свою мать, которая имъ привозитъ *пирогоу* и *обаранкоу*. Но отецъ, когда возвращается пьянымъ, что случается нерѣдко, встрѣчаетъ своихъ малютокъ *нулю*.

Осенью же, послѣ посѣва ржи, пшеницы и уборки съ полей гречихи и бульбы, начинаются сватовства, заручины, запоины и т. д.; заказываютъ въ церкви заупокойныя литургіи, панихиды, задаютъ сосѣдямъ и роднымъ обильные обѣды, на которые иногда приглашаютъ и церковный причтъ. Начиная съ осени и до Рождества народъ работаетъ весьма лѣниво, какъ мушчины, такъ и женщины, потому что въ это время у него всего вдоволь, ни въ чемъ онъ не нуждается.

Ж. ОТНОШЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ КЪ РЕЛИГІИ И ПРАВОСЛАВНОСТИ.

Крестьяне нашего уѣзда хотя и были присоединены къ православной церкви въ 1839 году, но вплоть до 1855 г. всѣ почти церковные обряды совершались на уніатскій ладъ. Ходили они, правда въ церковь, но молитвы и пѣсни церковныя тамъ читали и пѣли все польскія, и въ тоже время не въ состояніи были пропѣть по-русски даже: «Господи помилуй!» Если причетникъ или священникъ, бывало, предложитъ имъ это сдѣлать, то они обыкновенно отвѣчали: «Мы не москалѣ, капъ спѣвади «Господзи помилуй!» и т. п. Изъ пятидесяти тысячъ душъ прихожанъ .Ла-

шинскаго прихода едвали человекъ пять знали молитвы по-русски, хотя бы «Отче нашъ», а всегда молились по-польски, и то коверкая слова на свой ладъ. Одни только дворовые люди, которые научались польской грамотѣ при дворахъ своихъ пановъ, произносили молитвы правильно, знавшихъ же русскую грамоту приходилось считать въ то время едва ли не по одному на 100 душъ.

Въ настоящее же время видимъ уже грамотными почти половину подростающаго поколѣнія мужского пола и 10½ процентовъ женскаго... Современная деревенская молодежь, какъ грамотная, такъ и неграмотная уже изучаетъ и знаетъ русскія молитвы, а польскія читаютъ только одни старики и старухи. Нельзя сказать, чтобы наши крестьяне и въ настоящее время посѣщали храмъ Божій усердно и охотно. Такъ напр. Лашинскій приходъ состоитъ теперь изъ 5000 душъ¹⁾, а между тѣмъ въ воскресные и праздничные дни въ церкви болѣе 200 человекъ не бываетъ, а часто и того менѣе. Во дни же храмовыхъ праздниковъ, какъ напр. 9-го мая — св. Николая Чудотворца, бываетъ около 3000 душъ, также и на *Земну* (Успеніе) и на *Богача*, т. е. 8 сентября — Рождество св. Богородицы.

Жители всѣхъ деревень Лашинскаго прихода, находящихся въ недалекомъ разстояніи отъ Лаши²⁾, казалось бы, могли почаще посѣщать церковь, но посѣщаютъ ее только изрѣдка и то безъ особаго къ ней влеченія. Бываютъ однако и исключенія: попадаютъ и очень усердные къ храму Божію крестьяне и крестьянки, но таковыхъ очень мало. Вообще должно сказать, что если они и ходятъ молиться, то охотнѣе въ костелъ, чѣмъ въ цер-

¹⁾ Въ недавнемъ прошедшемъ это число доходило до 7000 слишкомъ, но съ 1870 года третью часть прихода выдѣлили и построили для нея въ мѣстечкѣ Индурѣ особенную церковь и такимъ образомъ Лашинскій приходъ распался на два самостоятельные прихода. И. К.

²⁾ Деревни отъ Лаши довольно близки, а именно: Сухая Долина 2 в., — хатъ въ ней 120, Копціовщина 2 в. — дворовъ 21; Каваличи-Великіе и Малые 2 в. — дворовъ 26, Лиговка 2 в. — 24 хаты, Зарубичи 4 в. — 40 хатъ, Баранова 4 в. — 40 хатъ, Кругляны 3 в. — 22 хаты, Калениники 3 в. — 16 хатъ и самыя дальнія деревни: Конюхи, Козлы и Могиланы отъ 4 до 12 в. И. К.

ковь. «Усе роўно хвала Боска», говорятъ они. Словомъ и къ костѣлу они относятся съ такимъ же равнодушіемъ.

Въ 10-ти в. отъ села Лаши и въ 12 отъ Гродна есть село Конціовщина, гдѣ я съ 1855 по 1861-го годъ былъ псаломщикомъ и поэтому могу съ полной увѣренностью сказать, что я тамъ не зналъ ни одного крестьянина, ни одной крестьянки, которые были бы расположены къ церкви Божіей. Они если и ходили когда въ церковь, то весьма неохотно, такъ сказать вынужденнымъ образомъ, только для исповѣди. Крестить младенцевъ, вѣнчаться и хоронить умершихъ — всѣ эти требы совершались въ церкви, а въ воскресные и праздничные дни тамъ болѣе 10 бабъ и 2-хъ или 4-хъ мушницъ никогда не бывало. Последніе, если и заходили туда, то съ тѣмъ, «капъ съ церкы зайци ў корчму да выпиць *чамярыцы*» (т. е. водки). Въ полуверстѣ отъ Конціовщины есть деревня Полотково, хатъ тамъ 20. Крестьяне (Буйко, Баўсюкъ и др.) этой деревни мнѣ очень часто надоѣдали своими саркастическими вопросами: выйдутъ, бывало, изъ церкви и обращаясь ко мнѣ, скажутъ: «Скажець, паничъ, на што гѣтые ворота ў церкви? На што ены тутъ потребы?» и такъ далѣе. А затѣмъ съ азартомъ скажутъ: «Ці́хо, цихо! Прыдзе пранцузъ — ёнъ вамъ выкине гѣты зъ церкви ворота къ чорту?» и т. д.

Впрочемъ такого рода кощунственное отношеніе къ обрядамъ православной церкви отчасти можно объяснить себѣ тѣмъ, что большая половина населенія деревень Конціовщинскаго прихода католики, остальная же его часть, т. е. православные, коснѣющіе еще въ преданіяхъ униатства, очень имъ сочувствуютъ и держатъ ихъ сторону.

Въ Бога наши крестьяне вѣруютъ, но по своему. По ихъ понятіямъ «Бохъ ласкавы ёсьць на небѣ, и хто на гѣтумъ свѣцѣ живё ў роскошы, той на тоумъ свѣцѣ по смерци будзе мѣцѣ вѣлку нендзу¹⁾, а хто на гѣтомъ свѣцѣ цѣрпиць нендзу, той будзе щасливый вельма на тоумъ свѣцѣ по смерци. Бохъ каждаго чало-

¹⁾ Съ польск. *niezda*: бѣда, бѣдность, бѣдствіе, нищета, убожество и т. п. Польско-Россійск. слов. И. Глюксберга. Варшава 1843 г.

вѣка створыў и каждому даў дѡлю, и якая кому назначыў, то такая его и не мине. Бохъ не тѡлько чаловѣка, але и жи-
вѣлу¹⁾ и ўсихъ пташакъ створыў».

О безсмертїи души они имѣють слѣдующія понятїя: «По смерци душа чаловѣка при ёмъ (т. е. при тѣлѣ) находитца до трохъ дзёнъ, и на трѣци, якъ уже закопáюць цѣло, тоды душа сѣдзіць на близкомъ крыжу²⁾ и пѡтымъ, якъ кончуць, *востане* и полециць, дзѣ ей Бохъ ласкавы прыназначыў: ци ў пѣкло, ци до раю— ена (т. е. душа) тамъ и будзе до страшнаго суда Боскаго. А на страшный судъ, якъ гэтый уже свѣтъ спáлийца, — тоды святыи архáнелъ Михаилъ затрубиць и ўси людзи умершіе ўстануць на долину Езапата и однэ стануць по праву руку, а другіе по лѣву. По правуй будуць гóўцы (т. е. овцы), а по лѣву, козлѣ; гоўцы пойдучъ до раю, а козлѣ до пѣкла. И кажа, коль хто жанáты на трэйцой жѡнцы, то ёнъ будзе стояць зъ першою жѡнкою, а другая и трецяя,—якъ зусімъ для его чужые. А панѣ — тоже пойдучъ до пекла, бо ены вельми крѣўдзили лѹдцаў (людей) бѣдныхъ и жыли надто ў роскошы, бо Бохъ ласкавы ўсе бачиць крѣўду и праўду».

Къ смерти крестьяне наши относятся равнодушно. Если кто-либо заболѣетъ, мужъ или жена, хотя бы былъ молодыхъ лѣтъ, то сосѣдъ, сосѣдка или кто-либо изъ родныхъ, увидѣвши больного скажетъ неперемѣнно: «А што-шъ ты, Янко (или Петрусь или Ганко) умираць хочешъ»? На это больной или больная обыкновенно отвѣчаетъ въ такомъ родѣ: «Одъ смерци нидзѣ не заховáишса: хоць подъ земный лёдъ заховайса, то ена цибе и тамъ найдзе и одъ ее ничымъ не оборонисьса, да и не одкупишса. Королѣ акіе богатые, могли бы цѣлое королевѣство оддáци, да и то не могуць одкупитца, а намъ то бѣднымъ нема рады, якъ одъ еѣ одкупитца». А если кто изъ болѣе разумныхъ посовѣтуетъ обратиться къ помощи врача, то крестьянинъ ему отвѣтитъ: «Што

¹⁾ Животное.

²⁾ Крестъ.

гѣтые дохтурѣ! што ены значаць? Кому Бохъ колько назначыў жыць на свѣцы, то тўолько и будзе жыць, а дохторѣ ў гѣтоумъ ничόго не дорѣдзяць, тўолько дарма грошы лупяць. Я быў у знахара, да и той ничόго мнѣ не помохъ». Но если случится, что врачъ безвозмездно пріѣдетъ къ больному, тогда его съ радостью встрѣтятъ и въ точности исполнятъ всѣ его совѣты. Если кто спроситъ больного: «ци-шъ ты не боишься смерти, то онъ отвѣчаетъ обыкновенно въ такомъ родѣ: «Чагошъ бояцца? Не циперь, то ў чацверъ, а ўсѣ треба ўсимъ умираци».

По умершимъ дѣти долго плачутъ, въ особенности взрослые дѣвушки по отцѣ, а еще болѣе по матери. При всякомъ удобномъ случаѣ идутъ на кладбище и тамъ, припадая къ могилѣ плачутъ, причитывая. Жены въ особенности плачутъ, пока покойникъ лежитъ дома. Многіе изъ плачущихъ стараются, чтобы во время плача не канула слеза на покойника; говорятъ: «Коли, бороні Божа, слеза канецъ на мерца, то ему надто цяжко рѣбитца на тоумъ свѣци». Если же жена не плачетъ по умершемъ мужѣ, то это считается позоромъ и говорятъ: «Му́си ена была кўрва, коли по своемъ мужику не пла́ча».

Что касается нравственности нашихъ крестьянъ, то во дни униі она стояла гораздо выше, чѣмъ въ настоящее время. Тогда очень рѣдко можно было слышать, чтобы дѣвушка родила, и если бывали такіе случаи, то всегда оказывалось, что причиной тому были люди дворовые, какъ напр. управители, писаря, экономы, войты и т. п., такъ какъ они, пользуясь своимъ вліяніемъ у пановъ, прямо насиловали и дѣвушекъ и замужнихъ бабъ. Но вообще нравственность нашихъ крестьянъ тогда стояла высоко! За этимъ униатскіе священники слѣдили пристально, и строго наказывали всякій проступокъ, въ особенности нарушеніе цѣломудрія. Такъ, напримѣръ, я помню вотъ какой случай: Въ 1847 г. въ Лашѣ одна дѣвушка крестьянка (Анна Хацукова) родила младенца и когда священникъ нашей церкви, о. Фаветь Говорскій, объ этомъ узналъ, то, когда родильница въ 40-й день пришла, какъ водится, въ церковь съ молит-

вой, онъ наложивъ ей на голову вѣнокъ изъ гороховой соломы съ длиннымъ въ 3 сажени, изъ соломы же скрученнымъ хвостомъ, приказалъ обводить ее три раза вокругъ церкви и затѣмъ привязать къ дереву, росшему тутъ же при церкви. Приказаніе его, разумѣется, было въ точности исполнено и молодую преступницу цѣлые три часа продержали въ такомъ позорномъ положеніи. Подобныя наказанія проступившихся дѣвушекъ практиковались священниками и другихъ церквей нашего уѣзда, слѣдствіемъ чего было, что всѣ другія дѣвушки, въ виду такого возможнаго публичнаго осрамленія, строго смотрѣли за собою и тщательно старались сохранять свое цѣломудріе.

Не лучше священники униатскіе поступали съ людьми, которые предавались пьянству. Если батюшка бывало замѣтитъ человѣка, пришедшаго въ церковь въ пьяномъ видѣ, то по его приказанію пьяницу немедленно выгоняли изъ церкви, или сажали подъ арестъ. И тутъ припоминается мнѣ такой случай: въ 1844 или 45 году упомянутый выше священникъ, о. Ф. Говорскій, въ какой-то праздникъ, замѣтивъ во время службы, что крестьянинъ Николай Савицкій явился въ церковь весьма нетрезвый, немедленно велѣлъ его вывести и запереть въ хлѣвъ, гдѣ его продержалъ цѣлыхъ три часа.

Вообще во дни униі священники принимали крутыя мѣры противъ безнравственности членовъ своихъ приходовъ. И несмотря на это они все-таки пользовались полнымъ уваженіемъ и должнымъ авторитетомъ у всѣхъ своихъ прихожанъ. Не то, къ сожалѣнію, видимъ теперь. Многіе крестьяне послѣ реформы стали лѣнивѣе относиться къ своимъ работамъ вслѣдствіе того, что стали чаще заглядывать въ корчмы, такъ какъ надъ ними теперь нѣтъ никакой угрозы. На обличительныя проповѣди своихъ священниковъ они не только никакого вниманія не обращаютъ, но по выходѣ изъ церкви послѣ подобнаго поученія вы часто услышите между ними такой разговоръ:

«Што ёнъ кричиць, лаянца, капъ горѣлки ня пиць? а самъ пьё, якъ шавѣць?»

— «Нехай ёнъ крычыць!» не преминеть на это замѣтить другой, «Хто яго боицца? але ёнъ за гэта грошы бярэ, капъ крычаў».

— Праўда твоя, Петруся, даль Бохъ праўда!»

Къ старшимъ лѣтами, какъ и къ сосѣдямъ крестьяне наши, какъ прежде, такъ и теперь всегда относились и относятся съ уваженіемъ, называя ихъ дзяцькамі и цѣтками. Но нельзя того же сказать относительно ихъ вѣжливости и почтительности къ людямъ не ихъ среды. Такъ напримѣръ въ дореформенное время крестьянинъ Гродненской, Виленской и Ковенской гг. при встрѣчѣ съ кѣмъ бы то ни было, снять, бывало, шапку и низко поклонится; теперь не то: проходи или проѣзжай ему на встрѣчу или мимо его хотя бы самый знатный панъ—онъ его и кивкомъ головы не удостоитъ. А если кто вздумаетъ замѣтить ему такое невѣжество, то онъ, пожалуй, услышитъ отъ него такой отвѣтъ: «Атъ, наср. яму! Я самъ гѣтаки само панъ, якъ грапъ, бо я *волны* чаловѣкъ, навоць лѣпши якъ ёнъ». Но помѣщику православному онъ непременно поклонится и шапку сниметъ. «Гѣтому», говоритъ онъ, треба шапку зняци, бо ёнъ зъ Москвы руски панъ». При встрѣчѣ же другъ съ другомъ крестьяне наши, по вкоренившейся изстари привычкѣ, говорятъ: «Нехъ бендзе похвалёны Езусъ Христусъ!» (а чаще «Панеусъ похвалёны! и т. д.»). Впрочемъ въ настоящее время, подъ влияніемъ русской школы и другихъ обрусительныхъ мѣръ уже нѣкоторые при встрѣчѣ говорятъ: «здрастуй!», а входя въ домъ «здрастуйце!». Но въ послѣднемъ случаѣ, какъ бы въ насмѣшку.

Данное слово крестьяне наши исполняютъ въ точности. Они большею частью люди честные и правдивые. Хотя въ семьѣ не безъ уroda, но лгуновъ между ними очень мало. Если берутъ другъ у друга заимообразно хлѣбъ, деньги или т. п., то безъ всякихъ векселей или росписокъ и даже безъ свидѣтелей, а только *господаръ* скажетъ своей *господынѣ* (женѣ): «Гляdziшъ

ты, Гану́ля (или Насту́ля), я ниняка пожычыў Іозыбу (или Михасеви), своему сусѣду, трыдцаць (или сорокъ, либо пятьдесятъ) рублёў грóшай, либо жыта, гоўса, либо гретчыны, или бульбы) то ёнъ дакляруе въ осени оддаци, то ты, чуешъ, зы́щашъ (взыщешъ), бо, якъ кажа, ты кры́ху молóчша (моложе) одъ мене». — «Добрэ, добрэ! буду помняци. — «А ты, Михаську (или Іозыбку), глядзи жа, на терминъ, оддай». — Тотъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Отошъ! Цишъ ты, Андрейку, мне не знаешъ, альбо не вѣдаешъ? Нехай Бохъ кры́е, ратуе, капъ я, кажа, не оддаў. Нехай я до хаты своё не дойду, коли я да не оддамъ табѣ, братóчку». — «Цихо, цихо! не кланиса, я такъ сабѣ сказаў, по старой прывѣчца моей. А *квоты* ¹⁾ то я лѣтомъ прышлю свого Янка горáци 3 дни, альбо нé, то Марысю ци Тэклю, альбо Ажбету прышлю жаци якіе тры, альбо чатэры дзёнъ». — «Добрэ, добрэ! кажа: Тогда должникъ вынимаетъ бутылку изъ кармана, ставитъ на столъ и говоритъ: «Цеперь трэба, якъ то кажа, гэтай *чамерыцы* и выици по *пу́арчыску*» (т. е. по чаркѣ). Хозяинъ скажетъ «эй; не трэба было». А тотъ въ отвѣтъ: «Ге! якъ не трэба? — баба качаргú продала, да и то барышъ пила, а я у це пожычыў столько то грóшай (или 5 осьминъ жыта) и капъ мы по чáроцы не выпили!» Тогда хозяинъ обращается къ женѣ и говоритъ: «Чуешъ, маци, то подай чарку да закуски якой кольвекъ, да треба выици по чарцы».

Впрочемъ все сказанное о честности нашихъ крестьянъ относится преимущественно до того времени, когда крестьяне находились въ крѣпостной зависимости, т. е. до того періода, когда всѣ они были безграмотными. Но въ настоящее время, когда многіе изъ нихъ познакомились съ грамотой, эта примѣрная честность среди нихъ становится все рѣже и рѣже. Когда напрімѣръ возьмутъ денегъ взаймы, хотя по вексялямъ, норовятъ не отдавать: заводятъ тяжбы, судятся, обманываютъ и лгутъ. Впрочемъ и теперь есть между ними добросовѣстные, честные люди.

¹⁾ Проценты.

Крестьянинъ нашъ большею частью злопамятенъ. Если кто-либо его оскорбитъ, то онъ употребитъ всѣ мѣры, чтобы отмстить, и если ему это не удастся, то онъ постарается хоть свѣчу поставить на *безолоуѣ*¹⁾ своего оскорбителя. А въ Кобринскомъ уѣздѣ крестьяне до того мстительны, что часто за присужденные штрафы за потравы ихъ скотомъ хлѣбныхъ полей или сѣнокосныхъ луговъ помѣщика поджигаютъ его сараи, хлѣва и овины.

Крестьяне Гродненской губерніи, въ большинствѣ случаевъ, скряги, исключая Бѣльскаго уѣзда, которые путника и гостя накормятъ, а всѣ остальные норовятъ, чтобы проѣзжіи или гости ихъ угостили.

Ложь среди бѣльшей части изъ нихъ въ послѣднее время перестала ужъ, видно, считаться грѣхомъ. Они при всякомъ случаѣ твердятъ: «Даль Бохъ праўда! Капъ я такъ до хаты счастливѣ зайшоў, якъ гэта праўда!» и т. п., и если при повѣркѣ его окажется, что онъ солгалъ, то онъ, нисколько не смущаясь, скажетъ: «Нехай Бохъ грѣхъ мнѣ даруе, а я думаў, што гэдакъ ёно было», или сошлется на кого-либо другого.

Крестьяне нашего уѣзда не покушаются на крупныя воровства, а тѣмъ менѣе на убійство. Въ Гродненскомъ уѣздѣ мнѣ не случалось слышать объ убійствѣ, и надо полагать, что это происходитъ оттого, что во всемъ уѣздѣ нѣтъ раскольниковъ. Мелкое воровство частенько случается, въ особенности при проѣздѣ подорожный норовитъ какъ-нибудь стащить съ луговъ вязку сѣна, или 2—3 снопа овса, чтобы покормить лошадей, а если еще луга не скошены, то проѣзжіи беретъ съ собой про запасъ и косу, и если ему ночью или вечеромъ при дорогѣ попадется лугъ, то онъ накоситъ, сколько ему нужно травы и норовитъ выбрать лугъ помѣщичій, съ котораго косить и грѣха никакого нѣтъ. Также не считается за грѣхъ украсть что-нибудь у еврея. «У чаловѣка што украсьць, ухопиць, то якъ то моўляў, *цмхз*, а у жида—чортъ его заберы, альбо у пана, што украсьць,—то

¹⁾ Бѣда, несчастье, болѣзнь, смерть. Сл. Носов.

яки-шъ гѣто грѣхъ? Панъ быѣ и будзе паномъ». Воровать лѣсъ также не считается порокомъ. Они говорятъ: яки гѣто грѣхъ украсьць, свиснуць якую кольвекъ штуку лѣсу? ни панъ его сѣяѣ, ни ѣнъ его садзіу, ни поливаѣ, а Бохъ ласкавы его даѣ и намъ бѣднымъ жывитца казаѣ. Лѣсъ, якъ то кажа, быѣ до насъ и будзе по насъ».

3. ОТНОШЕНИЯ: КЪ БРАКУ И КЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ, КЪ СВОЕЙ РОДИНѢ, КЪ ПОМѢЩИКАМЪ, ПЛЯХТѢ, КЪ СЕЛЬСКИМЪ ВЛАСТЯМЪ, КЪ АКТУ ОСВОБОЖДЕНІЯ И КЪ ЕВРЕЯМЪ.

Въ семейной жизни жена у нашихъ крестьянъ считается ниже мужа. «Што жонка значыць? Умры ена нинѣ, то, якъ то кажа: Бохъ за одну, а я за другую. А борони, Божа, якъ мужчына умрѣ, да ащѣ господаръ, да покине маленькихъ дзѣтокъ,—отъ тоды—то бѣда да горѣ, дзѣтки зъ голоду поумираюць».

Женятся наши крестьяне большею частью безъ всякой любви. Приведу въ подтвержденіе поразительный фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ въ 1857 г. Два крестьянина Гродненскаго уѣзда Копціовщизнянскаго прихода, одинъ изъ деревни Колпаковъ—Ходзько, а другой изъ села Копціовщизны—Иванъ Новокольскій, въ одно воскресенье пріѣхали съ своими невѣстами вѣнчаться въ нашу церковь. И вотъ Новокольскій Ходзькѣ и говоритъ: «чуешь, моя жонка для мене да малая, а твоя росту гѣдакого, якъ ты самъ, то покуль насъ ксѣндзъ ащѣ не обвѣнчаѣ, то ты, братко, коли хочашъ, то будземо мѣняцца циперъ дзѣўками». Почесавъ затылокъ, Ходзько и говоритъ: «Ено то можно было бы, коли ты дасі мнѣ дзесяць рублѣў за перамѣнку». — «Што ты!» возразилъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Новокольскій, «ошалаѣу ты, ци што? 10 рублѣў табѣ даци! За 10 р. можно не туюлько жонками мѣняци, але навоць добру корову, альбо кобылу купици. А ты не боишся Бога ласкаваго за гѣто глупство дзесяць рублѣў просици. Дай руку, беры тры рубле *такъ*. Мнѣ трѣба будзе и ксѣндзу якіе 2 рубле прыплацици дорѣжай, што я

на другой жаницца буду, але не на той, съ которой заповѣдзи (оглашеніе) вышли, да трѣба и паничу (дьячку) якую два-злотку даци». Торговались они, торговались довольно долго и наконецъ условились за пять рублей и возъ житной соломы, 2 рубля добавочныхъ священнику и мнѣ 40 коп. Затѣмъ они обратились къ своимъ невѣстамъ: «А вы, дзѣвочки, ци зглашаецца на гѣто, што мы хѣчамо мѣняцца вами?» Дзѣўки говорятъ: «Якъ то мѣняцца?» — «А бачыце, я хочу на шлюби стацц зъ тобою, Ганулька, а зъ Марысею, значычъ, стане Ходзько, — вотъ и ўсѣ».

Подумали, подумали дзѣўки и говорятъ: «Намъ ўсѣ роўно, якъ той мужчына, такъ и ты тако сѣмо, — господарски сынъ. Вы якъ то, кажа, лѣпшъ вѣдаецца, бо мужчынскіе головы. Якъ вы зробіце, такъ и будзе». И чтоже? ударили по рукамъ, поцѣловались межъ собою мужнины, поцѣловали и обмѣненныхъ дѣвокъ, Ходзько весьма усердно поцѣловалъ при прощаніи еще разъ свою прежнюю невѣсту, причемъ, однакожъ, Новокольскій ему замѣтилъ: «Чуешъ, ты циперъ уже не цалуй Ганули. Гѣдзи¹⁾ табѣ цалѣвацц, уже ты нацаловаўса». Этимъ обмѣнъ и кончился, пошли въ церковь и обвѣнчались. Странно было мнѣ видѣть такую оригинальную свадьбу, но какъ я впоследствии узналъ, то и въ другихъ приходахъ Гродн. губ. встрѣчались, хотя, правда, весьма рѣдко, подобныя оригинальныя свадьбы.

Если крестьянинъ нашъ живетъ съ своей женой въ миру и согласіи, то онъ въ обращеніи всегда ласковъ, даже и тогда, когда ей что-нибудь приказываетъ, напимѣръ, «Чуешъ, мацц Гануля (или Марися и т. д.) зроби мнѣ то-то!» — Ну штожъ? добре, зрѣблю. — Если же между ними целадица, раздоръ, то онъ, даже въ крайней надобности, когда ему, напимѣръ, захочется поѣсть не иначе обратится къ свой женѣ, какъ съ такими, примѣрно, словами: «Чуешъ, ты пѣдла, дай мнѣ поѣсьць!» что съ ея стороны вызоветъ подобный же любезный отвѣтъ: «На, на, жары!» (жри). Вообще зачастую нашъ крестьянинъ об-

---

¹⁾ Довольно, будетъ.

ходится съ своей женой весьма грубо, ругаетъ и бьетъ ее за всякую бездѣлицу. Разумѣется все это болѣе или менѣе зависить отъ характера супруговъ. Но какъ бы тяжела ни была жизнь крестьянки въ замужествѣ, она не бросаетъ мужа, не уходитъ отъ него. Такихъ примѣровъ мнѣ не приходилось встрѣчать. Въ средѣ же шляхты это случается довольно часто, особенно если шляхтянка еще молода и недурна собой. При малѣйшемъ раздорѣ съ мужемъ, она бросаетъ его, иногда и дѣтей и, по обыкновенію, уходитъ въ городъ развратничать, а иногда попадаетъ и въ домъ терпимости.

Къ своимъ старикамъ родителямъ, съ той или другой стороны, живущимъ у нихъ въ домѣ, крестьяне не совсѣмъ благосклонно относятся, тяготятся даже ими, считая ихъ дармоѣдами. Разумѣется и тутъ бываютъ отрадныя исключенія.

Относительно *примачества* долженъ сказать слѣдующее: наши крестьяне примачковъ принимаютъ къ своимъ дочерямъ, если у нихъ нѣтъ сыновей. Въ случаѣ, если овдовѣтъ *господыня* (домохозяйка), то и она беретъ къ себѣ *примака*, который мирно живетъ съ ней на правахъ мужа до совершеннаго возраста сыновей отъ перваго брака. И тогда онъ, во избѣжаніе разнаго рода семейныхъ дразгъ, самъ уходитъ или же его прогоняютъ подростки. Если же у вдовы нѣтъ дѣтей отъ перваго брака, или у нея только дочь, къ которой она впослѣдствіи принимаетъ примака, то послѣдній становится полноправнымъ хозяиномъ дома¹⁾.

Крестьяне нашей губерніи не называютъ себя ни русскими, ни бѣлоруссами. Нѣкоторые считаютъ себя литвинами. Но если сказать: «Лицвинъ, Божы сынъ», то вы получите въ отвѣтъ: «Ты самъ лицвинъ!», а если кто скажетъ: «Лицвинъ — чортоў сынъ», то онъ получитъ въ отвѣтъ: «Хоць чортоў, а не твой». Вообще о себѣ и своей странѣ они выражаются такъ: «мы тутейшыя, наша

---

¹⁾ Въ Кобринск. и Брестск. уѣздахъ вмѣсто *примакъ* употребляютъ слово *приступникъ*. Говорятъ: «Еня пришоў приступомъ». И. К.

страна ни руска, ни польска, але забраны край!»¹⁾ А если вы спросите: «кто же васъ забралъ?» то вамъ отвѣтятъ: «Кацерына насъ забрала». При этомъ многіе еще добавляют такую пословицу, вѣроятно заимствованную отъ шляхты: «За короля Саса, людзи наѣлиса хлѣба и мяса, а якъ стаў Понятоўски, то усё пошло по чартоўски».

Великоруссовъ крестьяне наши зовутъ казаками, москалями и русаками.

Поляковъ они не любятъ вообще, помѣщиковъ же польскихъ просто ненавидятъ. Въ каждомъ полякѣ имъ представляется панъ или управитель пана, которые ихъ постоянно преслѣдовали и угнетали. Если при проѣздѣ какого-либо помѣщика поляка черезъ деревню спросить крестьянина: «Кто это проѣхалъ?», то онъ непременно отвѣтитъ: «Гэто крукъ²⁾ поѣхаў ў гарэци». А если увидятъ нѣсколько помѣщиковъ, ѣдущихъ въ костелъ, либо въ судъ, то и тутъ скажетъ: «Гляdzi коўлько пошло крукоў!»

Бѣдные и многосемейные крестьяне, если и относятся къ помѣщикамъ съ уваженіемъ, то это только наружно и притворно, въ расчетѣ, чтобы весной и лѣтомъ они ихъ пригласили на работу, — зажиточный же крестьянинъ, который не нуждается въ постороннемъ заработкѣ, при встрѣчѣ съ помѣщикомъ и шапку ломать не станетъ, и только скажетъ: «Што ёнъ мнѣ значиць, крукъ гэты? сраць на яго! я самъ панъ, лѣпшы якъ ёнъ».

Шляхтичей они не менѣе ненавидятъ. Если шляхтичъ проѣзжаетъ черезъ деревню, то обыкновенно дѣти и подростки, отъ 10 до 18 лѣтъ, выбѣгаютъ изъ хаты на дорогу или изъ-за угла и кричатъ проѣзжимъ шляхтичамъ: «*Шляхтиць, махтиць, кундалёў*

¹⁾ И основательница моего первого Вѣлорусскаго сборника (изд. Георг. Общ. въ 1874 г.), дочь уніатскаго священника, М. Коткевичовна, говорила почти тоже самое: «Край нашъ забраный, а языкъ нашъ мѣшанный». (См. означенный сборникъ стр. 599. III.)

²⁾ Воронъ, скряга. Слов. Носовича.

сынъ¹⁾, зѣй гоуно, да думаѣ, што сырѣ». Родители же вмѣсто того, чтобы пригрозить шалунамъ, любясь изъ окна или изъ сѣней на эту шалость, еще потѣшаются, что ихъ дѣтки такъ удачно дразнятъ мирныхъ проѣзжихъ. Шляхтичъ же въ такомъ случаѣ только погрозитъ кнутомъ и продолжаетъ себѣ свой путь.

Къ великорусскимъ помѣщикамъ, поселившимся въ нашей губерніи съ 1863 г., крестьяне относятся съ бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ панамъ польскимъ. О первыхъ они выражаются такъ: «Гѣтые русскіе панѣ хоць лядаштые и лихіе, але справедливіишіе, якъ *катарцы* и кровопіўцы были ўпяродъ наши панѣ поляки».

Изъ сельскихъ властей крестьяне наши въ особенности недо-вѣряютъ мировымъ посредникамъ, о нихъ они говорятъ такъ: «Гѣто панскіе подлизники (льстецы), яны ўсѣ за панами цѣгнуць».

Не лучшаго они мнѣнія и о мировыхъ судьяхъ: «И яны», говорятъ крестьяне «ў вяликоўй згодзи²⁾» живуць съ панами». За то становыхъ приставовъ просто обожаютъ. «Ахъ Божа ласкавы! якіе цяперъ *ассесоры* добрые», говорятъ они, «якъ рѣдные бацьки. Яны табѣ ўсѣ вытолмачаць (объяснятъ, раскажутъ) якіе, приѣмные, — нето, што ўпяротъ: за найменьшае глупствѣ (пустякъ) морду колоцяць». и т. д.

Къ акту своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости крестьяне наши, относятся весьма своеобразно. Такъ, напри-мѣръ, въ 1886 г. будучи въ гостяхъ у себя на родинѣ, въ селѣ Лашѣ и бесѣдуя со старыми прихожанами Лапинскаго прихода, на мой вопросъ, что имъ теперь на волѣ, вѣроятно, лучше и счастливѣе живетъ, чѣмъ при панахъ и что они, безспорно, усердно молятся за Царя Освободителя, я не разъ, къ удивленію своему, получалъ такой отвѣтъ: «Гѣ! быць можа по дзисейшій часъ не были бы мы *воины*, але дзяковаць Пану Богу за пранцуза. Ёнъ, якъ вояваў ў Систополя (Севастополѣ), то и прыказаў

¹⁾ Т. е. собачій сынъ. *Кунда* значитъ: кудлатая собака И. К. *Мѣхниц* — обманщикъ, плутъ. Слов. Носовича. Вся фраза употребляется какъ пословица.

²⁾ Въ большомъ согласіи. Слов. Носовича.

нашаму цару, кагъ даць волносьць намъ бѣднымъ мужикамъ и циперъ мы волныя». Такой странный взглядъ на дѣло реформы 19-го февраля, по моему мнѣнію, вкоренился среди крестьянскаго населенія не только Гродненской, но Виленской и Ковенской губерній, благодаря интригамъ враждебныхъ нашему правительству пановъ, ксендзовъ и шляхты. Что же касается въ особенности крестьянъ Гродненской губерніи, которыхъ я знаю лучше другихъ, то долженъ сказать, что у нихъ нѣтъ даже въ обычаѣ помолиться или поставить свѣчу за Царя Освободителя.

Къ евреямъ крестьяне наши относятся съ презрѣніемъ и ненавидятъ ихъ, однакожъ въ разговорахъ межъ собой они часто отзываются о нихъ такъ: «Хощъ жидъ и горшъ собаки, але кажа, ў бѣдзѣ, ёнъ часами и поратѹе бѣднаго чаловѣка глѣшъ якъ хрысціанинъ».

Въ Гродн. у. почти всѣ шинкари — евреи. Они имѣютъ нѣкоторое вліяніе на крестьянъ, особенно бывшихъ помѣщичьихъ; тамъ же, гдѣ деревни были казенныя, еврей не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на крестьянъ. Чуть еврей заспоритъ съ крестьяниномъ или вмѣшается въ его разговоръ съ другимъ, онъ непременно обругаетъ его *пархомъ*, *обрызѣнцомъ* и другими подобными словами.

Евреевъ крестьяне ругаютъ и въ глаза при всякомъ случаѣ. Напримѣръ зайдетъ крестьянинъ къ еврею въ лавку и спроситъ: «Чуешъ! ци ёсьць у тебе соль (или другое что?)» Еврей учтиво отвѣчаетъ: «нема, цаловѣчку!» И за такой отрицательный отвѣтъ крестьянинъ осыплетъ бѣднаго еврея всевозможными ругательствами и шипъ еще ему покажетъ.

Въ дореформенное время, бывало, осенью, еврей корчмарь возьметъ около ведра водки и ѣдетъ по деревнямъ по *осенинѣ*. Приходитъ въ хату, возьметъ бутылку водки и говоритъ: «Чи добра жывы — здоровы, пане господарку? Я прыѣхаў до васъ зъ горэлкою по *осенинѣ*». Съ этими словами онъ вынимаетъ рюмку изъ кармана и начинаетъ угощать всѣхъ отъ стараго до малаго,

а тамъ, гдѣ увѣренъ, что подачка будетъ порядочная, то и дѣтямъ дастъ еще по кренделю. Хозяину и хозяйкѣ всегда давалъ по 2 и 3 рюмки, а иногда и больше. За ведро водки, по обыкновенію онъ получалъ хлѣба въ зернѣ отъ 2-хъ до 6-ти четвертей. Нѣкоторые хозяйки, бывало, снабжаютъ корчмаря еще льномъ.

Въ работники къ евреямъ крестьяне, бывало, шли только въ рѣдкихъ случаяхъ. Иной съ охотой, пожалуй, и пошелъ бы, но стѣсняется и говоритъ: «У жиды лѣпѣй службыци, якъ у чаловѣка, але вельми ў стыдъ, бо ўсѣ глядзяць на тебе, якъ на чорта. Але найгоршъ, якъ подумаешъ зноў себѣ, якъ треба ісци до сповѣдзи...».

Евреевъ въ Гродн. у. очень много богатыхъ; напр. въ м. Индурѣ и Лунной можно насчитать евреевъ до 15, которые имѣютъ состояніе отъ 1000 до 800 тысячъ рублей и болѣе. Отъ подобныхъ тузовъ, бывало брали въ займы лишь одни крупные помѣщики. Крестьянинъ же никогда не смѣлъ итти къ такому тузу. Крестьяне если и брали иногда взаймы отъ евреевъ, то брали отъ менѣе состоятельныхъ, и б. ч. отъ шинкарей, которымъ платили отъ 20 до 40%. Надо правду сказать, что до 1880 года мнѣ не доводилось видѣть въ нашемъ уѣздѣ бѣдныхъ евреевъ, а тѣмъ менѣе такихъ, которые бы побирались, даже въ голодные годы они хлѣбъ имѣли. Между нашими крестьянами хотя и есть нѣкоторые состоятельные, которые дадутъ и хлѣбъ и деньги взаймы, но чтобы брали за это проценты отъ своей бѣдной братьи — объ этомъ мнѣ не доводилось слышать; отъ своихъ должниковъ, они требовали только, чтобы они лѣтомъ, въ страдную пору имъ за это отработали небольшой работой, напр. за 25 р.—6 дней жать, 4 дня сѣно косить и т. п.

Наши бѣлоруссы искони питаютъ къ евреямъ вражду, въ особенности за то, что многіе изъ нихъ арендовали отъ помѣщиковъ имѣнія и выжимали изъ крестьянъ послѣдніе соки. Кромѣ того многіе еврей у пановъ бывали факторами и совѣтниками, которымъ они болѣе довѣряли, чѣмъ своимъ настоящимъ управляющимъ.

Д. ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ.

Ареной для этой жизни служить преимущественно корчма. Она для бѣлорусса есть и биржа и, такъ сказать, справочная контора и клубъ. Въ корчмахъ крестьяне наши собираются для обсужденія разныхъ вопросовъ частныхъ и общественныхъ, для совершенія разнаго рода сдѣлокъ. Здѣсь происходитъ наемъ работниковъ; здѣсь обсуждается выборъ должностныхъ лицъ и другія дѣла общественнаго характера, такъ что въ волостное правленіе приходятъ только для составленія, уже предрѣшеннаго въ корчмѣ договора.

Общія сходки въ корчмѣ чаще всего бываютъ весною для найма сообща пастуховъ. Ихъ нанимаютъ во-первыхъ — пасти гулящую скотину, т. е. коровъ, подтелковъ, быковъ и трехлѣтнихъ коровокъ, во-вторыхъ — для свиней, а въ третьихъ для овецъ. Первому платятъ отъ 10 до 25 к. за штуку, второму — отъ 5 до 10 к., а послѣднему — только отъ 5 до 7½ к. за штуку. Всѣхъ этихъ пастуховъ общество обязывается поочередно кормить въ продолженіе всего пастбищнаго періода. Наемъ этотъ обыкновенно происходитъ въ воскресный или праздничный день такимъ образомъ: по выходѣ изъ церкви всѣ сходятся на церковномъ погостѣ и одинъ изъ болѣе вліятельныхъ домохозяевъ (господарей) обращается къ своимъ односельчанамъ съ такими примѣрно словами: «Ну, чѹеце, господарѣ, пойдземъ до корчмы! Трэба ниняка гуртомъ (сообща) наняци *моўкоўніка* для свиней (или *быдла*), а если для овецъ, то скажеть: «трэба намъ наняци *пастыра* для говѣцъ». Во всей Гродненской губерніи строго отличаютъ *пастуха* отъ *пастыра*.

При заключеніи договора (словеснаго) возьмутъ гарнецъ водки и сперва выпьютъ сами, потомъ подносятъ по чаркѣ пастухамъ и пастырамъ.

Пастьба въ нашихъ мѣстахъ обыкновенно продолжается до Покрова (1-го октября), иногда и дольше, смотря потому,

какая бывает осень. По окончаніи пастьбы пастухи получаютъ отъ нанявшаго ихъ *господара* условленную плату, а пастырь, кромѣ денегъ, пользуется еще правомъ на *дзяды* ходить по всѣмъ хатамъ и собирать подачки. Ему вездѣ даютъ обыкновенно по ломтю хлѣба, отъ 4 до 7 ф., смотря по зажиточности и щедрости хозяйки. Лошадей своихъ хозяева пасутъ сами, или же ихъ сыновья, гдѣ таковые есть. А такъ какъ крестьяне Гродненской губ. пашутъ землю волами, и только въ рѣдкихъ случаяхъ лошадьми, то весной и лѣтомъ въ 3 ч. ночи, иногда и раньше, хозяйскія дѣти, сыновья или дочери, отъ 10-ти до 15 лѣтъ выгоняютъ воловъ своихъ на пастбище, гдѣ они остаются съ ними до 7 ч. утра. Въ 8 ч. вся семья завтракаетъ и молодежь остается дома до 4 ч. пополудни, когда хозяинъ возвращается съ поля, гдѣ онъ пахалъ съ 8 часовъ утра. Отъ этого часа до заката солнца кто-либо изъ дѣтей снова выгоняетъ на паству воловъ и лошадей.

Сходокъ на счетъ начала жатвы у насъ не бываетъ, а какъ только господарь увидитъ, что кто-либо изъ сосѣдей началъ жать рожь, то и прочіе домохозяева тотчасъ заговариваютъ: «Трѣба заўтра начацц жаци жито, бо уже Петрукъ или Янко ниняка начаў жаци» и на слѣдующій день женскій полъ отправляется въ поле жать. Мушины жнутъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Общія сходки бываютъ еще для найма луга у помѣщика, что впрочемъ случается очень рѣдко. Такой лугъ крестьяне раздѣляютъ *шнуромъ* по-своему, но косятъ его одновременно со всѣми. Если же берутъ у помѣщика извѣстную часть пахатной земли, то берутъ не за деньги, а на *трэцякъ*, т. е. съ тѣмъ, чтобы, обработавъ и засѣявши эту землю своимъ зерномъ, отдавать ему двѣ части жатвы и только третью оставлять въ свою пользу.

Роль клуба бѣлорусской корчмы выражается въ томъ, что она является какъ бы дополненіемъ къ семейной жизни крестьянина.

Ни одно семейное торжество не обходится въ крестьянскомъ быту безъ корчмы. Корчма служитъ нашему крестья-

нину отдыхомъ и развлеченіемъ отъ тяжкихъ трудовъ и своего рода утѣшеніемъ въ печальныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ корчмѣ женихъ высматриваетъ себѣ невѣсту. Въ корчму заѣзжаютъ прямо изъ церкви послѣ вѣнца и свадьбы, туда же заѣзжаютъ и послѣ крещенія младенца и послѣ похоронъ. На 2-ой день Рождества Христова, на новый годъ, 6-го января, 2-го февраля, на дзѣдовую *недѣлю* (т. е. воскресенье) и заговинны крестыяне наши, отъ мала до велика, до старика—всѣ идутъ въ корчму, а дома остаются только престарѣлые старики, всѣ же остальные, даже 5-ти лѣтніе дѣти и тѣхъ родители забираютъ съ собою, отправляются въ корчму, гдѣ въ танцахъ и играхъ проводятъ почти всю ночь. Старые и вообще женатые обыкновенно усаживаются тамъ чинно за столомъ, пьютъ горѣлку и пиво, закусываютъ мясомъ и колбасой, а *дзѣцюки* съ *дзѣўками* стоятъ въ углу, при порогѣ, у печки, нашептывая что-то другъ другу на ухо, *залицаюцца*¹⁾, «обнимаютца, цѣлуютъ дзѣвокъ» и «коли дзѣўка вельми сподобалася дзѣцюку, то и за цыцки дзержиць». Но это онъ дѣлаетъ только въ такомъ случаѣ, «коли будзе зъ ею непременно жанитца». Грубыхъ *жартоў* однако тутъ не бываетъ. Эти жарты случаются съ замужними женщинами и чаще всего въ тѣхъ селахъ, гдѣ стоятъ солдаты, но съ дѣвками очень рѣдко бываютъ подобнаго рода погрѣшности. Вообще должно сказать, что относительно цѣломудрія нравы нашего народа пока очень строги. Такъ напр. въ Лашинскомъ приходѣ, въ которомъ числится 5 тысячъ слишкомъ прихожанъ, въ теченіе года бываетъ одинъ и рѣдко два случая незаконнаго рожденія.

Въ продолженіе ночи хлопцы зъ *дзѣўками* танцуютъ, *скачуютъ вальца, круцѣлку, мяцелицу, польку и казака*. Когда *дзѣцюкъ* возьметъ *дзѣўку* или молодзицу скакаць, то онъ во время танца непременно споетъ ей куплетъ или припѣвокъ, въ отвѣтъ на что она ему пропоетъ нѣчто подобное, а часто еще болѣе забористое. И то и другое дзѣўки и молодицы непременно подхватятъ

¹⁾ *Залицаюцца* — дѣлать любезности, стараться понравиться дѣвицѣ, присватываться: къ одной залицався, а другую узаяв. Слов. Носовича.

и съ увлеченіемъ, во весь голосъ повторять¹⁾. Такъ напр. въ 50-хъ годахъ я самъ разъ въ Лапинской корчмѣ былъ свидѣтелемъ подобнаго состязательнаго пѣнія на *дзѣдэ*. Дзѣцюкъ Антонъ Савосько взялъ молодзницу Анастасію Боўткову (лѣтъ 26) и въ началѣ танца запѣлъ ей:

Зайграце музыки,
У мене брыжи велики!
Мине хлопцы любилі,
То мнѣ брыжы купили 2.

на что *молодзница* ему сейчасъ же въ отвѣтъ запѣла:

Ты думаешъ, дурню,
Што я цебе, любила?
Я такими дураками
Плоты городзіла;
Ты думаешъ, дурню,
Што я це кохала?
Я такими дураками
Ср... подцирала. и пр.

Всѣ дзѣўки и молодзницы мигомъ подхватили этотъ припѣвокъ хоромъ. Вообще ни одинъ *дзѣцюкъ* (парень) не протанцуетъ съ *дзѣўкой* или *молодзницей* безъ припѣвокъ, на которые первыя не отвѣтили бы подобными.

Музыкантовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ нанимаетъ шинкаръ, большею частью ихъ приглашаетъ молодежь, которая хотя денегъ имъ не платитъ, но угощаетъ ихъ весьма щедро, и если во время танца лопнетъ струна, то танцующій обязанъ заплатить за нее отъ 3-хъ до 5 копѣекъ, смотря по ея стоимости. Присутствующіе тутъ же родители, любуясь танцующими, приговари-

---

¹⁾ Бѣлорусская народная поэзія весьма богата подобнаго рода припѣвками; такъ напримѣръ въ однихъ моихъ печатныхъ сборникахъ (1874 и 1887 гг.) ихъ наберется около двухъ сотъ, если не больше, и пожалуй столько же ихъ окажется въ моихъ рукописныхъ матеріалахъ. III.

ваютъ: «Добре, добре, дзѣтки скачеце! циперь ваша, якъ то моўляў, пора скакаці, мы уже своё отскакали».

Начиная съ Пасхи до 1-го октября у насъ не танцуютъ развѣ только во время свадьбы, которая впрочемъ лѣтомъ очень рѣдко бываетъ, въ три года одна.

Въ корчмы заходятъ и тѣ, которые заказали обѣдню. Они по выходѣ изъ церкви тамъ ѣдятъ и свой обѣдъ.

Корчмы нашего уѣзда строятся такимъ образомъ: Большая *стодола*, большая изба, гдѣ стоитъ буфетъ, отъ котораго идутъ длинныя столы въ 4 сажени. Здѣсь происходятъ танцы. Съ правой стороны небольшая комната для семьи шинкаря. Затѣмъ камора или кладовая, гдѣ стоитъ бочка водки 100-ведерная и пива, а также въ засѣкахъ хлѣбъ, пропитый или промѣненный крестьянами на водку, котораго, бывало, осенью и зимой у шинкаря Лапинской корчмы набирается до 30 и 40 четвертей.

Изъ сообщеній И. О. Карскаго.

ЕЩЕ О ВЪЛОРУССКОЙ КОРЧМѢ ¹⁾.

Въ Витебской губерніи.

За малыми исключеніями, стоя особнякомъ и на болѣе видномъ мѣстѣ, корчма, одноэтажное, деревянное, а иногда и каменное зданіе, скоро обращаетъ на себя вниманіе массивностью постройки, низкими маленькими окнами, за которыми, внутри, устроены деревянныя рѣшетки, для охраненія стеколъ отъ размаха руками подгулявшихъ, — перилами вокругъ лицевыхъ сторонъ, при которыхъ почти всегда, во всякое время

---

¹⁾ Въ дополненіе къ предыдущему описанію корчмы считаемъ уместнымъ приложить здѣсь не лишнюю интереса характеристику ея, составленную, по нашей просьбѣ, стариннымъ нашимъ сотрудникомъ, Н. Я. Никифоровскимъ, еще въ 70-хъ годахъ. Роль корчмы, и корчмаря такъ значительна въ жизни бѣлорусса, что, чѣмъ многостороннѣе будетъ ихъ изображеніе, ихъ характеристики, тѣмъ легче, тѣмъ удобнѣе станетъ изученіе того вліянія, которое они оказывали и оказываютъ на сельское населеніе Сѣверо-Западнаго края. III.

дня и ночи, можно видѣть привязанную лошадь досужаго путешественника. На широкомъ пространствѣ отъ перилъ разсыпаны остатки всякой всячины, начиная отъ лошадинаго помета и кончая клочками сѣна. Въ наружномъ видѣ корчмы и внѣшней ея обстановкѣ мало - мальски прихотливый вкусъ не найдетъ ничего привлекательнаго. Нѣтъ при корчмѣ ни сада, ни правильно или даже кое-какъ посаженныхъ деревьевъ. Садъ всегда, служить соблазномъ для лакомокъ и внѣ корчмы, при ней же — въ особенности; тутъ посаженное дерево скорѣе всего найдетъ себѣ употребленіе у проѣзжаго, забывшаго или же потерявшаго кнутъ. Да и кому будетъ охота заняться подобною обстановкою корчмы снаружи, когда требованія гостей ровно ни на волосъ не касаются этого предмета?

Построенная на скорую руку доморощенными плотниками, корчма наша представляетъ одинаковую аляповатость, какъ снаружи, такъ и внутри. Стѣны кое-какъ отесаны топорами; полъ и потолокъ имѣютъ столько дыръ, что чрезъ первый свободно исчезаетъ кнутъ и рукавицы; черезъ послѣдній же свободно уносится изъ корчмы все вредное для дыханія. Четвертую часть комнаты занимаетъ массивная кирпичная печь; другую же такую часть — прилавокъ, за которымъ помѣщается все нужное для посѣтителей корчмы. Такой прилавокъ есть досчатая до потолка перегородка, въ срединѣ которой входная дверь, съ слуховымъ, но открывающимся въ случаѣ надобности окошкомъ, для передачи потребителямъ нужнаго. — Такимъ образомъ только половинная часть корчмы остается для гостей. Здѣсь вдоль стѣнъ поставлены широкія и выдерживающія всякую тяжесть лавки; въ главномъ же углу стоятъ козелки съ положенною на нихъ широкою доскою. Этотъ немудреный снарядъ служитъ столомъ. Больше этого и меньше этого ни одинъ посѣтитель не можетъ встрѣтить въ нашей корчмѣ.

Вотъ внѣшность и внутренность нашей корчмы.

Но не въ этой обстановкѣ вся сила и вся суть корчмы. Гости нашей корчмы не требовательны, потому что и дома они ви-

дять немного лучшаго. Корчма важна и интересна внутренней своей жизнью...

Хозяинъ нашей корчмы, называемый «шинкарь», не тотъ «Иванъ Ивановичъ», что такъ знакомъ на Великой Руси и не «кумъ» той же Руси, а нашъ доморощенный Ицка, Шмуйла, Лейба, Берка и т. под. Какъ рѣдкій феноменъ встрѣчаемъ мы корчмаря отставного унтера, нехитраго мужичка и мѣщанинишка, но такой одинъ на сто. Сколько по врожденному любопытству, столько еще болѣе въ виду исключительной необходимости, нашъ корчмарь у всякаго проѣзжаго и прохожаго, такъ или иначе распросить: кто онъ, куда онъ и за чѣмъ? Кромѣ того стороною узнаеть и многое другое. Какъ-бы велика ни была окружность, въ чертѣ которой, по шуточному выраженію мужичковъ, заключается «Ицкинъ приходъ», Ицка съ мельчайшими, и только для него одного возможными, подробностями знаетъ быть и житье всѣхъ и cadaго. Понятно что, въ силу такого обстоятельства, Ицка совѣтникъ и подмога во многихъ, нерѣдко и важныхъ дѣлахъ своихъ кліентовъ. Значеніе свое Ицка увеличиваетъ тѣмъ, что во многихъ крайнихъ случаяхъ ссудить неимущаго водкой и другими припасами до первой возможности поправить свои обстоятельства. Такимъ образомъ личность «шинкаря», многозначительная въ окружности, становится первою во внутренней жизни корчмы. Неразговорчивый, необщительный «шинкарь» теряетъ вліяющее значеніе и отталкиваетъ значительную часть посѣтителей отъ своей корчмы.

Заговоривъ о внутренней жизни, т. е. о сути корчмы, я считаю лучшимъ выбрать одинъ изъ зимнихъ воскресныхъ дней, потому что въ эту пору свобода отъ полевыхъ работъ и возможная обезпеченность крестьянина даютъ наблюдателю возможность видѣть эту жизнь во всей ея красѣ.

Въ ожиданіи гостей Ицка приготовилъ достаточное количество водки, закуски, состоящей изъ плохихъ калачей, убралъ подальше куръ и телятъ, прежде свободно разгуливавшихъ по корчмѣ, оставивъ въ тоже время слѣды этихъ прогулокъ

не тронутыми, на томъ основаніи, что все равно гости стопчать своими ногами и не такую мелочь. Перебравъ въ памяти запасъ приобрѣтенныхъ по окружности свѣдѣній и просмотрѣвъ счетную книгу, Ицка уже готовъ къ встрѣчѣ своихъ многочисленныхъ гостей, которыхъ онъ нетерпѣливо ждетъ до полудня.

По окончаніи обѣдни десятки саней подъѣзжаютъ къ корчмѣ и десятки пѣшеходовъ вмѣстѣ съ пріѣзжими вваливаются въ нее «обогрѣться». Ицка радъ и непременно спроситъ «отчего такъ поздно отошла обѣдня»? Сваты, кумовья и братеники и тому подобные родственники, равно какъ и добрые знакомые, встрѣчаясь тутъ, разспрашиваютъ другъ друга про обоюдное свое житье-бытье. А Ицка своимъ внимательствомъ даетъ ходъ бесѣдѣ, сообщая кто кому что продалъ или промѣнялъ и что у кого случилось. Между тѣмъ число гостей увеличивается, появляются личности, только немногимъ изъ посѣтителей знакомыя, заводятся новыя знакомства, входятъ и «блазнѣта» т. е. холостые молодые люди и подъ вечеръ площадь передъ корчмою представляетъ собою ужъ базаръ, а внутренность корчмы одинъ непрерывный и тяжелый гулъ. На лавкѣ, на высокой кучѣ шубъ и армяковъ, играютъ двое доморощенныхъ скрипачей на своеобразно сработанныхъ скрипкахъ; передъ ними, на полу, раздается притопываніе десятка паръ тяжелыхъ сапоговъ и столькихъ же не менѣе тяжелыхъ башмаковъ. По началу танцуетъ одна лишь «блазнѣта», но постепенно, по мѣрѣ выпивки, къ числу танцующихъ присоединяются люди и старшаго возраста. Люди пожилые или же считающіе танцы пустяками, за полуштофомъ ведутъ нескончаемыя бесѣды; здѣсь же рѣшаютъ какъ общественныя свои дѣла, такъ и частныя, напр. свадьбы, раздѣлы и т. п. Во всемъ этомъ зачастую, принимаютъ участіе и женщины. Нѣкоторые усаживаются играть въ «ямсы» (?) и окружаются какъ и танцующіе, толпою любопытныхъ. И все это пьетъ, говоритъ, кричитъ, бранится, поетъ и т. п., такъ что входящій посѣтитель долгое время остается въ замѣшательствѣ. Въ болѣе досужую

пору, во время Рождественскихъ праздниковъ, такая потѣха длится далеко за полночь; для избранныхъ—до разсвѣта, а иногда и до слѣдующей ночи, пока кто-нибудь изъ домашнихъ не вспомнить о потерявшемся и не возвратитъ его домашнему очагу, или пока у гуляки останется лишь самое необходимое. Прежде всего оставляютъ корчму люди солидные, т. е. такіе посѣтители, которыхъ привлекъ сюда интересъ, помимо водки; за ними увозятся своими женами охмѣлѣвшіе мужья и наконецъ оставляютъ корчму тѣ, за которыми пріѣхалъ кто-нибудь изъ догадливыхъ домашнихъ. Разумѣется, что «блазнота» оставляетъ корчму по мѣрѣ того, какъ её оставляютъ таты, мамы и «подружжійки».

Бросая взглядъ на тотъ характеръ нашей корчмы, который я старался обрисовать, скоро узнаемъ, что наша корчма какъ по принципу, такъ и по всему, представляетъ ни больше ни меньше какъ клубъ, но только сельскій, своеобразный. Посѣтитель корчмы за малыми исключеніями, не шутя обижается, если ему кто-нибудь замѣчаетъ, что онъ явился туда попойнствовать. Потребность раздѣлить время въ бесѣдѣ съ знакомыми и друзьями безъ возможности матеріальной потери равной тому, какъ если бы приглашать ихъ въ свой домъ; знакомство и встрѣча съ такими людьми, которыхъ по какимъ-нибудь причинамъ нельзя видѣть въ собственномъ или же въ постороннемъ домѣ, но въ которыхъ часто встрѣчается нужда; наконецъ дѣла брачныя — вотъ очевидные и естественные предлоги и причины посѣщенія корчмы. За ними скрывается не мало другихъ менѣе маловажныхъ. И только самая послѣдняя изъ нихъ — забыться въ винѣ.

Для нашего крестьянина существуютъ только два общественныя мѣста, гдѣ онъ можетъ и себя показать и на другихъ посмотреть, похвастать своимъ туалетомъ и удальствомъ передъ знакомыми и сосѣдами; это: церковь и корчма. Нѣтъ большаго наказанія для молодого «хлопца» или «дѣвки», какъ въ праздничный день быть оставленнымъ дома на время обѣдни или лишиться возможности побывать въ корчмѣ, на игрищѣ. По этому слова: «А постой жа ты, сука (или сукинъ сынъ), ня пойдзишъ

ты у мене ни къ церкви ни къ игрищу» имѣють глубоко карательный смыслъ и скоро возстановляютъ падающее невниманіе дѣтей къ требованію родителей.

Не тоже ли самое, но только въ другой формѣ, встрѣчаемъ мы въ клубныхъ дѣлахъ?

Разсуждая такъ, я понимаю *корчму вообще*. Въ частности, встрѣчаются правда и такія корчмы, которыя далеко не соотвѣтствуютъ описанному типу а имѣють свою цѣлью одинъ лишь пьяный разгулъ. Но къ чести нашихъ крестьянъ должно сказать, что такія корчмы посѣщаются одними лишь записными гуляками и избѣгаются людьми трезвыми, для которыхъ суть корчмы не въ выпивкѣ.

Къ прискорбію однако нужно замѣтить, что съ постепеннымъ у насъ развитіемъ поголовнаго пьянства, что осязательно доказывается статистическими данными, охарактеризованная мною Бѣлорусская *корчма*, мало по малу теряетъ свой характеръ, свое общественное значеніе въ сельскомъ быту и становится исключительно притономъ для широкаго пьянаго разгула.

Молодые люди или «блазнѣта» тѣхъ мѣстъ, которыя окружены подобными корчмами, уже не посѣщаютъ теперь корчмы, сколько по приказанію родителей, столько и изъ боязни быть ими поколоченными, если встрѣтятъ ихъ тамъ въ пьяномъ видѣ. Удовлетворяя однако потребности повеселиться съ сверстниками, они за лучшее предпочитаютъ, избравъ просторную у сосѣда избу, пригласить туда «дударей», т. е. играющихъ на скрипкахъ, (для чего иногда устраивается складчина для найма избы и на уплату «дударямъ») и тамъ повеселиться сколько хочется и можется.

Сообщено Н. Я. Никифоровскимъ.

ПРАЗДНИКИ, УВЕСЕЛЕНИЯ И ЗАБАВЫ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ сообщаемъ ниже рядъ статей заключающихъ въ себѣ не мало бытовыхъ и обрядово-религіозныхъ фактовъ изъ круга бѣлорусскихъ праздниковъ и увеселе-

ній, описаніе коихъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могли въ свое время попасть въ свои рубрики въ 1-ой ч. I-го тома настоящихъ «Матеріаловъ», всецѣло посвященной этому предмету. Думаю что статьи эти не окажутся баластомъ въ области нашей этнографической литературы, которая и до сихъ поръ не очень-то обилуетъ фактами подобнаго рода.

Всѣ церковные праздники у бѣлоруссовъ называются *святами*, слово: «праздникъ» почти всегда они замѣняютъ словомъ *свято*, такъ и говорятъ: *свято Рожество, свято Крещенія, свято Пачиста* и пр. Небольшой праздникъ, или канунъ праздника называется *присвятокъ*; вмѣсто праздновать они говорятъ: *святковаць*. Въ сказкахъ, легендахъ и пѣсняхъ праздники или святы являются олицетворенными существами: они ходятъ по землѣ, живутъ и дѣйствуютъ, какъ и люди, хотя и творятъ чудеса. Простые же будничные дни недѣли олицетвореніямъ не подвергаются.

Свято, святокъ (праздникъ) для бѣлоруса значить почти тоже, что отдыхъ, разгулъ.

Еще наканунѣ праздничнаго дня въ хатѣ начинаются приготовленія для его встрѣчи: дѣла нетерпящіа отлагательства стараются покончить заблаговременно, въ хатѣ стараются все прибрать, привести въ порядокъ: моютъ столы, скамьи, посуду, нерѣдко и стѣны хаты, топятъ баню, моются, надѣваютъ чистое бѣлье, готовятъ кушанья къ завтрашнему дню (что однако бываетъ только передъ большими праздниками, если хозяйка не надѣется успѣть это сдѣлать въ праздничное утро).

Передъ праздниками крестьяне обыкновенно спать долго. Крестьянки же встаютъ раньше ихъ и тотчасъ же принимаются за стирку, хлопчутъ, чтобы кушанья вышли лучше. Вообще можно сказать, что вся забота крестьянъ въ теченіе дня, какъ зимою, такъ и весною состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть за

скотиной, а лѣтомъ, до наступленія полевыхъ работъ, кромѣ того, еще посмотрѣть въ полѣ посѣвы, но послѣднее дѣло исполняютъ только хозяева (господары).

Когда поспѣютъ кушанья, всѣ садятся за столъ завтракать (снѣдаць), послѣ чего одни изъ членовъ семейства отправляются въ церковь къ обѣднѣ, а другіе снова ложатся отдыхать.

Время съ трехъ или двухъ часовъ пополудни — лѣтомъ до сумерекъ, а зимою далеко за полночь — молодежь проводитъ въ пляскѣ и шуткахъ, часто и старики, увидавъ это, не прочь вспомнить и свое золотое времячко, когда головушка ихъ не знала ни бяды, ни клопоты, никакихъ другихъ мыслей, кромѣ мыслей о красныхъ дѣвушкахъ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ПРАЗДНИКИ (БОЛЯДЫ, СЯТКИ).

Гродн. губ. и у. Лашинск. в.

Канунъ Рождества, Новаго года и Крещенія зовется *куция*. Предъ Рождествомъ и Крещеніемъ — *постная куция*, а передъ Новымъ годомъ — *куция съ койбосой*, потому что въ эту *куцию* непременно вѣшаютъ въ *покуцию* на *колочку* колбасу, покрытую чистымъ утиральникомъ и сваренную въ *куцыцѣ* «панцаковой»¹⁾.

Передъ ужиномъ кто-нибудь изъ членовъ семейства выходитъ на дворъ и заунывнымъ голосомъ кричить: «Цю, цю, цю! на Васильеву куцию!» Какое значеніе имѣетъ этотъ зовъ? мнѣ неизвѣстно.

Вечера отъ Рождества Христова до Крещенія (6-го янв.) называются *щедрыми вечерами*. Въ продолженіе этихъ двухъ недѣль крестьянки, какъ замужнія, такъ равно и дѣвушки днемъ никакой новой работы не предпринимаютъ, а занимаются лишь починкою рубахъ, штановъ, подштанниковъ (гановицъ), либо чѣмъ другимъ въ этомъ родѣ. Днемъ, правда, прядутъ, но по вечерамъ ни за что не станутъ пряхъ, или шить, «кажа: не можно! — *щод-*

¹⁾ Панцакъ — перловая крупа домашнего приготовленія изъ ячменя, растолченного въ ступахъ. К.

рые вечера». Есть повѣрье на этотъ счетъ, которымъ каждая пожилыхъ лѣтъ женщина объясняетъ своимъ домашнимъ, почему въ эти вечера работать нельзя. Пишущему эти строки много разъ приходилось слышать это повѣрье. Вотъ оно:

«Одна кобета была надто *лакома*¹⁾ и любила ўсе робици, такъ што ена перестала *обсървааи*²⁾ щодрые вечера. Пра́ла ена, пра́ла разъ, ажъ до поўночы, ўдрухъ чѹе, што нѣхто стўкае ў вокно. Такъ ена пытае: «хто тамъ?» — Ёнъ и кажа: я прынёсь табѣ, кобета, работу. Глядзи, капъ ты за нинѣшнюю ночь на́пра́ла 12 почи́ноў³⁾. Сполохалася моя кобета. Волосъ на ей дыбомъ стали, — страхъ. А ёнъ кажа други́ разъ: Глядзишъ ты, идзи за́расъ ты, возьми работу да и пра́дзй, бо коль не будзе готова нинѣшней ночью, то заўчесьнѣ прыготуй ты сабѣ на другую ночь труну, бо ты бѹольшъ не будзешъ уже жыци на гэту́мъ свѣци. «И вотъ моя кобета ни жива, ни мертва пережагн́алася⁴⁾ тры разы́, вышла на дворъ — никого, кажа, нема. Тѹолько бачыць ляжыць ворохъ лёну, такъ ена ўзяла дай прынесла ў хату и подумала ена сабѣ: «штошъ я циперь, бѣдная, буду робици?» ўзяла, пережагн́алася, тры пацеры сказала и подумала: «Воля Божжа, трѣба пра́сци». Намѣсьци (вмѣсто) цѣлаго почи́нка ена ухитрыласа — возьми да и на кажда верацѣно́ окруцила, обмотала кудзѣлю *пакулемъ* (паклей), а на верхъ крыху на́пра́ла нитокъ по два радэ́ и гѣдакимъ способомъ ўсѣ 12 веряцѣнъ на́пра́ла. Ўсѣ ў ха́ци храпяць, спяць, а ена́, бѣдна, пра́дзэ. Пóтымъ ўсѣ поўстава́ли, уже начала свитаць и ўсѣ глядзяць. Ўстаўшы, а матка кажа: «ты цѣлу ночь, ци што, пра́ла, што зусимъ прыстала, да ў цибе ў *прасни́цы* кудзѣ́ля якая е! ци не наша?» — Моўчыць. Ена ни-кому ничóго не гово́рыць. Кончыла ена 12 почи́нокъ, вынесла ена ў ко́морку, положи́ла ў кубли, пóтымъ, кажа, вынесла и лёнъ, што застаўся недопра́дзены, але гэты лёнъ капъ ўсе́нка (весь) спра́сьци, то наймнѣй трѣба 12 дзѣнъ и вѣчороў пра́сьци.

---

¹⁾ тутъ въ смы́слѣ: прихотливая. ²⁾ Соблюдать, справлять. ³⁾ Вертено съ навитой на него пряжей. ⁴⁾ Перекрестилася.

Ничо́го ена никому не гово́рьць, ўсѣ́ уже поўставали, а ена, кажа: *бух дай* положи́лася спаць». Спала ена цѣлы дзень до вечера, ничо́го не пи́ла, не ѣла. Ўстала ена ве́черомъ, помоли́лася Богу, а ўсѣ́ домашніе зноў положи́лися спаць. Думае ена сабѣ́: штошъ зъ гэтаго выйдзе, што мнѣ́ ўчора страхъ потъ хатою показаўся, да и работу задаў?» Туо́лько ена што гэта подумала, пошла ў камору поглядзе́ць работу свою и лёнь, што недопрала ащѣ́, глядзиць ў кублі — ашъ нема; поглядзе́ла на вышка — ашъ и лёну нема того, што не допрала. Подумала ена сабѣ́: «Муси, хто ко́львѣкъ дочка, ци сынъ, альбо мужыкъ захо́ваў дзе́ ко́львѣкъ» — и выходзиць сабѣ́ зъ каморки ў сѣ́ни — ашъ ў сѣ́няхъ, подъ дзверами на дворѣ́ гово́рьць: «Ну сча́сьцье твоѣ́, кобета, што ты на́прала 12 почи́нкоў, а то тобѣ́ уже ко́нецъ прышоўбы, што ты щодрыхъ ве́чероў не захо́ваешъ. А коли ты аще́ будзешъ прасьци гѣ́дакими ве́черами, то я табѣ́ 3 разы туо́лько прынесу» — и пошоў. Ашъ ена пошла трасучачы, якъ трысаца ў хату да и поглядзе́ла ў вокно. А якъ но́чь была мѣ́сячная, то ена и бачыла, што якісьци стары зъ доўгою и бѣ́лою боро́дою пошоў отъ хаты и понесъ на плечахъ 12 почи́нкоў, што на́прала. Такъ ена бѣ́дная положи́лася спаць, але якъ положи́лася, то роўно дзе́вѣ́ недзе́́ли лежала ў цяшкѣ́й хворѣ́бѣ́ и ничо́го не пи́ла, не ѣла, и мо́ву было одобрала, чуць-чуць не ўмерла. Потымъ крыху якъ попра́вилася, пошла до церкви, дала на охвяру жа́брако́мъ, поставила свѣ́чку предъ о́бра́зомъ Ма́тки Боско́й, была ў сповѣ́дзи, — такъ ё́й ксе́ндзъ и кажа: «Отъ табѣ́ и до́бре! а на што было прасьци табѣ́ щодры́ми ве́черами? Цѣлы свѣ́тъ не пра́дзѣ́, а ты прала туо́лько одна». Прышла ена зъ церкви, ўсимъ своимъ ѹ́ ха́ци сказа́ла, якъ ена зогрэ́шыла и дзе́сятому заказа́ла, якъ тре́ба ша́новаци гѣ́ты дни, недзе́́ли, не то́улько ве́ча́рэ, але и дня́ми тре́ба свѣ́тковаци и Боско́ прыказа́ныя слуша́ци, бо Бо́хъ за гэта цяшкѣ́ю скара́е. И вотъ съ тыхъ поръ цѣлы свѣ́тъ ничо́го не ро́биць гѣ́тыми ве́черами, — туо́лько одны жы́дѣ́ робя́ць, бо, вѣ́домо: по́ганцы, ў Бога не вѣ́раць».

Разсказъ этотъ мнѣ въ Лашѣ много разъ доводилось слышать отъ 70-лѣтней старушки Софіи Габцовой (въ 1850 году).

Сообщено И. О. Карскимъ.

Въ Любавической волости (Мстиславскаго уѣзда Могилевской губерніи) на второй день Рождества Христова вечеромъ парни и дѣвки собираются въ одну хату, нанимають музыканта *скомороха*, пляшутъ, веселятся, и заключаютъ вечеръ слѣдующимъ оригинальнымъ танцемъ: Халимонъ.

Всѣ дѣвки становятся въ кружокъ и одна изъ нихъ выходитъ на средину, расхаживаетъ по кругу, а остальные поютъ хоромъ.

«Куды ѣдишь, Халимонъ?

«Куды ѣдишь, братицъ мой?

«Ни маишь шапки на выбѣръ, —

«Бяры сабѣ шапку на выбѣръ».

При этихъ словахъ дѣвка беретъ шапку и надѣваетъ себѣ на голову. Хоръ продолжаетъ:

«Куды ѣдишь Халимонъ?

«Куды ѣдишь, братицъ мой?

«Ни маишь кыніа на выбѣръ, —

«Бяры сабѣ кыніа на выбѣръ».

Ей подають палку и она показываетъ видъ будто ѣдетъ верхомъ. Хоръ продолжаетъ пѣть:

«Куды ѣдишь, Халимонъ,

«Куды ѣдишь, братицъ мой?

«Ни маишь сабѣ шабли на выбѣръ, —

«Бяри шаблю на выбѣръ».

Дѣвка беретъ лучинку и стучитъ ею по полу.

«Куды ѣдишь, Халимонъ,

«Куды ѣдишь, братицъ мой?

«Ни маишь сабѣ и дѣвки на выбѣръ, —

«Бяри сабѣ дѣвку на выбѣръ».

Тутъ дѣвка, ходившая въ кругу, беретъ другую дѣвку, идетъ съ нею танцовать. Такимъ же порядкомъ танцуютъ и всѣ остальные подь музыки скомороха.

Въ промежуткѣ между танцами, участвующіе въ вечеринкѣ устраиваютъ еще шутку подь названіемъ: «бахарь». Шутка эта состоитъ въ томъ, что одинъ изъ женатыхъ мужчинъ обращается къ холостымъ парнямъ съ вопросомъ: «Ти ни пырѣ ужо бахаря жанити?» Получивши въ отвѣтъ «пырѣ», приглашаетъ къ себѣ въ жены какую нибудь замужнюю женщину, со словами: «ходи: будь мѣткою, а я буду батькою; будимъ жанить своихъ ребятъ, бо ужо пырѣ—кыляды прошли, а хлопцы наши ни жиняться». Названная matka указываетъ батькѣ—какому парню какую дѣвку подвести; потомъ батька беретъ дѣвокъ за руки и подводитъ, по очереди, къ каждому парню по одной дѣвкѣ и спрашиваетъ: «ти кырышѣ инѣ табѣ будить?» Парень, если ему понравится подведенная дѣвка, отвѣчаетъ: «ладна»; если же не нравится, то скажетъ: «ни хочу я такіа, и гроша не дамъ на бахыря». Тогда приводчикъ долженъ удовлетворить желаніе парня подведеніемъ къ нему другой дѣвки. Заручившись женками, парни складываются по нѣсколько копѣекъ и на эти деньги покупаютъ водку и закуски и подчуютъ дѣвокъ, каждый свою, т. е. назначенную ему въ жены. Подчуютъ они также и всѣхъ присутствующихъ тутъ. Въ заключеніе вечеринки всѣ, протанцовавши комаринскую, отправляются по домамъ. Подобныя вечеринки продолжаются до Крещенія, а послѣ Крещенія, въ мясоѣдъ, ходятъ въ сваты и женятся, только не бахарскимъ образомъ, а законнымъ порядкомъ ¹⁾.

Записано волостнымъ писаремъ Апаличемъ.

СВЯТЫЯ ВЕЧЕРА.

Послѣ Нового года наступаютъ святые вечера, въ которые никакія работы не предпринимаются. Молодежь собирается для

¹⁾ Описанное здѣсь забава очень напоминаетъ собою другую колядную игру: «Царешку». Ср. «Матеріалы» т. I, ч. I, стр. 99—110. III.

шутокъ и танцевъ, а женатые устраиваютъ пирушки. Особенно разгульно проводится послѣдній вечеръ, который бываетъ третьимъ послѣ Крещенія. Работа въ это время по хозяйской части ограничивается заготовленіемъ различныхъ припасовъ: щепаютъ лучину, возятъ дрова, вяжутъ веревки, возятъ бревна на срубы. Нѣкоторые идутъ чесать ленъ, возить его. Женщины кромѣ своей обыкновенной работы — готовить кушанья, большую часть времени проводятъ за *прасницей*, т. е. за прялою.

Въ общемъ итогъ время отъ Рождества Христова до Крещенія и пока не окончились святые вечера—есть время разгула, время Царешекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ время безпорядочной жизни, чтó, хотя съ меньшей силой, продолжается до самыхъ запусъ, т. е. до заговѣнья. Начинается Великій постъ, а съ нимъ новое время года — весна и новыя занятія для крестьянъ. Въ лѣсу теперь дрова оттаиваютъ и ихъ легче рубить или пилить, и за эту работу берутся теперь охотно. Но не всѣ однако сосредоточиваются на этомъ дѣлѣ. Кромѣ дровъ, рѣдкій крестьянинъ не строить или не починаетъ что-нибудь изъ хозяйственныхъ построекъ. Весна самое удобное для этого время. Умѣренная теплота позволяетъ усерднѣе трудиться, дерево, оттаивши, легче и глаже рубится. На другіе работы крестьянину некуда отправляться, развѣ на гонку лѣса; въ извозъ же рѣдкій кто отправляется,— по причинѣ грязной дороги. Крестьянки, справившись съ пряжей, начинаютъ ткать.

Изъ сообщ. учит. Свислоч. учит. семин. г. Тивистикъ.

КОТА ПЕЧЬ.

а) Минской губ. и у., Гатовск. волости.

Этотъ обрядъ совершается въ означенной волости только въ Рождественскіе праздники. Собираются парни и дѣвки въ какую нибудь избу и тамъ готовятъ разныя закуски и главное— готовятъ изъ тѣста фигуру кота слѣдующимъ образомъ: голову и туловище дѣлаютъ изъ тѣста, уши и ноги изъ сала, а

хвостъ изъ колбасы. Испекши такимъ манеромъ эту фигуру, ее вѣшаютъ среди комнаты у потолка. Затѣмъ каждый изъ участвующихъ въ обрядѣ поочередно подъѣзжаетъ на ухватѣ къ коту, чтобы зубами откусить у него кусочекъ или, если удастся, то и всего его оторвать. При этомъ ѣздокъ на ухватѣ долженъ говорить: «Ѣду съ кутá на кота, цапъ за кота». Но рѣдко кому удастся исполнить такую роль съ успѣхомъ, такъ какъ его то и дѣло смѣшать. Если же онъ засмѣется, то ему непременно вымажутъ лицо тряпкой, нарочно испачканной въ сажѣ, и не допустятъ уже къ коту. Но если онъ не разсмѣется, то его допускаютъ полакомиться кусочкомъ или даже цѣликомъ сорвать кота. Такимъ образомъ эта забава продолжается до тѣхъ поръ, пока кота кто нибудь совсѣмъ не оторветъ. Тогда кота кладутъ на столъ и дѣлятъ на всю компанію. По окончаніи этой игры всѣ садятся за столъ пьютъ и закусываютъ; потомъ танцуютъ до утра.

Изъ записи учительницы Гатовскаго народнаго училища Олимпіады Солнцевой. Сообщено директоромъ народныхъ училищъ Минской губ. Е. Е. Тимофеевымъ.

б) По словамъ старика-крестьянина этотъ обычай водился въ его время въ деревнѣ Ракобдивщинѣ Самохваловской волости того же уѣзда. Тамъ кота пекли обыкновенно изъ пшеничнаго тѣста и привѣшивали на ниточкѣ къ стѣнѣ или потолку и каждый изъ присутствующихъ въ хатѣ поочередно подходилъ къ болтающемуся коту и, не смотря на стараніе зрителей его разсмѣшить, силился схватить кота зубами. При удачѣ онъ дѣлился своей добычей со всей компаніей или съѣдалъ самъ. Чаше случалось, что кота раскачивали такъ, что его трудно было уловить.—Въ Слуцкомъ уѣздѣ обычай печь кота въ одинъ изъ вечеровъ Рождества Христова почти повсемѣстный.

Сообщено П. Г. Бывалькевичемъ.

в) Печенія кота (сообщаетъ ученикъ Минской семинаріи В. Гр. Станкевичъ) практикуется и въ Вилейскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, но не во время Святокъ, а въ первый вечеръ осеннихъ посидѣлокъ или супрядокъ. Собравшіяся для этой цѣли

въ избранной ими хатѣ, дѣвушки этимъ дѣйствіемъ открываютъ свой сезонъ. Онѣ готовятъ изъ пшеничной муки тѣсто, которому придаютъ форму кота и пекутъ его на *сѣточѣ* или *кѣминѣ*. И затѣмъ, дѣлятъ его межъ собою. При этомъ поются какія то пѣсни, коихъ разскащица этого обряда, крестьянка Марія Ивановна, не знала. Иногда кота этого бросаютъ черезъ окно какому-либо парню, чтобы испугать его и вызвать на улицу.

ПРАЗДНИКЪ КРЕЩЕНІЯ (КЩЕНЬЯ).

Наканунѣ этого праздника бываетъ *Кщенная куция*.

Въ этотъ день вечеромъ пишутъ освященнымъ мѣломъ (крейдай) кресты на дверяхъ и воротахъ, а ребятишки вымазываютъ стѣны другими различными изображеніями, какія только въ состояніи воспроизвести ихъ дѣтская фантазія.

Въ праздникъ Крещенія, какъ извѣстно, служба въ церкви и на водѣ (на Иордани) бываетъ очень торжественна, и народу тамъ бываетъ весьма много, не только православнаго, но и католическаго: всякій стремится взять воды освященной изъ Иордани. Эту воду дома пьютъ всѣ семьяне, которые въ ожиданіи ея оставались на тощакъ, исключая малолѣтнихъ дѣтей. Этой же водою освящаютъ *добро* (хлѣбъ), смѣшавши вмѣстѣ всѣ его виды: жито, ячмень, овесъ, горохъ и пр. и отдаютъ эту смѣсь на кормъ скоту. Домъ, хлѣва, сарай, вообще всѣ строенія тоже окропляются освященною Иорданскою водою. По повѣрью народа черти, т. е. водяные, не могутъ жить въ тѣхъ мѣстахъ (рѣкахъ, озерахъ и т. п.), гдѣ былъ Иорданъ. Разсказываютъ даже, что къ одному крестьянину приходилъ водяной дѣдушка и просилъ его одолжить ему сани, чтобы перевести своихъ дѣтей въ другое мѣсто, тутъ ихъ что-то беспокоитъ. Крестьянинъ, принявъ просьбу о саняхъ за просьбу своего сосѣда, указалъ ему мѣсто, гдѣ сани стоятъ. Поутру сани ему были доставлены, но къ его удивленію полозья въ нихъ оказались сорванными до самыхъ копылъевъ.

Многіе въ день Крещенія дѣлають деревянные кресты изъ лучины и вставляютъ ихъ въ ворота. Подобные же кресты бросають и въ воду, привязавъ къ нижнему концу веревочку съ камнемъ.

Сообщ. учител. Свислоч. учит. семинаріи, г. Тивистикомъ.

ВЕРТЕПЪ ИЛИ БЕТЛЕЙКИ (БАТЛЕЙКИ).

а) Минской губ.

Въ Бѣлоруссіи существуетъ обычай съ наступленіемъ праздниковъ Рождества Христова ходить по домамъ съ «бетлейками»¹⁾. Слово это произошло отъ слова Вифлеемъ, или по польски Бетлеемъ. Обычай этотъ, по свидѣтельствамъ старыхъ людей, весьма древній. Хожденіе съ этими «бетлейками» продолжается отъ праздника Рождества Христова до праздника Срътенія Господня 2 февраля или у католиковъ «Громничной недѣли». Такъ какъ въ промежутокъ времени отъ Рождества Христова до праздника Трехъ Королей по вечерамъ у простаго народа считается грѣхомъ работать, то вотъ это свободное вечернее время посвящается хожденію съ «бетлейками». Этимъ обыкновенно занимаются ремесленники, въ особенности сапожники. Ходить ихъ обыкновенно человѣкъ пять или шесть, въ числѣ которыхъ двое или трое мальчиковъ. Послѣдніе обыкновенно возятъ саночки съ «бетлейками», подаютъ куклы и вообще помогаютъ старшимъ. Есть семьи, въ которыхъ это занятіе существуетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ; пѣсни *бетлейковыя* передаются изъ рода въ родъ и держатся въ секретѣ отъ другой компаніи бетлейщиковъ. Представленія, даваемые въ этихъ «бетлейкахъ», сопровождаются непременно музыкой въ слѣдующемъ составѣ: одна, рѣдко двѣ, скрипки и бубень. Всѣ пѣсни поются въ унисонъ хозяевами бетлеекъ подъ акомпанементъ скрипки, при чемъ больше всѣхъ работаетъ бубень. Собравши всѣ принадлежности своего кукольнаго театра,

¹⁾ По бѣлорусски: *батлейки*. III.

такая компанія выѣзжаетъ въ городъ и становится въ извѣстномъ людномъ мѣстѣ (въ Минскѣ — на углу Петропавловской и Юрьевской улицъ), или же разъѣзжаетъ по городу, ища нанимателей. Плата за представленіе взимается по условію отъ 30 копеекъ до 1 рубля. Впрочемъ у дѣтей антрепренеръ труппы выманиваетъ, сверхъ условленной платы, еще нѣсколько денегъ, при посредничествѣ монаха (Bernardyna); не отвергаются и другія приношенія, въ родѣ папиросъ, сахару и т. п.

Представленіе состоитъ обыкновенно изъ 13 нумеровъ.

№ 1. На сценѣ представляется Рождество Іисуса Христа: ангелъ привѣтствуетъ Св. Дѣву Марію. При этомъ поется слѣдующая пѣснь:

Anioł pasterzem mówił:
Chrystus się wam narodził

и т. д. какъ въ Кантычкѣ¹⁾.

Затѣмъ на сцену уже выходятъ три короля, приносящіе въ даръ Іисусу Христу золото, ладанъ и мѣро. При этомъ поется слѣдующая пѣснь:

Trzy króle jadą
Zwielką gromadą.
A z kąd? z kąd?
Ze wschodu słońca
Szukając końca
Zbawienia.
W żłobie leży, któż pobieży
Kolędować małemu Iezusowi Chrystusowi
Dziś do nas zesłanemu?
Pastuszkowie przybywajcie,
Jemu wdzięcznie przegrywajcie,
Jako Panu naszemu.

---

¹⁾ Эта пѣсня поется только до Крещенія, 6-го января (Трехъ Королей).

№ 2. На сцену выходятъ уланъ съ уланкой (Ułan z ułanką ze swoją dawniejszą kochanką). Они, какъ видно, рады своей встрѣчѣ, и, поздоровавшись, уланъ предлагаетъ уланкѣ немного потанцевать, что они немедленно исполняютъ подъ звуки музыки и пѣнія музыкантовъ слѣдующихъ куплетовъ:

Jak i w zimie tak i w lecie
Wszystko w jednej porze
Wychowałem gołąbeczka
Ja w ciemnej komorze.

* * *

Jak wyleciał tak poleciał
I usiadł na dębie,
A ja jego słicznie proszę
Wróć się moj gołębie.

* * *

Jak wyleciał tak poleciał
I usiadł na ganku,
I ja jego słicznie proszę:
«Wróć się, mój kochanku!»

Затѣмъ они прощаются и уланъ говоритъ:

Adieu, adieu panieneczko!
Proszę do mnie na herbatę:
Będzie z kwasem, z kuperwasem,
Ze smorgonskimi obwarzankami.

№ 3. На сцену выходитъ бѣлорусскій мужикъ Мацѣй съ женою Ульяною. Сначала входитъ одинъ Мацѣй; онъ съ удивленіемъ осматривается кругомъ и говоритъ:

«А ба! якъ тутъ зелена, ясна, красна; не раўнуючи якъ ў косцелѣ. Ага тутъ и святы Юзефъ ёсьць (снимаетъ шапку и кланяется). Нехай будзи похвалены, шапка сinya верхъ зялены.

«Чи вѣдаеце, паночки, якая мяне бядá споткала? —

Быў я у пана Бараноўскаго на куци,
Якъ объѣўся я купци,

Ни ссапци, ни дыхци,
 Ни домоў, до моёй жонки — Уляны дойци.
 Кабъ знайшоўся докторóчекъ,
 Да полѣчиў мой животóчекъ,
 Одаў бы яму тóрбачку да мяшóчекъ.

Входитъ докторъ и говоритъ: Што ты, гадъ, тутъ разшумѣўся ў панскихъ покаяхъ?

Мужикъ. Ай, паночекъ, полѣчи мой животочекъ.

Докторъ. Што табѣ?

Мужикъ. Бурчання, нестраўность.

Докторъ. Покажи, гадзе, пульсъ!

Мужикъ. Такъ?

Докторъ. Не такъ.

Мужикъ. Такъ?

Докторъ. Не такъ.

Мужикъ. Бодай же ты свѣту не вѣдаў якъ!

Докторъ беретъ Мацѣя за шиворотъ, бьетъ его о стѣну приговаривая: Мацѣй — поцѣй, Мацѣй — поцѣй! Наконецъ докторъ уходитъ, остается одинъ Мацѣй; онъ говоритъ:

«Намацѣў¹⁾, напоцѣў и самъ къ чорту поляцѣў. Гетые Минскіе доктары́, вынимаюць душу безъ поры́: не лѣчуць, да еще калѣчуць. Казаў съ патѣлицы кроў пусьцяць, на пупѣ баньки поставиць, казаў ўзяць моху, чертополоху, мушиныхъ вантробокъ, камариннаго шмэльцу и еще нѣчаго троху. Смѣшаў гета я, збоўтаў, гльнуў — не polegчало, еще горѣй стало».

Входитъ его жена, Уляна. Онъ идетъ къ ней на встрѣчу и говоритъ:

«Ходзи, Улянуска, ў шинокъ,

«Хоць лянокъ застаўлю,

«Але поўкварты постаўлю.

«Ходзи моя кузюрочка, ягодка.»

Оба уходятъ, музыка играетъ «лявониху».

¹⁾ Нашупагъ, намягъ.

№ 4. На сцену выходитъ жидъ съ своей женой, Сорой.
Сперва онъ идетъ по сценѣ и кричить:

«Шпильки, иголки,
Красные товары, помада
И ўсе, што надо».

Потомъ обращается къ Сорѣ и предлагаетъ ей немного потанцевать. Музыка играетъ что-то въ родѣ польки въ минорномъ тонѣ. Потанцовавши, онъ говоритъ: «Соре, Соре! ступай до дому кутель печи, а я буду Богу молиться». Начинаетъ молиться Богу, причемъ киваетъ головой:

«Сонце низко —
Шабасъ блиско;
Сонце высоко.
Шабасъ далёко.
Борухъ таты
Адыной!
С...и ў хацѣ,
Будзе гной.
Бяры лопату,
Выкидай гной за хату.

Входитъ казакъ съ пикой, замѣчаетъ еврея и говоритъ ему:
«Что ты тутъ, пархъ, дѣлаешь?» Еврей принимаетъ испуганный видъ и говоритъ казаку: «Якъ ясне вельможный панъ называется?»

Казакъ (басомъ). Θεодоромъ.

Еврей (танцуетъ и поетъ тонкимъ голосомъ).

«Я задкомъ, передкомъ,
Передъ паномъ Ондеркомъ.
Не я скачу — неволя,
Приказали панове».

Казакъ:

А ты, шабасъ, не дзивуй,
Выше ноги подыймуй!

Наконецъ казакъ убиваетъ еврея; вдругъ входитъ его жена, Сора. Увидѣвши своего мужа убитымъ, она начинаетъ плакать и приговаривать по еврейски. Къ ней тогда подходитъ казакъ и говоритъ: «Что ты тутъ разшумѣлась!». *Еврейка*. «Ты свиння, парсюкъ, свинюкъ, за что ты забіѹ моего мужа? Я пойду на тебя уфъ самый губернаторъ жаловаться».

Казакъ. «Ну, ну ступай!» Съ этими словами прогоняетъ ее, а самъ поетъ и танцуетъ:

«Я козакъ, неборакъ,
Работы не маю;
Жидовъ бью,
Водку пью,
Весело гуляю».

Потомъ обращается къ публикѣ и говоритъ: «Прощайте господа, мнѣ офицеръ еще велѣлъ въ караулъ сходить». Онъ удаляется. Тутъ входитъ чортъ, беретъ еврея и со слѣдующими словами уноситъ его:

«Ў школу не ходзіѹ,
Богу не молиѹся.
Гзѣ Янкель и Абрамъ,
Нехай и ты будзешъ тамъ».

№ 5. На сцену выходятъ цыганка съ ребенкомъ на рукахъ и цыганъ съ медвѣдемъ на цѣпи. Цыганъ заставляетъ медвѣдя кланяться публикѣ, показывать, какъ нужно воровать горохъ, какъ бабы ходятъ въ лѣсъ по ягоды. Цыганка поетъ слѣдующіе куплеты

* * *
Я цыганка молодая,
Я цыганка не простая,
Знаю ворожиць;
Знаю ворожиць.

* * *

Покажи-ка, баринъ, ручку,
Положи-ка денегъ кучку,—
Всю правду скажу,
Всю правду скажу.

№ 6. На сцену выходятъ Вольскій, купецъ польскій съ госпожею Барановскою. Вольскій рассказываетъ о своихъ торговыхъ дѣлахъ, начинаетъ жаловаться на худыя времена, на застой торговли: въ продолженіе недѣли, по его словамъ, онъ продалъ только полтора гвоздя. Затѣмъ онъ обращается къ музыкантамъ:

«A mojeż wygrajki
Zagrajcie mi ładnie
Ja wam slicznie podziękuję,
Aż mi czapka spadnie».

Музыка начинаетъ играть; а онъ съ госпожей Барановскою танцуетъ. Потомъ прощаются и уходятъ.

№ 7. На сцену выходитъ молодой франтъ съ барышней (Elegant nowy со ma zegarek супowy). Музыка начинаетъ играть, онъ танцуетъ; при этомъ поются куплеты.

Oj ostróźnie koło ściany,
Bo to fraczek pożyczany
J kapelusz nie swój własny,
Bo na głowie bardzo ciasny;
A na szyi cztery chustki
A w kicszeni same pustki.

* * *

Oj tancujcie portki moje,
Bo mam w domu jeszcze troje.
—Kiedy masz ich w domu troje,
To zrzócaj że tutaj moje.

* * *

Tancujcie, walcujcie,
 Trzewiczków nie psujcie:
 Mam brata Kondrata,
 Trzewiczki załata.
 I ja z tobą potancuję,
 I trzewiczki podaruję.

№ 8. На сцену являются Антонъ съ козой и Антониха съ
 подойникомъ. При этомъ поются слѣдующіе куплеты:

Антонъ козу вядзё.
 Тыць, мыць, коза не йдзё:
 Антониха погоняе,
 На табáку зарабатяе.

* * *

Антонъ по табáку,
 Ёго лаюць якъ собаку,
 Антониха по муку,
 Ёе лаюць якъ суку

* * *

А ты коза стой! стой!

(Антониха начинаетъ
 доить козу.)

А я козу дой, дой;
 А я козу кулакомъ,
 Циза сабѣ съ молокомъ.
 А позвольте жъ Антонѣму
 Зрабиць по своему.

* * *

Моя коза была.
 По огородахъ бѣгала:
 Обѣдала жуоку,
 Кричала бѣжыць до тэку.

* * *

Моя жъ коза кози́лася,
И съ при́печку звали́лася.
Мене дома не было́,
Мою козу обдуло́.

* * *

Антонъ мо́лбдзенькѣй
Піў ме́дъ со́лбдзенькѣй,
Прикаці́ся къ боча́пце, —
Яму яще хочетца.

Эта пѣсня поется пока Антониха доить козу. Какъ только она кончитъ, Антонъ уводитъ козу, а за нимъ уходитъ и Антониха.

№ 9. Тутъ на сценѣ является Макаръ, одѣтый паяцемъ. Музыканты играютъ козачка и поютъ:

Ай! Макаръ, Макаръ, Макаръ!
Семь лѣтъ въ огородѣ
Носомъ картошку копаѹ,
А цяперъ подъ музы́ку попаѹ.

* * *

Здравствуй милая, красавица моя,
Чернобровая кохайся на меня!

Это поется въ быстромъ темпѣ на мотивъ казачка, съ взвизгиваніями и пригопываніемъ.

№ 10. На сцену выходитъ краковякъ съ краковянкой и начинается танцевать краковякъ, при чемъ поется слѣдующая пѣсня на тотъ же мотивъ:

* * *

Krakowiaczek biedny
Nigdy nie tancował,
A pod starość musi,
Bo go kaszel dusi.

* * *

Płynie kamień rzeczka,
Sliczna paniieneczko,

Jak przepłynie łąką,
Będziesz moją żonką.

* * *

Gdziesz ty, durniu, widział,
Żeby kamień pływał;
Kiedy mnie nie kochasz,
Na cóż u mnie bywał?

* * *

Nie kochaj się, we mnie,
Bo to nadaremnie;
Za panną swiatową (?)
Porzucić gotowa.

* * *

Kochać cię chłopczyku,
Jeszcze będę lepiej,
Tylko ciebie proszę,
Gorzałeczki nie pij,
I w karty nie grywaj;
Kiedy ty mnie kochasz,
U drugiej nie bywaj.

Затѣмъ краковякъ прощается съ краковянкой и говоритъ ей:

«Do widzenia, panienczko,
«Zobaczymy się za górączką».

№ 11. На сцену выѣзжаютъ два рыцаря на лошадяхъ; одинъ рыцарь христіанскій, другой турецкій. Между ними начинается поединокъ. Пока они сражаются, поется слѣдующій куплетъ на мотивъ и темпъ марша:

Maszerujmy powoli,
Niech nam serce nie boli:
Maszerujmy już, już, już.
Bo za nami tuż, tuż, tuż.

Потомъ христіанскій рыцарь побѣждаетъ турецкаго и убиваетъ его. Затѣмъ онъ одинъ разъѣзжаетъ по сценѣ и поетъ въ минорномъ тонѣ, протяжнымъ напѣвомъ, слѣдующій куплетъ:

Zwojowałem jednego wojaka,
Zwojowałem jego nizki stan,
A teraz wyszedłem na dworaka,
I jestem całej gęby pan.

Потомъ рыцарь уѣзжаетъ и является смерть, забираетъ тѣло рыцаря и уноситъ его.

№ 12. На сцену выходитъ Бернардинскій монахъ, съ небольшою корзиной, прикрѣпленной къ поясу. Въ эту корзину кладутъ условленные за представленіе деньги. Обыкновенно Бернардинъ выходитъ нѣсколько разъ на сцену и, полагаясь на милость хозяевъ, всякій разъ выпрашиваетъ что-нибудь.

№ 13. Въ заключеніе всего представляется свадьба въ Комаровѣ (Komarowskie wesele).

ОПИСАНІЕ БЕТЛЕЕВЪ.

Бѣтлейки (или батлейки)—это своего рода кукольный театръ. Они представляютъ собою ящикъ, въ родѣ домика съ крышей; передняя стѣна полотняная и подымается, подобно занавѣси въ театрѣ, когда дается представленіе. Въ задней стѣнѣ два прорѣза А и А въ видѣ дверецъ (см. чертежъ № 1), промежутокъ между ними занимаютъ двѣ куклы, представляющія собою Богоматерь и Св. Іосифа; передъ ними въ колыбелькѣ лежитъ Маленькій Іисусъ Христосъ. На переднемъ планѣ укрѣплены двѣ колонки С и С. Отъ дверецъ идутъ по дну ящика прорѣзы Д, Д, Д, служащія для того, чтобы на проволокахъ могли быть вдвигаемы на сцену куклы. Эти прорѣзы замаскированы заячьимъ мѣхомъ, которымъ устлано все дно ящика, въ данномъ случаѣ, сцены. Стѣны ящика оклеены лубочными картинками, большею частью духовнаго со-

держанія. Этотъ ящикъ имѣетъ двойное дно; въ промежутокъ между этими днами входитъ другой ящикъ, весьма неглубокій (какъ въ комодѣ) и въ немъ сохраняются дѣйствующія лица. Во время же дѣйствія этотъ ящикъ выдвигается, и такимъ образомъ въ образуемый промежутокъ могутъ помѣщаться руки, управляющія движеніемъ куколъ. На крышѣ ящика устроена башенка (въ родѣ какъ бы мезонина на домѣ); эта башенка бываетъ круглая, шестиугольная или даже просто квадратная. Въ ней со стороны зрителей находятся дверцы. Полъ въ этой башенкѣ состоитъ изъ диска, вращающагося на вертикальной оси. По окружности диска укрѣплены куклы, изображающія дѣвушекъ и мужчинъ держащихся за руки — это и есть Комаровская свадьба. Къ оси сверху придѣлана рукоятка такъ, что вся эта группа можетъ быть вращаема при посредствѣ этой рукоятки. Освѣщается сцена посредствомъ двухъ подсвѣчниковъ (освѣщеніе на счетъ публики, и огарки въ пользу владѣтеля бетлеекъ, что всегда строго соблюдается). Нужно ли прибавлять, что владѣтели этихъ бетлеекъ говорятъ за куколъ и заставляютъ ихъ исполнять на сценѣ извѣстныя движенія. Одежда всѣхъ куколъ не представляетъ ничего особеннаго, онѣ покупаются въ лавкахъ. Только Мацѣй и Ульяна одѣты характеристично: первый въ крестьянской сермягѣ и имѣетъ въ рукѣ связку лыкъ; вторая одѣта какъ бѣлорусская крестьянка и держитъ въ рукахъ связку льну. Сверху надъ башенкой помѣщается большой цвѣтной фонарь, которымъ они и даютъ знать о своемъ присутствіи. Внутренній видъ бетлеекъ, поперечный и продольный разрѣзы изображены на прилагаемомъ чертежѣ.

Это описаніе составлено уч. VIII кл. Минской класс. гимназіи Викентіемъ Свенцицкимъ и доставлено учит. той же гимназіи Н. И. Андерсономъ. Ср. у Безсонова: «Бѣлорусскія пѣсни» I, стр. 79, № 125.

6) Той же губ.

Выходятъ два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ: одинъ изъ одной двери, другой — изъ другой, причемъ поется польская пѣснь.

Anioł pasterzem mówił и т. д., какъ въ Кантычкѣ.

Ангелы уходятъ.

Затѣмъ выходитъ мужикъ въ сѣромъ армякѣ съ топоромъ за поясомъ, а на плечахъ у него связка лыкъ или грибовъ, которые онъ снимаетъ при входѣ, кланяется публикѣ и съ удивленьемъ говорить:

Ахвей! авэй! якъ тутъ ясно, красно,

Чѣрвоно зѣлено;

Нероўнуючи, якъ ў косцели.

Што я вамъ скажу:

Бывъ я ў пана Барановскаго на куци» и т. д. (какъ въ предыдущ.)

Кланяется и показываетъ желудокъ:

«Ай паночки, паночки, — рѣзанка!

«Штобъ пришоў докторочекъ,

«Да полѣчиў мой животочекъ».

Приходитъ докторъ и говорить:

«Чого тутъ раскричаўся?»

— Штобъ панская милость полѣчила мой животокъ.

(Повторяетъ рассказъ, какъ онъ былъ у пана Барановскаго).

Докторъ — «Покажи свой пульсъ? (Посмотрѣвши пульсъ, докторъ

А! пропаў за собаку;

говорить):

У цябе семилѣтная трясца

За пазухами сядзиць».

Мужикъ Мацей просить доктора:

— Будзь, панъ, ласкоў:

— Жонку молодую оставлю,

— Дзяцей сиротокъ.

Докторъ: «Табѣ треба на поты даць». При этихъ словахъ онъ начинаетъ толкать мужика, приговаривая: «Вотъ такъ, не такъ», а мужикъ: «Кабъ панъ свѣту не видзѣў якъ!»

Докторъ: «А шельма, такъ ты еще лаешься, ходзи къ сцѣнкѣ», бьетъ его, приговаривая: «Мацей, поцей!» а самъ убѣгаетъ.

Мужикъ: Минскія доктуры

Не лѣчаць, а калѣчаць... (и т. д., какъ въ предыдущ.)

Выходитъ жена мужика въ ситцевомъ платьѣ и начинаетъ танцовать, послѣ чего она говоритъ:

Ходзи, заставлю полотно,
Куплю кватэрку.

(Уходятъ).

3. Является жидъ. Бетлейщикъ рекомендуетъ его:

Ото выходзи Абрамъ со своею жонкой Соро (по-польски).
«Соре, Соре, кумъ а танць!» (т. е. поди танцовать).

Танцуютъ. Затѣмъ жидъ говоритъ:

Ой людзи, людзи!
Што зъ гетого будзе?
Приходзяць на хата,
Беруць на солдата,
Не глядзиць ни на Сору,
Ни на малыя дзѣци.
Ты йдзи печи кутель,
А я буду говориць зъ Богомъ.

Сора уходитъ, а жидъ становится около стѣнки, киваетъ головой и говоритъ:

Борухате одыной. . . .
Объ стѣнку головой.
Сонце низко, низко,
Шабасъ близко,
Бери лопату,
Кидай на хату, будзе гной. . . »

4. Является козакъ и говоритъ.

«Чего ты тутъ шумишь и гукаешь?»

Жидъ:

«Я не шумлю, не гучаю.
«Што згубивъ, то шукаю».

Козакъ: «Здѣсь не шуми, здѣсь честные господа живутъ».

Козакъ копьемъ убиваетъ жида. Является Сора!

«Ой гвултъ! Абрамъ! вось вильсть?

«Ходзи, буланъ! майне Абрамъ! акренкелъ!» (умеръ).

Козакъ. «Што ты лархатая жидовка кричишь?»

Жидовка. — «У! ты свинюкъ, ты моего мужа забивъ,

И хочешь мене забици

Я пойду до пана полковника

И онъ тоби дастъ пять сто палокъ.»

Уходить. — Остается мертвый жидъ.

5. Является чортъ и говорить:

Гдзѣ ты, грѣшная душка?

Очки, якъ перлочки,

Зубки, якъ коралки,

Хвостокъ, якъ серпокъ,

На кончику стрѣлочка.

Чортъ хватаетъ жида и тащитъ.

6. Выступаетъ козакъ и дѣвушка въ сарафанѣ съ ведромъ — и поютъ:

Козакъ коня напояў,

Дзѣўка воду брала,

Козакъ пѣсеньку запѣў,

Дзѣўка воды дала.

Штобы не дзѣўчина,

То бы не жаніўся

Распалила сердце, душу,

Жанидися мушу.

Цече рѣчка невеличка

Отъ винного саду,

Звала дзѣўка козаченьку

До себѣ на раду. —

Прощай, прощай, моя мила, надо на караулъ йти.

7. Являється уланъ и поеть:

Улане, улане, малёване дзѣци,
 Не една паненка, не една вдова
 За вами, улане,
 Лецѣци готова
 До самой Варшавы.
 И бендзе . . . . . якъ сучка съ подлавы.
 А то уланъ добрый хватъ,
 До паненокъ зуховатъ.
 Гдзѣ поѣдзе, то поѣдзе,
 Завше собѣ панну звездзе.
 Пшистанъ, пшистанъ до улановъ
 Теразь нема добрыхъ пановъ,
 Теразь паны, якъ лайдаки
 Хлебчуть крупникъ, якъ собаки.
 Якъ пшистанешъ — уланъ бендзешъ,
 Бо улане добры людзи,
 Што положи, то не будзе;
 Пшистанъ, пшистанъ до варбунку,
 Будешъ ѣсци зъ масломъ курку,
 Будзешъ ѣсци, будешъ пици,
 Будзешъ хорошо ходзици¹⁾.
 Уходять.

8. Являється скоморохъ съ медвѣдемъ, котораго онъ ведетъ на цѣпи, и
 цыганки.

Бетлейщикъ:

«Ото выходзи Сморгонскій учицель зъ учнемъ».

Цыганка поеть: — Я цыганка молодая,

Я цыганка не простая, и т. д. (какъ въ предыдущ.,
 только съ прибавкою трехъ слѣдующихъ строкъ:)

Сѣдитъ цыганъ надъ водою,

Все водицу попивае

И цыганку обнимае.

Цыганка уходитъ.

¹⁾ Шѣня бѣлорусско-польская со значительными искаженіями. Е. К.

Скоморохъ къ медвѣдю:

—А ты, Миша, не лѣнись,
Честнымъ господамъ поклонись.
Дадутъ рубль, другой,
Рюмку водки, хлѣба на закуску.
А мы идземъ подальше,
Гдѣ хлѣбъ потаньше,
А може и даромъ дадутъ.
Уходятъ.

9. Является купецъ (оборванный) съ женщиною.
Бетлейщикъ:

То выходзи панъ Вольскій,
Купецъ польскій.
Ма шпильки, голки и перецъ горкій.
Мои панове, не гнѣвайцесь,
Же не добже одзяный!
Але въ крамѣ мамъ добры товары.
А то, пани Якубовска (рекомендуетъ ее).
Нема на гловѣ, ни еднѣго влоска,
Але я кохамъ съ цѣлаго сердца.

.....
.....
.....
.....

Цѣлуеть ее. Якубовская говоритъ:

Якъ и въ зимѣ, такъ и въ лѣтѣ,
И въ весенней поржѣ,
Выховаемъ голомбка
Въ тѣй цемнѣй коморжѣ.

(указываетъ на купца)

Къ купцу. Пій, їдзъ (ѣшь), грай,
Товаръ свой продавай,
И мене угощай.
Бугъ вѣ, чи дожіемъ,
А цо наше, то выпіемъ.

О муй пташе,
 О муй квеце,
 О муй голомбечку!
 Чижь я тебе не кохала?
 Вруцься, коханэчку:
 Ой я тебе такъ кохала,
 Яко сама себе,
 Кеды (меня) теразь не кохашь,
 Скара Панъ Бугъ тебе.

Купецъ: Пуйдэ до крама, може
 Полтора цвѣку уторгуе¹⁾.

10. Выступаетъ Франтъ въ черномъ фракѣ и въ цилиндрѣ; на шеѣ золотая цѣпь. Бетлейщикъ говоритъ:

Ото выходзи алегантъ новый,
 Цо ма дзыгарокъ цыновый (изъ цинка),
 А канелюшъ не есть власный (не собственный)
 Бо на гловѣ бардзо цясный (тѣсный),
 А на шіи чтеры хустки,
 А въ кишенѣ цалы пустки.

Выходитъ барышня. Бетлейщикъ говоритъ:

«Ото выходзи алегантка,
 «То его коханка».

Начинають танцовать. Бетлейщикъ говоритъ:

Танцуйце, вальцуйце,
 Тшевичекъ не псуйце²⁾.
 Мамъ шевца Кондрата.
 Тшевички полата.

Франтъ замѣчаетъ:

Кохалися дзвѣ недзѣли,
 Пукли³⁾ людзи не вѣдзѣли.
 А якъ людзи довѣдзѣли.
 Ойцу, матцы повѣдзѣли⁴⁾.

¹⁾ Цвѣкъ — галды.   ²⁾ не портите.   ³⁾ пока.   ⁴⁾ сказали.

Ойцець лае, матка біе,
 Не кохайся ты бестыя.
 О не лайце, о не бійце,
 Бенде кохалъ, пуки жіе.
 Мое панове: бывайце здровы;
 Венцый не моге бавицца,
 Бо естэмъ глодный, якъ песъ.
 Отъ першей куцци ниць не ядъ,
 Тшеба гдзѣ-кольвекъ на коляцію сходзиць.

11. Является мужикъ въ свитѣ съ сумкою. Онъ держитъ на веревкѣ козу и вмѣстѣ съ нимъ является женщина съ подойникомъ; она держится за козу. Батлейщикъ поетъ:

Антонъ козу ведзе и т. д., какъ въ предыдущ.

Антониха присѣдаетъ и начинаетъ доить козу. Антонъ ей говоритъ: «Бей масло», и она немедленно принимается и за это дѣло, а онъ возится съ козою: коза никакъ не хочетъ идти. Антониха говоритъ:

«Позвольце Антону,
 «Нехай роби по своему!»

Антонъ верхомъ садится на козу.

Кабъ цебе воўки зѣѣли
 Въ Комаровскомъ болоцѣ¹⁾).

Уходятъ.

Сообщ. воспитанникомъ Минской семинаріи В. Г. Станкевичемъ.

в) Той же губ.

По многимъ городамъ и мѣстечкамъ Минской губ., напримѣръ въ городѣ Рѣчицѣ, Мозырѣ, въ мѣстечкахъ, Копаткѣвичахъ, — Мозырскаго уѣзда, Паричахъ — Бобруйскаго уѣзда, въ г. Бобруйскѣ и м. Березинѣ, Игуменскаго уѣзда, практикуется обычай хожденія съ вертепомъ на Рождественскіе праздники; этотъ

¹⁾ Комаровское болото находится недалеко отъ Минска. С.

обычай устраивать, такъ называемый, вертепъ процвѣтаетъ исключительно въ городахъ и мѣстечкахъ среди мѣщанскаго населенія, гдѣ народъ сравнительно больше развитъ въ умственномъ отношеніи, чѣмъ жители селъ и деревень, гдѣ повсемѣстно можно встрѣтить въ праздники Рождества древне-языческій обычай устраивать къ этому времени такъ называемыхъ *козъ*, *козлювъ* и *медвѣдей*, съ массою особо подобранныхъ къ этому времени пѣсенъ и ходить изъ одной хаты въ другую по ближайшимъ селамъ и деревнямъ, *щедруя* (распѣвая пѣсни). Идея устраивать вертепъ почерпнута народомъ преимущественно изъ исторіи Ветхаго и Новаго завѣта. Вертепъ устраивается изъ деревянныхъ, ровно обдѣланныхъ досокъ, въ видѣ четырехугольнаго ящика — аршина полтора или два въ вышину, въ аршинъ ширины; этотъ ящикъ пересѣкается, какъ разъ по срединѣ, досчатою перегородкою, на два яруса: верхній и нижній; въ обоихъ ярусахъ съ правой и съ лѣвой стороны приспособляютъ по одному отдѣленію, съ перегородками отъ главныхъ центральныхъ.

КУКЛЫ ИЛИ ФИГУРЫ.

Самую важную и необходимую принадлежность вертепа составляютъ куклы или фигуры, изготовляемыя изъ дерева рѣзчикомъ, съ раскрашенными платьями, соотвѣтственно духу древней моды. Всѣхъ фигуръ обыкновенно бываетъ пятнадцать, а иногда и болѣе.

Изъ Новаго Завѣта:

- 1) Пресвятая Дѣва Марія.
- 2) Іосифъ обручникъ.
- 3) Новорожденный Младенецъ.
- 4) и 5) Вифлеемскіе пастухи (двое).
- 6) и 7) Волхвы (Персидскіе цари), приносящіе дары новорожденному младенцу (двое).

Изъ Ветхаго Завѣта:

- 8) Царь Иродъ.
- 9) Воинъ, призывающій градоначальника.

10) Градоначальникъ, которому Иродъ отдаетъ приказъ перебить всѣхъ новорожденныхъ младенцевъ мужского пола.

11) Рахиль, просящая о помилованіи ея сына.

12) Еврей Берка, въ старомъ національномъ его костюмѣ.

13) Мужикъ.

14) Діаволъ (кадукъ).

15) Еврейка, жена Берки.

Всѣ означенныя фигуры приспособляются на проволокахъ снизу въ вертепѣ, такъ что по волѣ распорядителя представленій въ вертепѣ, одного изъ ловкихъ и находчивыхъ парней, упомянутые фигуры движутся—каждая въ своей роли. Куклы или деревянные фигуры, изображающія Пресвятую Дѣву Марію и Іосифа Обручника ставятся въ глубинѣ верхняго центрального яруса, рядомъ; предъ ними полагается въ ясляхъ на сѣнѣ фигура, знаменующая собой новорожденного младенца. Наканунѣ новаго года къ вертепу дѣлается подборъ взрослыхъ и дѣтей (пѣвчихъ), которые поютъ при представленіи пѣсни.

Придя въ домъ хозяина, предъ началомъ представленія, одинъ изъ болѣе ловкихъ и практичныхъ парней—участниковъ въ хожденіи съ вертепомъ, садится сзади его и объявляетъ, что начинается представленіе изъ Новаго Завѣта — о Рождествѣ Спасителя. Представленіе производится въ верхнемъ ярусѣ вертепа. Предварительно являются два мужика (пастухи Виолеемскіе) и кланяются новорожденному младенцу въ поясъ и обращиваясь къ зрителямъ, говорятъ: «Мы пастухи Виолеемскіе, находились сію ночь на стражѣ, пасли свой скотъ; вдругъ при большой темнотѣ, осіялъ насъ необыкновенный свѣтъ. Мы испугались, но ангелъ Господень сказалъ намъ: «Не пугайтесь! это родился царь славы; вы идите и поклонитесь ему; онъ въ Виолеемѣ; множество ангеловъ увидали поющихъ: слава въ вышнихъ Богу..... (эта церковная пѣснь исполняется хоромъ пѣвчихъ при вертепѣ).

По окончаніи пѣнія «слава въ вышнихъ Богу.....» пастухи удаляются. Приходятъ волхвы, цари Персидскіе, кланяются ново-

рожденному младенцу и приносятъ дары. Затѣмъ они обращаются къ народу со словами: «Мы волхвы, цари Персидскіе—изъ далекихъ странъ, не пожалѣли своихъ царскихъ трудовъ и пришли поклониться новорожденному младенцу; мы это узнали по звѣздѣ на востокѣ, которая намъ сопутствовала». При этихъ словахъ поется церковная пѣснь: «Волхвы, цари Персидстїи, познаша явѣ на земли рожденнаго царя небеснаго...» Волхвы кланяются и удаляются. По окончаніи всего этого начинается представленіе въ нижнемъ ярусѣ вертепа объ Иродѣ. Свѣча при этомъ переносится изъ верхняго яруса въ нижній. Медленно выдвигается изъ за-занавѣси одинъ изъ царей, который садится на тронѣ, и тутъ подбѣгаетъ къ нему воинъ съ вопросомъ: «Что прикажете ваше величество?» Царь приказываетъ позвать градоначальника. Воинъ немедленно удаляется. Входитъ градоначальникъ. «Что слышно у насъ?» спрашиваетъ царь? — «Ничего особеннаго, ваше величество!» — Какъ же ничего! Народился новый царь, и я, опасаясь, чтобы онъ не завладѣлъ моимъ царствомъ, повелѣваю убить всѣхъ новорожденныхъ младенцевъ мужского пола».

Черезъ двѣ-три секунды входитъ воинъ съ докладомъ, что младенцевъ всѣхъ убили; только плачетъ одна Рахиль и проситъ о помилованіи единственнаго еще оставшагося въ живыхъ сына. Воинъ отправляется за занавѣсь и представляетъ плачущую женщину, просящую пощадить хоть единственнаго сына. «Ваше величество, восклицаетъ женщина, я поручаю вамъ своего сына, возьмите его въ свои палаты, не воспитывайте, только лишь бы онъ былъ живъ». — «Да, отвѣчаетъ царь, были случаи, знаемъ уже: и Фараонъ когда то воспитывалъ Моисея, а онъ потомъ лишилъ его царства». Женщина выходитъ съ плачевною пѣсней. Хоръ пѣвчихъ поетъ:

«О Ироде ты проклятый (2)
Не пощадилъ ты въ Вифлеемѣ
Ни единого дитяти;
Ты хотѣлъ убить Марїина сына,

На что тебя сатана искусилъ.
 Но Божія сила
 До сего не допустила;
 Ты убить Христа рѣшился,
 А Іосифъ съ Марією
 Въ Египетъ удалися.
 О Ироде ты проклятый! (2)
 Ты еще на свѣтъ Божій не родился, —
 Въ твоємъ сердцѣ сатана поселился.
 О Ироде ты проклятый. (2)

Иродъ удаляется съ трона; входитъ еврей, Берка, въ старомъ
 своёмъ національномъ костюмѣ, разсматриваетъ палаты Ирода,
 поворачиваясь къ зрителямъ со словами: «Ви знаеце госпада, сто
 тутъ царь зыў, а циперь узъ я купіў гэтые палацы, а самъ царь
 ўзэ памьёръ; гэто яго Богъ скараў, сто ёнъ насыхъ цѣлыхъ цатыр-
 наццать тысяцъ дзѣтацакъ перабіў. Я думаю», продолжаетъ
 еврей, «ў гэтумъ палацы открыць тракцирь: отъ тутъ бацѣна-
 цакъ поставлю, а тутъ креселько». Затѣмъ самъ садится на тронъ
 и давай плясать отъ радости. Въ скоромъ времени является мужикъ
 и обращается къ зрителямъ со словами: «Ву ня знаеце—господа
 мойго гора. Яжъ екъ наўсе куцци, такъ ни мугу и пойци: отъ я
 ўжэ ишоў ў волась и къ хвѣршалу, ажъ їдзе воласный писаръ
 пытаецця ўмене: «куды ты їздешъ Змитро?»—«Ў волась икъ хвер-
 шалу; болиць, панѣчакъ, вельми мой животочекъ. Я жъ ўчора
 якъ наўсе куцци, дакъ ня могу и пойци». А писаръ кажа: «хвѣр-
 шала цяперака нема; ты лѣпей идзи икъ Берку и выпи гарелки
 чвѣртку, укинувши дробъ канхворы, такъ ня будзешъ хворый».
 Наконецъ мужикъ обращается къ еврею: «А, здоровъ, Берка,
 ну—алежъ у цябе и палацы, и чагожъ тутъ у цябе няма!
 Одного тольки бацьки зъ мацяраю тутъ нямашака! Дай жэ мнѣ
 гѣрелки чарку выпить!»—Давай зэ грѣсы! — «Да яжъ ня ўзяў
 съ собою изъ дому».—Цагозъ ты исбу, же на вѣру думаецъ?
 Исцэ я тольки панинь роблю, а ёнъ узэ.... музыкъ,—трасца яго

матары, прысоў, — и дай яму на вѣру; принёс би цаго мѣрацку! — «Погоdzi жъ ты, проклятый жиловинъ, говоритъ мужикъ, яжъ табѣ наслю, я табѣ изроблю, што цябе чортъ ухващицъ!» и мужикъ уходитъ. «Такъ пьяница усе страспае: я табѣ нашлю! Дзѣ ви бацыли, гаспада той цортъ, дзѣ ёнъ есь на свѣци, хто гэта даказзъ?!» Въ эту минуту является чортъ, очень страшный по виду: на нёмъ платье съ тхороваго мѣха, лицо черное, съ хвостомъ, на головѣ рога. Чортъ хватаетъ Бэрку и уноситъ съ собою; Бэрка кричитъ «гвалтъ!» (Зрители хохочутъ). Въ концѣ всего приходитъ еврейка, жена Бэрки, обращается къ зрителямъ съ вопросомъ: «Цы не бацыли мая Бэра?» — «Егожъ чортъ ухвацѣў», произносятъ исполнявшій всё время словесныя роли дѣйствующихъ лицъ въ формѣ фигуръ или куколъ.

Сообщ. учит. народн. училища Н. Г. Яцко.

г) Въ Могилевѣ—губернскомъ.

Во время святокъ, съ перваго же дня праздника Рождества Христова, могилевское христіанское простонародіе ходитъ по домамъ съ вертепомъ. Шкапъ такой же, какъ тотъ, въ какомъ устрояють раекъ, продолговатый и величины обыкновеннаго шкапа или сундука для бѣлья. Въ этомъ шкапѣ двѣ сцены — верхняя и нижняя, подобно тому, какъ и въ шкапѣ для бѣлья верхній и нижній ящики, съ тѣмъ впрочемъ отличіемъ, что передняя, лицевая сторона открыта и не имѣетъ доски. Полъ каждой сцены имѣетъ сквозныя узкія прорѣзы, для движенія укрѣпленныхъ на проволокахъ куколъ, по направленію прорѣзанныхъ линій.

Чтобы прорѣзы были не замѣтны, полъ покрывается заячьей шкуркой, мѣломъ вверху, который и прикрываетъ своею шерстью прорѣзы. Въ глубинѣ верхней сцены находится маленькій иконостасъ съ 4 иконами: Матери Божіей, Богоявленія, Спасителя и Рождества Христова. Среди иконъ находится маленькое изваяніе рожденнаго младенца Христа; предъ иконами стоятъ свѣчи.

Въ глубинѣ нижней сцены вертепа находится тронъ. Съ этимъ-то вертепомъ ходятъ могилевскіе православные ремесленники къ зажиточнымъ и почетнѣйшимъ лицамъ изъ христіанъ, въ сопровожденіи большой толпы молодежи, отъ ребятишекъ до 30 лѣтнихъ мужчинъ. Дѣйствіе происходитъ въ вертепѣ посредствомъ костюмированныхъ деревянныхъ куколъ, при нестройномъ пѣніи или речитативѣ сопровождающей вертепъ толпы въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Выходитъ лицо, представляющее пономаря и засвѣчаетъ свѣчки предъ образами. Толпа поетъ тропарь: Рождество твое Христе и проч.

2. Пономаря смѣняютъ три ангела съ поклоненіемъ предъ изваяніемъ младенца Іисуса. Въ это время поется кондакъ праздника: Дѣва днесъ и проч.

3. Являются Адамъ и Ева, которыхъ ангелы изгоняютъ (разумѣется, изъ рая). Толпа поетъ слѣдующій стихъ:

Вопль бысть предивный: о предрайской
странѣ.

Плакался Адамъ изъ раю изгнанный.

«Ой, раю-жъ мой! раю, сличная крайна!

«Ой, беда-жъ моя, безъ тебе година,

«Ой, жена моя, чтожъ ты мнѣ сдѣлала?

«Ты мя властнаго изъ раю изгнала».

4. Послѣ являются пастухъ и пастушка: хоръ поетъ:

«Пастушка съ ягняткомъ

Предъ тымъ дѣтѣткомъ,

На колѣна упадаетъ,

Христа прославляетъ».

5. Послѣ поклоненія пастырей, входитъ царь Давидъ. При этомъ поется:

«Давидъ, муже дивный

Выигриваетъ въ игры,

На всѣ струны ударяетъ,
 Христа прославляетъ.
 Ты, Давидъ, славный пророческій царю,
 Даруй гдѣто счастливое днесь сему государю;
 Просимъ тебе, царю небесный, *шефару(?)*
 Воздай жертвы хваленія днесь сему господарю».

6. Въ нижней сценѣ Иродъ садится на тронъ и говорить:

«Что я слышу во царствіи своемъ нынѣ, о новорожденномъ чадѣ; о! призову я къ себѣ трехъ царей и спрошу у нихъ какихъ вещей».

Входятъ три царя. Толпа поетъ:

«Шедше тріе цари
 Ко Христу со дары,
 Иродъ же пригласилъ,
 Куда идуть? испросилъ».

Цари говорятъ:

«Почто нашъ царю державный
 Велѣлъ придти подъ указъ твой явный?»

Иродъ говоритъ: «Потому я вамъ велѣлъ придти, что будто какая-то дѣва днесь царя родила, я въ ушахъ слухъ имѣлъ, а потому посылаю: идите, рожденного найдите и мнѣ предвозвѣстите и я также поклонюсь».

Цари говорятъ:

«Правда, шахъ царь надъ царями,
 Повелитель надъ нами».

Потомъ цари входятъ на верхнюю сцену три стѣны хора:

«Зашли въ чужіе страны
 Христа славословить
 Чашу же брачную
 Со злымъ служить».

Цари говорятъ:

«Новорожденный царю
Прими наша дары!
Мы триє цари
Приносимъ тебѣ дары».

Является ангелъ и говорить:

«Царіє друзи!
Куда вы мыслите?
Нейдите ко Ироду,
А идите инымъ путемъ».

Цари говорятъ:

«Благодаримъ тебѣ, ангеле,
Что намъ путь показавы путешествія страны(?)»

Потомъ хоръ поетъ:

«Ангелъ къ нимъ является,
На путь наставляеть:
Инымъ путемъ идите,
Ко Ироду нейдите».

Между тѣмъ является Іосифъ и на ослѣ — Матерь Божія и удаляются».

Иродъ (на тронѣ) говорить:

«Что я слышу во царствіи своемъ нынѣ о новорожденномъ чадѣ, да призову я къ себѣ воина, или могъ бы онъ меня убить или болѣе раздражить. Воинъ мой милый, воинъ мой любезный, стань предо мной!»

Воинъ является: «Государь, мой царь, твоя вѣра—моя вѣра, вѣроятно стала.

Иродъ: «Воинъ мой милый, воинъ мой любезный, иди во градъ Виолеемъ и избей младенцевъ, сущихъ первенцевъ».

Воинъ уходитъ и потомъ приводитъ Рахиль и говорить:

«Государь мой, царь, я веду къ тебѣ Рахилю съ малымъ отрочемъ: или велишь убить, или живаго на свѣтъ пустить».

Иродъ: «Я своихъ царскихъ словесъ никогда не переменяю. Воинъ мой милый, воинъ мой любезный, возьми отроча, убей».

Рахиль:

«Царю мой, царю,
Милостивый государю,
Не раздражай моей утробы,
Не вгоняй дитячко ко гробу,
Чтобъ чрезъ него въ огнѣ не горѣть,
Въ смогѣ не кипѣть».

Иродъ: «Охъ ты баба огнистая, скотина ребристая! Воинъ мой милый, воинъ мой любезный, возьми отроча, убей».

Потомъ хоръ поетъ:

«Восплачетъ мати
По своему дитяти.
Ты убей, убей меня въ сіе время,
Пущай умру вскорѣ,
Не рыдай по чадѣ,
Вознесутъ во адѣ,
Твой вѣнецъ преславный,
Отъ Христа изданный,
Съ небесъ херувимы
И всѣ серафимы.
Мученикамъ слава,
Честь и держава.
На вѣчные вѣки.
Почтожь ты гордишься,
Слезамъ обильнѣе?
Иродъ тебя побиваетъ,
Сердце въ тѣлѣ унываетъ,
Тяжко вздыхаетъ,
Слезно помышляетъ». 2.

Смерть приходитъ къ Ироду и говоритъ:

«Азъ есмь монархия сему свѣту, пане,
Я пребываю во всякой странѣ,
Всѣ князи и цари подъ властью моею,
Потому что я вырублю косою своею.
А ты Иродъ, царь проклятый!
Полно тебѣ на семь царствѣ царствовать,
Пора тебѣ въ адъ поступати».

Иродъ говоритъ:

«Охъ смерть, моя мати!
Не хотѣлъ бы еще умирати,
А хотѣлъ бы еще съ тобой воевати».

Смерть:

«Ахъ ты Иродъ, царь проклятый!
Не хочешь добровольно въ руки податься,
Хочешь съ смертию воеваться?
Какъ воскликну я брата
Съ пропаднаго ада: «Адъ! братъ!»

Является діаволъ и говоритъ: «Что, смерть сестра?»

Смерть говоритъ:

«Царь Иродъ не хочетъ добровольно
Въ руки податься,
Хочетъ съ смертию воеваться».

Діаволъ говоритъ:

«Возьми, сестра, косу,
Отруби ему главу,
Пусть ему — трупъ и глава,
Намъ — держава».

Смерть: «Пропойте ему надгробную пѣснь».

Хоръ поетъ:

«Вотъ еще бо не доказалъ пекельныя штуки.
Какъ Ирода проклятаго берутъ въ свои руки.
Берутъ его и держать,
Вся совѣты подлежать,
За его забавы
Идутъ до насъ славы».

Смерть:

«Вотъ тебѣ, Иродъ, царь проклятый!
Надгробная пѣсня пропѣта
Лишаешься сего ты бѣлаго свѣта».

Отрубаетъ голову. Является діаволъ и хватаетъ трупъ.

Этимъ кончается представленіе. Затѣмъ начинаются кукольные пляски подъ скрипку въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва солдатики пѣхотные, а потомъ конные маршируютъ. Послѣ пляшутъ дѣвчина съ парубкомъ, цыганъ съ цыганкою, еврей съ еврейкою, далѣе — Антонъ козу ведетъ, поджигая хвостъ ея, разбойникъ жидѣ бьетъ, чортъ утаскиваетъ жидѣ; въ заключеніе сборщикъ является съ блюдечкомъ, на которое публика должна положить деньги.

Въ этомъ отдѣленіи цыгане говорятъ:

Цыганъ: «На коверъ берю на чечерку.
Господа миряне чи ни бачили,
Чи ни ѣхали тутъ шатромъ цыгане?
Кобыла молодая на ногу кляла,
Тамъ была моя цыганка молодая.
Ховра! Ховра!»

Цыганка: «А тутъ Ховра!»

Цыганъ: — Ой де ты ходила?

Цыганка: «Я ходила по селу.

Да кобыла скрочу»¹.

Цыганъ: — Ой дежъ ты ѣ скрочила?

¹ Де скрочу дажъ скрочила ам скрочила (т.е. испуганная коза, только шипитъ и лаетъ).

Цыганка: «У сивки на водки».

Цыганъ понюхавъ, говоритъ:

— О что твой сыровецъ да пахнетъ раковой юшкой?

Цыганка: «А я ее кидала въ петрушки».

Цыганъ: — О штобъ ты поцѣловала старому бису въ ребро!

«Музыкантъ, зайграй свинью кованою!» Цыгане пляшутъ.

Потомъ цыганъ поетъ:

Чѣмъ ты цыганъ не оре?

— Бо ни маю плуга,

Только маю плуга,—

За поясомъ пуга.

Ой, дамъ, дамъ

Ой, дамъ дамъ.

Еврей поетъ: «Моя сапожка изъ злота,

Съ одной скурачки работа,

И ярулочка козына,

Уся гнидами спидкована.

Ой миръ, миръ,

Стейлемъ, бейлемъ. 2.

Тамъ и Борохъ ¹⁾ троху гулявъ,

Масіасу повху давъ,

Ой миръ, миръ

Стейлемъ, бейлемъ. 2.

Тамъ и Борохъ троху упився,

Ёнъ подъ лавку подвалився

Ой миръ, миръ,

Стейлемъ, бейлемъ ²⁾).

¹⁾ Собственное имя.

²⁾ Описанный вертепъ принадлежитъ мѣщанину Вазилу, занимавшемуся, прежде башмачнымъ мастерствомъ. Сынъ его сообщилъ намъ текстъ сценъ*). Вертепъ или шкапъ — ветхій, а куклы дурно сдѣланы и существуютъ въ настоящемъ видѣ болѣе 20 лѣтъ. Говорятъ, что на Луполовъ**) у мѣщанъ есть

*) Весьма, къ сожалѣнію, искаженный, непровѣренный, но при всемъ томъ не лишенный интереса. Ш.

**) Зарѣчная сторона Мсгилева. Ш.

Вертепы перенесены въ Могилевъ, изъ Кіева, вмѣстѣ съ наукою, занесенною духовными лицами, получавшими образованіе обыкновенно въ кіевскомъ училищѣ, переименованномъ впоследствии въ академію. Въ самый же Кіевъ обычай разыгрывать діалоги (священныя драматическія представленія) принесенъ въ Россію черезъ Польшу изъ западной Европы, въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ которой еще ранѣе, въ среднихъ вѣкахъ сценическія представленія языческаго и житейскаго міра замѣнены представленіями изъ священной исторіи. Еще при Петрѣ Могилѣ (1633—1647 г.) воспитанники коллегій сочиняли и разыгрывали нѣкотораго рода драмы, представляя въ лицахъ библейскія происшествія. Каждый учитель пѣтики обязывался ежегодно приготовить комедію или трагедію для лѣтнихъ рекреаций.

Зубрицкій въ лѣтописи Львовскаго Братства пишетъ: «около 1688—89 годовъ перешелъ отъ іезуитовъ, къ ученикамъ Братской Львовской школы обычай разыгрывать діалоги въ церкви. Въ 1689 году дано такое представленіе съ великою пышностью при многочисленномъ стеченіи народа». «Въ свѣтлые дни праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова ученики Кіевскаго училища еще въ семнадцатомъ вѣкѣ ходили по домамъ съ поздравительными стихами, а искуснѣйшіе изъ нихъ устраивали такъ называемые вертепы, описаніе которыхъ сдѣлано нами въ началѣ статьи. Точно также они устраивались 200 лѣтъ тому назадъ.

Бѣдные воспитанники Кіевской коллегіи или Кіево-богоявленскаго училища, не имѣя средствъ къ своему содержанію, прибѣгали, съ разрѣшенія начальства, къ сбору приношеній, исполняя при этомъ роль мѣщанъ, ремесленниковъ и комедиантовъ. *Морисъ* назывались ученики — бѣдняки, которые во время обѣда ходили по кіевскимъ улицамъ и подъ окнами или у воротъ

новый вертепъ. Могилевскій и Лубинскій вертепы представляли между собой, когда между ними происходили крестовые стычки. Давалось и вертепное. Загнѣ автора.

извѣстныхъ домовъ пѣли священные стихи, получая за это милостыню отъ домовладѣльцевъ. Болѣе обыкновенная пѣснь была слѣдующая: «Миръ Христовъ да водворяется въ домахъ вашихъ, за молитувъ¹⁾ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Сыне Божій помилуй насъ, аминь. Боже дай вашецѣ²⁾ день добрый.

Отъ перваго слова *миръ* пѣвцы назывались *миркачами*, а пѣніе *миркованьемъ*. *Спѣваками* назывались ученики, находившіеся въ высшихъ классахъ или студенты, распѣвавшіе ввечеру предъ торговцами на площади канты, большею частью во славу Богоматери. Наконецъ *комедіантами* были тѣ изъ бѣдныхъ учениковъ, которые въ дни праздниковъ Рождества Христова устраивали такъ называемые вертепы, въ которыхъ картонныя куклы учениками приводимы были въ движеніе, посредствомъ скрытыхъ пружинокъ и нитей, при этомъ ученики импровизировали сообразно тому, что должны были представлять куклы. Вертепы скоро перешли къ ремесленникамъ, а ученики обратились къ сценическимъ представленіямъ. Изъ Кіева вмѣстѣ съ наукою и учеными перешли въ Могилевъ и даже въ Москву священные представленія и вертепы. Въ Москвѣ обыкновенно разыгрывались драмы Симеона Полоцкаго, Прокоповича, св. Димитрія Ростовскаго и другихъ. «Всѣ эти представленія, замѣчаетъ Гречъ въ своей учебной книгѣ Россійской словестности, изданной 1822 г. часть IV на стр. 327, сопровождались разными шутовствами и кривляндями³⁾. Такъ въ Могилевѣ и нынѣ они сопровождаются тоже шутовствами и кривляндями, какъ читатель видѣлъ въ описанномъ вертепѣ, и съ вертепомъ здѣсь ходятъ только ремесленники⁴⁾.

Въ Могилевѣ ходятъ еще со звѣздою,—или вмѣстѣ съ вертепомъ, или съ одной звѣздою, которая сдѣлана отъ $\frac{3}{4}$ до ар-

¹⁾ По старопольски: *molitów*.

²⁾ По польски: *waszej mości* — вашей милости.

³⁾ См. изслѣдованія г. Житецкаго (въ Кіевской Старинѣ 1892 г.) — Странствующие школьники въ старинной Малороссіи. III.

⁴⁾ См. сочиненіе Аскоченскаго: Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. 1856, ч. I, стр. 269, 273, 356 и 357.

шина въ поперечникѣ изъ разноцвѣтной бумаги и сзади освѣщается зажженными свѣчами. Когда ходять со звѣздою, то поють только Божественныя пѣсни: Христось рождается, Рождество твое и Дѣва днесъ, и все заключается привѣтствіемъ и многолѣтіемъ хозяину.

Изъ Могил. губернска. вѣдомостей 1866 г. № 4. Неоф. Стр. 26—29. Статья безъ подписи.

МАЦѢЙ (КОЛЯДНАЯ ИГРА).

Разсказъ крестьянина. Минск. губ. Борисовск. у.

«У напшмъ сляѣ на колядныя святкі, на вячаринкахъ за мѣсто *батляу* дыкъ робюць такъ: одзинъ, которы пристаўляя сябе за «Мацѣя», другі за яго жонку, а треци за дохтора. Мацѣй, дзержициса за брухо, говбрэ:

«Быў я у пана Барнѣўскаго на купьци, облопаўся купьци, ни могу сойци, ни могу пойци, ни шагнуць, ни зяўнуць, ни до своей жонки зайци. Што моя жонка Ульянка ни робляла: горшокъ на пупѣ стаўляла, ничόго ни помогала, — ящό боли залягло. Порáд-зили сходзиць ў Раўскаго аптэку купиць мόху, чертополоху, курыной жоўци, комарыныхъ кѣшакъ и ящό нѣчаго троху, зробила баўтузникъ, стукнуў, вышїў — ничόго ни помогáе, ящό гóрэй долигáя. Во кабъ нашоўся панóчакъ, ды полячїў мой живото-чакъ, — отдаўбы торбу, сякѣрку и платочикъ».

Прихóдзи дохтуръ Баўтрумей.

«Здоровъ Мацѣй!»

— «Здоровъ, пане Баўтрумей.

«Што табѣ болиць?»

— А тутъ, пане, коля пупа разочка рѣжа.

«Приляжь брúшкомъ, а я послухаю вúшкомъ... Эге, Мацѣй у цябе сямилѣтняя трáсца трасé. Трэба табѣ на поты даць сы лба кроў пусьциць, на потылицы банки поставиць» и давай молоткомъ стукаць Мацѣю по брúху, чуць ня выбїў зъ яго дұху и ўсё кажа: «Мацѣй, поцѣй! Мацѣй, поцѣй!»

Мацѣй ўсхопїўся, а докторъ драло ў ноги. Мацѣй догоняя яго, ударыўся объ дзверы и кажа: «Во кабъ цябе повѣтрые! на-

поцѣѹ, намацѣѹ и самъ къ чорту поляцѣѹ, а кабъ ѣнъ, ясно соўнушко ни оглидаѹ, ня лѣчиць — калѣчиць. Ну дакляроваѹ жа даць осьмину бѣбу, — али цяперъ хворѣбу! Ахъ кабъ яго догнаѹ, ябъ косточки поломаѹ».

Прихѣдзи жонка Ульянка и кажа:

«Пойдзимъ, пойдзимъ, мой курдзюрка! Я лянокъ и грибки за-стаўлю ¹⁾ и табѣ кватѣрочку ²⁾ постаўлю»; бяре яго подъ пахи и пяе, идучи:

«А Божа мой! тольки
Обѣрочки тонки;
Никто замужъ ни бярэ,
Обѣрочакъ ни соўе.
А мой мужикъ Доминикъ, —
Яго рѣзумъ ни вяликъ.
Якъ я была дзѣўкой,
Цяперъ молодзичкой,
За добрымъ мужикомъ
Ды ни за п'яничкой.
Сякі-таки мужчина,
За имъ дрѣвы и лучина;
Якъ я за яго заваюся,
Я никого ни боюся.
Сяки - таки — абы быѹ,
Соли-хлѣба кабъ купіѹ».

Зап. волост. писар. А. Ганусомъ отъ кр. Ѳед. Икона.

СРѢТЕНІЕ ГОСПОДНЯ ИЛИ ГРОМНИЦА.

«На 6-ой недѣлѣ отъ Колядъ ³⁾, праздникъ Срѣтенія зовется народомъ: *Громницы*. Это уже вліяніе католичества, которое въ этотъ день установило освящать восковыя свѣчи, зовомыя по костельному: громницами, на томъ основаніи (какъ значитъ въ

¹⁾ За ложу. — ²⁾ Четверть штофа (водки).

³⁾ Т. е. отъ Рождества, 2-го февраля.

Катехизисъ іезуита Лоицкаго 1748 г., издан. Виленск. Академіи) «что громятъ онѣ силу бѣсовскую, дабы не вредила громами, молніями, проливными дождями и градомъ, легко низводимыми, по допущенію Божию, чародѣями или волшебниками». Народъ съ своей стороны вѣрить, что такія свѣчи полезно употреблять для отогнанія вѣдьмъ отъ коровъ, къ которымъ онѣ, дескать, въ видѣ жабъ подползаютъ, взбираются по ногамъ къ выменамъ и высасываютъ молоко. Но громничная свѣча, прилѣпленная къ косяку хлѣва, недопускаетъ вѣдьмъ до такихъ операций и слѣды безсильной злобы ихъ остаются на изгрызенномъ воскѣ свѣчи»¹⁾.

Благоговѣйная вѣра въ чудодѣйственную силу громничныхъ свѣчей весьма распространена среди крестьянскаго населенія Сѣверо-западнаго края. Такъ напр. уроженецъ Борис. у., Минской губерніи, учитель Свислоч. учительск. семинаріи, г. Товстикъ сообщаетъ на этотъ счетъ слѣдующее:

«Праздникъ Срѣтенія Господня замѣчателенъ тѣмъ, что въ этотъ день въ церкви освящаютъ свѣчи.

Еще наканунѣ праздника каждое семейство, если не думаетъ брать свѣчей у церковнаго старосты, старается сдѣлать себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть одну свѣчу. Пріемы для производства: Воскъ, предварительно размягченный, раскатываютъ въ плиточку. Затѣмъ, положивши въ эту плиточку скрученный изъ льна фитиль, ее свертываютъ и свѣча готова. Другой, болѣе сложный способъ состоитъ въ томъ, что въ трубочку, снятую съ лозовой коры, прикрѣпляютъ въ срединѣ фитиль и потомъ наливаютъ туда растопленный воскъ.

Привесенныя въ церковь свѣчи мѣстные священники послѣ обѣдни окропляютъ святою водою.

Такимъ образомъ приготовленныя и освященныя свѣчи употребляются для различныхъ назначеній. Въ самый день праздника ~~поджигаютъ~~ (т. е. поджигаютъ) ими немного волюсь на

¹⁾ Изъ статьи священника Бермана «Календарь по народнымъ преданіямъ, въ Волжинскомъ приходѣ Виленск. губ., Ошмянск. уѣзда» въ Зап. Нил. Русск. Геогр. Общества т. V, стр. 19—20.

головѣ крестообразно всѣмъ членамъ семейства по старшинству. Во время ужиновъ поминальныхъ, каковы радуницы, осенины, эта свѣча горитъ въ красномъ углу. Въ случаѣ, если кто-нибудь въ семействѣ умираетъ, то ему даютъ въ руку эту же свѣчу *громническую*.

Подобныя же данныя сообщаетъ и одинъ изъ волостныхъ писарей Скл. у., Могилевской губ.

«Въ «Громницу», говоритъ онъ, каждый хозяинъ приготовляетъ и освящаетъ восковыя свѣчи, которыми, по возвращеніи изъ церкви, выжигаютъ кресты и на косякахъ дома и другихъ хозяйственныхъ строеній, ими же родители выжигаютъ волосы крестообразно на головахъ своихъ дѣтей и домашнихъ, а потомъ на лошадахъ, коровахъ и овцахъ. Въ заключеніи свѣчи гасятъ и вѣшаютъ ихъ внизъ фитилемъ.— Есть вѣрованіе, что въ «Громницу» вѣдьмы влетаютъ въ хлѣва и портятъ скотину. Натыкаясь на свѣчу, они обжигаются и спѣшатъ поскорѣе оставить хлѣвъ, не причинивъ, конечно никакого вреда скоту.

«Громничныя» свѣчи берутся во весь годъ. Эту свѣчу даютъ въ руку умирающему; съ нею встрѣчаютъ новорожденного и съ нею же вносятъ въ избу родившихся телятъ, ягнятъ и проч.

Зап. волостнымъ писаремъ Апаличемъ.

Праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

а) Могилевской губ., Мстиславскаго уѣзда, Любавичской волости.

Въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25-го марта) крестьяне отправляются въ церковь къ обѣднѣ и тамъ во время заутрени покупаютъ по нѣсколько освященныхъ просфоръ, которыя, по возвращеніи домой, сушатъ и завязываютъ въ бѣлую тряпочку и хранятъ ихъ въ чистотѣ до слѣдующаго Благовѣщенія, а прошлогоднія просфоры поѣдаютъ натошакъ. Просфоры, купленныя въ настоящемъ году, во время сѣвбы привязываютъ къ сѣвалкѣ и сѣютъ съ ними хлѣбъ. У каждаго домохозяина просфоры остаются при сѣвалкѣ во все время хлѣб-

ной сѣвбы, по окончаніи которой онѣ отвязываются и прячутся въ чистое мѣсто. Въ этотъ же день послѣ обѣдни дѣвки и парни собираются куда-нибудь на горку, или же къ банѣ, на сухое мѣсто, гдѣ, усѣвшись рядомъ, начинаютъ пѣть весеннія пѣсни, или, какъ онѣ выражаются «гукаюць вясну», напрымѣръ:

1) Быславѣ, Божа,
Весну загукати! ¹⁾
Подай, Божа, ключи,
Лѣта отмыкати,
Зиму замыкати!
Вы любите, христіяни,
Выжыняйтѣ статыкъ ²⁾
На шолкову траву,
На Юрєву росу.

—
2) «Кузѣмка, шолковая бородка!
«Чаму ня жѣнісься?»
— Радъ бы я жаницца,
— Дѣвычки сястрицы, —
— По мнѣ дѣвки нѣту.
— Одна по мнѣ Рожа ³⁾,
— Ина и гожа и пригожа,
— По улку ня ходить,
— Танечиковъ (танцевъ) ня водить,
— Вяночка ня носить.
— Дѣвки Кузьму учили:
«Надѣнь, Кузьма, рубашычку,
«И надѣнь андырачикъ,
«И подпиряжи хвартукъ,
«Завяжи платочыкъ,
«И надѣнь вяночыкъ,
«Пыдойди къ Рожи пыдъ окошко,

---

¹⁾ Зазывать,   ²⁾ выгоняйте стадо.   ³⁾ Ласкательн. собств. имя ж. отъ *Розалія*.

«Зови Рожу на вулку:
 «Ты, Рожа, сястрица,
 «Ходи со мной на вулку!»
 — Вы, дѣвычки, сястрицы,
 — Боюся Кузёмки.
 «Ты, Рожа, сястрица,
 «Кузьмы дома нѣту!»
 Вышла Рожа на вулку,
 Рожа у дѣвыкъ пытаетъ:
 «Што эта у васъ за дѣвка,
 «На ножки ступаить
 «И за ручку стискаить?
 — Ты, Рожа, сястрица,
 — Гэта-жъ Кузьма!»
 Рожу мати кричить до дому.
 «Ня жди мяне, мати, до дому,
 «Дождыдай мяне, мати,
 «На Христовъ дянѣкъ,
 «Съ мыладымъ Куземкыю
 «Съ краснинькимъ яѣчкымъ ¹⁾).

3) Ли колодзися, ли студѣнаго,
 Ляжить тамъ тѣла, тѣла бѣлае.
 Нихто къ тѣлу ни приступитца,
 Приступилися три ластывки:
 Первыя ластывка ў гылывахъ,
 Другая сѣла противъ сѣрдичка,
 Треттїя сѣла ў ныгáхъ.
 У гылывахъ плачить—мати яго,
 Проти сѣрдичка-то сястрица яго,
 А ў ныгалъ — то жїнка яго,
 А дѣ мати плачить, —

¹⁾ Ср. Шейна Бѣлорусскія народныя пѣсни изд. Геогр. Общ. 1874 г., стр. 71, №№ 129 и 130.

Тамъ рика стоить, —
 А дѣ сястра плачить, —
 Тамъ ручей тячетъ, —
 А дѣ жинка плачить,
 Тамъ рыса (роса) стоить.
 Мать плачить вѣкъ до вику,
 Систра плачить годъ до году,
 Жина плачить—день до вечера,
 А слухать нечаго.

Весеннія пѣсни дѣвки поютъ по вечерамъ до самаго начала обработки земли.

Записано волостнымъ писаремъ Апапичемъ.

б) Той же губ., Горецк. у., с. Святошцын.

Празднованіе встрѣчи весны совершается и въ настоящее время. Днемъ для этого назначается праздникъ Благовѣщенія. Встрѣча эта сопровождается только пѣніемъ дѣвушекъ, которыя послѣ обѣдни собираются въ кружки, взлѣзаютъ на крыши гумень и поютъ.

Во время пѣнья бьютъ заранѣе купленными булками,—одной о другую.

4. Благослови Божа,
 Зиму замыкаци,
 Лѣто отмыкаци!
 Зимою ў возбѣчку,
 Вясною у чоўночку,
 А ў лѣцѣ ў кареци!

5. «Ай гаю, мой гаю, штожъ ты ни зялёны?»
 — А якъ жа мнѣ, гаю, зялёному быци?
 — Што были пташки—ўси поляцѣли,
 — Одна осталася шѣрая зязюля,
 — И тая кáжець: я скоро ни буду.

«Сяло наше, сяло (название села или деревни)

«А што ты, сяло, ни весяло?»

— А якъ жа мнѣ, сялу, весѣлу быци?

— Што были дзѣўки, то ўси заму́жъ пошли;

— Одна засталася мо́лода (имя):

— Тая казала: «я тутъ не буду,—

«Я заму́жъ пойду за дворянина

«За дворянина за молодого».

—

6. Травушка моя подкошѣнная,

Дзѣўшка моя засмучѣная!

Ни бось, ни смуцись, дзѣўшка, ни объ чемъ,

Ни бось ни объ чемъ, ни кину тебе.

Пойду я ў Москву,—семъ годъ пробуду,

А якъ вярнуся, яцо жанюся,

Возьму дзѣўшку *самолѣтушку* (?)

Спишу дзѣўшку на папѣрочку,

Прибью къ спянѣ, гдѣ спаца мнѣ:

Спаць ложуся, на ее насмотрѣся,

Утромъ ўстану — ў гусли зайграю,

Пѣсню запѣю, дзѣўку взвесялю.

—

7. Вишни моѣ вишни!

Ци ўсѣ дзѣўки на вулицу вышли?

— Усѣ дзѣўки на вулицу вышли,

Усѣ молодухи.

Одноѣ нѣту молодое (имя):

Яѣ свякроўка лихая,

На вулицу ни пуская,

Вѣропечка зачинаецъ,

Замкомъ замыкаецъ.

Яна была рѣзва—

¹⁾ Ср. «Матеріалы» I т. ч. I, стр. 130, № 132.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Церазь тынъ пиралѣзла,
Увесь тынъ поломага,
Зь дзѣўкамі погуляла.

8. «Луги моё, луги вы зеленые,
«Травы моё, травы, вы шоўковыя!
«Хто васъ, травы, топчець?»
— Топчуць насъ, травы,
— Дзѣўкі Глѣбоўскія,
— У Дуброўну¹⁾ ходзя,
— Лапцямі да стóпкaмi;
— Лапцямі да стопкaмi,
— Каравымі онучамі.
«Луги моё, луги вы зеленые!
«Травы мое, вы травышоў ковыя,
«Хто васъ, луги, топчець?»
— Топчуць насъ, луги, дзѣўкі,
— Дзѣўкі Святоўскія,
— У церкоўцы ходзя,
— Носкaмi да острожкамi,
— Козловымі черавикaмi.

Зап. учитель народнаго училища Н. Николаевичъ.

ПРАЗДНИКЪ КОМОЎДИЦЫ.

Минской губ., Борис. у.

«Праздникъ этотъ всегда бываетъ наканунѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и посвященъ въ честь медвѣдя. Въ этотъ день приготовляются особыя кушанья, именно: на первое блюдо готовится сусловый рѣдникъ въ знакъ того, что медвѣдь питается по преимуществу растительною пищею, травами; на второе блюдо подается кисель, потому что медвѣдь любитъ овесъ; третье блюдо состоитъ изъ гороховыхъ комовъ, отъ чего и самый

¹⁾ Глѣбоу и Дубоука названія составляютъ селенія. III.

день получилъ названіе *комоѣдицы*. Послѣ обѣда всѣ — старъ и малъ — ложатся, не спятъ, а поминутно, самымъ медленнымъ способомъ перекатываются съ бока на бокъ, какъ можно стараясь приноровиться къ поворачиванію медвѣдя. Церемонія эта продолжается около двухъ часовъ, и все это дѣлается для того, чтобы медвѣдь легко всталъ съ своей зимней берлоги. Послѣ обѣда крестьяне уже не занимаются своими дневными работами — празднуютъ. Извѣстно, что по убѣжденію крестьянъ, медвѣдь на Благовѣщеніе пробуждается отъ спячки, выходитъ изъ своей берлоги. Вотъ и встрѣчаютъ его съ благожеланіями.

Начало свое этотъ праздникъ ведетъ, безъ сомнѣнія, отъ временъ до-христіанскихъ и служить вѣроятною аргументаціею того, что въ этой мѣстности поклонялись медвѣдю. По преемственному разсказу старожиловъ, въ мѣстности этой были громадныя лѣса, и непроходимыя дебри, въ которыхъ велось множество разнородныхъ дикихъ звѣрей, изъ которыхъ своею силою и ростомъ медвѣдь наводилъ страхъ на людей. А такъ какъ медвѣдь есть и плотоядное животное и потому причинялъ много вреда, истребляя домашнихъ животныхъ, то, чтобы умилизовать его, люди этой мѣстности и вздумали чествовать медвѣдя. Доказательствомъ справедливости такого предположенія служить доселѣ сохранившійся день, въ который совершалось чествованіе медвѣдя. Это праздникъ *комоѣдицы*.

Изъ ст. священ. Симеона Нечаева: Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомольскомъ приходѣ, Борисовскаго уѣзда. Минск. Епарх. Вѣдом. 1874 г., № 7, ч. неофіціальная, стр. 229—30.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Минск. губ., Борисовск. у.

По установленію Православной церкви въ этотъ день освящаютъ вербу. Для этого ее связываютъ цѣлыми пучками вѣтокъ другихъ деревьевъ и зелени. Смыслъ освященія большинству остается неизвѣстнымъ, если только священникъ его не объяснить. Пришедши изъ церкви домой, отецъ семейства слегка

бьетъ этой вербой своихъ дѣтей и домочадцевъ, приговаривая: не я бью, верба бьетъ: за тыдзень — Великѣдзень... шкура ў лѣсъ! на пролѣсъ! Здоровѣе ў хаці, хвороба ў лѣсъ». Этой же вербой выгоняють скотъ въ поле въ Юрьевъ день. Многіе выкаютъ свою разукрашенную вербу въ могилы, гдѣ покоятся дорогой имъ прахъ.

а) Великій или Чистый четвергъ.

Почти каждый день Страстной недѣли имѣетъ свои особенности для бѣлорусса. Въ одни изъ нихъ, по его вѣрованію, нельзя ничего ни сѣять, ни садить, ни работать лошадьми, — другіе же напротивъ считаютъ благопріятными для сѣянія и сажанія. Изъ повѣрій въ этотъ день замѣчательнѣйшія слѣдующія: а) чтобы быть чистымъ въ теченіе всего года нужно вставать до восхода солнца и помыться. Съ этою цѣлью моютъ въ это время скотъ въ особенности лошадей! б) Послѣ обѣдни освящаютъ соль, которая, по мнѣнію бѣлорусса помогаетъ отъ *сурочевъ* (отъ дурнаго глаза). Кромѣ соли освящаютъ и нитки, напряденныя въ этотъ день до восхода солнца «черезъ что онѣ получаютъ целебную силу отъ разныхъ болѣзней, а въ особенности отъ опухолей рукъ». в) Страдающіе чесоткой купаются въ этотъ день, въ твердой увѣренности этимъ избавиться отъ нея.

Въ Великій четвергъ вечеромъ послѣ чтенія въ церкви Евангелія отправляется «панская вечеря», которая мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго ужина, исключая того, что она немного обильнѣе яствами остальныхъ. У богатыхъ хозяевъ эта вечеря не рѣдко состоитъ изъ 12 блюдъ, въ честь 12-ти апостоловъ.

Изъ записей учителя Свислочск. учительск. Семинаріи г. Товстика.

б) Могилевской губ. Мстисл. уѣзда, Любавичской волости.

На Страстной недѣли въ четвергъ, — называемый «чистымъ», встаютъ отъ сна, до разсвѣта, берутъ гребень, надѣваютъ на него мочку льна или поскони и прядутъ нитки, которыя бере-

гутъ цѣлый годъ, называя ихъ «четверговыми нитками». Эти нитки пользуются преимуществомъ предъ нитками, пряденными въ другое время и правою рукою, тѣмъ, что дѣйствуютъ якобы исцѣляющимъ образомъ при различныхъ физическихъ поврежденіяхъ частей тѣла, напр. при вывихѣ, переломѣ и проч., для чего поврежденный членъ перевязываютъ этою четверговою ниткою.

Для изгнанія изъ дому, равно и для предупрежденія присутствія въ немъ насѣкомыхъ, какъ-то: клоповъ, блохъ, таракановъ и др. женщины въ этотъ день рано утромъ до восхода солнца заставляютъ несовершеннолѣтнихъ своихъ дѣтей пробѣжать голыми три раза кругомъ избы, но такъ, чтобы никто изъ постороннихъ ихъ не видѣлъ.

Записано волостнымъ писаремъ Апаличемъ.

в) Народный учитель (въ м. Дукшты Ново-Александровск. у., Ковенской губерніи) г. Гайдуковъ, бѣлорусъ родомъ, по поводу названія означеннаго четверга *чистымъ* сообщаетъ слѣдующее:

«Въ этотъ день крестьяне очищаютъ свои хаты и всю посуду отъ грязи, пыли и проч. Помнится мнѣ изъ времени моего дѣтства слѣдующее: Когда мнѣ было лѣтъ не болѣе восьми отъ роду служанка въ этотъ день утромъ подала мнѣ умывальницу съ водою, въ которой лежала пара куриныхъ яицъ. Вмѣсто не-любимой мною операціи (я не любилъ умываться) я охотно принялся было за предполагаемый мною завтракъ, но служанка остановила меня объясненіемъ, что эти яйца сырые и къ тому же сегодня постъ, а положены онѣ ею сюда для того, чтобы я былъ такой же свѣженькій, кругленькій и бѣленькій, какъ онѣ. «Сегодня вѣдь чистый четвергъ» добавила она, такъ нужно вымыться «чисто».

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

Минской губ. Борис. у.

За нѣсколько дней до праздника начинаются приготовленія: готовится сѣбное. Комната и все прочее приводится въ лучший видъ, убирается хламъ, очищается дворъ отъ грязи и

различнаго сора, моются полы, стѣны, окна, мебель, посуда, убираютъ образа зеленью, если таковая есть. Теперь уже поютъ пѣсни въ честь этого праздника, какъ бы подготавливаясь къ его встрѣчѣ. Собственно праздникъ продолжается четыре дня. Три собственно праздника, а четвертый *градовой*. Такъ называется онъ потому, что празднество его предохраняетъ поля отъ градобитія.

Въ 1-ый день утромъ, умываются водою, гдѣ положено окрашенное яйцо, одѣваются и идутъ въ церковь къ обѣднѣ. Послѣ заутрени зажигаютъ въ церкви свѣчи(?) и разносятъ этотъ огонь по домамъ. Освятивши пасху и пришедши домой, начинаютъ ее ѣсть, пьютъ водку, закусываютъ освященнымъ яйцомъ; далѣе на столъ подаютъ сыръ, мясо, масло и проч. Въ этотъ день стараются воздержаться отъ плясокъ, однако не всѣмъ это въ мѣсту. Большая часть молодыхъ людей занята различными играми съ яйцами. Подъ вечеръ начинаютъ составляться партіи волочечниковъ. При каждой партіи есть скрипачъ. Послѣ захода солнца эти партіи отправляются по близлежащимъ деревнямъ и подъ окнами хатъ въ сопровожденіи музыки распѣваютъ пѣсни хозяину, его женѣ, дѣткамъ, парнямъ. Въ прежнее время къ этому роду пѣсенъ прибавлялось еще нѣсколько польскихъ религіозныхъ, составленныхъ въ честь праздника. Въ настоящее время онѣ вышли изъ употребленія.

Въ остальные дни по утрамъ нѣкоторые ходятъ къ обѣднѣ, а остальное время дня молодежь занимается танцами и играми съ яйцами. Дѣти посѣщаютъ своихъ родителей, родственниковъ, гдѣ имъ дарятъ яйца. Дѣвушки дарятъ имъ гарусы, по преимуществу тѣмъ, кто на Масленицу былъ въ бѣдѣ. Взрослые мужчины обыкновенно играютъ въ яйца въ карты, по преимуществу на бѣлку, т. е. приносятъ участіемъ въ бѣдѣмъ яйцамъ.

Нѣтъ сомнѣній, что этотъ праздникъ имеетъ очень старинное происхожденіе.

ПРАЗДНОВАНИЕ СВ. ГЕОРГІЯ.

а) Гродненской губ. и у.

Оомина недѣля у крестьянъ нашихъ называется *проводною*, также и вторникъ — *проводнымъ*. Названіе же *радуницы* въ нашемъ уѣздѣ не слыхать.

Святого Георгія Побѣдоносца крестьяне считаютъ покровителемъ скота, въ особенности лошадей. Поэтому въ день этого святого, 23-го апрѣля (о другомъ, осеннемъ наши крестьяне и понятія не имѣютъ) заказываютъ въ церкви обѣдню за *добытокъ*, т. е. за скотину, и утромъ, съ росой, т. е. до восхода солнца, берутъ *настольникъ* (скатерть) и кладутъ въ него кости, оставшіяся отъ пасхальнаго стола (свенцоннаго) и *скарачъ* (утиральникъ), въ который положить хлѣбъ съ солью. Съ этими припасами обходятъ свою засѣянную рожью ниву, по угламъ которой и втыкаютъ означенныя кости. При этомъ каждый домохозяинъ произноситъ слѣдующія слова: «Святый Боже, Святый Еры! заховай шѣку отъ граду!» и возвратясь домой, распиваютъ обнесенную вокрргъ нивы водку и закусываютъ обнесеннымъ хлѣбомъ, часть котораго относятъ въ церковь и молятся, «капъ Богъ ласкавы и св. Еры сцярагли *«живину»* (скотину).

Въ этотъ день приходятъ въ церковь всѣ крестьяне-домохозяева и ставятъ свѣчки его образу.

Въ Вилейскомъ и Дисненск. уѣздахъ (Вилensk. губ.) многіе крестьяне дѣлаютъ въ этотъ день фигуры изъ муки, вѣсомъ приблизительно $\frac{1}{4}$ ф. на подобіе лошадей, которые по окончаніи литургіи они подбрасываютъ вверхъ, говоря: «Дай жа, Божа ласкавы, Матка Боска и св. Еры, капъ моѣ коники гадакъ подсказивали!» Затѣмъ относятъ эти фигуру къ старостѣ церковному и передаютъ ему со слѣдующими словами: «Наде вамъ гѣтого коника, зробіце свѣчку и поуштаўце св. *Ерому*», что староста всегда съ точностью исполнетъ. Нѣкоторые также дѣ-

лаютъ фигуры и коровъ, но весьма рѣдко, и поступаютъ съ ними также, какъ съ фигурками лошадокъ.

Въ Вилейскомъ, Ошмянскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ (той же губ.) есть еще въ этотъ день обычай приносить въ церковь въ ковшикахъ разные молочные скопы, которые выливаютъ въ поставленную тамъ бочку. Эту смѣсь приношеній причтъ раздѣляеть межъ собою

Изъ записей И. О. Карскаго.

б) Минск. губ., Борис. у., Красноволукск. в.

«Первый такъ сказать, офиціальнѣйшій выгонъ скота въ поле обыкновенно совершается въ день св. Юрія, хотя и раньше выгоняютъ. Въ этотъ день утромъ крестьяне нѣкоторыхъ селъ сгонаютъ скотъ къ церковной паперти, гдѣ по окончаніи заутрени, священникъ установленнымъ порядкомъ совершаетъ кропленіе его святой водой. Но еще до сгона скота, каждая хозяйка выпускаетъ своихъ коровъ на дворъ вмѣстѣ съ овцами и даетъ имъ понемногу какихъ-нибудь зеренъ, смѣшанныхъ съ освященною солью, при чемъ троекратно беретъ по щепоткѣ этихъ зеренъ правою рукою и бросаетъ ихъ чрезъ лѣвое плечо за себя — назадъ, сплевывая каждый разъ. Нѣкоторые при этомъ крестятъ скотъ. Это дѣлается во-первыхъ для того, чтобы скотъ не забывалъ своего стойла и во-вторыхъ для охраненія его въ полѣ — на пастбищѣ отъ хищныхъ звѣрей, гадовъ и т. н. Этихъ и ограничиваются всѣ обрядности при выгонѣ скота.

Но самое главное въ этотъ день — это идетъ пастухъ, для чего вся деревня отправляется въ условленное за рѣдѣ мѣсто. По заключеніи съ пастухомъ условія, начинается взаимное угощеніе водкою — сельчанами пастухъ и пастухомъ сельчанъ, или какъ говорятъ: «сплюнь барыню». Въ то же время самъ пастухъ, или упрямое изъ нихъ двоѣ, отправляется по всѣмъ избамъ, гдѣ каждая хозяйка одаряетъ его саломъ, мучкою, мѣломъ, сыркомъ — чѣмъ только можетъ. Вслѣдъ за пастухомъ идутъ съ тѣмъ же кѣмъ малолѣтки, будучи его вѣдомыми «содельщиками» кото-

рые тоже одаряются хозяйками. Изъ собранныхъ яицъ, сала и т. п. приготавливаются ребятами общая яичница, а если случатся деньги, то появляется и водка, но при этомъ они не теряютъ своей доли изъ общей порціи, ассигнуемой на сей случай. Такимъ образомъ устраивается общій пиръ, которымъ и оканчивается этотъ пастушій праздникъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что пастухъ со своими помощниками вторично получаютъ подарки отъ хозяекъ въ Духовъ день, которые употребляются, какъ сказано выше».

Изъ сообщенія волостнаго писаря С. Прокулевича. Доставлено Минск. Губерн. Статистическимъ Комитетомъ.

в) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ окрестностяхъ Турова (Мозырск. у., Минской губерніи) въ этотъ день совершается молодежью обоого пола довольно оригинальная процессія, въ которой главную роль играютъ дѣвушки. Онѣ являются на эту процессію въ лучшихъ своихъ праздничныхъ одеждахъ, состоящихъ обыкновенно изъ шерстяной юбки, домашней работы, *чарсета* изъ покупнаго матеріала, верхнее же платье и передники на нихъ бывають разноцвѣтные, съ преобладаніемъ однакожь краснаго цвѣта; на шеѣ у нихъ бусы стеклянные, тоже разноцвѣтные, коралловые и янтарные, которые ихъ бацьки привозятъ имъ изъ Кіева. Собравшись въ болѣе просторную хату одной изъ участницъ въ процессіи, по предварительному, разумѣется, соглашенію ея родителей, дѣвушки съ веселымъ говоромъ и шумомъ пекутъ изъ пшеничной муки пироги. По испеченіи его изготовляютъ изъ большой вѣтки и краснаго кумача хоругвь, которую втыкають въ пирогъ. Тутъ всѣ высыпають на улицу, гдѣ ихъ ожидаетъ толпа парней, тоже одѣтыхъ по праздничному. Построившись въ двѣ группы, вся компанія при первыхъ звукахъ нижеслѣдующей пѣсни выступаетъ въ походъ въ такомъ порядкѣ: впереди первой группы, состоящей изъ однихъ дѣвушекъ, идетъ парень съ пирогомъ и хоругвиею (иногда пирогъ несется отдѣльно другимъ парнемъ); за ними слѣдомъ двигается другая группа—изъ однихъ только хлопцевъ.

Такимъ образомъ процессія медленнымъ шагомъ проходитъ всю деревню изъ конца въ конецъ, распѣвая пѣсню:

На святой юрь.

Ид - зѣ, ид - зѣ ка - ра - годъ ка - ра - годъ *Fine.*

Всѣ - дзѣ - вочъ - ки на - пи - родъ на - пи - родъ

А хлоп - чи - ки за на - ми, Мор - га - ю - чи о - ча - ни

О - тожъ ка - ра - годъ, о - тожъ во - е - во - да

у на - ша - го ка - ра - го - да былъ сынъ во - е - во - да.

Da capo al Fine.

Идзѣ, идзѣ карагодъ, 2
 Ёсѣ дзѣвочки напиродъ 2
 А хлопчички за нами,
 Моргаючи очами.
 Отожъ карагодъ,
 Отожъ воеводъ.
 У нашего карагода
 Былъ сынъ воевода.
 Гдзѣ карагодъ хѳдзиць,
 Тамъ жито рѳдзиць,
 А гдзѣ карагодъ не бываѣе,
 Тамъ жито выгѣгаѣе.
 У нашего карагода
 Быѳ сынъ воевода.

Идзэ, идзэ карагодъ,
 Ёсѣ дзѣвочки напиродъ.
 А хлопчики за нами,
 Моргаючи очами.

Изъ сообщенія г-жи Ковалевской, помѣщицы Мозырскаго уѣзда.

Троицынъ день.

Въ селѣ Житлинѣ (Слонимск. у., Гродн. губерніи) въ Троицынъ день дѣвушки ходятъ съ «кустомъ». Наломавши въ ближайшемъ лѣсу кленовыхъ вѣтвей, онѣ связываютъ толстые ихъ концы, толстыми нитками и — кустъ готовъ. На этотъ кустъ надѣваютъ другой, меньшаго размѣра (*подкустъ*), а на голову выбранной по жребію дѣвушки носить «кустъ» надѣваютъ вѣнокъ изъ разныхъ цвѣтовъ. Затѣмъ эта дѣвушка, раздвинувши руками въ кустѣ листья и стебли, влѣзаетъ въ него, какъ въ мѣшокъ, такъ что онъ покрываетъ ее съ головы до ногъ и такъ плотно, что видишь только одну движущую массу кленовыхъ вѣтокъ съ листьями. Толстые концы вѣтокъ, перевязанные нитками, покрываютъ голову дѣвушки, носящей кустъ, а тонкіе ихъ концы съ листьями волочатся по землѣ.

Этотъ «кустъ» ходитъ по селу съ большою «громадою» *диачатъ* и даже малыя дѣти бѣгаютъ за нимъ. Во время этой процессіи дѣвки поютъ слѣдующія пѣсни:

- 1) Пойдемъ дзѣвочки въ щирый буръ,
 Да зрубаемо высокій клюнъ,
 Да выколемо три дбщечки,
 Да зрбимо три ббчечки:
 Въ одной бочечци солодбкъ медокъ,
 Въ другуй ббчечци зелѣнэ вино,
 Въ третію ббчечци гуркэе пиво.
 — Солодокъ медокъ, то ля дзѣвочокъ,
 Зеленэе вино — то ля молодочокъ,
 А гуркэе пиво — ля молайчиковъ.

2) Пойду туды, дзѣ я зъ роду не ходзила,
Судому того, кого вѣрнѣ любила;
 Хоць ни того, то товариша его,
 Ци здоровая головонька ёго?
 Попытаюся на здоровьечко ёго:
 — Коли здорова, то хвала тоби Боже!
 Коли хвора, то вызволяй ёго Боже.

3) Якъ пойду я да подъ гай зелененькій,
 Судосиць ¹⁾ мене да козакъ молодзенькій,
 Будзе *омз* у мене дорожки пытаци,
 Я не *отдацмиз*, що ёму отказаци.
 Сказала бѣ ёму: да подъ гай зелененькій,
 Да шкода жѣ бо мнѣ, що козакъ молодзенькій,
 Сказала бѣ ёму: да подъ бацьковы сѣни, —
 Да шкода жѣ бо мнѣ, що вечѣраци сѣли,
 Сказала бѣ ёму: подъ калиновы мѣсты, —
 Да шкода жѣ бо мнѣ, що до бацюхна просто.
 Охъ, не на тѣе мене мацц родзила,
 Щобъ я казаковъ по дорогахъ водзила, —
 Родзила мацц да ля свои выгѣды,
 Щобъ я принесла изъ криниченьки воды;
 Родзила мацц да ля свои причины,
 Щобъ я принесла дровецъ и лучины.

Пронесши кустъ нѣсколько разъ по деревнѣ, его затѣмъ непремѣнно разрываютъ среди улицы, а бабы спѣшаютъ подобрать листья, которые прячутъ. Онѣ говорятъ, что эти листья помогаютъ отъ нарывовъ: стоитъ только размочить такой сухой листокъ въ водѣ и приложить къ нарыву — и онъ безпримѣнно скоро пройдетъ.

Зам. въ 1885 г. свѣд. Степ. Михайлов. Десятилетнѣ отъ старушки-крестьянки. Ср. свѣд. о кустѣ у Зѣленевича «*Piwnski gnine ludu Pinskiogo*», стр. 160—178 и «Бѣлор. свѣд. П. Безсмертна», стр. 25—27.

¹⁾ Встрѣтитъ.

Гродненской губ. и у.

Спасъ — Преображеніе Господне (6-го августа). Но этотъ праздникъ не охотно празднуется нашими крестьянами.

Зельна — Успеніе Пресвятой Богородицы (15-го августа). Названіе это вѣроятно произошло отъ слова *земля* (зелье, зелень), такъ какъ въ этотъ праздникъ крестьяне несутъ въ церковь разныя травы, цвѣты и огородныя овощи, какъ-то: морковь, брюкву и неотмолоченные колосья для освященія и окропленія святой водой.

Богачъ — Рождество Пресвятой Богородицы (8-го сентября). Нужно думать, что названіе произошло отъ слова богатый, такъ какъ въ это время у крестьянина всего въ изобиліи.

Достойно примѣчанія, что Казанской Божіей Матери (22-го октября) наши крестьяне не празднуютъ. Въ прежнее время они насчетъ этого праздника выражались такъ: «это новая свято».

День Матки наисвѣтшей — Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы (21 ноября).

Изъ всѣхъ святыхъ православной церкви крестьяне нашего уѣзда особенно почитаютъ всякаго рода и достоинства иконы: *Матки Боски*, угодниковъ *Миколая*, *Юрзя* (иначе *Еры*) — лишь бы онѣ считались чудотворными, въ церкви ли онѣ находятся, или въ костелѣ: «Усѣ роўно», говорятъ они, «кусуды хвала Боска».

Изъ сообщеній И. О. Карскаго.

«КЪ ПРАЗДНИКАМЪ БѢЛОРУССКИМЪ МОЖНО ОТНЕСТИ СВѢЧНЫЯ ОТПРАВЛЕНІЯ МОЛЕБСТВІЙ.

а) Заведеніе свѣчныхъ молебствій, отправляемыхъ по домамъ избраннымъ праздникамъ господскимъ или угодникамъ Божиимъ, съ приличнымъ угощеніемъ посѣтителей такого отправленія, ведетъ начало свое изъ глубокой древности. Въ историческихъ актахъ Западной Россіи, собранныхъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, видно, что старинные обыватели и купцы всѣхъ почти БѢлорусскихъ городовъ и многочисленныхъ мѣстечекъ (пригородковъ) имѣли набожное обыкновеніе не только, въ храмахъ,

но и по своимъ домамъ приглашать духовенство для торжественнаго отправленія молебствія въ большіе праздничные годовые дни, какъ - то: Рождество и Воскресеніе Христово, день св. Троицы и въ 7-ю субботу по Воскресеніи Христовомъ, на Благовѣщеніе, Рождество, Успеніе и Покровъ Пресвятой Божіей Матери и въ дни избранныхъ ими святыхъ угодниковъ Божіихъ, какъ-то: святителя Николая Чудотворца, святого Георгія Побѣдоносца, святыхъ апостоловъ Петра и Павла и святого Архистратига Михаила. По совершеніи молебствія, они торжествовали эти дни угощеніемъ всѣхъ гостей, присутствовавшихъ при немъ, столомъ и нарочито для этихъ дней приготовленнымъ питнымъ медомъ. Но какъ медъ питной составлялъ напитокъ, принадлежавшій королевскому откупу, то купцы и мѣщане городовъ: Вильна, Минска, Витебска, Орши, Мстиславля, Кричева и другихъ просили королей польскихъ дозволить имъ свободу къ опредѣленнымъ праздничнымъ днямъ безплатно самимъ варить медъ и употреблять таковой въ теченіе исключительнаго на этотъ предметъ времени. Члены свѣчнаго общества сносили сотовой медъ въ складъ до 10 пудъ на каждый праздникъ, воскъ же отъ каждаго 10 пудовъ обращали въ пользу церквей, а доходъ отъ питного меда на милосердныя и богоугодныя дѣла (см. А. З. Р., т. III, № 109 и 131 и т. IV, № 38 и 39). Изъ этихъ обществъ составлялись братства, имѣвшія общественные дома, гдѣ они собирались. Братства эти по большимъ городамъ нашедши средства расширить доходы свѣчныхъ обществъ до значительныхъ размѣровъ, старались поддерживать Православіе и устраивали училища, богадѣльни и другія полезныя заведенія. (См. т. IV, №№ 119, 217, 218 и 219).

Въ нынѣшнія времена между православнаго простонародіемъ, даже между дворянами околлицъ и между городскими мѣщанами подобнаго образомъ празднуется отправленіе свѣчныхъ молебствій, но раздѣляясь на два рода отправленія. Первое: отправленіе свѣчныхъ молебствій принимаетъ на себя одинъ, безъ соучастія другихъ, домовитый хозяинъ въ селеніи, по какому либо

обстоятельствамъ въ жизни своей положившій святое обѣщаніе завести въ домѣ своемъ ежегодное празднованіе свѣчнаго молебствія избранному имъ Господскому или Богородничному празднику, или одному изъ святыхъ угодниковъ Господнихъ. Для этого онъ первоначально беретъ у священника огарокъ обыкновенной церковной свѣчки въ основаніе заводимой имъ свѣчи и къ этому огарку, увеличивая фитиль, прибавляетъ воскъ, сколько найдетъ возможнымъ. Сдѣланную простымъ образомъ свѣчу ставитъ онъ передъ иконою въ обыкновенномъ мѣстѣ на кутѣ, вмѣсто подсвѣчника, въ небольшой лубочкѣ, наполненной рожью или пшеницею. Потомъ проситъ своего приходскаго священника прибыть къ нему въ избранный имъ праздникъ по отправленіи литургіи для совершенія молебствія въ его домѣ. Къ этому молебствію онъ обыкновенно приглашаетъ родственниковъ своихъ, кумовей и, по усмотрѣнію, сосѣдей, которые само по себѣ, на увеличеніе свѣчи на будущее время приносятъ воскъ, или деньги на воскъ. По совершеніи молебствія съ освященіемъ всего дома святою водою, скота и гумна, хозяинъ угощаетъ всѣхъ обѣдомъ. При угощеніи употребляется водка, а иногда и пиво.

Въ одномъ селѣ или деревнѣ могутъ быть два или три или болѣе хозяина, которые, подобно первому, отправляютъ въ домахъ своихъ свѣчныя молебствія въ другіе дни праздниковъ или въ честь другихъ святыхъ, которыхъ они избрали своими покровителями.

День отправленія свѣчнаго молебствія Бѣлоруссы проводятъ какъ день великаго праздника и часто праздникъ оканчивается очень шумно подъ вліяніемъ угощенія водкою. Бывало даже, что слѣдующій день и даже третій празднуютъ простолюдины въ корчмѣ: но священники запрещеніями уничтожили этотъ вредный для хозяйства обычай.

Свѣча такимъ образомъ отъ прибавленія ежегодно воска хозяиномъ и пожертвователями увеличивается, такъ что черезъ 4 года вѣситъ до 2 пудовъ, равно какъ и наличныхъ денегъ, приносимыхъ вмѣсто воска, доходитъ до 6 и болѣе руб. Когда

свѣча сдѣлается тяжела, то хозяинъ, снявъ съ нея верхнюю небольшую часть, гдѣ она зажигается, отвозить весь воскъ въ церковь и въ послѣдствіи времени, когда къ нему еще и еще прибавятъ, съ согласія священника и церковнаго старосты, продаетъ, и деньги, совмѣстно съ собранными, какъ выше сказано, обращаетъ, по совѣту священника, на покупку или новаго евангелія, или чаши, или утвари церковной, или на пріобрѣтеніе колокола или на починку церкви.

Другой родъ отправленія свѣчного молебствія есть дѣло не одного хозяина, а нѣсколькихъ въ одномъ селеніи или даже мѣстечкѣ, въ честь одного и того же праздника или святого угодника Божія. Эта свѣча называется общинною или мірскою. Одному хозяину селенія, при вспомоствованіи другихъ только воскомъ въ свѣчномъ дѣлѣ, ощутительно тяжело дѣлать ежегодно угощеніе при томъ случаѣ, а также каждый разъ удовлетворяютъ священника и причетъ за пріѣздъ и совершеніе молебствія въ его домѣ, почему участвующие въ этомъ отправленіи охотно приняли, по предложенію священника, на себя очередь отправленія молебствія въ извѣстный день въ ихъ домѣ въ послѣдующіе годы и весь порядокъ угощенія и удовлетворенія духовенства.

Для этого между хозяевами — братчиками заведенной мірской свѣчи, — устанавливается порядокъ, кому за кѣмъ ежегодно принимать въ свой домъ свѣчу. Таковая передача свѣчи требуетъ нѣкоторыхъ церемоній или просто народныхъ обрядовъ, а именно: въ слѣдующій день послѣ отправленія свѣчного молебствія утромъ приходитъ къ прежнему хозяину новый братчикъ, т. е. берущій къ себѣ заведенную свѣчу, съ сосѣдомъ, для свѣдѣтельства. Хозяинъ отставляетъ столъ, покрываетъ его бѣлою скатертью и ставитъ на него цѣлый хлѣбъ и полную бутылку водки, а хозяинъ, взявъ съ кута свѣчу и икону, ставитъ ихъ на главномъ концѣ стола; потомъ, взявъ бутылку съ водкою и наливъ полную рюмку, стоя у главнаго конца стола, кланяется братчику, стоящему противъ него у другого конца. Вѣсть за

здравіе его, немножко прихлебывая изъ нея и такъ, не допивая, передаетъ новому братчику, который также отхлебываетъ немножко и передаетъ хозяину. Чередуясь такимъ образомъ три раза, послѣдній оканчиваетъ всю рюмку. Это дѣйствованіе называется у простолюдиновъ: перепивать свѣчу. Тогда хозяинъ, взявъ въ одну руку свѣчу, а въ другую икону, становится у главнаго отъ кута угла, а братчикъ у прямого угла на крестъ, крестится и дѣлаетъ земной поклонъ иконѣ. Потомъ оба переходятъ по порядку къ слѣдующимъ угламъ стола съ подобнымъ же поклоненіемъ со стороны братчика. Это обхожденіе кругомъ стола продолжается три раза. По окончаніи третьяго обхожденія выходятъ изъ избы и идутъ всѣ въ домъ братчика. Хозяйка за иконою несетъ хлѣбъ въ рѣшетѣ. По прибытіи къ дому братчика, хозяйка его встрѣчаетъ церемоніею съ хлѣбомъ-солью и, сдѣлавъ вмѣстѣ съ мужемъ три земные поклона предъ иконою, новобратчикъ принимаетъ отъ прежняго хозяина икону и свѣчу, а хозяйка его хлѣбъ, — и идутъ въ избу, гдѣ все оканчивается легкимъ угощеніемъ.

Свѣчныя молебствія у Бѣлорусскихъ простолюдиновъ совершаются, по собственному хозяина дома желанію, въ слѣдующіе дни праздниковъ:

- 1) Васильевская свѣча, — на Новый годъ.
- 2) Благовѣщенская, большею частью отправляемая женщинами.
- 3) Юрьевская или Юрьевщина, — въ день св. Георгія 23 апрѣля.
- 4) Мироносицкая, отправляемая женщинами, особенно по мѣстечкамъ и городамъ, съ отправленіемъ молебствія при близкомъ источникѣ, при которомъ находится часовня или крестъ.
- 5) Микольская или Микольщина, въ честь св. Николая Чудотворца, 9 мая.
- 6) Предтеченская, 24 іюня.
- 7) Петро-Павловская, 29 іюня.
- 8) Ильинская, 20 іюля.

9) Глѣбо-Борисовская, 24 іюля, въ честь Глѣба и Бориса, покровителей полевыхъ работъ и рабочаго скота.

10) Успенская, 15 августа.

11) Спасская, 16 августа.

12) Хроловская или Хроловищина, 18 августа, въ честь Флора и Лавра, почитаемыхъ простонародіемъ покровителями домашняго рогатаго скота.

13) Малая Пречистенская, 8 сентября.

14) Покровская или Покровщина, 1 октября.

15) Козмодемьяновская, 1 ноября.

16) Михайловская или Михайловищина, 8 ноября.

17) Екатерининская, 24 ноября, отправляемая обществомъ женщинъ.

18) Варваринская, 4 декабря, отправляемая обществомъ женщинъ.

19) Микольская, 6 декабря».

Изъ Сборн. И. И. Носовича: «Бѣлорусск. пѣсни», въ V-омъ т. Зап. Имп. Геогр. Общ. т. V, стр. 64—68.

б) Могилевской губ. и уѣзда Любавичской волости.

У крестьянъ нашихъ существуетъ обычай справлять свѣчи въ честь святыхъ и угодниковъ, какъ напр.: Святителя Николая, Архистратига Михаила и др. Въ честь святаго Николая празднуется 6 декабря, въ честь Архистратига Михаила — 8 ноября, и въ честь другихъ угодниковъ въ дни, посвященные для ихъ празднованія церковью. Этотъ обычай существуетъ уже съ давнихъ временъ. Празднества эти крестьяне называютъ «гуляньемъ свѣчей». Такія гулянья устраиваются или нѣсколькими домохозяевами сообща, или по отдѣльности т. е., каждый отдѣльно. Свѣча, въ которой принимаетъ участіе нѣсколько домохозяевъ, называется «мірской», а участники—«братчиками». Братчики свѣчи ежегодно покупаютъ по одному, или болѣе, фунту воску, при-

носятъ его наканунѣ, напр., Николина дня, въ домъ хозяина, котораго пришла очередь справлять «гулянье — Никольщину», складываютъ его въ сосудъ и растапливаютъ, а потомъ наклеиваютъ на свѣчу конусообразно. Налѣпивши и увеличивши такимъ образомъ бывшую прошлогоднюю свѣчу, обертываютъ ее въ чистую новую холстинку, прилѣпляютъ по обѣ стороны верхней ея части по маленькой свѣчкѣ, подъ угломъ, вклеиваютъ мѣдную монету, преимущественно двухъ-копѣчнаго достоинства, и обвязавши лентами, ставятъ на куть, а потомъ зажигаютъ свѣчку и всѣ присутствующіе молятся Богу. По окончаніи молитвы, хозяинъ дома приглашаетъ своихъ братчиковъ съ ихъ семействами къ столу и потчуетъ ихъ заблаговременно купленною къ этому дню водкою и пищею. Послѣ стола всѣ расходятся по своимъ домамъ до слѣдующаго дня. Вечеръ этого дня называется «засукиваніемъ свѣчи». На слѣдующій день, т. е. въ день св. Николая, хозяинъ беретъ свѣчу и отправляется съ ней въ церковь къ обѣдни, дабы освятить ее; послѣ обѣдни священникъ служитъ, по просьбѣ его, молебенъ св. Николаю о здравіи братчиковъ и отправляетъ просфору. По отправкѣ просфоры и молебна, хозяинъ пріѣзжаетъ домой и опять созываетъ всѣхъ своихъ братчиковъ на гулянье свѣчи. Здѣсь всѣ братчики или соучастники и ихъ родственники пьютъ водку, а потомъ въ тотъ же день вечеромъ, а у нѣкоторыхъ на слѣдующій день св. Николая, рано утромъ зажигаютъ эту же самую свѣчу, ставятъ ее въ насыпанную хлѣбными зернами лубку и несутъ къ слѣдующему хозяину (дѣлаютъ переносы), которому очередь справлять въ будущемъ году это же празднество. Во время несенія свѣчи всѣ безъ исключенія поютъ:

Откланявся (имя домохозяина, отъ котораго дѣлаютъ переносъ)

Да святому Миколу:

Спасибо, Микола,

Што ты у мяне гыдуваѣвъ, (годъ находился)

На конику пыхавъ,

Хлѣба соли засылавъ,
 Всякія пашницы,
 И ярыя пшаницы».

Потомъ, подходя къ дому того хозяина, къ которому несутъ свѣчу поютъ:

«Прикланявся (такому - то, имя хозяина, къ которому
 несутъ свѣчу)

Прошу тябе, Микола, до сябе,
 Штобы ты у мяне гыдувавъ,
 На конику пыѣзжавъ,
 Хлѣба соли засылавъ,
 Всякія пашницы
 И ярыя пшаницы».

Въ это время выходитъ хозяинъ съ семействомъ навстрѣчу и, перекрестясь, дѣлаетъ три поклона, беретъ вмѣстѣ съ лубкою свѣчу, несетъ ее въ хату и ставитъ на кутѣ. Всѣ творятъ молитву, садятся за столъ и дѣлается угощеніе со стороны хозяина, принявшаго свѣчу. Потомъ, поблагодаривши другъ друга, всѣ расходятся по домамъ, а свѣча остается до слѣдующаго Николина дня. Такимъ порядкомъ туляють всѣ свѣчи. Свѣчи эти, когда образуются порядочнаго вѣса, то братчики продаютъ ихъ и на эти деньги покупаютъ въ церковь или иконы, или священныя одежды, или ихъ издерживаютъ на другія церковныя надобности. Большую частью свѣчи справляютъ по обѣту или изъ подражанія своимъ дѣдамъ и отцамъ, при чемъ наши крестьяне выражаются такъ: «Нада жить отцовскими молитвами; якъ дяды наши дѣлали, — такъ и мы должпы дѣлать. Старого ни кидать и нѣвыго не устывлять, а дѣлать нада, якъ Богъ пыславъ».

Зап. волости, писаренъ.

в) Той же губ.

Съ незапамятныхъ временъ у крестьянъ бѣлоруссовъ установился обычай отправлять въ своихъ домахъ свѣчи въ честь угодниковъ Божіихъ. Обычай этотъ и по настоящее время сохранился среди простолюдиновъ. Обыкновенно хозяинъ, желающій завести въ своемъ домѣ свѣчу въ честь какого-нибудь угодника, на примѣръ Николая Чудотворца, беретъ въ церкви огарокъ свѣчки, къ которому прибавляетъ собраннаго немного воска и ставитъ свѣчку эту предъ иконою, на кутѣ. Въ назначенный день хозяинъ приглашаетъ священника отправить въ домъ молебствіе. Священникъ съ причтомъ пріѣзжаетъ въ домъ хозяина и служитъ въ его избѣ молебенъ предъ иконою Угодника, въ честь котораго заводится свѣча. Послѣ молебна, священникъ окропляетъ святою водою все въ избѣ, въ сараяхъ, гумнѣ и т. п. Затѣмъ хозяинъ приглашаетъ къ себѣ на праздникъ близкихъ и знакомыхъ, для угощенія которыхъ готовится очень много, и начинается пиръ. Пьютъ обыкновенно простую водку, но пьютъ очень много, до изнеможенія, такъ что иной, побывавъ на «свѣчѣ», бываетъ боленъ нѣсколько дней къ ряду отъ такого угощенія. Хотя священники и воспрепятствуютъ прихожанамъ брать на *свѣчи* много спиртныхъ напитковъ, но это не помогаетъ. Въ каждомъ почти селеніи есть два-три хозяина, которые устраиваютъ у себя свѣчи, но есть и такія селенія, въ которыхъ, безъ исключенія, всѣ хозяева имѣютъ свѣчи. Случается иногда такъ, что они всѣ въ одинъ и тотъ же день отправляютъ молебствіе; понятно, что здѣсь является немало охотниковъ попить, погулять, напиваются до невозможности.

Ежегодно свѣчи увеличиваются отъ прибавленія къ нимъ воска, иногда онѣ доходятъ до двухъ и болѣе пудовъ. Когда свѣчи дойдутъ до такихъ размѣровъ ихъ сдаютъ въ церковь, гдѣ на деньги, вырученныя отъ ихъ продажи, справляется для церкви разная утварь. Самый обрядъ постановки свѣчи совершается такъ: на кутѣ, подъ образами ставится небольшой, наполненный рожью

глубокъ, въ который вставляется восковая свѣча, сдѣланная по толще въ основаніи и потоньше къ верху, Къ самой же верхушкѣ этой свѣчи прикрѣпляютъ двѣ маленькія свѣчки.

Обыкновенно свѣчи заводятся по обѣщанію, какъ спасательное и охранительное средство отъ разныхъ невзгодъ и напастей: отъ болѣзней, отъ скотскихъ падежей и т. п. При освященіи новаго дома хозяева вносятъ эту обѣтную свѣчу въ домъ и молятся, чтобы Богъ далъ здоровье и благополучіе ему и его семьѣ.

Записано Казимірово-Слободскимъ волостнымъ писаремъ Кохлавскимъ.

г) Могилевской губ. Гомельскаго уѣзда.

5-го декабря вечеромъ въ томъ селеніи, гдѣ празднуется «Микольщина», переносятъ свѣчу изъ дома одного хозяина въ домъ другого. Этотъ процессъ состоитъ въ слѣдующемъ: Въ домъ того хозяина, у котораго круглый годъ стояла свѣча, приглашается священникъ и собираются сосѣди. Зажигаютъ свѣчу и священникъ съ причтомъ служитъ молебенъ о здравіи всѣхъ участвующихъ и затѣмъ хозяинъ беретъ свѣчу и, въ сопровожденіи сосѣдей, несетъ ее въ домъ другого хозяина. Последній встрѣчаетъ свѣчу у своихъ воротъ съ хлѣбомъ-солью и послѣ троекратныхъ взаимныхъ поклоновъ беретъ свѣчу изъ рукъ перваго и вноситъ въ свой домъ, гдѣ онъ тотчасъ и зажигаетъ ее и ставитъ на куть подъ образа, а самъ становится на колѣни, а священникъ съ причтомъ служитъ акаѳистъ св. Николаю и всѣ молятся. По окончаніи молитвы священникъ садится къ столу, благословляетъ хлѣбъ-соль и, покушавши, — уѣзжаетъ. Тогда на сцену выступаютъ «старцы» — нищіе, слѣпые и хромые и начинаютъ пѣть псалмы и другіе духовные стихи и такимъ образомъ этотъ, такъ сказать, религіозный вечеръ продолжается далеко за полночь. Этимъ однакожъ празднованіе «свѣчи» еще не оканчивается: ему посвящается и вечеръ слѣдующаго дня (6 декабря), который отличается уже распашнымъ разгуломъ и весельемъ. Тутъ ужъ непременно бываетъ музыка, пляска, распѣваются

пѣсни совершенно нецензурнаго содержанія, устраиваютъ «Солоху». Эта забава—родъ маскарада и состоитъ въ слѣдующемъ: двѣ молодыцы обкручиваютъ себѣ вокругъ головы большіе красные платки, третья одѣвается въ лохмотья и беретъ въ руки сухія травы,—это цыганки. Къ нимъ присоединяется мужчина съ лицомъ выпачканной сажей, съ трубкой и кнутомъ въ рукахъ—это цыганъ. Вся эта компанія въ сопровожденіи пѣвицъ входитъ въ домъ. Двѣ молодыцы или дѣвушки съ красными платками на головѣ и мужчина танцуютъ, женщина въ лохмотьяхъ ворожить а остальные поютъ:

- 1) Икъ у мойго батюшки золоты́ вороты,
Золоты вороты, серебряни подвороті́йки,
Съ повороты бѣлы камушекъ ляжить,
Съ подь бѣлого камушка быстра рѣчичка бяжить,
А по быстрой по рѣццы судёнышко плыветь,
По этому по судёнушку немножко людей,
Икъ по мойму счету всяго семь человѣкъ,
Всяго семь человѣкъ, а восьмы водоносъ,
А восьмы водоносъ, а дивяты куховарушко,
А дисяты самъ привдалы молодецъ.
Ёнъ по судёнышку похадживая,
Калянѹ стрялѹ потягивая,
Самъ стрялѣ наказывая:
Що ляти, ляти коляная стрялѣ,
Що уби, уби стряла ясна сокола на вы́лити,
Добра молодца на вы́ездѣ,
Сѣру вугицу во крутомъ биригѹ,
Красну дѣвицу на високомъ тиримѹ.
Красна дѣвица — нявѣста моя.

-
- 2) Скачи голубъ по пяску́,
А голубка по макѹ:
У голубя сира голова,

А въ голубки позолóчувана,
 Чорнымъ шолкомъ повиыстрóчувана.
 Икъ заѣхавъ хлопчиокъ съ тирами:
 Коли была да дѣвка такова,
 Ябъ ее цалувавъ, милувавъ,
 А до пачі куховарку нанявъ,
 А до люлечки—няничку,
 А до прачика—прашичку,
 А до йголочки—швѣчеку,
 Сами пойдимъ у гулюшачки,
 У пуховыя подушачки.

Зап. народн. учителя г. Батуринныхъ.

д) Смоленской губерніи.

«6-го декабря», говоритъ народъ, «Св. Миколы (Николая Чудотворца), а учора (вчера) былъ праздникъ его бадьки-Савки». Праздникъ 6-го декабря считается старше праздника въ память этого же святого 9-го мая. Къ 6-му декабря и 26-му ноября относится поговорка: Егорій подмоститъ, а Микола подгвоздитъ. Поговорка эта указываетъ на сильные морозы въ то время бывающіе».

«Близость по времени праздниковъ св. Варвары, Николая Чудотворца и Саввы произвела въ народѣ повѣрье, что Микола самъ-третей ходитъ по землѣ. Предъ Николинымъ днемъ, а чаще всего въ день великомученицы Варвары, служатъ Никольщину; тогда приносятъ въ дома свои образа изъ церкви, служатъ молебны Пресвятой Богородицѣ, Спасителю, Властію (св. Власію), Николаю Чудотворцу, освящаютъ воду и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ также панихиды по умершимъ родственникамъ. Никольщина называется «праздникомъ свѣта» или по бѣлорусскому выраженію — *свѣтъ*. Хозяинъ, устраивающій этотъ праздникъ, жертвуетъ въ пользу церкви произвольное количество воска, изъ котораго дѣлается свѣча, сзываетъ родныхъ и знакомыхъ, которые также приносятъ съ собою воскъ и приглашаютъ его

къ свѣтъ хозяина. Когда свѣча дойдетъ до пуда и болѣе, то съ благословенія священника она отдается въ церковь. Вечеромъ же напиваются пьяны и поютъ:

- 1) Приросло тычье
Усѣ серебряное,
Появился хмѣль
Зеленой, яровой и т. д.

Или:

- 2) Я ўчора у пира была,
Сяньня съ пиру пришла,
Мой миленькій печалицца,
Мой миленькій у ногъ качаецца,
Не бей жену пьяную,
Жену пьяную неразумную;
Побей жену тверезую
Бѣлюю березою!

Поютъ также «лучинушку» и другія пѣсни.

Изъ Памятной книжки Смоленск. губ. на 1859 г., стр. 166—167.

ЖЕНИТЬБА КОМИНА ¹⁾.

Мянской губ., Мозырск. у., с. Вереница.

Въ Бѣлоруссіи на этотъ счетъ существуетъ такой обычай: Отъ св. Пасхи до Сѣмена (1 сентября) не свѣтятъ на коминѣ до Сѣмена (1 сентября), а свѣтло это такого рода: къ свѣтильному

¹⁾ Коминъ — это большая труба, похожая на трубу самовара, только въ гораздо большихъ размѣрахъ. Она сплетается изъ лозника и обмазывается глиной. Трубу эту прикрѣпляютъ къ круглому, находящемуся на нѣкоторомъ разстояніи отъ печи вырѣзу въ потолкѣ. Къ крючкамъ нижняго, болѣе широкаго отверстія этой трубы прикрѣпляютъ «посѣтъ» (родъ сковородки), на которомъ зажигаютъ лучины. Подъ трубой ставится во многихъ мѣстахъ какую-нибудь посудину съ водой для ниспадающихъ угольковъ и горячаго пепла. При такомъ способѣ освѣщенія въ хатахъ бѣлорускаго Полѣся работали до послѣдняго времени, когда возможность дешеваго пользованія керосиномъ стала его мало по малу вытѣснять. III.

комину прицѣпляется желѣзная рѣшетка *посетъз*, на которой и горитъ лучина. При этомъ огнѣ бываетъ очень свѣтло въ хатѣ и работать можно все, что кому нужно, и, главное воздухъ чистый, такъ какъ коминъ служитъ и вентиляціей въ это время. Въ день Сѣмена въ первый разъ привѣшивается *посетъз* и свѣтятъ лучиною. Посему-то этотъ моментъ и сопровождается нѣкоторыми особенностями: такъ, напримѣръ, коминъ очищаютъ и бѣлятъ, затѣмъ его обвязываютъ хмѣлемъ. Дѣти всегда ждутъ съ особеннымъ интересомъ вечера, когда будутъ «женить комина». Когда же наконецъ этотъ вечеръ придетъ, хозяйка повѣсивъ *посетъз*, кладетъ на него горящую лучину, произнося при этомъ: «Надѣли Господзи здоровейкомъ!» Затѣмъ она осыпаетъ коминъ орѣхами и сѣменами, а дѣти, ожидавшіе этотъ моментъ съ такимъ нетерпѣніемъ, съ крикомъ и смѣхомъ разсыпаются по полу и подбираютъ рассыпанные орѣхи и сѣмечки, при чемъ нерѣдко и подерутся. При этомъ обрядѣ пѣсенъ нѣтъ никакихъ. Все это живо помнится изъ своего дѣтства.

Зап. свящ. С. Сулковскій.

а) Виленск. губ., Виленскаго уѣзда, Манькович. волости.

Когда наступаетъ время посидѣлокъ, т. е. вечернихъ работъ при огнѣ, въ однихъ мѣстахъ съ 1-го сентября, въ другихъ нѣсколько попозже, женщины и дѣвушки собираются въ свѣтлую просторную избу, приносятъ съ собою хлѣбъ, мясо, колбасы и прочіе съѣстные припасы, кто что можетъ, для закуски, запасаются и водкой, приглашаютъ музыканта и такимъ образомъ устраиваютъ пирушку (балѣкъ), во время которой совершаютъ женитьбу комина. Женитьба эта состоитъ въ томъ, что дѣвушки и женщины принесенными съ собою цвѣтами, освященными въ церкви на Ивановъ день (святоянскими), украшаютъ коминъ, при чемъ поютъ пѣсни, пріуроченныя къ этому случаю. По окончаніи пѣнія, подъ звуки скрипки, дѣвушки съ приглашенными парнями пускаются выплясывать разные пляски, между которыми выдается весьма занимательный танецъ «Цярешка». Этотъ танецъ состоитъ

въ томъ, что дѣвушки съ парнями дѣлятся на пары и становятся въ два ряда: дѣвушки по одну сторону, а парни по другую. Первая пара, т. е. парень съ дѣвушкой пляшутъ бычка и потомъ прощаются другъ съ другомъ и дѣвушка уходитъ отъ парня, который вслѣдъ за тѣмъ бросается ее ловить и поймавши, снова становится съ ней въ рядъ. Тоже самое продѣлываютъ всѣ остальные пары. Во время этого танца, поютъ слѣдующій припѣвки.

- 1) Ни вцай, бабѹличка!
 Я твой дзядуличка
 Ци я табѣ лапцей ня сплѣў?
 Ци я табѣ оборъ ня звіў?

Или:

- 2) На горѣ сѹчачка брешець,
 Ко мнѣ мой милый чешець:
 Боцики козловые,
 Подкоўки сталёвые. .
 Боцики стучаць, стучаць,
 Подкоўки звиняць, звиняць.

Или такъ:

- 3) А за горой курта брешиць,
 Ко мнѣ мой милый чешиць;
 А ци чешець, ци ня чешиць,
 Ни задарма курта брешиць.

Когда дѣвушка и парни вдоволь напляшутся, то хозяйка накрываетъ столъ чистою скатертью и ставитъ на ней водку, пиво и закуску. Вся компанія усаживается за столъ и начинаетъ пить и закусывать. Подкрѣпивши себя такимъ образомъ, всѣ благодарятъ хозяина и хозяйку, и снова принимаются плясать и пляшутъ до разсвѣта; и только съ наступленіемъ дня расходятся по домамъ.

Изъ записи учителя народнаго училища I. Озеровича. Сообщ. директоромъ Виленск. учит. семинаріи М. Дуровымъ.

О КЕРМАШАХЪ И ИГРИЩАХЪ.

Минск. губ., Борис. у., Краснолуцкой волости.

«Однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ сближенія молодежи въ означенной мѣстности служатъ такъ называемые кермаша, т. е. храмовые праздники въ церквахъ самостоятельныхъ, приходскихъ и кладбищенскихъ. О срокѣ и днѣ храмоваго праздника знаютъ не только окрестные крестьяне, но и отдаленныхъ мѣстностей, и всякій молодой парень, всякая молодая дѣвушка считаютъ своей непремѣнной обязанностью тамъ побывать, чтобы себя показать и другихъ посмотреть. Какъ тѣ, такъ и другія принаряжаются по этому случаю въ лучшія платья, парни забираютъ съ собою деньги, а дѣвушки закуски, чтобы по окончаніи церковной службы отдохнуть и перекусить. На этихъ кермашахъ поддерживаются старыя и заводятся новыя знакомства. Тутъ же происходитъ и выборъ женихами невѣстъ и наоборотъ — по обоюдному ихъ согласію и сердечному влеченію. Выборъ этотъ въ описываемой мѣстности происходитъ почти всегда безъ всякаго принужденія со стороны родителей, такъ что часто просватанная отказываетъ своему жениху, если она находитъ его для себя не подходящимъ и въ такомъ случаѣ обязана только возвратить ему издержки, потраченныя имъ на питье *моргачей* и на подарки.

Крестьянинъ, какъ извѣстно, ищетъ въ своей женѣ прежде всего хорошую хозяйку, здоровую женщину и работницу, при томъ поведенія честнаго, не гулящую и не опозоренную, такъ что дѣвушка съ противоположными качествами имѣетъ мало надежды на выходъ замужъ. Вообще обращается преимущественно вниманіе на здоровье и дородность, а матеріальная сторона не имѣетъ большого значенія.

Обыкновенно на кермаша являются доморощенные музыканты, большею частію со скрипками, а въ послѣднее время съ гармониками, подъ музыку которыхъ молодежь отплясываетъ

мѣстные танцы: *крутуху*, *бычка*, *барыню*, *лявонаху*, *матемцу*, а въ послѣднее время и «кадрилю», позаимствованную отъ мѣстной мелкой пляхты. За каждый танецъ дѣвушки и парни платятъ музыканту нѣсколько копѣекъ. По количеству платы и музыка играетъ то продолжительнѣе, то короче. Дѣвушки танцуютъ безъ парней, сами платятъ музыканту, а если вмѣстѣ съ парнями, — то платятъ послѣдніе. При исполненіи музыкантомъ танцевъ появляется и акомпаниментъ, состоящій въ пѣніи разгульных пѣсень самими танцующими съ помощію другой скрипки или бубна, а то и просто какой-либо любитель-мальченка беретъ въ руки два тонкихъ прутика и колотитъ ими по струнамъ скрипки въ тактъ музыки. Главное достоинство во всѣхъ упомянутыхъ танцахъ заключается въ плавности движеній танцующихъ, такъ какъ особыхъ замысловатыхъ фигуръ не полагается. Парни показываютъ свою удалъ сильнымъ притопываніемъ каблуковъ въ тактъ музыканта, ломаніемъ шапки на бекрень, размахиваніемъ руками, присвистомъ и пѣніемъ далеко не скромнаго содержанія припѣвокъ; въ послѣднемъ, впрочемъ и дѣвушки нисколько не отстаютъ отъ нихъ, нимало не стѣсняясь.

Отъ совмѣстныхъ танцевъ дѣло переходитъ и къ совмѣстнымъ закускамъ, при чемъ парни угощаютъ дѣвушекъ водкою, пряниками и т. п., а дѣвушки въ свою очередь потчуютъ ихъ принесенными изъ дому холодными закусками, по большей частью толстыми пшеничными блинами, смѣшанными съ кусочками сала и т. п. И вотъ такимъ образомъ завязывается знакомство, которое при благопріятномъ случаѣ переходитъ въ свадьбу.

Тоже самое бываетъ и на игрищахъ, устраиваемыхъ въ разное время года. Особенно часто, почти ежедневно, онѣ устраиваются съ перваго дня коляды до *кшени* (Крещенія), т. е. съ 25 декабря по 6 января. Во всѣ же вечера буднихъ дней, въ означенный промежутокъ времени, никакихъ домашнихъ работъ не дѣлается, такъ какъ эти вечера называются «святыми», а потому и естественно, что въ это время молодежь предается веселію. На колядныхъ игрищахъ водка чаще всего покупается пар-

ними въ складчину, такимъ же образомъ, какъ и на кермашахъ устраивается дѣвушками закуска, состоящая изъ жареныхъ на мѣстѣ игрища колбасъ и блиновъ (припасы эти большею частію похищаются дѣвушками изъ дому). Нужно сказать, что на этихъ игрищахъ парни и дѣвушки напиваются иногда до безобразія, что влечетъ за собою иногда печальныя для дѣвушки послѣдствія.

Говоря о кермашахъ и игрищахъ, слѣдуетъ упомянуть о существующемъ въ данной мѣстности обычай ходить лѣтомъ и осенью *на ночки*, т. е. собираться нѣсколькимъ парнямъ и дѣвушкамъ въ сѣнные сараи для совместной ночевки. Правда, бывають и парныя «*на ночки*» по предварительному соглашенію. Какъ, повидимому, непредосудителенъ съ нравственной точки зрѣнія этотъ обычай, однакоже онъ очень рѣдко ведетъ къ печальнымъ для дѣвушки послѣдствіямъ, такъ какъ онъ искони служитъ средствомъ для сближенія молодежи обоего пола въ извѣстной деревнѣ, особенно если принять во вниманіе, что дѣвушки очень рѣдко и не охотно выходятъ замужъ въ далекую отъ ея родной деревню, или какъ онѣ выражаются, «*сторону*». Уже другая деревня, отстоящая отъ ея родной на 3—5 верстъ, называется «*чужой стороной*», стороной не привлекательной, какъ поется въ пѣснѣ:

Чужая сторона безъ вѣтру шушиць,...

Чужы татулька, чужая матулька

Безъ вины журиць.

Въ неуклонномъ соблюденіи этого обычая, выразившагося въ приведенныхъ словахъ пѣсни, можно видѣть, какая крѣпкая и тѣсная связь существовала среди жителей одной деревни, представляющей изъ себя верѣдко одну семью, разросшуюся въ цѣлый родъ, — деревню, гдѣ всѣ, такъ или иначе, связаны между собою узами родства, болѣе или менѣе близкими. Доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ описываемой мѣстности всѣ коренные жители ихъ носятъ одну фамилію, напр.: въ д. Жортаѣ преобла-

дающая фамилія «Стайнъ», въ д. Рудномъ-селѣ — «Рабуевичъ», въ д. Обзѣ — «Чичинъ», въ д. Иванъ-Ковшинъ — «Богодяжъ» и т. д. На родовое происхожденіе жителей деревень отъ одного общаго родоначальника указываютъ также и самыя названія деревень, напр. Иванъ-Ковщина, Моисе-ев-щина и т. д.»

Изъ сообщ. волост. писаря С. Прокулевича.

Игры дѣтей и взрослыхъ.

1.

РѢДКА ¹⁾.

а) Минск. губ., Рѣчицк. уѣзда, Дудической волости, с. Якимовичи.

Дѣвушки и парни садятся другъ къ другу на колѣни (на полу или на землѣ), берутся за плечи и держатся какъ можно по крѣпче другъ за другомъ, изображая собою рѣдки, а сидящій въ концѣ ряда называется хозяйкою. Изъ числа участвующихъ въ игрѣ одинъ или одна не садятся, а остается внѣ ряда, чтобы рвать рѣдку, для чего и запасается предварительно большой палкой, которой, какъ только всѣ усядутся въ означенномъ порядкѣ, начинаетъ стучать, приговаривая:

«Стукъ, постукъ!»

Хозяйка:

«Хто тамъ?

— Самъ панъ.

«Што табѣ треба?»

— Упала пани съ печи, — Забила ж... у и плечи и зажадала рѣдзъки.

«Недавно только посѣяла».

— Стукъ, по-стукъ!

«Хто тамъ?»

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ: *рыпка*. Ш.

— Самъ панъ?.. отвѣтъ тотъ же, на что хозяйка на этотъ разъ отвѣчаетъ: «Яна тольки ищѣ повсходзила». И только при третьемъ повтореніи означеннаго отвѣта требованія хозяйка позволяетъ отвѣдать рѣдьки. Тогда панъ поочередно подходитъ къ каждому изъ сидящихъ въ ряду, беретъ его за плечо и слегка, а иногo и порядкомъ угрызнетъ зубами: это значитъ— онъ пробуетъ рѣдьки, которая повкуснѣе. Выбравши рѣдьку по своему вкусу, онъ подымаетъ, т. е. слегка затрогиваетъ по очереди палкою за руки, или за платье всѣхъ сидящихъ въ ряду (по направленію къ хозяйкѣ, сидящей въ концѣ его), начиная съ перваго вплоть до того, котораго онъ выбралъ какъ вкуснѣйшую рѣдьку. Каждый, въ свою очередь оказываетъ сопротивленіе, а панъ, вырывая рѣдьку, выражаетъ свое удивленіе: «Але же крѣпко ўросло ў землю, — а, а! Неможно и *сурваць ниякѣ*». Поднявши перваго изъ сидящихъ въ ряду, онъ его отталкиваетъ отъ себя, бросаетъ какъ бы въ сторону, какъ рѣдьку негодную, то же самое достается отъ него и второму и третьему и т. д., пока наконецъ не доберется до того, который ему, въ видѣ рѣдьки, показался вкуснѣе прочихъ. Выбранный выходитъ изъ ряда съ своимъ выборщикомъ и игра начинается снова съ другими участниками въ ней.

Сообщ. учит. народн. училища Н. Гр. Яцко.

2.

б) Могил. губ., Сѣнинск. у., с. Игрушка.

Играющіе выбираютъ изъ среды себя *бабу и дѣду*, потомъ берутся одинъ за другого, обхватывая туловище руками, или берясь за поясъ одинъ у другого. Баба становится позади всѣхъ, а дѣдъ, съ кіемъ ¹⁾ въ рукахъ идетъ около этой цѣпи и, постукивая, говоритъ:

«Стукъ стукоста»!

— А хто тамъ?

---

¹⁾ Палкою.

«Самъ панъ».

— Чего надо?

«Пріѣхали госьци зъ чужэй волосьци, *зажидали рѣдки со-млости*» ¹⁾. На это баба отвѣчаетъ: «только пѣрана».

Дѣдъ уходитъ, но вскорѣ возвращается и возобновляетъ свой разговоръ съ бабой, съ прибавленіемъ однакожъ слѣдующихъ словъ:

Звалилася паня зъ печи,
Разбила груди, плечи,
Родзила сына Мартына.
На количку посадила,—
Количекъ зломіўся,
Сынъ Мартынъ звалиўся.

Теперь баба отвѣчаетъ: «Поскорѣжила».

Дѣдъ снова идетъ вдоль цѣпи, постукивая палкой и повторяя: «Стукъ стукоста» и т. д., но безъ прибавленія послѣдняго приговора. Баба отвѣчаетъ: «Посѣяна». Когда дѣдъ затѣмъ приходитъ съ вопросомъ своимъ еще разъ, то баба наконецъ уже отвѣчаетъ: «выросла». А дѣдъ, какъ бы встревоженный, кричитъ вдругъ: «Бабо, бабо! свиньи ў городзи!»

— «Нудыкъ выгони», говоритъ баба, «и рѣдчину вырий».

Старикъ дѣлаетъ видъ, будто палкой выгоняетъ свиней, а потомъ рветъ рѣдчину, т. е. перваго, стоящаго въ цѣпи играющихъ и, вырвавши, отсылаетъ его въ сторону. Потомъ, прикладывая палку ближе къ губамъ, показываетъ видъ, будто пробуетъ рѣдку и, передавая ее другимъ, говоритъ: «Попробуй! Солодка?» Всѣ поочередно пробуютъ и выплевываютъ, говоря: «горка!» Затѣмъ дѣдъ опять обращаясь къ бабѣ, говоритъ: «Бабо, бабо! проша ў лазню! ²⁾»

— Собакъ боюся.

¹⁾ Т. е. страстно захотѣли рѣдки — до тошноты.

²⁾ Лазня — баня.

Собаки, т. е. бывшія рѣдчины берутся попарно за обѣ руки, впереди ихъ дѣдъ кладетъ палочку и говоритъ: «Я собакъ замкнуу, колодой приваліу и по баранку дау». Баба успокоившись, спрашиваетъ: «Якая твоя лазня?».

— Дзириванная.

«Якая твоя печка?»

— Каминная.

«Якій твой поллокъ?»

— Жалѣзны.

«Я спякуся».

— Я соломки подстелю и водицы налью.

«Якій твой духъ?»

— Малиновы.

«Якій твой вѣникъ?»

— Шаўковы.

«Якая твоя ковшка?» ¹⁾

— Мидзяная.

«Я руки попяку».

— Я онучачкой обярну.

Послѣ такихъ переговоровъ баба идетъ въ лазню. Собаки вырываются, бросаются на бабу и рвутъ ее. Она отбивается отъ нихъ скрученнымъ поясомъ или ремнемъ и убѣгаетъ, оставляя свои вещи. Хозяинъ прогоняетъ собакъ, идетъ къ бабѣ и говоритъ: «Гэй, бабо, бабо! платокъ забылася».

— Я собакъ боюсь и т. д.

Наконецъ она идетъ въ баню, а тамъ вмѣсто платковъ и другихъ вещей набросаны палочки. Баба хватается палочку, грозитъ собакамъ, а тѣ бросаются къ ней и рвутъ ее. Затѣмъ она идетъ опять въ баню за башмаками и другими вещами, пока ихъ не выберетъ всѣ — и исторія съ собаками повторяется каждый разъ снова. Тѣмъ игра и кончается.

Зап. учт. народн. училища г. Смидерскинъ.

---

¹⁾ Чашка съ ручкой для черпанья воды.

3.

в) Виленской губери., Дисненскаго уѣзда, м. Глубокое.

Дѣти садятся такъ, что каждый помѣщается между ногъ товарища, чтобы представить собою крѣпко сидящую въ грядкѣ рѣдку и плотно обнимають другъ друга руками. Къ сидящимъ подходитъ мальчикъ и говоритъ:

«Стукъ, стукъ ў воконца!»

— А кто тамъ?

«Я самъ панъ».

— А чаго?

«Пріѣхала пани зъ вяселля, зажидала рѣцьки съ похмелля».

— Яце ня сѣйна...

На слѣдующій спросъ ему говорятъ, что еще не положили, за тѣмъ, что рѣдка еще по «пупѣлочку» (маленькая завязь) и, наконецъ, дозволяютъ вырывать созрѣвшую рѣдку. Просившій рѣдки начинаетъ таскать за руки своихъ товарищей.

Зап. учен. Валенск. института Ѳ. Новицкій. Ср. у Покровскаго: «Дѣтскія игры», стр. 175.

4.

ВЪ КОСТИ (БАБКИ, КАЗАНЦЕ).

Минской губ., Рѣчицкаго уѣзда, м. Бразинъ.

Каждый изъ участвующихъ въ этой игрѣ мальчиковъ запасается десяткомъ или двумя косточекъ отъ воловьихъ ногъ. Эти косточки разставляются попарно въ длинный рядъ; потомъ всѣ дѣти берутъ по одной косточкѣ и поочередно бросаютъ ихъ шагахъ въ двадцати отъ поставленнаго ряда костей. Чья кость упадетъ дальше, тотъ первый начинаетъ игру. Сдѣлавъ два шага впередъ, мальчикъ, пользующійся правомъ первой очереди въ игрѣ, бросаетъ свою кость въ поставленный рядъ. Число костей, выбитыхъ изъ ряда, обращается въ его собственность. Но не всегда правомъ первой очереди пользуется тотъ, чья кость упадетъ дальше; въ этомъ случаѣ тутъ играетъ важную роль и то поло-

женіе, въ какомъ будетъ находится брошенная кость. Въ метательной кости различаются три различныя стороны, которыя носятъ различныя названія: «клець», жогъ и ника». Бросая кость, дѣти радуются, когда кость ихъ падаетъ на сторону «клець», такъ какъ эта сторона даетъ имъ преимущество въ игрѣ предъ тѣми мальчиками, кости которыхъ хотя брошены и дальше, но приняли положеніе «жогъ» или «ника». Болѣе ловкіе и плутоватые мальчики, желая чаще пользоваться правомъ первенства въ игрѣ, прибѣгаютъ къ поддѣлкѣ метательныхъ костей. Эта поддѣлка состоитъ въ слѣдующемъ: сторона кости «клець» обтачивается на кузнечныхъ точилахъ, а на внутреннюю часть этой стороны наливаютъ черезъ пробуравленную дыру расплавленного олова. Дыра тщательно задѣлывается, и мальчикъ является съ фальшивою костью въ кружокъ играющихъ. Случается, что эта продѣлка остается незамѣченною; но горе обманщику, если товарищи во время спохватятся: бока его не избѣгнуть дѣтскихъ кулаковъ, а кости, обманнымъ образомъ выигранныя, отнимаются насильно и дѣлятся между потерпѣвшими.

5.

Въ кегли.

Тамъ же.

Чертятъ на землѣ два квадрата, шагахъ въ двадцати одинъ отъ другого; на противоположныхъ сторонахъ обоихъ квадратовъ ставятъ по семи цилиндрическихъ деревянныхъ обрубочковъ, вышиною въ четыре или пять вершковъ, а толщиною въ вершокъ или два. Дѣти дѣлятся на двѣ равныя кучки, и каждая кучка выбираетъ изъ своей среды такъ называемую *юлоу*, или *матку*. Последняя, по своему усмотрѣнію, даетъ каждому изъ находящихся въ ея группѣ названіе старшаго, средняго и младшаго сыновей, дающее право играющему пользоваться первенствомъ въ игрѣ. Обѣ группы дѣтей, вооружившись палками, становятся въ десяти шагахъ каждая отъ своего квадрата. *Матка* начи-

наетъ игру: бросаетъ палку въ стоящіе цилиндрическіе обру-
бочки, стараясь ударомъ выбить ихъ изъ начерченнаго квадрата;
за маткой продолжаютъ игру сыновья съ строгимъ соблюденіемъ
порядка и правилъ, установленныхъ маткою. Та группа, которой
первой удастся окончить свою партію, считается побѣдившею, а
вторая побѣжденною. Послѣдняя подвергается наказанію, со-
стоящему въ томъ, что побѣдители взлѣзаютъ на спину побѣж-
деннымъ и заставляютъ ихъ носить себя вокругъ начерченныхъ
квадратовъ, приговаривая: «Твой дѣдъ на моемъ ѣздилъ». Въ
эту игру нерѣдко въ праздничные дни играютъ и взрослые.

Объ зап. учен. Виленск. учит. института Вик. Бохановъ.

6.

ДУБЪ.

Той же губ. и у., Дубическ. в., с. Якимовичи.

Въ эту игру играютъ дѣвочки и мальчики.

Одному изъ участниковъ или участницъ въ этой игрѣ завя-
зываютъ глаза и, взявши его подъ руки, подводятъ къ дверямъ
какого-либо строенія и спрашиваютъ:

«Што ето?»

— «Дубъ!» отвѣчаетъ кто-либо изъ толпы.

«Што на дуби?»

— Вулей.

«Што ў томъ вульи?»

— Мѣдъ.

«Кому яго ѣсьци?»

— Пану.

А стоящій тутъ съ завязанными глазами при этомъ го-
ворить.

— Мнѣ!

Ему всѣ: «Натри гоўне; а каша дзѣ?» —

— На полицѣ. —

«Я вутымъ».

Всѣ: — А му кіемъ!.

При этихъ словахъ всѣ начинаютъ его бить и потомъ разбѣгаются въ разныя стороны и прячутся, а мальчикъ или дѣвочка съ завязанными глазами начинаетъ ихъ разыскивать и кого найдетъ, тому завязываютъ глаза — и игра тѣмъ же порядкомъ начинается снова и продолжается до тѣхъ поръ, пока имъ она не прискучитъ.

7.

Просо.

Тамъ же.

И въ этой игрѣ участвуютъ какъ мальчики, такъ и дѣвочки. Собравшись гдѣ-нибудь на улицѣ, они берутся за руки и составляютъ прямолинейную цѣпь. Затѣмъ кто-нибудь изъ участвующихъ, мальчикъ или дѣвочка, по жребію или по общему согласію, выбирается въ *войты*, и выходя изъ цѣпи, становится прямо лицомъ противъ одной изъ дѣвочекъ (по выбору) и между ними происходитъ такой разговоръ:

Войтъ: «Прыдзи ко мнѣ просо полоць!»¹⁾.

Дѣвочка: — Не хочу.

В. «А замужъ?»

— Хоць и зárezь.

При этихъ словахъ войтъ дѣлаетъ движеніе, чтобы схватить непокорную, приговаривая: «Просо не хочешъ еще полоць, а замужъ хоць зárezь!» Но она отъ него ускользаетъ и бѣжитъ, въ промежутокъ рукъ, составляющихъ цѣпь, а онъ продолжаетъ гоняться за нею до тѣхъ поръ, пока не поймаетъ. Теперь уже пойманная становится войтомъ, а прежній войтъ становится въ цѣпь.

---

¹⁾ Если войтъ обращается къ мальчику, то приглашаетъ его позотить или косить. Ян.

8.

Золото.

Тамъ же.

Дѣти и даже взрослые парни и дѣвушки нерѣдко затѣваютъ названную игру, собравшись гдѣ либо въ домѣ, а въ теплое время—на дворѣ какого либо домохозяина и, по-преимуществу, въ дни святочные. — Одна или одинъ изъ участвующихъ въ игрѣ беретъ перстенокъ, такъ называемое золото, подходитъ къ каждому изъ сидящихъ, стараясь незамѣтнымъ образомъ положить его кому либо въ руки—съ произношеніемъ слѣдующихъ словъ: «Съ куту иду, золото несу, угадайце бояре, гдѣ золото упало? — На куцѣ у полицѣ, ѣ краснумъ ѣ яснумъ, ѣ неспаснумъ», а кто либо изъ участниковъ игры показываетъ кому положено золото (угадываетъ). Если скажетъ не впадѣ, то всѣ тогда начинаютъ смѣяться надъ нимъ и кромѣ того, онъ остается исполнять эту обязанность до тѣхъ поръ, пока не покажетъ кому именно положено, такъ называемое, золото. За каждымъ разомъ неудачи угадывающаго производится новая раздача кольца, въ противномъ случаѣ передается кольцо, названное золото, угадчику, который и производитъ раздачу. По усмотрѣнію участниковъ игры названныя лица могутъ быть замѣнены новыми.

9.

Въ гужа.

Тамъ же.

Мальчики и дѣвочки собираются гдѣ либо на улицѣ. Двое изъ нихъ становятся на мѣстѣ, очерченномъ ими раньше круговою линіею, а остальные стоятъ подалѣе отъ черты. Одно изъ дѣтей, находящихся въ кругу, придерживаетъ другое, пока всѣ не приготовятся къ игрѣ, потомъ толкаетъ его отъ себя съ произношеніемъ слова: «гужъ». Этотъ мальчикъ или дѣ-

вочка выбѣгаетъ изъ-за черты и начинаетъ ловить кого либо изъ участвующихъ въ игрѣ. Всѣ дѣти стараются убѣгать за черту въ кругѣ. Если кто либо будетъ имъ пойманъ, то пойманный отправляется въ кругъ, замѣнивъ его мѣсто, а этотъ идетъ въ толпу играющихъ; въ противномъ случаѣ онъ остается на своемъ мѣстѣ и продолжаетъ бѣгать за кѣмъ либо изъ дѣтей съ цѣлью поймать и поставить на своемъ мѣстѣ.

Надо замѣтить, что когда всѣ дѣти сбѣгутся въ кругъ за линію, то погоня за ними прекращается.

По окончаніи игры дѣти танцуютъ и поютъ:

а) Кто *вускаче голуби́а* ¹⁾,
 Той будзе молодойца.
 А ў Кіяви заказали,
 Штобъ ў *магеркаѣ* ²⁾ не скакали.
 Семъ сотъ заплачу
 А ў магерцы таки поскачу.
 Ишоў мужикъ богатый,
 Найшоў черапъ щарбатый.
 Широкая борода. . .
 (Не окончена).

б) И шли бабы по *рыбу́*,
 А дзѣдъ по опѣньки,
 Дзѣдову ў лѣси посохли,
 А бабины сырѣньки.

в) За бубами, за лугами
 Ишли дзѣўки за грибами.
 Тамъ лужочакъ быў;
 Тамъ лужочакъ, беражочакъ,
 На цѣрамі церамочакъ.

¹⁾ Названіе бѣлорускаго танца.

²⁾ *Магерка* или *морскака* — низкая, войлочная шляпа съ короткими, поднятными вверхъ полями. Никифоровскій.

Тамъ мой милый быў,
 Цвѣтъ калиницы ломаў,
 На красавицу бросаў, —
 Дзѣўки на платокъ.
 Зажги-ка свѣчу зъ сала,
 Покажи-ка свойго пана,
 Сашенька милой!
 Зажги-ка восковую,
 То я семь разъ поцалую
 Пана свойго.

(Всѣ мальчики и дѣвочки цѣлуются).

—

Дѣти бѣгаютъ, подпрыгивая и поютъ:

г) Скакаў *цыркунъ* ¹⁾ по спянѣ, —
 Зломаў ножку — охъ-ця-мнѣ!
 Цыркуниха скаче,
 Дай по нозцы плаче.
 Воробей, воробей,
 Не клуй моихъ конопель!
 Ни моихъ, ни своихъ,
 Ни сусѣда мойго.
 Я тому воробью
 Кіямъ ножку пирабью.
 Воробейка скаче;
 Дай по нозцы плаче.
 Сядзиць мядзѣвѣдъ на колѣдзи,
 Дай у дудочку грае,
 Забіў ср..у объ ломаку,
 Дай колоду лае.

Всѣ 4 зап. учит. Народн. училища Г. Н. Яцко.

---

¹⁾ Сверчокъ.

ВИЛЬНА.

Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда, Негнѣвической волости, деревня Авдѣвичи.

Выбравъ ровное мѣсто, дѣти копаютъ ямочку вершка три глубиною и столько же въ діаметрѣ. Эту ямочку называютъ «Вильной». Въ разныя стороны отъ «Вильны» для каждаго изъ участвующихъ въ игрѣ отмѣряется определенное разстояніе. Потомъ берутъ деревянный гвоздь длиною вершковъ въ пять, и одинъ изъ участвующихъ, поставивъ его острымъ концомъ въ землю, ударяетъ по немъ палкою. На сколько его ударъ вогналъ гвоздь въ землю, на столько онъ укорачиваетъ свое разстояніе отъ «Вильны». Если же мальчикъ промахнулся, то лишается права ударять второй разъ, а передаетъ его другому. Другой ударяетъ и, смотря по тому, попалъ ли онъ палкой въ гвоздь или нѣтъ, укорачиваетъ свое разстояніе или передаетъ палку сосѣду и т. д. Кто первый достанетъ «Вильны», тотъ считается ея основателемъ и получаетъ право назначать наказанія тѣмъ, которые не достали «Вильны». Наказаніе въ этой игрѣ обыкновенно двоякое:

Хоть на нѣкоторое разстояніе къ «Вильнѣ» заставляють принести, не переводя дыханія (для провѣрки даютъ тянуть извѣстный звукъ) брошенный изо всей силы деревянный гвоздь къ мѣсту, откуда онъ брошенъ. Неудача въ выполненіи наказанія въ первый разъ влечетъ за собой его повтореніе. Для тѣхъ же, которые совсѣмъ не подвинулись съ своихъ мѣстъ, наказаніе болѣе серьезное: они обязаны вытащить руками совершенно вбитый въ землю гвоздь. Зап. учен. Валенск. учительск. института Стасевичъ.

11.

ВЪ ЗАЙЦА.

Валенской губ., Дисненскаго уѣзда, и. Глубокое.

Дѣти собираются въ тѣсный кружокъ; одинъ изъ мальчиковъ побойчѣе становится въ серединѣ и, указывая на каждаго товарища, чигаеъ по слову:

Мурашка, букашка,

Слонце, мѣсяць...

«Гдѣ ты быѣ?»

— У болоцѣ.

— «Што робіѣ?»

— Траву жаѣ.

«Гдѣ подзѣѣ?»

— Подъ колодой.

«Хто украѣ?»

— Заицѣ.

«Хто зловіѣ?»

— Хортѣ (гончая).

При послѣднемъ словѣ всѣ (зайцы) разбѣгаются.

Для бѣганья зайцевъ назначается условное пространство, за предѣлы котораго зайцы не бѣгаютъ. Главная задача хорта — поймать всѣхъ зайцевъ, которые должны убѣжать отъ хорта въ условленное мѣсто. «Хортѣ» не долженъ ловить зайцевъ въ разстояніи трехъ шаговъ отъ условленнаго мѣста, зайцы также не должны прятаться вблизи этого мѣста, съ цѣлію — скорѣе добѣжать къ нему. Несоблюденіе условій игры со стороны «хорта» и зайцевъ подлежитъ взысканію, которое состоитъ въ наказаніи «пыткою» (скрученный шейный платокъ). «Хортѣ» долженъ переловить большую половину зайцевъ, въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ потерять участіе въ игрѣ: его на время привязываютъ въ томъ мѣстѣ, куда сбѣгаются играющіе. Кромѣ того, за непойманныхъ зайцевъ «хортѣ» получаетъ удары «пыткою», число которыхъ назначаетъ каждый убѣжавшій заяцъ. Эта игра во внѣшнихъ приѣмахъ иногда нѣсколько измѣняется: мальчикъ беретъ въ руку нѣсколько тоненькихъ палочекъ, изъ которыхъ одна бываетъ длиннѣе и предлагаетъ каждому вытасить по одной. Вытащившій длинную палочку считается «хортомъ».

12.

ВЪ КАРОГЛИ.

Тамъ же

Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и между ними размѣряютъ разстояніе; затѣмъ каждая партія чертитъ на землѣ квадратъ. На передней сторонѣ квадратовъ разставляютъ пять небольшихъ обрубковъ кола (карогли) послѣ чего опять размѣряютъ разстояніе между квадратами и въ серединѣ этого разстоянія дѣлаютъ какую нибудь замѣтку или кладутъ небольшой камень. Отмѣченное мѣсто называется *масломъ*. Первая партія, стоя около своихъ «кароглей», бросаетъ по очереди палками въ сосѣдніе «карогли». Если при этомъ кому-нибудь удастся выбить изъ квадрата одинъ или нѣсколько «кароглей», то бьютъ въ оставшіеся «карогли» изъ середины этого разстоянія, или отъ масла. Если первая партія, бросивъ всѣ свои палки, не сбila всѣхъ «кароглевъ», то вторая партія тѣми же палками сбиваетъ сосѣдніе «карогли». Выигравшими считаются тѣ, которые раньше снесутъ «карогли». Побѣжденные должны носить своихъ побѣдителей на плечахъ взадъ и впередъ отъ одного квадрата къ другому определенное число разъ.

13.

КАТАНЬЕ КУЛИ.

Тамъ же.

Играющіе, раздѣлившись на двѣ группы, становятся другъ отъ друга на определенномъ разстояніи, съ палками въ рукахъ. Одинъ изъ первой группы бросаетъ изъ всѣхъ силъ по землѣ «кулю» (деревянный шаръ) въ направленіи къ первой группѣ. Эти ударяютъ катящуюся кулю палкою и не допускаютъ ее катиться дальше. Съ того мѣста, гдѣ остановилась куля, они катятъ ее къ первымъ съ такой силой, чтобы она опередила ихъ. Первые такъ же стараются придержать ее и опять катятъ въ

противоположную сторону и т. д. Такъ какъ куля не всегда можетъ быть удачно встрѣчена палкою, то случается, что одна изъ партій, далеко отсаживается назадъ другую. Когда одна партія настолько отсадить назадъ другую, что станетъ на ея мѣстѣ, то послѣдняя считается побѣжденной. Въ этой игрѣ требуется ловкость и сила. Кто шибче покатитъ кулю, удачно перейметъ ее палкою, тотъ и остается побѣдителемъ.

Всѣ 3 зап. учен. Виленск. учит. института О. Новицкій.

14.

Шулякъ (коршунъ).

а) Гродненской губ., Слонимскаго уѣзда, м. Косово.

Эту игру любятъ и мальчики и дѣвочки. Послѣ долгихъ и веселыхъ криковъ: «Хлопцы, граймо ў шуляка!», дѣти успокаиваются и выбираютъ изъ среды своей: «матку» и «шуляка», — обыкновенно выбираютъ самые ловкіе изъ дѣтей. *Матка* становится впереди, а дѣти позади ея въ линію, крѣпко держась за поясъ другъ друга, и такимъ образомъ стоять до начала игры. Тогда «шулякъ» садится на корточки передъ «маткою», копасть ямку и говорить:

«Копаю, копаю ямочку!»

— На що табѣ ямочка?

«Огонь палици».

— На що табѣ огонь?

«Мясо варици»!

— На що табѣ мясо?

«Дзѣцей кормици».

— А гдзѣ-жъ ты мясо возьмешъ?

«У цебѣ за поясомъ».

— А я не дамъ!

«А я возьму».

И съ крикомъ: «а я возьму!» *шулякъ* бросается ловить задняго мальчика. Матка употребляетъ всѣ свои силы, чтобы не допустить его.

Любо смотрѣть, какъ вся эта вереница бросается изъ стороны въ сторону, и какъ всѣ дѣти напряженно слѣдятъ за движеніемъ «шуляка». Но вотъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ему удастся таки поймать задняго мальчика. Пойманный мальчикъ отходитъ въ сторону и уже не участвуетъ до конца игры, а «шулякъ» такимъ же образомъ старается переловить всѣхъ.

Зал. учен. Виленск. учит. института Г. Юревичъ.

15.

ГРУГАНЪ (коршунъ).

б) Виленской губ., Дисненскаго уѣзда, м. Глубокое.

Одинъ мальчикъ становится впереди; товарищи, держась другъ у друга за поясъ, образуютъ длинную вереницу и присоединяются къ переднему. Это — курица съ цыплятами. Другой мальчикъ *груганъ* стоитъ отдѣльно. Подходя къ курицѣ, онъ говоритъ:

«Копаю, копаю ямочку».

Курица: — «На што табѣ ямочка?»

— Камяшки збираць.

— «На што табѣ камяшки?»

— Твоимъ дзѣткамъ зубы выбиваць

— На што-жъ табѣ мои дзѣтки?

«Мяса пожираць».

И проговоривъ: «грумъ! мяса хочу!» бросается на цыплятъ. Мать отвѣчаетъ ему: «Зѣшь жабу на корчу!» и старается отбить «груганъ». Все вниманіе гругана направлено къ тому, чтобы отвлечь матку и броситься на сдѣланныхъ при ней цыплятъ. Мать зорко слѣдитъ за *груганомъ* и цыплятами. Отъ цыплятъ же требуется еще больше вниманія и ловкости: они не должны отставать отъ матки, а двигаться вслѣдъ за нею и наблюдать малѣйшее движеніе *гругана*, чтобы счастливо увернуться отъ его неожиданнаго нападенія. *Груганъ* дѣлаетъ быстрые и не-

ожиданные повороты изъ одной стороны въ другую, старается оторвать кого-нибудь изъ длинной вереницы, которая не успѣваетъ за нимъ поворачиваться такъ быстро. Оторванный цыпленокъ считается съѣденнымъ и потому не участвуетъ въ игрѣ. Тасканіе цыплятъ и борьба курицы съ *гуляномъ* продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не ухватитъ послѣдняго цыпленка. Эта игра особенно интересна, когда нацѣпляется большая вереница дѣтей и когда коршунъ неповоротливъ, онъ измучается къ общей радости дѣтей и оставляетъ игру.

Интересъ зависитъ еще отъ выбора матки, которая удачно распоряжается всей вереницей.

Зап. учен. Виленск. учит. инстит. О. Новицкій.

16.

Въ коршуна.

в) Минск. губ. Рѣчицк. у., Дудичской в., с. Якимовичи.

Дѣти обоого пола берутся за руки и становятся въ кругъ. Одно изъ нихъ, представляющее коршуна, садится на землю среди круга и начинаетъ копать ямочку, а остальные составляющія цѣпь, спрашиваютъ его, коршуна:

«Коршачѡкъ, коршачѡкъ!

«Што ты робишь?»

— Ямочку копаю.

«На што табѣ ямочки?»

— Каменчики збираць.

«На што табѣ каменчики?»

— Твоимъ дзѣткамъ зубки выбиваць.

«За што, про што?»

— А што мою капусту порвали и покопали.

«А треба було табѣ, коршачѡкъ, *сухой* огородъ городзиць».

При этихъ словахъ дѣти прогоняютъ коршуна въ болото ѣсть лягушекъ, произнося хоромъ слѣдующія слова:

«Опуръ ў болото, жабъ ѣсьци!»

Послѣ этихъ словъ коршунъ послѣшно встаетъ съ земли и начинаетъ ловить всѣхъ играющихъ. Послѣдніе разбѣгаются, но коршунъ преслѣдуетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не переловитъ всѣхъ. Кончается игра тѣмъ, что всѣ играющіе бросаются на убѣгающаго отъ нихъ коршуна, преслѣдуютъ его и каждый считаетъ своимъ долгомъ его уцѣпнуть.

Зап. учител. народн. школъ Н. Яцко.

17.

МАЛЬЧИКЪ-ПАЛЬЧИКЪ.

Той же губ., Игуменскаго уѣзда, села Новоселки.

Собирается нѣсколько мальчиковъ на открытое ровное мѣсто. Одинъ изъ нихъ садится на землю и приподнимаетъ колѣно правой ноги или лѣвой, такъ, чтобы ступня ноги стояла на землѣ. Остальные мальчики окружаютъ сидящаго и, пагнувшись или сидя, каждый кладетъ на его колѣно свой указательный палецъ. Послѣ этого сидящій по срединѣ мальчикъ произноситъ слѣдующіе стихи:

Мальчикъ пальчикъ помагуле!
 Выляцѣло по три крули
 Ой ты, пане-капытане,
 Чему не йграшъ на варганѣ?
 Сядзиць заяць на припечку
 Мувиць пацяръ по нямецку:
 Эва дэва ресь,
 Гвинта заяць песь..

При каждомъ словѣ стиха, мальчикъ касается указательнымъ пальцемъ своей руки по порядку пальцевъ товарищей. При чемъ одинъ изъ мальчиковъ, на пальцахъ которыхъ пришились слова «заяць» и «песь», долженъ убѣгать, а другой догонять его. Догнавшій убѣгающаго, приводитъ его къ остальнымъ товарищамъ, при чемъ пойманный мальчикъ получаетъ «лапу»

отъ сидящаго посерединѣ мальчика за то, что несумѣлъ убѣ-
жать. Затѣмъ игра продолжается въ томъ-же порядкѣ, какъ и
при началѣ ея.

18.

Въ городки.

Тамъ же.

Два мальчика берутъ нарочно приготовленные, ровно отпи-
ленные 24 колодочки, длиною около 3 вершковъ каждая, и 4
палки длиною около $\frac{3}{4}$ аршина каждая. Колодочки и палки они
дѣлятъ пополамъ и затѣмъ выбираютъ равное мѣсто и, ставъ
другъ отъ друга на разстояніи 20 шаговъ, чертятъ палками по
землѣ два квадрата, называющіеся «городками». На сторонѣ
квадрата, обращенной къ товарищу, они разставляютъ 12 коло-
дочекъ на равномъ одна отъ другой разстояніи, послѣ чего каж-
дый изъ нихъ становятся за своимъ городкомъ и одинъ изъ нихъ
бросаетъ сначала одну, а потомъ и другую палку въ стоящія про-
тивъ него колодочки городка товарища. Если ему удастся бро-
шенной палкой выбить изъ городка или опрокинуть нѣсколько ко-
лодочекъ, то онъ получаетъ право выбивать колодочки до конца
игры съ середины разстоянія между городками. При этомъ тѣ ко-
лодочки, которыя какимъ нибудь образомъ не выкатились изъ
городка при ударѣ палки, а остались въ серединѣ, или на чертѣ
городка, считаются не выбитыми, и мальчику нужно много имѣть
ловкости, чтобы выбить ихъ, такъ какъ поставить ихъ онъ не
имѣетъ права, за исключеніемъ лежащихъ на границѣ городка.
Главная цѣль каждаго мальчика заключается въ томъ, чтобы вы-
бить всѣ колодочки городка товарища. Если кто-нибудь изъ маль-
чиковъ раньше другого выбьетъ колодочки изъ городка товарища,
то тотъ городокъ считается завоеваннымъ, и бывшій хозяинъ его
долженъ со смиреніемъ и покорностью отправляться въ городокъ
завоевателя, брать его къ себѣ на плечи, несть въ свой городокъ
и оставить его тамъ хозяиномъ, поставивъ ему предварительно
колодочки. Самъ-же онъ удаляется въ городокъ, раньше при-

надлежащій его товарищу, при чемъ, когда колодочки будутъ разставлены и въ его городкѣ, то право раньше бросать палку въ колодочку считается за завоевателемъ.

19.

Въ свинарку.

Тамъ же.

Собирается нѣсколько мальчиковъ, каждый изъ нихъ отыскиваетъ себѣ палку. Одинъ изъ товарищей чертитъ кругъ на землѣ. На чертѣ круга вырываютъ нѣсколько ямокъ, — обыкновенно по числу мальчиковъ — безъ одной. Одинъ мальчикъ беретъ круглый камень небольшихъ размѣровъ, кладетъ его по срединѣ круга и становится при немъ съ палкой въ рукахъ. Остальные мальчики располагаются вокругъ круга и каждый опускаетъ предварительно нижній конецъ своей палки въ приготовленную «ямку». Затѣмъ мальчикъ, стоящій по срединѣ, ударяетъ своей палкой о камень. Въ этотъ моментъ всѣ мальчики обязаны перемѣнить свои «ямки». Когда эта перемѣна совершается, мальчикъ стоящій посерединѣ, старается попасть въ одну изъ «ямокъ» раньше, чѣмъ успѣетъ попасть въ нее кто-либо изъ его товарищей. И если это удастся, то тогда онъ выходитъ изъ круга и становится на мѣсто того, которому не достало «ямки». Послѣдній же отправляется въ середину круга. Затѣмъ, игра продолжается въ томъ же порядкѣ, какъ и при ея началѣ.

20.

Въ шило.

Тамъ же.

Собираются мальчики въ домъ или куда нибудь въ уединенное мѣсто, садятся на землю плотно въ кружокъ, притомъ такъ, чтобы вокругъ, подъ ногами ихъ, образовалось пустое пространство. Для этого, сѣвъ на землю, они не вытягиваютъ своихъ ногъ, а ставятъ подъ угломъ такъ, чтобы нога прижа-

лась къ землѣ или ступней, или пяткой. Въ образовавшееся подъ ногами пустое пространство мальчики кладутъ свои руки. Затѣмъ по общему выбору, одинъ изъ сидящихъ мальчиковъ встаетъ, беретъ свой или у кого нибудь изъ товарищей поясъ, свиваетъ его, входитъ въ середину кружка и, отдавъ его одному изъ сидящихъ товарищей, оборачивается къ послѣднему спиной. Мальчикъ, получившій скрученный поясъ, ударяетъ имъ по спинѣ стоящаго по срединѣ товарища и быстро прячетъ его въ пустоту подъ ногами. Но такъ какъ тутъ-же находятся руки сидящихъ товарищей, то поясъ быстро передается подъ ногами отъ одного парня къ другому и, такимъ образомъ, исчезаетъ отъ глазъ ударившаго.

Мальчикъ, получившій ударъ, мгновенно оборачивается, смотритъ, а ужъ поясъ мелькнулъ у ногъ ударившаго. Онъ бросается къ нему. Но поясъ уже исчезъ. И пока онъ расправляется съ своимъ товарищемъ — раздается второй ударъ по спинѣ, при оглушительномъ хохотѣ товарищей. Мальчикъ, какъ ужаленный, бросается въ сторону удара. Но увы! поясъ опять мелькнулъ на одно мгновение и также скоро исчезъ, какъ и въ первый разъ. Мальчикъ ищетъ его. Но вотъ послѣдовалъ третій ударъ и т. д. Такъ продолжается игра до тѣхъ поръ, пока мальчикъ стоящій по срединѣ, не поймаетъ пояса подъ ногами одного изъ своихъ товарищей. Тогда послѣдній встаетъ и становится по срединѣ круга, а стоящій въ кругу садится на его мѣсто, и игра продолжается.

21.

Въ жгута.

Тамъ же.

Мальчики становятся въ кружокъ, при чемъ они руки закладываютъ за спину. Одинъ изъ мальчиковъ свиваетъ поясъ или жгутъ и начинаетъ ходить вокругъ товарищей. На ходу онъ тихонько отдаетъ его въ руки одному изъ мальчиковъ. Получившій поясъ, быстро взмахиваетъ имъ и начинаетъ угощать

ударами стоящаго по правую сторону своего товарища, который, разумѣется, убѣгаетъ и обѣжавши кругъ, становится на прежнее мѣсто, гдѣ онъ считается неприкосновеннымъ. Во время этого бѣга получившій жгутъ, имѣетъ право угощать его ударами до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ на прежнее мѣсто... Затѣмъ мальчикъ получившій жгутъ, начинаетъ ходить во кругъ кружка и тоже на-ходу отдастъ жгутъ одному изъ своихъ товарищей и т. д.

22.

БРОСАНІЕ КАМЕШКОВЪ ПРИ ПОМОЩИ ДОЩЕЧКИ.

Тамъ же.

Собирается нѣсколько мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ отыскиваетъ камень небольшихъ размѣровъ, другой-же кладетъ на него крѣпкую, бѣльшую частію, дубовую дощечку такъ, что-бы середина ея лежала на камнѣ, а одинъ конецъ упирался въ землю. На этотъ конецъ кладутъ камешекъ, послѣ чего одинъ изъ мальчиковъ, болѣе сильный, беретъ колъ и изо всей силы ударяетъ имъ по верхнему концу дощечки. Камень моментально срывается и взлетаетъ вверхъ и притомъ съ такою быстротою, что мальчикамъ не всегда удается и видѣть его. Зато сколько радости, сколько восторга, когда они увидятъ обратное паденіе камешка.

23.

ЛАСОЧКА — ВОСОЧКА.

Тамъ же.

Одна изъ двухъ дѣвочекъ засучиваетъ рукавъ своей сорочки выше локтя. Вторая-же, подойдя къ ней, начинаетъ нѣжно-легонько, чуть дотрагиваясь, водить мизинцемъ своей руки вдоль руки подруги и причитываетъ:

«Ласочка-басочка,

«Гдѣ была?»

—На полу.

«А гдѣ полъ?»

—У Бога.

«Что робила?»

—Кросна ткала.

«Что заткала?»

—Кусокъ сала.

«А гдѣ сало?»

—Кошка украла.

«А гдѣ кошка?»

—Водою залита.

«А гдѣ вода?»

—Волю попили.

«А гдѣ волю?»

—Доўбнями позабивали.

«А гдѣ доўбни?»

—Черви поточили.

и т. д.

Отъ легкаго движенія пальца по кожѣ руки происходитъ зудъ или щекотаніе. Вслѣдствіе этого часто случается, что дѣвушка, не дождавшись конца причитыванія, отдергиваетъ свою руку отъ пальца подруги. Тогда послѣдняя требуетъ подать руку и продолжаетъ водить пальцемъ опять вдоль руки подруги, но только причитаніе не продолжаетъ отъ прерваннаго мѣста, а начинаетъ сначала. Такъ продолжается игра до тѣхъ поръ, пока подруга, водящая по рукѣ пальцемъ, не окончитъ причитанія. Когда-же кончить, подруги мѣняются ролями.

24.

Въ корогодѣ.

Тамъ же.

Собирается нѣсколько дѣвушекъ на ровное мѣсто, а иногда просто на дорогу близъ дома одной изъ находящихся тутъ-же дѣвушекъ. Берутся за руки и начинаютъ вертѣться, припѣвая хоромъ слѣдующую пѣсню:

Семь дзѣнь молочила,
Шастокъ заробила,
Сама сабѣ говорила:
Што такъ мало заробила?
За што мяне мужикъ бьешъ,
За якія вчинки?
Ци я табѣ не напрала
За годъ три починки?

Одзинъ прала по Рожествѣ,
 Другой до Николы,
 А и трецій почала,
 Будзе до Покрова.

Всѣ 8 зап. учен. Виленск. учит. института Остаповичемъ.

25.

ЯЩЕРЪ.

Минск. губ., Борис. у.

Эта игра (гульня) исполняется исключительно лѣтомъ, когда на лугахъ много цвѣтовъ. Я видѣлъ эту игру въ дѣтствѣ. Не знаю почему взрослые въ послѣднее время перестали ею развлекаться, такъ что она перешла въ разрядъ дѣтскихъ игръ, каковы на примѣръ «рѣдька», «кулюкушки», «коршунъ» и пр. Вслѣдствіе этого характеръ самой игры значительно измѣнился, измѣнились и относящіяся къ ней пѣсни. Напѣвы этихъ пѣсенъ были, сколько я помню, очень мелодичны и разнообразны, также и складъ ихъ отличался правильностью размѣра. Лѣтъ 7 тому назадъ я видѣлъ, какъ играли въ «ящера», усаживали его на «услончику», т. е. табуреткѣ, или даже на кочкѣ. Дѣвочки надѣвали на головы вѣнки изъ цвѣтовъ и брались за руки съ мальчиками, составляя такимъ образомъ кругъ около «ящера». «Коло» начинаютъ кружиться и пѣть:

Сядзи, сядзи, ящаръ, —
 Лада, ладу,
 Лада, ладу,

(Припѣвъ въ такомъ порядкѣ повторяется послѣ каждого стиха).

Въ орѣховомъ кусьцѣ,
 Орѣшочки луща.
 Бяри сабѣ панну,
 Которую хочешь, —
 Панну Марильку
 За бѣлую ручку,
 За русую коску,

За малую ножку,
За золота персьцень.

Ящерь набрасываетъ платокъ на указанную въ пѣснѣ дѣвочку и начинаетъ съ нею кружиться подъ пѣсни «Коло». (Я ихъ не запомнилъ. Потомъ дѣвочка съ поцѣлуемъ отдаетъ «ящеру» свой вѣнокъ. Тоже повторяется и съ другими дѣвочками. За тѣмъ первая дѣвочка выходитъ въ кругъ, начинаетъ кланяться «ящеру» и пѣтъ вмѣстѣ съ остальными:

Пане ящеру, панѣчикъ!
Отдай жешь мой вяночикъ!
Зиму — лѣто ходзила,
Ручки ножки зцирала,
По красыцы збирала,
Ў вяночикъ звивала.

Ящерь требуетъ выкупа, которымъ въ большинствѣ случаевъ служить поцѣлуй. Получивъ вѣнокъ, дѣвочка пляшетъ и поетъ:

Я свой вѣнчикъ выпросила,
Я свой вѣнчикъ выплакала,
Я свой вѣнчикъ выенчила,
Я свой вѣнчикъ выплясала.

Точно также разбираются всѣ вѣнки. Затѣмъ «ящерь» избирается новый.

Сообщ. А. Ег. Богдановичемъ.

25.

Въ короля.

Гродненск. губ., Слонимскаго уѣзда, м. Косово.

Передъ игрою мальчики собираютъ цѣлую горсть мелкихъ камешковъ. Каждый изъ играющихъ выбираетъ себѣ красивѣйшій камешекъ, который называется «королемъ». Затѣмъ они условливаются, кто будетъ ловить «пару (четное число камней)

и «лишку» (нечетное число). Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій начинается игра. Одинъ изъ мальчиковъ беретъ всѣ камни въ руку и подбрасываетъ вверхъ; въ тотъ мигъ, когда камни находятся въ воздухѣ, онъ переворачиваетъ руку ладонью внизъ и ловить ихъ верхнею стороною руки; затѣмъ снова подбрасываетъ и переворачиваетъ обратно руку, причемъ старается поймать «пару» или «лишку», смотря по условію. Затѣмъ камни передаются по очерѣдно другимъ дѣтямъ. Цѣль игры заключается въ томъ, чтобы поймать побольше камней, при чемъ каждый «король» при счетѣ дѣлится въ шесть камней. Тотъ, кто больше поймалъ ихъ, имѣетъ право первымъ начать игру въ слѣдующій разъ. Участвующихъ въ игрѣ бываетъ отъ двухъ до пяти чело-
вѣкъ.

26.

Пѣнки.

Тамъ же.

Игра въ пѣнки или перегонку заключается въ томъ, что одинъ мальчикъ убѣгаетъ, а другой старается поймать его.

Передъ игрою дѣти выбираютъ изъ среды своей одного быть «маткою». Матка садится гдѣ нибудь на камнѣ, а ей на колѣни играющіе дѣти кладутъ по указательному пальцу. Матка, перечисляя положенные пальцы, приговариваетъ:

Пѣнки, пинки!

Людоеѣнки!

Гомъ клясъ

Купарвасъ

Ото зѣенць,

Далѣй пясъ.

Или:

Сѣдзи зѣенць

На припѣчку,

Муви папежь ¹⁾

¹⁾ Молитву.

По нѣмецку.
 Гомъ клясъ
 Купарвась, ,
 Ото заенць
 Дáлей пясъ.

Тотъ мальчикъ, котораго matka назвала зайцемъ, стремглавъ убѣгаетъ, — другой-же, кому придется быть «псомъ», догоняетъ его. Если собака не поймаетъ зайца, то, когда оба мальчика вернутся, matka обращается къ нему съ вопросомъ:

«Гдзѣ быў?»

— За горами.

«Що бачыў?»

— Воўка съ пазурами.

«А зловіу?»

— Не.

За это онъ получаетъ *лапу*. Если заяцъ не убѣжить, то къ нему такъ-же обращается matka съ вопросомъ:

«Гдзѣ быў?»

— За горами.

«Що бачыў?»

— Собаку съ *пазурами* ¹⁾.

«А уцѣкъ?»

— Не.

За что тоже получаетъ *лапу*.

27.

Гу́лачка ²⁾.

Тамъ же.

Для этой игры выбирается ровное мѣсто. Двое изъ дѣтей, по условію, становятся на колѣни на разстояніи двухъ шаговъ

¹⁾ Съ польск. *razig* — коготь, кость.

²⁾ Т. е. улочка (небольшая улица).

другъ отъ друга. Остальные же становятся въ рядъ и поочередно бѣгутъ одинъ за другимъ между ними. Стоящія же на колѣняхъ стараются поймать кого нибудь изъ бѣгущихъ. Пойманный мальчикъ замѣняетъ стоявшаго на колѣняхъ. Игра эта бываетъ почти всегда весьма оживлена.

Всѣ 3 зап. учен. Виленск. учит. института Г. Юревичъ.

28.

ГЛАДЫШКИ ¹⁾).

Минск. губ., Рѣчицкаго уѣзда, Дудичской волости, села Якимовичи.

Толпа дѣтей обоего пола, собравшаяся для игры, избираетъ предварительно изъ своей среды одного мальчика котомъ, а дѣвочку хозяйкой, и затѣмъ всѣ остальные садятся на землю въ круговую, изображая собою *гладышки*. Хозяйка обходитъ всѣхъ сидящихъ, ровняетъ ихъ, если кто сидитъ неправильно, потомъ беретъ у каждого изъ нихъ платокъ и прикрываетъ головы, это значить она накрываетъ гладышки; котъ въ это время находится гдѣ либо въ потаённомъ мѣстѣ и зорко слѣдитъ — когда отойдетъ отъ гладышекъ хозяйка. — А она, накрывши гладышки, отходитъ отъ нихъ въ сторону, стараясь показать видъ, что уже не смотритъ за гладышками. Котъ, пользуясь видимымъ невниманіемъ хозяйки, выбѣгаетъ изъ потаённаго мѣста и оборачиваетъ гладышки съ мяуканіемъ. Хозяйка, замѣтивши это, съ беспокойствомъ бѣжитъ къ гладышкамъ и со словами: «штобъ ты здохъ, проклятая тварь, чаму на тебе дохлипа не вайдзе» прогоняетъ кота. Гладышки тоже вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и начинаютъ преслѣдовать кота до тѣхъ поръ, пока не поймутъ его, а поймавши — всѣ стараются ущипнуть его по разу со словами: «вотъ табе молоко! Ы чужое просо не суй носа».

Зап. сельск. учит. Н. Гр. Яцко.

---

¹⁾ Горшечки.

29.

Гуси.

Той же губерніи, Новогрудскаго уѣзда, Негинвической волости, деревни Авдѣвичи.

Участвующіе въ игрѣ избираютъ изъ среды себя двухъ, по возможности, равносильныхъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ изображаетъ собой волка, другой гусака. Всѣ остальные мальчики и дѣвочки называются гусями, откуда происходитъ и самое названіе игры. Цѣль волка заключается въ томъ, чтобы передавить гусей; цѣль гусака — не допустить его до исполненія своего желанія.

Гуси, вставъ одинъ за другимъ и образовавъ такимъ образомъ изъ себя длинный рядъ, прячутся за гусака. Волкъ, въ ожиданіи схватить гуся, копаетъ ямочку. Начинаются переговоры между волкомъ и гусакомъ».

«Что ты дѣлаешь?»

— Ямочку копаю.

«Зачѣмъ она?»

— Гусей ловить и прятать.

«Какихъ гусей?»

— Что у тебя за плечами.

«За что?»

— Въ моемъ огородѣ овёсъ поѣли.

«Загороди!»

При этомъ волкъ съ крикомъ заявляетъ: «я ѣсть хочу» и бросается на гусей; но встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны гусака. Происходитъ борьба. Побѣдителемъ всегда является тотъ, кто сильнѣе физически и въ комъ развита больше ловкость. Если всѣ попытки волка схватить гуся останутся безуспѣшными, то гусакъ, какъ побѣдитель, предоставляетъ право своимъ гусямъ «щипать волка». Если желаніе волка увѣнчается успѣхомъ, причемъ необходимо, что бы всѣ гуси были схвачены имъ, то той же участи подвергается и гусакъ.

Зап. учен. Вилен. учит. института.

30.

а) ВЪ ВОЛКИ И ОВЦЫ.

Той же губ., Рѣчицк. у., с. Якимовичи.

Собирается по возможности большая толпа дѣтей обоого пола. Они изъ своей среды избираютъ одного въ пастуха, а другого въ волка, остальные представляютъ собою овецъ и собакъ. Затѣмъ играющій роль волка выходитъ и прячется куда-либо, выжидая тамъ время, когда пастухъ будетъ гнать въ поле своихъ овецъ. И лишь только замѣтитъ, что онѣ уже довольно близко, онъ выскакиваетъ изъ своего потайнаго мѣста, бросается ихъ ловить и пойманную овечку старается потащить къ себѣ. Тогда пастухъ начинаетъ кричать на волка: «Ага, ага! цюцьки, бяріце его!» При этихъ словахъ собаки, сопровождающіе пастуха сзади, бросаются съ лаемъ къ волку и начинаютъ его хватать зубами. Тогда волкъ оставляетъ овцу и пускается бѣжать, а собаки за нимъ и преслѣдуютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не спрячется гдѣ-либо.

Зап. учит. народа. училищъ Н. Яцко.

31.

б) ОВЕЧКА.

Могил. губ., Сѣвинск. у., с. Игрушка.

Играющіе избираютъ одного въ волка, другого въ хозяина; остальные, представляющіе овечекъ, садятся въ кружокъ на землю. Хозяинъ ходитъ около нихъ, приговаривая:

Иду за горой,
Воукъ за мной!

или:

Пасу, пасу до вѣчера,
А гнать домой нѣчего. —

И съ этими словами онъ дѣлаетъ движеніе, будто собирается домой, но въ это время волкъ хватается овечку и уноситъ ее по-

одалъ. Хозяинъ скоро однако возвращается и, замѣтивъ, что одной овечки не достасть, говоритъ: «Бѣлинькой или рябинькой нима?» Не получая отвѣта, онъ опять обходитъ кругомъ своихъ овечекъ съ тѣмъ же приговоромъ и уходитъ домой, а за нимъ вслѣдъ является опять волкъ и снова похищаетъ овечку — что и продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не ператащитъ всѣхъ овецъ. Тогда хозяинъ съ палкой въ рукахъ начинаетъ искать овечь, попадаетъ на ихъ слѣдъ и, указывая палкой на лѣво, говоритъ: «бараньи слѣдъ!» а на право: «воуъчи!» и такимъ образомъ добравшись до волка, спрашиваетъ его: «Воуъкъ, Воуъкъ! ти ня видзіу моихъ овечекъ?»

—Якія яны?

«Бѣлинькія».

—Побѣгли по бѣленькой дорожкѣ.

Овцы при этихъ словахъ хлопаютъ (плещутъ) въ ладоши.

«Што гэта у тебе плещиць?»

—Бабы платятъ пяручъ.

«Дай мнѣ рубашку».

—Уси утопилися въ водѣ.

Хозяинъ уходитъ опять и вскорѣ возвращается и повторяетъ свой розыскъ тѣмъ-же способомъ, т. е. указывая на лѣво, говоритъ: «бараньи слѣдъ!» — на право: «воуъчи!» Но разговоръ его съ волкомъ нѣсколько уже иной:

«Якія яны были?»

—Черненькія.

«Побѣгли по чернинькой дорожки».

Овцы опять плещутъ въ ладони.

«Што гэта у тебе плещиць?»

—Варъ грѣтца.

«Дай мнѣ руки помыць».

—Разліўся.

Затѣмъ, когда хозяинъ снова возвращается, то между нимъ и волкомъ происходитъ слѣдующій разговоръ:

Х. «Воуъкъ, воуъкъ! ти ня видзіу моихъ овечекъ?»

В. — Якія яны?

Х. «Синія».

В. — Побѣгли дорожкой свинькой». При этихъ словахъ раздается стукъ ногами.

«Што гэта у тебе?»

— Кони на стайни.

«Дай мнѣ коня!»

— Воўкъ ўсѣхъ поѣў.

Наконецъ когда хозяинъ является въ послѣдній разъ и отыскивая пропавшую овечку, говоритъ: «воуччи слѣдъ, бараньни», то всѣ овцы заблеютъ». Хозяинъ и спрашиваетъ:

«Што гэта у тебе бляецъ?»

— Овечки.

«Покажи!»

Волкъ показываетъ овецъ, хозяинъ узнаетъ своихъ; онъ прогоняетъ волка и угоняетъ свое стадо. Но волкъ старается забрать и задушить хоть одну овечку, что ему разумѣется, не удается. Тѣмъ игра и кончается.

Зап. учит. народн. училища, г. Свицерскимъ.

32.

ВЪ ПЕКЛО (адъ).

Минской губерніи, Рѣчицкаго уѣзда, м. Бразинъ.

Вокругъ заранѣе выкопанной ямы, имѣющей около полутора аршина ширины и до аршина глубины, садятся дѣти, спустивъ въ неё ноги, и начинаютъ безсвязно кричать, подражая крику евреевъ въ синагогѣ; въ это-же время одинъ изъ мальчиковъ, болѣе сильный, съ выпачканнымъ сажей лицомъ, исполняющій роль дьявола, появляется изъ будки, скрывающей его отъ глазъ играющихъ дѣтей, хватаетъ одного мальчика и уводитъ его къ себѣ въ будку, которая называется «пекломъ». Уведенный мальчикъ теряетъ право быть участникомъ игры.

Зап. учен. Виленск. учительск. института Вик. Бохоновъ.

33.

АНИОЛЬ.

Гродненской губ., Слонимскаго уѣзда, м. Косово.

Двое изъ играющихъ тайно сговариваются, причемъ одинъ называется «аніоломъ», другой «чортомъ». Замѣчательно то, что при этомъ сговариваніи дѣти чуть не подерутся, такъ какъ каждый хочетъ быть «аніоломъ». Но вотъ они въ тихомолку уладили между собою. Одинъ изъ нихъ—чортъ, другой—аніоль, но кто именно—неизвѣстно. Остальные дѣти берутся сзати другъ за друга и проходятъ между «аніоломъ» и «чортомъ». Два раза мальчики проходятъ свободно, потому что «аніоль» или «чортъ» говоритъ въ это время: «Перши разъ пшепуцѣно, други разъ даровано». Когда-же всѣ мальчики проходятъ третій разъ, то при словахъ: «за трецимъ разомъ за лобъ брано», останавливаютъ задняго и спрашиваютъ къ кому онъ хочетъ идти. Каждый мальчикъ норовитъ идти къ «аніолу». Когда всѣ мальчики будутъ остановлены, то объявляется, кто былъ чортомъ. Тогда дѣти, которыя пристали къ аніолу съ крикомъ «Ашиля у болота», бросаются за приставшими къ чорту.

34.

НЕБО.

Тамъ же.

Для этой игры выбирается мѣсто около какого нибудь строенія. Здѣсь палочкою обозначается на пескѣ полукругъ. Мѣсто въ чертѣ этого полукруга называется «небомъ». Передъ началомъ игры выбирается «анѣль» и «чортъ», который иначе называется «Джинджилаемъ». Остальные дѣти садятся въ рядъ. Каждому играющему «анѣль» даетъ названіе какой нибудь птицы. Послѣ этого «анѣль» становится на чертѣ полукруга, и къ нему подходитъ чортъ, стучитъ кулакомъ въ плечи и говорить:

«Стукъ, стукъ»!

—А хто тамъ?

«Джинджилай.

— Чего потшебуешь?

«Птаства»!

— Якéго?

«Сороку! (или другую какую нибудь). Если вызванной птицы нѣтъ, то «анёлъ» отвѣчаетъ: «нимá». Если же есть, то вызванная птица убѣгаетъ, чортъ-же старается поймать ее. Птицы, пойманныя «чортомъ», принадлежать ему, непоиманныя принадлежать «анёлу». Каждая вызванная птица не участвуетъ до конца игры, т. е. до тѣхъ поръ, пока всѣ будутъ вызваны. Собственно же игра оканчивается слѣдующимъ образомъ: Дѣти, принадлежащія чорту, берутся сзади за него, а принадлежащія аніолу точно также берутся за него. Затѣмъ между «аніоломъ» и «чортомъ» кладется нѣсколько полѣньевъ, которыя означаютъ «огонь». Черезъ этотъ «огонь» «анёлъ» съ «чортомъ», при помощи остальныхъ дѣтей стараются перетянуть другъ друга. Если «аніолъ» перетянетъ, то за «чортомъ» всѣ гонятся съ гикомъ, а если «чортъ» перетянетъ, то всѣ дѣти бросаются на «аніола», зачѣмъ онъ допустилъ ихъ до этого; при этомъ, понятно, мальчики норовятъ всегда такъ, чтобы перевѣсъ былъ на сторонѣ «аніола».

Объ зап. учен. Виленск. учит. института Г. Юревичъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ОВРЯДЫ И ОВЫЧАИ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ; ЧАРОДѢЙ-
СТВО, КОЛДОВСТВО, ЗНАХАРСТВО, ВѢДМАРСТВО, ЛѢЧЕ-
НІЕ ВОЛѢЗНИ, СРЕДСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ НАПАСТЕЙ,
ПОВѢРЬЯ, СУЕВѢРІЯ, ПРИМѢТЫ И Т. П.

Обряды и обычаи земледѣльческіе ¹⁾).

Предъ началомъ главныхъ полевыхъ работъ во многихъ мѣстахъ Гродн. губерніи стараются узнать, какого святого память празднуется въ тотъ день, въ который предполагаются начать работы: преподобнаго, или апостола, или пророка, или мученика и пр.? А когда празднуется память св. мученика, не начинаютъ работы, чтобы таковая не была мучительна ²⁾).

Въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губерніи тотъ день, въ который начинаютъ пахать поле, копать гряды въ огородѣ, или производить посѣвъ, никто не выдастъ и не одолжитъ изъ дому своему сосѣду, или кому бы ни было, никакой вещи, даже не позволить изъ своего дома позаимствовать огня, въ томъ убѣжденіи, что въ первомъ случаѣ его нива или огородъ останется безурожайнымъ, а въ последнемъ пострадаютъ отъ засухи. Это же самое соблюдается и въ тотъ день, въ который случится приплодъ между скотомъ, въ томъ убѣжденіи, что отъ подобныхъ причинъ коровы перестанутъ быть молочными ³⁾).

---

¹⁾ На предлагаемыя здѣсь данныя изъ земледѣльческаго быта бѣлорусовъ должно смотрѣть какъ только на дополненіе къ тѣмъ, которыя мнѣ удалось собрать и напечатать въ прежнихъ моихъ сборникахъ по бѣлорусской этнографіи: а) Бѣлорусскія народныя пѣсни изд. И. Р. Географ. Общ. въ 1878 г. стр. 177 и б) «Матеріалы для изученія быта и языка русск. насел. с.-з. края», т. I, ч. I, стр. 237—240 и 268—270. — ²⁾ Изъ записи И. О. Карскаго. — ³⁾ Изъ ст. св. Ѳ. Чистякова: О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Аздомичскаго прихода. Минск. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 20, ч. неофиц., стр. 438.

Никто не станетъ начинать пахать свое поле въ новолуніе, или въ тотъ день недѣли, въ который въ томъ году былъ праздникъ Срѣтенія Господня, а особенно производить въ эти дни посѣвъ, такъ какъ по существующему убѣжденію, отъ такой причины можетъ навсегда испортиться его нива ¹⁾.

Въ Любавич. волости Мстиславск. у. (Могил. губ.), приступая къ пахотѣ, крестьянинъ выводитъ свою лошадь въ поле, гдѣ онъ ее запрягаетъ въ соху, и прежде, чѣмъ начнетъ пахать, катаетъ по ней куриное яйцо, заранѣе сваренное хозяйкою, приговаривая: «будь мой конь такъ гладокъ и пѣвинъ, якъ ето яйцо». Затѣмъ онъ это яйцо отдаетъ первому попавшемуся ему на встрѣчу нищему, чтобы онъ помолился за здоровье лошади ²⁾.

Въ той же волости, въ день Спасскихъ заговень, 31 іюля, въ каждомъ домѣ варятъ для хозяина по одному куриному яйцу, посредствомъ котораго они рѣшаютъ вопросъ: «кому первому изъ домохозяевъ деревни засѣвать къ будущему году рожь? Хозяева землевладѣльцы собираются вечеромъ того-же дня въ одно мѣсто и тамъ, сложивши яйца въ одну шапку, выбираютъ ихъ оттуда тоже по одному; разбираютъ и смотрятъ: чье яйцо полнѣе, тому первому и начинать въ деревнѣ сѣять рожь, предполагая, что отъ такого рода почина вполнѣ зависитъ урожай въ будущемъ году.

Засѣвальщикъ при началѣ сѣва непременно долженъ, помолясь Богу, бросить зерна три раза обѣими руками на крестъ ³⁾.

Въ уѣздахъ Бѣльскомъ, Порѣч. и Духовщинскомъ (Смоленск. губ.), рожь сѣютъ во время поста, начиная съ 6-го августа, такимъ порядкомъ: ссыпаютъ въ общую сѣвалку часть того количества ржи, которое каждый хозяинъ назначилъ на посѣвъ и въ день Преображенія Господня приносятъ въ церковь и просятъ священника отслужить молебенъ. Послѣ обѣдни священникъ обходитъ всѣ поля, окропляетъ ихъ святой водой и по

¹⁾ Оттуда-же, стр. 439.

²⁾ Зап. волости. писаремъ.

³⁾ Изъ записи волости. писаря Апалича.

окончаніи обхода беретъ горсть ржи и дѣлаетъ зачинъ посѣва. Затѣмъ онъ въ сопровожденіи хозяевъ, отправляется въ домъ одного изъ нихъ, гдѣ заранѣе приготовленъ братскій обѣдъ изъ припасовъ всѣхъ хозяевъ.

По окончаніи сѣва ржи пекутъ блины, и справляютъ запашки, зарѣзываютъ телянка, запасаются водкой и устраиваютъ общій пиръ.

Надо замѣтить, что при обработываніи земли, на которой думаютъ сѣять рожь, въ пятницу никакъ не станутъ пахать; сѣвалку же, изъ которой сѣяли, не берутъ послѣ ни для какого другого употребленія ¹⁾.

Во многихъ мѣстахъ Витебской губ. рожь стараются сѣять при полночныхъ вѣтрахъ. Чтобы привлечь урожай на свое поле— нужно сѣять послѣ сосѣдей. Тогда у того, кому удалось это сдѣлать, будетъ отличный урожай, а у сосѣда все пропадетъ. Поэтому крестьяне, если хотятъ быть на хорошемъ счету у сосѣдей, то выходятъ на посѣвъ всѣ въ одно время ²⁾.

Каждый сѣятель, будетъ ли это самъ хозяинъ, или же его работникъ, долженъ стараться о томъ, чтобы не сдѣлать на полосѣ *плыши* (огрѣха). Въ противномъ случаѣ неизбежная смерть грозитъ всѣмъ тѣмъ, кто только имѣетъ въ хозяйственномъ отношеніи какую нибудь прикосновенность къ засѣянной нивѣ, и прежде всего разумѣется самому сѣятелю ³⁾.

Если сѣютъ изъ двухъ мѣшковъ и въ каждомъ изъ нихъ остается по нѣсколько зеренъ, то, ни подъ какимъ видомъ, нельзя ссыпать ихъ вмѣстѣ, иначе хлѣбъ уродится такъ, «што только изъ мѣшка въ мѣшокъ перегонишь», т. е. что на полѣ нельзя ничего изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпать ⁴⁾.

Посѣвъ ярового (въ названныхъ выше уѣздахъ, Смол. губ.) совершается слѣдующимъ образомъ: берутъ ту просфору, кото-

---

¹⁾ Изъ записи учителя народн. училища Ив. Шермера. Сообщ. В. И. Безперчемъ. — ²⁾ Сообщ. А. Фр. Лисовской. — ³⁾ Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ. — ⁴⁾ Изъ сообщеній А. Ф. Лисовской.

рую въ день Благовѣщенія получили въ церкви отъ священника, и привязываютъ къ сѣвалкѣ и такимъ образомъ сѣютъ.

Овесъ сѣютъ, когда заиграетъ *медетдохъ*, ячмень — когда цвѣтетъ калина; ленъ — послѣ овса, или одновременно съ нимъ; горохъ — прежде всего ярового. Затѣмъ сѣютъ конопли, при чемъ нельзя переступить черезъ изгородь, иначе сѣмя будто пропадетъ. Гречиху сѣютъ послѣ всего ¹⁾.

Ленъ сѣютъ въ Витебской губ. на Константина и Елену. Въ полѣ, засѣянномъ льномъ ставятъ березки, закругленные *отшечкой* къ верху, для того, чтобы предохранить его отъ *ржи* (ржавчины). При посѣвѣ льна катаются нагишомъ по землѣ, на которой онъ стлаться будетъ — для того, чтобы онъ выросъ длиннымъ и волокнистымъ.

Горохъ не сѣютъ въ тѣ дни недѣли, въ названіи которыхъ есть звукъ *р*, — чтобы его не ѣли черви.

Капусту сѣютъ въ Чистый четвергъ и въ Страстную субботу.

Въ этотъ же день перебираютъ лукъ для посѣва.

Коноплю сѣютъ, когда спятъ свиньи. Если же черезъ двѣ недѣли послѣ посѣва конопля не взойдетъ, то изъ нея выгоняютъ *утыр* (упорство) розгами.

Картофель сѣютъ въ Духовскую субботу и на полнолуны ²⁾.

Въ Гродн. губ. пока мѣсяцъ стоитъ на горизонтѣ и въ особенности свѣтитъ, нельзя садить свеклу, морковь и пр. корнеплодные растенія для полученія сѣмянъ, потому что они будутъ цвѣсти все лѣто.

За два дня до Юрья и два дня послѣ него нельзя сѣять картофеля, иначе предстоящее лѣто будетъ грязное.

Когда садятъ рѣдку нельзя браться за колъ въ изгороди или вообще за какую-нибудь воткнутую въ землю палку, иначе рѣдка пойдетъ въ стволъ, т. е. дастъ сѣмена, а не плодъ.

Тотъ горохъ, который назначается для посѣва, старательно оберегается въ день посѣва отъ ребятишекъ и другихъ охотни-

---

¹⁾ Изъ записи учит. г. Шермера — ²⁾ Изъ записи А. Фр. Лисовской.

ковъ поѣсть сырого гороху, для того, чтобы на него не напали черви, когда онъ пойдетъ въ стручекъ.

Когда сажаютъ капусту, то непременно слѣдуетъ взяться сперва за голову и сжать ее обѣими руками, а потомъ сдѣлать тоже самое съ закругленнымъ камнемъ. Въ первомъ случаѣ капуста выражается желаніе, чтобы она выросла большою и круглою, а во второмъ, — чтобы слои ея листьевъ были плотными.

Въ то время, когда сажаютъ лукъ, стараются ничего не ѣсть, чтобы лукъ не былъ горекъ.

Когда луна свѣтитъ, нельзя садить огурцовъ, потому что будутъ давать пустоцвѣтъ ¹⁾.

ЗАЛОМЪ (ЗАВИТКИ, ЗАКРУТА).

Изъ повѣрій, относящихся къ кругу земледѣльческихъ работъ выдается въ особенности повѣрье о заломѣ. Заламываніе заломовъ считается самымъ опаснымъ проявленіемъ силы колдовства. Оно состоитъ въ завязываніи узловъ во ржи и сопровождается соотвѣтствующимъ заговоромъ, въ которомъ говорится на чью голову заломъ ломается, какія страданія тотъ человѣкъ имѣетъ претерпѣть и какою смертію долженъ умереть. Заломы ломаются на людей и на домашнихъ животныхъ, на болѣзнь и смерть. И если жницы во время уборки хлѣба находятъ завитки и завязки ржи, то не прикасаются къ нимъ, а осторожно обжинаютъ вокругъ, изъ опасенія, чтобы не исполнился тотъ заговоръ, который произнесенъ былъ при заламываніи залома. Только искусный знахарь или знахарка, посредствомъ «встрѣчныхъ» заговоровъ, могутъ уничтожить чародѣйную силу залома, и такимъ образомъ предотвратить ту страшную опасность, которая грозила тѣмъ лицамъ, на живнѣ которыхъ заломанъ былъ заломъ.

Священникъ с. Петрокова (Мозырск. у. Минск. губ.) отецъ Д. Пашика объ этомъ колдовствѣ говоритъ слѣдующее: «Весьма развито повѣрье въ такъ называемыя завитки, находимыя крестьянами на своихъ поляхъ, преимущественно засѣянныхъ

¹⁾ Изъ записи И. О. Карскаго.

рожью. Завитки состоятъ въ томъ, что нѣсколько стеблей ржи, взятыхъ вмѣстѣ хитро перепутываются и это будто бы дѣлается злымъ человѣкомъ, съ цѣлію нанести вредъ въ хозяйствѣ ненавистнаго ему человѣка и лишить его благополучія, такъ какъ по мнѣнію простолюдиновъ, кто сожнетъ завитку, долженъ непременно заботѣть или же и умереть, а скотина, сѣвшая соломѣ отъ завитки, должна околѣть. Что завитки дѣйствительно находятъ на поляхъ — это всякому извѣстно и что онѣ приносятъ своего рода вредъ — тоже вѣрно. Только причиняемое завиткою зло можно объяснить совсѣмъ просто: сердить, напр. сосѣдъ на сосѣда, — поидетъ, да и сдѣлаетъ на нивѣ своего недруга завитку безъ всякихъ при этомъ какихъ либо колдовскихъ пріемовъ и напештываній, зная только, что врагъ его непременно поѣдетъ отыскивать знахаря. Тотъ, у кого найдена завитка, дѣйствительно ѣдетъ за знахаремъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, въ рабочую пору, когда крестьянину каждый часъ дорогъ; потомъ привезеннаго знахаря нужно содержать нѣсколько дней, поить его водкою и угощать, какъ самаго дорогого гостя, а при отѣздѣ заплатить нѣсколько рублей. Все это, само собою разумѣется, сопряжено съ немалыми убытками и потерей дорогого времени и вредъ, причиненный завиткою, очевиденъ. Надо полагать, что завитки дѣлаютъ крестьяне, невѣрящіе въ значеніе ихъ и въ силу знахарей, скептики своего рода.

Изъ ст. свящ. Димитр. Пашики: «Нѣкотор. суевѣрн. обычаи и предразсудки прихожанъ М. Петракова Мозырск. уѣзда» — Минск. Епарх. Вѣд. 1880 г. №, ч. неофиц., стр. 62.

Не безынтереснымъ дополненіемъ къ предыдущему могутъ служить слѣдующія данныя изъ сообщенія волостного писаря Копаткевической волости (той же губ. и у.):

«Завиваютъ на посѣвѣ изъ растущаго хлѣба и на травѣ, въ формѣ обруча, — на смерть или болѣзнь человѣка или животнаго. Это дѣлается злымъ человѣкомъ (врагомъ¹⁾). Чтобы избавиться отъ грозящей опасности, хозяинъ нивы или сѣнокоснаго поля обращается обыкновенно къ знахарю, преимущественно изъ крестьянъ»

¹⁾ т. е. ворожбитомъ, чародѣемъ.

янь. Моя разскащица, которая сама заболѣла разъ отъ завитки, сдѣланной на полѣ ея семейства, сообщила мнѣ объ этомъ слѣдующее: знахарь, снявъ съ ея головы платокъ, положилъ его, ложась спать, себѣ подъ голову. Вставши на другой день рано утромъ, онъ разсказалъ, кто именно сдѣлалъ завитку. Затѣмъ онъ велѣлъ ей принести воды въ бутылкѣ и молиться передъ образами, держа ее въ рукахъ и все *иная* *въ* *нее*. Потомъ изъ этой бутылки онъ далъ ей выпить нѣсколько воды, отъ чего она будто и выздоровѣла. Самую же завитку знахарь вырвалъ и, привязавъ къ камню, бросилъ въ воду.—Не рѣдко завитку знахари кладутъ въ гробъ покойнику. Въ первомъ случаѣ виновникъ завитки долженъ утонуть, а во второмъ умереть прежде времени естественной смертью.

Разсказъ крестьянина Витевской губ. о заломѣ.

Ну, а хтожъ заломъ дѣлаиць?

— Вѣдымно лиходзѣй... Разъ объ Пятроўки приходиць баба жъ жыта: а вохъ-ти мнѣ-нинька! у насъ ў жица заломъ! Авбіньки лиходзѣй ныкысѣўся на нашу голóвыньку!

«Ну ча рывешъ?» а сывагó якъ быццымъ по мирсѣ бирецъ... Пошоў, лядзѣ—заломъ, якъ ёсь заломъ!..... ажно жыто злыmano ў нѣсколько рядзей... Надо къ попу! А нашъ попъ ўсякіи заломы знимѣиць. Ёнъ ўсімъ чародзѣямъ такъ и стоиць, якъ рожонъ... «Такъ и такъ, кажу, ягóмысь»...

— «Знаю, знаю, братъ»! а самъ ажны скраснѣў, дыи сибѣ по горлу пальцымъ: «во йдзѣ, братъ, твой заломъ ляжйць! ўсю ночь пирыкыпаўся, винно (видно) большую силу маиць».

Пріѣхаў попъ, дай Богъ яму здороўя! питрахилъку надзѣў и святни рукавицы (поручни), а самъ якъ закричиць: «А вой-жа, ни въ мыгату мнѣ! а вой-жа смерóтынька мыя пришла... во што нячистыя сила надзѣлыў». Баба ажно пызилянѣла. Ужу, я думьно: ни сойциць зъ мѣста. Ляжў (гляжу) — попъ изъ колоды (книги) пацери (молитвы) читаиць. Али-тыки колода (книга) брыкъ! ды къ залому и пыдкацйлысь... во, коли смерць! — Не!

Ляжу: попъ руку — совъ! ды якъ грѣницца нызѣдъ — и толькѣ вѣкымы лупиць. Очунѣвъ ды и лядзѣць ны насъ. Тады — моргъ! руку опяць ды и хваць заломъ... Отлягло троху и баба лядзѣць... Лядзъ у пыпѣ рука такъ и ходзѣць, якъ ны кисялѣ, а ёнъ ўсё дзержиць. Во по троху, по троху — и ничѣго. Сморгъ — такъ ўсё съ кырнѣями и пыдняў. Праўда, пальцыў ни рѣзогнѣць, покуль-тка я ципла¹⁾ ни принесъ ды ни рысклаў ципялища; тоды толькѣ кинуў заломъ. «Ды виць, кажиць, ды питухоў рукой ни выыдаў»... «Во яно нячистая сила йкая бываецъ! али ўсе-то Божія моца пярядуживаецъ».

Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ въ 1876 г.

ЗАЖИНКИ И ДОЖИНКИ.

Въ Любавич. вол. Мстиславск. у. (Могил. губ.) при началѣ жнивы хозяйка беретъ съ собою кусокъ сала, яйцо и кусокъ хлѣба, отправляется на свою полосу, гдѣ, помолясь, начинаетъ жать. Первый сжатый снопъ беретъ она съ собою домой и ставитъ на *куцѣ*, потомъ она оббиваетъ зерна, которые и всыпаетъ въ первую сѣвалку и разсѣваетъ. Взятые съѣстные припасы жницами съѣдаются тутъ же на нивѣ. Нѣкоторые-же парни для того, чтобы лучше понравиться дѣвкамъ, зерна ржи отъ перваго снопа отвариваютъ и пьютъ въ полной увѣренности, что послѣ этого будутъ любимы дѣвками²⁾.

Въ д. Ягнещицахъ Слон. у. Гродненск. губ. когда идутъ въ первый день жать, то нажатый первый снопъ, обыкновенно небольшой, ставятъ въ сторонкѣ и вечеромъ несутъ его домой и тамъ ставятъ его на покутѣ³⁾, подъ образами.

Если въ домѣ есть невѣстка, которая еще впервые идетъ изъ этого дома жать, то на этотъ разъ она одѣвается по праздничному, беретъ съ собой на поле подарокъ аршина два, три полотна, бутылку водки и закуски. Пришедши на мѣсто, всѣ останавливаются, а невѣстка одна нажинаетъ первый снопъ, по-

¹⁾ Цяпло — огонь.

²⁾ Изъ записи волости. писаря г. Апалича.

³⁾ Въ красномъ уголку.

томъ его вяжетъ, поставить и покроетъ принесеннымъ подаркомъ. Затѣмъ она подходитъ къ свекрови (которая, если даже обыкновенно и не ходитъ жать, на этотъ разъ идетъ на поле), кланяется ей ниже пояса, проситъ благословить её и снять со снопа подарокъ. Свекровь креститъ невѣстку, говоря: «Благословляю тебе, моё дзѣцятко, здоровьемъ, счасъцемъ, долею и всѣмъ добрымъ. Кабъ даѹ Бохъ по твоей доли хлѣба, соли и ўсяго доволи». Выслушавъ это благословеніе, невѣстка поднимаетъ голову, цѣлуетъ руку свекрови, послѣ чего всѣ подходятъ къ нажатому снопу. Свекровь снимаетъ съ него подарокъ, всѣ садятся около него, выпиваютъ и закусываютъ. Если свекрови нѣтъ, то ея мѣсто заступаетъ старшая въ домѣ хозяйка. Первый снопъ стоитъ въ комнатѣ до тѣхъ поръ, пока станутъ возить въ гумно рожь. Когда привозятъ въ гумно первый возъ, хозяинъ беретъ булку хлѣба, непременно цѣльную, завертываетъ ее въ настольницу ¹⁾, кладетъ у дверей гумна, на току и черезъ нее провозитъ первый возъ ржи, для того, чтобы въ домѣ не переводился хлѣбъ и чтобы старого хлѣба всегда было достаточно, пока соберется новый. Какъ говорятъ крестьяне; «Кабъ новый хлѣбъ заўже вѣзжаѹ на старомъ». Потомъ хозяинъ беретъ крещенскую воду, освящаетъ мѣсто, назначенное имъ для кладки ржи и кладетъ туда же камень и мѣдную монету. Камень для того, чтобы мыши не ѣли ржи, а деньги для того, чтобы они не расходились съ хлѣбомъ и чтобы поддерживали въ домѣ другъ друга.

Наконецъ приносятъ изъ комнаты тотъ первый снопъ, развязываютъ его и кладутъ на сродинѣ, крестообразно. Этимъ заканчиваютъ закладку ржи, а остальную складываютъ ужъ безъ всякихъ церемоній.

— Когда рожь дожинаютъ, то въ одномъ мѣстѣ оставляютъ среди загона кустикъ лучшей ржи. Къ этому кустику собираются всѣ жнеи, сколько ихъ есть, и поютъ слѣдующую пѣсню:

Да зелень нашъ баркунъ
Надъ ўсѣми баркунами!

---

¹⁾ Скатерть

Да богатъ нашъ панъ
 Надъ ўсѣми панами!
 Посаджаў жанцѣ
 Да ў новуй камбрѣ. —
 Посаджаў раткомъ,
 Частоваў медкомъ;
 Частоваў медкомъ,
 Да виномъ зеленымъ.

Хотя эта пѣсня и небольшая, но она, какъ и всѣ жатвенныя пѣсни, поется медленно и очень растягивается, такъ что поютъ ее по крайней мѣрѣ минутъ 20, пока окончатъ всю церемонію *дожжинокъ*.

Собравшись вокругъ оставленнаго кустика, жнеи поютъ означенную пѣсню и тщательно полютъ этотъ кустъ, чтобы въ немъ не осталось никакой сорной травы. Потомъ вокругъ его обкладываютъ небольшими камешками, а въ срединѣ кладутъ камень побольше (столъ) и на немъ кусочекъ хлѣба и соль, а нѣкоторые еще поливаютъ это мѣсто водой. Этотъ кустикъ нужно срѣзать за одинъ разъ, не дотрогиваясь ржи, голою рукою. Для этого, избранная всей кампаніей жнея, покрываетъ свою руку платкомъ и такъ срѣзываетъ. Эту горсть ржи кладутъ въ самый большой, уже раньше къ этому приготовленный, снопъ; въ немъ заплетаютъ колосья, какъ говорятъ, въ «косу»; а потомъ изъ этого же снопа вытягиваютъ большіе колосья и изъ нихъ вяжутъ вѣнокъ. Вѣнокъ этотъ возлагаютъ на голову избранницъ и такъ несутъ его къ хозяину.

Положенный на камень хлѣбъ, оставляютъ на полѣ, въ залогъ будущаго урожая. Идя домой, жнеи поютъ разныя жатвенныя пѣсни, а когда приходятъ въ имѣніе, около воротъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Выйдзи, пане, за ворота,
 Прими вѣнокъ изъ злота!
 Не изъ золота вѣнокъ виты,
 Да изъ буйнаго жита.

Хозяинъ выходитъ на встрѣчу къ пѣвицамъ, снимаетъ съ головы первой пѣвицы вѣнокъ и даетъ ей деньги отъ 50 коп. и до нѣсколькихъ рублей, смотря по благосостоянію хозяина. По снятіи вѣнка жнеи опять поютъ первую пѣсню, а потомъ уже поютъ слѣдующую:

Наша пани добра, добра,
 Да забила бобра, бобра.
 На три кухни готовала,
 На три стола выдавала,
 Трои госьци частовала:
 Першіе госьци — ратайчики,
 Другіе госьци, то кошчики,
 Трепіе госьцики, то жѣнчики.
 Посажали радкомъ,
 Частовали медкомъ.
 Да ў новенькой комóри,
 Да велѣли погуляци.
 А нашъ панъ молодзеньки
 Пье медъ солóдзеньки,
 А яго дзѣтки да зеленое вино,
 Молодые женчики да горку горелицу.

На дожинкахъ крестьяне помогаютъ своимъ односельчанамъ не за плату, а за угощеніе, вечеромъ устраиваютъ баликъ: приносятъ водку, пекутъ и варятъ, какъ говорятъ: «якъ на дзѣдэ».

Зап. учител. Деревенскаго народн. училища А. Несторукъ.

Въ Копотковичской волости Мозырскаго уѣзда жнейка, зажавши рожъ въ три пріема, срѣзываетъ лѣвой рукой одинъ стебель и затыкаетъ его къ себѣ подъ поясъ, для того, чтобы не болѣла спина, а гнулась бы такъ, какъ стебель. Остальные стебли она кладетъ крестообразно, чѣмъ выражается благодарность Богу и вѣра въ предохранительную силу креста противъ похищенія злыми людьми *спора*. (Изъ зап. волостн. писаря).

Устройство стоговъ въ селѣ Житлинѣ (Слонимскаго у., Гродненск. губ.).

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ за гумнами, поотдаля отъ построекъ, тянутся въ рядъ «стоги». Это — скирды разнаго хлѣба въ снопахъ. Въ другихъ уѣздахъ Гродненской губерніи этого не наблюдается, да и въ Слонимскомъ уѣздѣ не во всякомъ мѣстѣ ихъ можно встрѣтить. Въ Минской губерніи они также встрѣчаются, напр., въ Пинскомъ уѣздѣ. Вообще, они составляютъ принадлежность лѣсистыхъ мѣстностей, изобилующихъ множествомъ породъ всеистребляющихъ мышей и крысъ, и служатъ для сохраненія хлѣба отъ этихъ грызуновъ въ случаѣ, если онъ не можетъ быть скоро вымолоченъ. Стоги хлѣба устраиваются слѣдующимъ образомъ: на разстояніи 3-хъ аршинъ другъ отъ друга, подъ прямымъ угломъ, закапываются въ землю 4 дубовыхъ столбика, такъ чтобы верхняя часть ихъ выдавалась надъ землею не болѣе аршина. Эту часть столбиковъ тщательно и гладко соскабливаютъ, чтобы мышамъ неудобно было по нимъ лазить, а на верхъ столбиковъ кладутъ «кружки»: это — широкіе четырехъ-угольные куски досокъ, назначеніе которыхъ также — въ томъ, чтобы мѣшать мышамъ проникнуть въ стогъ. Поверхъ «кружковъ» кладутъ два бруска дерева, которые своею тяжестью придерживаютъ «кружки», а на бруски кладутъ не сплошь, а изрѣдка, толстые, равные по длинѣ куски жердей; жерди прикрываютъ хворостомъ или вѣтками деревьевъ (чтобы колосья не свѣшивались подъ стогомъ), и «подокъ» для «стожка» готовъ. «Стожокъ» самое употребительное у насъ названіе для скирды хлѣба, а то еще называютъ «стожѣчокъ»). На этотъ «подокъ» кладутъ свезенные съ поля снопы особымъ образомъ, и не всякій сумѣетъ хорошо сложить «стожка». Обыкновенно старики гордятся умѣньемъ «класть стожки» или «кидаць стожки», по (мѣстному выраженію).

Закладку стожка дѣлають обыкновенно самъ хозяинъ или кто-нибудь другой по его порученію. Возбравшись на «подокъ», хозяинъ кладетъ крестообразно 4 снопа на самой срединѣ подка, колосьями внутрь, и окропляетъ ихъ, скинувъ шапку и перекрестившись, освященною водою, приговаривая: «дай Боже въ добрый часъ скидаць стожка, спожить его (т. е. употребить съ пользою) въ добромъ здоровьѣ, кобъ хлѣбъ у насъ нигды не переводзился и кобъ еще за рукъ (старики говорятъ: за рикъ) приждаць». Послѣ этой церемоніи молодежь подаетъ на подокъ снопы, а старикъ тщательно раскладываетъ ихъ колосьями въ средину, а «гузырями» (нижняя часть снопа) наружу. Каждый верхній рядъ сноповъ нѣсколько выдвигается надъ нижнимъ рядомъ, такъ что по мѣрѣ увеличенія «стожка» въ вышину, онъ расширяется равномерно со всѣхъ сторонъ, и на срединѣ своей высоты принимаетъ самыя широкіе размѣры. Если который снопъ черезчуръ выдается, то его приколачиваютъ широкою лопатой. Оставивши небольшой выступъ на самой широкой части стожка (этотъ выступъ называется по-мѣстному «стрѣха»), кладутъ затѣмъ снопы, постепенно суживая стожокъ и верхъ его сводятъ конусообразно. Въ «стрѣху» стожка втыкають, на разстояніи почти аршина другъ отъ друга, «тычечки», — тонкія палочки, толщиною въ палецъ, длиною въ $\frac{1}{2}$ аршина, заостренныя съ обѣихъ концовъ, — такъ чтобы половина ихъ торчала надъ стрѣхой. Затѣмъ стожокъ накрываютъ мятой соломой или «вышеемъ» (болотная сухая трава, скошенная осенью). «Тычечки» не даютъ соломѣ обсовываться, а для того, чтобы такую незатѣйливую крышу не развѣялъ вѣтеръ, на нее накладываютъ 12—15 паръ «оповзиковъ». Такъ называются срубленныя подъ корень тонкія длинныя березки, верхами связанныя попарно и закинутыя на стожокъ такъ, что своими связанными верхушками онѣ облегаютъ верхъ стога, а толстыми концами «оповзають» (отсюда и названіе: «оповзики»), т. е. свѣшиваются по стожку. Хорошо сложенный стожокъ можетъ простоять лѣтъ 30 и болѣе, и мыши въ него не проникнуть, и «сбожь» (хлѣбъ) не испортится

отъ времени, а главное — зерно не потеряетъ своей *осхожести*. Есть «богатыри» (зажиточные, богатые люди) въ с. Волько-обровскѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Житлина), у которыхъ такіе стожки стоятъ по нѣсколько десятковъ лѣтъ; только крыши на нихъ перемѣняются каждые 3—4 года.

(Сообщилъ священникъ с. Житлина, Слонимскаго уѣзда, Стефанъ Демьяновичъ).

О ЗЕМЛЕДѢЛІИ СЪ ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ НЕМУ ОБРЯДАМИ, ОБЫЧАЯМИ, ПОВѢРЬЯМИ, СУЕВѢРЬЯМИ, ПРИМѢТАМИ И ПР. ¹⁾.

Чтобы уяснить себѣ всѣ эти понятія крестьянъ, я считаю нужнымъ вкратцѣ изложить воззрѣніе ихъ на хлѣбъ и его значеніе въ кругу ихъ жизни.

Крестьянинъ Гродненской губерніи и вообще бѣлоруссъ такъ выражается о хлѣбѣ: «Нинѣ у насъ у многихъ бѣлый хлѣбъ, хоць есьць у иныхъ аще чорный, не такъ, якъ было уярогъ, што рѣтко хто ѣў хлѣбъ бѣлый. Але ци хто ѣсьць бѣлый, ци чорный, то ўсѣ трѣба умираць, зъ слонцемъ не проживешъ на гѣтумъ свѣци. Але есьць и такіе людзи, што у ихъ заўжды и святомъ и на коледы и на Вяликъ дзень — ўсе чорный хлѣбъ ²⁾. Такъ крестьянинъ бѣлоруссъ характеризуетъ относительную состоятельность и зажиточность свою и своего брата—однодеревенца пахаря. И въ настоящее время рѣдкій изъ бѣлоруссовъ хозяевъ крестьянъ Гродненской, Виленской, Витебской и Минской губерній достигаетъ такой степени благосостоянія, чтобы избавиться отъ чернаго хлѣба, въ которомъ только половина настоящего зерна, а другая половина состоитъ обыкновенно изъ

¹⁾ Это заглавіе есть одинъ изъ вопросовъ моей послѣдней программы, предложенной моему почтенному неумолимому сотруднику, отвѣтомъ на который онъ мнѣ прислалъ настоящую интересную статью. III.

²⁾ Бѣлый хлѣбъ у крестьянъ бѣлоруссовъ какъ Гродненской, такъ и другихъ губерній сѣверо-западнаго края,—называется ржаной хлѣбъ изъ чистаго зерна, а черный — съ примѣсью якины и другихъ суррогатовъ, но вовсе не пшеничный, который называютъ пирогами. К.

мякины, папоротника, желудей, картофеля или другихъ какихъ-нибудь суррогатовъ. Для нѣкоторыхъ бѣлый хлѣбъ является лакомствомъ. Его даютъ дѣтямъ, какъ гостинецъ. У такихъ крестьянъ чистый хлѣбъ изъ провѣяннаго зерна является только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ напр. въ Рождество Христово, въ Пасху и другіе болѣе важные праздники. Просѣянная мука изъ чистаго зерна ржи, смолотой не въ ручныхъ жерновахъ, а на мельницѣ, служитъ для печенія пироговъ къ празднику Пасхи или въ великія торжественныя событія крестьянской жизни. Но и этотъ черный, пушистый хлѣбъ требуетъ много труда, много заботъ и долгихъ, мучительныхъ сомнѣній. И счастливъ еще тотъ, у кого хватаетъ хоть и такого хлѣба отъ новаго до новаго — на цѣлый годъ.

Многіе крестьяне и теперь оканчиваютъ свои запасы хлѣбные къ празднику Пасхи и цѣлыми недѣлями питаются картофелемъ и рѣдкой пищей, въ ожиданіи пока имъ отворять двери запаснаго магазина.

Эти-то недостатки и голодовки пріучили нашего крестьянина смотрѣть на Бога и кормилицу-землю съ чувствомъ благоговѣнія, перемѣшаннымъ съ многочисленными повѣрьями и суевѣрьями, и выработали въ его средѣ цѣлый циклъ вѣрованій и примѣтъ. Посредствомъ разнаго рода примѣтъ онъ старается угадать, найти счастье своего земного существованія. Въ продолженіе всей его трудовой жизни, отъ рожденія до могилы, хлѣбъ играетъ самую видную роль во всѣхъ его радостяхъ и печаляхъ. Такъ съ хлѣбомъ идутъ провѣдать родильницу и взглянуть на новорожденное дитя; съ хлѣбомъ просятъ на крестины и кумовей и гостей. Приглашаемые въ свою очередь даютъ приглашающимъ свой хлѣбъ. Съ хлѣбомъ идутъ на крестины, отправляютъ новорожденнаго ко кресту и встрѣчаютъ отъ креста. Съ хлѣбомъ всѣ гости возвращаются домой и сейчасъ же даютъ его пробовать всѣмъ домашнимъ, для того, чтобы дитя скорѣе начало говорить. Съ хлѣбомъ идутъ въ сваты, дѣлаютъ запоины, сговариваются, съ хлѣбомъ отправляютъ жениха за невѣстой;

съ хлѣбомъ его тамъ встрѣчаютъ, а потомъ и его и невѣсту съ хлѣбомъ же отправляютъ въ церковь къ вѣнцу. И отъ вѣнца молодыхъ опять-таки встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и въ корчмѣ и въ домѣ ихъ родителей. Бѣдутъ въ гости и возвращаются изъ гостей тоже съ хлѣбомъ. Отправляютъ ли парней на отбываніе воинской повинности, идетъ ли кто изъ членовъ семейства на заработки, на службу или въ ученіе, то всегда и непремѣнно съ хлѣбомъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ хлѣбъ служитъ залогомъ счастья и благословенія. Хлѣбъ—главное богатство крестьянина бѣлоруса. Не смотря ни на какіе урожан, ни на какую рыночную горячку онъ не особенно спѣшитъ продавать свой хлѣбъ. У зажиточнаго всегда хранится въ амбарахъ хлѣбъ отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ. Хлѣбомъ онъ платитъ всѣмъ многочисленнымъ сторожамъ и караульнымъ; хлѣбомъ даетъ онъ осенину жиду, писарю, фельдшеру и причту—во время крещенской воды и пастиху и проч.

За то крестьянинъ бѣлорусъ и цѣнитъ хлѣбъ. Онъ считаетъ за великій грѣхъ уронить или бросить корку или крошку хлѣба. Если кто изъ дѣтей уронить крошку хлѣба, то отецъ или мать непремѣнно скажетъ: «Ахъ, ты раздѣвака! На што ты кидаешъ даръ Божій? гѣто грѣхъ великій». Или скажетъ: «Не кидай хлѣба, бо Бохъ будзе гнѣватца и хлѣбъ насъ кине, то кешко будзе безъ хлѣба». Если нечаянно упадетъ изъ рукъ крошка хлѣба, то онъ ее подыметъ, благоговѣнно перекрестится, поцѣлуетъ и положить въ ротъ. Въ теченіе года во всѣ храмовые праздники, кромѣ Пасхи, нашъ крестьянинъ освящаетъ хлѣбъ, особливо въ праздники болѣе чтимыхъ народомъ святыхъ, какъ Георгія Побѣдоносца, Николая Чудотворца, Іоанна Предтечи, Ильи Пророка и проч. Многіе крестьяне въ эти дни идутъ освящать свой хлѣбъ часто за десятки верстъ, а въ своей мѣстной приходской церкви ужъ непремѣнно побываетъ разъ въ годъ въ день храмового праздника съ этой же цѣлью. Такой освященный хлѣбъ у крестьянъ называется «обѣдней». Часть этого хлѣба раздается бѣднымъ, самая верхушка, вырѣзанная въ видѣ кружка,

отдается рогатому скоту, а остальной въ третій день послѣ освященія съѣдается всей семьей. Освященный хлѣбъ употребляется какъ средство для охраненія отъ дурного глаза и вообще какъ защита отъ враждебной силы. При этомъ нужно прибавить, что хлѣбъ, освященный подъ названіемъ «обѣдни», большей частью употребляется въ Виленской губерніи, въ Гродненской же — только въ рѣдкихъ случаяхъ. Крестьяне этотъ хлѣбъ освящаютъ въ церкви съ особенной церемоніей. Положивъ хлѣбы въ кучку, всѣ члены семейства становятся вокругъ ея и шепчутъ молитву передъ обѣдней, а послѣ обѣдни священникъ освящаетъ всѣ хлѣбы.

Но чтобы яснѣе понять воззрѣніе бѣлоруса на хлѣбъ, необходимо прослѣдить всю исторію хлѣба, отъ его посѣва и до того времени, когда онъ является на столъ, въ видѣ пищи.

Прежде чѣмъ сѣять хлѣбъ, необходимо приготовить и удобрить землю. Не во всякое однако время можно начинать эти работы. Главную роль здѣсь играютъ фазы луны. Третья *квадра* (четверть) и *молодзики* (новолуніе) считается временемъ неблагоприятнымъ для вывоза навоза и другихъ полевыхъ работъ. Въ это время крестьянинъ Гродненск. губ., не только бѣлорусъ, но и жмудинъ не начнетъ ни пахать, ни возить навозъ, ни сѣять, ибо въ противномъ случаѣ нельзя ожидать добрыхъ послѣдствій.

Во многихъ мѣстахъ означенной губ. крестьянинъ ни за что не начнетъ весною пахать свою землю чернымъ воломъ, а проситъ сосѣда одолжить ему своего вола другой шерсти, говоря: «Пожищи мнѣ, братко, своего вола нинѣ горѣщи, бо якъ ты самъ добра видиши, что чарнымъ воломъ не можно зачинаць землю горѣщи, бо ўсенки твоѣ добро згине на поли отъ дождей». Сосѣдъ ему на это обыкновенно отвѣчаетъ: «щсыце твоѣ, што ты пришоў, а то мы тебе пугаю зъ поля прогнали бы». Не охотно крестьянинъ начинаетъ пахать землю и половымъ воломъ, «бо господарь, альбо господиня, ци хто зъ дзяцей умре». При томъ волы половые (т. е. сивые) ниже цѣнятся и вовсе не охотно покупаются крестьянами Гродн. губ.

Когда земля наконецъ приготовлена и удобрена, приготовля-

ются къ посѣву. Хлѣбъ къ этому времени уже собранъ въ гумны; его молятъ и въ Успеніе или въ ближайшій воскресный день несутъ зерна въ церковь освящать. При этомъ торба (мѣшокъ), въ которой несутъ зерна завязывается—не имѣющей при ней веревочкой, а особенной ленточкой или шнурочкомъ. «Простую веревочкой пѣ можно жито вязаць, бо одъ насъ урожай его од-вяжетце и уцѣчѣ!». Этимъ освященнымъ зерномъ бѣлорусъ и начинаетъ свой посѣвъ. Передъ посѣвомъ онъ умывается, одѣваетъ чистую рубаху, — чтобы рожь была чистая, ѣстъ кашу, «кабъ жито было густое», беретъ съ собою хлѣбъ, который называется «застѣаннымъ» (и который по возвращеніи съ нивы сѣдается всѣми членами семьи), кладетъ на телѣгу мѣшокъ съ зерномъ, небольшой пучокъ соломѣ, корзину навозу. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ приходитъ въ хату, молится и уѣзжаетъ на телѣгѣ въ поле. Приѣхавши туда, на свою полосу, онъ снимаетъ шапку, опять молится, произнося: «Благослови Боже!» и начинаетъ сѣять. Посѣявши и взборонивши, онъ стелетъ привезенную солому поперекъ своей полосы, «кабъ жито раслю гнулася», а по краямъ разостланной соломѣ разбрасываетъ привезенный въ корзину навозъ, для того: «кабъ ѣтъ крау одъ Бога урожай, бо гной крадзе одъ Бога свою долю». На солому онъ накладываетъ комки земли или камешки, чтобы вѣтеръ не разбросалъ, дѣлаетъ сохой крестъ посредствомъ двухъ бороздъ и, испросивъ еще разъ Божьяго благословенія, возвращается домой.

Начатый такимъ образомъ посѣвъ продолжается до конца, но уже безъ всякихъ особыхъ церемоній. Если сѣятель по опромѣтчивости пропуститъ на какомъ загонѣ небольшое мѣстечко (аршина въ 2) незасѣяннымъ, сдѣлаетъ, какъ здѣсь говорится: *прорѣхъ*, то это означаетъ, что кто-либо изъ членовъ его семейства умретъ въ этомъ году. А если прорѣхъ окажется въ концѣ загона, то это предвѣщаетъ смерть господарю или господинѣ, т. е. хозяевамъ нивы. По всходѣ ржи такое незасѣянное мѣстечко ясно обнаружится и тогда его немедленно засѣваютъ и взбороняютъ, но не бороной, а граблями и затѣмъ отправляются

въ церковь и заказываютъ обѣдню (*закупаюць мишу святую*) за свое здоровье: «капъ Бохъ ласкавыѣ заховаў отъ смерци».

Начинають сѣять рожь обыкновенно съ праздника Зельна (Успенія пресвятой Богородицы, — 15-го августа) по понедѣльникамъ, пятницамъ или субботамъ, а въ среду, четвергъ и вторникъ наши крестьяне ни за что не рѣшаются приступить къ посѣву. Они полагають, что такъ какъ въ названіи заключается звукъ *p*, то червь будетъ ѣсть *рунь*¹⁾. Избѣгаютъ также сѣять тогда, когда на небѣ утромъ и вечеромъ показывается мѣсяцъ, такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ, посѣянное при лунѣ или совсѣмъ не взойдетъ, или хоть и взойдетъ, то очень рѣдко.

Какъ начало такъ и конецъ работы сопровождаются у нихъ молитвой. Въ день *застѣокъ* готовятъ богатый ужинъ, на которомъ супъ долженъ быть непременно куриный — изъ пѣтуха или курицы, а иногда, впрочемъ, и изъ гуся; затѣмъ бульбешная (картофельная) каша, горѣлка и сыръ на закуску. Такимъ же образомъ празднуютъ и *досѣки*.

Наконецъ посѣвъ хлѣба оконченъ, но думы и заботы не оставляють нашего пахаря: сухой остатокъ лѣта, дождливая осень, суровые морозы, неглубокій снѣгъ, поздняя весна — все это радуетъ или печалитъ сердце бѣлорусса, возбуждаетъ его воображеніе и служитъ темой для нескончаемыхъ разговоровъ въ родѣ слѣдующихъ: «Коли гуся дзикіе и другія пташки рано лецаць у вырай низко, то значить: хутко будзе зима. Коли на Марцінѣ (въ ноябрѣ) дожджъ, то будзе мокрое лѣто. Коли зимой суке на дзѣравѣ одъ инея и снѣгу гнутца, то жыто будзе ядрѣно (умолотное) и гнутца» и пр. Перемѣны погоды направляютъ его воображеніе отъ веселыхъ думъ къ печальнымъ и наоборотъ. Онъ обращаетъ свой взоръ къ небу, слѣдитъ ежедневно за восходомъ и заходомъ солнца, старается угадать перемену погоды по вечернимъ зорямъ; наблюдаетъ какъ рано и въ какомъ порядкѣ улетаютъ перелетныя птицы. «Коли куры рано садзятца, то будзе заўтра дожджъ». Слѣдитъ онъ и затѣмъ, какъ исче-

¹⁾ *Рунь* — перье, листьє зеленого на корнѣ хлѣба. Слов. Носовича.

заютъ насѣкомыя, какъ прячутся маленькіе полевые звѣрки, строго слѣдитъ онъ за привычками домашняго скота: «Если осенью свиньи рыкоуть землю, то зимою будзе война». Наблюдаетъ также за увядающей зеленою лѣсовъ, листьевъ древесныхъ, за поднимающимися туманами и вообще за всѣмъ, что его окружаетъ и на основаніи всего этого онъ старается угадать свой будущій урожай. Когда же онъ не получаетъ ничего утѣшительнаго и терается въ разныхъ противорѣчащихъ примѣтахъ, то онъ отдается тогда на волю Божию, говоря: «Якъ Бохъ дасьць, такъ и будзе. Нихто воли и моцы Боской не вѣдае и угадаць не можа!». А тутъ и сосѣдъ подтверждаетъ: «Даль Бохъ, ты, Іозыпку, праўду кѣжашь!».

Среди всѣхъ подобнаго рода сомнѣній, размышленій и гаданій незамѣтно приходитъ осень съ рядомъ своихъ праздниковъ, деревенскихъ торжествъ. За осенью незамѣтно подкрадывается и зима. Изумрудная озимъ покрывается толстымъ слоемъ пушистаго снѣга и прячется на время отъ заботливаго глаза. Тогда улягутся на время думы и заботы нашего пахаря о брошенныхъ зернахъ,—улягутся, но не надолго. Приходятъ Рожденственскіе праздники и снова онъ поднимается. Въ сочельникъ передъ Рождествомъ Христовымъ крестьянинъ нашей губерніи, какъ вообще бѣлоруссъ, устремляетъ свои взоры къ небу, и если тамъ много звѣздъ, то, по его мнѣнію, нужно ожидать хорошаго урожая, густого *жита*. Во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи въ этотъ вечеръ крестьянинъ-домохозяинъ, сидя за столомъ, прячется за горшкомъ съ кутьей и спрашиваетъ хозяйку: «Ци бачышъ ты меня?» и по полученіи отъ нея отвѣта: «Не, не бачу!» онъ говоритъ «Дай жа, Божа ласкавый, кабъ ты не бачыла меня лѣтомъ за густыми снопами жита и пшаницы». Послѣ ужина всѣ члены семейства, одинъ за другимъ вытаскиваютъ по стебельку изъ положеннаго подъ скатерью сѣна и смотрятъ: большой длинный стебель предвѣщаетъ высокую урожайную рожь, маленький и короткій стебель — наоборотъ. На первый день Рождества Христова отправляются въ церковь на тощакъ и не пѣшкомъ, а, по

большей части, ѣдутъ. По окончаніи богослуженія всѣ спѣшаютъ какъ можно скорѣе домой. Кому удастся скорѣе пріѣхать въ свою хату и разговѣться, у того уборка хлѣба и вообще полевая работа пойдутъ спѣшнѣе. Эти повѣрья держатся и на Пасху, а нѣкоторыми еще и на Новый годъ и на Богоявленіе.

Зима наконецъ прошла незамѣтнымъ образомъ. Отпраздновалъ нашъ крестьянинъ Пасху, собралъ съ пасхальнаго освященнаго стола оставшіяся кости и бережно сохранилъ ихъ до праздника св. Георгія. Въ этотъ день онъ беретъ эти кости, завертываетъ ихъ въ утиральникъ (скарачъ) и рано утромъ, на росу отправляется въ поле, обойдетъ кругомъ свою ржаную ниву, втыкаетъ кости по четыремъ ея угламъ, перекрестится, приговаривая: «Дай жа, Божя, и святой Еры, кабъ нива моя ў гѣтымъ року ня бачыла граду, ни навалнаго дожджа! Ай, святой Еры, помогай мнѣ!».

Изъ записей И. О. Карскаго.

ЧАРОДѢЙСТВО.

«Чаровникомъ называютъ вообще того, кто умѣетъ совершать чары, т. е. такіе суевѣрные таинственные обряды, заклинанія, которымъ подчиняются стихійныя и другія силы посредствомъ которыхъ можно отклонить грозящее бѣдствіе, изгнать «нечисъцика», врачевать болѣзни, водворять счастье и довольство, и съ другой стороны насылать на другихъ всевозможныя несчастія: смерть, болѣзни, «напущать» на людей нечистую силу, наводить тоску, сумашествіе, «припадокъ» (падучую болѣзнь), разрушать миръ и согласіе въ семьѣ, «отводить глаза» и многое тому подобное.

Не всякій чаровникъ умѣетъ совершать всѣ эти чары, большинство изъ нихъ знаютъ только что-нибудь одно: одни умѣютъ лѣчить и насылать болѣзни, другіе — поселять раздоръ въ семьѣ, третьи — наводятъ градъ на нивы, засуху, четвертые — обращаются въ волковъ, жабъ. По воззрѣніямъ бѣлоруссовъ чаровниками преимущественно бываютъ люди, поставленные своей

профессіей въ постоянное и близкое общеніе съ тою или другою стихіей. Такъ чаровниками въ слѣдствіе своей профессіи считаются кузнецы, мельники, лѣсники, пастухи, пѣсѣчники, пивовары и винокуры. Это не значитъ, чтобы люди другихъ занятій не могли чаровать; могутъ и другіе, но чародѣйство первыхъ имѣетъ болѣе или менѣе специальный характеръ. Предполагается, что каждый изъ нихъ хорошо изучилъ свойство той «нечистой силы», съ которой ему приходится имѣть дѣло по своей профессіи, такъ какъ, по повѣрью крестьянъ, — и въ кузницѣ, и въ мельницѣ, и въ лѣсу, и на скотномъ дворѣ, и на винокуренномъ заводѣ — въ каждомъ изъ этихъ зданій обитаетъ особенный «нечисыцникъ¹⁾», и ко всѣмъ этимъ зданіямъ бѣлоруссы питаютъ суевѣрный страхъ. Плохъ былъ бы тотъ мельникъ, который бы не зналъ, какъ угодить водяному, или лѣсникъ, который жилъ бы не въ ладахъ съ лѣшимъ, или пастухъ, который не умѣлъ бы заворожить скотъ отъ звѣря или изгнать хлѣвника. Каждый изъ нихъ долженъ знать свою специальность хорошо, долженъ умѣть пользоваться силою своего «нечисыцника». Потому-то мельниковъ съ «вѣтриковъ» приглашаютъ лѣчить «подоты» (что это за болѣзнь — увидимъ далѣе). Мельники съ водяныхъ мельницъ умѣютъ «дать воды», т. е. нашептывать на воду «заговоры» для излѣченія болѣзней и насыланія ихъ. Конечно, никто не мѣшаетъ мельнику изучить ремесло, напримѣръ, ворожбита. Онъ, мельникъ, можетъ быть и «зовколакомъ», и жена его можетъ быть отличной вѣдьмой; но все это необязательно. А вотъ угодить водяному, чтобы онъ постоянно давалъ достаточное количество воды, чтобы не стояла мельница, когда много «заводу», чтобы онъ не прорывалъ плотины, не ломалъ заставъ, не портилъ мельничныхъ колесъ, не снесъ бы мельницы во время половодья, — все это его дѣло, это мельникъ долженъ знать, или пусть не берется не за свое ремесло. И мельникъ съ *оттряка* долженъ умѣть «запраичи (запречь) *отцержъ*», овладѣть воздушной стихіей и, разумѣется, тѣми духами, которые производятъ вѣтеръ,

---

1) Чортъ.

вихрь, бурю и тому подобныя воздушныя явленія. Онъ долженъ все предусмотрѣть, не насиловать вѣтра, чтобы тотъ не разсердился и надолго не улегся; долженъ, умѣть вызвать его въ затишьѣ, когда надо молоть, умиловитъ бурю, чтобы она не ломала мельничныхъ крыльевъ.

И такъ, каждый имѣющій дѣло съ таинственной, своенравной стихіей долженъ быть мастеръ своего дѣла.

Намъ не удалось узнать, какія умиловительныя жертвы приносятъ кузнецъ, но опытный мельникъ водяной мельницы при первыхъ заморозкахъ, осенью, когда вода покроеся тонкой скорлупой льда, опускаетъ водяному, подъ колесо кусокъ сала, «кабъ колесы не скрыпѣли», какъ объяснялъ намъ это старый мельникъ, Григорій Порѣцкій (въ с. Холопеничахъ Борисовскаго уѣзда), а когда убиваютъ свинью, — то и цѣлое стегно. Впрочемъ неразборчивый водяной иногда можетъ удовлетвориться и частью свиныхъ кишекъ, покрытыхъ кишечнымъ жиромъ. Не принеси мельникъ этой жертвы водяному, такъ онъ и не наберется смазки для колесъ: водяной вылизетъ ее и съ осей и съ буквъ, да притомъ и бѣдъ можетъ причинить не мало.

Мельникъ на *сттрактъ*, чтобы возбудить утихшій вѣтеръ, взбирается на верхъ своей мельницы и бросаетъ горстями муку «на увѣй вѣцерь», какъ говорятъ бѣлоруссы.

Лѣсникъ въ свою очередь долженъ умиловитъ лѣшаго, а не то онъ можетъ наслать на него какого-нибудь опаснаго звѣря, который можетъ его поранить, а то и съѣсть.

Всѣ указанныя нами виды профессиональнаго колдовства, если оно не выходитъ изъ очерченныхъ нами рамокъ немногими въ Бѣлоруссіи считается предосудительнымъ; напротивъ большинство бѣлоруссовъ смотритъ на все это, какъ на высшее знаніе данной профессіи, существенно необходимое для успѣшнаго ея выполненія. Иначе смотреть на заправскихъ чаровниковъ, которые, чтобы обладать высшей степенью могущества, продали чорту свою душу. А для этого нужно норвать всякую связь съ церковью, нужно совершить нѣчто чрезвычайно кошунственное.

Именно: во время причащенія не проглатывать св. Таинъ, а держать во рту, потомъ вынести ихъ «на разстѣйки» (перекрестки дорогъ), положить на одномъ изъ крестовъ, которые почти повсюду въ БѢлоруссіи ставятся на перекресткахъ, и выстрѣлить въ нихъ. Во время выстрѣла, какъ говорятъ, видится Христосъ распятый. Есть основаніе предполагать, что если на подобный поступокъ смотрѣли равнодушно, то развѣ въ давно прошедшія времена, когда христіанство боролось съ язычествомъ. Теперь почти всюду въ БѢлоруссіи такъ много распространено рассказовъ о томъ, что большинство стрѣлявшихъ въ св. Причастіе сходили съ ума, превращались въ дикихъ звѣрей и подвергались тому подобнымъ наказаніямъ, что едва ли кто-нибудь рѣшится совершить такое кощунство. А кто рѣшится и продѣлаетъ вышеказанное, тому, дескать до его смерти будетъ служить чортъ, будетъ исполнять всѣ его приказанія. Что скажетъ такой чаровникъ, то и будетъ.

По народнымъ воззрѣніямъ, желаніе счаровать кого-нибудь является чисто стихійно, не произвольно, помимо сознанія чаровника. Онъ тогда чародѣйствуетъ, когда «кроу яму вочи зальецъ» когда «нячистая сила къ головѣ подступиць, ў голову удариць», — такъ народъ выражаетъ ту мысль, что чаровникъ дѣйствуетъ въ изступленіи. Будучи въ такомъ состояніи, онъ долженъ непремѣнно кого-нибудь счаровать. Тогда ему не попадайся на глаза, ибо за ничто пропадешь.

Чаровники пользуются среди населенія почетомъ, конечно въ большинствѣ случаевъ, не искреннимъ. Во время семейныхъ торжествъ, свадебъ, крестинъ, чаровника сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, обращаютъ на него исключительное вниманіе, особенно усердно угощаютъ, чтобы не раздражить его и тѣмъ не повредить будущему счастью новобрачныхъ или новорожденного. Такое отношеніе къ своей особѣ чаровникъ принимаетъ какъ нѣчто должное, вполне заслуженное, и не стѣсняется угрожать хозяевамъ или тому, кѣмъ недоволенъ, что счаруетъ. «Ну ужъ будзеце-жъ вы мяне помницъ! Я вамъ дамъ ѣ цямки!» говоритъ

въ такихъ случаяхъ чаровникъ, и присутствующихъ охватываетъ страхъ, и навлекшіе неосторожно гнѣвъ чаровника стараются предупредить или разстроить его чары при помощи другого чаровника.

Но совершенно искреннимъ почетомъ и уваженіемъ народа пользуются ворожбиты и ворожбитки, которые избрали своей специальностью врачеваніе болѣзней и разрушеніе силы колдовства другихъ. Такіе люди, хотя и прибѣгаютъ къ нашептываніямъ и другимъ таинственнымъ приѣмамъ, но они знаютъ и довольно раціональныя средства лѣченія болѣзней: вправляютъ вывихи, дѣлаютъ перевязки при поломѣ костей, выравниваютъ искривленіе позвоночника у маленькихъ дѣтей и проч. Нужно сказать, что въ Бѣлоруссіи больше встрѣчается знахарокъ, чѣмъ знахарей и ворожбитокъ, чѣмъ ворожбитовъ».

Изъ рукописнаго сочиненія А. Е. Богдановича («Живая Старина»), мною отъ него приобретеннаго въ 80-хъ годахъ.

Вѣрованіе въ способъ полученія дара чародѣйства существовалъ и можетъ быть существуетъ еще и теперь въ Витебской губерніи.

«Штобъ здѣляцца чыроўнікомъ», говорилъ мнѣ одинъ старый крестьянинъ нашей Королевской волости (Витебск. уѣзда) «надо пыложыцца зъ чортымъ, што будзышъ за то яго слухыць: кыли ёнъ не вялицъ ў церкву ходзиць, — ня будзышъ ходзиць, кыли ёнъ не вялицъ сповидацца, — исповидацца ня будзышъ, ды сповидацца то можно, только нильзя причащацца: надо ўзяць ў ротъ причасцыця, ды вышоўши изъ церкви, яго выплюнуць. Тогда за ета чортъ зьдѣляецъ такъ, што будзышъ чыроўнікомъ: будзышъ напускаць на скотъ и на людзей бѣлѣсьци и ўсё. Ды ўсё такі, гэты чыловѣкъ ище ни сусимъ пропацій, ище яго Богъ мѣжыць просыциць, кыли ёнъ пирадъ смерцію пыкайцца.

Вотъ кылі хочишъ, штобъ чортъ цябе слухаў и гроши носіў, и ўсё такая дзѣлаў, тогда нада саўсимъ душу продаць чорту и расписку яму выдаць. Расписку самъ чортъ напишиць кроўю зъ мязінца того чыловѣка. Такі чыловѣкъ, што чорту душу

прыдаў, што толькі захочиць, вяліць чорту здэ́лаць—и чортъ яго послушанць. Только такі чыловѣкъ ужо на вѣкъ прыпа́щій—якъ толькі помрець, счасъ яго душа ў пекло пойдзіць.

Зап. А. Фр. Лисовская въ 1878 г.

Приводимъ здѣсь кстаті и слѣдующій разсказъ крестьянина (Борисовск. уѣзда Минск. губ.) о другомъ требованіи нечистой силы, исполненіемъ котораго она обусловливаетъ сообщеніе дара чаровничества.

«А то вотъ чистая праўда. Быў стары чароўникъ ў Чмяляхъ, дыкъ тамъ ликай Роговскаго подпоіў яго и проси: «наўчи мяне чароваць!»—«Добро», кажа, «идзи за мной!». Подошли къ мосту,—чароўникъ и пытае: «Соколики, чаколики! ци вы тутъ?» Постояў трохо—: «Ну, кажа?» «нима, ни отзываюцца, пойдзимъ далій». Пришли на *рогъ* ¹⁾, гдѣ стояла пустая кáршма; тамъ толькі одны козы были. Чароўникъ ўзноў такъ само запытаўся: «Соколики, чаколики! ци вы тутъ?» Ажъ чуюць на ўсякіе лады отказываюць: «Тутъ, тутъ! А што табѣ трэба?» Ёнъ й кажа: «Привѣў чаловѣчка, наўчицца яго чароваць; ёнъ дужа хоча наўчицца». — «А чамужъ? добро!» кажуць, «али нихай толькі першъ потопки скине».

Думаў гэта ликай, думаў: «объ якіе такіе яны *потопки* кажуць, коли на имъ были новыя *боти*? Ну а послі и догадаўся, што гэта яны пеўня на счетъ *шкаплероу* ²⁾ кажуць, бо ёнъ ихъ жонгле ³⁾ зъ крыжиками носіў на грудзяхъ,—ды давай Богъ ноги, драмо домоў, радъ што отробеўся, а то бы яго, ня тутъ казали, яны бъ, муся, й замэнчили'бъ за гэтые шкаплеры. На заўтра, хоць ёнъ нікому и ни хваліўся объ гэтымъ, али панъ нѣякъ дочуўся. Ну тогды жъ и усыпали шъ яму добро! — бўдзя доўго вѣдаць, якъ учицца чароваць. Мы гэта, якъ были на гонцѣ ⁴⁾, дыкъ Паўлюкъ разсказываў намъ; ёнъ ў дворѣ тогды зъ ликаёмъ тамъ служіў.

Зап. волостн. писар. А. Ганусомъ отъ кр. Мих. Сцепурки.

¹⁾ Рогъ — уголь улицы, образуемый пересѣченіемъ ея другой. Слов. Носовича. — ²⁾ Szkaplerz — два кусочка освященной матеріи съ вышитымъ именемъ Пресвятой Дѣвы, носимыя на шеѣ многими католиками. Слов. Польско-россійскій Глюксберга. — ³⁾ всегда, постоянно. — ⁴⁾ наборщикъ.

ВОУКОЛАКИ.

Есть такіе особые чаровники, которые могут обращаться въ волка и производить опустошенія. Такого волка нельзя ни убить, ни поймать. Передъ обращеніемъ въ волка чаровникъ вбиваетъ въ землю пять осиновыхъ кольевъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, но такъ, что два колышка служатъ подобіемъ переднихъ ногъ, два заднихъ, а пятый—хвостъ и прыгая впередъ черезъ всѣ, начиная отъ задняго колышка, — онъ становится волкомъ. Когда же по возвращеніи съ добычи, онъ желаетъ вновь обратиться въ первобытный свой человѣческій образъ, такъ волкъ этотъ опять прыгаетъ черезъ тѣ же пять колышковъ, но обратнымъ порядкомъ и при томъ задомъ впередъ. Стоить только предупредить эти прыжки, вынувши всѣ колышки и *перевертень* (оборотень) навсегда останется волкомъ. Если же только не успѣютъ вынуть всѣ, а останется одинъ, или болѣе колышковъ, то перевертень остается навсегда съ волчьими членами.

Въ историческихъ свѣдѣніяхъ о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи Г. Мих. Осип. Безъ-Карниловича (Спб. 1855 г., стр. 240) кратко упоминается о народномъ вѣрованіи въ людей, обращенныхъ въ волковъ и называемыхъ волками. Это вѣрованіе на столько распространено въ Витебской губерніи и преимущественно въ Витебскомъ уѣздѣ, что его можно слышать въ каждой деревнѣ отъ стараго такъ же, какъ и отъ малаго.

Злой человѣкъ, называющійся «знатокомъ», каждого чело-вѣка можетъ превратить во что ему угодно: въ траву, въ дерево, камень, рѣку, животное и проч. Это превращеніе съ трудомъ совершается по отношенію къ малымъ и старымъ и слишкомъ легко по отношенію къ новобрачнымъ и вообще къ свадебнымъ гостямъ; послѣдніе скорѣе всего превращаются въ волковъ, — каковыя превращенія почти исключительно и дѣлаются подъ различными условіями: на годъ, два и болѣе и, какъ мнѣ рассказывали, слѣдующимъ образомъ: на дорогѣ, по которой должны

ѣхать новобрачные изъ церкви, «знатокъ» отыскиваетъ два рябиновые деревья, стоящія по обѣимъ сторонамъ дороги, одно противъ другого, связываетъ и переплетаетъ ихъ вершины, такъ что образуются ворота. На нихъ «знатокъ» рѣжетъ трехъ не поющихъ, за старостью, пѣтуховъ (другіе говорятъ — волка), устранивая дѣло такъ, чтобы при проѣздѣ чрезъ ворота новобрачныхъ, на нихъ и другихъ поѣзжанъ падала теплая капля крови. Само собою понятно, что «знатокъ» употребляетъ при этомъ различныя сильныя заклинанія, которыя касаются или всѣхъ поѣзжанъ, или только части ихъ, или же, наконецъ, исключительно новобрачныхъ. Общее, однако, условіе то, что, не заколдовавъ новобрачныхъ, «знатокъ» не можетъ уже сдѣлать превращенія другихъ поѣзжанъ. Такимъ образомъ новобрачные часто становятся невольною жертвою гнѣва «знатока» по отношенію къ кому-нибудь изъ гостей; но они освобождаются отъ своего превращенія раньше, чѣмъ ихъ свадебный гость, заслужившій гнѣвъ и тяжелое мщеніе «знатока».

Превращенные поѣзжане или вовсе не доѣзжаютъ до своего дома, а отправляются всѣмъ стадомъ бродить по лѣсу, или же становятся волками при вѣздѣ на дворъ, съ котораго они поспѣшно убѣгаютъ. Замѣчательно, что такіе волки всегда ходятъ попарно и вблизи деревень и селъ; они никогда не нападаютъ на человѣка, часто приближаются къ нему на очень близкое разстояніе и убѣгаютъ въ случаяхъ очевидной и страшной опасности. Вообще они стараются предрасположить каждого въ свою пользу и вызвать участіе къ своей печальной судьбѣ. . . Въ дополненіе къ сказанному, нужно еще прибавить, что они не только не тревожатъ домашняго скота, но и лѣсныхъ звѣрей, во все время своего превращенія, питаются травой и кореньями и т. под. Превращенные опасны одному только «знатоку», заколдовавшему ихъ. Такъ прежде всего они требуютъ возврата въ человѣческій видъ, а затѣмъ поступаютъ со «знатокомъ» по своему усмотрѣнію. Въ большинствѣ, однако, случаевъ превращенные дарятъ ему жизнь.

Говорятъ, что, кромѣ заколдовавшаго ихъ никакая земная сила не можетъ возвратить ихъ превращенныхъ человѣческому обществу; такъ что на случай внезапной смерти «знатока» они остаются на всю жизнь несчастными. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ есть только одно средство, а именно: увидавъ превращенную свадьбу (которая замѣтна потому, что волки идутъ попарно), какъ можно скорѣе нужно воткнуть острый ножъ въ хлѣбное тѣсто, пока оно въ квашнѣ, и тогда съ превращенныхъ съ разу спадетъ волчья шкура и, при радостныхъ восклицаніяхъ они побѣгутъ къ ближайшему человѣческому жилью. Одежда такихъ людей носить слѣды нечистоты и ветхости. Рассказывая о подобномъ превращеніи свадебныхъ гостей въ волковъ, крестьянинъ не выскажетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно достовѣрности самаго событія; его даже трудно и поколебать въ этомъ убѣжденіи. За то онъ выскажетъ свое глубочайшее и искреннее сожалѣніе къ судьбѣ несчастныхъ, проклянетъ «лиходѣя» — помолится за нихъ Богу...

При этихъ рассказахъ всегда добавляютъ, что одинъ охотникъ застрѣлилъ волка, который при паденіи вскрикнулъ «ахъ!» Другой охотникъ застрѣлилъ волчицу; долго стояли надъ ней и были остальные волки и видно было даже, какъ изъ глазъ ихъ капали слезы.

Сообщено въ 70 годахъ Н. Я. Никифоровскимъ.

Вѣра въ «воуколакоў» распространена и въ Гродненской губ. Вотъ что объ этомъ сообщаетъ изъ Слонимскаго уѣзда (Костровической волости) г. учитель народнаго училища Нестерукъ.

«Въ народѣ есть повѣріе, что волки не всѣ одного происхожденія, что между ними есть много превратившихся изъ людей, такъ называемыхъ «воуколакоў». Эти превращенія чаще всего бываютъ на свадьбахъ, силою какого нибудь чаровника и не на всегда, а на определенное имъ число лѣтъ. *Воуколаки* находятся въ подчиненіи у настоящихъ природныхъ волковъ и исполняютъ ихъ порученія по доставкѣ добычи. А если-бы они вздумали

ослушиваться, или самовольно распоряжаться добычей, то настоящіе волки ихъ загрызутъ. По истеченіи назначеннаго срока, воўколаки опять превращаются въ обыкновенныхъ людей, только у нихъ остаются знаки отъ этого превращенія—большія, сросшіяся брови и красные глаза. Впрочемъ, есть одно средство, чтобы раньше назначеннаго времени возвратить воуколаковъ къ образу человѣка: для этого человѣкъ, встрѣчавшій воўколаковъ, долженъ разодрать ясовыя вилы, или что нибудь на себѣ и бросить за ними. Тогда мгновенно спадаетъ съ нихъ волчья шкура и они превращаются въ свой первообразъ — человѣка.

Объ этомъ въ народѣ ходятъ разсказы, въ которомъ описывается, какъ чародѣй свать, былъ побѣжденъ болышнимъ чародѣемъ мельникомъ.

«Нѣколи ѣхали молодые зъ вѣнца и остановіушіися ў концы села, просили вышѣйшаго мельника, кабъ ѣнъ аччиніу имъ вѣтницы¹⁾. Але той не уважіу ихъ просьбы и сказау на ѣхавшаго спереду свата: «Невелики панъ и самъ можешъ аччиниць». — «А, якимъ ты великимъ паномъ тутъ зробіўсе; бодай табѣ камень лопнуу». Одно што свать сказау гэты слова, якъ у блинѣ²⁾ зробіўсе нѣяки велики стукъ. Коли поглядзиць туды мельникъ — ажъ на яго камень, якъ сказау свать, разлецеўсѣ на двое. Тогда ѣнъ выскочиу зноу на дворъ и крикнуу на дружбу³⁾: «гужъ, га!» Послѣ гэтыхъ слоу мельника, людзей на возахъ якъ не было. Вся дружба обернулася ў воўкоу и точкою⁴⁾ побѣжала одъ села ў лѣсъ. Гэты мельникъ зробіу имъ быць воўколаками 7 лѣтъ, такъ яны и бѣгали... Молодая и друшкі якъ были у стушкахъ⁵⁾, такъ на ихъ была и шерсть ў дзяжки⁶⁾ рѣзнаго цвѣту».

Въ дополненіе къ этому приводимъ изъ записей почтеннаго И. О. Карскаго еще небольшой разсказъ о воўколакахъ, циркулирующій въ Лашинской волости Гродненскаго уѣзда.

¹⁾ Ворота. — ²⁾ Въ мельницѣ. — ³⁾ На всѣхъ членовъ свадьбы. — ⁴⁾ Стаей.

⁵⁾ Въ лентахъ. — ⁶⁾ У полосы.

«Въ одной деревнѣ была свадьба. Въ самый разгаръ веселья вошелъ въ хату вѣдьмаръ (т. е. колдунъ). Пирующие переполошились и наотрѣзъ отказались его принять въ свою компанію. Это очень его оскорбило и онъ, произнесши нѣсколько таинственныхъ словъ, превратилъ всѣхъ присутствующихъ въ волковъ. И вотъ, по увѣреніямъ крестьянъ, тамъ-то и тамъ-то, во время облавы въ лѣсу на волковъ, убили двухъ, и когда сняли съ нихъ шкуры, то подъ одной нашли скрипку и *смыкъ* (смычокъ) музыканта, а подъ другой станъ холста съ поясомъ, значить—второй былъ *маршалокъ*, т. е. дружокъ.

Это происшествіе явно указываетъ, по мнѣнію крестьянъ, на то, что на свадьбѣ надо принимать и угощать всякаго пришедшаго, а въ особенности незнакомаго.

Сюда же относится и слѣдующій характерный разсказъ о воуколакахъ или *вѣдьмакахъ*, записанный въ 70-ыхъ годахъ учителемъ народнаго училища Остаповичемъ въ с. Новоселкахъ (Игуменск. у. Минской губерніи).

«Жили два сосѣда. Одинъ бѣдный, другій богатый. Богатый быу вѣдьмакъ, а бѣдный добрый чаловѣкъ. Бѣдный купиу коня и вывѣвъ на выганъ, а богатый ўзяу три ножи, ўточіу ў зямлю и начау кулятца¹⁾. Пяракуляўся пярязъ одинъ ножъ, — у яго голова стала воўчая, пяракуляўся пярязъ други — тоды увесь станъ стау воўччи. Ёнъ пяракуляўся празъ трепій — тоды и ноги зробились воўччія. Тоды ёнъ поляцѣу и задушіу, а бѣдны выняу одинъ ножъ, екъ ёнъ задушіу коня. Воўкъ задушіу и бяжиць назадъ къ ножамъ, штобъ одварнутца назадъ на чаловѣка. Прибѣгъ. Якъ пяракуліўся празъ одинъ ножъ, тоды стала голова чаловѣчча; якъ пяракуліўся празъ други ножъ, тоды весь станъ зробіўся чаловѣччи. Пяракуліўся трепій разъ, але ноги остались воўччія, — бо ня было трецяго ножа».

---

¹⁾ Кланяться до земли, кувыркатся.

СМЕРТЬ ЧАРОВНИКА.

Объ этомъ въ Мстижской волости Борисовск. у. (Минск. губ.) среди крестьянъ въ ходу слѣдующій рассказъ:

«Быў нѣгдѣ надто вялики чароўникъ, што, бывало, захочиць, ўсё зъ поганьской мо́цай¹⁾ зробиць. У яго быў одзінъ тольки сынъ. Якъ чароўникъ помираў, сынъ прось: «навучи мяне чароваць, а то помрэшъ и я ня буду вѣдаць». Ёнъ кажа: «Добро! возьми хомуть, положи на стоўбѣ коля печи ды глядзі празъ яго на мяне, тогда и будзись знаць». Ёнъ гѣдаць и зробиў,—ажъ ба́ча: бацька конаиць²⁾, а чэрци зусихъ сторонъ наляцѣли: мэнчили³⁾ чароўника, мэнчили, ажъ покуль ёнъ и языкъ ня высолопіў. Тогда ўзяли и ўсё яго косьци, жилы, вантробы⁴⁾—ўсё сябѣ подзяліли, тольки одну скуру оставили. Дыкъ тогда больши дѣабѣль азяў ды ўлѣзь ў скуру и кажа: «глядзіця, дѣаблы, што я зраблю! Нихай же мяне цяперъ обмываюць, спиваюць и ховаюць,—вотъ дыкъ будзя смѣхъ намъ!» Пришли бабы, сусѣдзи, сыскали ящѣ дзика́, бабы поставили ў печь воду грѣць, кабъ, знача, обмыць миртви́ца, положили яго ў корыто; ну и сусѣдзи, хоць вѣдома, и рады, што помѣрь чароўникъ, алижъ ўсёшь, якъ той казаў, трѣба помянуць. Дзякъ сабѣ спивает. Сынъ злѣсь зъ печи, сядзіць моўчиць, а дыли-цупъ! ухопіў горшокъ зъ варомъ ды къ корыту. Бачуць ўсё, што ёнъ хочиць ўзліць на бацьку варъ и мысля, што ёнъ зыйшоў зъ ума, стали кричаць: «Што ты погáниць, робишь! Гэтожъ ты бацьку опарышь». А ёнъ кажа: «Ды вотъ глядзіця!» ды якъ чабохне гэты варъ на миртви́ца, дыкъ ёнъ якъ лопниць! и зусимъ зъ корытомъ чиразь стро́гъ⁵⁾ понесся, тольки яго и бачили. Тогда сынъ и кажа: «Во лядзіця, хто гэто быў, а ни бацька!».

Гѣдакъ вусимъ чароўникамъ добро жиць на свѣци, али помираць,—ни довадзи ты Богъ, якъ дрэнно! а послѣ смерци ў пекли,—нихай капъ Бугъ крые и ратуе, што имъ робюць!»

Изъ записи волостн. писаря А. Гануса.

¹⁾ Силой;   ²⁾ умираетъ;   ³⁾ мучили;   ⁴⁾ внутренности;   ⁵⁾ потолокъ. крыша. Слов. Носор.

ЗНАХАРИ.

Знахари пользуются въ народѣ особымъ уваженіемъ. Когда кто либо пріѣдетъ къ знахарю за совѣтомъ, онъ долгое время мнимо отказывается, выражаетъ повидимому неудовольствіе на пріѣзжающихъ, говоря, зачѣмъ такъ къ нему ѣдутъ и идутъ, что развѣ онъ Богъ — что ли? Вообще заставляетъ людей долго себя просить. Когда уже наконецъ знахарь изъяснитъ согласіе помочь кому-либо, то беретъ отъ него платокъ или шарфъ и ложится спать въ другой, отдѣльной отъ всѣхъ комнатѣ. Проспавши часъ, два или три, онъ встаетъ и начинаетъ подавать совѣты и наставленія нуждающемуся. Суевѣрный народъ крѣпко убѣжденъ, что знахари имѣютъ сношенія съ нечистыми духами, которые все говорятъ имъ и это подтверждаютъ фактически. Такъ напримѣръ рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующее: Однажды два брата поѣхали къ знахарю, одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, а другой лѣтъ десяти. Братья, пріѣхавши къ знахарю, не застали его самого дома; одинъ изъ братьевъ (десятилѣтній) залѣзъ на печь погрѣться, а старшій остался сидѣть на лавкѣ, въ ожиданіи прибытія знахаря. Скоро явился и знахарь; пріѣзжій заявилъ, что онъ пріѣхалъ къ нему посоветоваться — гдѣ ему построить домъ? Знахарь взялъ у него шейный платокъ и велѣлъ ему выйти изъ хаты, что-де теперь онъ ничего не можетъ сдѣлать — усталъ, надо отдохнуть немного. А мальчикъ, сидѣвшій на печи въ уголку и незамѣченный знахаремъ, видитъ слѣдующее: вдругъ за посвистомъ знахаря входитъ въ комнату, гдѣ онъ оставался, молодой человѣкъ — довольно прилично одѣтый, съ тросточкой въ рукахъ, но съ хвостомъ сзади и рогами на головѣ, по всему видимому, это былъ нечистый духъ («анцихрасть») и спрашиваетъ знахаря: что ему угодно? Знахарь сообщаетъ, что прибыль-де человѣкъ спросить его, гдѣ построить домъ. Нечистый говоритъ знахарю, что на огородѣ у этого человѣка стоятъ двѣ груши, одна изъ нихъ даетъ сладкіе плоды, а другая кисловатые; пусть этотъ хозяинъ срубить луч-

шую грушу и тамъ построить домъ—и будетъ онъ счастливо и весело жить. «А цѣну какую взять съ него за совѣтъ?» спрашиваетъ знахарь у діавола. «Возьми два золотыхъ (тридцать коп.) и подѣлимъ по поламъ», сказалъ діаволъ!» и удалился. Мальчикъ все это слышалъ. Когда знахарь вышелъ изъ комнаты, мальчикъ немедленно слѣзъ съ печи, побѣжалъ къ брату и все ему разсказалъ. Тогда они оба поспѣшили уѣхать отъ знахаря, чтобы не заплатить ему положеннаго діаволомъ оброка. Не медля долго, старшій братъ по пріѣздѣ домой срубилъ лучшую грушу и построилъ на томъ мѣстѣ домъ. Едва только домъ былъ оконченъ, какъ хозяинъ чрезъ ночь нашелъ на мѣстѣ, гдѣ имъ домъ былъ построенъ, одинъ только пепелъ: діаволъ сжегъ его за то, что не заплачено было знахарю.

Нечистые духи берутъ оброкъ отъ всѣхъ знахарей ежегодно. Предметы оброка бываютъ различны. Знахари по уговору съ нечистымъ духомъ отдаютъ ему собственныхъ дѣтей, даже своихъ крестниковъ, по смерти ихъ, если только эти дѣти умерли до времени выдачи оброка, а если то дитя, которое знахарь намѣтилъ отдать діаволу, остается еще въ живыхъ, то онъ своими чародѣйскими наважденіями старается лишить его жизни, и діаволъ уноситъ несчастное дитя въ свои чертоги. Посему надо опасаться имѣть кумовей изъ среды людей, имѣющихъ сношеніе съ злыми духами.

Знахарь силою нечистаго духа можетъ творить чудеса: пожелаетъ онъ напр., чтобы въ полночь явился крестъ изъ чьей либо могилы на кладбищѣ, онъ выйдетъ изъ дома на улицу, повелитъ — и сейчасъ заторохтитъ повозка и явится съ крестомъ къ знахарю. Золъ ли на кого либо знахарь — онъ силою діавола наплетъ волковъ на его скотъ и послѣдній будетъ растерзанъ, сожжетъ ему всѣ строенія до тла или наплетъ на самого нечистыхъ духовъ, которые подъ видомъ какой-либо птицы или звѣря перепугаютъ его страшнымъ образомъ. Горе тому человѣку, который занимается сплетеніемъ завитокъ и если его знахарь не пощадитъ, когда его пригласятъ вырвать завитку изъ ржи, то

нашлетъ на него нечистыхъ духовъ и онъ будетъ замученъ до смерти. Приведемъ примѣръ на такого рода явленій, записанный нами изъ живыхъ устъ рассказчиковъ суевѣровъ: Въ деревнѣ Безрезнякахъ Крюковичской волости (Рѣчицк. у. Минск. губ.), жила одна женщина, которая, по словамъ многихъ, занималась плетениемъ завитокъ во ржи тѣхъ хозяевъ, которые чѣмъ нибудь навлекали на себя ея неудовольствіе. Названная женщина не всегда достойно чтитъ праздничные дни. Такъ однажды на Іоанна Богослова она на лошади вывозила навозъ на свое поле; каждый разъ ей надо было проѣзжать мимо кладбища. Когда она возвращалась съ поля въ третій разъ, изъ кладбища выбѣжалъ какой-то мальчикъ въ черномъ платьи, подбѣжалъ къ ней и моментально исчезъ. Вдругъ поднялась страшная буря, которая подхватила женщину высоко на воздухъ и бросила на землю. Воздухъ вдругъ наполнился вѣронами, а тѣло несчастной женщины одервенѣло и почернѣло, какъ только очутилось на землѣ. Случившіеся тутъ люди бросились на помощь и восемь человѣкъ едва могли поднять съ мѣста тѣло пострадавшей и положить на телегу, въ которую заложена была пара лошадей; лошади съ большимъ усиліемъ повезли тѣло несчастной. Дома, лежа въ постели, пострадавшая не могла сама двигаться ни однимъ членомъ своего тѣла; съ домашними и приходившими навѣстить ее, она на первыхъ порахъ разговаривала тихо и спокойно, но потомъ громко начала вскрикивать: «Ой! ай! у меня подъ кожей что-то бѣгаетъ, поднимаетъ её, пищитъ и сильно жметъ внутри!». Умирая въ страшныхъ мукахъ, страдальца кричала: «Тянуть меня, рвутъ меня!» Когда она умерла, то что-то въ родѣ птицы, вылетѣло изъ ея трупъ, бросилось въ окно и выбило стекла въ оконной рамѣ, улетая изъ комнаты. Раньше, наканунѣ смерти, мужъ пострадавшей женщины ѣздилъ къ знахарю за совѣтомъ. Знахарь сказалъ, что на его жену наслано нечистыхъ духовъ за завитки, «а чтобы избавиться отъ нихъ, то ты возьми мѣшочекъ крупъ и пойди въ полночь или въ полдень на то мѣсто, гдѣ бросило твою жену; тебя спроситъ тамъ невѣдомый голосъ, зачѣмъ ты пришелъ

или тебѣ чего надо?» Мужъ пошелъ въ полдень въ указанное мѣсто, но тамъ имъ овладѣлъ такой ужасъ, что онъ немедленно пустился бѣжать. Подъ вліяніемъ мысли объ ожидавшемъ его болѣе страшѣ онъ ужъ больше не отважился отправиться ночью въ указанное знахаремъ мѣсто, гдѣ онъ могъ узнать отъ бѣсовъ, что ему предпринять для спасенія своей жены. . . .

Сообщ. учит. народн. училища Н. Г. Яцко.

ВѢДЬМЫ.

Изъ числа сообщниковъ нечистой силы самой дурной репутаціей пользуются вѣдьмы. Это объясняется тѣмъ, что вѣдьма, по понятіямъ бѣлоруссовъ, чортова любовница; что она находится въ непосредственномъ общеніи именно съ чертомъ, а не съ другой какой, болѣе безобидной нечистой силой. Благодаря своей любовной связи съ чортомъ, она научилась колдовать, узнала таинственныя свойства нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. Прибавляя къ этимъ травамъ лисичье сердце и кошачью печень, причитывая извѣстныя ей заклинанія, она вывариваетъ изъ нихъ волшебную жидкость, которая имѣетъ свойство придавать вѣдьмѣ молодость и чудную красоту, предъ которой не устоитъ ни одинъ, или же, не измѣняя ея внѣшности, сообщаетъ ей необыкновенную привлекательность, совершенно неотразимую для простого смертнаго. Но это еще не все. Когда выпьетъ вѣдьма добытой ею чудесной жидкости, то она становится легкою какъ пухъ. Сядетъ она на *чепелу*¹⁾ или на помело, вылетитъ черезъ «коминъ» и несется по воздуху или по «вѣтру» какъ говорятъ бѣлоруссы. Такъ вѣдьмы и летаютъ на таинственныя, бѣсовскія игрища, т. е. гульбища, шабаши, которыя совершаются ночью гдѣ-нибудь на высокой горѣ.

Главный шабашъ происходитъ одинъ разъ въ году, въ самую бурную ночь, между Ильей и Успеньемъ. Такая ночь называется *промоюю*, а также и *рябиноюю*. Страшный громъ, непре-

¹⁾ Чепела — сковородникъ, родъ ухвата для сковороды. Слов. Носовича.

станная молнія отличаетъ ее отъ другихъ ночей. Въ эту то-ночь нечистая сила слетается на свой годово́й праздни́къ.

Кромѣ полового общенія съ чортомъ и очаровыванія муштинъ вѣдьмы отбирають у коровъ молоко, заламываютъ заломы на неурожай, на болѣзни и смерть людей, на падежъ скота. Онѣ могутъ сглазить беременную женщину, взглядомъ своимъ убить плодъ и тѣмъ произвести выкидышъ. Онѣ могутъ оборачиваться въ сороку, или черную кошку.

Изъ означенной выше рукописи А. Е. Богдановича.

«Еще и по настоящее время поселяне д. Ягнещицъ (Костровическ. волости Слонимск. у. Гродн. губ.) вѣрятъ въ вѣдьмы, что онѣ не только отнимають молоко отъ коровъ, но даже переносятъ къ себѣ, чародѣйскимъ образомъ, и другое добро».

Вѣдьмы больше всего проказничаютъ на Яна (24-го іюня). Крестьяне рассказываютъ, что многимъ изъ нихъ приходилось видѣть, какъ извѣстныя въ деревнѣ вѣдьмы ходятъ въ этотъ день до восхода солнца по лугамъ и полотенцемъ сбиваютъ съ травы росу, а дома изъ этого полотенца, говорятъ, течетъ у нихъ молоко.

Посему въ этотъ день крестьяне не выпускають утромъ на поле скота, а особенно коровъ, пока не пропадетъ роса.

Объ этомъ между крестьянами есть такой разсказъ:

«Нѣколи панскій хурманъ рано на Яна вѣѹ на выгонъ кони и забачіѹши, што вѣдзьма рушничкомъ ¹⁾ збивала рѣсу, ѣнъ давай ее дражниць и обогоняць рѣсу обруцею ²⁾. Пришѣдши до двора, ѣнъ повѣсіѹ обруць ѹ стайни на колѣчки. Коли зайдзе ѣнъ сюды зноѹ черезъ поѹгодзинки ³⁾, ажнажъ тамъ напекла изъ обруди цѣлая каложина ⁴⁾ молока. Ёнъ побѣхъ до пана, сказаѹ яму. Поприходила ѹся челядзь, наймычкѣ и паробкѣ, и не могли удзивицися ⁵⁾, што гѣто такое. Такъ и цекло молоко изъ обруци, пуки не опала роса.»

1) Утиральникомъ;

2) искаженное сл. отъ обрусъ, убрूसъ — скатерть;

3) полчаса;

4) лужа;

5) очень удивлялись.

Вѣдьма можетъ отнять молоко отъ чужой коровы и передать своей, не только на самого Яна, но и во всякое другое время. Для этого ей нужно только ударить, или хотя махнуть своимъ полотенцемъ или передничкомъ на чужую корову и потомъ тѣмъ или другимъ ударить свою. А когда зимою коровы стоятъ въ хлѣвахъ, то вѣдьмы могутъ отнимать молоко черезъ одолженіе какойнибудь, хотя самой пустой вещи. А если имъ ничего не одолжать, то онѣ стараются незамѣтнымъ образомъ поднять на дворѣ хотя самую маленькую частицу навоза, или какуюнибудь щепочку. Особенно опасно для всего хозяйства одолжить чтонибудь вѣдьмамъ наканунѣ большихъ праздниковъ, каковыми считаются: Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе Господне, Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, Пасха, Троицынъ день и больше всего Яна. Въ эти дни не только людямъ, которымъ крестьянинъ не довѣряетъ, но даже добрымъ своимъ знакомымъ, которыхъ онъ вполне уважаетъ — и тѣмъ онъ постѣняется что-нибудь одолжить. Въ этомъ не разъ приходилось мнѣ убѣждаться самому лично: «Не, паночку, цеперь не могу позычиць; цеперь у насъ не можно позычиць ничого и никому», говоритъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ крестьянинъ.

Вѣдьмамъ возможно имѣть различные молочные продукты и безъ коровы, при посредствѣ волшебствъ. Объ этомъ крестьяне рассказываютъ такъ:

«У одной хадѣ зъ недзѣлю робіў кравецъ ¹⁾ и ёнъ по трошку ²⁾ стаў циковаць ³⁾, што яго госпадыня вѣдьма: немае коровы, а кожынъ ⁴⁾ ранокъ ⁵⁾ дае на снѣданье ⁶⁾ картопли зъ свѣжимъ масломъ. «Постой же», каже ёнъ, «хоць килька ночі не буду спаць, але такі допильную, скуль ты яго берэшъ». Поляглі ўсѣ спаць, а ёнъ ўсѣ думае про гэта и не спиць. Аножъ якъ только заспѣвали пѣтухѣ, ўстала яго госпадыня, запаляла цесну ⁷⁾, бор-

---

¹⁾ Портной;   ²⁾ по немногу;   ³⁾ замѣчать;   ⁴⁾ каждый;
⁵⁾ утро;   ⁶⁾ завтракъ;   ⁷⁾ лучину.

зденько¹⁾ пошла ў прѣмень²⁾ и принесла одтуль помело. Пѣтымъ ўзяла лаханку, поставила ее на припечку, проціу комина и давай молоць ў ей помеломъ. Молола, молола, пѣтымъ потрасла нидъ лаханкою помеломъ и ў лаханцѣ зробилася самое жоўтое и хорошее масло. На ранкѣ, яна подае яго зъ картоплями, але яго ажъ сколонуло гэта масло и зъ гэтаго дня ёнъ уже не мохъ ѣсьци масла у гэтой господинѣ.»

Для того, чтобы воспользоваться чужимъ добромъ, вѣдьмы часто превращаются въ птицъ, напр. ласточекъ, насѣкомыхъ — бабочекъ и больше всего въ жабы.

Кажется, на самомъ дѣлѣ есть жабы, которыя любятъ лакомиться коровьимъ молокомъ и для этого даже умѣютъ приспособляться сосать коровъ. Относительно этихъ жабъ, всѣ крестьяне крѣпко убѣждены, что онѣ суть превратившіяся вѣдьмы и приходятъ въ чужой домъ не только за молокомъ, но онѣ не прочь воспользоваться и другимъ, какое попадетъ, добромъ. Такъ крестьянка д. Ягнещицъ, старуха Варвара, и теперь еще рассказываетъ:

«Нѣколи на Яна прихожу я ранкомъ у стѣнку³⁾ до судзіны⁴⁾ дрець муку. Коли погляду я туды, ажно тамъ сидиць, вылупивши⁵⁾ очи нѣкая велькая, черная рапуха⁶⁾. Яна чисто укачалася ў муку и поглядае на мене, спершеў я сполохалася, але пѣтымъ, опамятаваўшися, што цеперь Яна, я догадалася, што гэта не рапуха, а вѣдзьма. Тогда я зачерпала ее коўшемъ⁷⁾, прикрыла хвартушкомъ⁸⁾ и ўкинула ў печь. Я чисто спекла ее и неживую выкинула на дворъ. Але якъ поглядѣла я пѣтымъ, жабы не было на томъ мѣстыцѣ, гдѣ я ее покинула, а ў вѣчери я узнала,

¹⁾ Скоро.

²⁾ Сѣни.

³⁾ Кладовую.

⁴⁾ За посудой.

⁵⁾ Широко раскрывши.

⁶⁾ Жаба.

⁷⁾ Коушъ — деревянное черпало съ рукою. Слов. Носовича.

⁸⁾ Передникомъ.

што лещиць здысь хворая моя сосѣдка черезъ три хапи, Алена Кадовбичиха, на которую ўсѣ говорили, што яна вѣдзьма. Казали, што на ўсѣмъ ее цѣлѣ были нѣяки прищайки¹⁾, якъ бы попечены. Значиць, гѣто яна приходила за моимъ добромъ».

Для того, чтобы оградить коровъ отъ вѣдьмъ, то на Яна, когда вѣдьмы имѣютъ наибольшую силу, надъ дверьми хлѣва вѣшаютъ «громничную²⁾ свѣчку» и освященные травы: «вѣдзьма боицца святыхъ рѣчоу³⁾ и не посмѣе ици ў той хлѣў, гдѣ яны есьць». А въ другихъ мѣстахъ вѣшаютъ у дверей хорошо наточенную косу, чтобы вѣдьма, идя въ хлѣвъ, разрѣзала себѣ голову, а на порогѣ хлѣва и въ серединѣ, а также по окнамъ въ домѣ, кладутъ крапиву. Нѣкоторые, чтобы навсегда застраховать своихъ коровъ отъ вѣдьмъ, дѣлаютъ маленькимъ буравчикомъ дырочки въ рогахъ коровы и забиваютъ туда частицы «живаго срибра»⁴⁾, или «дэвэльдrekъ»⁵⁾ — вещество съ сильнымъ и очень противнымъ запахомъ.

Крестьяне вѣрятъ, что «дэвэльдrekъ» (чертовъ пометъ) чортъ не любитъ и не пойдетъ къ той коровѣ, при которой оно есть.

Впрочемъ, какъ всѣ суевѣрія, такъ и эти, въ послѣднее время значительно стали уменьшаться, между народомъ и въ настоящее время замѣтно держатся только въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ есть старыя бабы.

Сообщ. учит. народн. училища Г. А. Нестерукъ.

Изъ обширнаго цикла разсказовъ насчетъ отнятія вѣдьмами молока отъ чужихъ коровъ приведемъ еще одинъ, записанный въ с. Новоселкахъ (Игуменскаго уѣзда Минской губ. воспит. Виленск. учительск. института, г. Остаповичемъ):

«Шелъ одинъ человекъ въ Кіевъ. По дорогѣ онъ зашелъ ночевать къ одной старой женщинѣ. У нея былъ мальчикъ. Незвѣстно: былъ ли это ея сынъ или сирота какой нибудь. За нѣсколько времени до прихода человека къ этой бабѣ, она ушла куда то. Мальчикъ остался одинъ. Онъ вышелъ въ сѣни и видитъ, что

¹⁾ Прыщи;   ²⁾ Сряменскую;   ³⁾ вещей;   ⁴⁾ ртуть;   ⁵⁾ лат. кава. гуми асафетида.

«камора», которая всегда запиралась бабою на замокъ, теперь отперта. Мальчикъ отперъ дверь и вошелъ въ камору. Видитъ тамъ въ углу стоять «коробъ». Онъ подошелъ къ коробу и началъ его разсматривать. Видитъ въ «коробѣ» два колышка. Онъ выдернулъ одинъ колышекъ изъ отверстія. Молоко брызнуло и стало литься съ такою силою, что мальчикъ никакъ не могъ остановить его и закрыть отверстіе. Мальчикъ страшно перепугался, бросился въ хату и сталъ просить человѣка, зашедшаго къ нимъ на ночлегъ, запереть отверстіе въ «коробѣ». Человѣкъ пошелъ съ мальчикомъ въ «камору». Видитъ: весь полъ залитъ молокомъ по колѣни, а изъ отверстія «короба» идетъ уже не молоко, а кровь. Человѣкъ въ свою очередь испугался и поспѣшилъ скорѣе затворить отверстіе въ «коробѣ». Въ эту самую минуту вошла баба и узнавъ обо всемъ, чуть не прибила мальчика. Человѣка же просила не говорить никому о томъ, что онъ видѣлъ.

Для того, чтобы не дать возможности вѣдьмѣ выдти изъ коровъ, крестьяне употребляютъ различныя средства. На канунѣ дня Ивана Купала женщины «святятъ» хлѣвъ святой водой, курятъ вокругъ коровъ освященными на Ивана Купала травами, бьютъ ихъ «вербой». Надъ дверями хлѣва вѣшаютъ серпъ и укрѣпляютъ «громническую свѣчу», на которой послѣ ночи иногда замѣчаютъ слѣды зубовъ. Мѣсто передъ дверями или воротами хлѣва усыпаютъ крапивою, а въ срединѣ хлѣва вокругъ стѣнъ сыплютъ «видукъ» (родъ мака).

Крестьяне вѣрятъ, что вѣдьма до тѣхъ поръ не умретъ, пока не передастъ всѣхъ своихъ вѣрованій, всѣхъ своихъ чаръ и заклинаній другому лицу.

Чтобы узнать вѣдьму, нужно наканунѣ дня Ивана Купала вечеромъ варить цѣдилку (тряпку, чрезъ которую цѣдятъ молоко) въ гарнущечкѣ (горшечкѣ). Тогда вѣдьма непременно явится и спроситъ: «что вы варите?»

ПРОКАЗЫ ВѢДЬМЫ ¹⁾.

Минск. губ., Слуцк. у., Клецкой волости.

Были такъ сабѣ мужики ў дзяреўні и просіў ихъ одзінъ господаръ ѣхаць по дзерево. Пріѣхали яны ў лѣсъ и постѣкли дзерева, наклали яго и увязали. Тогда сѣли, поѣхали до дому. Ёдуць яны, ёдуць дорогою, а при той дорозѣ сѣдзяць кусты не вялікіе, ў тыхъ кустахъ пасуць дзѣўкі коровы и одна дзѣўка, вельми хорошая, што бяда. А за ими ѣхаў зъ тыми людзьми молодзецъ ни жанатый, — такій чаловѣкъ хорошій, и задумаў ёнъ: «вотъ кабъ гэта зъ гэтою дзѣўкою выспацца, добро бъ было». Наконецъ зъ гэтае думы звалилося у яго колясо зъ драбинь²⁾ и ёнъ тогда закрычаў: «Почакайце, братцы! колясо мое звалилося.» Подышли ўсѣ гэтые людзи къ гэтымъ драбинамъ и стали подымаць, но не могли даць рады, ни подымуць драбинъ, а ўзяли, бросили и говоруць: «што мы, братцы, за однимъ будзимъ пропадаць до поўночи?» Ўзяли яны и поѣхали. Застаўся ёнъ толькі одзінъ. Тогда подходзіць къ гэтому возу дзѣўка и пытаецца ў яго: «Ну, молодзецъ ты мой, скажи ты мнѣ словечко, што ты обо мнѣ подумаў, тогда я помогу табѣ подняць возъ, зложіць колясо и поѣдзімъ разамъ зъ'ими.» Тогда ёнъ стыдзіцца ей объ гэтомъ говориць. «Нима чаго, братъ, сорóмацца» говориць ена, «што подумаў, такъ скажи сібѣ». Ёнъ ей и говориць: «я задумаў, кабъ зъ вами выспацца» — Добро! говориць ена, приходзь».

Подняла ена возъ и колясо на драбинахъ и ёнъ поѣхаў до дому. Пріѣхаўши до дому вѣ поўночъ, ёнъ и ни хоцѣў бы ідці къ той дзѣўцы спаць, но марносьць³⁾ яго цягну. Пришоў ёнъ къ ей. Ена стоіць коле угла. Якъ подышоў ёнъ, ена яго выцяла, по плечи: «Стой конь!» и ёнъ зробіўся конемъ и ена наложила на яго уздэчку и сядло, садзіцца и ѣдзіць. Ёдзець на ёмъ до половины ноци. Якъ толькі пѣўні запоюць, тогда ена вытня⁴⁾ яго и

¹⁾ Эти проказы скорѣе похожи на продѣлки русалки. III.

²⁾ *Драбины* — телѣжный составъ безъ колесъ. Слов. Носовича.

³⁾ У Носовича вѣ подходящемъ значеніи этого слова нѣтъ, а у Дали оно подведено подъ словомъ: *Маресо* — призракъ. III. ⁴⁾ Ударить.

ѣнъ зробицца чаловѣкъ и кажа: идзи, молодець, до дому. На другую ночь такъ само цягня его охвота ици. Якъ проѣздзила ена на ѣмъ другую ночь, ѣнъ зробиўся якъ пьяный и пошоў до дому. Бачиць яго семья, што ихъ молодзенець ўсѣ худзѣець ды худзѣець и говѣриць ему дзяцько: «скажи мнѣ: можа ты зъ кимъ полаяўся или на кого што подумаў? такъ кажи мнѣ, а то будзе табѣ кепско ¹⁾». Ёнъ и кажа: «якъ мы везли гѣтому чаловѣку дзерево и пасвила по дорозѣ статокъ дзѣўка хорошая и я задумаў: штобы зъ ей выспацца? а цеперь якъ придзе поўночь, то мяне цягня марносць ици къ ёй; якъ тольки приду, ена вытня мяне рукою, скажа: «стой конь!»—зроблюся конемъ: ена на мене зложиць уздѣчку и сядло и ѣдзиць до поўночи, а якъ запоюць пѣўни, ена вытня рукою по мнѣ и я зроблюся чаловѣкомъ. Тогда ена скажа мнѣ: «ну, младзенець, идзи до дому». Проѣздзила ена уже на мнѣ дзвѣ ночи. Цеперь трецяя ночь трѣба ици». Дзяцько на гѣто ему сказаў: «Ну идзи, глядзи, штобъ ты скорэй за ее пришоў на мѣсто и вытняшъ по ей и скажашъ: «Стой, кобыла!» а ты садзися на ней и ѣдзь и просто рѣшъ мясо ножомъ и кидай; не бойся; такъ цебе ены не зловяць, а коли зловяць, то звядуць зъ свѣту». Пришоў молодець ўпяродъ яе на мѣсто, вытняў: «стой, кобыла!» Ена зробилася кобылою. Ёдзецъ ѣнъ на ей и рѣжа мясо кусками и кидая назадъ. Посли пѣўни запѣли и ѣнъ выцяў по ёй — ена зробилася дзѣўкою и ѣнъ сказаў: «ну идзи, дзѣўка!» Тогда ена пошла и ў три дня померла. Передъ смерцію говѣриць свойму брату: «Я чарезъ такогo померла; нехай ѣнъ приходзиць вартоваць ²⁾ три ночи». А дзяцько ему и кажа: «Идзи, вартуй и сядзь на стоўби, накрыйся лапцемъ, — ены цебе не найдучъ». Ў самую поўночь сходзицца музыка, пьюць, гуляюць; тогды ўстае дзѣўка и говориць: «Ну шукаймо мойго младзенца: я хочу зъ имъ погуляць!». Але кольки ены ни шукали, — ну ни могли найци; запѣли пѣўни, ены пропали и дзѣўка лягла на лавѣ. Придуць, поглядаць, якъ дзень ѣнъ ее

¹⁾ Худо;   ²⁾ караулить, дежурить.

вартуецъ. На другую ночь зноў трэба яму нѣи вартоваць; яго дзяцько яму и говориць: сядзешъ ты на лавѣ и накрыйся скородою, ены опяць не найдуць тебе. Пришла поўночь, сходяцца духи — пьюць, гуляюць. Тогда ўстае дзѣўка: «Ну шукаймо мойго младзенца!» Але кольки ни шукали, — ни нашли, а якъ запѣли пѣўни, ены пропали, а дзѣўка на лавѣ лягла. На трецію ночь дзяцька яму и говориць: «сядзь ты въ кутовомъ углѣ и накрыйся терницаю¹⁾, то ены ни найдуць тебе». Пошоў ёнъ вартоваць, сѣў въ углѣ, накрыйся терницаю. Пришла поўночь, сыплася музыка, дзѣўка ўстала и говориць: «трэба шукаць мойго младзенца, — я хочу зъ имъ погуляць.» Кольки ни шукали, ни нашли. Запѣли пѣўни, ены пропали и дзѣўка лягла зноў на лавѣ. Послѣ гэтаго говориць ойцець дзѣўки: «Ну ты поховаць ее повиненъ ў noci за 60 верстѣ.» Запечалиўся младзенець, а дзядзя и говориць яму: «Не печалься! скажи дзѣўкину ойцу, кабъ на трункѣ было 60 обручоў и шесць добрыхъ коней». Ёнъ сказаў гэтакъ. Обручи и кони готовы, положили трунку на драбины и ёнъ повѣзъ дзѣўку. Ящѣ дзяцька яму сказаў: «якъ сядзешъ на драбины, вытни по разу по конямъ бизуномъ²⁾, ены якъ вихиръ помчацца и што проѣдзешъ версту, то лопня одзинъ обручъ. Коли ўсѣ обручи перелопнуць, ты вытни бизуномъ и станешъ на пень, а на землю не становися. Тогда ена хоць подымецца, но не найдзе тебе.» Ёнъ такъ и зробіў. Обручи полопалися, ена ўстала, а ёнъ по трункѣ бизуномъ и стаў на пень. Коля ян шукали, не нашли яго, а коли пропѣли пѣўни, духи пропали, а ена зработилася собакою. Ёнъ выстрліў ў ротъ гэтае собаки дванадцаць разъ и забіў, а якъ забіў, вышла изъ ея мышъ. Гэту мышъ положили ў труну и закопали ў зямлю.

Я тамъ быў, медъ вино піў, по губамъ цекло, а ў роцѣ ни было.
Зап. волостнымъ писаремъ Ѡ. Колгоновымъ. Сообщ. Минск. Статистическимъ Комитетомъ.

¹⁾ Терница — орудіе, которымъ мнутъ пеньку и лентъ. Курск. г. Оп. обл. великор. словаря. У Носов. этого сл. нѣтъ. ²⁾ кнутомъ.

ЛѢЧЕНІЕ БОЛѢЗНЕЙ И СРЕДСТВА ПРОТИВЪ РАЗНЫХЪ НАПАСТЕЙ.

Чародѣйство, колдовство и знахарство (особенно послѣднее) болѣе чѣмъ наполовину состоитъ изъ врачеванія болѢЗНЕЙ и, такъ сказать, изъ насыланія ихъ различными способами. И способы врачеванія и насыланія болѢЗНЕЙ логически вытекаютъ изъ представленія бѣлоруссовъ объ ихъ сущности. БолѢЗнь представляется бѣлоруссу какъ невидимая, но матеріальная сила, которая можетъ входить въ человѣческое тѣло или обволакивать собою его и тѣмъ причинять человѣку страданія. Или же болѢЗнь — это враждебный духъ, вошедшій въ тѣло, въ большинствѣ случаевъ, во время сна. Ко второму ряду болѢЗНЕЙ, т. е. такихъ вслѣдствіе вселенія въ человѣка нечистаго духа, относятся: сумашествіе, падучая болѢЗнь, параличъ, лихорадки и вообще всѣ тѣ болѢЗНИ, которыя сопровождаются горячечнымъ бредомъ, корчами, произвольными движеніями. Къ первому же ряду относятся всѣ остальные болѢЗНИ.

Исходя изъ того взгляда, что большинство болѢЗНЕЙ происходитъ отъ чего-то невидимаго, вселившагося въ человѣка и причиняющаго ему болевые ощущенія, — что всякая «нечистая сила», какъ могущая быть невидимой, можетъ вселиться въ насъ и всячески мучить насъ, бѣлорусъ дѣлаетъ заключеніе, что тѣ люди, которые находятся въ близкомъ общеніи съ нечистой силой, какъ напримѣръ разнаго рода чаровники и колдуны, могутъ насылать всякую «нечисть» на извѣстныхъ людей и тѣмъ причинять имъ болѢЗНИ. Вслѣдствіе такого взгляда, бѣлоруссы про всякую, сколько-нибудь серьезную болѢЗнь говорятъ, что она «здѣлана» кѣмъ-нибудь, или что, вѣроятно тотъ или другой ее «зробіў», «поддѣлаў», «наслаў». Сообразно съ такимъ мнѣніемъ о происхожденіи громаднаго большинства болѢЗНЕЙ и практикуются соотвѣтственные способы и средства для ихъ излѣченія. Нѣкоторыя болѢЗНИ только хорошій знахаръ можетъ вылѣчить, а другія,

нѣкогда, вѣроятно, тоже подлежавшія вѣдѣнію знахарей, нынѣ лѣчатся домашними средствами, — настолько способы лѣченія ихъ стали популярны.

Если болѣзнь производитъ поселившійся въ тѣлѣ человека злой духъ, или другая болѣзнетворная сила, то больной тогда выздоровѣетъ, когда будетъ устранена причина болѣзни, т. е. изгнанъ враждебный духъ. Какъ его изгнать? Самый простой способъ, такъ сказать, механическій, какъ на примѣръ — выгоняють воздухъ изъ пузыря, выжимають воду изъ мокрой тряпки и т. п. И дѣйствительно, такіе чисто-механическіе способы широко распространены въ бѣлорусской деревенской медицинѣ.

1. Если болѣзнетворный духъ поселился въ человекѣ, то всего скорѣе онъ избралъ для себя мѣсто въ грудной и брюшной полостяхъ, ибо эти полости прямо сообщаются съ вѣшнимъ міромъ. А если это такъ, то всего легче изгнать болѣзнь посредствомъ давленія на грудную или брюшную полость. Такъ и дѣлають въ бѣлорусскихъ деревняхъ. Кладутъ больного у порога, животомъ къ низу, а на спину ему становится нарочно выбранный для этой цѣли человекъ, который, стоя, трижды на ней слегка подпрыгиваетъ. Это онъ повторяетъ три раза подъ рядъ, съ небольшими только промежутками. Продѣлывается это утромъ и вечеромъ каждодневно, пока больной не поправится или не умретъ. Первороджденные слывуть наиболѣе подходящими къ роли топталщиковъ. Передъ порогомъ, или передъ печью съ открытой трубой кладутъ больного для того, чтобы вышедшій изъ него духъ, нашель себѣ скорый выходъ изъ избы и не поселился бы въ комъ-нибудь изъ присутствующихъ,

2. Наряду съ топтаніемъ практикуется и сродное ему средство: *катаніе больного*. Это дѣлается особенно тогда, когда болитъ животъ. Не пренебрегають этимъ средствомъ и при головныхъ боляхъ. Больного кладутъ на *дерюгу* (рядно) и, взявъ въ руки концы ея, раскачивають его съ конца въ конецъ дерюги.

3. Также въ ходу *растиранія руками* больныхъ мѣстъ. Мы полагаемъ, что и этотъ деревенскій массажъ находится въ связи

съ представлениемъ о возможности изгнанія болѣзней путемъ механическаго давленія.

4. Наросты на костной ткани, припухлости, вздутіе жилъ, грыжу и т. п. болѣзни лѣчатъ посредствомъ легкаго, грызенія больного мѣста.

5. «Ячмень» (небольшой нарывъ на глазномъ вѣкѣ) лѣчатъ «откидываніемъ». Именно, отсчитываютъ десять ячменныхъ зеренъ и каждое изъ нихъ, обматывая трижды вокругъ больного глаза, отбрасываютъ набтмашъ, прочь. Потомъ впускаютъ въ избу курицу, чтобы она склевала эти зерна.

6. «Якъ ячмень на воку, то трѣба узяць коливо ячменю и обвесыци три разы около воку, а потомъ сказаўши: ячмень на воку, урошь пророку!» кинуць курицѣ, а ена съѣсьць. Тогда ѹсе и пройдзе».

7. *Средство отъ испуга.* Вздрагиваніе при испугѣ бѣлоруссы объясняютъ тѣмъ, что это «душа выскочиць хоцѣла». Если испугъ очень силенъ, то полагаютъ, что душа или очутится «не на мѣсьцѣ» или совершенно выскочить вонъ изъ тѣла. Въ первомъ случаѣ человекъ претерпѣваетъ легкое расстройство, а во второмъ — можетъ очень серьезно заболѣть, и эта болѣзнь будетъ сопровождаться горячечнымъ бредомъ, произвольными движеніями, галлюцинаціями и т. п. «Гѣто зробилося яму съ пуду», т. е. съ испугу, говорятъ бѣлоруссы. Въ первомъ случаѣ, при легкомъ расстройствѣ, употребляется слѣдующее средство:

8. Берутъ четыре горячихъ уголька изъ своего очага и опускаютъ ихъ одинъ за другимъ въ сосудъ съ чистой криничной водой и этой водой обмываютъ больного, а иногда даютъ ему ее пить. Такъ дѣлается до тѣхъ поръ, пока больной не поправится.

9. Если же болѣзнь болѣе серьезнаго свойства, то, чтобы вернуть на свое мѣсто испуганный духъ, состригаютъ по немногу волосъ у тѣхъ лицъ, которые, по предположенію, могли испугать больного, и этими волосами подкуриваютъ его, заставляя вдыхать въ себя дымъ. Если причиной испуга было какое-нибудь животное, то и его стригутъ и шерстью или перьями подкуриваютъ больного.

10. Но испугъ можетъ быть, по мнѣнію бѣлоруссовъ, и хорошимъ врачебнымъ средствомъ въ тѣхъ именно случаяхъ, когда больной, одержимъ злымъ, болѣзнетворнымъ духомъ. Такъ, на примѣръ испугомъ лѣчатъ «припадокъ», т. е. падучую болѣзнь. Такого больного стараются подкараулить гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ: наряжаются какимъ-нибудь страшилищемъ и стараются возможно сильнѣе испугать его. Если испугъ будетъ настолько силенъ, что больного сейчасъ же «кинець припадокъ», то онъ, какъ увѣрены бѣлоруссы, выздоровѣетъ вслѣдствіе того, что отъ испуга выскочитъ изъ него злой духъ, производившій болѣзнь.

11. *Ситнь* (тѣнь). Эта болѣзнь характеризуется горячечнымъ бредомъ и галлюцинаціями. Такого больного выносятъ въ солнечный день на дворъ, кладутъ навзничъ на широкую доску, заранѣе приготовленную и очерчиваютъ углемъ ту тѣнь, которая обозначается на доскѣ. Эту доску съ очертаніемъ тѣни топятъ въ криницѣ, приговаривая: «кабъ ты не ворочалася, кабъ ты утапилася». Когда возвращаются домой послѣ потопленія тѣни, нельзя оглядываться назадъ. Иногда вмѣсто потопленія сжигаютъ тѣнь или вѣрнѣе ту доску, на которой она была очерчена.

12. *Подвѣй*. Такъ бѣлоруссы называютъ параличъ. По ихъ мнѣнію, «подвѣй» — это тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. Лѣченіе этой болѣзни таково: знахарь или знахарка сучить предварительно длинную нитку изъ дикой конопли или изъ крапивы; больного сажаютъ предъ топящейся печью и сперва начинаютъ просить *подвѣй*, чтобы онъ оставилъ больного въ покоѣ, и затѣмъ переходятъ къ угрозамъ, что если онъ не оставитъ больного, то его, подвѣя, силой свяжутъ и сожгутъ. Послѣ этого приступаютъ къ его связыванію. Знахарь обвиваетъ нитку вокругъ головы больного и словами, произносимыми шепотомъ: «вяжу твою голову» и завязываетъ конецъ нитки въ узелокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ конецъ сошелся съ ниткой, такъ что получается петля мѣрою съ голову. Затѣмъ знахарь вяжетъ животъ со словами: «вяжу твой животъ». То же самое продѣлывается съ руками и ногами больного. Всѣ эти завязки спустя нѣсколько минутъ, снимаютъ и

бросають въ печь, въ огонь, и повелительно кричатъ больному: «встань, подними руку, говори!» — смотря потому, какая часть тѣла была поражена параличемъ.

13. *Трасца* или лихорадка, какъ извѣстно, сопровождается всѣми характеристическими признаками, отличающими тѣ недуги, которые производятся враждебными духами, вселявшимися въ человѣка, именно: дрожью, судорожными движеніями и т. п., то и лѣченіе этой болѣзни строго-последовательно направляется къ устраненію предполагаемой ея причины.

Принимая во вниманіе, что желанія, высказываемыя больнымъ, суть не его желанія, а болѣзнетворнаго духа, то, исполняя эти желанія, мы только бы сдѣлали, поблажку болѣзни и тѣмъ доставили-бы ей возможность еще продолжительнаго и пріятнаго пребыванія въ тѣлѣ больного, рекомендуется поэтому поступать какъ разъ на оборотъ, дѣлать противоположное тому, что просить больной.

А чтобы сдѣлать пребываніе «трасцы» рѣшительно невыносимымъ для нея, совѣтуютъ выкуривать ее чѣмъ-нибудь особенно вонючимъ. Такъ какъ она особенно не любитъ дыма сухихъ дождевиковъ, то ими и подкуриваютъ больного три раза въ день. Вообще нужно замѣтить, что всевозможныя подкуриванія, какъ врачебныя средства, въ большомъ ходу въ Бѣлоруссіи.

Для излѣченія лихорадки деревенскія лѣкарки употребляютъ слѣдующія средства:

14. Листья полыни смѣшиваютъ съ свѣжимъ хлѣбомъ, приготавливаютъ изъ этой смѣси шарики, величиною съ грецкій орѣхъ, и даютъ ихъ больному ѣсть. Иногда ѣдятъ листья полыни въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ подмѣсей. Это средство очень распространено въ деревенской лѣчебной практикѣ.

15. Не менѣе дѣйствительными средствами противъ лихорадки считается сердцевина подсолнечника. Очистивъ отъ коры, ее сушатъ на солнцѣ и толкутъ въ порошокъ. Въ одинъ пріемъ даютъ больному, приблизительно — столовую ложку этого порошка, размѣшаннаго въ полустаканѣ воды.

16. Одержимые лихорадкой ѣдятъ молодую осинovou кору.

17. Также ихъ подкуриваютъ сухими дождевиками.

18. Для излѣченія лихорадки считается полезнымъ не исполнять требованій больного относительно пищи, а напротивъ заставлятъ его ѣсть то, къ чему онъ чувствуетъ наибѣйшее отвращеніе.

19. Считается полезнымъ сильно испугать больного ¹⁾.

Въ Гродн. губ. Слонимск. у. относительно лихорадки, или трасци, въ народѣ въ ходу повѣрье, что всѣхъ лихорадокъ 77, и что если человѣкъ заболѣетъ этой болѣзью, то это значить, что на него напала, или къ нему пристала одна изъ нихъ и никакой другой причины ея появленія не признаютъ. Поэтому наши крестьяне въ данныхъ случаяхъ больше вѣрятъ знахарю, который можетъ прогнать лихорадку своими напептываніями, чѣмъ разумному лѣченію врача. Часто однако они лѣчатъ лихорадку и сами, своими домашними средствами, въ родѣ слѣдующихъ:

20. Сваренное куриное яйцо завязываютъ больному въ рубашку, на груди. «Трасца», говоритъ народъ, «любиць яйца и якъ зѣсьсьць увесь бѣлокъ, то «вѣнно заставиць хворого».

21. Также разрѣзываютъ такое яйцо на 77 частей и больной долженъ до восхода солнца снести эти куски на рѣку, не оглядываясь никуда, какъ по дорогѣ туда, такъ и на обратномъ пути — и тамъ бросить ихъ въ воду, со словами: «Вась 77, — напе вамъ по кусочку ўсѣмъ! Ъжьце, а мене не застаўце!»

22. Даютъ больному горсть соломы и посылаютъ его на поле, чтобы обвязать ею растущую тамъ грушу, или рябину. Онъ не долженъ оглядываться ни идучи туда, ни обратно. Тогда лихорадка непременно перейдетъ съ него на обвязанное дерево.

23. Даютъ больному пить наваръ полыни, моху съ креста или камня, яйцо разболтанное съ водкой, водку съ надавленными въ нее клонами и т. п., что-нибудь горькое и гадкое, чтобы этимъ оттолкнуть лихорадку отъ больного.

Народъ убѣжденъ, что лихорадка, какъ и холера, чтобы войти въ человѣка, или пристать къ нему, принимаютъ видъ

¹⁾ Изъ сообщеній А. Е. Богдановича, изъ Борисовск. у. Минск. губ.

человѣка, животнаго или насѣкомаго. Относительно лихорадки въ народѣ ходитъ такое преданіе:

«Нѣйкій мужикъ увидѣѹ разъ ночью во снѣ, што до яго пришла нѣякая пани и сказала: «Якъ придзешъ ты заўтре зъ горанья, то жонка дасьць табѣ ѣсьци кислое молоко и ѹ гѣтомъ молоцѣ будзе дзвѣ мухи. Глядишь ты, не ѣжъ гѣтого молока, бо гѣто будуць не мухи, а трасцы». Штѣ сказала пани, ѹсѣ вышло на праўду. Приходзиць ёнъ зъ поля, а жонка подае яму кислое молоко, а ѹ ёмъ дзвѣ мухи. Поглядзѣўши на йхъ, ёнъ не ѣѹ гѣтого молока, а ѹзяѹ тые мухи, посаdziѹ йхъ ѹ боты, моцно ихъ завязаѹ и повѣсиѹ на *пересови* ¹⁾. Съ того дня такъ и напало нѣякое лихо на боты: спершоѹ ихъ колоцило по разу черезъ дзень, пѣтымъ кажды дзень, а еще далій стало ихъ трасцы по два, а пѣтымъ по три разы на дзень. Алежъ такъ шло, што ажъ апцацц ²⁾ ляскацѣли ³⁾ одзинъ обѣ другі. Ёнъ гѣтакъ мучиѹ ихъ три годы, ажъ пѣтымъ яны стали яго просиць: «Выпусци насъ на волю, то мы уже не одно тебе не будемъ зачѣпаць, але никого и изъ твоей *памини* ⁴⁾. Якъ развязаѹ ёнъ боты, то яны выпоўзли зъ йхъ и были такія худыя, што ледзве полецѣли, але зъ тае поры нигды не хвораѹ на трасцу, якъ ёнъ самъ, такъ и яго паминя ⁵⁾.

24. *Отъ зубной боли.* Нужно снять со скрипки одну струну и повѣсить ее себѣ на шею. Пока она тамъ будетъ висѣть, зубы болѣть не будутъ (Вилейск. у.).

25. Сдѣлать изъ гвоздя старой стертой лошадиной подковы кольцо и надѣть его на палець той руки, которая соотвѣтствуетъ больной сторонѣ зубовъ: зубы перестанутъ болѣть.

26. Чтобы предупредить зубную боль, нужно, обуваясь и разуваясь, начинать съ лѣвой ноги.

27. *Отъ ревматизма.* Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рогачевск. уѣзда ревматизмъ лѣчатъ водочнымъ наваромъ изъ мухоморовъ:

¹⁾ Жердь, протянутая отъ печки до передней стѣны и служащая вѣшалкой. ²⁾ Съ нѣмецк. *Absatz* — каблукъ. ³⁾ Стучали. ⁴⁾ Фамилиі, семьи.
⁵⁾ Запис. учит. народн. училища А. Несторукъ.

накладываютъ мухоморы въ бутылку, которую наливаютъ водкой. Затѣмъ эту бутылку замазываютъ въ хлѣбъ и сажаютъ въ печь, гдѣ она остается часа 2 — 3, пока не испечется хлѣбъ и тогда образовавшимся наваромъ натираютъ больныя мѣста.

28. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Слонимск. у. (Гродненск. губ.) отъ ревматизма лѣчатъ конскимъ саломъ: правую руку — отъ правой передней ноги лошади, лѣвую — отъ лѣвой; правую ногу — отъ правой задней ноги лошади, лѣвую — отъ лѣвой задней¹⁾.

29. Отъ ревматизма и ломоты въ костяхъ кромѣ (очень популярной) камфоры, употребляется корень цикуты. Его сушатъ, толкутъ въ порошокъ, смѣшиваютъ со свѣжимъ коровьимъ молокомъ и натираютъ больныя мѣста.

30. Ломоту въ костяхъ также лѣчатъ посредствомъ натирания медвѣжьимъ жиромъ, послѣ чего закрываютъ больное мѣсто заячьей шкуркой, шерстью внутрь.

31. При ломотѣ въ спинѣ и плечахъ натираютъ больныя мѣста въ банѣ мелко-истертымъ хрѣномъ или рѣдкой.

32. *Отъ ломоты во всемъ тѣлѣ.* Во время лѣтнихъ работъ большинство крестьянъ жалуется на боль и ломоту во всемъ тѣлѣ, и особенно въ костныхъ сочлененіяхъ. Причиной этого они считаютъ застой крови. Для излѣченія парятся и натираются въ банѣ, въ сильномъ духу, крапивой-жгучкой, такъ, что все тѣло покрывается волдырями. Это средство считается радикальнымъ и предпочитается банкамъ и пиявкамъ. Почти каждый слишкомъ усердный въ трудѣ крестьянинъ ежегодно прибѣгаетъ къ помощи этого средства и, какъ говорятъ, съ успѣхомъ.

33. Отъ чахотки и грудныхъ болѣзней даютъ пить бобовый взварь.

34. Чахоточнымъ совѣтуютъ также пить крѣпкій настой полынной водки 2 раза въ день по полрюмки.

35. Лѣчатъ эту болѣзнь и рѣдечнымъ сокомъ: берутъ рѣдку, обрѣзаютъ верхушку и дѣлаютъ въ ней ямочку, чѣмъ нибудь ее покрываютъ и оставляютъ ее такъ на ночь, а утромъ пьютъ по-

¹⁾ Изъ записей М. Г. Машурко.

средствомъ соломинки накопившійся въ ней сокъ, затѣмъ совѣтуютъ попариться въ банѣ.

36. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собираютъ смолистые молодые побѣги сосны, которые въ народѣ зовутся шишками; ихъ сушатъ и кипятятъ въ водѣ. Полученный настой даютъ остыть и потомъ пьютъ его по 2 и по 3 стакана въ день, послѣ ѣды.

37. Собираютъ для этой же цѣли сосновую смолу, «живицу» (текущую съ живого растущаго дерева, для чего сосны съ солнечной стороны нарочно очищаютъ отъ коры), кладутъ ее въ бутылки, наливаютъ криничной водой и ставятъ на солнцѣ. По истеченіи, приблизительно, недѣли, выпиваютъ настой изъ первой бутылки и опять наливаютъ ее, потомъ изъ второй — и такъ до послѣдней (бутылокъ бываетъ отъ 5 до 7). Затѣмъ снова принимаются за первую и т. д.

Эти два средства считаются не только излѣчивающими чахотку, но и вызывающими аппетитъ и придающими здоровый цвѣтъ лицу.

38. *Отъ боли въ груди.* Для излѣченія боли въ груди совѣтуютъ пить водочный настой на корнѣ *дзивосила*. Корень этого растенія считается очень цѣлительнымъ въ грудныхъ болѣзняхъ.

39. Употребляютъ также слѣдующее средство противъ этой болѣзни: кипятятъ въ молокѣ, а за неимѣніемъ его, и въ водѣ высушенные корни пырея, и пьютъ 3 или 2 раза въ день по полстакана.

40. Настой изъ *суходревки* также считается излѣчивающимъ грудныя болѣзни.

41. Настою бобовника приписывается тоже свойство.

42. Точно также совѣтуютъ сосать сокъ изъ *алмйса* (кажется изъ породы кактусовъ).

43. Болѣзнь, называемую въ народѣ, «*жоуточкой*»¹⁾, причину которой приписываютъ разлитію желчи, лѣчатъ довольно оригинальнымъ способомъ: изъ куриного кала выбираютъ бѣлыя части, толкутъ ихъ и смѣшиваютъ на половину съ мѣломъ. Составлен-

---

¹⁾ Желтуха.

ный такимъ образомъ порошокъ растворяють въ водѣ и даютъ принимать больному два раза въ день по полстакана.

44. При боли горла, происходящей отъ простуды, совѣтуютъ пить горячій настой цвѣтовъ *юрлянки*.

45. При болѣзни горла съ опухолью слюневыхъ и миндалевидныхъ железъ (болѣзнь эта называется *«завалки»*) кладутъ овсяныя припарки. Для этого варятъ овесъ, рассыпаютъ его по мѣшкамъ, поливають ихъ водкой, нагрѣвають въ печкѣ и горячіе прикладываютъ къ горлу, укутывая его еще чѣмъ-нибудь сверху. Когда одинъ изъ мѣшковъ остынетъ, обливають его водкой и опять нагрѣвають, а на его мѣсто кладутъ другой. Итакъ поступаютъ иногда въ теченіе сутокъ.

46. При кровавомъ поносѣ пьютъ настой *кровоаника* ¹⁾.

47. Когда желудочная боль соединяется съ головою болью, употребляютъ кипяченый настой *центавры* (?), или же жгутъ это растеніе и пьютъ, смѣшавъ его золу съ водой.

48. Желудочныя боли, происходящія отъ подниманія слишкомъ большихъ тяжестей, называются *порущеніемъ* (перемѣщеніемъ пищеварительныхъ органовъ). Лѣчатъ эти боли настоемъ отъ сваренныхъ листьевъ «порущенника», который даютъ пить больному. Его даютъ пить и родильницамъ для прекращенія послѣ-родовыхъ желудочныхъ болей.

49. Отъ тошноты ѣдятъ сѣмена тмина.

50. На чирья и другіе нарывы, въ качествѣ размягчающаго пластыря, кладутъ ломтикъ свѣжаго несоленаго сала, или вымоченнаго въ водѣ, если оно было соленымъ.

51. Отъ простуды пьютъ горячій настой *чомбаря* ²⁾.

52. Обожженные, опаренные и отмороженные члены лѣчатъ пылью плавуна (*дерезы*). Когда плавунъ назрѣетъ, его собираютъ и вяжутъ въ пучки. Эти пучки кладутъ въ миски и ставятъ въ теплую печь, вѣроятно для дозрѣванія. Потомъ вытряхива-

---

¹⁾ *Кровоаника* — растеніе: *Achillea*, деревей. Слов. Даля. — ²⁾ По Слов. Даля: *чомбаръ*; *чеберъ*, а по Слов. Носовича: *чаборъ* (*satureia horlensis*, богородичная трава).

ють изъ пучковъ пыль и сохраняють ее въ бутылкахъ. Этою пылью посыпають обожженные или отмороженные мѣста и обвертываютъ ихъ полотномъ.

53. Отъ чесотки употребляется мелко истолченная сѣра, смѣшанная съ жиромъ. Чесоточный больной натирается этой мазью въ теплой печи.

54. Кромѣ того чесоточныхъ смазываютъ дегтемъ ¹⁾).

55. Противъ сердцебіенія употребляютъ слѣдующее средство: берутъ на нѣсколько копеекъ острой водки, разводятъ ее въ бутылкѣ воды и пьютъ эту смѣсь раза 2—3 въ день, каждый разъ по рюмкѣ. (Мог. г.).

56. Въ деревнѣ Дворецъ (Рогач. у. Могил. губ.) для избавленія отъ коросты готовятъ колючую палочку, мажутъ на ней колючки зараженной кровью больного и потомъ бросаютъ эту палочку гдѣ-либо на видномъ мѣстѣ. Кто ее подыметъ, къ тому и перейдетъ короста. ²⁾).

57. *Отъ бородавокъ.* «Трэба екъ есть звѣзды на небѣ выйци вечеромъ и глядѣць: дзѣ будзе падаць звѣзда. Якъ убачишь то повядзи рукою по бородаўцѣ два разы — отъ себе и къ собѣ и бородаўки пропадуць. А можа и такъ: дзѣ колясѣ нашаровала ³⁾, чапляючися за шуло ⁴⁾, то тамъ трэба повесци рукою три раза — и бородаўки згинуць. Можа аще и такъ: ўзяць нитку и завязаць на ёй столько вузельчиковъ, сколько бородавокъ и кинуць на крыжавую дорогу. А еще можно ўзяць палочку и на ёй вырэзаць столько крыжиковъ, сколько бородавокъ».

58. Противъ бородавокъ употребляютъ и слѣдующее средство: «Бяруць столько зеренъ ячменю, сколько бородавыкъ и кладауць ў печь, ў которой зарызь будуць пачи хлѣбъ.» ⁵⁾).

59. *Отъ укушенія гадюки (змѣя).* Если кого-нибудь укуситъ гадюка въ руку или въ ногу, то укушенный членъ туго перевязывается, чтобы остановить движеніе зараженной крови, и къ рас-

¹⁾ Изъ сообщеній А. Е. Богдановича.

²⁾ Изъ записи М. Г. Машурко

³⁾ Изъ сообщ. учит. народн. училища г. Остаповича. ⁴⁾ Натерло, напарпало.

⁵⁾ Шуло — колода, столбъ съ пазами въ строеніи или въ оградѣ. Слов. Носовича.

пухшему мѣсту прикладываютъ брюхомъ живыя лягушки. Крестьяне думаютъ, что онѣ вытягиваютъ ядъ и уменьшаютъ опухоль. Въ иныхъ мѣстахъ Рогач. у. Могил. губ. послѣ укушенія гадюки считается нужнымъ поспѣшнѣе окунуться въ воду прежде гада, чтобы спастись отъ смерти. ¹⁾).

60. *Отъ пярэпалоху*: «трэба ўзяць заслонку идзѣ пригорѣла, туда три разы трэба сыпаць пѣпяль отъ сябе, потомъ ўзяць пяравернуць рѣшатѣ и пярасѣяць пепяль на дощачку и ўзяўши дзиця, поставиць отъ сябе на крыжъ (крестъ) ножками, послѣ чаго ўзяць дощачку съ пѣпяломъ и поставиць на вуголь, дзѣ выдаць якъ слонца заходзиць. Пасля гэтаго пярэпалохъ пройдзе.

61. «Аще трэба три разы плюнуць, а коли ня поможа, то бяруць воды изъ рота того, хто пярэпужаў и даюць хворому. Такжа бяруць пазуріў и волосовъ у того, што пярэпужаў и кураць надъ хворымъ ²⁾).

ЛѢЧЕНІЕ ДѢТСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

62. *Лѣчение огника*. Огникомъ у насъ въ Мстиславскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи называется сыпь, появляющаяся у дѣтей на лицѣ. Обыкновенно мѣстами пораженія этою болѣзнію (золотушнаго происхожденія) становятся верхняя и нижняя губы, подбородокъ, а иногда — носъ и лобъ. Пораженные мѣста отличаются краснымъ оттѣнкомъ, постоянно покрыты струпьями и сильно зудятъ, почему малолѣтнія дѣти во время этой болѣзни расчесываютъ свое лицо до крови, вслѣдствіе чего онѣ имѣютъ жалкій видъ, что сильно дѣйствуетъ даже на нервы крестьянина и заставляетъ его подумать объ облегченіи страданія своего дѣтища. Для этого онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ помощи знахарей и бабокъ, чаще къ послѣднимъ. Бабка, конечно за личное вознагражденіе, берется лѣчить больного ребенка самыми

¹⁾ Изъ записки М. Гр. Машурко.

²⁾ Изъ сообщеній г. учпт. народа. училища Остаповича.

разнообразными средствами, при чемъ самое видное мѣсто отводится заговору, который, въ данномъ случаѣ, отличается своей интересной обстановкой.

Обыкновенно бабка начинаетъ свое лѣченіе или «на сходу» или «на молодзикѣ». Она заготавливаетъ угольки или же пользуется тѣми, которые приготвила заранее. Эти угольки она добываетъ изъ-подъ корней крапивы, растущей на пожаращахъ.

Пишущему эти строки довелось разъ въ деревнѣ Упинѣ (Мстиславск. у.), въ домѣ одного крестьянина быть свидѣтелемъ такого способа лѣченія огника бабкой-знахаркой. Она начала съ того, что сперва установила на загнетѣ сковороду на нѣсколько изъ означенныхъ угольковъ, потомъ налила на сковороду небольшое количество воды, затѣмъ положила туда-же немного угольковъ, сверхъ которыхъ наложила небольшихъ размѣровъ щепки и зажгла ихъ, чѣмъ собственно и началась существенная часть заговорнаго дѣйствія. Какъ только щепочки погорѣли и остатки ихъ, упавъ въ окружающую воду, потухли, бабка обвела пальцемъ, обмакнутымъ въ воду, три раза больныя мѣста лица больного, приговаривая: «Кругъ добра нычъ, сойди за нычъ! Кругъ добры дзень, сойди за обѣдзень». Затѣмъ тоже самое она продѣлывала и съ углемъ, послѣ чего заставила своего паціента повернуться три раза съ боку на бокъ и столько же разъ плюнуть, при чемъ она шептала про себя какія-то слова, сообщенія которыхъ я не могъ отъ нея добиться, не смотря на всѣ мои просьбы о томъ. Она увѣряла, что такого рода сообщеніе лишило бы ея дѣйствія цѣлебной силы.

Воду со сковороды бабка слила въ стекляночку, туда-же положила и угольки и предписала паціенту употреблять эту воду, въ видѣ примочки утромъ и вечеромъ. Затѣмъ она взяла своего паціента и подвела его къ выходной двери, на которой старалась найти сукъ, въ чемъ, конечно, не было затрудненія, ибо дверь въ деревенскихъ хатахъ обыкновенно сколачивается изъ сосновыхъ и еловыхъ досокъ. Намусливъ палецъ, она три раза провела имъ по суку, потомъ вокругъ пораженныхъ мѣстъ боль-

ного, приговаривая выше приведенныя слова. Затѣмъ она заставила больного три раза отплюнуться и дунуть ¹⁾).

63. *Отъ судороги, корчи у ребенка*: «ставяць дзиця коля ушака и раўна зъ головою свидруюць ²⁾ въ вушаку дзирку, пѣтымъ остригаюць дзицяци волосъ, пазури ³⁾ на рукахъ и ногахъ и кладуць ў дзирку и забиваюць ету дзирку коликомъ. Посля етаго, коли дзиця пярарасьце дзирку зъ коликомъ, то бѣлай николи у яго ня будзя етой хворобы».

64. *Отъ сухотки дѣтей*. Взять лопоть хлѣба, посыпать его солью и пойти въ такое мѣсто, гдѣ растеть трава «дивана» и подошедши къ ней, прочитать три раза Богородицу, положить затѣмъ три поклона и сказать: «Дивана, дивана, святая панна, прошу твоей милѣсти, дай тѣло на кости, а не то — прими до своей милѣсти!» Потомъ нужно выкопать травку и на мѣсто ея положить принесенную хлѣбъ—соль. Выкопанную же дивану варить въ горшкѣ, цвѣтами вверхъ, а корнями внизъ. Въ этой водѣ купать ребенка, приложивъ цвѣты къ его головкѣ, по разу въ день, на зарѣ, послѣ чего воду съ травой отнести на то мѣсто, откуда она выкопана, посадить ее тамъ и, закрѣпивъ, какъ слѣдуетъ въ землѣ, влить туда же и воду.

65. Если у дитяти болитъ во рту, то нужно взять меду съ имбиремъ, смѣшать и помазать больное мѣсто, а потомъ этой смѣсью помазать сукъ въ бревнѣ хаты на западной сторонѣ.

66. Противъ кожныхъ болѣзней у дѣтей считаютъ исцѣляющимъ средствомъ растеніе *чистецъ*. Настой чистеца даютъ пить больнымъ дѣтямъ и купаютъ ихъ въ водѣ, вскипяченной съ чистецомъ.

67. Больнымъ худосочнымъ дѣтямъ даютъ сосать свиное сало, въ увѣренности, что отъ этого онѣ сдѣлаются болѣе крѣпкими и здоровыми ⁴⁾.

68. *Средство противъ криксы*. «Бабы кажуць такъ: Коли на

¹⁾ Изъ записи А. Леонова, окончившаго курсъ въ городск. училищѣ.

²⁾ *Свидроуаць* (съ польск. *swidrować*): буравить, сверлить. ³⁾ *Пазури* (съ польскаго: *raząg, razigiek*): когти, ногти. ⁴⁾ Изъ сообщеній А. Е. Богдановича.

дѣнца нападзе *кречъ*, то треба яго класцы на подлогу (полу) церкви, якъ батюшки выходиць оттуль, дыѣ кабъ ёнъ чиразь дѣнца пераступиѣ, для того, штобы перастало кричаць, альбо плакаць ¹⁾).

Суроцы. Сурóцами называется вредъ, причиняемый челòвѣку отъ «худаго глаза».

Глаза нѣкоторыхъ людей, въ особенности черныхъ, а также глаза колдуновъ и вѣдьмъ обладаютъ особымъ свойствомъ «взвараушиць» душу (встревожиць ее), «сурочиць», какъ говорятъ бѣлоруссы. Сурочиць можно и взглядомъ и удивленіемъ, послѣднее не менѣе вредно: «съ подзивиу» также приключаются заболѣванія.

69. Чтобы вылѣчить суроцы, нужно чтобы тотъ, кто сурочилъ (сглазилъ) далъ изо рта воды, и этой водой обмываютъ больного. Но если не знаютъ, кто бы могъ сурочить, то даютъ изо рта воду всѣ домашніе и тѣ люди, которые видали въ послѣднее время заболѣвшаго. Вода изо рта дается такъ: наливаютъ въ миску чистой воды (предпочтительно криничной) и по очереди трижды набираютъ въ ротъ этой воды и выпускаютъ ее изо рта обратно въ миску.

Можно сурочить и невольно и бѣлоруссы при удивленіи, высказываемомъ кѣмъ-нибудь по поводу чего-нибудь живого, говорятъ: «Соль табѣ ў вочи, головешка ў зубы!» Этимъ замѣчаніемъ они думаютъ предохранить предметы удивленія отъ опасныхъ послѣдствій суроченья ²⁾).

Дурной глазъ у челòвѣка (по существующему въ Могилевск. губ. повѣрью) бываетъ отъ того, что онъ въ младенчествѣ по отнятїи отъ груди, снова вскорѣ сталъ питаться ею.

70. Помочь отъ суроцевъ можетъ первый или послѣдній изъ родившихся въ семьѣ дѣтей, вытерши осуроченнаго солью, приговаривая при этомъ слѣдующее: «Соль табѣ у вочи, головню у зубы, полѣно у колѣно, штобъ я не болѣло ³⁾»).

¹⁾ Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ изъ записи крестьянина Гродн. губ. Слонимскаго у. П. Татрина. ²⁾ Изъ сообщеній А. Е. Богдановича. ³⁾ Изъ записей М. Г. Машурка.

Бѣлоруссы вѣрять, что одинъ взглядъ сторонняго лица на другое, часто невинный, невраждебный, можетъ принести большой вредъ послѣднему. «Суроцы» оказываютъ вредное дѣйствіе не только на человѣка во всѣ періоды его жизни, но и на домашнихъ животныхъ, преимущественно молодыхъ. Особенно часто и скоро заболѣваютъ и умираютъ отъ «суроцовъ» дѣти (чѣмъ нѣжнѣе ихъ возрастъ, тѣмъ скорѣе и опаснѣе) и женщины въ состояніи регулъ, беременности, родовъ и кормленія дитяти. Само собою слѣдуетъ, что, при разнообразіи дѣйствія «суроцовъ», при ихъ почти всегдашней возможности въ обыденной жизни, бѣлорусскія матери и въ особенности бабки, хранятъ много тайнъ, съ одной стороны предупреждать «суроцы», а съ другой спасать отъ нихъ порченаго. Лѣченью отъ суроцовъ предшествуетъ, однако, испытаніе, не есть ли въ данномъ случаѣ естественная болѣзнь. По отношенію къ дѣтямъ испытаніе это производится слѣдующимъ образомъ:

71. Вокругъ головы порченнаго грудного ребенка обносится горсть соли три раза и бросается въ пламя, но не печное, а примѣрно, въ пламя горящей лучины, щепы, хвороста, соломы и т. под. Слабый или сильный трескъ свидѣтельствуетъ о степени порчи. Послѣ этого моютъ ребенка въ чистой рѣчной водѣ и, по вынутіи его изъ купальни, бросаютъ туда три угля. Когда уголья начнутъ вертѣться и шипѣть, то несомнѣнно, что дитя испорчено «худымъ глазомъ». Большая или меньшая степень ихъ подвижности на водѣ, а также и шипѣнья, опредѣляетъ степень порчи дитяти. Напротивъ, спокойное положеніе углей указываетъ не на «суроцы», а на естественную болѣзнь дитяти, которую и лѣчатъ деревенскими медицинскими средствами «зѣлками», а не симпатическими, употребляющимися при лѣченіи отъ «суроцовъ».

72. Другой способъ испытанія «суроцовъ»: Мать несетъ больного ребенка въ амбаръ, или особую отхожую избу, гдѣ обыкновенно ставятъ «кубѣль», отмыкаетъ его и кладетъ туда ребенка. Закрывъ крышку и замкнувъ надлежащимъ образомъ

«кубелъ» она остается тутъ же, а старшее дитя высылаетъ за ворота. Посланный смотритъ въ правую и лѣвую сторону улицы и возвращается къ матери. Иногда это повторяется три раза. Если въ это время кто нибудь изъ людей проходилъ по улицѣ— дитя «осурочено», если нѣтъ, дитя больно отъ другихъ причинъ¹⁾.

Употребительнѣйшими средствами лѣченія отъ «суроцовъ» признаются слѣдующія:

73. *Продѣванье*: Мать «осуроченнаго ребенка» раздѣвается до рубашки и три раза проноситъ его между своимъ тѣломъ и рубашкой, начавъ съ подола и вынимая ребенка чрезъ воротъ²⁾.

74) *Вытиранье*: Поясницей отцовскихъ штановъ вытираютъ, по преимуществу, лобъ дитяти и щеки³⁾.

75) *Высасыванье*. Зло отъ «суроцовъ», по понятіямъ бѣлоруса, сосредоточивается въ двухъ мѣстахъ: въ глазахъ и сердцѣ. Поэтому мать осуроченнаго ребенка высасываетъ по три раза правый глазъ, лѣвый глазъ и грудь противъ сердца, сплевывая каждый разъ въ сторону⁴⁾.

Иногда для материнскихъ плевковъ подставляется грязная посуда съ помоями, кои послѣ и выливаются въ болѣе потребномъ мѣстѣ. Здѣсь же оставляютъ и посуду; иногда ее разбиваютъ.

76. *Подкуриванье*. Заболѣвшее отъ испугу дитя, вслѣдствіе суроцевъ, лѣчатъ подкуриваньемъ. Подкуриванье производится нѣсколько разъ въ день волосами виновника испуга; пріобрѣтая эти послѣдніе украдкою, волосы держатъ въ тоже время такъ, чтобы и больной ихъ не видѣлъ.

77. *Тожже подкуриванье*. Осуроченное дитя подкуриваютъ мусоромъ, выметаемымъ изъ избы, но не собственной, а сосѣдской. Когда будетъ выяснено, что дитя «осурочено», то стараются пріобрѣсть соръ отъ трехъ сосѣдскихъ избъ. Для этого высылаются изъ избы наиболѣе проворный семьянинъ, который бѣжитъ пол-

¹⁾ По разсказ. ученика Кугоча.

²⁾ Замѣчан. крестьянки м. Свислочи, Волков. у. Гродн. губ.

³⁾ Отъ ученик. учит. семинаріи Синькевича урожен. Пружанск. у.

⁴⁾ Замѣчаніе ученика той же семинаріи Мышко.

нымъ бѣгомъ къ первой сосѣдской избѣ, на бѣгу схватываетъ горсть сору, не останавливаясь и не измѣняя побѣжки, спѣшитъ къ другой и третьей, дѣлая то же и возвращается домой съ одинаково равною поспѣшностью. Лучше всего, если въ это время не предстоитъ встрѣча съ кѣмъ-нибудь. Но если она неизбежна, то посланный долженъ все-таки дѣлать свое дѣло, не обращая, повидимому, никакого вниманія на встрѣчнаго и не отвѣчая на его вопросы, какъ бы важны они не были. Впрочемъ, всякій встрѣчный односельчанинъ немедленно узнаетъ въ чемъ дѣло и не только не останавливаетъ бѣгущаго вопросомъ, а напротивъ спѣшитъ скрыться, — что считается довольно важнымъ сосѣдскимъ одолженіемъ.

Если добытый соръ не сухъ и не можетъ служить для подкуриванья, его просушиваютъ и тогда уже пускаютъ въ дѣло ¹⁾).

78. *Мытье*: Берутъ 9 ржаныхъ колосковъ, вытираютъ ими все тѣло «суроженнаго» ребенка. Затѣмъ ребенка кладутъ въ приготовленную для мытья воду, часть которой отдѣляется для испытанія надъ колосьями. Сюда колосья опускаются три раза и, если каждый разъ на ушкахъ колосьевъ, остаются тонкія густыя капли, въ видѣ росы, то несомнѣнно: дитя «суро́чено». Въ этомъ случаѣ купаютъ дитя такъ: надъ нимъ держатъ испытанныя колосья и чрезъ нихъ горстью пропускаютъ воду, которая такимъ образомъ падаетъ тонкими струями по всему тѣлу ребенка. Въ обратномъ случаѣ, т. е. когда испытаніе надъ колосьями не оправдало предположенія «суроцовъ», дитя купаютъ въ водѣ, но безъ участія колосьевъ и дальнѣйшее лѣченіе идетъ «зѣлками», что поручается опытнымъ знахаркамъ.

Въ данномъ случаѣ берутся совершенно пустыя колосья, безъ зеренъ; за неотысканіемъ ихъ въ овинѣ и гумнѣ, берутъ колосья съ крыши. Послѣ купанья колосья разбрасываются, а вода выливается въ разныя стороны ²⁾).

¹⁾ По общему разсказу учениковъ той же семинаріи Кутача и Мулярчика уроженцевъ — одинъ Кобринск. а другой-Пружанск. уѣзда Гродненск. губ.

²⁾ По общему разсказу тѣхъ же учениковъ.

79. *Продѣвание*. — Подобно тому какъ «осуроченный» ребенокъ продѣвается между тѣломъ матери и ея рубашкой, онъ продѣвается еще и чрезъ отцовскіе портки три раза. Продѣвание начинается съ пояснаго отверстія и идетъ чрезъ правую или лѣвую, безразлично, штанину. Въ Кобринскомъ уѣздѣ вытираютъ всего ребенка не поясомъ только отцовскихъ штановъ, какъ въ Пружанскомъ, а полными штанами.

80. *Помощь животному*. — Изъ штановъ вынимается «мотузъ» и надѣвается петлей на шею животного. Животное носить «мотузъ» до выздоровленія.

Примѣчаніе. — То, что въ Витебской губерніи называется «суроцами», въ Гродненской извѣстно подъ названіемъ: «урѣки».

Все эти свѣдѣнія обязательно сообщены намъ въ концѣ 70-тыхъ годахъ Н. Я. Никифоровскимъ.

ЛѢЧЕНІЕ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

81. Корова дающая много молока естественно привлекаетъ общее любопытство и можетъ быть «осурочена», перестанетъ вовсе давать молоко. Въ Юрьевъ день, 23 Апрѣля, выкапываютъ особый корень, имѣющій видъ зуба и называемый «коровьимъ зубомъ» и берегутъ до купальскаго дня и тогда даютъ его коровѣ въ истолченомъ видѣ, смѣшаннымъ съ кормомъ: въ овсѣ, отрубяхъ и т. п. Послѣ этого никакой глазъ не сможетъ повредить коровѣ; въ иныхъ случаяхъ даже оказывается безсильно и чародѣйство.

82. *Предохранить лошадей отъ уроковъ*. «Если хочъ, кобъ не урекли хорошаго коня, то возьми ўплечи ў гриву голку (иголку), або уздечку обвѣрци жичкою» (красною лентою) ¹⁾.

83. Если у лошадей *чемеръ*, то имъ разрѣзываютъ ухо, или покрываютъ желудокъ ржанымъ мѣшкомъ и по нему катаютъ осиновый колъ.

84. Чтобы вылѣчить отъ нѣкоторыхъ болѣзней свиней нужно

---

¹⁾ Зап. учен. Молодеч. учит. семинаріи Сивудой, уроженц. Шерешевской волости, Пружанск. у.

украсть жидовскую ермолку, сварить въ водѣ, которою потомъ и поить больныхъ животныхъ ¹⁾).

85. При *заушницѣ* у свиней имъ льютъ въ уши разогрѣтый медъ, а чтобъ онъ лучше разошелся тамъ, то животныхъ берутъ за уши, поднимаютъ вверхъ и потряхиваютъ.

86. *Противъ разнаго рода эпидемій*. По бѣлорусскимъ представленіямъ предъ наступленіемъ мора появляется иногда молодая панна, которая, носясь по воздуху, машетъ чернымъ платкомъ. И надъ какой деревней она помашетъ, въ той и появится моръ. Она машетъ смертоноснымъ своимъ платкомъ, просушивши руку въ окно какой-нибудь хаты и тогда въ этой хатѣ начнутъ умирать люди.

Чтобы избавиться отъ мора, въ былыя времена, по рассказамъ стариковъ, употребляли слѣдующее средство:

Молодые дѣвушки запрягались въ соху, а старухи брали въ руки сковороды, косы и тому подобные бренчащіе предметы и, раздѣвшись до-нага, съ возможнымъ крикомъ, визгомъ, шумомъ, трескомъ обводили борозду вокругъ деревни. Весь этотъ шумъ имѣлъ, вѣроятно, цѣлю испугать моровую панну и прогнать ее изъ села, если она въ немъ засѣла. Народъ вѣритъ, что черезъ такую черту моръ, если онъ изгнанъ за ее предѣлы, обратно не пропикнетъ. Всѣ заранѣе оповѣщаются о такомъ прокладываніи границы. Мушны не должны участвовать въ этомъ волхвованіи, а если который изъ нихъ попадетъ на пути, то его избиваютъ до полусмерти.

87. *Другое средство*. Въ назначенный день до восхода солнца, собираются дѣвушки со всего села въ одну избу, и каждая изъ нихъ приноситъ съ собою по горсти льна. Онѣ дружно, но въ глубокомъ молчаніи принимаютъ прясть собранный ленъ; потомъ сплутъ основу, ставятъ кросна и ткуть полотно. Когда полотно готово, всѣ жители выходятъ за деревню, обходятъ вокругъ нея, причемъ дѣвушки, ткавшія полотно, несутъ его надъ головой съ

¹⁾ Всѣ 3 послѣднія средства подмѣнены и зап. въ Рогачевск. у. Могил. губ. М. Г. Машуркой.

заунывнымъ пѣніемъ: «аю-га! аю-га!» Когда сдѣлаютъ полный обходъ, то на томъ мѣстѣ, съ котораго вышли, раскладываютъ небольшой огонь изъ щепокъ или лучинокъ, принесенныхъ съ каждаго двора, двѣ дѣвушки держатъ за концы полотно надъ огнемъ и всѣ жители деревни проходятъ черезъ огонь подъ полотномъ и переносятъ также дѣтей и больныхъ. Какъ только всѣ перейдутъ — полотно сжигается на томъ же огнѣ. Все это должно быть продѣлано въ теченіе одного дня, съ восхода до захода солнца.

Изъ прибрѣтеннаго въ 1880 г. рукописн. сочиненія А. Е. Богдановича.

88. *Противъ холеры.* Въ Гродненской губерніи въ 1848, 1855 и 1856 годахъ сильно свирѣпствовала холера, отъ которой умирало много крестьянъ. Бѣлая часть ихъ, будучи еще здоровыми причащалась и исповѣдывалась, какъ-бы заранѣе приготовляясь къ смерти, слушали наставленія стариковъ, которые совѣтовали, на примѣръ, выпрясть въ одну ночь изъ чистаго льна нитки и изъ нихъ выткать утиральникъ, который на слѣдующее утро, до восхода солнца, долженъ быть повѣшенъ на мѣстную икону въ церкви. Для такой работы дѣвушки собирались ночью въ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ деревни. Ставили также кресты на перекрестныхъ дорогахъ, но не обтесанные, какъ они обыкновенно дѣлаются, а вмѣстѣ съ корой; священникъ въ первый за тѣмъ воскресный или праздничный день отправлялся, по просьбѣ крестьянъ, освятить его, за что и получалъ денежное вознагражденіе. Кромѣ того крестьяне устраивали сходки, на которыхъ собирали отъ 5 до 10 рублей и на эти деньги просили священника отслужить Божественную литургію съ молебномъ, послѣ котораго отправлялись, при колокольномъ звонѣ, со крестами, на поля. Все это дѣлалось съ цѣлью прекращенія холеры. Такъ какъ въ Гродненской губерніи часто можно встрѣтить деревни, состоящія изъ 60 — 80 и болѣе домовъ, то понятно, что поля и луга такихъ деревень невозможно обойти въ одинъ день, а потому крестьяне и на другой день обходили поля съ крестнымъ ходомъ. Во время такого обхода несли хоругви, запрестольный крестъ, храмовую икону на носилахъ, пѣли священныя пѣсни; священ-

никъ же на трехъ поляхъ читалъ Евангеліе и кропилъ св. водой. Обошедши поля, шли обратно въ деревню, гдѣ противъ каждаго дома стоялъ, покрытый чистою скатертью, столъ, на которомъ лежали хлѣбъ и соль; улица же покрывалась бѣлымъ холстомъ и священникъ въ полномъ облаченіи шелъ по нему. По окончаніи крестнаго хода священникъ служилъ общій молебенъ, послѣ котораго онъ съ причтомъ былъ приглашаемъ на угощеніе, а затѣмъ всѣ отправлялись съ крестнымъ ходомъ въ церковь, хотя бы она была и за 10 верстъ отъ деревни.

Во время холерной эпидеміи крестьяне вѣрили въ разнаго рода предрасудки; такъ, на примѣръ, старались подыскать воловъ бѣлой шерсти, которыми еще не начинали пахать; такихъ воловъ запрягали въ соху и опахивали ими кругомъ села или деревни; *ратан* же непременно должны были быть близнецами, изъ коихъ одинъ управлялъ сохой, а другой волами; крестьяне вѣрили, что послѣ такого опахиванія эпидемія прекратится. Они въ особенности старались подыскать и воловъ, рожденных близнецами и говорили, въ полной увѣренности, что если такими волами опашать деревню, то холера непременно прекратится. Многіе во время эпидеміи терпѣли разнаго рода оскорбленія и даже изстязанія. Такъ я былъ очевидцемъ одной расправы крестьянъ съ евреемъ. Въ деревнѣ Сухой Долинѣ былъ заподозрѣнъ еврей-портной изъ м. Индуры, что будто бы онъ бросилъ что-то въ колодезь съ цѣлью отравить воду. На самомъ же дѣлѣ еврей только отбивался отъ собакъ, которыя напали на него, бросалъ въ нихъ камнями; одинъ изъ камней упалъ въ колодезь. Это видѣлъ крестьянинъ Антонъ Сѣрко; онъ является къ крестьянамъ и говорить: «бачіу, якъ жидъ кинуу чары ў воду», — и вотъ всѣ жители деревни Суходолинской выходятъ на улицу, берутъ еврея, заподозрѣннаго въ колдовствѣ, вяжутъ его, безпощадно бьютъ, ведутъ на веревкѣ къ рѣкѣ, силою гонятъ его въ воду по горло, а затѣмъ вытаскиваютъ несчастнаго изъ воды, приговаривая: «Вотъ табѣ, гіцлю, недовѣрку, труциць¹⁾ людзей, ци

¹⁾ Отравлять.

гэто жарты? ў нашуй вёсцы ўмёрло трыццаць душъ, а ўсе гэто подлы жиге рѣбѣць. Забиць яго, гицля!» И забили бы его, если бы въ это время не подѣхалъ помѣщикъ ихъ, Іосифъ Борженцкій, который и уговорилъ крестьянъ оставить жида въ покоѣ, какъ ни въ чемъ не виновнаго.

Было и въ другихъ деревняхъ не мало случаевъ, что колотили евреевъ за мнимое чародѣйство. Во время эпидеміи евреи старались не уходить далеко отъ мѣста жительства и только въ крайнихъ случаяхъ рѣшались проходить чрезъ деревни, и то выбирали для этого ночь. Были еще и такіе случаи: въ 1855 году въ деревняхъ Козлахъ и Конюхахъ Лашинскаго прихода, народъ въ большомъ количествѣ умиралъ отъ холеры. Вслѣдствіе чего священникъ Лашинской церкви, Ст. Чеховичъ велѣлъ своимъ прихожанамъ поститься и усердно молиться Богу; народъ выполнялъ приказаніе своего пастыря, но отъ этого холера не переставала свирѣпствовать, напротивъ еще болѣе усилилась. Врачъ имѣнія Красника посовѣтовалъ крестьянамъ упомянутыхъ деревень устраивать по праздникамъ увеселительные вечера и танцы. Народъ послушался совѣта врача и дѣйствительно крестьяне начали рѣже умирать отъ холеры.

Сообщено псаломщикомъ И. О. Карскимъ.

89. Въ с. Мойсеевщинѣ (Борисовск. у. Минск. губ.) въ случаѣ появленія эпидеміи въ ближайшей окрестности прибѣгаютъ къ слѣдующимъ предохранительнымъ средствамъ: а) Молодыя и старыя женщины собираются за деревней и тамъ, раздѣвшись до-нага, берутъ соху и впрягаютъ въ нее самую молодую изъ своихъ товарокъ. Затѣмъ при дружной помощи всѣхъ участницъ и при пѣніи пѣсенъ, въ которыхъ заклиняется и устрашается эпидемія, проводятъ борозду кругомъ своей деревни, б) берутъ чернаго пѣтуха и одѣваютъ его во всѣ принадлежности мужского костюма, выносятъ на распутіе дорогъ и тамъ зарываютъ его живого въ землю ¹⁾).

¹⁾ Изъ зап. волостн. писаря С. Прокулевича.

При появленіи падежа скота, для предотвращенія бѣды (въ м. Шкловъ Могил. губ.) коровамъ урѣзываютъ немного уха, кладутъ обрѣзокъ въ черепокъ и солятъ его, причемъ приговариваютъ: «красную (или бѣлую, черную) корову мы зарѣзали и посолили». Затѣмъ ставятъ этотъ черепокъ въ ямочку подъ камень, которымъ его и придавливаютъ, приговаривая, при этомъ слѣдующія слова: «красную корову зарѣзали, посолили и подъ камень подавили» ¹⁾).

90. Для этой же цѣли, по повѣрью крестьянъ Деревенской волости Слонимск. у. Гродн. губ., нужно поставить на мѣстѣ прогона скота деревянный десятиконечный крестъ †† , собрать до восхода солнца изъ всей деревни нитокъ, выткать изъ этихъ нитокъ, тоже до восхода солнца, столько холста, сколько успѣютъ, а затѣмъ этотъ холстъ обнести кругомъ деревни до того мѣста, гдѣ поставленъ крестъ, на который его и повѣсить. На крестѣ холстъ этотъ долженъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ и не свалится. Отъ этого эпизоотія непремѣнно прекратится. Такимъ же образомъ поступаютъ при повальныхъ болѣзняхъ и на людей ²⁾).

Почти тоже дѣлается противъ означенной напасти и въ Шерешевской волости (Пружанск. у. Гродн. губ.). Вотъ какъ объ этомъ рассказываютъ крестьяне:

«Если падаетъ отъ холеры скопина, то трѣба выткати ручника (утиральника), але такъ, капъ за одну ночь килька бабъ и направи нитокъ и выткали изъ гѣтыхъ нитокъ гѣтого ручника. У тую-же ночь, якъ разсвѣтала, трѣба черезъ той ручникъ перегнаці ўсю скопину и товды — або зоўсимъ перестане падаці скапини, або будзе падаці зоўсимъ *покрыси* (понемножку)» ³⁾.

91. Во время бездождія въ с. Барани (Борисовск. у. Минск. г.) почти тоже дѣлають: женщины всей деревни собираются въ одну хату спозаранку, и въ теченіе дня стараются общими си-

¹⁾ Изъ зап. студента Петерб. университ. М. Г. Машурко.

²⁾ Изъ зап. волости. писаря П. В. Свѣкло.

³⁾ Изъ зап. ученика Молодеченск. учительск. семинаріи Сивуда.

лами выпрясть известное количество льна, потомъ выткать изъ пряжи холстъ, который и называется *обыденкомъ*. Этотъ холстъ они жертвуютъ въ церковь, въ полной увѣренности, что Господь исполнитъ ихъ желаніе и пошлетъ дождь ¹⁾.

92. Въ той же губ., Мозырск. у. Копаткович. в., во время засухи женщины обливаютъ водою одну изъ своей среды, но только такъ, чтобы она не замѣчала и не иначе, какъ при колодцѣ.

93. Для этой же цѣли въ Деревенск. волости (Слонимск. у. Гродн. губ.) женщины сыплютъ въ колодцы макъ. Если это не помогаетъ, то стараются поймать рака и зарыть его живого въ землю ²⁾.

Отъ засухи и въ мѣстечкѣ Пѣболовѣ (Бобруйск. у., Минск. г.) закапываютъ въ землю живыхъ раковъ съ пѣснями и плачемъ, а при проливныхъ дождяхъ ихъ снова откапываютъ. Дѣлается это по большей части женщинами ³⁾.

Отъ разныхъ напастей крестьяне до реформы прибѣгали къ курьезнымъ средствамъ:

94. Если, бывало, во время барщины помѣщикъ несправедливо накажетъ крестьянина по ложному доносу, то обиженный, въ отместку, вотъ что обыкновенно дѣлалъ: въ первый праздничный день, пришедши въ церковь, бывало, купить 5-ти или 3-хъ копеечную свѣчу, зажигаетъ ее не со свѣтильни, а съ противоположнаго конца, обводитъ ее 3 раза вокругъ своей головы, приговаривая: «Закруціў я свѣчу святую ў церкви вокругъ своё головы, Божа ласкавы, Матко найсвеотша, капъ гѣдакъ скруціў ў напасць моихъ неприяцелѣў! Пиравярнуў я свѣчу святую до горѣ ногами,—капъ гѣдакъ пиравернуло, перакруціло ў тры напасци моихъ неприяцелѣў! Капъ ихъ цѣлы ротъ (родъ) вспрягло, скруціло! Якъ гэта свѣчка ясно горыць, капъ гѣдакъ у моихъ прыяцелѣў подъ серцамъ горэло, да ихъ пѣкальнымъ огнемъ смолило, якъ я, невиненъ, пляги (или напасць) перпѣў».

¹⁾ Выписано мною въ 1877 г. изъ церковной лѣтописи Баранской церкви (Барон. в. Минской губ.).

²⁾ Изъ зап. волости. писаря Н. В. Свѣкло.

³⁾ Сообщ. М. Г. Машурко.

А бывали случаи, что и «на мши давали»¹⁾, также нищихъ надѣляли хлѣбомъ и приговаривали: «Гляdzi ты, дзѣтко, или бацько, добро помолиса Богу, капъ Бохъ скараў моихъ непріятелеў!» А ловкій нищій краснобай, поднявши руки вверхъ понесетъ при этомъ такую ахиною: «Божа ласкавы, Божа справядливы! ты бачешъ крѣду и праўду, — скарай, Божа, яго непріятелеў, высуши ихъ въ гороховые лапоти, капъ ены почарыѣли, капъ ены марне пропали, капъ ихъ спрагло цѣлы ротъ и плоть».

Сообщ. И. О. Карскимъ.

СРЕДСТВА ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЯ ВЪ КРУГУ СЕЛЬСКАГО И ДОМАШНЯГО ХОЗЯЙСТВА.

95. Чтобы капуста была большая, надо въ день Прачистой (Рождества Богородицы), до восхода солнца встать, схватить кочергу, побѣжать съ нею въ огородъ и тамъ ударить ею каждую голову капусты. Тогда она выйдетъ большая и твердая.

96. Съ этой же цѣлью кладутъ на грядѣ камень въ то время, когда образуется голова капусты.

96. Для того, чтобы вышли изъ капусты личинки (капустныя бабочки), нужно взять одну личинку въ зубы и вынести за плоть (Борис. у.)

97. Чтобы сохранить отъ мышей зерно или необмолоченные снопы ржи, употребляютъ слѣдующія средства: 1) на то мѣсто, гдѣ ихъ кладутъ, подкладываютъ тѣ березки, которыми украшались дома въ день Троицы. 2) кладутъ туда нѣсколько сноповъ именно въ тотъ моментъ, когда въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле. Тогда и мыши туда переселятся¹⁾.

98. Для предохраненія овощей (варива) отъ порчи кротовъ, крестьяне проводятъ чрезъ свои огороды жеребца, вслѣдствіе чего кроты, будто бы, издыхаютъ или уходятъ въ болото. (Лепельск. у. Примсепк.)

99. «Якъ, идзешъ садзіццi рѣдзку, то не бэрыса за болокъ, бо вся рѣдзка пойде ў стовпъ».

¹⁾ Т. е. заказывали обѣдин.

²⁾ Изъ зап. г. Станкевича.

100. «Якъ корова дае недоброе молоко, которэ скипаеца, або смѣшанэе зъ кривэю, то трэба гэто молоко пропусьцици черезъ сукъ зъ дзиркою, котора зробиласа сама собою. Послѣ того корова будзе даваці хороше молоко».

101. «Якъ найдзешъ двойчастаго колоска жита, то вырви его и дай овѣчцы изъѣсьци. Послѣ гэтого овэчка тая будзе водзици близнята».

102. *Чтобы куры не клали яйца на сторонѣ.* Якъ придзешъ зъ церкви на пѣрши дзень Вѣликоднѣ рано, то ниць на рабоваці, навэць не разговлявшиса, збѣ зъ цебра обручъ и дай ѣсьцы курамъ ў гэтомъ обручѣ. Послѣ гэтого не одна курица не знесѣ яйца ў сусѣда, або на дворѣ, а ўсе будзе несьци ў дома ¹⁾).

103. *Противъ волковъ.* Старики чаровники прячѣтъ осколки отъ тѣхъ дровъ, которые рубили въ Великую пятницу и хранитъ ихъ тщательно долго, иной разъ годъ. Если его призываютъ въ домъ, гдѣ пропала какая-либо скотина, то онъ втыкаетъ эти осколки въ стѣну дома потерѣвшаго и тогда волки оставляютъ въ покоѣ эту деревню.

104. *Отъ клоповъ и прусаковъ.* «Кабъ ня было клопоў и прусакоў ў хаця, то якъ нясучъ мартвеца, трэба зловиць три клопы и три прусаки и кинуць за умарлымъ. Послѣ етаго клопы и прусаки звядутца» ²⁾).

Нѣкоторые другія предохранительныя средства.

105. *Противъ рекрутчины.* «Коли вымаешъ хлѣбъ изъ пѣчи и забудзешъ тамъ булку хлѣба, то тѣй хлѣбъ послѣ трэба сховаци, бо вонъ вельми помощны, коли только рекрутъ возьмя, то того рекрута нигдѣ не примутъ ў маскалѣ и вонъ останетца дома, якъ геты хлѣбъ остаўса ў пѣче.

106. *Отъ пьянства.* Штобы пьяница прѣрасталъ пиць горѣлку, трэба ўзяць чатыры ци шесць гроши и ўложиць ў ротъ

¹⁾ Зап. учен. Молодечненск. учит. семинаріи Сивуда.

²⁾ Изъ записей слушателя Виленскаго учительск. института.

и екъ еты гроши заржавѣюць, то трэба вынуць изъ рота и зробіць настойку. Для этаго купяць горэлки кварту и кидаць туды чатыры, ци шесць заржавѣвшіе гроши и ету настойку даваць пьяницѣ пиць, чаразь што ёнъ и пярастане пиць¹⁾).

107. *Чтобы судья былъ на сторонѣ подсудимаго.* Коли оба-чишь, идзѣ вужъ, або гадзина їсть живую жабу, то разжени ихъ кійкомъ такъ, кабъ вужъ и жаба расповзлися. И якъ їдзешъ на судъ, то бэры съ собою того кіёчка, бо якъ той кіёчокъ будзе при тебе, то и судъ завжды будзе судъ тянущи за тобою.

108. *Противъ всего нехорошаго.* Въ Великую субботу ночью 12 крестьянскихъ дѣвушекъ одѣваются бѣлыя рубахи, берутъ соху и проводятъ ею борозду вокругъ всего села при чтеніи молитвы: «Да воскреснетъ Богъ». Этимъ, по вѣрѣ крестьянъ, устранится все нехорошее на цѣлый годъ.

109. *Чтобы узнать сбудется ли задуманное.* Для этого слѣдуетъ во время цвѣтенія хлѣба вырвать изъ него колось съ цвѣтомъ, — цвѣтъ растереть, а колось воткнуть себѣ въ волосы и ожидать: не зацвѣтетъ ли онъ снова? Если зацвѣтетъ, то задуманное непременно сбудется.

110. Еще практикують для этой цѣли слѣдующее: втыкають гдѣ нибудь во дворѣ, въ погребѣ, въ стѣнѣ или въ окнахъ дома ноготки²⁾). Если эти цвѣты распустятся на новомъ мѣстѣ, то задуманное сбудется.

О ПРИВОРОТНЫХЪ СРЕДСТВАХЪ ИЛИ ЛЮВИЗНИКАХЪ.

Въ с. Новоселкахъ (Игум. у. Минск. губ.) среди поселянъ (по зап. г. Остаповича) вотъ что предлагается дѣлать, чтобы приворожить къ себѣ дѣвушку:

111. «Якъ приворожиць дзяўчину. Трэба зловиць кожану³⁾, ўсадзиць яго въ горшокъ и закопаць ў муравейникъ, накрыўши кожану горшкомъ. Пѣтымъ чаразь нядзѣлю прійци — и подъ

¹⁾ Изъ зап. г. Остаповича.

²⁾ Ноготки — полевые цвѣты пепельнаго цвѣта, пушистые, растущіе во ржи, иначе называемые *ашкурки* и *мордзики*, (на границѣ Черниг. и Могил. губ.).

³⁾ «*Кожанъ* — *vespertilio*: Летучая мышь, нетопыръ». Слов. Носовича.

горшкомъ будуць кручокъ и вилочки. Якъ зачэпишь кручкомъ дзяўчину, яна цябе и полюбиць, а отопахнёшь вилочками — отстаня.»

112. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ этомъ отноше-
ніи крестьяне Витебск. г. считаютъ двѣ косточки летучей мыши—
вички и *крючекъ*. Для добыванія ихъ рекомендуютъ слѣдую-
щій способъ: посадить летучую мышъ въ новый горшокъ, завя-
завъ его новымъ же кускомъ холста и закопать ночью въ му-
равейникѣ. Возвращаясь домой, не оглядываться назадъ и заты-
кать уши, чтобы не слышать писка летучей мыши. Черезъ три
недѣли нужно вынуть горшокъ изъ муравейника. Муравьи съѣ-
дятъ всю летучую мышъ, оставятъ только двѣ волшебныя ко-
сточки: *крючекъ* и *вилочки*. Чтобы заставить кого нибудь полю-
бить себя, — стоитъ только незамѣтно потянуть его къ себѣ
крючкомъ — и дѣло сдѣлано: будетъ такъ лънуть, что и не
отвяжешься безъ помощи *вилочекъ*; надоѣлъ возлюбленный —
оттолкнулъ его *вилочками* и весь любовный *шамъ*, какъ рукой
сняло ¹⁾.

113. По увѣренію же крестьянъ Борисов. у. Минской губ. для
того, чтобы заставить кого-нибудь любить, нужно сдѣлать слѣ-
дующее: положить летучую мышъ въ муравейникъ и оставить
ее тамъ пока она не будетъ объѣдена муравьями и оставшійся
скелетъ окажется въ формѣ нѣсколькихъ *вилочекъ*. Этими *вилоч-*
ками стоитъ только прикоснуться до своего желаннаго человѣка
и тотъ непременно влюбится ²⁾.

114. *Средство дѣлать добро и зло.* По увѣренію крестьянъ
Гродненск. губ. существуетъ, какая-то особая черная змѣя съ
двумя рожками на головѣ. Но появляется она на землѣ только
разъ въ 50 лѣтъ. Если добыть этихъ *рожковъ*, то однимъ изъ нихъ
можно пользоваться для добрыхъ цѣлей, а другимъ — для злоб-
ныхъ. Если такую змѣю убить, то вмѣстѣ съ лишеніемъ жизни
у нея исчезнутъ и *рожки*, или по крайней мѣрѣ потеряютъ

¹⁾ Изъ сообщеній Н. Як. Никифоровскаго.

²⁾ Изъ сообщеній В. Г. Станкевича.

свою чудодѣйственную силу. Но чтобы эта сила сохранилась въ рожкахъ, нужно при ихъ добываніи поступать слѣдующимъ образомъ: повстрѣчавъ диковинную змѣю, нужно прежде всего разостлать по землѣ вязанный нитяный поясъ и стараться гоньбой направить ее такъ, чтобы она непременно переползла черезъ него — и тогда рожки съ нея спадутъ. Но брать ихъ однако не слѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока змѣя не удалится совсѣмъ. Тогда останется только опредѣлить: какой изъ двухъ рожковъ благотворный и какой злотворный? Для этой цѣли нужно только положить ихъ подъ два различныя дерева на однѣ сутки и тогда окажется: что то дерево, подъ которымъ лежалъ благотворный рожокъ, выправилося, стало зеленѣе и лучше, а то, подъ которымъ лежалъ другой рожокъ, злокачественный, опустилося, завяло и засохло.

Дѣйствіе этихъ рожковъ вообще губительное, ужасное. Если, напр., подложить злотворный рожокъ подъ чью нибудь избу, то живущіе въ ней подвергнутся мало по малу цѣлому ряду несчастій, который завершится смертью всѣхъ членовъ семьи. Напротивъ того *добрый* рожокъ приноситъ только счастье и благополучіе всѣмъ тѣмъ людямъ, до которыхъ онъ прикоснется. При этомъ нужно замѣтить, что рожки эти сохраняютъ и обнаруживаютъ свою силу только въ рукахъ того человѣка, который самъ непосредственно ихъ добылъ и совершенно теряютъ эту силу съ его смертью.

Сообщено Н. Я. Никифоровскимъ на основаніи разсказа ученика Свислоч. учит. семинаріи Гоголя.

СРЕДСТВА ВОРОВЪ ДЛЯ УДАЧИ ПРИ ВОРОВСТВѢ.

115. а) Во многихъ мѣстахъ Витебской губерніи (по сообщенію Н. Я. Никифоровскаго) крестьяне убѣждены, будто каждый искусный воръ, такъ удобно пускающій въ ходъ свое искусство въ самую темную и глухую ночь, дѣлаетъ это непременно при помощи косточки, вынутой изъ переносья черного кота, который одинъ только онъ ее и имѣетъ. Эту косточку воръ беретъ въ зубы

и, пока ее держать, онъ остается невидимымъ, хотя воруемые имъ вещи постороннему наблюдателю бываютъ видны во время ихъ исчезновенія.

Но воръ пользуется своимъ секретомъ только въ томъ случаѣ, если онъ самолично добылъ такую косточку; при переходѣ къ другому лицу она не обнаруживаетъ такихъ качествъ. Чтобы добыть такую косточку, воръ долженъ взять живого черного кота, посадить его въ муравленый горшокъ и закрывъ плотно его отверстіе, поставить этотъ горшокъ въ жаркую печь и такимъ образомъ спечь кота. Когда котъ испечется, воръ долженъ спѣшить съѣсть его, пока горячо мясо и притомъ съѣсть всего — съ шерстью, костями и всѣмъ тѣмъ, что находится въ кишкахъ. При этомъ воръ вынимаетъ изъ переносыя кота косточку, которая потомъ и даетъ ему такія чудныя средства для воровства.

б) А по вѣрованію крестьянъ села Новоселокъ Игум. уѣзда Минской губ., (какъ сообщаетъ г. Остаповичъ), чтобы быть хорошимъ воромъ нужно сдѣлать слѣдующее: отыскавъ гнѣздо черепахи, огораживать его колышками такъ, чтобы черепаха не могла пробраться къ яйцамъ своимъ. Черепаха, найдя гнѣздо свое огороженнымъ и не имѣя возможности къ нему пробраться, идетъ искать особую травку, которая бы освобождала ее гнѣздо отъ колышковъ. Найдя эту траву, черепаха приносить ее къ гнѣзду и бросаетъ. Въ это время колышки сами собою выпадаютъ изъ земли и гнѣздо дѣлается свободнымъ. Брошенную траву слѣдуетъ подобрать, взять изъ нея одну полоску и, разрѣзавъ палецъ, вложить ее въ этотъ разрѣзъ, завязать палецъ тряпкой и дать ему *загоиться*. Когда же палецъ загоится, то отъ одного только прикосновенія къ замку — замокъ разваливается и воръ проникаетъ въ сарай, хлѣвъ и т. п.

О ДЕНЬГАХЪ И ВОГАТСТВѢ.

Крестьяне того же села (по сообщенію г. Остаповича) вѣрятъ также въ змѣя, который помогаетъ всѣмъ людямъ, знающимъ съ

нимъ. Такой змѣй, по ихъ словамъ, можетъ свободно перелетать съ одного мѣста на другое. Перелетаетъ же онъ чрезвычайно быстро. Видѣть его можно только на разсвѣтѣ. Онъ всегда бываетъ окруженъ темнымъ облакомъ. При перелетѣ же онъ оставляетъ за собой огненный слѣдъ. Все необходимое для того человека, который съ нимъ знается, змѣй беретъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ добро не считаютъ.

По вѣрованію крестьянъ Королевск. волости Витебск. уѣзда существуетъ даже возможность добыть себѣ такого змѣя. Вотъ какъ они объ этомъ говорятъ:

117. а) «Якъ выдзиць чорныму пѣтуху три годѣ, дыкъ ёнъ знисець яйцо. Тоя яйцо треба носиць три годѣ пыдъ пахвѣй, а якъ выдзиць три годѣ, дыкъ зачнець змѣй ў клѣць ўсяко добро носиць и гроши. Мыя matka видзѣла яго разъ, якъ была молодая. Брала ина разъ сѣно ў руччи ноччи, «ажъ», говориць, ляпиць ныда мноў нѣхто чорны и шумиць, шумиць. Я якъ закричу, а ёнъ и полецѣў пыдъ дзяреўню. Тольки надо яму іечню прагчи, ды ставиць блины, а то ёнъ нічога носиць ня будзиць».

118. б) «А то ящо якъ одна баба, ни ў нашей дзярэўни, ды ня дужа далеко, ды йна мѣла собѣ змѣя: ёнъ ей ўсякыя добро носіў, а йна яму іешню прягла, ды ў клѣци ставила. Тольки быў у ей работникъ: видзиць ёнъ, што баба нѣшто працець, ды ёсь ніколи ни даець. Вотъ инá разъ ждала къ сабѣ змѣя, ды ныпрагла іешню и поставила ў клѣци, а работникъ гэный шоў, зняў зъ іешни пѣнку, поѣў іе, ныс. . . . ў миску, дый пѣнкій пыкрыў. Вотъ змѣй якъ приляціў, покушыў што нисмашна, дыкъ ёнъ тэй бабы ўсё спаліў — и хоромы и цярэмы, и ни стаў больші лятаць.»

119. в) «А вотъ ящо якъ йшла дзѣўка ў самы́ полўдзѣнки, дый дзѣўка тыя знакомыя — и видзиць йна, што ляпиць сінніньки клубочекъ, якъ дымъ, и паў подъ ихъ хату, пыдъ старую, — хата и загорѣлась. Тожъ кажуць: змѣй быў ¹⁾».

¹⁾ Зап. Ек. А. Бируля.

Въ Вилейск. у., Виленск. губ. старики крестьяне совѣтуютъ прибѣгать вотъ къ какому средству для добыванія денегъ:

120. г) Взять какого-нибудь пѣтуха и въ теченіе 7-ми лѣтъ присматривать за нимъ хорошенько, держать его въ холѣ и волѣ. Онъ тогда снесетъ яйцо. Это яйцо нужно нѣкоторое время поносить подъ мышкой, пока изъ него выйдетъ черный котъ. Котъ этотъ въ теченіе всего почти дня остается невидимымъ; онъ появляется только вечеромъ, когда всѣ въ домѣ засыпаютъ глубокимъ сномъ. Тогда хозяйка дома, замѣтивъ это, тотчасъ печетъ яичницу и ставитъ ее въ тарелкѣ на полъ. Черезъ нѣсколько минутъ является котъ, пожираетъ приготовленную для него пищу и — опять исчезаетъ до слѣдующаго вечера. Если же хозяинъ, по какимъ-либо причинамъ, не приготовить для него яичницы, то онъ можетъ сжечь его домъ. Но за хорошій за нимъ уходъ котъ этотъ хорошо и вознаграждаетъ. Такъ напр. онъ поздно въ темную ночь забирается въ чей-либо амбаръ или гумно, гдѣ есть рожь, пшеница и проч., нажирается зеренъ и, возвращаясь къ своему хозяину, изрыгаетъ ихъ въ извѣстномъ облюбованномъ мѣстѣ. Такой котъ часто приносить не только *збоже*, т. е. зерна, но и деньги. Если несетъ деньги, то онъ окруженъ бываетъ огненнымъ свѣтомъ, если-же несетъ *збоже*, то свѣта при немъ никакого не видно. Шествіе его всегда сопровождается небольшимъ шумомъ и жужжаніемъ.

Много въ народѣ ходитъ еще разсказовъ о подобномъ котѣ, какъ въ Вилейскомъ, такъ и въ Минскомъ уѣздѣ. Въ первомъ между прочимъ вотъ что разсказываютъ: Въ одномъ домѣ сталъ часто появляться черный котъ и пожирать приготовленную для него яичницу. По выходѣ изъ-за печи этому коту каждый разъ приходилось переходить черезъ молодую невѣстку, спавшую на стоявшей возлѣ печи кровати. Такъ какъ сообщить объ этомъ своей свекрови она почему-то боялась, и въ тоже время не будучи въ состояніи переносить того страха, который всегда овла-дѣвалъ ею, когда котъ медленно переходилъ черезъ нее своими

холодными какъ ледъ ногами, то она рѣшилась оставить и мужа и этотъ домъ.

Объ этомъ же котѣ въ Минск. у. около имѣнія Замчища рассказываютъ еще слѣдующее:

Однажды какой-то работникъ, молотившій на ригѣ рожь, каждое утро видѣлъ въ гумнѣ на полу тарелочку. Заинтересовавшись этимъ любопытнымъ явленіемъ, онъ разъ остался ночевать на гумнѣ и увидѣвши приближающагося къ тарелкѣ кота, убилъ его. Въ это же самое время умерла и хозяйка дома.

Знахарь, желающій добыть себѣ денегъ, беретъ кусочекъ освященнаго мѣлу, которымъ въ 1-й день Рождества Христова пачертывались кресты на дверяхъ дома и прочихъ строеній, и очерчиваетъ имъ по землѣ (на дворѣ или другомъ мѣстѣ около дома) кругъ, въ центрѣ котораго онъ садится, имѣя непременно при себѣ крестъ. Затѣмъ онъ начинаетъ читать принесенную имъ съ собою таинственную книгу и когда дочитаетъ до того пункта, въ которомъ тамъ говорится о деньгахъ, то къ нему является чертъ и спрашиваетъ, сколько ему надо денегъ? Тогда знахарь требуетъ или 99 коп., или 99 злотыхъ, или 99 руб., 99 тысячъ, 99 миллионъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ долженъ прочесть другой пунктъ, которымъ прекращается видѣніе. При этомъ знахарь соблюдаетъ большую предосторожность, никакъ не оглянется назадъ или въ сторону, а смотреть пристально только въ книгу.

Сообщ. В. Г. Станкевичемъ со словъ г-жи Н. мѣстной помѣщицы.

У одного помѣщика Минск. у. (по сообщенію той-же госпожи) была такая книга. Помѣщикъ часто читалъ ее и нерѣдко проспивалъ за нею цѣлыя ночи. Въ одинъ вечеръ, когда помѣщика не было дома, забрался въ его кабинетъ поваръ, давно уже заинтересованный этой книгою. Вынувъ книгу изъ ящика, онъ сталъ ее читать и вдругъ явился какой-то господинъ и спросилъ: что ему надо? Поваръ второпяхъ сказалъ, что ему надо петрушки. Тогда вдругъ появилось множество незнакомцевъ, которые стали таскать ему петрушку и наносили такое множество,

что ему наконецъ негдѣ было даже и стоять. Къ счастью повара явился помѣщикъ и прочиталъ въ книгѣ упомянутый выше тотъ пунктъ, и немедленно все это ужасное явленіе прекратилось.

Между средствами предлагаемыми народнымъ суевѣріемъ въ средѣ поселянъ Вилейскаго уѣзда Виленской губ. заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее:

Когда несутъ въ церковь покойника надо взять какой-либо сучекъ и смотрѣть черезъ него на мертвеца: на немъ увидишь дьявола. Тогда слѣдуетъ поспѣшно сорвать съ него колпакъ ¹⁾, уйти съ нимъ домой, беречь его, въ ожиданіи прихода черта, который непременно явится и будетъ предлагать сколько угодно денегъ лишь бы получить колпакъ обратно. Денегъ брать не слѣдуетъ, только надо потребовать отъ чорта тотъ рубль, который у него въ карманѣ. Этотъ рубль имѣетъ такое свойство, что если, при отдачѣ его кому-бы ни было, взять хоть одну копейку сдачи, то онъ непременно очутится въ карманѣ того человѣка, который получилъ его непосредственно отъ дьявола ²⁾.

Крестьяне Лашинской волости Гродн. у. вѣряютъ, что если кому изъ ихъ односельчанъ хорошо живется да еще и деньги у него имѣются въ запасѣ, то значить, что чортъ ихъ ему приноситъ ночью. Недоброжелатели же такого крестьянина еще выдумываютъ на тотъ счетъ разныя небылицы, въ такомъ примѣрѣ родѣ: «Даль Бохъ! я самъ бачіу, якъ ў нocy на яго хату огонь поляцѣу, гэта значыць: чортъ». — Другіе его пріятели обыкновенно и подтверждаютъ подобную басню ³⁾.

Среди же крестьянъ Азарической волости, деревни Замошанъ (Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи) это вѣрованіе, по словамъ нашего корреспондента изъ мѣстныхъ крестьянъ, выражается въ такой формѣ: «Нечистая сила (дьяволъ) можетъ накопить въ пользу человѣка большое богатство, если только этотъ человѣкъ будетъ ей угождать. Если же кто ей не угождаетъ, старается отклонять

¹⁾ Черти, по народной фантазіи, всегда бываютъ въ колпакахъ. — ²⁾ Изъ зап. воспитан. Минск. Духовн. семинаріи В. Станкевича. — ³⁾ Изъ зап. И. О. Карскаго.

отъ себя вредъ, приносимой ею, того она можетъ погубить, или нанести ему большой ущербъ въ хозяйствѣ.

«Богачи между крестьянами», продолжаетъ тотъ-же нашъ корреспондентъ, «пользуются въ своей средѣ дурной репутаціей; ихъ считаютъ волшебниками, чародѣями, продавшихъ свою душу нечистой силѣ. Бываетъ, что иной богачъ до того хлопочетъ о приобрѣтеніи богатства, что теряетъ жизнь: убивается, упавъ съ дерева, замерзаетъ зимою, сбившись съ дороги, или утопаетъ. Въ такихъ случаяхъ крестьяне говорятъ, что онъ прогнѣвалъ нечистую силу и что именно она его къ этому привела. Если по смерти богача случится, что хозяйство его придетъ въ совершенное разстройство, тогда опять-таки всѣ увѣряютъ, что это дѣло нечистой силы.

Бѣдняки же изъ крестьянъ думаютъ, что они оттого бѣдны, что не могутъ обезопасить себя отъ вреда, наносимаго имъ нечистой силой. Они живутъ въ постоянномъ страхѣ. При каждомъ малѣйшемъ шорохѣ имъ представляется, что это нечистая сила похищаетъ у него послѣднее его достояніе — для богача. Для того, чтобы эта сила не могла вредить его хозяйству, крестьянинъ ежегодно на Благовѣщеніе беретъ ману, освященнаго въ церкви вмѣстѣ съ рожью въ праздникъ Преображенія Господня и обсѣваетъ его вокругъ своей усадьбы. Послѣ этого, по его убѣжденію, нечистая сила ужъ не коснется его имущества до той поры, пока совсѣмъ не соберетъ всѣхъ зеренъ. Кромѣ того онъ еще окропляетъ всѣ свои строенія святой Крещенской водою».

О заколдованныхъ деньгахъ въ с. Новоселкахъ Игуменск. у., той же губерніи, существуетъ слѣдующій разсказъ:

Возвращался солдатъ изъ отпуска. Дорогой застигла его ночь вблизи какой-то деревни. Онъ подошелъ къ хатѣ одного богатого крестьянина и попросился у него переночевать. Крестьянинъ не пустилъ солдата въ хату, а позволилъ ему итти ночевать въ сарай.

---

¹⁾ Изъ зап. И. О. Карскаго.

Солдатъ пошелъ. Долго ему тамъ не спалось. Вдругъ онъ слышитъ, кто-то ходитъ по двору гумна. Онъ осторожно всталъ и подошелъ къ щели между бревнами сарая. Видитъ, идетъ по двору хозяинъ дома и несетъ мѣру (шестнастку) серебра, подходитъ къ ямкѣ, осматривается кругомъ, прислушивается, высыпаетъ ее въ яму и возвращается въ хату. Такимъ образомъ онъ еще два раза повторилъ эту операцію. Когда третья мѣра серебра была всыпана въ яму и крестьянинъ возвратился въ хату, солдатъ тихонько отворилъ ворота сарая, снялъ съ себя крестикъ и бросилъ его въ яму съ серебромъ. Затѣмъ онъ возвратился въ сарай, и сталъ продолжать наблюденія. Крестьянинъ же принесъ еще три мѣры серебра, всыпалъ ихъ въ яму, которую тутъ же и зарылъ и взявъ ружье, выстрѣлилъ, сказавъ: «якъ ёты выстрѣлъ полетѣлъ далѣко, такъ моё гроши опусьщичесъ глубоко». Вслѣдъ за этими словами послышался звонъ сыпавшихся въ какую-то пропасть денегъ. На слѣдующій день, солдатъ простился съ хозяиномъ и продолжалъ свой путь. Прослуживъ положенное число лѣтъ въ войскѣ, онъ возвращался домой. По дорогѣ онъ зашелъ въ ту деревню, въ которой когда-то ночевалъ. Хозяинъ той избы, въ которой онъ останавливался, уже давно померъ. Дѣти же его жили въ страшной бѣдности. Солдатъ, замѣтивъ это, имъ сообщилъ, что у нихъ есть большія деньги и предложилъ взять лопаты и идти за нимъ на гумно. Тѣ согласились и пошли за нимъ. Но прежде, чѣмъ начать отрывать яму, солдатъ сказалъ: «Слушайте! тѣ деньги, что до крестика—мои, а—что послѣ крестика—ваши. Хозяева согласились и отрыли яму. Солдатъ взялъ свою часть до крестика. Пришла очередь брать деньги хозяевамъ дома. Но чуть сняли они крестикъ съ денегъ, какъ послышался звонъ и деньги неизвестно куда дѣлись.

Еще рассказываютъ такой случай: Одинъ крестьянинъ видѣлъ, какъ его сосѣдъ заклиналъ деньги вышесказаннымъ способомъ. Какъ только сосѣдъ ушелъ, онъ рѣшилъ воспользоваться его деньгами. Сейчасъ принялся за дѣло, отрылъ яму, и увидѣвши тамъ сундукъ, открылъ крышку — и что же онъ увидѣлъ? — въ

сундукъ лежитъ черный человѣкъ и курить трубку. Крестьянина особенно поразилъ его чубукъ (цибукъ), который былъ длиною около сажени. Испугавшись, онъ поспѣшно закрылъ крышку сундука, зарылъ яму и побѣжалъ домой. Черный человѣкъ этотъ — былъ чортъ.

Крестьяне вѣрятъ, что деньги, находящіяся въ землѣ, весною пересушиваются, «переполиваются», какъ они выражаются. Эти деньги тогда горятъ маленькимъ огонькомъ блѣднаго цвѣта. Видѣть этотъ огонекъ можно только одному лицу, — не болѣе. Являются, эти деньги въ различныхъ видахъ: то въ видѣ огненной лошади, то въ видѣ горящей скрини (большого ящика), то въ видѣ огненного клубка, пѣтуха и т. п. Но чаще всего въ видѣ огонька. Если черезъ пересушивающіяся деньги перебросить чѣмъ-нибудь, то ихъ легко послѣ этого достать изъ земли. Если черезъ нихъ перебросить шапку, то онѣ будутъ въ землѣ на глубинѣ роста человѣка, если ножъ, то на половину роста человѣка и т. д.

Еще въ ходу у крестьянъ означенной мѣстности слѣдующіе рассказы на счетъ денегъ:

Однажды въ полѣ на камнѣ сидѣлъ старикъ и просилъ проходящихъ дѣтей утереть ему носъ, изъ котораго текли «сморкачи» (сопли). Никто изъ дѣтей не только не подходилъ къ нему, но всѣ убѣгали отъ него. Наконецъ явился одинъ храбрый мальчикъ, подошелъ къ старику, утеръ ему носъ, смотритъ — вмѣсто «сморкача» лежитъ передъ нимъ куча золота¹⁾.

Подобное же повѣрье зап. (въ 80-ыхъ годахъ) въ Вилейск. у. Вилейск. губ. Вл. Григ. Станкевичемъ. Нѣкоторымъ счастливымъ является ночью старикъ и будитъ спящаго. Не всякій догадается, что нужно дѣлать въ такомъ случаѣ. Говорятъ, что надо встать, взять носовой платокъ и утереть имъ носъ старику. Тогда изъ его носа посыплются деньги. Рассказываютъ, что когда такой старикъ явился одному неопытному человѣку, то по-

¹⁾ Изъ зап. г. Остаповича.

слѣдній его толкнулъ, при чемъ задѣлъ рукою пуговицу его платья. Пуговица упала на полъ и зазвенѣла, а старикъ исчезъ. На другой день оказалось, что упала не пуговица, а червонецъ.

ВЪРОВАНІЯ, ПОВѢРЬЯ, СУЕВѢРЬЯ, ПРИМѢТЫ.

Про чорта крестьяне Лашинск. волости Гродненск. у. говорятъ, что «ѣнъ показываецца *заўжды* не иначе, якъ ў чорнумъ плащу, и ў капелюшѣ и на цѣлячихъ, альбо козлячихъ ногахъ, и часами и на конскихъ. Ёнъ показываецца ночью, и коли чаловѣкъ идзе, альбо їдзе дорогою, то злы духъ стараецца збици яго зъ дороги и заведзе кольвѣкъ ў болото, а зимою ў полонку (прорубь), але чаловѣкъ коли не страціць памяти, то повиненъ старатца зайци и стаць на такое поле, дзѣ росло пшаница, альбо лѣнъ, бо чортъ ниякъ не мѡжа зайци на такое поле, для того, што зъ пшаницы *юстыю* (просфоры) пекуць до церкви, изъ лѣну робяць свенты олей, што дзѣцѣй хресцяць и лопъ шмаруе попъ ў церкви. Якъ чаловѣкъ стане на полѣ, дзѣ росъ лѣнъ, альбо пшаница, то чортъ ўсюды по полѣ бѣгае и йща дзѣ есьць кончыка недопалѣныя лучыны и ѣнъ ўсѣ збирае гѣтые кончыка и подходзиць до чаловѣка и якъ тўолько дойдзе до чаловѣка, то зѣрасъ возьме яго дай задушыць. Тўолько аще есьць спѡсопъ чаловѣку збавицца отъ злого духа, покуль ѣнъ збирае кончикуў лучыны, то найчасѣй пѣтухъ заспѣвае *кокареку* и тоды злы духъ — бойць! ў пекло — и пропадзѣ. И рѣдко коли бывае на свѣцѣ, капъ злы духъ задушыў чаловѣка, хѣба надто великаго грѣшника, и то вельми рѣдко мѡжа одного чаловѣка зъ цѣлаго свѣту вѣ одзинъ рокъ».

Кромѣ того наши крестьяне вѣрятъ, что чортъ отъ 6-го января до Вербнаго воскресенья сидитъ на вербѣ, а во время во-

досвятія онъ выбѣгаетъ изъ воды. Затѣмъ отъ Вербнаго воскресенья опять идетъ въ воду ¹⁾).

Воображеніе народное населяетъ и теперь еще дома свои существами невидимыми, но вѣчно живущими съ нимъ домовыми, которые иногда имъ заявляютъ о своемъ присутствіи завываньемъ въ трубы или появленіемъ среди хаты въ видѣ напр., копны сѣна, съ цѣлю перепугать семью, которая сдѣлала что-нибудь не такъ, какъ ему было угодно. Домовой, по словамъ народа, обнаруживаетъ свою власть и надъ животными домашними, особенно надъ лошадьми. Говорятъ такъ: если онъ не взлюбитъ лошадь какой-либо масти, то начнетъ преслѣдовать ее, мучить, по ночамъ ѣздить на ней верхомъ, или гонять ее по горамъ съ вечера до разсвѣта, пока не пропоетъ пѣтухъ. Потерпѣвшее животное послѣ такой гонки къ утру оказывается мокрѣшенькимъ, какъ бы вышедшимъ изъ воды. Для того, чтобы спасти бѣдное животное надо, по мнѣнію народа, застрѣлить на лету сороку и повѣсить ее въ томъ сараѣ, гдѣ шалитъ домовый. Тогда онъ болѣе не придетъ. — У нѣкоторыхъ хозяевъ не ведется скотъ какой-либо шерсти и кто желаетъ купить какое-либо животное, тотъ долженъ положить на ночь лоскутокъ бумаги съ хлѣбомъ-солью въ сараѣ на столбѣ, въ который вставляется воротъ. Тогда домовый (домовикъ) придетъ ночью и положить шерстинку такого цвѣта, который онъ любитъ и если хозяинъ исполнитъ его желаніе, то скотъ у него будетъ водиться.

Хотя домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ бѣлоруссы и называютъ «нечистою силою», однако онъ дѣлаетъ довольно существенное различіе между этими олицетвореніями стихійныхъ силъ и съ другой стороны между чертями. Чортъ — это олицетвореніе зла, слѣдовательно — противникъ всего благого. И водяной, и лѣшій и другіе стихійные боги могутъ дѣлать зло, но могутъ и не дѣлать, а чортъ не можетъ не дѣлать зла: такова ужъ его природа.

---

¹⁾ Изъ зап. И. О. Карскаго. Ср. выше, стр. 13—14.

Если онъ иногда и дѣлаетъ будто бы добро, то это только въ видахъ причиненія еще бѣльшаго зла. Онъ неотступно слѣдитъ за человѣкомъ и норовитъ воспользоваться всякой возможностью, чтобы причинить ему вредъ, ввести его въ грѣхъ и тѣмъ повредить его душѣ. Онъ внушаетъ человѣку дурныя мысли, дурныя поступки. Онъ особенно силенъ тогда, когда воля человѣка слаба, сознание затемнено, когда на примѣръ человѣкъ пьянъ. Тогда чортъ смѣло выступаетъ на борьбу съ человѣкомъ, тогда онъ не скрывается, а принимаетъ свой настоящій видъ. Онъ можетъ появляться и исчезать, можетъ оборачиваться различными предметами. Но въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. въ томъ, какъ онъ представляется бѣлоруссу, онъ напоминаетъ изображеніе сатировъ: на головѣ имѣетъ рога, козлиную бороду, двукопытныя или однокопытныя ноги, коровій хвостъ, на рукахъ длинныя ногти, онъ въ большинствѣ случаевъ, хромъ и горбатъ; тѣло его покрыто шерстью. Онъ можетъ принимать еще болѣе страшный видъ, когда желаетъ испугать человѣка. Особенно онъ любитъ принимать образъ козла. Въ любой бѣлорусской деревнѣ вамъ разкажутъ, какъ шелъ кто-нибудь во время грозы или дождя, какъ встрѣтилъ дрожащаго отъ холода и жалобно блеющего козлика, какъ взялъ онъ этого козлика на руки или въ полу платья, отогрѣлъ его, и какъ только сталъ входить съ нимъ въ освященный домъ, — козликъ выпрыгнулъ, сдѣлалъ неприличіе и расхохотался дикимъ голосомъ. — Чортъ любитъ сбивать путниковъ съ дороги, сбрасывать колеса съ осей во время ѣзды, заводить пьяныхъ въ болота, а иногда и въ прорубь. Онъ, какъ видите, не брезгаетъ и такими мелочными продѣлками. Конечно порядочный чортъ такъ баловаться не станетъ, такими дѣлишками больше чертенята занимаются.

Бѣлорусскіе черти бываютъ бѣльшаго и мѣньшаго калибра, но величественныхъ образовъ, въ родѣ на примѣръ, Мильтоновскаго Сатанаила, — народъ не знаетъ, и хотя въ его средѣ ходятъ названія сатана, діаволъ, но бѣлоруссъ не дѣлаетъ различія между этими названіями и влагаетъ въ нихъ какое-то особое

представленіе. Наибогѣе могущественными чертями считаются тѣ изъ нихъ, которые хромы и рогаты. По поводу приобрѣтенія ими этихъ уродствъ существуетъ преданіе, что когда черти были побѣждены небеснымъ воинствомъ, то были сброшены съ неба на землю. Летѣли они, какъ летитъ снѣгъ, хлопьями, цѣлыми кучами, цѣпляясь другъ за друга, — летѣли долгое время. Мелкіе черти, во время паденія, отдѣлались сравнительно дешево, получили легкіе ушибы и только, а крупные, какъ богѣе тяжелые, получили серьезныя увѣчья; поломали ноги, понабиwali горбы и т. п. Также во время гибельныхъ войнъ многіе изъ чертей получили неизлѣчимыя раны на всю жизнь.

Главный же чортъ, который всѣми предводительствуетъ, былъ закованъ ангеломъ въ цѣпи и заключенъ въ каменной горѣ. (Этого чорта почему-то называютъ *цмокомъ*, хотя цмокъ собственно значить *драконъ*). Когда этотъ чортъ поворачивается, или, со злости, начинаетъ цѣпи рвать, то земля дрожитъ, горы трескаются. Цѣпь, которою онъ прикованъ къ стѣнамъ горы, чрезвычайно толста; но люди своими грѣхами ежегодно переѣдаютъ ее, ибо грѣхи имѣютъ свойство переѣдать эту цѣпь, какъ ржа желѣзо. Бываетъ такъ, что къ Пасхѣ эта цѣпь дѣлается тонка, какъ волосъ, но все-таки держитъ чорта. А когда запуютъ въ церкви, на всенощной: «Христосъ воскрес!» она снова сдѣлается такою толстою, какъ и прежде была. Когда же грѣхи людей до того умножатся, что переѣдать цѣпь совершенно, тогда будетъ кончина міра, дьяволъ освободится и все разрушитъ. А если люди постараются меньше грѣшить, то міру и конца не будетъ.

Болото — любимое мѣсто обитанія чертей, такъ сказать: штабная квартира. «Чортъ болотный!» говорятъ бѣлоруссы. Они представляютъ себѣ, что чортъ возсѣдаетъ на днѣ неприступной трясины и оттуда рассылаетъ подвластныхъ ему чертей для искушенія людей, выслушиваетъ отчеты о ихъ дѣятельности, подаетъ имъ совѣты, какъ достичь богѣе успѣшныхъ результатовъ, наказываетъ лѣнливыхъ и недѣятельныхъ. Между

ними существуетъ довольно длинная іерархія: младшій подчиняется старшему. Но честности въ ихъ средѣ нѣтъ и въ поминѣ; напротивъ, подчиненные всячески норовятъ обмануть начальниковъ, увильнуть отъ заданной работы, особенно, если она тяжела и непріятна, избѣжать наказанія. Предполагаются у нихъ и половыя различія: есть черти и чертовки; бываютъ у нихъ и дѣти, *чертенята*. Чортъ не прочь вступить въ половую связь и съ обыкновенной смертной. Отъ такого общенія рождаются обыкновенно чудовищные уроды, не имѣющіе ни малѣйшаго человѣческаго подобія. Тотчасъ же послѣ рожденія они исчезаютъ съ визгомъ и хохотомъ.

Чортъ — источникъ зла на землѣ. По космогоническому преданію, широко распространенному въ Бѣлоруссіи, онъ, участвуя въ созданіи земли, внесъ въ нее все злое. Вотъ это преданіе:

Въ началѣ вода покрывала всю землю. Богъ повелѣлъ дьяволу спуститься на дно и дать горсть земли. Чортъ спустился на дно, захватилъ горсть земли, но не всю отдалъ Богу, а часть спряталъ во рту. Богъ взялъ землю, благословилъ ее и бросилъ на воды, — и земля стала расти, расширяться и покрывать воду гладкимъ и ровнымъ, какъ *тожъ*, слоемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стала расти и та земля, которая была у чорта во рту, стала раздирать ему ротъ. Чортъ, корчась отъ боли, сталъ выплевывать изо рта землю. И такъ долго онъ катался по землѣ и плевалъ. Оттого поверхность земли сдѣлалась гористою и неровной: та земля, что выплюнулъ чортъ, образовала горы ¹⁾.

Земля мѣстами отравилась чертовой слюной, и поэтому, когда Богъ, готовя землю для человѣка, посѣялъ жито, пшеницу, ячмень, просо, плодовые деревья, цѣлебныя травы, то сѣмена, упавшія на отравленные чортовой слюной мѣста, произрастали вмѣсто ячменя — пырей, вмѣсто ржи — костеръ ²⁾, вмѣсто грушъ и яблонь — застырь (терновникъ), а вмѣсто цѣлебныхъ травъ — блѣкотъ (бѣлену) и другія вредныя растенія.

¹⁾ Ср. Бѣлорусск. народн. пѣсни Шейна, стр. 428. Разск. о сотворен. болотъ.

²⁾ Тоже, что *костра*: «сорная трава *Artemisia ventii*». См. слов. Даля.

Потомъ Богъ создалъ полезныхъ животныхъ: лошадей, коровъ, овецъ, собакъ, кошекъ. . . Нѣкоторыя изъ нихъ, не умѣя различать вредныхъ травъ отъ полезныхъ, наѣлись ядовитыхъ и превратились въ волковъ, росомахъ, медвѣдей и прочихъ вредныхъ животныхъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока животные не научились отличать полезныхъ травъ отъ ядовитыхъ.

Слѣпилъ Богъ изъ земли человѣка, дохнулъ на него — и человѣкъ зашевелился, оживился. Чортъ это все видѣлъ, и когда человѣкъ заснулъ, пришелъ чортъ и также дохнулъ на него — и вселился въ человѣка злой духъ, и получилъ человѣкъ склонность ко злу ¹⁾).

О происхожденіи болотъ и дурныхъ сторонъ человѣка крестьяне бѣлоруссы Мглинскаго уѣзда Черниговской губ. рассказываютъ слѣдующее:

Когда Богъ сотворилъ свѣтъ, то чортъ набралъ въ ротъ грязи и началъ плевать и отъ этого стали болота. Человѣка же Богъ сотворилъ вполнѣ чистымъ, но когда онъ поставилъ его сушить на солнце, то подкрался чортъ и оплевалъ человѣка. Тогда Богъ взялъ и вывернулъ его, такъ что все нечистое осталось у человѣка въ серединѣ, т. е. въ сердцѣ.

О ПРОКАЗАХЪ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ.

а) Дѣвушки звали къ себѣ служащихъ въ имѣніи «парабкоу» на вечеринку. Парни обѣщали, но случилось такъ, что всѣ они были въ этотъ вечеръ въ разгонѣ и поэтому, не могли явиться на вечеринку. Наступилъ вечеръ. Дѣвушки приготовились и ожидаютъ парней. Вотъ дверь открывается и входятъ «парабки» съ музыкантомъ. Вошли и начали здороваться. Въ это время одна изъ

---

¹⁾ (Передано по разсказу Онуфія Осьмика, м. Холопенича, Борисовск. уѣз.). Этотъ разсказъ циркулируетъ въ Бѣлоруссіи въ нѣсколькихъ вариантахъ. Мы выбрали самый типичный, въ которомъ наиболѣе ясно и послѣдовательно приведена идея, что все злое на землѣ отъ чорта. Изъ зап. А. Е. Богдановича.

дѣвушекъ замѣтила у парня хвостъ. Она тотчасъ подозвала къ себѣ свою подругу и попросила выйти съ ней на дворъ. Парни ихъ не пускаютъ. Но наконецъ имъ удалось выйти. Вотъ первая дѣвушка и говоритъ своей подругѣ: «Сястрица! эта черци, я видѣяла хвостъ у воднаго». — «Ета табѣ такъ только здаётца»¹⁾, отвѣтила ей подруга. «Бяжимо, сястрица». Но вторая дѣвушка итти домой не согласилась, тогда первая убѣжала одна, вторая же возвратилась къ парнямъ. Бѣжать ей пришлось около двухъ верстъ. Прибѣжавъ домой, она рассказала отцу о томъ, что замѣтила. Отецъ взялъ Евангеліе и отправился съ дочерью къ мѣсту танцевъ. Подошли къ дому, гдѣ была вечеринка.

Дѣвушка быстро отворила дверь, отецъ ея совершилъ Евангеліемъ знами креста и мгновенно парней и музыки какъ не бывало въ комнатѣ; на полу же лежали тѣла дѣвушекъ, подругъ пришедшей, замученныхъ танцами.

б) Жилъ мельникъ. У него было двѣ дочки: отъ первой жены одна и отъ второй — другая. Мачиха страшно не любила падчерицу. Разъ посылаетъ она её въ мельницу молоть рожь. Мельница находилась верстахъ въ пяти отъ села. Стояла она въ пустынномъ мѣстѣ. Пріѣхала сюда дѣвушка, засыпала въ «кошъ» хлѣба и сѣла, думая заснуть. Еще не настала полночь, какъ приходитъ къ ней красивый парень и говоритъ: «Пойдемъ, дзѣўка, гуляць». Дѣвушка отвѣчаетъ: «Рада-бъ я пойци гуляць, да у мяне нима чаравикъ (башмаковъ)». Парень пошелъ, принесъ ей башмаки и опять приглашаетъ итти гулять. Дѣвушка говоритъ: «Рада бы я пайци гуляць, да у мяне нима панчоухъ (чулки)». Парень пошелъ, принесъ ей чулки и говоритъ: «Пойдемъ, дзѣўйка, гуляць». Дѣвушка опять говоритъ: «Я бы пошла, да у мяне нима добрай сподницы (юбки)». Парень пошелъ, принесъ ей юбку и опять приглашаетъ итти гулять. Дѣвушка давно поняла, что парень, приносящій ей такіа хорошія вещи, есть ни кто иной, какъ чортъ, и не зная какъ отъ него освободиться,

---

¹⁾ Кажется.

расчитывая, что къ тому времени запоютъ пѣтухи и парень исчезнетъ. (Съ этою цѣлью она и предлагала ему принести, то башмаки, то чулки, то юбку, этимъ она длила время). Когда парень принесъ дѣвушкѣ юбку, она предложила ему принести рубашу, потомъ «гарсѣтъ», потомъ «ху́сту», потомъ шубу. Чуть парень показался съ шубой, послышалось пѣніе пѣтуха. Парень отдалъ дѣвушкѣ шубу и, сказавъ: «Бывай, дзѣўка, здорова», удалился. Дѣвушка, смоловъ рожь, отправилась домой. Пріѣхавъ домой, она сказала, что когда она молола, къ ней пришелъ одинъ хорошій человѣкъ, позвалъ ее гуляць, и за то, что она немного съ нимъ погуляла, одѣлъ ее. Мачеха, услыша разсказъ падчерицы, какимъ образомъ ей досталась вся «одѣжа», сказала: «Погляди-шь, мая дочка ня тѣе привязѣ». Къ вечеру мельникъ отвезъ свою вторую дочку въ мельницу. Она засыпала въ «кошъ», привезенную рожь и стала молоть. За нѣсколько часовъ до полночи является къ ней парень и говоритъ: «Пайдземъ дзѣўка гуляць». Она говоритъ: «Приняси мнѣ хорошая адзення, тагды пайду». Парень не замедлилъ принести ей всю нужную одѣжу. Она одѣлась и пошла. На слѣдующій день пріѣзжаетъ отецъ и находитъ только кости своей дочки подъ колесомъ мельницы¹⁾.

ВѢРОВАНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РУСАЛОКЪ²⁾.

Эти вѣрованія весьма распространены среди бѣлорускаго населенія сѣверо-западнаго края. О русалкахъ тамъ еще до сихъ поръ ходитъ въ народѣ много преданій и разсказовъ. Такъ по вѣрованію крестьянъ Копаткевической волости Мозырск. у., Минск. губ., русалки происходятъ оттого, что matka кристныя ребенка или оттого, что ребенокъ умереть безъ крещенія. Теперь такихъ случаевъ не слышать, благодаря внушительнымъ наставленіямъ священниковъ. Въ прежнее же время крестьяне, бывало,

¹⁾ Изъ записей (въ Игум. у. Минск. губ.) А. А. Остаповича.

²⁾ Богѣ подробныя свѣдѣнія о русалкахъ см. I ч. I-го тома этого сборника, стр. 196—198.

увѣряли, что видѣли русалокъ съ распущенными волосами тамъ-то и тамъ-то.

Въ Духовъ день и теперь еще дѣвки собираются въ концѣ села, набравъ съ собою клѣну и ернику и хоромъ поютъ:

«Русалочка, Наталочка!

«Гдѣ твоя дочка Ульяночка?»

—«Въ огородѣ чаборъ поле,

Чаборъ поле и перебирае!»¹⁾

Крестьяне-бѣлоруссы Гродн. у. Лашанской волости вѣрятъ, что если во время цвѣтенія ржи русалкѣ попадется человѣкъ во ржахъ, то его непременно заказычиць (защекочеть) руками и цыпками до смерти — и сама засмѣется...²⁾.

А по вѣрованію поселянъ с. Новоселокъ Игум. у. той же губ. русалки—это дѣти, которыя умерли прежде, чѣмъ ихъ успѣли окрестить. Они обладаютъ большою силою. Ходятъ нагими, съ распущенными волосами. Живутъ онѣ по лѣсамъ, нападаютъ на людей и щекочутъ ихъ, отъ чего тѣ и умираютъ³⁾.

а) Женщина пошла въ лѣсъ собирать грибы. Видитъ на деревѣ виситъ большой кусокъ березовой коры. Она подошла къ этому куску и заглянула въ средину его, видитъ лежитъ нагой спящій ребенокъ. Женщинѣ жаль стало ребенка: она отвязала свой передникъ, прикрыла имъ ребенка и отошла, недоумѣвая, чѣмъ это дитя и какъ оно сюда попало? Недоумѣніе ея скоро однако разрѣшилось. Не успѣла она отойти отъ ребенка и 20 шаговъ, какъ услышала слова: «Почакай, кобетка!»⁴⁾.

Она обернулась, видитъ: бѣжитъ къ ней на встрѣчу нагая женщина съ распущенными волосами. Это была русалка. Женщина испугалась и хотѣла бѣжать, но русалка закричала: «Постой, кобетка, споръ табѣ ѣ руки.» Съ этими словами она прикоснулась къ рукамъ женщины и исчезла.

¹⁾ Изъ зап. волостн. писаря Жмудова.

²⁾ Изъ записи И. О. Карскаго.

³⁾ Изъ зап. А. А. Остаповича.

⁴⁾ Подожди, женщина.

Опомнившись отъ испуга, женщина вернулась домой. Съ этого времени она начала такъ трудиться, что все удивлялись откуда у нее берутся силы.

б) Бѣхалъ ночью по дорогѣ докторъ. Видитъ онъ: идетъ къ нему не встрѣчу маленькое дитя и заграждаетъ ему дорогу. Докторъ догадался, что это дитя есть некрещенная душа и остановившись, спросилъ: «чаго, душа, потребуя?» — «Креста!» отвѣтило дитя. Докторъ опять спросилъ: «На какой дорогѣ стоишь? Чи на простой, чи на мученической?» — «На простой», былъ отвѣтъ. Тогда докторъ осѣнилъ дитя крестнымъ знаменіемъ и далъ ему имя «Еввы» и оно отошло отъ доктора, произнося слова: Святъ, святъ, святъ Господь, нашъ заступникъ, земля полна славы Его!»

в) При мосту стоялъ солдатъ на караулѣ. Въ самую полночь вдругъ онъ видитъ: выходитъ изъ рѣки женщина, вся въ черномъ, всходитъ на средину моста и начинаетъ горько плакать, облокотясь на одну изъ перилъ. Солдатъ не выдержалъ и подошелъ къ плачущей. Увидѣвъ его, она бросилась въ рѣку и исчезла. То же самое повторилось и на слѣдующую ночь и на третью. Въ одно время съ солдатомъ появленіе этой женщины видѣли еще три человѣка. На четвертую ночь плачущая женщина сама подошла къ солдату, дала ему много денегъ, прося купить ей крестикъ и принести его на указанное ею мѣсто. Солдатъ, получивши деньги, предался пьянству и вовсе забылъ о крестикѣ. Такъ женщина и осталась безъ крестика. — Крестьяне говорятъ, что то была некрещенная душа ¹⁾).

г) «Русалки» говорила мнѣ въ Копысѣ (Горецк. у. Могилевской губерніи) старая крестьянка, «зъ нехращенныхъ дзяцей. Коли ены помруць, ихъ хороняць не на межѣ, а на непотребномъ, дужа старомъ кладбищѣ. Тамъ ёсьць магазей дэравѣнски. Одна женщина скинула дзяцей, дыкъ уже треццяго хоронила помежъ кладбиша. А даюць имя такому дзяцю: ци бацькино,

¹⁾ Изъ сообщеній учит. народн. училища А. Остаповича.

ци маткино — якъ какое дзипя... Такъ сказаў здѣлаць священникъ. Енъ говорыў: гэтожъ душа чаловѣческая.

Ў первый чоцьверъ послѣ Духа бываюць Вяликодні у тыхъ, хто скидываў. Ёны тогды ничога не дзѣлаюць, толькі яіцы красюць и обѣдъ готуюць. Цяперъ русалокъ вже нима: ёны закліаты, а упяродъ были.

«Что ты, бабушка, говоришь?» замѣтилъ я ей съ удивленіемъ. «Праўда, праўда, были. Я сама чула: во ў нядзѣлю послѣ Духа ёны збираюцца ў лясѹ, вѣшаюць арели (качели) и згукаюць дзѣвокъ, парни по имени: «Ходзице колыхацца». Тогды ўсѣ уцекаюць поперегъ межи,—черезъ межу ёны ни пиряскочуць, бо високо, а ўдолю межи догоняць. Зовуць колыхацца ў поўдзень и нѣччу. Во была у насъ Кацярына: яна понясла щавель ў Шклоў,—дыкъ яе звали дужа рано,—йна уцекаць назадъ,—ды сустрѣла другихъ бабъ, дыкъ ужъ зъ ими пошла. А ў нѣччу якъ поѣдуць на нѣчлегъ, дыкъ обчерцуць коло сябе кругъ,—черызь кругъ не пирайдзець, яще яи голавешками пугаюць, гоняюцца за ёй, а йна за йми,—вялизни грудза пиракинецъ назадъ, бо дужа вяликіе, а волосы у яе длинныя,—ўся ў волосахъ, яна голая.—Коли хлопчикъ помрець няхрещоный, дыкъ и ёнъ тымъ жа займаецца. Колибъ русалки догнали, дыкъ ена вѣчи назадъ пираставила, голову пиравернула бы. Дыкъ ўпяродъ, якъ русалки были ни закліаты, дыкъ, бывало, ў гэты дзень собираюцца хлопцы, дзѣўки, красюць яіцы, бяруць водку, ўюць вянки и идуць ў крыжи, што ў концѣ дзяреўни. Тамъ готовую ядуць яѣшню, вянки разоўюць и раскидаюць. Такъ проводзюць русалокъ, што зъ ихъ дзяцей.

За три нѣчи пиродъ Малой Прячистой ня молоцюць, ня цеплюць осеци. Русалки по болоцѣ згукиваюцца на нѣчку, сядуць ў гумнѣ. Одзинъ мужикъ ноги одпѣкъ. Русалки, якъ кажуць, зъ похороненныхъ няхрещоныхъ дзяцей, а може-изъ вѣдзьмаў. Цяперъ уже ихъ нема,—вѣрно молинца лучше умѣюць.

Изъ зап. М. Машурко.

Русалокъ можно видѣть ночью предъ днемъ Ивана Купала.

Повели парни на ночлегъ лошадей. Разложили огонь, начали грѣться и говорить между собою о томъ, что въ сегодняшнюю ночь (предъ Ивана Купала) ходятъ русалки. Одинъ парень посоветовалъ вырѣзать по хорошей дубинѣ. Парни согласились. Вырѣзавъ каждый по дубинѣ, опять усѣлись вокругъ огня. Только что усѣлись парни, какъ не вдалекѣ отъ себя увидѣли они приближающуюся нагую женщину. Это была русалка. Подойдя къ огню, она остановилась, посмотрѣла на парней и ушла къ недалеко-находящейся рѣкѣ. Окунувшись въ ней, она пришла опять къ парнямъ, стала на костеръ, затушила огонь и ушла. Парни его опять развели. Русалка опять ушла къ рѣкѣ, окунулась и пришедши, снова затушила огонь. Парни снова развели его. Русалка не замедлила снова явиться. Но на этотъ разъ парни встрѣтили её дубинами. Русалка ушла. Водворилась тишина. Вскорѣ въ глубинѣ лѣса парни слышали: «Пошла сабѣ, нашла сабѣ». Спустя нѣкоторое время слова повторились. Наконецъ парни услышали: «Пошла сабѣ, нашла сабѣ, пойду сабѣ, найду сабѣ».

Послѣднія слова ихъ такъ испугали, что они сѣли на лошадей и уѣхали домой.

Сообщ. учит. народн. учил. А. Остаповичъ.

О МЕРТВЕЦАХЪ.

Минск. г., Борис. у., Мстижск. в.

а) «Гэто ни ня байка, — ўсѣ старики баюць, што нѣгдзѣ жили два браты і маці. Браты построили сыробойню і восиць, наставили снопы на ночь ў восиць, а пришоўши на заўтрая рано молопиць, — бачуць: ўсѣ снопы ў восицы выкинуты вонъ на сыробойню. Яны і кажуць: «што гэто за чортъ за снопамі робиць?» ажно чуюць нѣхто кажа: «Я ня чортъ, а вашъ братъ, запытайся сабѣ у мацяры». Яны поглядзѣли, поглядзѣли — нікого

нима, дзивюцца. Пришли домоў и кажущь мацяры ябъ гѣтимъ, дыкъ видзюць мацяры нѣшто цюкнула» ¹⁾ . . . . . Тогда яны къ ей пристали: «Скажи, ды скажи, маці, праўду: «Ци быў у цябе окромя насъ ящѣ сынъ, ци не?». Маці ўсѣ тайлася, а послѣ создалася и сказала имъ, што праўда: у яѣ быў ящѣ сынъ банкартъ ²⁾, дыкъ яна за стыдъ задушила и сховала.

На заўтры пошли браты ў восиць ³⁾ каравулицъ своеѣ снопы. Пришли и бачущь: снопы зъ восици ўзноў выкидаюцца. Яны—туды и зловили нѣкоего чаловѣчка. Ёнъ стаў просицца: «Ни бѣця, ни губиця мяне! я вашъ братъ,—я тутъ каравулю идолоў скарбъ. Я идолу служу; ваша восиць икразъ стоиць на гѣтымъ скарбѣ». Браты пытаюць: «А ци ты даси намъ скарбу и сколько?» Ёнъ кажа: «Дамъ вамъ три шаснастки золота и хоць за гѣто получу отъ Анцыпора ⁴⁾ три возы лозы, али дамъ, тольки, кажа, прошу васъ, кобъ вы дали ў церкоў на сорокъ мшѣй». Сказаў гѣто, ёнъ насыпаў имъ грошоў. Яны и пошли сабѣ домоў. Пришли и пошли одзинъ ў водзинъ, а другі ў другі бокъ, и даўши на сорокъ мшѣй, вярнулись домоў, лягли спаць. Ажъ ноччу приходзи братъ и кажа: «Дзякуй вамъ, браты и маці, што вы очисьцили мою душаньку. Я цяперъ ў раю ў хрысьціанской вѣрѣ, вызволюся отъ поганца, дзякуй!» Сказаўши гѣто, изникъ, а браты и цяперъ, кажущь, живуць хорошо и богато.

б) Быў Дрыгиль ў Ніўкахъ, дыкъ ёнъ по смерци сколько разоў приходзіў домоў: хѣдзя по будынку, варочае ўсѣ, ажъ покуль не припильновали ⁵⁾, што гѣто ёнъ. Тогда пришли ніўчане на мовырыли яго, отсѣкли голову, положили помижъ ногъ ямъ, а могильцы, гилку ўзноў закопали, дыкъ зъ тыхъ поръ ёнъ и пирастаў боли ходзиць.

в) А то ящѣ праўда: На Загорнымъ, гдѣѣ цяперъ бацюшкоў огородъ, першъ, годоў за сорокъ назадъ, стояла тамъ хата. Ў ей жиў старый Михась; дыкъ ёнъ по смерци ноччу придзе домоў,—стукъ, стукъ ў дзвери, кричиць: «Ци ты дома, Ми-

¹⁾ Дернуло, кольнуло. ²⁾ незаконнорожденный. ³⁾ овинъ. ⁴⁾ Антихристъ.

⁵⁾ подмѣтили, подстерегли.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

хасиха?» А яна одна тамъ жила. Ну тая, вѣдома, духъ притае, моўчиць. Ёнъ отопрэ сѣнцы, ды давай молоць, ажъ покуль пятахъ не запяе. И которую ночь гѣдакъ ходзіў, дыкъ Михасиха попросила сусѣда. Той пришоў и заночаваў у яе и якъ тольки мяртвецъ стаў молоць ў сѣняхъ ў жорны, ёнъ туды ды давай хрысьциць ўсюды. Той и пропаў и ужо болій ни ходзіў, бо ў сѣняхъ порѣзали на стѣнахъ крыжыки ¹⁾ топоромъ ²⁾.

г) Въ селѣ Новоселкахъ той же губ. Игуменск. у. еще рассказываютъ слѣдующее: Одна дѣвушка очень долго оплакивала своего жениха. Однажды ночью она плачетъ. Вотъ является подъ окно ея женихъ и говорить: «Одѣвайся, пойдземъ, дѣвица!» Дѣвушка стала одѣваться. Женихъ же яе ходитъ по двору и говорить: «Мѣсяцъ на небо ўсходзиць, мяртвецъ по двору ходзиць».

Подходитъ къ окну и спрашиваетъ: «Готова, ли дѣвица?» Дѣвушка отвѣчаетъ, что еще не готова. Онъ опять началъ ходить по двору и говорить: «Мѣсяцъ на небо всходзиць, мяртвецъ по двору ходзиць, готова ли, дѣвица?» Такъ онъ говорилъ до тѣхъ поръ, пока она не одѣлась. Одѣвшись, она вышла. Женихъ повелъ ее на кладбище, подвелъ къ своей могилѣ и говорить: «Ложись, дѣвица, я помѣшусь съ тобою». Дѣвушка отказалась и бросилась бѣжать. Прибѣжала домой, проболѣла двѣ недѣли и умерла.

д) Въ селѣ умеръ крестьянинъ, у котораго не было ни одного родственника, такъ что и похоронить его было нѣкому. У крестьянина этого осталась корова. Когда никто не захотѣлъ итти помытъ, пріодѣтъ мертвеца и переночевать при немъ, тогда посулили дать тому, кто согласится на это, оставшуюся корову. Одинъ челоѣкъ согласился. Отправившись съ женой къ умершему, онъ омылъ, пріодѣлъ его, уложилъ въ гробъ и остался ночевать. Долго онъ сидѣлъ при огнѣ. Вдругъ слышитъ, какъ будто что-то шевелится, посмотрѣлъ на гробъ и видитъ: мертвецъ

---

¹⁾ Кресты. ²⁾ Оба рассказа зап. волостнымъ писаремъ А. Ганусомъ отъ крестьянина И. Садовича.

медленно встаетъ изъ гроба. Крестьянинъ такъ и остался на мѣстѣ. Мертвецъ между тѣмъ вылѣзъ изъ гроба и спрашиваетъ у крестьянина: «Што ты ўзяў, што при мнѣ сядзишъ?» Крестьянинъ отвѣчалъ: «чорную корову». «Чорную корову мою, кажашъ ўзяў» и подвинулся немного къ крестьянину. «Ну дэкъ што ты ўзяў, што при мнѣ сядзишъ?» «Твою чорную корову», отвѣтилъ опять крестьянинъ. «Мою чорную корову», повторилъ мертвецъ и опять подвинулся къ крестьянину. Такъ мертвецъ спрашивалъ нѣсколько разъ и все ближе и ближе подвигался къ крестьянину. Разстояніе между тѣмъ и другимъ было уже не большое. Мертвецу еще оставался шагъ и неизвѣстно что бы было. Но вотъ, въ то время, какъ крестьянинъ отвѣтилъ: «твою чорную корову», послышалось гнѣе пѣтуха, мертвецъ сказавъ: «Маешъ щасцьця!», и упалъ на землю ¹⁾).

Изъ круга суевѣрій бѣлорусса относительно стихій природы мои матеріалы, къ сожалѣнію, весьма скудны, но тѣмъ не менѣе они далеко не лишены интереса для науки и потому считаю нужнымъ помѣстить ихъ здѣсь.

Огонь.

«По воззрѣніямъ бѣлоруссовъ огонь — это одна изъ основъ семьи, нѣчто въ родѣ домашняго пената, и вмѣстѣ съ тѣмъ начало цѣлебное и всеочищающее. Въ каждой семьѣ стараются поддерживать свой огонь, тщательно загребая для этой цѣли горячіе уголья въ «печурку» и засыпая ихъ золою, онъ вздувается по мѣрѣ надобности. При переходѣ изъ одного жилья въ другое,—при перемѣнѣ «селибы», какъ у насъ говорятъ, а также при семейномъ раздѣлѣ, несутъ съ собой и огонь съ домашняго очага. Люди, соблюдающіе старину, въ подобнаго рода случаяхъ поступаютъ такъ: Если въ новое помѣщеніе переселяется вся семья, то глава семейства накладываетъ горячихъ углей въ гор-

¹⁾ Изъ сообщеній учит. народн. училища А. А. Остаповича.

шокъ и нестеть его въ новую избу, — слѣдомъ за нимъ домо-
чадцы везутъ имущество, домашнюю утварь или идутъ сами.
Войдя въ избу, хозяинъ обноситъ горшокъ съ углями вдоль
стѣнъ, немного приостанавливаясь въ каждомъ углу и ставитъ
его на «припечекъ» (передняя часть печи). Тутъ же онъ зажигаетъ
въ печи дрова. Если же не вся семья переселяется, а только
кто-нибудь отдѣляется отъ нея, и отдѣляется «по хорошему», т. е.
съ согласія главы семьи, безъ ссоры, безъ злобы, то послѣдній пе-
редастъ горшокъ съ горячими углями выдѣляемому главѣ новой
семьи, а онъ самъ уже нестеть огонь въ свою хату, гдѣ и выпол-
няетъ обрядъ водворенія огня на новомъ очагѣ такъ же, какъ
было описано выше.

Осквернять огонь плевками, мочиться на огнищѣ и т. п.
считается дѣломъ нечестивымъ и небезопаснымъ, ибо «жижа»
какъ зовутъ огонь на дѣтскомъ языкѣ, кусается, мститъ за свое
оскорбленіе, и вслѣдствіе этого на лицѣ виновнаго появляется
«вогникъ» (по другому произношенію: «огникъ»), особая болѣзнь:
лицо покрывается струпиями, какъ послѣ обжога, или «при-
сикъ» ¹⁾, когда все тѣло покрывается красными прыщами, какъ
во время кори. «Присикъ» собственно значить мелкій жаръ, на
мелко перегорѣвшія уголья. Вогникъ можетъ быть вылѣченъ
только огнемъ, посредствомъ умилоствленія его. Для этого когда
дрова разгораются полнымъ пламенемъ, выпребаютъ на припечекъ
девять раскаленныхъ угольковъ, даютъ имъ остынуть, потомъ
каждымъ изъ нихъ трижды обмахиваютъ вокругъ больного
мѣста и, наотмашъ вбрасываютъ въ печь со словами: «откуль
пришоў, туды иди», а больной трижды цѣлуетъ припечекъ.

Огнемъ лѣчатъ и другія болѣзни. Когда дѣти корчатся и
кричатъ по ночамъ отъ боли, — это ихъ мучатъ «ночники»: ма-
ленькіе и злые духи ночи. Ихъ можетъ прогнать только свѣто-
носное начало, т. е. огонь. Ночью, когда дитя, одолеваемое «ноч-
никами» особенно раскричится, зажигаютъ въ печкѣ огонь и пе-
редъ полымемъ «шалаютъ» больного ребенка. *Палать* значить

¹⁾ Вѣрнѣе: прыскъ (съ польск.) жаръ. III.

очищать отъ шелухи ячменную или какую-нибудь другую крупу. Для этого въ ночвахъ паланкахъ встряхиваютъ особеннымъ образомъ, такъ что шелуха отлетаетъ прочь, а чистое зерно остается. Нѣчто подобное продѣлываютъ и съ ребенкомъ, одержимымъ «ночницами». Его кладутъ въ «приполъ» (подолъ юбки) и, слегка встряхивая, раскачиваютъ передъ пламенемъ; въ тоже время нашепываютъ «заговоръ»:

Цемная ночка
 Ночницъ породзила,
 Малому дзицяци
 Муки наробила.
 Ясное соўнйко
 Дзень начинаиць,
 Ночницъ прогоняиць
 Дзяниць насылаець,
 Боль сунимаиць
 Шухъ ў печь! шухъ ў печь!¹⁾

Пламя этихъ-то ночницъ и пожираетъ или отгоняетъ прочь. Вообще пламя очищаетъ всякую «пбгань», потому-то дѣтей довольно часто «палаютъ» передъ печью, потому-то парни и дѣвушки прыгаютъ черезъ купальскіе огни, чтобы изгнать изъ себя всякую «немочь», если она имѣется и, по возможности застраховать себя отъ таковой на будущее время.

Хорошій хозяинъ, разводя огонь въ «ёўнѣ» (овинѣ) бросаетъ снопы ржи въ печку. Это нѣчто въ родѣ жертвы огню.

Огонь, въ качествѣ семейнаго пената, скрѣпляетъ родственные союзы. Такъ неvěста, прибывшая въ домъ жениха, чтобы «освоитьца», породниться съ новой семьей, кланяется новому очагу и прикасается къ нему руками. То же дѣлаетъ и *примакъ*, т. е. женихъ, идущій въ чужую семью.

Въ извѣстные дни, какъ напр. на Пасху, или когда кто ни-

¹⁾ Зап. отъ крестьянки Розаліи Осьмакъ въ м. Хлопеничахъ Борис. у., Минск. г.

будь изъ домашнихъ выѣзжаетъ сѣять на поле — огня изъ очага не одолажаютъ (одождать спичекъ можно) въ томъ убѣжденіи, что за огнемъ можетъ уйти благосостояніе изъ дому или не уродится хлѣбъ. Въ это время огонь и называется «богатцемъ».

Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ употребляется для освѣщенія «коминъ»¹⁾, справляется на Ооминной недѣлѣ *женитьба комины*. На комъ онъ женится — мнѣ не удалось точно узнать. Одни говорятъ: «съ печкой женится», другіе: «съ хатой», а большинство отвѣчало: «хто яго знаяць? Казали старые людзи: «женитца коминъ, вяселья комины — и мы за ими». Къ этому времени, къ свадьбѣ, коминъ бѣлятъ, охорашиваютъ, украшаютъ «дерезой» (плавунѣмъ, брусничникомъ), зажигаютъ на каганцѣ огонь и бросаютъ въ него кусочки сала или комочки масла, чтобы веселѣе горѣлъ — это ему свадебное угощеніе.

При посредствѣ огня и ворожатъ. Если огонь горитъ весело — это вообще хорошій знакъ. Если изъ печи съ трескомъ выскакиваютъ горячіе угли — это предвѣщаетъ скорое прибытіе желаннаго гостя²⁾.

Если передъ отходомъ ко сну крестьяне Игуменск. уѣзда — той же губерніи замѣтятъ на коминѣ тлѣющій огонь, то они, обратясь къ нему, говорятъ: «Святый богачъ, ложися спадъ! двѣнадцать брацьцяў у васъ, бороница насъ. Ваша сестра Марія благословила васъ». А затѣмъ огонь и перекрестятъ³⁾.

И въ Гродненской губерніи крестьяне-бѣлоруссы относятся къ огню съ какой-то благоговѣйной почтительностью. Такъ, напримѣръ, если крестьянинъ или крестьянка зажжетъ лучину, или

¹⁾ Такъ называется воронкообразная труба, выходящая черезъ потолокъ и крышу вонъ, — къ воронкѣ подвѣшивается «каганецъ» — старая сковородка или глинная заханка — на которой и жгутъ сухія полѣны или свиистыя мелко-изрубленные корни сосны. Б. — О женитьбѣ комины см. вь выше стр. 185—187.

²⁾ Сообщ. А. Е. Богдановичемъ.

³⁾ Сообщ. учител. народн. училища А. Остаповичемъ.

свѣчу, то непременно сейчасъ перекрестится и скажетъ: «Нехъ бендзъ похвалѣны Езусъ Христусъ! или Панеусъ похвалѣны Езусъ Христусъ» на что домашніе обыкновенно отвѣчаютъ: «на вѣки вѣкоу, аманъ!»—Когда разводять огонь въ печкѣ, то тоже его перекрестятъ ¹⁾.

Въ Витебск. у. теперь молодые, прїѣзжая въ домъ жениха изъ церкви, должны переѣхать черезъ горящій костеръ, разложенный въ воротахъ. Это предвѣщаетъ имъ счастье въ жизни. (Изъ церковн. лѣтописи).

Слѣды существованія когда-то въ далекомъ прошедшемъ у бѣлорусскаго племени культа огня сохранились еще доселѣ въ его средѣ въ цѣломъ рядѣ повѣрій, суевѣрій и примѣтъ, относящихся къ этой стихіи. Почти во всѣхъ населенныхъ бѣлоруссами мѣстностяхъ губерній сѣверо-западной Россіи и нѣкоторыхъ другихъ означенные слѣды бытуютъ, проявляютъ себя въ жизни массъ довольно сильно и устойчиво. Ниже приводимъ тѣ изъ нихъ, которые большей частью были подмѣчены на мѣстахъ и обязательно мнѣ сообщены моими стародавними доброхотными сотрудниками. Такъ среди крестьянъ бѣлоруссовъ м. Дукшты Ново-Александровскаго уѣзда Ковенской губерніи (на границѣ съ Витебской) существуютъ слѣдующія повѣрья, суевѣрья и примѣты относительно огня:

1) Не слѣдуетъ засыпать золою мѣста грязныя и вообще мокрыя, потому что огонь грѣшно бросать въ грязь.

2) Грѣшно плевать на огонь: иногда отъ этого бываетъ сыпь на губахъ.

3) Когда разводять огонь на полѣ, то непременно нужно перекрестить его, иначе вѣтромъ можетъ занести искру въ домъ и зажечь его.

4) Отходя отъ огня, особенно вечеромъ, слѣдуетъ перекрестить его, въ противномъ случаѣ, діаволъ можетъ воспользоваться имъ, для поддержанія огня въ аду. Этого убѣжденія держатся бабы и пастухи русскія и литовцы.

¹⁾ Сообщ. псаломщикомъ О. И. Карскимъ.

5) При затопкѣ печи, слѣдуетъ перекрестить зажженную лучину, произнося: «Господи Іисусе!» и проч.

6) При сгребаніи угля изъ печи въ жаровню (ямку) слѣдуетъ перекрестить жаровню, иначе можетъ случиться слѣдующее: гдѣ-то однажды пламя, въ видѣ шара, вышло изъ печи курной избы той хозяйки, въ которой огня никогда не осѣняли крестомъ. Пламя ходило по хатѣ и искало мѣста, гдѣ поджечь, но хозяйка смекнувъ въ чемъ дѣло, начала крестить огненный, вышедшій изъ печи шаръ, отъ чего онъ обратно и перешелъ въ печь, не причинивъ ни малѣйшаго вреда хатѣ. Тоже самое подтверждаетъ разговоръ двухъ огней.

Въ 1860 году въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, помнится мнѣ, рассказывалъ одинъ рабочій слѣдующее: въ одинъ ненастный вечеръ зашелъ нищій къ зажиточному крестьянину на ночлегъ. Крестьянинъ принялъ его, напоилъ, накормилъ и уложилъ спать на печи. Ночью, слышитъ нищій, что къ огню его хозяина пришелъ огонь сосѣда и говорить ему: «послушай сосѣдшка! У меня, самъ знаешь, какая дрянъ хозяйка, она никогда не подстелетъ и не покроетъ меня¹⁾ я съ ней разсорился и пойду гулять (сожгу домъ). Пойдемъ, сосѣдъ, вмѣстѣ». «Нѣтъ», отвѣчалъ огонь хозяина, «я не пойду гулять, у меня хозяйка хорошая: она никогда не уложитъ меня, не подостлавъ и не накрывъ, я доволенъ ею, а ты дѣлай какъ знаешь со своей хозяйкой, только сосѣдей не трогай». Спустя часъ, отъ дома сосѣда остались одни лишь голыни²⁾.

«Поселяне Витебск. губ., Лепельск. у. мужчины и женщины, особенно пожилые хозяева и хозяйки, гасятъ горящую лучину или свѣчи съ особеннымъ благоговѣніемъ, а именно задуваютъ губами или затаскиваютъ пальцами и ладонью (имѣя отъ работы

¹⁾ Подостлать—значить осѣнить то мѣсто крестомъ, гдѣ намѣрены положить огонь, а накрыть — положить, т. е. перекрестить его.

²⁾ Сообщ. учителемъ народнаго училища г. Гайдуковымъ.

толстую кожу, они не чувствуют обжоги, особенно въ зимнее время) и бережно кладутъ погашенный огарокъ на свое мѣсто. Загасить огонь какъ-нибудь, т. е. ударить огарокъ лучины объ полъ или затоптать ногою и т. под., считается большимъ грѣхомъ, за который на этомъ свѣтѣ огонь, будучи непріязненнымъ для небрежнаго гасителя, можетъ сдѣлать у него пожаръ.

Многіе поселяне въ праздники, особенно въ заговины и въ розговины, ни за что не даютъ огня сосѣдямъ, такъ-что иному, если нѣтъ кремня или огнива, приходится иногда бѣгать за огнемъ версты за три и далѣе. Нѣкоторые и въ будни не охотно даютъ огонь или даютъ не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы взятый въ горшокъ жаръ (горящія уголья), по разведеніи огня въ домѣ, былъ немедленно возвращенъ, хотя бы погасшій. А чтобы взявшій огонь непременно это выполнилъ, берутъ отъ него въ залогъ какое-нибудь верхнее платье, съ тѣмъ, что если уголья не будутъ въ тотъ-же день возвращены, то платье остается собственностію ссудившаго огонь. Въ тотъ день, когда у крестьянина «толока» онъ ни подъ какимъ предлогомъ не дастъ никому огня; да никто, какъ бы нужно ни было, и не пойдетъ за огнемъ въ ту избу, гдѣ толока.

Весною, когда начинаютъ орать поле, три дня сряду вечеромъ, не вздуваютъ и не зажигаютъ огня, стараясь засвѣтло поужинать и улечься спать.

Послѣднія двѣ примѣты соблюдаются съ тою цѣлью, чтобы скотъ, а особливо свиньи, не потравили лѣтомъ хлѣба въ полѣ. Крестьяне утверждаютъ, что у того, кто никогда не отказываетъ сосѣду въ огнѣ, хлѣбъ въ полѣ всегда бываетъ потравленъ, такъ-что хотя бы его полоса была самая задняя, скотина, для поживы, перейдетъ туда чрезъ нѣсколько сосѣднихъ полосъ, не тронувъ ихъ. Этой примѣтѣ они слѣпо вѣрятъ, подтверждая ее въ доказательство живыми примѣрами.

Если въ сырныя заговины огарокъ лучины упадетъ изъ «свѣтца» на полъ и тотчасъ же погаснетъ, то это, по мнѣнію крестьянъ, предвѣщаетъ, что въ теченіе того года въ этомъ

домѣ будетъ мертвецъ. То же примѣчается, когда огарокъ лучины упадетъ со «свѣтца» и воткнется въ полъ стоймя и будетъ горѣть, — въ какой бы день это ни случилось»¹⁾).

Почти такое же отношеніе къ огню мы встрѣчаемъ у крестьянъ бѣлоруссовъ Смоленской губерніи. Такъ напр. г. Невѣровичъ въ своей статьѣ: «О праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ у крестьянъ Бѣлорусск. племени, населяющихъ Смоленскую губ.»²⁾, сообщаетъ слѣдующее:

«Огонь пользуется у насъ въ Смоленской губ. особымъ уваженіемъ: при устройствѣ новаго жилья огонь непременно переносится со стараго очага, безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Если по отдаленности новаго жилища нельзя перенести туда старый огонь, то берутъ по крайней мѣрѣ принадлежности очага: кочергу, ухватъ и т. д. При свадьбахъ, когда привезутъ молодыхъ отъ вѣнца, они должны въѣхать въ домъ чрезъ огонь, который разводится предъ воротами». (См. Сельскохозяйственная Статистика Смоленской губерніи Соловьева).

«Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ г. Соловьева должно прибавить, что Бѣлорусскіе крестьяне ни въ какой праздникъ никому не дадутъ огня».

Крестьяне Минск. губ., Игуменск. у., с. Новоселки, въ Великую субботу ночью добываютъ огонь искусственнымъ образомъ, т. е. треніемъ двухъ палокъ — одна о другую. Затѣмъ раскладываютъ костеръ и зажигаютъ его добытымъ означеннымъ способомъ огнемъ и проводятъ черезъ него рогатый скотъ, свиней и прочихъ домашнихъ животныхъ въ полной увѣренности, что этимъ они избавляютъ всѣхъ своихъ домашнихъ животныхъ отъ болѣзней и всего недобраго на цѣлый годъ³⁾.

¹⁾ Изъ ст. «Бытъ Бѣлорусск. крестьянъ въ Этногр. Сборн. Этногр. отд. II. Русск. Географ. Общ., выпускъ II, стр. 254—255.

²⁾ Памятн. кн. Смоленской губерніи на 1859 г., стр. 125. Тамъ же.

³⁾ Изъ зап. учнт. народн. училища А. Остаповича.

«При появленіи скотскаго падежа для удаленія сего бѣдствія избирается, по взаимному соглашенію день, въ который соблюдается всѣми строгій постъ, между тѣмъ женщины стараются въ теченіе этого дня напрясть нитокъ и изъ нихъ соткать кусокъ холста, чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше. Къ вечеру этотъ холстъ развѣшиваютъ гдѣ-нибудь въ концѣ села въ проулкѣ между оградой съ одной и другой стороны и впереди его устраиваютъ костеръ, который зажигаютъ огнемъ, добытымъ посредствомъ тренія двухъ осиновыхъ кольевъ и затѣмъ подъ развѣшенный холстъ и чрезъ горящій костеръ прогоняютъ скотъ. При этомъ замѣчаютъ тѣ штуки скота, которыя не пройдутъ чрезъ костеръ и считая ихъ пропащими, стараются скорѣе сбыть ихъ»¹⁾.

Въ 29 № Виленск. Вѣстника 1868 г., въ статьѣ К. «Святой огонь» разсказывается, какъ крестьяне въ селѣ Приборовѣ (Брестскаго уѣзда, Гродн. губ.) въ 1867 г., во время холеры, посѣтившей край въ 1867 г. пришли къ священнику съ просьбою разрѣшить имъ добыть святой огонь и освятить имъ свою хату. Отвѣтъ былъ отрицательный. Увѣщаніе священника не на всѣхъ однако подѣйствовало. На другой или третій день толпа крестьянъ отправилась въ лѣсъ добывать святой огонь. Добыли его посредствомъ тренія одного дерева о другое, зажгли имъ лежавшее здѣсь же порядочное сосновое бревно, взложили на плечи и двинулись назадъ въ деревню.

Вода.

«На ряду съ царемъ огнемъ пользуется немалымъ почтеніемъ и парица — водица, другая стихія, столь же, какъ и огонь, если не болѣе, важная для жизни человѣка. И по сей день въ Бѣло-

---

¹⁾ Изъ ст. свящ. О. Чистякова: О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи оздамическаго прихода. Минск. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 20 Ч. Неофиц., стр. 439 — 40.

руссіи, можетъ быть не меньше, чѣмъ во времена Нестора почитаются «езера, кладези и источницы», особенно послѣдніе. Они у насъ называются «ключи», крыницы. Нѣкоторые ключи, издавно пользующіеся извѣстностью, періодически привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ цѣлыми массами. Ключевая вода или, какъ ее часто называютъ, «живая» считается высокимъ цѣлебнымъ и очищающимъ средствомъ, также, какъ и огонь. Плевать въ воду—вообще предосудительно, а въ такую въ особенности. Она также, какъ и огонь употребляется для гаданія и чародѣйства. Вода, употребляемая для питья, стоящая въ ведрахъ или кадкахъ, должна быть закрыта крышкой, иначе нечистая сила можетъ ее опоганить и сдѣлать вредной для здоровья.»¹⁾

Нѣкоторые крестьяне Гродн. губ. если, бывало, имъ случится быть въ дорогѣ и проѣзжая черезъ деревню попросить въ какой-нибудь хатѣ воды напиться, то передъ питьемъ непременно перекрестятъ воду и большею частью мизинцемъ правой руки. Когда мнѣ случалось изъ любопытства спрашивать: «зачѣмъ они это дѣлаютъ?» то мнѣ обыкновенно отвѣчали: «Ци жъ вы не вѣдаеце, якъ часами ў водзѣ сядзиць чортъ, альбо вѣдзьмаръ и очаруя воду? а якъ пярэжагнаешъ воду, аце мезинымъ пальцемъ, то чары, коль ена очарована, альбо чортъ сядзиць ў водзѣ, дно ў коноўцы, альбо ў кубцы выляцццѣ, бо гэта значыць, што ў водзѣ быў чортъ, альбо ена была очарована, бо чортъ ня побѣжиць ў верхъ, але мусиць ў нисъ, — такъ дно и выляцццѣ».

Буря.

Если крестьянину случится видѣть бурю, то онъ говоритъ, что это «чортъ на веселье ѣдзе», и если вихорь, то говоритъ: «Поглядзи, якъ чортъ скача, гэта чорта веселье, капъ, борони те, Боже, да какъ подышоў чаловѣкъ да не перехрэспіўся, то гэтаго чаловѣка тогды скруциць чисто руки, ноги и ўсяго

¹⁾ Изъ сообщеній А. Е. Богдановича.

скрупиць. А коль другі догадацца перажагнецца и перажагна вихоръ, то тогды гэтому челоуѣка ничого не зашкодзиць и вихоръ заразы пропадзе» ¹⁾).

СУЕВѢРІЯ ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ПОСТРОЙКѢ ДОМА.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродн. губерніи когда строятъ домъ, то при его закладкѣ начинаютъ работу съ того конца, гдѣ впоследствии будетъ красный уголъ. При рубкѣ первыхъ двухъ бревенъ строитель-плотникъ непременно кого-нибудь заклиняетъ: или какого-нибудь члена семьи хозяина, или извѣстное животное, или наконецъ цѣлый рядъ извѣстныхъ животныхъ: лошадей, коровъ и пр. Изъ заклѣтыхъ уже никто не будетъ долго жить въ новомъ домѣ, — непременно умереть въ скоромъ времени. Заклятіе это, разумѣется, бываетъ полезно и желательно, если оно относится только къ рыжимъ и чернымъ тараканамъ и мышамъ, о чемъ всегда просятъ строителей. Впрочемъ заклѣтіе этого рода можно снять и перевести на кого-нибудь другого, но это возможно сдѣлать тотчасъ же по его произнесеніи и не позже окончанія работы съ первыми двумя бревнами. Въ это время стоитъ только увидѣть движущееся животное, произнести кличку его и притомъ ударить топоромъ о дерево на мѣстѣ соединенія бревенъ — и домъ сдѣлается свободнымъ отъ заклѣтія. Случается, особенно съ маленькими животными, что они невидимою силою привлекаются къ мѣсту рубки, попадаютъ подъ ударъ топора, гдѣ заклѣтіе и исполняется ²⁾).

Въ Погостской волости Слуцк. у. (Минск. губ.) къ постройкѣ дома крестьяне приступаютъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго совѣщанія съ гадальщицей, которая указываетъ время, какъ для начала постройки, такъ и для входа въ домъ по ея окончаніи.

¹⁾ Изъ сообщ. И. О. Карскаго.

²⁾ Сообщ. Н. Як. Никифоровскимъ.

Предъ входомъ въ новый домъ хозяева, для того, чтобы домъ былъ веселъ и богатъ, вносятъ въ него пѣтуха и дѣжу съ тѣстомъ и помѣщаютъ ихъ въ красномъ углу.

Если новый домъ трещить, то это предвѣщаетъ, что-нибудь хорошее для его хозяевъ¹⁾.

Появленіе зайца въ строящемся домѣ, и даже малѣйшая его остановка здѣсь предвѣщаетъ, что домъ этотъ неминуемо долженъ сгорѣть. Въ такомъ случаѣ постройка прекращается, а матеріалъ употребляютъ на дрова²⁾.

«Въ Самохваловск. в. Минск. у., когда при постройкѣ дома кладутъ первый вѣнецъ, то въ зарубкѣ между бревнами кладутъ различныя травы, собранныя наканунѣ Ивана Купала и освященные въ этотъ самый день и нѣсколько серебряныхъ монетъ, на которыя выливаютъ нѣсколько капель живого серебра (ртути), потомъ сбиваютъ вѣнецъ и кладутъ на мѣсто. Тогда хозяйка дома вноситъ столъ, ставитъ его въ средину вѣнца, а на него ставитъ водку и закуску и приглашаетъ рабочихъ *цеслевъ*³⁾, которые, нѣсколько покобенившись, садятся вокругъ стола и старшій тесель, взявши въ руки рюмку, произноситъ слѣдующее: «Дай же намъ Божя начатое дѣло зробици и рукъ не побици, и отъ гэтаго господара грошай заробици, а яму долго жици! Кабъ у яго родзили волы, кони и коровы и мужчынскіе голóвы! А больша приговариваць ня знаемъ; няхай Богъ дае, якъ самъ знае. Чарку першую пью и другому отдаю, а хозяинъ няхай своя дѣло знае и больше наливае».

По окончаніи стройки приглашаетъ для освященія священника и снова устраиваютъ выпивку, на которой повторяются подобныя же приговоры.

Къ этому нужно прибавить, что при постройкѣ дома всячески стараются угождать плотникамъ и говорятъ: «трѣба майстру догождаци, бо ёнъ можа загубиць цѣлый родъ нашъ», потому

¹⁾ Изъ зап. Погостскаго волостн. писаря, С. Прохорова.   ²⁾ Зап. Н. Я. Никифоровскимъ отъ учениковъ приготовит. класса Свичл. учит. семинаріи.

³⁾ По слов. Даля: *тесля* — плотникъ, *древотесь*.

что, если третій вѣнецъ плотникъ положить и скажетъ, ударивши трижды въ уголъ: «такъ! нехай будзе такъ, што рокъ, то господарь, альбо господыня», то тоды каждый рокъ мерца будзе и ўсенькіе вымруць до одной души и памиліи».

Прежде чѣмъ перейти жить въ новый домъ, пускаютъ въ него на ночь пѣтуха. И если только пѣтухъ тамъ запоетъ и сейчасъ подохнетъ (что будто бы и случается), то это означаетъ, что хозяинъ дома умретъ, если только онъ вошелъ туда жить, а если послѣ перваго пѣтуха пустить другого и третьяго и всѣ они одинъ за другимъ передохнуть, тогда заказываютъ (закупаютъ) мшу (обѣдню), угощаютъ нищихъ для умиловленія гнѣва Божія, и только послѣ всего этого въ нашей мѣстности (Витебск. у.) переходятъ въ новый домъ и живутъ тамъ, какъ увѣряютъ, благополучно¹⁾.

«При закладкѣ хатъ въ нашей мѣстности (Королевск. в. Витебск. губ. и у.) замѣчаетъ г-жа Лисовская, должно быть прежде были какіе-нибудь обычаи, но теперь до того забылись, что я даже ничего не могла узнать на этотъ счетъ. Знаю только, что при переходѣ изъ старой хаты въ новую прежде всего приносятся образа, потомъ столъ съ краюшкой хлѣба на немъ. Священникъ же для освященія хаты приглашается гораздо позже, и то для этого выжидается какой-нибудь удобный случай, напр.: крестины, свадьба и т. п., такъ что иногда случается, что живутъ по нѣсколько лѣтъ въ неосвященной хатѣ, слѣдовательно освященію не приписывается большого значенія».

О ХЛѢБѢ.

«Печь хлѣбъ должна женщина «чистая» (въ половомъ отношеніи: не во время мѣсячнаго очищенія или послѣ общенія съ мужемъ), въ противномъ случаѣ онъ не удался. Крошить хлѣбъ, сорить крошки — большой грѣхъ: кто такъ поступаетъ, не будетъ имѣть хлѣба. Лучшее всего хлѣбныя крошки сжигать въ печи. Почитаніе бѣлоруссами хлѣба прекрасно освѣщается слѣ-

¹⁾ Изъ зап. восп. Несвижск. учит. семинаріи П. Ломака.

дующимъ рассказомъ, широко распространеннымъ въ Бѣлоруссіи. Одинъ человѣкъ во время ѣды печально уронилъ крошку хлѣба. Испугался онъ, сталъ ее искать. Въ это время его гумно загорѣлось. Бѣгутъ сосѣди, кричатъ ему: «Гумно горитъ». Онъ спокойно продолжаетъ искать оброненную крошку. Нашелъ, извинился передъ хлѣбомъ и съ благоговѣніемъ съѣлъ его. Тогда онъ бросился гумно тушить. Но въ то время, когда онъ умиротворилъ хлѣбъ, гумно его мгновенно потухло.

Если обнести вокругъ горящаго зданія хлѣбъ, то огонь не будетъ долѣе распространяться, буде это захочетъ хлѣбъ.

Сообразно такимъ воззрѣніямъ, во всѣхъ семейныхъ торжествахъ хлѣбъ занимаетъ высокое мѣсто.

По хлѣбу предсказываютъ судьбу членовъ семейства. Если хлѣбъ въ печи развалится на двѣ половины — это не къ добру: въ томъ же году умретъ или хозяинъ или хозяйка.

Если въ мякишѣ окажется вертикальная трещина — это предвѣщаетъ близкій раздѣлъ семьи; горизонтальная трещина — вѣрный признакъ, что или дочь выйдетъ замужъ или сынъ пойдетъ «ѣ примы»¹⁾.

Когда со стола упадетъ кусокъ хлѣба, то крестьяне (с. Новоселокъ Слуцк. у. той же губ.) поднимая его, цѣлуютъ. Такое уваженіе къ хлѣбу крестьяне питаютъ по слѣдующему случаю:

Было время, когда на свѣтѣ никого не было кромѣ одного человѣка. У этого человѣка было много всякаго рода добра, но больше всего хлѣба, такъ что куски его валялись на дворѣ, подъ лавкою, въ хлѣвѣ и т. п. Видя такое неуваженіе къ хлѣбу, Богъ отобралъ его отъ людей. Насталъ голодъ и люди умерли бы всѣ. Но ихъ котъ и собака въ то время, когда Богъ отбиралъ хлѣбъ у человѣка, къ нему подошли и стали просить хлѣба. Богъ и далъ имъ по колоску. Человѣкъ отнялъ у нихъ эти два колоска и сталъ сѣять. Прошло нѣсколько лѣтъ и человѣкъ снова нажалъ много хлѣба. Но съ этого времени онъ началъ уже *шановаць хлѣбъ*²⁾.

¹⁾ Изъ сообщеній А. Е. Богдановича.

²⁾ Уважать, беречь. Изъ записей А. А. Остаповича.

Нужно остерегаться начинать булку хлѣба вечеромъ, потому что не будетъ спора въ немъ. Если-же и приходится начинать вечеромъ, то отрѣзанную верхнюю часть булки непременно оставляютъ на обѣдъ слѣдующаго дня.

Начиная булку хлѣба, нужно сдѣлать на ней ножомъ крестъ, или самому перекреститься.

При печеніи хлѣба, на первой сдѣланной булкѣ изображается крестъ, а ѣдятъ эту булку всегда напоследокъ, т. е. послѣ всѣхъ съѣденныхъ булокъ того печенія. Это дѣлается для того, чтобы хлѣбъ былъ спорѣе.

Если весь хлѣбъ въ печи еще не испекся, то вынутая, испекшаяся маленькая булка не рѣжется ножомъ, а ломается, потому что оставшійся въ печи хлѣбъ не выпечется хорошо ¹⁾.

Послѣ того, какъ вынуть хлѣбъ изъ печи нужно непременно что нибудь туда поставить, или бросить, чтобы она не была пуста, хотя бы нѣсколько полѣнъ дровъ ²⁾.

Въ селѣ Старо-Юрковичахъ (Гомельск. у. Могилевск. губ.) между крестьянами въ ходу слѣдующая басня на счетъ хлѣба:

«Идетъ коржъ, а ему на встрѣчу паляница. Паляница и спрашивая: Куды ты идешь? А коржъ и кажить: «Икъ хлѣбу, старому дѣду, на висѣллія.» Паляница и спрашивая: «А хто тамъ женицца?» А коржъ кажить: «Блинъ ладку бярётъ». — А хто тамъ начальники? — «А начальники — гричаники, пирожки — дружки, пампушки — дружки, скобка — святилка, саламаха — сваха, кулага — куховарка, гарбуза — приданька, бобъ — попъ, и къ бобу — попу поѣхали винцаца и киселя догнали ли сила ³⁾».

¹⁾ Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ.

²⁾ Зап. учит. народн. учил. П. Батуринъ.

³⁾ Зап. тѣмъ-же.

Другія суевѣрья и повѣрья.

а) СУЕВѢРНЫЙ КАШЕЛЬ.

«Мѣстность, составляющая Бѣгомльскій приходъ (Борисовск. у. Минск. губ.) вообще низменная. Всѣ низменные мѣстности вредно вліяютъ на размноженіе овецъ, — на овцахъ появляется повальная болѣзнь, называемая у мѣстныхъ крестьянъ матылькомъ. Овцы начинаютъ каплять и вслѣдъ затѣмъ падаютъ. Въ деревняхъ мало помышляютъ и о людяхъ заболѣвающихъ, — рѣдко случается, что больному своевременно подается помощь, — про животныхъ и говорить нечего. Благосостояніе крестьянъ, да и вообще земледѣльца, зависитъ отъ количества домашняго скота, между которымъ видное мѣсто занимаетъ овца. Овца доставляетъ крестьянину роскошный столъ во время семейныхъ торжествъ, — овца скорѣе всего выручаетъ крестьянина изъ бѣды, при взносѣ разныхъ повинностей, — овца одѣваетъ и обуваетъ селянина. Вотъ и вздумалось крестьянамъ изобрѣсть предохранительное средство отъ падежа овецъ. Способъ избавиться отъ падежа овецъ обставленъ суевѣріемъ. Во время чтенія Евангелія и во время произношенія священникомъ поученій, на женской сторонѣ подымается кашель, мгновенно оглушающій церковь. Не зная причины кашля, я старался объяснить себѣ причину его простудой, но впослѣдствіи открылъ дѣйствительную причину кашля, оглушающаго церковь. Благодареніе Богу, въ настоящую пору рѣдки случаи такового кашля, но все-таки бываютъ».

Изъ ст. священ. Симеона Нечаева: нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борис. уѣзда въ Минск. Епарх. Вѣд. 1874 г. № 7, ч. неоф., стр. 230—31.

б) Толкованіе сновъ.

Я мало ошибусь, (сообщаетъ г. Никифоровскій), когда скажу, что бѣлорусскій простолюдинъ не только не чуждъ твердой вѣры въ значеніе видѣнныхъ сновъ, но что на этой вѣрѣ онъ основываетъ едва ли не всѣ свои начинанія, неудачи такъ же, какъ и успѣхи.

Собрать въ одинъ матерьялъ всѣ снотолкованія нашихъ крестьянъ слишкомъ трудно, потому что при объясненіи ихъ каждая мѣстность, каждое семейство и даже отдѣльная личность, слѣдуя своимъ личнымъ наблюденіямъ, или наблюденіямъ, унаслѣдованнымъ отъ родной семьи, представляютъ нѣкоторые рѣзкія особенности. Въ общихъ же чертахъ каждое объясненіе видѣнныхъ сновъ касается мелочной будничной жизни и сосѣдскихъ отношеній; но сновидецъ ожидаетъ, что видѣнный имъ сонъ неминуемо выполнится, и благодаря часто случайному стеченію обстоятельствъ, сонъ дѣйствительно сбывается и подтверждаетъ вѣру сновидца.

Позволяю себѣ привести нѣсколько объясненій сновъ, удерживающихъ почти повсемѣстно однообразный характеръ.

Такъ напримѣръ видѣть во снѣ:

- 1) Бѣлую рыбу значить получить серебро.
- 2) Простое серебро — радость.
- 3) Мѣдь и мѣдныя деньги — печаль.
- 4) Ягоды всѣхъ сортовъ — слезы.
- 5) Чистую воду — семейная радость ¹⁾.
- 6) Мутную воду — семейная непріятность.
- 7) Изгородь и нитки — услышать сплетни.
- 8) Биться до крови — прибытіе кровнаго родного.
- 9) Простую драку — пріѣздъ гостя.
- 10) зубъ, вырванный съ кровью — смерть кровнаго родного.
- 11) Лошадь — ложь.

---

1) Въ Борис. у. Чистую воду — радость, мутную — печаль.

- 12) Собаку — клеветникъ и вообще врагъ.
- 13) Пожаръ — къ морозу ¹⁾).
- 14) Видѣть кого въ новомъ домѣ — несчастье тому и проч. ²⁾).
- 15) Рыбу ловить — оттепель.
- 16) Пчелъ летающихъ — мятель.
- 17) Вши бить — деньги получать.
- 18) Зайца — пожаръ.
- 19) Змѣй или собакъ кусающихъ — непріатели нанесутъ оскорбленіе.
- 20) Сапогъ продравшимся — убытокъ.
- 21) Съ мертвецами быть — имѣть непріателей.
- 22) Кота на уголъ лѣзучи — воръ придетъ ³⁾).
- 23) Видѣть попа — имѣть дѣло съ нечистой силой.
- 24) Видѣть медвѣдя, хватающаго и опрокидывающаго человека — означаетъ болѣзнь въ разныхъ стадіяхъ ея развитія.
- 25) Если медвѣдь только гнался, но не нагналъ — значить: болѣзнь только угрожаетъ, слѣдовательно это предостереженіе, чтобы человекъ оберегался, былъ поосторожнѣе.
- 26) Если медвѣдь нагналъ, опрокинулъ — значить: человекъ сляжетъ въ постель и пр.
- 27) Горохъ или бобы — означаютъ слезы.
- 28) Похороны — свадьбу.
- 29) Деньги получать — не получать.
- 30) Воду — предвѣщаетъ бѣду.
- 31) Водку — значить предпріятіе кончится ничѣмъ, «перегоритъ», какъ на водкѣ.
- 32) Церковныя хоругви — означаетъ враговъ.
- 33) Начальниковъ — означаетъ повышеніе и награду.
- 34) Монаха, а въ особенности архіерея — значить получить болѣзнь.

---

¹⁾ Въ Борисовск. у. пожаръ — предвѣщаетъ полученіе денегъ.

²⁾ Сообщ. Н. Я. Никитовскимъ.

³⁾ Изъ зап. въ Борис. у. Минск. губ. г. Товстия, учит. Свяслоч. учит. семинаріи.

35) Бобы — предвѣщаетъ слезы.

36) Больного умершимъ — значить: онъ будетъ здоровъ, на оборотъ же, т. е. если больной кажется веселымъ, то умереть.

37) Плакать во снѣ — радость.

38) Смѣяться — печаль¹⁾.

39) «Пожаръ видѣць во снѣ, — знача — погода».

40) «Рыбу вяликую бачиць — дожджъ».

41) «Солому, ти снопы пиракидаць, ти ворочаць — знача перемѣна жисти и счастье».

42) «Звоны чуць — смерць».

43) «Блины пачи — стыдъ».

44) «Траву зяленую видѣць — ўсякая пріятность»¹⁾.

Въ подтвержденіе того, что сны непременно сбываются, рассказываютъ между прочимъ слѣдующее.

«Жилъ одинъ бѣдный, но очень добрый человекъ. Снится ему однажды: «Ѣдзь ў Кракоў, тамъ ожидаецъ тебя счастье». Когда приснились ему въ первый разъ эти слова, онъ не повѣрилъ сну и не придалъ словамъ никакого значенія. Но когда увидѣлъ тотъ же сонъ во второй и третій разъ, то онъ собрался и поѣхалъ въ Краковъ. Ѣдетъ онъ по самой большой улицѣ. Вдругъ подбѣгаютъ къ нему полицейскіе, схватили его лошадку и прогнали съ большой улицы. Ѣдетъ крестьянинъ и думаетъ: «Хоть до Кракова, то ўсѣ однакова; даромъ пріѣхаў».

Не вдаль отъ крестьянина шелъ какой-то человекъ. Онъ подошелъ къ ѣдущему, и спросилъ о причинѣ его сѣтованія. Тотъ рассказалъ ему всё. «Знаешь что, чалавѣча?», сказалъ незнакомый человекъ, «Ѣдзь ты по этой вулицы; на самымъ концы стоиць домъ, зайдзи туды, тамъ табѣ дадуць работу». Крестьянинъ поѣхалъ. Отыскавъ домъ, онъ отправился къ его хозяину, который назначилъ его сторожемъ сосѣдняго пустого дома. Ему была отведена комнатка въ этомъ же пустомъ домѣ, куда онъ и отправился. Когда совсѣмъ стемнѣло, крестьянинъ разложилъ на «коминку» огонь, сѣлъ при огнѣ и сталъ молиться Богу.

¹⁾ Сообщ. В. Г. Станкевичемъ изъ Минск. г.

Въ полночь или нѣсколько раньше слышались слова съ верха трубы: «Падаю». Крестьянинъ отвѣтилъ: «Падай чрезъ мощь Бѣскую!». Чуть онъ это сказалъ, какъ на «коминъ¹⁾» упала половина человѣческаго тѣла. Человѣкъ «отгребъ» угли, золу и горящія дрова отъ тѣла, чтобы оно не жарилось. Слышались опять слова: «Падаю!». Крестьянинъ опять сказалъ «Падай, на волю Божую!». Упала другая половина человѣческаго тѣла. Составился цѣлый человѣкъ, который и вышелъ изъ «коминка». «Не пугайся мяне, чалавѣча! я таки самы чалавѣкъ, якъ и ты. Доўга я мучіўся, покуль ты ня збавіў мяне. Мучіўся я за тое, што забіў матку и бацьку за дзвѣ бочки золота. А цяперъ, чалавѣча, идзи за мною». Они поднялись на другой этажъ. «Вотъ тутъ, сказалъ онъ, поднимая полъ въ комнатѣ, одзинъ боченокъ золота, яго ты возьми сабѣ». Они пошли въ третій этажъ. «Вотъ тутъ», сказалъ онъ, поднимая полъ въ одной изъ комнатъ третьяго этажа, «два боченка золота, одзинъ дай на убогихъ, а другі господару етаго дома; а цяперъ прощай!». Съ этими словами онъ исчезъ.

Изъ сообщ. А. Остаповича.

в) Громъ.

Вѣрятъ, что громъ оттого происходитъ, что «святѣ про- рокъ Илья по небу ѡдзиць».

Во время грозы Богъ чертей бьетъ, и такъ какъ они прячутся, въ особенности подъ деревьями и домами, то оттого часто Богъ и поражаетъ деревья, чтобы забить чорта. Въ одномъ только мѣстѣ чортъ можетъ укрыться отъ Бога. Это если пашутъ поле, то борозда обыкновенно ложится на правую сторону, но иногда случается, что она переваливается и на лѣвую сторону. Вотъ подъ этой-то бороздой черти и могутъ скрыться.

Если иногда молніей разобьетъ дерево, то изъ него дѣлають дежу, чтобы «*відзѣма* скору²⁾» не цягнула. Вѣрують, что чрезъ ночь тѣсто въ дежѣ можетъ иногда уменьшиться въ объемѣ и даже въ вѣсѣ.

¹⁾ печную трубу.   ²⁾ т. е. кору, верхній слой.

Разбитого молніей дерева черти боятся, «якъ свендонной воды».

Когда гремитъ, то нужно вбросить въ печь льну, зажечь и покурить громничною свѣчкою, потомъ выбросить на дворъ хлѣбную лопату (Слуцк. у.) ¹⁾.

Во время грозы бабы выбрасываютъ лопаты на улицу, чтобы этими отогнать грозу и градобитіе ²⁾.

Во время грозы нельзя ложиться на междѣ—громомъ убьетъ ³⁾.

«Коли громъ першій разъ гремиць, то трѣба кулятца, штобъ грома не боятца» ⁴⁾.

Г)

Ў Кіевѣ ў пещеры ёсьць великій камень, а ў томъ камени св. Янъ и ёнъ каждый рокъ ўступае ў камень и якъ ёнъ зоўсимъ увойдзе ў камень, то будзе koniecъ свѣта (Слоним. у.) ⁵⁾.

Д)

Крестьяне (Игумен. у.) вѣрятъ, что въ лѣсахъ водятся ужи съ золотыми рогами, что если, увидѣвъ этого ужа, подостлать ему свитку такъ, чтобы онъ проползъ чрезъ нее и сказать: «Ужъ молодой, скинь рогъ золотой!» ужъ сброситъ одинъ изъ своихъ роговъ. Ужа съ золотыми рогами можно встрѣтить весною. Въ это время онъ всего охотнѣе сбрасываетъ свои рога. Въ остальное время, хотя и встрѣчаютъ этихъ ужей, но роговъ они не сбрасываютъ и тогда, если подостлать свитку, то они разрѣжутъ ее на двѣ части ⁶⁾.

¹⁾ Сообщ. гимназистъ 7-го кл. Слуцк. гимназіи г. Копаць.

²⁾ Изъ зап. вол. писаря Жмудива изъ Мозырск. у.

³⁾ Изъ зап. г. Машурко (Могил. губ.).

⁴⁾ Изъ зап. А. Остаповича изъ Минск. губ.

⁵⁾ Дер. Глосовичи. Зап. уч. Свислоч. учит. семинаріи сем. Кирикъ. Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ. ⁶⁾ Зап. въ Игум. у. А. Остаповичемъ.

е)

Есть на свѣтѣ гдѣ-то такой край, гдѣ существуетъ смертельное дерево, на которое жители заставляютъ взлѣсть преступника и вслѣдъ за нимъ обрубають всѣ вѣтви и сучья этого дерева вплоть до его вершины. Преступникъ остается тамъ безъ пищи, питаясь только древеснымъ сокомъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ (Мозырск. у.) ¹⁾.

ж)

Когда при отправленіи въ путь семьянина печь въ хатѣ окажется не заставленною заслонкой, то онъ не прежде долженъ выйти изъ хаты, пока не заслонятъ печь. Тоже самое дѣлается и съ гостемъ въ томъ случаѣ, если семья къ нему доброжелательно расположена. Открытая печь служитъ предвѣщаніемъ того, что путника поразятъ въ пути разныя несчастія.

з)

ОВЦЫ НЕ ЛЮБЯТЪ ЯГНЯТЬ.

По исключительнымъ, но въ тоже время совершенно естественнымъ причинамъ, овца иногда не допускаетъ къ груди даже собственныхъ ягнятъ. Крестьянинъ не обращаетъ вниманія на причины этого явленія, а просто говоритъ, что «овца не любитъ ягнать». Для возвращенія послѣднимъ материнской любви заставляютъ двухъ родныхъ братьевъ поцѣловаться подъ овцой такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ подползалъ подъ овцу съ правой, а другой съ лѣвой стороны. Для той же цѣли (въ Полоцкомъ уѣздѣ) выходятъ на дорогу и, остановивъ *пропѣжаю*, говорятъ, «наша овца не любитъ ягнать»; на это доброжелательный проѣзжіи отвѣчаетъ: «дай Богъ, чтобы полюбила!» Отъ

---

¹⁾ Зап. вол. писарь Жмудивъ.

нѣсколькихъ отвѣтовъ въ такомъ родѣ дѣло поправляется, т. е. овца опять полюбитъ ягнятъ и допуститъ ихъ къ своей груди. Но иногда случается, что одинъ недоброжелательный отвѣтъ «пусть не любитъ» сразу уничтожаетъ всѣ уже полученные благожеланія. Въ такомъ случаѣ дѣло начинается снова ¹⁾.

и)

Наканунѣ воскресенья крестьяне не выносятъ сора изъ выметенной избы, чтобы сплетенъ не было.

i)

Послѣ ужина миски, изъ которыхъ ѣли, никогда не должны оставаться на столѣ, иначе чортъ можетъ явиться. Если хозяйка лѣнится убирать, ей говорятъ: «штожь ты оставила чортову *вячѣру*?» Только въ сочельникъ предъ Рождествомъ всѣ миски и весь остатокъ ужина долженъ оставаться на ночь на столѣ, въ первый день Рождества бѣлоруссы стараются разговѣться до разсвѣта непременно, такъ что если хозяйка не справится сварить до дня и начнетъ свѣтатъ, то запираютъ ставни или завѣшиваютъ чѣмъ-нибудь окно; ноги же въ столахъ путаютъ веревками, на тотъ конецъ, чтобы чортъ лѣтомъ лошадей не разгонялъ, чтобы съ поля не убѣгали (Витебск. у.) ²⁾.

к)

На ночь нельзя стягивать оборы въ лапти: чортъ за ночь сносить.

л)

Повѣшенная въ скотномъ сараѣ убитая сорока предохраняетъ скотъ отъ гоньбы его по ночамъ домовымъ (Борис. у.).

м)

Лучину нельзя жечь съ двухъ концовъ, потому что чортъ собираетъ не сгорѣвшіе куски такой лучины и приступить къ

¹⁾ Объ изъ сообщеній Н. Як. Никифоровскаго.

²⁾ Сообщ. А. Фр. Лосовскій.

человѣку, чтобы погубить его и взять его душу, которую онъ старается купить у человѣка (Игум. у.) ¹⁾.

н)

По той же причинѣ нельзя лезвіемъ вверхъ класть ножъ, бросать ногти. Послѣдніе нужно класть за пазуху (Борис. у.).

о)

Кто на Благовѣщеніе смотритъ на веретено, тотъ часто будетъ видѣть змѣй (Борис. у.) ²⁾.

Примѣты:

а) Относящіяся къ браку и дѣтству.

1) «Екъ дзѣўка надзѣня шапку, то 7 лѣтъ замужъ ня выйдзя.»

2) Послѣ запойнъ, когда сваты придутъ въ домъ невѣсты во второй разъ, невѣста всыпаетъ въ бутылку нѣсколько горстей ржи, наполняетъ ее, зернами примѣрно, на четверть и льетъ туда какую-нибудь жидкость, чаще всего, водку. Если изъ бутылки послышится шипѣнье, то невѣстѣ предстоитъ прекрасная жизнь, если-же въ бутылкѣ будетъ покойно и неслышно никакого шума, то ея жизнь будетъ не особенно хороша. Само собою разумѣется, что невѣста производитъ испытаніе скрытно, не только отъ сватовъ, но и отъ домашнихъ.

3) Если молодые ѣдутъ къ вѣнцу и имъ черезъ дорогу пробѣжитъ черная кошка, то жизнь супруговъ будетъ тяжелая. (Слоним. у.).

4) «Якъ спотыкаюца двое молодыхъ (женихъ съ невѣстою), которые ѣдуть: тые—оттюль, а тые отсюль, то тые, що уступятъ дорогу, що дадутъ проѣздъ спотыкнувшимся другимъ молодымъ, будутъ имѣти лихую долю.» (Пружанск. у.).

5) Если новобрачнымъ бросить въ повозку *стружъ* гороху, ко-

¹⁾ Въ Борис. у. той же губ. говорятъ, что огарками лучины, зажигаемой съ двухъ концовъ, чортъ *перепаливаетъ* себѣ ланцугъ (цѣпь), которымъ Богъ его *прикумъ* (приковалъ). ²⁾ Сообщ. учит. Свислоч. семинар. г. Товстиякъ.

торый имѣетъ 9 горошинъ, то лошадямъ станетъ такъ тяжело, какъ будто на нихъ взвалили 9 бочекъ гороху—и они съ мѣста не тронутъ телѣгу.

6) Когда метется хата или клѣтъ и т. п., то не слѣдуетъ мести около ногъ тутъ присутствующихъ людей: не возьмутъ въ кумы.

7) Если уголь на горячей въ поставцѣ лучинѣ раздѣлится на части, то это означаетъ отдѣленіе отъ семьи кого-либо изъ ея членовъ (Борис. у.).

8) Пока дитяти не исполнится годъ, нельзя давать ему смотреть въ зеркало.

9) Раннее прорѣзыванье зубовъ у дитяти служить предзнаменованьемъ несчастья дому и, прежде всего самому дитяти.

10) Если курица перелетитъ черезъ колыбель, въ которой находится дитя, то ее слѣдуетъ перебросить обратно чрезъ колыбель, въ противномъ случаѣ дитя не будетъ спать.

б) Къ погодѣ.

11) Если жуки летаютъ вечеромъ, — завтра будетъ погода. (Игум. у.).

12) Скотъ реветъ въ хлѣвахъ — къ переменѣ погоды.

13) «Коли на Сороки (т. е. въ день 40 мучениковъ) будзець снѣгъ, то ѣнъ Благовѣщенье не застанець на земли, а Юрья промежь горъ.»

14) «Свинья нясѣ солому зъ хлѣва будзець съюдзено.»

15) «Гусь копаецца — будзець отлыга (оттепель).»

16) Если на 1-й день коляда идетъ снѣгъ, то будетъ худая весна. (Игум. у.).

17) Комары въ глаза лѣзутъ — дождь будетъ.

18) Комары кучей толпятся (макъ толкутъ) — тоже.

19) Лучинка пырскаетъ — тоже.

20) Спина болитъ — тоже.

21) Пѣтухъ вечеромъ поетъ — будетъ дождь или оттепель.

22) Когда идетъ дождь и на водѣ много остается плавающихъ пузырьковъ — быть дождю долгое время. (Борис. у.).

23) Карканіе воронъ, летящихъ стаями, предвѣщаетъ дождь.

24) Мелкія птицы садятся на окнахъ весною — къ сильной стужѣ.

25) Если куры долго ходятъ вечеромъ по двору, то будетъ дождь.

26) Если нѣтъ росы вечеромъ, то это тоже предвѣщаетъ дождь.

27) «Екъ собака ѣсъць траву, то будзе дощъ.»

28) Послѣ похоронъ утопленника, могилу его, по мѣстному повѣрью, нужно обливать водою, иначе во все лѣто не будетъ дождя. (Слон. у.).

29) «Быкъ трасѣ ногою, — будзець спюдзено.»

30) Рыба подскакиваетъ — къ дождю. (Игум. у.).

31) «Коли окна попотѣюць, то кажутъ, што будзя дождь итца.»

32) «Коли у *курницы* (т. е. въ курной избѣ) будзя дымно, то, кажуць, будзя непогода».

33) «Коли въ зимній вечеръ куры *скверца*, то кажутъ, что будзя морозъ вяликій».

34) «Коли куры подлетаютъ ў гору, то кажутъ, что будя свѣгъ ити.» (Слоним. у.).

в) Къ урожаю, домоводству, удачѣ, богатству.

35) Въ Рождественскую коляду примѣчаютъ; если зерна варимой кутьи выплываютъ на верхъ, то предстоящее лѣто будетъ урожайное, если же они падаютъ ко дну, то наоборотъ.

36) Во все время Рождественскихъ праздниковъ (отъ 25 декабря до 7-го янв.) нельзя выгребать изъ печи золу, иначе во всякомъ хлѣбѣ, и преимущественно въ пшеницѣ, окажутся сорныя травы.

37) Пока мѣсяцъ стоитъ на горизонтѣ и, въ особенности свѣтитъ, нельзя садить высадокъ (моркови, свеклы и другіе корнеплодныя растенія, посаженные для полученія сѣмянъ), потому что они будутъ цвѣсти все лѣто, а сѣмянъ не дадутъ.

38) Во время колядъ, когда обталкиваютъ ячмень для кутьи, нельзя выбрасывать вонъ *луски* (въ Гродн. г. голуски), потому,

что въ наступающее лѣто ячмень родится съ черными *юлусками*. (Гродн. г. Ник.).

39) Когда журавли очень поздно улетаютъ въ теплыя страны, то весною слѣдующаго года снѣгъ будетъ очень долго оставаться на поляхъ.

40) Когда лучина горитъ весело и угли закручиваются въ трубку — будетъ морозъ. (Игум. у.).

41) Когда уголь отъ лучины тянется, то *отлыга* (оттепель) будетъ. (Борис. у.).

42) «Якъ вуголь отъ щепки круцицца ў гору, — будзець морозъ, а якъ ў низъ, — будзець отлыга (оттепель).»

43) «Якъ пятахъ ў вѣчара пяецъ ў цотку (въ четъ), буде морозъ; якъ ў *мишку*, тогды отлыга». (Игум. у.).

44) Если дикіе гуси и журавли улетаютъ осенью въ теплые края, то надо ждать теплой и продолжительной осени. (Борис. у.).

45) Гдѣ лебеди пролетятъ, крича, тамъ на семь лѣтъ урожая не будетъ.

46) Звѣздная свѣтлая ночь подъ Новый годъ — признакъ хорошаго урожая въ наступающій годъ. (Борис. у.),

47) Если проложенную дорожку занесетъ снѣгомъ, то это значить что на слѣдующее за ней лѣто будетъ неурожай на гречиху.

48) Если на Новый годъ бываетъ иней, то будетъ неурожай на хлѣбныя растенія, а урожай на солому. (Игум. у.).

49) Если весною первый разъ увидишь бѣлую бабочку — бѣлый хлѣбъ въ этомъ году будешь ѣсть. (Борис. у.).

50) «Коли на Илью идзе дощъ, то ня будзя орѣховъ, — ихъ *малѣнка* попалиць.»

51) «Коли прядѣ Новымъ годомъ вячеромъ будзець много звяздъ, то въ етомъ году будзець много грибовъ и ягодъ». (Игум. у.).

52) «Не можно ѣсьци ў клуни, бо мыше будуць цѣлу зиму ѣсьци стóрону (скирду).» (Пружанск. у.).

53) Если во время сѣва льна услышишь пѣніе человѣка или птицы, то ленъ не уродится. (Слоним. у.).

54) Когда мужикъ засѣваетъ свою полосу и тутъ же сѣетъ

его сосѣдъ, то нельзя сѣять ему на встрѣчу: хлѣбъ не уродится. (Слоним. у.).

55) Повѣшенный на огородной оградѣ лошадиный черепъ приносить урожай. (Борис. у.).

56) Если на Юрьевъ день будетъ на рѣкѣ большая роса, то въ наступающее лѣто будетъ большой урожай ржи и гречихи, которая вслѣдъ за Юрьевымъ днемъ и сѣется: зерна будутъ ядренисты. (Борис. у.).

57) «Якъ идзешъ садзици рѣдзьку, то не бэрыса за колокъ, бо вся рѣдзька пойдзе у стовпъ.» (Пруж. у.).

58) «Якъ на Коледы ў пэршъ придзе коледоваци подь окно дзѣвочка, а не хлопѣцъ, то будуць водзициса овѣчечки, а не баранчики.»

59) «Если платать (чинить) платье между праздниками Рождества Христова и Крещеньемъ—овечки будутъ рябыя.» (Борис. у.).

60) «Якъ найдзешъ двойчагата колоска жита, то вырви его и дай овѣцъ издѣсьци. Послѣ гетого овѣчка тая будзе водзици близнята.» (Пружанск. у.).

61) Если въ Великій четвергъ идетъ дождь, то коровы будутъ молочны.

62) Если бить облупленнымъ дубцомъ скотину, то ова будетъ сохнуть.

63) Вообще нельзя бить ни животнаго, ни человѣка сухою палкой, потому что побитое или побитый начнетъ сохнуть и сдѣлается такимъ же сухимъ, какъ и палка. (Гродн. г. Ник.).

64) Лишь только корова поѣстъ травы на скошенномъ лугу—у нея уменьшится молоко.

65) Когда родится теленокъ, такъ берутъ ведро воды, «громничную (гробничную) свѣчку», отправляются съ нимъ въ сарай и тамъ съ ведромъ воды и съ зажженною свѣчею три раза обходятъ вокругъ коровы съ теленкомъ, потомъ выстригаютъ на лбу у той и у другого немного шерсти, которую и сжигаютъ тутъ же на свѣчкѣ, ведро же выливаютъ на корову, перекрестивъ ее. (Слуцк. у. Коп.).

66) Если скотина, отдѣлившись отъ стада заблудится и не

придетъ домой со стадомъ, а заночуетъ Богъ вѣсть гдѣ, то стараются домашними средствами предупредить гибель этой скотинки отъ волковъ и опредѣлить: возвратится ли она, или же погибла безвозвратно. Въ первомъ случаѣ на всю ночь втыкаютъ въ пороги избы ножъ и покрываютъ его горшкомъ, во второмъ же чисто вычищенный ножъ вбиваютъ въ косякъ. Если въ теченіе ночи ножъ остается чистымъ, то пропавшая скотина такъ или иначе, возвратится домой, но если ножъ заржавѣетъ, то значить: скотина безслѣдно погибла ¹⁾.

67) Если въ Великій четвергъ идетъ дождь, — коровы будутъ молочны. (Борис. у.).

68) Когда ѣдятъ *молодзиво*²⁾, то, если первый возьметъ мужчина, — то будутъ рождаться бычки, а если женщина, то — телушки.

69) Если родится жеребенокъ съ зубами, то волкъ его съѣстъ. Если онъ играетъ передъ заходомъ солнца, — его постигнетъ таже участь. (Борис. у.).

70) Дождливый день въ праздникъ Покрова признакъ того, что слѣдующій годъ будетъ благопріятенъ для пчеловодовъ и наоборотъ. (Тамъ же).

71) «Если у курицы жоу́тыя ноги, то будзя много яицъ несъци.» (Игум. у.).

72) Весною, когда курица въ первый разъ снесетъ яйцо, то его кладутъ въ рѣшето (собственно на рѣшетѣ) и качаютъ, чтобы куры лучше неслись. (Слуцк. у.).

73) «Якъ придзешь рано зъ церкви на пѣрши дзень Вѣликодня (Свѣтлое Христовое Воскресенье), то ницъ не робивши, навѣцъ (даже) не разговляўшися, зби зъ цебра обручъ и дай ѣсьци курамъ ў гѣтомъ обручѣ. Послѣ гетого ни одна курица не знесе ейца у сосѣда, або на дворѣ, а все будзе несъци ў дома» (Пруж. у.).

74) Чтобы куры не клевали яицъ, когда несутъ ихъ, имъ нужно припекать клювъ накаленной кочергой. (Борис. у.).

¹⁾ Зап. со словъ ученика приготовит. кл. Свислоч. Семинаріи Н. Я. Никифоровскимъ.

²⁾ Въ слов. Даля: «*Молѣзиво* — первое молоко послѣ родовъ, сперва пасочное, а потомъ густоватое, легко осѣдающееся».

75) «Нигды не можно вязаца вѣники товды якъ сѣюць жито, бо гѣто жито будзе на лѣто якъ хворость ў вѣникахъ.» (На этомъ основаніи никому въ осеннее время, когда сѣютъ рожь, крестьяне не позволяютъ вязать вѣниковъ. (Пруж. у.).

76) Вечеромъ не слѣдуетъ начинать новый коровай хлѣба: пропадетъ богатство. (Борис. у.).

77) «Если вымечешъ хату, то не давай другому выносивъ смецье, бо забере твоё счастье.» (Свислоч. у.).

78) Кто у дѣвушки бываетъ кумомъ, у того будутъ вестись лошади. (Борис. у.).

79) Если увидишь въ первый разъ новый мѣсяцъ (*мыладзикъ*), то нужно спустить рукавъ на руку и такъ перекреститься, чтобъ деньги водились. Дѣвки же ворожатъ на *мыладзикъ*. Когда онѣ увидятъ его въ первый разъ, то берутъ изъ-подъ правой ноги земли или что тамъ случится, кладутъ подъ подушку и что при-
снится, то сбудется. (Витебск. у.).

80) Если держать орѣхъ-двойчатка (спорышъ) въ деньгахъ, то онѣ будутъ споры. (Борис. у.).

81) «Якъ пѣрши разъ почуешъ зезулю, а маешъ товды гроши, то будзешъ цѣлѣ лѣто находзици то грошъ, то копѣйку, то дзѣ, то три,—и ўсе будзешъ находзици, да находзици.» (Пруж. у.).

82) Если волкъ перебѣжитъ кому дорогу, то это предвѣщаетъ ему успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ.

83) Если дрова горятъ весело и отбрасываютъ искры, значитъ, что хозяйка этого дома получить подарокъ.

84) Если кто во время кушанья поперхнется, то это означаетъ, что его кто нибудь упить водкою. (Игум. у.).

85) «Якъ выѣзжаешъ ў дорогу, то треба, кабъ хто-нибудь перейшоу передъ возомъ зъ ведромъ, полнымъ водою. Товды дорога будзе счастлива.»

86) «Якъ ѣдзешъ на полеваныне (охоту) и хто идзе на спутычку тобѣ, то старайся ўпѣршъ заговорици. Якъ ўпѣршъ ты заговоришъ, то полеваныне удасца.» (Пруж. у.).

г) ПРЕДВѢЩАЮЩІЕ СМЕРТЬ.

87) Различаютъ (въ Гродн. губ.), что воющая собака въ иномъ случаѣ подымаетъ голову вверхъ, въ иномъ вытягиваетъ впередъ, въ иномъ же потупляетъ внизъ. Въ первомъ случаѣ вой ея предвѣщаетъ пожаръ, во второмъ—войну, а въ третьемъ—покойника въ томъ домѣ, куда собака обращена переднею частью своего тѣла: если она совершаетъ свой вой передъ окнами хозяйскаго дома и, въ особенности со стороны двора, то это предвѣщаетъ хозяйскому дому смерть кому либо изъ его жильцовъ. (Гродн. губ.).

88) Въ Игум. у. (Минск. губ.), толкуютъ такъ вой собаки: если она воетъ, поднявъ голову къ верху, то будетъ пожаръ, если же она, воя, опускаетъ голову, то будетъ поморъ.

89) Если въ избѣ бревно или доска дастъ трещину съ сильнымъ звукомъ, то это предзнаменуетъ смерть кого-либо изъ членовъ семьи. (Борис. у.).

90) «Если кто ў церкви чхнець на вяликая свято, то ёнъ на другы годъ иного свята не дочакаецца». (Игум. у.).

91) Если филинъ возлѣ дома кричитъ «повивь!», то будетъ въ домѣ томъ дитя, если же на подобіе слова «путь!», то будетъ покойникъ. (Слон. у.).

92) «Если курица пяецъ и накого глядзиць, то той умрець.» (Игум. у.).

93) Если курица въ домѣ запоетъ, то это предвѣщаетъ смерть одному изъ членовъ семьи. Чтобы отвратить это несчастье берутъ курицу и мѣряютъ ея отъ стѣнъ противъ дверей до самаго порога—то головой впередъ, то хвостомъ и такъ далѣе. Если на порогъ придется голова, то рубятъ топоромъ голову, а если хвостъ, то рубятъ его. Если же въ послѣднемъ случаѣ она когда-нибудь повторитъ пѣніе, то съ нею продѣлываютъ опять то же самое (Гродн. г. Слон. у.).

94) «Если скиня хто-нибудь бусла (аиста) гнѣздó, то ў томъ мѣсьця, чи сялѣ, будуць дзѣци умираць.»

95) Если въ комнату влетитъ ласточка — будетъ смерть въ дому.

96) Если хлѣбъ въ печи трескается — кто нибудь изъ того дома умретъ (Игум. у.).

97) На масленицѣ (7-го февраля) на кого пойдетъ дымъ отъ заглашенной свѣчи, тотъ помретъ въ этотъ годъ.

98) Также кто въ это время послѣдній пьетъ водку, тотъ первый помретъ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ МАТЕРІАЛАМЪ.

Очерки быта Полъсья.

(С. Житлинъ, Слонимскаго у.).

а) ОБЩІЙ ВИДЪ ДЕРЕВНИ.

Села и деревни въ Слонимскомъ уѣздѣ обыкновенно располагаются въ одну улицу, почти прямую. По обѣ стороны улицы тянутся хаты. Возлѣ каждой хаты небольшой дворъ. Тутъ же и небольшой огородъ, а у нѣкоторыхъ и небольшой садикъ изъ вишневыхъ деревьевъ по преимуществу, хотя встрѣчаются въ такихъ садикахъ и груши и яблони. Садики эти, впрочемъ, стали появляться въ недавнее время и о нихъ заботится молодежь. У нѣкоторыхъ хозяевъ подъ деревьями стоятъ колоды съ пчелами, за которыми наблюдаютъ сами хозяева. Тутъ же во дворѣ, при улицѣ, находится колодезь, если не у cadaго хозяина, то у большинства (въ Житлинскомъ приходѣ). Встрѣчаются колодцы и среди улицы. Такіе колодцы устраиваются обыкновенно сообща нѣсколькими хозяевами, ближайшими къ мѣсту нахождения колодца. Обиліе колодцевъ объясняется близостью подпочвенной воды и легкостью работы при устройствѣ колодца. Хаты и всѣ постройки покрыты соломой. Кругомъ села или деревни тянется ограда изъ жердей, защищающая огороды отъ домашнихъ животныхъ со стороны улицы и со стороны выгона. Однообразіе селъ и деревень по общему, производимому ими, впечатлѣнію, поразительное. Только число хатъ, ширина улицъ и расположеніе холодныхъ построекъ не вездѣ одинаковы. Впрочемъ, большія села и деревни встрѣчаются весьма рѣдко, и самыя большія имѣютъ не болѣе 60 — 100 хатъ. Что же касается расположенія холодныхъ построекъ, то въ однихъ селахъ и деревняхъ всѣ они строятся «въ одномъ пошарунку», т. е. въ одинъ рядъ съ хатой и подъ одной сплошной соломенной крышей, а въ другихъ—

гумна располагаются отдѣльно отъ прочихъ построекъ, въ нѣ-
которомъ разстояніи отъ нихъ, такъ что между постройками и
гумнами образуется другая улица.

Названія «деревня» мѣстный народный говоръ не знаетъ:
въ немъ для села и деревни одно общее названіе — «село».

б) Устройство ХАТЫ.

Крестьянская хата строится безъ всякаго фундамента, прямо
на землѣ. Впрочемъ, иногда послѣ закладки, т. е. когда положены
первыя 4 подвальные бревна («подрубы»), образуя прямоуголь-
ный 4-угольникъ, закапываютъ подъ всѣ четыре угла дубовыя
колодки. «Подрубы», упираясь своими углами на колодки, обра-
зуютъ подъ собою пустое пространство. Чтобы заполнить его,
подкладываютъ подъ подрубы куски дерева и дѣлаютъ на про-
тяженіи подрубъ земляную насыпь въ 2 — 3 вершка высоты,
такъ что она закрываетъ собою не только куски дерева, поло-
женные подъ подрубы, но и частью самыя подрубы. Эта насыпь
обкладывается снаружы деревомъ и называется «призба». На-
значеніе ея — защищать хату отъ холода снизу.

Материаломъ для хаты въ нашей мѣстности служитъ исклю-
чительно еловое дерево, опиленное только съ двухъ сторонъ, въ
брусьяхъ толщиною въ $3\frac{1}{2}$ вершка. Длина и ширина хаты по
9 аршинъ, высота стѣнъ 3 аршина. При кладкѣ стѣнъ, каждое
верхнее бревно съ нижней стороны «пазятъ», т. е. вырубаютъ
углубленіе соразмѣрно съ выпуклою стороною нижняго бревна;
накладываютъ на нижнее бревно обыкновенный лѣсной мохъ и
кладутъ на него верхнее, которое своимъ углубленіемъ («пазомъ»)
покрываетъ почти совершенно положенный подъ нимъ мохъ.
Когда стѣны сложены, на нихъ кладутъ двѣ балки, а по нимъ
настилаютъ изъ досокъ потолокъ («покутъ»). На него кладутъ
мохъ и засыпаютъ пескомъ. На стѣны ставятся «кроквы» (стро-
пила), 3 пары, забивается «щитъ» (доски, закрывающія отвер-
стіе между потолокомъ и крышей надъ поперечными стѣнами

избы), прибиваются къ «кроквамъ» «латы» (жерди, къ которымъ прикрѣпляется солома для крыши), на латы настиляется «правая» (не мятая, кулевая) солома, толщиною — по желанію, колосьями вверхъ, выравнивается самодѣльнымъ инструментомъ изъ куска доски, называемымъ «стрихавкою», прижимается къ латамъ тычинками, которыя привязываются въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ латамъ лозою («дубцами», ракитою) и такимъ образомъ придерживаютъ солому на крышѣ. Рядъ за рядомъ настиляется и привязывается солома на крышѣ и притомъ такъ, что верхній рядъ соломы прикрываетъ собою тычинки нижняго ряда, — и крыша готова. На самый гребень ея накладываютъ мятую солому, или «вышей» или пырей, прикладываютъ это жердкой, поверхъ которой кладутъ «козлы». Это — скрѣпленные косымъ неравномѣрнымъ крестомъ кольца: ихъ короткіе концы возвышаются надъ гребнемъ крыши, а длинную свою часть они лежатъ на верхней части крыши.

Хаты кроются исключительно соломою, а строятся своими плотниками. Почти каждый порядочный хозяинъ умѣетъ построить хату. Замѣчательно, что желѣзные гвозди совершенно не употребляются крестьянами при постройкахъ: они замѣняютъ ихъ деревянными гвоздями. Это дѣлается отчасти изъ экономіи, а можетъ быть и потому, что желѣзныхъ гвоздей негдѣ достать по близости.

Хата обыкновенно представляетъ внутри одну комнату. Почти въ каждой хатѣ по 4 окна: одно выходитъ на улицу, два на дворъ и одно «за печью» (въ стѣнѣ противоположной отъ двора). Отверстія для оконъ дѣлаются въ $\frac{3}{4}$ аршина въ длину и $\frac{1}{2}$ аршина въ вышину. Отверстія эти безъ всякой *шалевки* закрываются прибитыми къ нимъ снаружи окнами. Дверь одна, — на деревянныхъ петляхъ и сколочена деревянными гвоздями. У двери почти каждой хаты есть «помостикъ»: выкапывается небольшая яма у самого порога и устраивается надъ ней досчатый мостикъ. Яма подъ мостикомъ служитъ для стока дождевой воды. — Пола въ хатѣ нѣтъ, вмѣсто него — глиняный «токъ».

Печь устраивается возлѣ самыхъ дверей. Предварительно закапываются въ землю 4 колодочки по угламъ предполагаемой печи. На эти колодочки кладутся крѣпкіе брусья, а на нихъ ставятъ (вдавливаютъ) 5 — 6 столбиковъ, на которые накладываются «препоны» (поперечныя перекладины). На препоны накладываются доски, на нихъ размѣшанная глина, которую тщательно выравниваютъ, сглаживаютъ, и такимъ образомъ устраивается нижняя часть печи «чарень». На чарень кладутъ полѣнья, — такую кучу и такой длины, какой вмѣстимости желаютъ имѣть печь. Потомъ на все это накладываютъ глину, тутъ же ее мѣсятъ, обставивши по бокамъ досками, чтобы она не расходилась въ стороны, сглаживаютъ сверху, — и печь готова. Когда глина нѣсколько обсохнетъ, дней черезъ 5—6, поджигаютъ тѣ дрова, которые плотно сложены въ печи; дрова горятъ и выжигаютъ печь. Нижняя часть печи, выдающаяся нѣсколько впередъ предъ отверстіемъ ея, называется «припечь», мѣсто же на припечи, куда изъ печи жаръ выгребаютъ, называется «ушко». Недалеко отъ печи въ потолокъ дѣлается небольшое 4-угольное отверстіе («верхъ»), на которое ставится ольховая труба (изъ дупловатой ольхи), которая верхнимъ концомъ проходитъ черезъ крышу и пропускаетъ черезъ себя дымъ.

Такія печи, безъ трубъ, преобладаютъ: на 10 — 12 хатъ курныхъ едва-ли придется по одной хатѣ съ трубой. Устройство кирпичной печи съ трубою слишкомъ дорого обходится крестьянину. Каждая сотня кирпича на кирпичномъ заводѣ стоитъ 1 руб., а доставка его, по дальности разстоянія, обойдется тоже въ 1 р. и болѣе. На печь же съ трубой нужно кирпича 900—1000 штукъ. Одинъ кирпичъ обойдется въ 20 р. и болѣе, а сложить печь тоже чего-нибудь стоитъ, такъ какъ самъ крестьянинъ такой печи несложитъ. Между тѣмъ глина ему ничего не стоитъ и сбивка печи изъ глины не требуетъ особаго умѣнья.

Вдоль стѣнъ хаты тянутся «лавы», а за печкой, кромѣ лавъ, на одномъ уровнѣ съ нею, кладутся широко доски («полъ»). Надъ лавами по длинѣ хаты тянутся подъ потолкомъ тонкія круглыя

балочки, по двѣ при одной и другой стѣнѣ. Онѣ концами своими вдѣланы въ поперечныя стѣны хаты. На нихъ кладутъ «жердки», которыя поддерживаютъ люльку съ ребенкомъ, бѣлье, развѣшенное на нихъ для просушки, лучину, ленъ и проч.

Къ хатѣ непосредственно пристраиваются сѣни, которыя по величинѣ своей нѣсколько больше хаты. Здѣсь обыкновенно зимою кормятъ свиней, а лѣтомъ сами здѣсь спятъ и ѣдятъ, такъ какъ въ хатѣ бездна клоповъ, прусаковъ и мухъ. Здѣсь же, въ сѣняхъ, устраивается «стѣбка» (кладовая). Величина ея зависитъ отъ достатковъ хозяина и его семьи. Стѣбка служитъ складомъ для картофеля, капусты, свеклы и проч. Къ сѣнямъ примыкаетъ «повѣть», — навѣсъ для дровъ; тутъ же хранятся повозки, соха и проч. Далѣе слѣдуютъ хлѣвы скотныя, за ними «шѣпа» (сѣноваль), а далѣе — гумно, и все это большею частью подъ одной соломенной крышей (въ одномъ «попарунку»). Въ послѣднее время крестьяне стали строить свои гумна поодаль отъ другихъ построекъ. Кромѣ названныхъ построекъ иногда бываетъ еще «свиринокъ» (амбаръ), но это — принадлежность богатыхъ.

Въ хатѣ, кромѣ стола и скамьи да лавъ, ничего нѣтъ. Стѣны голыя: ни образовъ, ни картинъ нѣтъ, только мѣстами видны деревянные «крючки», вбитые въ стѣны: на нихъ висятъ то шапка, то «кошелка», то «ручникъ» и т. п. Къ этому нужно прибавить, что стѣны и потолокъ чернѣе сажы отъ дыму, и вся обстановка говоритъ столько же о вопіющей бѣдности, сколько и о поразительной неопрятности.

Хата съ сѣнями изъ еловаго дерева обходится мужику отъ 100 до 120 р. Но есть хозяева, которые ухитряются и за 50 р. построить довольно сносную хату. Всѣ же остальные постройки обходятся до 130 р. Такъ что за 250 р., много за 300 р., можно крестьянину нашему построить всѣ свои постройки въ лучшемъ видѣ.

Обычаевъ примѣтъ, суевѣрій относительно закладки хаты не наблюдается. Только входъ (входины) въ новую хату приурочивается обыкновенно къ полнолунію: «Кобъ ўсходъ було повно

и въ бочкахъ сбожжи и въ хлѣвахъ слобжи (скота) и во свирнахъ». . . и проч. приговариваютъ они обыкновенно при этомъ.

Посуда нашихъ крестьянъ въ хатахъ очень скромна и невзыскательна. Глиняные горшки для варки кушанья, такія же миски, деревянныя ложки, «кошели» или верени (корзинки) продолговатой формы изъ тонко надраннаго распареннаго молодого клена для картофеля, ведро у порога съ водой и съ «корцемъ» — вотъ все, что можно встрѣтить въ каждой хатѣ по части посуды. Корецъ — это нѣчто въ родѣ большой деревянной ложки изъ еловаго дерева, глубоко выдолбленной долотомъ, съ неуклюжей толстой и короткой ручкой. Корецъ при ведрѣ замѣняетъ кружку для питья. Это замѣчательность въ своемъ родѣ. Въ другихъ уѣздахъ Гродненской губерніи «корца» я не замѣчалъ. Въ каждой хатѣ замѣчается еще «кошолка» — одна или даже нѣсколько. Это небольшія корзинки, сплетенныя плотно изъ узкихъ ($\frac{1}{2}$ вершка ширины) длинныхъ полосокъ березовой коры, или вѣрнѣе, двѣ корзинки — верхняя и нижняя. Верхняя покрываетъ нижнюю почти до дна, плотно обхватывая ее со всѣхъ сторонъ и служить крышкою для нижней. Кошолка у нашихъ крестьянъ — это походорожная сумка. Она вѣшается на веревочкахъ чрезъ плечо и служить вмѣстѣлищемъ провизіи.

Хаты въ настоящее время у нашихъ крестьянъ освѣщаются керосиномъ, хотя встрѣчается еще освѣщеніе хатъ и сосновою лучиною.

Украшеній домовъ крестьянами не наблюдается. Даже во многихъ домахъ иконъ не встрѣтите. Повсюду грязь и неопрятность. Зимой въ очень многихъ домахъ, особенно въ морозные дни можно встрѣтить то телятъ, то ягнятъ, то свинью съ поросятами — и все это днюетъ и почуетъ въ хатѣ съ человѣкомъ многосемейнымъ. Въ такой хатѣ трудно удержать чистоту. Да объ этомъ и не заботятся.

Раздѣлы — это слабая сторона нашихъ крестьянъ. Лишь только въ хатѣ заведется одна-двѣ невѣстки, сейчасъ онѣ сами пересорятся, мужей своихъ вооружать другъ противъ друга и

даже противъ родителей и не пройдетъ иногда и года какъ зажиточная семья распадается на нѣсколько и каждая порознь съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ и бѣднѣетъ. Но эта бѣдность распавшейся семьи нисколько не удерживаетъ другихъ отъ раздѣловъ и отъ плачевныхъ послѣдствій этихъ раздѣловъ. Благодаря частымъ раздѣламъ дома и холодныя постройки какъ грибы вырастаютъ по деревнямъ и селамъ. Но тутъ опять бѣда. Каждому изъ отдѣлившихся сыновей непременно хочется постройиться «на батьковщинѣ» (на землѣ своего отца). Отъ этого въ нашихъ деревняхъ крестьянскія постройки скучены тѣсно такъ, что мѣстами положительно крыши построекъ нѣсколькихъ сосѣдей чуть-ли не соприкасаются между собою. Вслѣдствіе такой скученности построекъ и наши деревенскія пожары такъ опустошительны.

Общественность у нашихъ крестьянъ въ зародышѣ. Предпріятій общества сообща никакихъ не затѣваютъ, развѣ сельскій староста, съ руганью и угрозами штрафа подъ каждымъ окномъ, выгонитъ цѣлое общество для починки какой-нибудь гребли и только. Впрочемъ за 10 лѣтъ моего пребыванія въ Житлинѣ, мои прихожане два раза самостоятельно проявили свою общественность. Разъ, цѣлой деревней прорыли канаву черезъ свои сѣнокосы и тѣмъ значительно осушили ихъ, а въ другой разъ цѣлымъ обществомъ, безъ всякаго побужденія извнѣ, вооружились противъ волковъ, черезчуръ ужъ надоѣвшихъ имъ, пошли облавою на нихъ и убили нѣсколько штукъ.

Толоки бываютъ и часто практикуются у нашихъ крестьянъ. Нужно-ли кому вывезти матеріалъ изъ лѣсу для построекъ или въ одинъ пріемъ сжать свою полосу и проч. въ такомъ случаѣ онъ сзываетъ рабочихъ на толоку. На толоки очень охотно въ нашей мѣстности собираются. Рабочихъ на толокахъ угощаютъ водкой, два раза въ теченіи лѣтняго дня, до которой нашъ мужикъ очень падокъ и кормятъ два раза, а платы за работу они ужъ никакой не получаютъ. Толоки для хозяина гораздо дешевле обходятся чѣмъ наемъ рабочихъ и выгода еще отъ нихъ та, что

спѣшная работа производится въ одинъ пріемъ, не затягиваясь, какъ это бываетъ иногда при наймѣ рабочихъ.

В) ОДЕЖДА.

«Сорочка» изъ своего домашняго холста широкая, свободная, мужская до колѣнъ, а женская подлиннѣе.

«Ковнеръ» ея (воротникъ) большой откладной, застегивается въ «галкахъ» (петлицахъ) «шпункою» у женщинъ, а у мужчинъ завязывается «жичкою» (красною ленточкой, которая еще иначе называется «стужкою»). «Шпунка» — запонка съ цвѣтнымъ стеклышкомъ. Рукава сорочки съ «ковнерцами» (манжетами), застегивающимися на «гузики» (пуговицы) и съ «цвиками». «Цвики» это клинушки, вшитые въ рукава подъ мышками.

Праздничныя сорочки женскія съ «барабанами». Это рукава сорочки съ поперечными на нихъ сверху красными полосками.

Когда ткуть холстъ, то для рубахъ нарочно дѣлаютъ «перетыки» на рукава и на «уставки» (наплечники), т. е. ткуть съ красными полосками.

«Нагавицы» (штаны) тоже домашняго холста, съ прорѣзомъ спереди и застегиваются вмѣсто пуговицы деревянной «бирголькою» (маленькій кусочекъ дерева, тщательно округленный, длиною въ одинъ дюймъ). Зимой поверхъ нагавицъ изъ холста надеваютъ еще суконныя нагавицы, такого же фасона изъ домашняго сукна.

«Сермяга» или «свитка» (отъ слова свивать) изъ домашняго сукна, цвѣта сѣраго, длиною — у мужчинъ до колѣнъ, а у женщинъ — пониже колѣнъ, но покрою одинаковаго и у тѣхъ и у другихъ. «Ковнеръ» маленькій — пальцевъ на два шириною, откладной, лацканы тоже небольшіе. Рукава широкіе, свободные съ «зако-тами» (обшлага). Въ другихъ мѣстахъ обшлага называютъ «закервашами», «манкетамі». Сзади отъ стана до низу идутъ «хванды» (это небольшія складки). Сермяга застегивается на «галки» (крючки), а поверхъ сермяги носятъ еще пояса своего издѣлія. «Хвандами» крестьяне и крестьянки дорожатъ, въ особенности

когда еще сермяга не изнасилась. Скинувши съ себя сермягу, они обыкновенно расправляютъ эти хванды, правильно складываютъ ихъ и потомъ свиваютъ или скатываютъ сермягу чуть-ли не въ клубокъ и крѣпко связываютъ ее поясомъ, чтобы эти складки или хванды приняли опять свой правильный видъ и тогда уже прячутъ ее въ такомъ скатанномъ видѣ. Отъ этого и называется сермяга «свиткою» или же «катанкою». «Кожухъ» изъ овчинъ такого же покроя какъ и сермяга и съ хвандами только воротникъ побольше. Коротенькій кожухъ, употребляемый при работѣ не доходящій даже до колѣнъ, называется «тулупчикъ». Еще носятъ коротенькую сермяжку и называютъ ее «кажутка».

Шапка лѣтняя обыкновенная круглая изъ чернаго сукна, съ козыркомъ, покупная, а зимняя тоже круглая, мелкая изъ овчины выдѣланной съ подстриженнымъ волосомъ, съ дномъ изъ сѣраго или чернаго сукна. Женщины носятъ «сподницы» (юбки) изъ разноцвѣтнаго ситца (яркихъ цвѣтовъ) длинныя до пятокъ. Это по лѣтнему сезону, а зимою юбки суконныя, которыя называютъ «андараки». На головѣ дѣвушки носятъ ситцевыя платки, повязанные подъ бороду, по преимуществу краснаго цвѣта съ узорами, а замужнія женщины — «наметки». Это узкая полоса бѣлаго тонкаго полотна длиною 5 аршинъ, шириною $\frac{1}{2}$ аршина. Ее складываютъ по длинѣ вдвое и особымъ образомъ наматываютъ на голову и прикалываютъ длинными булавками (шпильками).

Различіе между будничной и праздничной одеждой только въ ея чистотѣ.

Волосы, «косы» по мѣстному, мужчины носятъ подстриженные въ кружокъ, а женщины (дѣвки) дома носятъ волосы заплетенными въ 2 косы и свитыми на головѣ, а идя въ церковь — заплетаютъ въ одну косу, которая виситъ свободно и въ концѣ которой вплетаютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ «стужекъ» или «косниковъ» (ленточекъ). А «жонки» (замужнія женщины) когда послѣ вѣнца (брака) имъ заплетутъ «дѣвоцкую косу», то послѣ этого онѣ уже никогда не заплетаютъ косъ, а раздѣливши свои волосы руками, сзади, на двое, скручиваютъ ихъ и обматываютъ

кругомъ головы, а поверхъ надѣвають чепцы своей работы (нѣчто вродѣ сѣтокъ изъ нитокъ).

Жонки въ домашнемъ обиходѣ повязываютъ на голову платки особымъ образомъ: распущенный платокъ двумя концами завязывается подъ бороду, потомъ берутъ остальные два конца платка, висящіе по спинѣ и вторично накидывая его на голову, завязываютъ и этими концами подъ бороду. По завязанному такимъ манеромъ платку, каждый въ деревнѣ уже отличить молодцу (бабу) отъ «дзѣвки». Самая распространенная обувь въ моемъ приходѣ «лапти», которые плетутъ изъ лозовой коры. Носятъ ее малые и старые, мужчины и женщины, эта обувь ничего мужику не стоитъ и очень удобна. Тряпки, которыми обвертываютъ ноги, надѣвая лапти, называютъ по мѣстному «гавучи», «онучи» и «портянки». Веребочки же, которыми привязываютъ къ ногѣ лапти, называются «волоками». Онѣ готовятся по большей части изъ луба молодыхъ побѣговъ липы.

Лѣтомъ при работѣ мужчины и женщины носятъ короткія, чуть ниже стана «куртки» «полупортянѣя», то есть изъ ткани, наполовину изъ суконныхъ и изъ льняныхъ нитокъ.

Въ Кобринскомъ уѣздѣ замѣчается уже разница въ одеждѣ крестьянъ, хотя Слон. и Кобр. уѣзды смежны. Тамъ «свитки» у крестьянъ длиннополыя, по самыя пяты, темносѣраго цвѣта, съ стоячимъ воротникомъ. Сзади свитки, ниже стана двѣ оттопыренныя фалды («усы» по тамошнему), каждая въ видѣ треугольника, такъ что нижнія части ихъ бывають оттопырены на 4 — 5 вершковъ. Спина свитки безъ шва; боковыя же полы и «пазухи» (переднія части свитки, на груди) вшиты толстыми наружными рубцами, притомъ полы изъ двухъ кусковъ сукна. Изъ одного, изъ этихъ кусковъ, который пришивается одной стороною къ задней полѣ свитки, образуется «усъ», а къ нему пришивается уже передняя пола. Такъ равно и съ другой стороны. Лопкановъ при свиткѣ нѣтъ, а застегивается она наглухо проволочными крючками и петлями. Старая свитка, изорванная, называется тамъ «латушка» (очевидно отъ слова латать, чинить

дѣлать заплату) «Кожухъ» такой же длинный какъ и свитка и съ *усами*.

Волосы (гиря по тамошнему у мужчинъ) мужчины носятъ длинные подстриженные въ кружкахъ, безъ пробора, а въ иныхъ мѣстахъ съ проборомъ съ лѣвой стороны головы. Лѣтнія шапки такія же какъ и въ Слон. уѣздѣ, но нѣкоторые старики и лѣтомъ носятъ бараньи шапки, подшитыя съ наружной и съ внутренней стороны овчиной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда, зимнія шапки называются «капузами». Отъ цилиндрической формы, вышиною до 6 вершковъ и даже больше, дно шапки синяго сукна, подбитое паклей вмѣсто хлопчатки. Верхніе края капузы выдаются поверхъ два, вершка на два и съ задней стороны разрѣзаны до самаго дна и въ самомъ верху связываются «жишкой», (красной ленточкой).

Носятъ лапти и «чоботы» (сапоги) съ широчайшими голенищами, такъ чтобы, по мѣстному выраженію, «просто съ печки, да въ чоботы всунувся». Веребочки къ лаптямъ изъ конопли и называютъ «оборки».

Одежда женщинъ Кобринскаго уѣзда тоже что и мужчинъ. Свитка шьется широкая, свободная съ большимъ запасомъ подъ мышками, чтобы не стѣсняла движеній при работѣ и ни сколько по наружному виду не отличается отъ мужской. Лѣтомъ женщины носятъ кромѣ свитки въ будни особую одежду, похожую на кофту, съ двумя сзади вырѣзами ниже поясницы — вершка на 4. Называется она «кабать».

Волосы у дѣвушекъ длинные, съ проборомъ посрединѣ головы, заплетаютъ ихъ въ косу и въ концѣ косы вплетаютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ ленточекъ, которыя болтаются на спинѣ и видны изъ подъ платка. Платокъ обыкновенно бѣлый. Замужнія женщины волосы свои наматываютъ на обручъ, который называютъ «капица», а въ западной части уѣзда «кибалка», и прикрѣпляютъ его съ волосами на верхней части головы. «Капица» съ волосами прикрѣпляется сѣткою (чепецъ), которая стягивается сзади веревочкой. Капица дѣлается изъ льна и обшивается тряпчочкой.

Поверхъ каницы носятъ бѣлые или цвѣтныя платки, а старухи «наметки» такія же какъ и у насъ въ Слон. уѣздѣ, только иначе нѣсколько наматываютъ ихъ на голову. Наматываніе наметки на голову — это такая бабская премудрость, которой не берусь описывать — не сумѣю.

Старики обыкновенно упрекаютъ молодежь въ томъ, что она употребляетъ платки. «Що-то тэпэръ за молóдижъ?!.. бывало молодиця нэ зважитця и до колодезя пуйти безъ наметки, а тэпэръ въ крамныхъ хустахъ ходять и до цэрковы», говорятъ пожилые, въ укоръ молодежи.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ свитку называютъ «жупицей». Она шьется длиною немного ниже колѣнъ и съ фалдами сзади. Эти фалды украшены вышитыми красными лентами, а обшлага украшены обшивкою краснаго сукна. Лѣтомъ носятъ коротенькія куртки пестрыя «плоценьковыя» (холщевыя, изъ крашенныхъ, разноцвѣтныхъ нитокъ) и шерстяныя. Бабы носятъ такія же жупицы и шерстяныя юбки, полосатыя, радужнаго цвѣта, которыя тамъ называются «саяны». Наметокъ не носятъ, а носятъ разноцвѣтныя платки шерстяные и даже шелковые. Повязываютъ ихъ сзади, а не подъ бороду, такъ что узелъ концевъ платка бываетъ на затылкѣ и прикрывается свѣшивающейся угломъ платка. Замужнія женщины носятъ подъ платками «чепцы», шитые изъ цвѣтнаго коленкора и обшитые надъ лбомъ узенькою парчевою ленточкою, подъ глазами, прикрывая лобъ, свѣшивается гривка, равно подстриженная, а надъ висками возлѣ ушей висить по небольшой пряди волосъ, нѣчто на подобіе еврейскихъ «пейсовъ», только подлиннѣе ихъ. Обувь довольно щегольская. Башмаки на высокихъ каблукахъ — подборахъ, а сапоги у мужчинъ съ бураками (складки въ голенищахъ). Саяны носятъ до того коротки, что бываютъ видны икры, одѣтые въ бѣлыя «панчохи» и мужчины тамъ цѣнять красоту лица, стана и ноги.

Украшенія употребляемыя дѣвушками и замужними одинаковы съ Слонимскимъ и Кобринскимъ уѣздами и невзыскательны. Дѣвушки и молодицы на шеѣ носятъ «пацюрки» (бусы) и «мигда-

лики» (изображеніе, за круглымъ стекломъ въ металлическомъ ободкѣ, креста, или какого-нибудь святого или блестящей звѣздочки. Величина «мигдалики» въ діаметрѣ одинъ дюймъ, на пальцахъ же носятъ «персѣнки», иначе «жуковины» (жуковины — это перстни металлическіе).

Бани не въ обычаѣ у нашихъ крестьянъ и вообще не замѣчается у нихъ особенной заботы о чистотѣ и чистоплотности.

г) Пища.

Хлѣбъ черный съ примѣсью къ «рощинѣ» тертаго картофеля или же ячной муки у недостаточныхъ крестьянъ. Изъ хлѣбнаго тѣста пекутъ «млинцы» (блины), «рощину» (тѣсто изъ дѣжи) варятъ слѣдующія блюда: капусту, холодникъ, журъ, саламаху. Последнюю готовятъ такъ: въ горшокъ съ кипящей водой всыпаютъ ржаной муки и разбалтываютъ, кисель, «бадзяки» изъ полевого молодого осета: его сѣкутъ и варятъ съ квасомъ, лебеда, рыдчики (картофельный супъ), подхлебка — изъ картофеля нарѣзаннаго ломтиками и все подправляется мукой «галушки» (натертую картофель мѣшаютъ съ гречневой мукой и варятъ въ горшкѣ, а подавая на столъ, обливаютъ саломъ). «Просоловое» (мясо нарѣзанное «колянками» кусочками т. е. варятъ въ горшкѣ вмѣстѣ съ кусочками сала и хлѣба. Туда же добавляют «бобковый» (лавровый) листъ, перецъ и чеснокъ и кушаютъ это блюдо съ «толокномъ».

«Толокно» готовится такимъ образомъ: сваривъ въ печкѣ овесъ, его сушатъ, сталкиваютъ въ ступахъ и мелютъ въ «жорнахъ» (жерновахъ). Потомъ просѣваютъ сквозь сито и мелкую муку овсяную разбалтываютъ холодною соленою водою. Черезъ нѣсколько времени (очень малый промежутокъ) разболтанная овсяная мука застываетъ до густоты хлѣба. Это и есть толокно.

«Солодуха» дѣлается такъ: насыпаютъ гречневой муки въ горшокъ, «попырсаютъ» (кропятъ) холодной водою, потомъ заливаютъ ее кипяткомъ, разбалтываютъ, чтобы не было комочковъ

и ставятъ на теплую печь. Тамъ простоявъ цѣлый день она къ вечеру начинаетъ шумѣть и укисать. Вечеромъ варятъ ее безъ соли и кушаютъ.

«Запирка» т. е. горохъ, бобъ, кузя, крупники разные— и постные, и молочные, и мясные, «комьяки» (картофельная каша) самое распространенное блюдо.

«Каплукъ» сваренную съ лукомъ, солью и перцемъ очищенную картофель процѣживаютъ; въ эту процеженную горячую воду бросаютъ корочки хлѣба и кушаютъ ложками. Это и есть каплукъ.

Д) ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВЫ.

Ленъ наши крестьяне сѣютъ только для домашняго обихода, а продавать не продаютъ ни льна, ни полотна, которымъ бабы очень дорожатъ. Прядутъ ленъ и бабы и дѣвушки. Эти послѣднія по преимуществу. Онѣ днемъ собираются по 6—10-ти въ одну хату съ своими «кудзелями» и тамъ, весело болтая, прядутъ и при этомъ поютъ пѣсни. Эти дневные сборы дѣвушекъ въ одну хату съ «кудзелями» называются «кудзельницы», а вечерніе сборы—«вечерницы». На «вечерницы» собираются иногда и хлопцы и принимаютъ участіе въ пѣніи пѣсенъ, шутокъ и разговорахъ, тутъ же происходятъ близкія знакомства съ парнями и дѣвушками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего уѣзда парни на «вечерницахъ» производятъ такіа гаданья:

Подходитъ парень къ дѣвушкѣ, которую онъ любитъ и мѣтитъ себѣ въ жены, вырываетъ у нея изъ «кудзели» клочекъ, раздѣляетъ его на двѣ равныя части и легко скатавши изъ этихъ частей льна въ рукахъ два шарика, кладетъ ихъ рядомъ на столъ и поджигаетъ. Одинъ шарикъ означаетъ парня, а другой дѣвушку. Если оба шарика, объятые пламенемъ, взлетаютъ вверхъ, а иногда еще и сталкиваются тамъ, то это означаетъ полную взаимность между извѣстной парой, которая окончится счастливымъ супружествомъ. Если же одинъ только шарикъ взлетаетъ, а другой остается, то это — рознь и несогласіе. Если же оба остаются и сгораютъ на столѣ, то это означаетъ, что парень и дѣвушки

любить другъ друга и желали-бы повѣнчаться, да случится непреодолимое препятствіе къ ихъ браку и бракъ, на ихъ горе, не состоится. Это такъ гадаютъ у насъ возлѣ Кисовки. Разсказываютъ на вечерницахъ «бринджики» т. е. разныя сказки, веселаго свойства. Рукодѣля извѣстныя нашимъ крестьянамъ — это плетеніе лаптей, умѣютъ они также плести и очень даже искусно «кошели» и «кошолки». Женщины прядутъ ленъ, ткнутъ кросна, «насмываютъ наметы» (вышиваютъ), ткнутъ пояса и портняжничаютъ.

Отхожихъ промысловъ нѣтъ.

Мѣры земли у нашихъ крестьянъ — это «гонны», «стаи», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще «верецень». Всѣ эти три названія означаютъ одво и тоже — $\frac{3}{4}$ длины морга, а ширины не принимается въ расчетъ, — ширина надѣла.

е) ОТНОШЕНІЕ КЪ РЕЛИГИИ.

Въ отношеніи крестьянъ къ религіи замѣчается апатія. Этотъ недостатокъ замѣчается только въ моемъ глухомъ приходѣ, но это, кажется, общій недостатокъ Слонимскаго уѣзда, а также и Пинскаго.

О Богѣ наши поселяне имѣютъ весьма матеріальное представленіе. Это, видно между прочимъ изъ слѣдующей легенды, слышанной мною въ с. Борки, въ 25 верстахъ отъ Житлина:

Однажды Богъ шелъ пѣшкомъ по дорогѣ. Возлѣ дороги богатый мужикъ пахалъ подь озимый посѣвъ свою полосу. Богъ сказалъ мужику: «Богъ въ помочь!» и началъ хвалить мужика, что онъ хорошо обрабатываетъ свою полосу, хорошо ее унавозилъ и что слѣдуетъ ожидать хорошаго урожая. На это мужикъ самонадѣянно отвѣчалъ, что онъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что хлѣбъ на его полосѣ уродится на славу.

Богъ пошелъ дальше по дорогѣ и увидѣлъ бѣднаго мужика, трудящагося надъ своей нивой. Все въ немъ обличало крайнюю бѣдность и одежда вся въ заплатахъ, и сошка плохонькая, и ярмо неказистое. Богъ и ему сказалъ: «Богъ въ помочь!» и тоже всту-

пилъ съ нимъ въ разговоръ. Разговаривая, Богъ замѣтилъ мужику, что при такой плохой обработкѣ земли, да при томъ и безъ удобренія едва-ли можно надѣяться на хорошій урожай. Мужикъ отвѣтилъ: «якъ Богъ дастъ, то такъ зародится.» На другой годъ на полосѣ бѣднаго мужика—богатый урожай, а на полосѣ богатаго—совершенно ничего нѣтъ—«тулько въ слѣдкахъ Божиихъ, гдѣ Самъ Богъ стоявъ; якъ говоривъ зъ мужикомъ, выросли колосы великіе и повные.»

У кого изъ крестьянъ помреть дитя, то мать умершаго ни за что не будетъ ѣсть до «Спаса» яблокъ и грушъ, на томъ основаніи, что, на тумъ свѣцѣ, якъ Бугъ будзе раздаваць на Спаса яблоки, то тому дзицяци, котораго маці ѣла до Спаса яблоки, не дастъ, а скаже ему: «на тоби хѣйку, твое яблоко свинья (подразумѣвается мать) зѣѣла».

Ж) Праздники.

Есть на свѣцѣ два Юрья и ободва дурни,—одинъ—холодный (26 ноября), а другой голодный (23 апрѣля).

Дзѣды бываютъ постные и скоромные (3 и 4 ноября «задушные дни»).

На постные дзѣды крестьяне варятъ слѣдующія кушанья: горохъ (обязательно), квасъ съ грибами, рыбой и кашу какую-нибудь. При этомъ горохъ варится непременно безъ соли, а почему?—не допытался. «Такъ дзѣды наши робили» отвѣчаютъ. Вечеромъ столъ покрывается «настольницей» (скатертью), на которую непременно кладется хлѣбъ и ставится горохъ. Хозяинъ съ домочадцами, окружившими столъ, молятся Богу; каждый читаетъ про себя молитвы какія знаетъ. Помолившись Богу, хозяинъ беретъ ложку, перекрестить ею горохъ въ мискѣ, и почерпнувъ, выливаетъ первую ложку на столъ.—«Это для дзѣдовъ», другіе въ это время стоятъ возлѣ стола или же сидятъ. Послѣ хозяина каждый старѣйшій въ домѣ продѣлываетъ надъ горохомъ тоже самое и затѣмъ начинаютъ кушать. Первую ложку гороху всѣ съѣдаютъ безъ соли, а потомъ уже солятъ. Крестятъ ложкой и

другія кушанья, которыя варятся уже съ солью, и отливаютъ для дѣдовъ. Поѣвши, всѣ опять молятся Богу про себя и, не убравъ ничего со стола, отходятъ отъ него, оставляя на немъ все для дѣдовъ. Рассказываютъ, что одинъ хозяинъ убравъ со стола остатки кушаньевъ, «такъ дѣды ночью пришли зъ того свѣта и, не нашоуши ничего на столѣ, поперекидали вси лавки ў хацѣ и стукали ўсю ночь». Прежде для дѣдовъ ставили на окнахъ водку въ бутылкахъ, но такъ какъ этимъ молодежь злоупотребляла и выпивала водку, то теперь этого уже не дѣлаютъ. Прежде еще такъ дѣлали: садясь за столъ, оставляли отворенную дверь, чтобы дѣды свободно могли войти въ хату, на вечеру».

Въ одномъ селѣ была такая баба, которая могла видѣть души входящихъ на дѣды на вечеру. Кто желалъ знать будутъ-ли какіе дѣды на вечерѣ, то приглашалъ обыкновенно эту бабу къ себѣ на дѣды. Вотъ что еще на дѣды дѣлали: вѣшали «на покуци» (самый важный уголъ въ домѣ, гдѣ икона виситъ) «ручникъ» (утиральникъ) чистый и хорошій для дѣдовъ. (Есть еще у крестьянъ «скарать», это полотенце безъ бахромы).

Позванная однимъ хозяиномъ выше упомянутая баба видѣла какъ входили въ хату дѣды, умывали руки, утирали ручникомъ и вечеряли. При этомъ каждый изъ нихъ несъ на себѣ ту вещь, которую кому случилось при жизни уворовать, одинъ изъ нихъ несъ на себѣ борону и, зацѣпившись ею въ дверяхъ, не могъ войти. Баба увидѣла его напрасныя усилія, засмѣялась и видѣніе сразу прекратилось. И съ той поры баба эта утратила способность видѣть умершихъ дѣдовъ. Когда баба рассказала про видѣннаго ею дѣда съ бороной, то сейчасъ и вспомнили, что умершій отецъ хозяина при жизни своей дѣйствительно укралъ борону и порѣшили, что это никто иной, какъ онъ таскается и будетъ таскаться съ бороной.

На скромные дѣды обряды тѣже, только кушанья приготавливаются въ большемъ количествѣ. Пекутъ изъ гречневой муки (или житней и проч. какую кто имѣетъ) «млиницы» (блинцы). Къ нимъ пекутъ сало, варятъ мясо, капусту съ мясомъ, крупникъ,

кашу и проч. (кушаній какъ можно побольше, кто сколько жа-
лаеть).

Наваривши много разныхъ блюдъ, вечеромъ всетаки на-
передъ ставятъ на застланнй столъ постный горохъ, сварен-
ный наново и молятся Богу. Помолившись, снимають горохъ,
не кушавши его, и ставятъ на столъ сало, а млинцы кладутъ
прямо на «настолиницу». Хозяинъ наливаетъ стаканъ водки и
говорить: «Дай имъ (дѣдамъ и всѣмъ умершимъ въ его родѣ)
Богъ на томъ свѣцѣ Царство Небесное и «душечки» лѣгенько, и
намъ дай Богъ здоровымъ пожиць на свѣцѣ и зарокъ просады».
— Дай Боже, дай Боже! говорятъ всѣ, находящіеся у стола.

Выпивши по чаркѣ водки, кушаютъ «млинцы», обмакивая въ
сало. Послѣ «млинцевъ» ставятъ на столъ опять горохъ и куша-
ють его, попробовавши, по одной ложкѣ, безъ соли, а послѣ гороха
ѣдятъ и остальные блюда, запивая ихъ водкой. «Дѣды — гѣто
такое свято, що ни сѣсци, ни легчи» (говорять обыкновенно).
т. е. праздникъ обжорства.

Все это про дѣды записано мною въ с. Любимичахъ
(28 верстъ отъ Житлина), со словъ церковнаго старосты и
тамошнихъ крестьянъ.

Повѣрье, что покойники приходятъ съ того свѣта на дѣды
въ гости и что уворованное при жизни носятъ послѣ смерти съ
собою, существуетъ и въ Пружанскомъ уѣздѣ.

Въ деревнѣ Олешковичи, Пружанскаго уѣзда, по разсказу
одной тамошней старухи, въ одномъ семействѣ былъ глухонѣмой
7-ми лѣтній мальчикъ. Онъ не ходилъ, его носили на рукахъ и
кормили какъ маленькаго ребенка. Онъ къ окружающимъ отно-
сился совершенно безразлично, апатично. Никто не видѣлъ даже
улыбки на его устахъ. Если баба его накормить, то хорошо, а
не накормить, то и безъ пищи можетъ прожить хотя-бы и нѣ-
сколько сутокъ. Если баба посадить его гдѣ-нибудь или поло-
жить, то въ такомъ положеніи безъ всякаго протеста онъ могъ
пробыть хотя-бы и цѣлые сутки, не измѣняя приданнаго ему
положенія. На дѣды баба посадила его на «припечку», а сама

тутъ же сажала въ печь пироги. Вдругъ мальчикъ громко разсмѣялся. Всѣхъ домашнихъ это удивило. Замѣтивши чрезвычайно веселое и оживленное лицо, они стали спрашивать мальчика о причинѣ смѣха и онъ разсказалъ, что видѣлъ много людей входящихъ въ домъ. Дѣти входили веселыми, а пожилые по большей части угрюмые, а одинъ старикъ держалъ въ зубахъ раскрашенную русскую дугу. Это и послужило поводомъ къ его смѣху. Черезъ три дня послѣ этого мальчикъ умеръ. Стали припоминать хозяева своихъ дѣдовъ и оказалось, что дѣдъ хозяина при жизни своей укралъ въ Слонимѣ такую же дугу, какую мальчикъ видѣлъ въ зубахъ старика. Ну и порѣшили, что это съ дугой въ зубахъ былъ никто другой, какъ дѣдъ хозяина.

Обыкновенно человѣку завѣдомо уворовавшему что-нибудь: и не сознающемуся въ воровствѣ, говорятъ «На томъ свѣцѣ ты мнѣ въ зубахъ принесешь.» Такъ и у насъ въ Житлинѣ говорятъ.

«Куця».

24-го декабря — канунъ Рождества Христова собственно не празднуется, а отличается онъ отъ прочихъ дней своею особенною «вечерею».

Благочестивые христіане готовятъ себя къ этой вечерѣ «щиримъ постомъ», то есть въ продолженіи дня ничего не ѣдятъ и не пьютъ до вечерней зари. Это, впрочемъ, чуть-ли не католическій обычай, перешедшій и къ православнымъ. — Съ наступленіемъ вечерней зари прибираются къ ужину. На столъ кладутъ сѣно и поверхъ сѣна стелютъ скатерть. Сѣно кладется на столъ отчасти въ воспоминаніе того, что когда Іисусъ Христосъ родился въ пещерѣ, то былъ посаженъ въ ясляхъ, а отчасти и для того, чтобы погадать на немъ о величинѣ льна будущаго лѣта. На столъ ставятъ «квасъ съ рыбою и козляками» (кислый супъ съ рыбой и разнородными сушеными грибами).

«Козляки» это разнородные грибы: масленики, сыроѣшки и проч. (только не боровики). Кутью съ маковой сладкой сытой,

селедки, овсяный кисель съ сладкой медовой водой и дикія груши варенныя.

Все это ставится на столъ не сразу, а исподволь, блюдо за блюдомъ. Предъ вечерю всѣ вмѣстѣ, обступивши столъ, молятся Богу и, вооружившись деревянными ложками, начинаютъ вечерять. Повечерявши, продолжаютъ нѣкоторое время сидѣть за столомъ и вытягиваютъ въ это время изъ подъ скатерти назадъ сѣно. По величинѣ сухой травки, попавшей въ руки, вытягивающей судить о величинѣ льна, который зародится у него будущимъ лѣтомъ. Потомъ опять молятся Богу и отправляются спать.

Сѣно со стола, связанное въ пучкѣ, сохраняется до купя предъ Крещеніемъ Господнимъ. Въ этотъ день опять растялаютъ его на столъ, вечеряютъ на немъ, а на утро, въ день Крещенія освящаютъ водою, освященною наканунѣ Крещенія и раздѣливши его на части, по числу наличнаго скота, отдаютъ его ему на сѣденье. Это продѣлываетъ обыкновенно хозяинъ. Нѣкоторые-же часть этого сѣна сохраняютъ до весны и кладутъ въ гнѣздо подъ гусынь насѣдокъ, у кого онѣ есть. Это для того, чтобы малыхъ гусятъ ворона не хватала.

Самый день Рождества Христова проходитъ тихо, спокойно. Только вечеромъ «колядники», ходя со звѣздою по деревнямъ, славятъ Христа громкими пѣснями изъ «Богогласника», получая за это куски хлѣба, сала и деньги. На второй день Рождества Христова молодежь устраиваетъ «игрища». Парни и дѣвки собираются обыкновенно въ просторную хату, нанимаютъ доморощеннаго музыканта со скрипкой и гуляютъ цѣлую ночь напролетъ. Тутъ ужъ угощеніе общее. Но преимущественно дѣвки сообщая на свои деньги угощаютъ парней пивомъ и водкой. Хотя нѣкоторые парни и оплачиваютъ дѣвушкамъ взаимно такимъ же угощеніемъ, но почему-то въ этотъ день преимущественно дѣвки завѣдываютъ угощеніемъ. На этихъ игрищахъ танцуютъ «казака», «польку», поютъ пѣсни и проч.

До «водохрища» (Крещенія Господня 6-го янв.) не всякую работу можно дѣлать по понятію нашихъ крестьянъ. Такъ поло-

жительно нельзя дѣлать того, что приходится вертѣть-молоть, прясть... Также нельзя лаптей плести, гнуть ободы, дуги и проч. А почему нельзя? На это у нихъ своеобразныя объясненія всегда готовы. Нельзя, напримѣръ, гнуть потому, что это отразится на приплодѣ отъ коровъ, овецъ или-же свиней, т. е. или телята будутъ какія-нибудь криволапыя, или ягнята съ пригнутыми ногами къ животу и проч. Прясть нельзя потому, что когда баба прядетъ, то смочить нитку. Отъ этого волы будутъ *пшиить*, когда мужикъ выйдетъ пахать поле. Молотить можно, а подсѣвать зерна нельзя. Это тоже будто бы отражается на приплодѣ отъ домашнихъ животныхъ. Такъ, по разсказу одного крестьянина с. Любищицъ, одна баба подсѣвала въ эти недозволенные дни зерно и когда у нея опоросилась свинья, то поросята нѣсколько дней сряду кружились, сбиваясь въ кучу, на подобіе того, какъ кружится зерно въ рѣшетѣ при подсѣваніи, и закружившись всѣ вмѣстѣ, вдругъ разомъ подскакивали нѣсколько разъ. Такъ онѣ кружились пока всѣ не пропали.

Одна баба во время святокъ что-то вертѣла, такъ у нея изъ-подъ насѣдки весной вышли цыплята всѣ съ вывороченными ножками.

Шить нельзя. Одна баба на святкахъ шила, такъ овца будто-бы привела ей ягненка, у котораго зашитъ былъ задній проходъ, такъ что пришлось прибѣгнуть къ операціи ягненка.

Съ 24-го декабря по 6-ое января (до водохрища) наши крестьяне по вечерамъ положительно ничего не дѣлаютъ. «Это святые вечера», говорятъ они обыкновенно.

Канунъ новаго года называется у нашихъ крестьянъ «богатой колядой». Въ этотъ день подъ вечеръ крестьяне ломаютъ вѣтки сухого дуба съ листьями (глухой дубъ) и затыкаютъ ихъ снаружи и внутри во всѣхъ своихъ постройкахъ. Это для того, чтобы въ хозяйствѣ въ теченіе наступающаго года было все крѣпко какъ дубъ.

5-го января «постная коляда». До освященія воды въ этотъ день обыкновенно крестьяне ничего не ѣдятъ, а попробовавши св. воды, кушаютъ такія-же блюда, какъ и на купю.

Канунъ новаго года («богатая коляда») у нашихъ крестьянъ проходитъ въ хлопотахъ о завтрашнемъ днѣ. Хозяева стараются заготовить кормъ («трясянку») для скота на слѣдующій день, чтобы въ день новаго года быть свободнымъ отъ этого. Хозяйки чистятъ хаты, соскабливаютъ со стѣнъ копотъ, накопившуюся въ курныхъ хатахъ отъ дыму, моютъ «лавы» (скамьи), посуду и всему стараются придать болѣе или менѣе обновленный видъ. Вечеромъ, наломавши вѣтокъ дуба съ сухими листьями (есть порода дуба, на которомъ сухіе листья держатся всю зиму, крестьяне называютъ эту породу дуба «глухимъ дубомъ»), хозяинъ или же его взрослые дѣти втыкаютъ эти вѣтки дуба въ стѣны хатъ, хлѣвовъ (снаружи и внутри), гуменъ и проч. Все это дѣлается для того, какъ они объясняютъ, чтобы въ теченіе наступающаго года все было крѣпко какъ дубъ. Въ самый день новаго года каждый изъ домашнихъ обитателей старается первымъ встать и принести ведро воды. Кому это удастся, то тотъ въ теченіе года будетъ имѣть «рухъ» т. е. подвижность, живость, бодрость, энергію. Въ принесенное ведро воды самъ принесшій или кто-нибудь изъ домашнихъ бросаетъ нѣсколько копеекъ денегъ (3 — 5 к.) и деньги эти лежатъ въ ведрѣ до тѣхъ поръ, пока домашніе не разберутъ съ него всей воды на свои нужды: помыться, налить горшки и проч. Потомъ деньги эти вынимаетъ изъ ведра хозяинъ или кто-нибудь изъ домашнихъ по его порученію и несетъ обязательно въ церковь. Здѣсь на эти деньги онъ покупаетъ и ставитъ предъ образомъ свѣчу или-же опускаетъ ихъ въ какую-нибудь церковную кружку. Что это за обычай и что онъ означаетъ? не удалось мнѣ узнать. «Такъ наши дѣды робили, такъ и мы робимо» отвѣчаютъ крестьяне въ данномъ случаѣ.

5-го января («постная коляда») каждый домохозяинъ старается запастись освященною водою. Вечеромъ, когда хозяйка на столъ, покрытый сѣномъ и скатертью, поставитъ кутью и горохъ, хозяинъ, взявши миску, кладетъ въ нее 3 ложки куты и столько-же варенаго гороху, а поверхъ этого кладетъ маленькую булочку («бондочку») хлѣба и съ этимъ добромъ и св. водою

обходить снаружи домъ и другія постройки. Начинается такимъ образомъ церемонія освященія хозяиномъ своихъ построекъ. Хлѣбъ въ этой церемоніи, положенный въ мискѣ поверхъ кутьи и гороха, означаетъ то, что онъ самый важный и необходимый предметъ въ хозяйствѣ, выше всѣхъ прочихъ пищевыхъ продуктовъ; кутья означаетъ довольство въ хозяйствѣ, достатокъ, а горохъ, какъ принадлежность кутьи. Кромѣ этого, три эти вещи, положенныя въ одномъ вмѣстилищѣ, означаютъ, по ихъ понятію, троячность лицъ Божества. Окропляя крестообразно св. водою наружныя стѣны дома и другихъ построекъ, хозяинъ пишетъ мѣломъ на этихъ стѣнахъ кресты, въ особенности-же возлѣ оконъ своей хаты и на дверяхъ. За неимѣніемъ мѣла, хозяинъ нацарапываетъ кресты ножомъ. Обхождение со св. водою построекъ дѣлается по солнцу. Освятивши снаружи постройки, хозяинъ входитъ въ хату и, затворивши за собою двери, окропляетъ и ее св. водою и бросаетъ три раза вареный горохъ (сѣетъ). Горохъ разлетается по всѣмъ направленіямъ, попадая на столъ, на «лавы», на окна и въ особенности въ наставленные «пелены» домашнихъ. («Пелены» — это подолъ рубахи у дѣтей, придерживаемый руками, а у женщинъ — передники или-же нижняя часть юбки, тоже придерживаемая руками). Горохъ сыплется въ хатѣ въ знакъ того, чтобы въ домѣ было изобиліе, а попавшій въ «пелены», служить примѣтой обильнаго приплода отъ овецъ. Горохъ, оставшійся въ мискѣ, отдають на слѣдующій день курамъ съ особой церемоніей. Кладутъ на полъ обручъ, на площадь, занимаемую имъ, сыплютъ горохъ и тогда уже позволяютъ курамъ ѣсть. Это дѣлается для того, чтобы куры лѣтомъ всегда были вмѣстѣ. Впрочемъ это послѣднее продѣлывается только въ 2-хъ деревняхъ моего прихода. Что-же касается церемоніи освященія построекъ, то она съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями практикуется какъ въ Слонимскомъ уѣздѣ, такъ и въ другихъ уѣздахъ. Такъ въ Любищицахъ, въ 30 верстахъ отъ Житлина, холодныя постройки освящаютъ хозяева 6-го января и когда хозяинъ въ сопровожденіи сына входитъ въ гумно, то

сынъ спрашиваетъ «повно»? «Повно», отвѣчаетъ отецъ, хотя-бы въ гумнѣ ни снопа не было. Въ Кобринскомъ уѣздѣ, когда хозяинъ освящаетъ вечеромъ (5-го янв.) свою хату снаружи, хозяйка въ хатѣ спрашиваетъ: «Хто тамъ ходытъ?» «Самъ Бугъ ходытъ», отвѣчаетъ хозяинъ. «А що онъ робытъ?» «Жито родытъ», слѣдуетъ отвѣтъ. По окончаніи освященія построекъ, хозяинъ и его семейство помолятся, стоя возлѣ стола, Богу и принимаются за ужинъ. Сѣно со стола 6-го янв. утромъ отдаютъ скоту, удѣляя по немножку каждой штукѣ.

6-го января въ день Крещенія Господня каждый домохозяинъ старается запастись освященною водою. Гдѣ-бы ни освящалась вода, на озерѣ-ли, на рѣкѣ, или въ колодцѣ—масса народу съ кувшинами, бутылками или другой какой-нибудь посудой шествуютъ за св. иконами на Иорданъ и какъ только священникъ погрузитъ троекратно крестъ въ водѣ, всѣ устремляются за освященной водою. Набравши воды, отпиваютъ по три глотка и несутъ ее по домамъ. Крещенскую воду крестьяне сохраняютъ круглый годъ и освящаютъ ею скотъ, выгоня изъ хлѣбовъ весною въ первый разъ на пастбище, освящаютъ ею первые снопы, привезенные съ поля въ гумно, пьютъ ее и «мажутся» ею въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ и проч.

2-го февраля, на Срѣтеніе Господне, крестьяне приносятъ въ храмъ восковыя свѣчи для освященія или покупаютъ въ храмѣ освященныя въ этотъ день. Свѣчи эти слывуть у нихъ подъ названіемъ «громничныхъ» и сохраняются у нихъ въ теченіе года. Даже самый праздникъ Срѣтенія Господня у нихъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ «громницъ». «Громничною» свѣчою, принесенною изъ церкви, хозяинъ въ тотъ-же день обжигаетъ по немножку крестообразно волосы на головахъ своихъ домашнихъ. Это для того, чтобы головы не болѣли и чтобы грозы не боялись. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ кромѣ этого, еще копотью зажженной «громничной» свѣчи изображаютъ кресты надъ дверями при входѣ въ «хату» и на потолокъ. Крестьяне вѣрятъ, что громничная свѣча «помощна отъ грома» и лѣтомъ во время силь-

ной грозы крестьяне жгутъ эти свѣчи у себя по домамъ. Кромѣ этого умирающему даютъ зажженную «громническую свѣчу» въ руки и жгутъ эту свѣчу даже во время отпѣванія на дому покойника.

На масляной недѣлѣ у нашихъ крестьянъ не бываетъ никакихъ ни гуляній, ни катаній, словомъ, ничего такого, чтобы рѣзко выдѣляло эту недѣлю изъ ряда другихъ недѣль. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на масляной пекутъ блины, но не празднуютъ ни одного дня. Только въ с. Споровѣ, Кобринскаго уѣзда существуетъ довольно комичный обычай чествовать на масляной недѣлѣ бабу. Это чествованіе происходитъ въ «тлустый четвергъ». «Внуки» собираются толпой къ своей бабѣ (женщины-родильницы, у которыхъ баба принимала дѣтей при ихъ рожденіи по отношенію къ этой бабѣ называются внуками) торжественно выводятъ ее изъ хаты, сажаютъ на сани и сами возятъ, катаютъ ее по селу съ шумомъ, хохотомъ и пѣснями. Баба не только не обижается на нихъ за это, но считаетъ это себѣ за великую честь и гордится этимъ почетомъ. Покатавши бабу по селу, везутъ ее въ корчму, на угощеніе. Тамъ, помимо обильной выпивки, при которой высказываются бабѣ разныя благожеланія, и разныхъ закусокъ, обязательно варятъ еще «селянку». «Селянка» готовится такъ: въ горшокъ наливаютъ сметаны, кладутъ масло и варятъ на огнѣ, помѣшивая пока не соединится сметана съ масломъ. Потомъ наливаютъ въ миску, крошатъ еще туда немного подсохшій сыръ и «селянка» готова. Угостившись въ корчмѣ на славу, внуки бабу опять сажаютъ на сани и тѣмъ-же порядкомъ водворяютъ ее по мѣсту жительства. Этотъ странный обычай, кажется существуетъ только въ одномъ с. Споровѣ. Въ другихъ селахъ и деревняхъ ничего подобнаго не бываетъ.

Заговинны передъ Великимъ постомъ сопровождаются обильной выпивкой и шумнымъ препровожденіемъ времени. Многіе крестьяне даютъ «зарокъ» не пить въ теченіе поста водки, нѣкоторые изъ крестьянъ, а въ особенности-же изъ крестьянокъ, даютъ обѣтъ поститься по средамъ и пятницамъ Великаго поста

«щирымъ постомъ», то есть ничего не пить и не ѣсть по этимъ днямъ до вечерней зари. Эти обѣты и «зароки», къ чести ихъ нужно сказать, выполняются ими свято и нерушимо.

Въ понедѣльникъ, первый день Великаго поста, у насъ еще и до сихъ поръ въ ходу «полоскозубъ». Крестьяне ранехонько собираются въ этотъ день въ кабакъ и тамъ пьянствуютъ. Кромѣ этого въ селѣ Гоцевѣ въ этотъ же день въ ходу довольно оригинальный обычай. Парни, собравшись гурьбой, берутъ ступу, въ которой обыкновенно толкутъ кутю, обвязываютъ нижнюю часть ея веревкой и таскаютъ ее по улицѣ. Поровнявшись съ домомъ, гдѣ есть совершеннолѣтняя дѣвушка-невѣста, заходятъ туда, ставятъ среди хаты ступу и тамъ среди шутокъ и смѣха стараются захватить какую-нибудь вещь, принадлежащую дѣвушкѣ: платокъ, башмаки, поясъ, свитку и проч. Совершивъ такой захватъ («грабежъ»), кладутъ его на ступу и продолжаютъ свой хищническій со ступой набѣгъ въ такомъ же родѣ на другіе дома съ невѣстами. Ступа эта служитъ какъ бы укоромъ дѣвушкамъ, невышедшимъ замужъ, въ истекшее мясо-ястіе, когда у насъ, по преимуществу, бываютъ браки. Подобный же обычай мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ (въ Варшавѣ, Гроднѣ. Тамъ въ этотъ же день молодые люди на улицѣ незамѣтно подвѣшиваютъ на булавахъ сзади къ платью барышнямъ колодочки, куклы и проч.). Собравши порядочно разныхъ «дѣвоцкихъ» вещей, «грабежей», парни несутъ ихъ въ кабакъ и туда являются дѣвушки выкупать свои вещи. Деньги, вырученныя парнями за «грабежи», идутъ на общее угощеніе. Тутъ бываетъ попойка, шумъ, гамъ и танцы. Въ этомъ году случилось такое происшествіе, которое, пожалуй, уничтожитъ этотъ обычай. Во время попойки четыре парня втащили одну красивую дѣвушку въ отдѣльную комнату и тамъ изнасиловали ее. Отецъ свезъ ее къ доктору и навелъ слѣдствіе. Слѣдователь произвелъ на мѣстѣ происшествія дознаніе и этихъ четверыхъ виновныхъ отправилъ до суда въ полицію.

9-го марта (св. 40 мучениковъ) крестьяне не празднуютъ.

но отличаютъ этотъ день отъ прочихъ тѣмъ, что варятъ 40 галушекъ и пекутъ изъ ржаного тѣста бороны, сохи и «бон-дочки» (булочки хлѣба), на которыхъ дѣлаютъ украшенія изъ того же тѣста. Все это отдается дѣтямъ на забаву и служить имъ какъ бы намекомъ на то, что мужикъ съ малыхъ лѣтъ долженъ свыкаться съ земледѣльческимъ трудомъ и знать свою бороны и соху.

Въ недѣлю Вайй, возвратившись съ освященною вербою изъ храма, хозяинъ ударяетъ слегка этою вербою по нѣсколько разъ каждое свое дитя, приговаривая: «не я бью, верба бьетъ: за тыждень Великъ дзень; будь здоровъ, якъ вода; росси, якъ верба» и проч. въ этомъ родѣ. Освященною вербою пастухъ первый разъ выгоняетъ скотъ изъ хлѣвовъ на пастбище и крестьяне хранятъ ее въ теченіе года какъ святыню.

Праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы у нашихъ крестьянъ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовывается. Запоминаютъ только крестьяне въ какой день недѣли бываетъ этотъ праздникъ и когда начинаютъ уборку хлѣбовъ съ полей, то первый возъ сноповъ стараются привезти въ гумно въ тотъ именно день недѣли, въ который было Благовѣщеніе. Когда сбрасываютъ эти снопы и складываютъ въ гумно, то при этомъ ничего не говорятъ. Это для того, чтобы мыши не заводились въ гумнѣ и не ѣли добра. У пчеловодовъ относительно Благовѣщенія существуетъ такая примѣта. За сколько времени до Благовѣщенія пчелы вылетятъ изъ ульевъ, столько же времени послѣ Благовѣщенія придется имъ отсидѣть въ ульяхъ. У охотниковъ существуетъ повѣрье такого рода. Если выстрѣлить въ этотъ день изъ ружья, то оно не пригодно будетъ для охоты: будетъ «свѣжить», т. е. не будетъ убивать на мѣстѣ дичи, выстрѣлы изъ него не будутъ имѣть моментальнаго смертельнаго исхода, а если дичь и падетъ гдѣ-нибудь далеко отъ мѣста выстрѣла, то охотникъ не воспользуется ею.

Сообщ. въ 1897 г. свящ. Житлинской церкви С. М. Демьяновичемъ.

ОБРЯДНОСТЬ КРЕСТИНЪ.

а) Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, Михалковской волости, мѣстечка
Ельска.

Часто случалось мнѣ быть воспріемницей у крестьянъ, но никакихъ обрядностей при этомъ я не встрѣчала, а по пріѣздѣ моемъ въ Ельскъ я услышала, что тутъ существуютъ особые обряды на крестинахъ. Я разспрашивала у многихъ старухъ, но онѣ рассказывали мнѣ сбивчиво и непонятно, поэтому мнѣ нужно было видѣть самой эти обрядности, но это мнѣ долго не удавалось. А, наконецъ, въ одинъ день, около часу второго вошла ко мнѣ незнакомая старуха крестьянка и сказала: «Дзень добры, паненце!»—Здорово, голубушка, что доброе скажешь?— «Ўсе, доброе, панначко. Будзь ласкова, не погардуй (не превебреги) перехрысьциць мойго ўнучка» (перекрестить моего внука).— «Хорошо, бабушка; отъ креста никто не отказывается, да вотъ бѣда, бабушка, — обрядностей вашихъ не знаю. — «Коли не погардуешъ, то наўчимъ». — Что-же, бабушка, нужно къ этому. расскажи? — «А отъ, панначко, озьмі бѹлачку (каравайчикъ) хлѣба, дробокъ (комокъ) соли и полотна на рукава (т. е. столько холста, чтобы съ него вышли рукава) да трохи осьмаковъ т. е. немного денегъ. — Сколько-жъ, бабушка, грошай треба? — «А якъ твоя спромѹга (состояніе), озьми съ гривнянку — поцалувать куму, да шестака (3 копейки) бабѣ на кашу. Да коли хочашъ ўсѣ наши мужицкіе порядки рабиць, то скажи зварить гѹрщикъ (горшокъ) каши. Да тольки, панначко, будзь ласкава не, обавляйся (не медли).» — «Я, бабушка, не буду медлять — иду съ тобою вмѣстѣ.» — Идя дорогой, я спросила: «Что-же мнѣ, бабушка, дѣлать и говорить, когда я приду въ избу?» — Хлѣбъ и соль положи на столѣ, да и, скажи; нехай (пусть) же доброе вядзецце! дай кумѣ (родильницѣ) гривнянку — тогда уже будземъ собираць несѣци дзипя хрысьциць; тольки

прошу тебе, пánначко, якъ будзешъ несъци дзиця хрысьціць, то не говари съ кúмамъ! — «А это, бабушка, почему?» — «А дзеля того, штобъ дзиця ни було крикливэе». — «Хорошо, я буду молчать». Когда я пришла въ избу, было нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ, приглашенныхъ гостей. Положивъ хлѣбъ-соль и передавъ кумѣ 50 копеекъ, я замѣтила, что кума смутилась; причина смущенія пока мнѣ оставалась неизвѣстною, а впоследствии, я узнала, что она смутилась оттого, что ей приходилось давать подарокъ, соответственный деньгамъ. У крестьянъ, обыкновенно, дается въ подарокъ наметка (узкій кусок холста, по краямъ затканый красными полосками). — Собрались скоро и надо было отправляться на домъ къ священнику. Тогда баба, такъ называемая, повитуха, вывела меня за руку на крыльцо и передала мнѣ въ карманъ маленькій узелочекъ, завязанный въ тряпку, со словами: «Гляdzi-жь, пánначко, гáтый вúзликъ выкинь на крыжовыхъ дорогахъ» (на перекресткѣ). — «Что-же, бабушка, въ этомъ узелкѣ?» — «Ўсякая пáшня (сѣмена зернового хлѣба), печина (глина, вынутая изъ печи), и соль». — «На что-же, бабушка, это бросать?» — «Отъ дзеля того, штобъ ни было лихой стрѣчи» (чтобы что не приключилось отъ дурного глаза). — По совершеніи обряда крещенія, принеши дитя въ избу, я передала его родильницѣ. Въ это время столъ былъ уже накрытъ, на немъ лежало нѣсколько короваевъ хлѣба, принесенныхъ гостями и стояла большая бутылка водки. Меня и воспріемника съ почетомъ посадили на первыя мѣста, а старикъ хозяинъ, дѣдъ новорожденного, взялъ рюмку и, наливая ее, сказалъ: «Бóа, баславí! (Боже, благослови)». Налилъ рюмку водки, выпилъ самъ, а остатки вылилъ вверхъ со словами: «Дай-же, Бóа, штобъ нашъ ўнукъ великъ росъ!» И положилъ копейку въ рюмку, налил ее водкой и передалъ воспріемнику. Тотъ принялъ рюмку, произнесъ тѣ-же слова, что и старикъ, выпилъ рюмку, вынулъ оттуда копейку, выплеснулъ остатки вверхъ, сказавъ: «штобъ нашъ хрыщенникъ (крестникъ) такъ высоко скакаў» и передалъ рюмку старику. Старикъ положилъ въ рюмку серебряный гривенникъ,

налилъ ее водкой и передалъ мнѣ. Я попросила женщину, сидѣвшую подлѣ меня, выпить эту водку; она выпила, вынула гривенникъ, передала его мнѣ вмѣстѣ съ рюмкой и съ оставшейся въ ней водкой. Я въ свою очередь также выплеснула водку вверхъ и сказала: «Чтобъ нашъ крестникъ, такъ высоко скакалъ» тогда начали водкою угощать всѣхъ гостей, только не бросая уже въ рюмку денегъ. Передача-же рюмокъ съ деньгами восприѣмникамъ называется «перепиваць кумовъ». Мужчины и женщины пили водки много, но пьяными не были, что меня, признаться, очень удивило. Послѣ выпивки начался обѣдъ. Кушанья обыкновенныя на крестинахъ: «квасъ» (кислый супъ изъ поросенка), «млиныцы» (блины, «ўзваръ» т. е. сушеные плоды, варенные съ черникой ягодою), а послѣ всего этого поставили горшокъ съ кашей. Это была бабина каша. Тогда баба подошла къ столу и обратилась къ восприѣмнику съ такою рѣчью: «Кумочекъ, голубочекъ, соловейко, прохаю (прошу) цябе, не би мойго горшка, бо ёнъ-жа у мяне не прѣстый, а сребный съ золотыми бережками, да-й не тутъ купованый, я-жъ за имъ ѣздила въ Альвово.» (городъ Львовъ). Кумъ отвѣчалъ иронически: «Бабко! ты вжо стара, трохи слѣпа, не добачишь, гѣто-жъ горшокъ глиняный да й той расколатый.» Баба отвѣчала: «Ты, куме, попьянъ (навеселѣ) то и не бачишь!» — «Я хоць и попьянъ, алежъ ўсе-таки бачу, што гѣто черапъ, а не сребный, а коли сребный, то ёнъ не разабѣцце» и съ этими словами съ размаху ударилъ горшокъ о столъ. Горшокъ разлетѣлся въ дребезги. Тутъ со всѣхъ сторонъ посыпались шутки: «Але-жъ ты, куме, добре бьешъ горшки, кабъ ты такъ бивъ цѣпамъ да косою». Онъ отвѣчалъ: — «Я майскеръ на ўсе, а подъ часть, якъ пьяный съ каршмы приду, то и жонцы ўсѣ горшки пирабую!» — Тогда баба поставила тарелочку, положила на нее копейку и начала всѣмъ гостямъ раздавать по ложкѣ каши. Всякій рукою бралъ кашу съ ложки, а въ ложку клалъ копейку. Собравъ отъ всѣхъ деньги и положивъ ложку каши, она передала ее съ тарелкой родильницѣ. Вслѣдъ за этимъ поставили на столъ мою (т. е. восприѣмницы)

кашу, но моя каша не была въ горшкѣ, а въ кострюлѣ. Тогда баба сказала куму: «Эгэ, куме, хоць-жа ты здороў, якъ мядзь-ведзь, да гэтаго горшка не укусишь.» Послѣ этого баба одѣляла всѣхъ присутствующихъ кашею, но денегъ за это уже никто не платилъ. Поставили на столъ еще третій горшокъ, это была, «кумова» каша. При этомъ баба сказала: «Ты-жъ горшки ўсѣ біў, попробуй-жа свойго разбиць.» — «Эгэ, бабко, якая ты разумная добре, што я й твойго разбіў, а еще буду свойго биць!» — Когда съѣли «кумову» кашу, встали изъ-за стола полухмельные, и между бабами началось совѣщанье: «коли робиць змурки, бо завтра кума-паненка не прйдзе къ намъ, ей конче (непремѣнно) треба промыць вочи». (Змурками называется смываніе святаго мѹра, которымъ былъ помазанъ ребенокъ при крещеніи, иначе еще называютъ *злизки*). Баба взяла чашку и держа на рукахъ раздѣтаго ребенка, облила его водою. Отецъ дитяти принесъ 9 вѣточекъ съ листками. Если-же «змурки» бывають зимою, то нужно, чтобы вѣточки были взяты хоть съ стараго вѣника, да только, чтобы были съ листьями. Положили вѣточки въ чашку (9 вѣточекъ берется потому, чтобъ новорожденный достигъ 90 лѣтъ). Столъ покрыли чистою скатертью, на столѣ поставили чашку съ вѣтками и такую же другую съ сладкою водкою и была положена хлѣбъ-соль. Тогда баба первую подвела меня къ столу подъ руку и сказала: «промый-же, панначко, вочи и руки, штобъ твои вочи не болѣли.» Но я сказала, что мои очи очень еще хорошо видятъ, а руки окунула въ воду. Послѣ этого мнѣ дали рюмку и ложку, я налила рюмку водкою посредствомъ ложки и сказала, что пить ее не могу, тогда бабы приступили ко мнѣ съ особою просьбою: «панначко, пралехначко, (ласкательное слово) пропи хоць одну чарочку, гэта-жъ солодка!» Когда я отказалась отъ водки, то видимо, бабы были этимъ огорчены, а нѣкоторые въ полголоса произнесли: «отъ же гардая (гордая) кума!» Тогда все семейство по очереди подходили къ чашкѣ, мыли руки и лице, воображая, что смытое мѹро даетъ необыкновенно цѣлебную силу, и пили водку. Послѣ хозяевъ

ПОДХОДИЛИ ТАКИМЪ-ЖЕ ПОРЯДКОМЪ ГОСТИ, ВЫПИВАЛИ ВСЮ ВОДКУ И, ВИДИМО, ВСѢ ОХМЕЛѢЛИ. ТУТЪ МЕНЯ СЪ «КУМОМЪ» ПОСАДИЛИ НА ПОЧЕТНОЕ МѢСТО, ПОДГѢ МЕНЯ ЕЩЕ СѢЛА БАБА-ПОВИТУХА, А ПОДГѢ НЕЯ ОДНА ЖЕНЩИНА, УМѢВШАЯ ПѢТЬ КРЕСТИННЫЯ ПѢСНИ, КОИМИ Я ДОЛЖНА БЫЛА ОТВѢЧАТЬ «КУМУ», ПО ЗВАНІЮ «КУМЫ».

Прежде всѣхъ начала пѣть баба:

1.

«Ў нядзёлю ранэсенько,
«Бѣжиць Иванъ къ своей бабу́сенькѣ.
«Бабусенька догадалася,
«Въ одзінъ чобать обувалася;
«Бѣжиць яна боса и безъ пояса,
«Бѣжиць яна скорэсенько,
«Просиць Бога шырэсенько:
«Дай-же, Бóз, мойй ўнучцы:
«Легэсенько, добрэсенько, скорэсенько!»

2.

Идзё бабу́сенька до своё ўнучки,
Ажъ яе ўнучка по сѣнечкахъ ходзиць,
Свою бабу́сеньку просиць.
Гардая-жъ, моя бабу́сенька,
Дамъ ісе я табѣ, бабу́сенька:
Я мѣрочку прóса,
За што ты пришла ко мнѣ боса.
Дамъ-жа табѣ, бабу́сенька,
Я коробку муки,
Да приложи-жъ, бабу́сенька,
Ко мнѣ своё руки.
Дамъ-жа табѣ, бабу́сенька,
Горелочки съ пѣрцамъ,
Да приложи-жъ своё руки
До мойго сердца.
Дамъ-жа табѣ, бабу́сенька,

Синю намéточку,
Да приложи-жъ своё ручки
Къ мойму животочку.

3.

Ой кумъ кумѣ радъ,
Повъевъ куму въ виноградъ:
«Щипли, кумка, ягбдки,
Которыя солбдки;
А которы гбрки,
Кидай дле моей жонки.

4.

Пришовъ кумъ до кумы,
Кума грады поле.
«Добре, куме, што пришовъ,
Цяперъ моя воля».
А лихая свякровъ
На родзѣны пошла,
А мой свѣкаръ добрѣсенькій
Спиць на печи пѣнесенъкій.
А я-й мужа позову,
Васъ горѣлочкой напою;
Медомъ, кашей накормлю.
Свякровъ придзе пьяна, —
Того яна и не уввознае.

Пѣніе, быть можетъ, продолжалось бы и дальше, но баба замѣтила мою усталость, начала будто бы привередничать: «и хата у тебе, ўнукъ, цѣсная и поскакаць мнѣ нѣгдзе.» Тогда мужчины спросили хозяина: «Чи есць у тебе кони, штобъ повозиць (покатать) нашу княгиню бабу?» Хозяинъ отвѣчалъ: «И кони е (есть) и корита (каре́та) пойду запрагаць!» Въ это время въ избу вошелъ молодой мужичокъ съ уздечкою на шеѣ и сказалъ: «Бабко,

княгине, поѣдамъ ѱ кáршму, тамъ и поскачешъ», и всѣ присутствовавшіе бросились къ окну смотрѣть экипажъ. У крыльца стояла ручная телѣжка, на телѣжкѣ лежала борона, покрытая козухомъ (тулупомъ) и была положена подушка. Двое изъ мужиковъ взяли бабу на руки и посадили на телѣжку, придерживая ее, чтобы она не спрыгнула. Нѣсколько человекъ взялись за дышло и быстро потащили бабу въ корчму. Всѣ гости пошли слѣдомъ смотрѣть, какъ будетъ баба танцевать, а я стала прощаться съ родильницей; она предложила мнѣ въ подарокъ красный шерстяной платокъ и, когда я отказывалась, то стала меня упрашивать и извиняться, что подарокъ очень незначительный, а когда я сказала, что не возьму подарка, то оставшіяся въ избѣ бабы сказали, что это будетъ тяжкій грѣхъ родильницѣ, и что ея подарокъ, непременно, долженъ быть въ шесть разъ дороже тѣхъ денегъ, которыя она получила отъ меня, поэтому-то крестьяне никогда не даютъ родильницѣ больше гривенника при поцѣлѣ.

Зап. учительницей народн. школы.

б) Той же губ. и у., м. Петриковъ.

Когда приносятъ крестить младенца, то при немъ долженъ быть завернутый въ пеленкахъ маленькій узелокъ съ кусочками хлѣба, соли и угля, для того, чтобы младенецъ, пришедши въ возрастъ, имѣлъ постоянно у себя хлѣбъ, соль и огонь. Извѣстно, что здѣшній крестьянинъ, отправляясь на работу, хотя бы за одну версту отъ дома, а тѣмъ болѣе на далекое разстояніе, всегда беретъ съ собою сумку (кайстру) съ хлѣбомъ, солью и принадлежностями для добыванія огня, чтобы на случай, когда заблудится въ лѣсу, не пострадать отъ голода и холода.

Если во время совершенія крещенія принесутъ къ священнику для крещенія другого младенца, то воспріемники послѣдняго не входятъ съ нимъ въ домъ, а ожидаютъ выхода первыхъ воспріемниковъ и тогда младенцевъ подносятъ другъ къ другу, въ сѣняхъ или на дворѣ и при этомъ нужно, чтобы дѣти не спали. Это дѣлается для того, чтобы дѣти встрѣчались впрелъ

не подъ землею, какъ въ домѣ, на потолокѣ котораго имѣется земля, а встрѣчались на землѣ, — не въ могилѣ, а на вольномъ свѣтѣ.

У кого умирають дѣти, тѣ просятъ священника дать имя новорожденному младенцу Адамъ или Ева, чтобы дитя было долговѣчно, какъ прародители наши Адамъ и Ева, или для той же цѣли приглашаютъ почему-то въ воспріемники брата и сестру. Вмѣсто рубашки для новорожденнаго младенца обыкновенно приносятъ кусокъ каленкору или простого холста, въ которомъ вырѣзается посрединѣ отверстіе для надѣванія на голову крещаемого, — вырѣзанный кусокъ холстины воспріемники берутъ съ собою для того, чтобы, когда младенецъ вырастетъ, кусокъ этотъ служилъ ему талисманомъ для защиты отъ паденія съ дерева.

Изъ ст. свящ. Дмитрія Пашина: «Нѣкоторыя суевѣри.-обычаи и предразсудки» прихожанъ м. Петрикова Мозырск. у., Мнѣск. Епарх. Вѣд. 1880 г., № 37. Неоф., стр. 59.

в) СѢн. у., Могилевской губерніи.

Когда бабуку зовутъ, она несетъ съ собою «мятличекъ», «по-лычки» (пеленки), блины и т. п. Другія женщины ходятъ къ родихѣ съ «отвѣдками», нѣкоторыя до крещенья, а нѣкоторыя послѣ, какъ успѣютъ; при этомъ несутъ: блины, мясо и т. п.

Предъ крещеньемъ, когда уже соберутся воспріемники, бабука купаетъ ребенка въ водѣ, куда присутствующіе бросаютъ деньги. Кумовой «частью». Послѣ крещенья кума беретъ ребенка, обкрываетъ его «батькиной» рубашкой, въ рукавѣ которой завязанъ кусокъ хлѣба и соли ¹⁾, а кумъ беретъ «краюху» хлѣба и такъ обходятъ вокругъ стола «тройчи», т. е. три раза. Потомъ отправляются къ священнику. Приѣхавши отъ него, кумъ отдаетъ бутылку, въ которой возили водку къ батюшкѣ, отцу ребенка и говоритъ: «на, кумъ вазокъ, пихай на други разокъ», послѣ этого

¹⁾ Въ этой рубашкѣ держатъ дитя во все время крещенья.

выпиваютъ; имени ребенка не говорятъ до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ; при этомъ нѣкоторые стараются угадать. Потомъ кума несетъ младенца «порадиси» (родихѣ). Садятся за столъ; подають «моркву», «ладки», «юшку»... бабка приноситъ свою кашу въ горшкѣ, кумъ разбиваетъ горшокъ, послѣ чего бабка разноситъ эту кашу всѣмъ, при чемъ проситъ: «ўнучку или унучитцы на мыло!» всѣ кладутъ что-либо или деньги, или яйца. Послѣ закуски родиха несетъ бабѣ «наметку» холстяную, а иногда «пыркалевую» (ситцевую) и покрываетъ ею бабу. Баба иногда при этомъ пляшетъ; кромѣ того даетъ ей пирогъ обернутый хусткой; дають пирогъ и куму обернутый полотномъ «на штаны», а кумѣ пирогъ, обернутый «хусткой».

Если у кого дѣти часто умираютъ, то берутъ въ кумовья первыхъ встрѣчныхъ, т. е. ту первую пару, которую встрѣтятъ на улицѣ.

На третій день бываютъ «жмуринки» (тоже, что въ другихъ мѣстахъ Сѣнинскаго уѣзда «муравинки»). Приходитъ бабка, приноситъ съ собою хмель (которымъ она старается заблаговременно запастись) и овесъ. Этотъ хмель и овесъ она размачиваетъ въ водѣ, въ которой купаетъ ребенка. Ее угощаютъ.

Зап. учт. народн. училища Свидерскій.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯДЪ.

Въ деревнѣ Даковичахъ, Мозырск. у., Минск. губ.

Если хлопецъ достигъ уже 18 лѣтъ, то обыкновенно старшій въ семьѣ—отецъ или братъ его напоминаетъ, что пора Никипорка прижаниць: одѣваць не кому, а домовка слабѣетъ.

По общему обсужденію въ семьѣ старшій членъ ея отправляется къ священнику навести справку о лѣтахъ жениха. Разспросивъ свата изъ какого села думаютъ сватать княгиню и если ему скажутъ, что изъ его прихода, то онъ наводитъ справку по метричѣ, какъ о женихѣ, такъ и о намѣченной ему невѣстѣ и объ-

являетъ, что со стороны лѣтъ имъ нѣтъ препятствія вступить въ законный бракъ. Возвратившись домой, братъ говоритъ своей семьѣ: «Батюшко казавъ: можно робиць дзѣло».

На основаніи полученныхъ отъ священника свѣдѣній семья назначаетъ время избранному свату, когда ему отправиться сватать къ намѣченному хозяину и въ помощь ему приглашаетъ другого сосѣда, преимущественно крестнаго отца жениха. Оба они отправляются въ домъ невѣсты обыкновенно наканунѣ праздника. При входѣ въ хату сваты *даютъ*: «добры дзень!», на что имъ хозяйка отвѣчаютъ: «добре здорову!» Проходзице къ покупцу». Старшій сватъ садится на указанномъ мѣстѣ, а младшій около *посѣта*, гдѣ огонь горитъ. Невѣста, догадавшись, что это сваты пришли къ ней, сейчасъ уходитъ изъ дому къ кому-либо изъ сосѣдей, что означаетъ ея желаніе итти замужъ, въ противномъ случаѣ она остается въ хатѣ. Последнее обстоятельство не совсѣмъ по душѣ сватамъ, почему они стараются заводить разговоръ о совершенно постороннихъ вещахъ, въ расчетѣ, что невѣста наконецъ выйдетъ изъ хаты. Но когда увидятъ, что она объ этомъ и не думаетъ, то они, обращаясь къ ея родителямъ или родственникамъ, сами приговариваются такимъ образомъ: «Што-жъ ву не путаеце насъ, чаго му пришли? Не пришли му молодиць, а пришли горѣлку пиць.» На это имъ обыкновенно отвѣчаютъ: «Людзи добрыя, коли пришли зъ добрымъ словомъ, то кажице.»

— «Му пришли Гапочку ўзяць за Никипора».

«Сватки дорогія! Му ганьбу¹⁾ Никипору не даемъ, але Гапа наша ще молода и ничего не приготовилась; въ етомъ году ще не отдадзимъ.»

Если же невѣста желаетъ итти замужъ въ этомъ году за Никипора, то она выходитъ изъ хаты, послѣ чего разговоръ оживляется, становится общимъ. Тогда мать Гапочки говоритъ сватамъ: «треба попутаць Гапу, якъ ена: хочець, ци не?»

¹⁾ Ганьба—порицаніе Слов. Носовича.

— «Да што тутъ путаць?» заговариваетъ сватъ, якъ бацько зъ матерью скажуць, такъ и Богъ велиць».

«Не, сватки, не будзе ничего цеперь, и напрасно не ходице, въ этомъ году не оддадимъ!».

И такъ въ первый разъ сваты возвращаются домой — хотя безуспѣшно, но довольны и полученнымъ свѣдѣніемъ, что Гапка хочетъ итти замужъ за Никипора.

СВАТОВСТВО ИЛИ ЗАПОИНЫ.

Въ другой разъ сваты отправляются въ домъ невѣсты опять-таки наканунѣ праздника и, имѣя въ виду, что теперь имъ удастся высватать Гапку, берутъ съ собою *пироги* хлѣба и *пляшку* горѣлки.

При входѣ въ хату даютъ: «*добры вечеръ*», на что имъ отвѣчаютъ: «*добре здорову!* Проходице къ покуццю.» Тамъ старшій сватъ садится, а младшій усаживается около невѣсты. Но едва онъ успѣетъ сѣсть, какъ она шмыгъ! изъ хаты вонъ къ сосѣду. Сваты знаютъ уже, что это значитъ и нисколько не обижаются. Первый заговариваетъ старшій братъ, обращаясь къ отцу невѣсты: «штожь, сватокъ, ци будзецъ цеперь у насъ лады? Ци якъ ву ободумались?». Имъ отвѣчаютъ мягко: «Гапа куда-то удрала.» Пока происходятъ эти переговоры, кто-нибудь изъ родственниковъ невѣсты отправляется за нею. Она входитъ скромно и тихо въ хату, будто ничего не знаетъ, зачѣмъ ее звали, обмѣнивается обычными привѣтствіями съ гостями. Мать тутъ ей говоритъ: «Люdzi другі разъ пришли даць имъ якій отвѣтъ». Гапа, въ знакъ согласія, беретъ изъ сѣней столъ, ставитъ его на *покуццю*, гдѣ сидитъ сватъ, накрываетъ его *настольницею* (скатертью), мать вносиць *кулиду* (булку) хлѣба, кладетъ на столъ, а сватъ старшій — *пляшку* горѣлки и тоже булку хлѣба, младшій же сватъ, т. е. крестный отецъ, отправляется въ *ранду* (корчму), гдѣ беретъ два-три гарница водки и приноситъ бѣ свату невѣсты. Сватъ жениха наливаетъ чарку горѣлки и подаетъ свату невѣсты. Тотъ, взявши чарку, ставитъ ее на столъ. Всѣ при этомъ встають, молятся Богу. По окончаніи молитвы

сватъ беретъ чарку и говоритъ: «Будзь здорова, бабо! Богъ благословіу и му благословимъ. На здоровье дзѣду!». При этихъ словахъ онъ выпиваетъ чарку и наливаетъ другую, которую передаетъ бабѣ. Та, выпивши чарку, наливаетъ ее опять и передаетъ свату, который ее опоражниваетъ, снова наполняетъ и передаетъ свату невѣсты, а сей послѣдній угощаетъ уже всѣхъ находящихся въ хатѣ. Мать невѣсты плачетъ, а сватъ приговариваетъ: «Не плачь, свاخна! Не му начали, не намъ кончицца». Во время угощенія присутствующихъ въ домѣ сестра или братовая невѣсты вносить подарокъ къ свату жениха, — это: *наметка*, т. е. длинный утиральникъ, которымъ она обвязываетъ его кругомъ, какъ поясомъ. Вмѣстѣ съ подаркомъ сестра ведетъ за собою и плачущую невѣсту и сажаетъ ее за столъ. Сватъ беретъ чарку, наливаетъ ее горѣлкою и идетъ къ свахѣ, перепоясавшей его наметкою, затѣмъ онъ наливаетъ другую чарку, въ которую кладетъ золотовку и подаетъ сестрѣ невѣсты. Сама невѣста встаетъ изъ-за стола, кланяется своему будущему свекру и цалующа, а онъ наливаетъ чарку горѣлкою и каже: «будзь здорова, Гапочка!» На что она отвѣчаетъ: «на здоровье, бацюхно!» Затѣмъ онъ наливаетъ вторую чарку, также бросаетъ туда золотовку и подаетъ ей, а ена выпивши чарку горѣлки, беретъ себѣ золотовку. Наконецъ сватъ невѣсты угощаетъ горѣлкой всѣхъ находящихся въ хатѣ. Женщины въ свою очередь припѣваютъ протяжно пѣсни:

1.

Пропила маці дѣчку
 На солѡдкомъ медѡчку.
 Всѣ пили и говорили:
 Свѣкоръ невѣстку перепивае,
 Сто злѡбныхъ обѣщае.

На слѣдующій день оба свата отправляются къ священнику *ладзичъ тѣнецъ*, захвативши съ собою наметку, квартку водки и

пирогъ хлѣба. Сладивши съ священникомъ на счетъ платы за вѣнецъ и назначенія дней для оглашенія въ церкви предстоящаго брака, сваты возвращаются домой и по дорогѣ заходятъ къ свату жениха, гдѣ ихъ угощаютъ водкой.

Змовины.

Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу свать жениха приглашаетъ къ себѣ того же свата, съ которымъ онъ ходилъ сватать невѣсту, беретъ жениха и отправляется съ ними обоими къ невѣстѣ, гдѣ уже заранѣе знаютъ объ ихъ скоромъ пріѣздѣ. Поэтому молодая приглашаетъ къ себѣ трехъ подружекъ, а отецъ ея собираетъ тѣхъ же родныхъ и знакомыхъ, которые были на заповнахъ. При входѣ въ хату женихъ кланяется *сѣцю*¹⁾ и чещѣ и всѣмъ роднымъ княгини. По окончаніи поклоновъ жениха сажаютъ за столъ. Сестра или *брациха* молодой беретъ послѣднюю за руку и сажаетъ ее на скамейку (заслонъ), насупротивъ жениха.

Свекоръ наливаетъ чарку горѣлки и говоритъ: «Будзь здорова, невѣхна!» — «На здоровье, бацюхно!» отвѣчаетъ княгиня, наливаетъ другую, кладетъ туда золотовку (15 коп.) и подаетъ своей невѣсткѣ. Она беретъ чарку, выпиваетъ горѣлки и беретъ собѣ перепойный подарокъ. Потомъ наливаетъ чарку горѣлки жениху и каже: «будзь здорова, Гапо!» — «На здоровье!» отвѣчаетъ она. Затѣмъ онъ наливаетъ другую, кладетъ тоже золотовку и подаетъ своей княгинѣ. Она тоже выпиваетъ и беретъ къ себѣ *перепой*. Княгиня же, въ свою очередь, наливаетъ тую-же чарку, кидаетъ туда жуковину (простой перстень) и подаетъ своему жениху, а ѣтъ выпиваетъ эту чарку, беретъ къ себѣ жуковину и надѣваетъ на указательный палецъ правой руки. Послѣ гэтого свѣкоръ беретъ къ собѣ чарку, наливаетъ горелки и перепиваетъ дружекъ, кладетъ въ каждую чарку по три коп. (по шестаку).

¹⁾ Тестю.

Дзѣвицы, вупивши свои чарки и побравши въ руки подарки,
поюць пѣсни

2.

Запрегайце сивца!
Часъ ѣхаць до вѣнца.
Тамъ намъ руки свяжуць,
Вѣрное словцо скажуць.

2.

Доѣхала Гапочка до вѣнца,
Сипнула золото зъ рукавца.
Хто-жъ моё золото подберё,
Той мене до вѣнца довезе.
Никопорко золото подбере,
Ёнъ мене до вѣнца довезе.

3.

Прилепѣли три селезни на мой дворъ,
Да засѣло три молодзени за мой столъ.
Познай, Гапочко душечко, который твой?
Што на покúцѣ въ злòцѣ,—то-то свекоръ мой;
А што ў середзинцѣ ў засчинцѣ, да то дзeverъ мой,
А што ў краечку, скрививши шапочку, — то-то мой.

4.

Разлегайся зелена дуброва,
Штобы широка намъ була дорога:
Наша Гапочка къ вѣнцу ѣдзе,
Ея добра доля зустрічае.
«Ой, доля моя, долечка!
Да коли ты добра будзешь,
То ѣдзьмо зо мною,
А коли-жъ ты ековая,
То пльиви ў виръ зъ водою.

5.

Часáла Гапочка косочку подъ вѣнецъ,
 Да упавъ ея гребенѣцъ подъ столѣцъ.
 «Да подай, Никипорко, мнѣ гребенѣцъ!»
 — «Яжъ тобѣ, Гапочка, не молодзецъ,
 Штобу тобѣ подаваць гребенѣцъ, —
 Есь у тебе дружечки-слѣжечки,
 Тыя тобѣ подадуць гребенѣцъ
 И разчешуць косочку подъ вѣнецъ.»

По окончаніи этихъ пѣсенъ и всего пиршества молодые ўстаюць изъ за стола, берутся за руки: молодая идетъ впередъ, а за ней женихъ и кланяются своимъ родителямъ и роднымъ, цѣлуютъ ихъ *въ лицо*. Окончивъ цѣлованіе, молодые выходятъ на дворъ, гдѣ уже приготовлены подводы, чтобы ѣхать къ вѣщу: молодыхъ посадуць вмѣстѣ на одной подводѣ, дружки на другой, а сваты на *третей*. Въ это время дружки поютъ слѣдующія пѣсни:

6.

«Ой, бацюхно, перейдзи мнѣ дорожку
 Зъ Юрьемъ и зъ Микóлою,
 Зъ счастьемъ и зъ дóлею!»
 — «Хай тобѣ Господзь перейдзе
 Зъ Юрьемъ и зъ Микóлою,
 Зъ счастьемъ и зъ дóлею.»

7.

Разступайцеса вороги,
 Не переходзице намъ дороги;
 Наша дорога широка,
 Наша Гапочка далéка.

8.

Замепенá елочка до дуба, —
 Поѣхала Гапочка до шлюба;

Да замецена елочка до конца,
 Поѣхала Гапочка до вѣнца;
 Замецена елочка метлою,
 Поѣхала Гапочка зъ сестрою,
 Замечена елочка деркачѣмъ,
 Поѣхала Гапочка зъ паничомъ.

9.

Ой попе, попе, гордзѣю!
 Повѣнчай Гапочку въ недзѣлю,
 Не ў ету, то въ тую;
 Я тобѣ снѣданье зготую.
 Да перепита Гапочка,
 Да перейдзи сѣни бацькову.
 Да подай бацьохну воды.
 Да бацькова водзица солѣдзенка,
 Да солоджей меду и вина, —
 Ена все слезками развела.
 Да нема попа дома,
 Да поѣхавъ въ объѣздъ,
 Да поѣхавъ до Ляна—¹⁾
 Ключи куповаці,
 Церковку отмукаці,
 Двое дзѣтокъ вѣнчаці:
 Одно дзяця да роджено,
 А другое да суджено.

10.

Матко моя, любко!
 Да ворочайся хутко
 И унеси шубу, —
 Я їду до шлюбу, —

---

¹⁾ Назв. деревни.

Шлюбу шлюбиваци,
Двое дзѣтокъ вѣнчаці.

Послѣ вѣнчанія вся компанія возвращается домой. Подъѣзжая къ деревнѣ, дружки, *сѣдзя* на возу поюць:

11.

Ой радъ радзѣночекъ Никипорка,
Што на бѣлымъ рушничку стоявъ,
Зъ правой рученки пѣрсня снявъ,
Да понесъ мацери на показъ:
«Ето тобѣ, маточко, подарки
Отъ моей Гапочки коханки!»

12.

Прыѣхало да дзця зъ вѣнца
И не промовиць словца.
Поясокъ животокъ лѣмиць,
Емо словцо не промовиць.

13.

Да ўходзь, пани матко, зъ свѣчами,
Ужъ твое дзцятко звѣнчана
Подъ ясененькими свѣчами,
Подъ голѣсными звонами.

Прыѣхавши въ деревню, всѣ заѣзжаютъ къ жениху, гдѣ для молодыхъ приготовлены закуски и меду,—дадуць имъ по чаркѣ, угощаютъ въ то же время и всѣхъ возвратившихся съ ними отъ вѣнца. Послѣ закуски гости разъѣзжаются по домамъ. Молодые тоже расходятся, т. е. молодая идетъ къ своимъ родителямъ и не видится съ своимъ возлюбленнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ общаго веселія, которое они, т. е. сваты, по обоюдному соглашенію, назначается не ранѣе слѣдующаго воскресенія, а въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ откладываютъ недѣли

на *цот*, на три, разумѣется для того, чтобы приготовить все нужное, въ особенности водку.

ВЕСЕЛЬЕ.

Въ четвергъ отецъ молодого созываетъ къ себѣ *три свахи*. Онѣ мелютъ въ жерновахъ изъ жита муку на коровай, при чемъ поютъ слѣдующія пѣсни:

14.

Да стояла Гапочка подъ лѣскомъ,
Да гукнула ¹⁾ Никипорко голоскомъ:
«Бдзь, їдзь, Никипорко, не дѣйся ²⁾,
Бо *уе* мой бацюхна прибраўса:
Цесовыя столики заслѣтыя,
Што Гапочною наткѣтыя,
Золотыя кубки налѣтыя,
Безъ цебе, Никипорко, непѣтыя.

15.

За бѣлымъ березникомъ
Никипоръ пѣйму косиць,
Да ў стѣгеньку посиць,
Да конька їнъ кормиць:
«Пойдземъ ў дорогу побитую
По Гапочку запѣтую,
Ў дорогу ў щасну,
Да по Гапку красну.

16.

Да бѣлила Гапка рушнички,
Побѣливши, спаць легла,
Пришла до ея маць ея:
«Да ходзи, дзипятко, спаць!
«*Уе* твои сватовье ў полѣ».

¹⁾ Кликнула.

²⁾ Не мѣшай.

Сборникъ П. Отд. Н. А. Н.

— Да нехай, матко, ў полѣ, —
 — Уге мои рушнички готову.
 До сорока сороковъ
 Ена уткѣла рушничковъ.

Въ тотъ же день молодая призываетъ къ себѣ *три дружки*, бывшихъ у нея при вѣнцѣ и онѣ тоже мелютъ зерна на коровай *въ жерновы* (хотя бы мука была готова или въ запасѣ) и въ это время тоже поютъ тѣ же пѣсни, что пѣлись въ этомъ случаѣ въ домѣ молодого.

Въ пятницу вечеромъ въ домъ къ молодому опять приходятъ свахи и *расчинаятъ* коровай въ той дежѣ, въ которой мѣсятъ обыкновенный хлѣбъ. Старшая сваха, крестная мать молодого, *бере* дежу изъ сѣней, *ўносиць* въ хату, снимаетъ вѣко, дѣлаетъ подъ нею крестъ и *говориць*: «Благословице, отецъ, мацѣ, коровай расчинаяци!». «Богъ благословиць!» отвѣчаютъ отецъ и мать. При этихъ словахъ она наливаетъ въ дежу воды, насыпаетъ въ нее муки и закрываетъ ее для того, чтобы до завтра растворъ укись.

У молодой коровай *расчинаяюць* въ субботу рано крестная *мацѣ* молодой, такимъ же манеромъ, съ такими же переговорами. Затѣмъ вечеромъ мѣсятъ коровай и *ставяць*, чтобы *подышиць*, послѣ чего будутъ *пекуць*.

Когда у молодого пекуць коровай, свахи пѣюць:

17.

Съ субботы на недзѣлю ў годзіну
 Собравъ Никипорко свою родзіну:
 Нехай моя родзина сберѣцца,
 Хай моей горѣлки напѣцца,
 Хай моя милая родзина посѣдзіць,
 Хай мойго веселья поглядзіць.

18.

Никипорковъ бацюхно по сѣнечкохъ ходзіць,
 Да нехай къ собѣ сосѣдчэкъ просиць:

«Сосѣдочки ву мои, ходзице жъ ву ко мни.
Ой, не ко мни, — къ мойму дзицяци,
Въ печь короваю саджаџи.
Только тыя, што напиџися,
Да некому журиџися.

19.

Да стояла сѳсенка сколько лѣтъ,
А му ея порубили на загнетъ,
Штобы нашъ загнетъ ясенъ бувъ,
Штобы нашъ коровай красенъ бувъ,
Штобы нашъ Никипорко щастливъ бувъ.

20.

Сыпце пшеницу ў новыя корыта,
Кормице кони ў великую дорогу,
Бо поѣдзе Никипорко до новаго роду.
Ой ў новымъ рѳдзѣ трое воротечекъ:
Да первыя же ворота, — што мѣсечикъ взойдзе,
А другія ворота, — што сонце засвѣпиць,
А трейџія ворота, — што Никипорко взойдзе.
Мѣсечикъ взойдзе, — то видненько будзе,
А сонейко взойдзе, — то цепленько будзе,
А Никипорко приѣдзе, — то веселенько будзе.

21.

Ў недзѣлю ў порану
Гукнувъ Никипорко на пораду:
Порада моя, сусѣдзе!
У кого кони, — кормице,
А у кого нема, то наймице,
Мнѣ молодому послужице,
Мою Гапку привезице,
Ей мѣсто укажице

Подъ тую горку крутѹю,
 У тую свѣцелку виднѹю
 И къ той свекрусь, къ сокотусѣ
 И къ дзеверамъ, жовнерамъ,
 И къ тымъ етровкамъ-соротовкамъ,
 И къ *золотицамъ*-лебедзицамъ.

22.

Добре тобѣ, Никипорко,
 Молодзенькому женіцися:
 Ёсь у тебе бацюхно,
 Ёсь кому журицися.
 Кони запраганы,
 Слуги наниманы.
 Добре тобѣ, Никипорко,
 Молодому женицися, —
 Ёсь у тебе маточка,
 Ёсь кому журицися.

23.

Да-й ў печи коровай кличе,
 Коровайничекъ іще:
 «Гдзѣ ужъ мои коровайнички?
 Ця на меду запися,
 Што меня забулиса?»

Во время печенія коровай у молодой поють тѣ же пѣсни, что
 и у молодого, три дружки; крестная ея мать приговариваетъ:

24.

Попутала Галка: чи *у*е свѣтъ?
 Чему моего Никипорко ко мнѣ нѣтъ?
 Ой я маю отъ Бога надзѣю,
 Што пріѣдзе Никипорко ў надзѣю,
 Ходъ не въ ету, то въ тѹю, —
 Я жъ ему свѣдѣння згогѹю.

Ой Га́пко разу́мночко!
 Позагадывала щиря боры копа́ци,
 А сама пошла черного маку сѣ́яци.
 «Ой родзи, Боже, черный макъ, —
 Жѣ́вченый цвѣ́тъ!
 Принесе, Боже, Никипорко подъ свѣ́тъ!
 Ой дай, Боже, счастья и до́лечу
 Имъ па довгій вѣ́къ!»

Въ субботу вечеромъ отецъ молодого *собираецъ* къ *собѣ* въ хату *бесѣду*, т. е. родныхъ и знакомыхъ *сосѣдовъ*, нанимаецъ музыкантовъ и съ вечера до свѣта пьютъ горѣлку, гуляють. Въ это время *сучуць* молодому свѣчку восковую, которая будзець горѣць при раздѣлѣ коровай. Другую, такую же свѣчу сучуць у молодой для такой же надобности. Во время пригото́вленія свѣчей у молодого — свахи, а у молодой — дружки пѣють:

25.

Два братки свѣчки сукали,
 Трим зельейка клали:
 Одно зельейко — мято,
 Другое зельейко — руто,
 А трейцее зельейко — квѣтки,
 Штобъ любилися дзѣтки.

26.

Да у мѣсяца два рожки,
 А у Никипорка два братки:
 Одзинъ братко коня осѣдлае,
 А другі братко навуча́я:
 «Не бери, братко, при зло́цѣ,
 Да бери, братко, при цно́цѣ.¹⁾

У молодой также *собираецца* бесѣда, — родные и сосѣдзи, призывають музыканта и веселятся во всю ночь, въ ожиданьѣ

¹⁾ Цюта: честность, цѣломудріе. Слов. Носовича.

бесѣды отъ жениха, которая *придзецъ* только предъ свѣтомъ въ воскресенье.

Въ *недзтлю рано*, *еще на зари* бесѣда молодого собираеця *скупу* молютца Богу и садзяца за столъ, пьюць горѣлку, закусываюць, снаряжаюца въ походъ, приготовляя коней съ возами. Вся бесѣда, которая отправляется къ молодой, должна состояць изъ 13 душъ, въ слѣдующемъ составѣ:

1) Крестный бацько: ёнъ занимаецъ первое мѣсто за столомъ, садзица на покуци, гдѣ лаву становюць. Его должность старосты — управляць бесѣдою.

2) Другое мѣсто съ лѣвой руки старосты садзица близкій родственникъ, его называютъ подстаростою.

3) Трейцее мѣсто съ той же стороны занимаецъ, если есть — братъ молодого, а нѣтъ, то родственникъ, его называюць «перепойникъ». Онъ садится около подстаросты.

4) Дружекъ садзица на *заслонъ*¹⁾, къ столу лицомъ, задомъ къ печи.

5) Средній дружекъ садзица за нимъ.

6) Меньшій дружекъ садзица за среднимъ.

7) Съ другой стороны стола, отъ покуци до стѣны, къ двери, т. е. отъ востока на сѣверъ, съ правой стороны старосты, садзица, «дзядзя большій».

8) Около «большого дзядзи» садзица «меньшій дзядзя».

9) За нимъ садзица молодой.

10) Около него «старшая сваха».

11) За ней — «средняя сваха».

12) За ней «меньшая сваха».

13) Въ самомъ концѣ — музыкантъ.

На разсвѣтѣ вся бесѣда ўстаецъ изъ-за стола и, помолившись Богу, уходитъ на дворъ, становица въ кругъ. Старшій дружекъ, какъ знахарь, бере сокѣру, обходитъ всю бесѣду, шепче собѣ и цюкая въ землю. Три раза онъ такимъ образомъ долженъ обойти бесѣду, и потомъ, бросивъ сокѣру въ сторону, объявить, што на

¹⁾ *Заслонъ* — скамейка въ хатѣ передъ столомъ.

ихъ дорогѣ волкъ не попадзецъ и ў бесѣдѣ молодой никто не приробиць.

На дорогу имъ даюць: старостѣ—два пирога, перепойнику—горѣлку въ *биклозъ*, старшему дружку — сѣвокъ пироговъ (именно 7) и восковая свѣча. Ъдучи, свахи пѣюць:

27.

Бѣлый свѣтъ, бѣлый!
Да ци лебедзя стрѣли,
Ци на морѣ бѣлыися,
Што къ намъ спознілися?»
Да казали село недалеко, —
Ажно чатыре мѣли.
Ъдучи, му коники потомѣли,
И зъ дороги зблудзили.

28.

Ой прилецьвъ соловейко, щечече:
«Ци моя лебедко, ци не моя?
— Постой, соловейко, не щечечи,
Бо утомилася лебедка къ тобѣ летучи.
Да пріѣхавъ Никипорко,—постой, не стучи,
Бо утомилася Гапка къ тобѣ бѣгучи!

Во время ѣзды дружки кричаць, гўкаюць, штобы чутно було, што бесѣда идзе къ молодой. Тамъ при запертыхъ воротахъ ихъ встрѣчаецъ бесѣда молодой. Она спрашиваецъ: «Откуда ето людзи?» Имъ отвѣчаюць: «изъ Минской губерніи, изъ Мозырскаго уѣзда, 2-го стана, Дзяковицкой волости, зъ дзеревни Дзяковичъ.»

«Зачѣмъ ву сюда идэце?»
— Къ вамъ, братцы: му тутъ дзѣвку запили.
«А пашпортъ у васъ ёсь?»
— Ёсь (показываюць кусокъ полотна)
«Э, хвалшывый! — Не пусдимъ».

Староста командуеъ: «Што, братцы, попробуемъ силою, коли ласкою не можно». Начинаюць *пёрциса* въ ворота — та бесѣда сильнѣе, не взяли». «Нумо, братцы, мирица!» — «Требу такъ давно робиць!» — Перепойникъ наливаетъ пляшку горѣлки или готову вунимае съ кишени, даеъ той бесѣдѣ, а староста пирогъ хлѣба. Бесѣда жениха теперь входзиць на дворъ къ молодой, становится въ рядъ. Изъ этой бесѣды всѣ три дружки идуць въ хату къ молодой, оставляя остальную бесѣду на дворѣ. Дружковъ этихъ сразу въ хату не ўпускаюць. Два человекъ изъ бесѣды молодой, подъ названіемъ *шавцы*¹⁾ садзяца на порогѣ хаты и шіюць чоботы. Дружки по входзѣ въ сѣни кажудъ: «Дзень добрый вамъ! ци рады ву намъ?» — Имъ отвѣчаюць: «Здорову бул! откуль ву, людзи?» — Дружки отвѣчаюць: «изъ Минской губ.» и т. д.

— А чегожъ суды пришли?

«Му тутъ Гапку запили, требо намъ ея взяти.»

— Нѣ, сегодня не пусцимъ, намъ нема часу, требо скорѣи шици чоботы.

Дружки отправляюца на дворъ, докладываюць старостѣ, што не ўпускаюць. Староста приказывае: «Идзице ще разъ!» Дружки, повинувась, приходзяць въ сѣни и просяць ихъ шавцовъ пусциць ихъ въ хату. Шавцы не ўпускаюць. Дружки возвращаюца на дворъ и докладываюць старостѣ, што не ўпускаюць. Староста въ третій разъ приказываеъ: «Идзице, просице, перекиньце што-нибудзь имъ.» Дружки по приходзѣ просяць шавцовъ пусциць ихъ въ хату. Перепойникъ даеъ шавцамъ пляшку горѣлки, пирогъ хлѣба и они ўпускаюць въ хату дружковъ. Ихъ тамъ угощаюць водкою и закускою, а дружки (три *дзѣвицы*) во время закуски дружковъ пѣюць имъ пѣсни:

29.

Дружки волоѣды;

Якъ сѣли, — вола зѣли:

На столѣ ни крошки,

А подъ столомъ — ни косточки.

¹⁾ *Шавецъ, шавецъ* или *швецъ* — сапожникъ.

Вся остальная бесѣда остаетца на дворѣ и свахи пѣюць слѣдующія пѣсни:

30.

Маточка сына родзила,
Калиною водою поцирала,
Штобу его уроки не взяли
Отъ *цисцяткова* витанья,
Отъ чепухноваго снѣданья,
Отъ Гапкинаго гулянья.

31.

На болоцѣ стадо коней ходзиць,
Мижъ того стада негодный коникъ.
Колька (ни) ловили да не поймали.
Зирнувъ Никипорко да ѣ засмѣялвса:
«Я жъ его поймаю, я жъ его осѣдлаю.
Поѣду къ песцьку къ обѣду,
Къ обѣду да на погуляньне,
Къ своей Гапкѣ на размовленьне.

32.

Не вгадала молода Гапка,
Откуль Литва наѣхала
На мой дворъ на меценный,
На мой родъ на весѣлый.
Ены мой дворъ засмецили,
Ены мой родъ засмуцили.

33.

Пушна чеша, пушна,
Противъ зяця—не вушла.
Крыйся, зяцю, крыйся,
И конями и бобрами,
Червоными соболями,
Золотыми пудковами.

Дружкі, поѣвши въ хатѣ молодой, вуходзиць изъ своей бесѣдзи. Ихъ упрекаюць, што такъ довго *забавилися*: «му тутъ холодные и голодные!» Вслѣдъ за дружками приходзиць свать, отецъ молодой, витаетца зъ бесѣдою (цѣлуется), угощаецъ ихъ горѣлкою и просиць въ хату. Бесѣда, исполняя просьбу свата, идуць за нимъ въ хату. Тамъ онъ ихъ сажаетъ всѣхъ за столъ въ такомъ же порядкѣ, какъ ены были у жениха. Усѣвшись, бесѣда слушаецъ пѣсню, которую пѣюць дружки—дѣвицы:

34.

У большаго дружка
Паршіва ручка,
И зъ кишени не вунимае,
Своихъ дружекъ не витаетъ.

Послѣ этой пѣсни два дружка, большой и середній, ўстаюць зъ за стола, идуць къ дружкамъ, сидящимъ за столомъ процивъ печи. Большой дружокъ, вунимаетъ изъ кишени пляшку горѣлки и пирогъ хлѣба, вручаецъ дружкамъ-дѣвицамъ, приговаривая: «Просимъ Бога и васъ примице свою почастку.» Дружки, принявъ подарки, ўстаюць изъ за стола и вуходзяць на дворъ, а дружки—мужчины садзятца на ихъ мѣста.

Бацько молодой подходзиць къ столу, ставиць миску и наливаетъ въ нее горѣлку; перепойникъ льецъ въ эту же бутылку горѣлку, принесенную отъ жениха. Староста беретъ чарку, наливаетъ въ нее ложкою горѣлку и говориць: «будзь здоровъ, сваце!» «На здороўе, сваце, на здороўе!» отвѣчаетъ свать. Староста, выпивши чарку, наливаетъ другую и кидаетъ въ нее дзiesiąтку (5 коп.), подаётъ свату. Свать беретъ чарку, выпиваетъ горѣлку и беретъ себѣ подарки, чарку ставитъ на столъ. Староста наливаетъ горѣлку въ ту же чарку и гўкаетъ сваху. Ена подходзиць къ столу, староста подаётъ ей чарку съ горѣлкою и кидаетъ въ нее тоже дзiesiąтку. Сваха, выпивши горѣлку и взявши дзiesiąтку, дариць старосту кускомъ полотна, сама обвязываетъ его вокругъ. Староста звоў наливаетъ чарку, подаётъ ее подстаросцѣ, который кладетъ туда дзiesiąтку и гўкаетъ также сваху. Сваха подходзиць къ столу, беретъ изъ

рукъ подстаросты чарку, вупивае, а дзiesiąтку бере въ руки, дариць тоже кускомъ полотна. Староста наливае тую же чарку, подае перепойнику, а онъ кидаетъ туда золотовку и дае свахѣ. Сваха, получивши чарку и золотовку, дае ему подарокъ наметку, обвязывае его тоже вокругъ. Послѣ этого перепойникъ гукае сваху и просиць указаць, кого больше перепиваць. Сваха указываетъ: «перепивайце молодую!» Тогда сестра молодой бере молодую за руку и ведзе къ столу, сажая ея на заслонѣ напротивъ жениха. За молодой идуть ея три дружки и садзяца рядомъ съ молодой за столъ и пѣють:

35.

Скупый перепойнику!
Перепіў большую дружку
Чарочкой орѣховою,
Да и тѣю да не поўною.
Озьми ея да-й доли ея. 2

Перепойникъ наливае чарку горѣлки, кладзе туда золотовку и дае сестрѣ молодой, послѣ чего наливае старостѣ и передае жениху, который бере въ руки чарку и *кае*¹⁾ къ молодой: «будзь здорова, Гапка!» «На здоровье!» отвѣчаетъ Гапка. Староста наливае другую чарку и подае жениху. Женихъ подае своей Гапкѣ. Ена, получивши, чарку съ сороковкою, вупивае и наливае горѣлку въ тую же чарку, сама Гапка кидаетъ туда жуковину (перстень) и подае своему Никипорку, который вупивши горѣлку, бере жуковину и надзѣвае на пальца. . . .

По окончаніи церемоніи коренной сватъ, отецъ молодой, ставиць на столъ свою горѣлку и угощае всю бесѣду. Въ это время три дружки вуходзяць изъ за стола. Староста *кае* свату: «будзе, свацникъ!» А сватъ отказывае: «Ну, сватки, лебѣдзики, цеперь прошу васъ, покажице свою работу!» Бесѣда встае изъ-за стола и вуходзиць на дворъ подъ музыкой скрипача-музыканта, танцуюць, гуляюць. Гэто тая работа. Погулявши часъ, сватъ приходзиць къ бесѣдѣ и просиць въ хату. Въ это время свахи пѣють пѣсню:

¹⁾ Т. е. *каже*.

32.

Ой просиць нашей головки
 Да до иншей господки:
 Ой ву, мужненки, слухайце,
 До иншей госпѣдки ступайце!

Бесѣда входзиць въ хату, ихъ сажаяць за столъ въ томъ
 порядкѣ, какъ и сѣдзѣли раньше, и имъ даюць полный обѣдъ.

ПЕРЕЗВУ.

Послѣ обѣда свать просиць бесѣды: «Проша убачиць! Прої-
 дзѣмсо дальше», бере съ собою кусокъ хлѣба и переходзиць въ
 другую хату къ сосѣду, гдѣ ихъ угощаюць горѣлкою и закускою.
 Это угощеніе производится на счетъ бесѣды бывшей у молодой.
 Такимъ же образомъ бесѣда переходитъ и въ другія хаты, до
 8 и 10, гдѣ ихъ также угощаютъ горѣлкою, чтѣ продолжается
 да самого вечера. Во время этихъ переходовъ свахи поюць слѣ-
 дующія пѣсни:

36.

Леци, леци, соловейко
 Да черезъ три лѣсы,
 Да черезъ четыре.
 У пятомъ лѣсѣ
 Ено ночь ночовала.
 «Што ты собѣ, соловейко,
 Што ты собѣ, любишь:
 Ця ты любишь лѣсы,
 Ця прилѣсейки?»
 — «Не люблю лѣсу,
 Ни прилѣсейка,
 Тольки я люблю
 Черную Гапочку:
 Хоць ена маленька,
 Набо ена черненька.

На тудойму ишла —
 Сыръ знайшла,
 А зъ тудойми ишла,—
 Два знайшла,
 Пудъ перелазомъ
 Три разомъ.

37.

Да поѣхавъ Никипорко купцовѣць,
 Да путавса бацюхно, што куповаць:
 Ци купиць поле зъ вишнями,
 Ци купиць мѣсто зъ панамы,
 Ци купиць село зъ дзѣвкѣми?
 Червонное поле—отъ вишень,
 Богато мѣсто — отъ пановъ,
 Да веселое село отъ дзѣвокъ.

38.

Наказывала лебѣдка
 Своему сивенькому *собулечку*:
 «Ой дбай, прилетай, сивуй собулечку»
 «Сеѣ noci темненькое.»
 — «Якъ же мнѣ прилетацц,
 Што у цебе лѣсы цемныя,
 Што у цебе рѣки буйстрыя?»
 — «Я жъ тыя лѣсы порубаю,
 Буйстрыя рѣки закидаю.»

При обходзѣ всѣхъ хатъ вся бесѣда возвращается къ свату молодой лишь только вечеромъ. По дорогѣ свахи пѣюць слѣдующія пѣсни:

39.

Ў недзѣлю рано
 Чего гѣто море играло?

Тамъ сонейко да купалосо,
 А Гапка да дзивоваласа.
 Што зъ этаго дзивованья
 Дай сама упала.
 «Ретуй, ретуй, мой бацюхно!»
 — «Якъ цебе ретоваць буду,
 А ни човна, ни весла, —
 Все хвиля понесла.»
 Отозався Никипарко
 Край синяго мора:
 «Вуйму цебе зъ великаго гора:
 У меня човны и весла, —
 Хвиля ничего не унёсла.

Бесѣда, по переходѣ изъ перезовъ къ коренному свату, на дворѣ гуляецъ, танцуе, послѣ чего свать вуходзиць на дворъ и просиць бесѣду въ хату, сажаетъ ихъ за столъ въ томъ порядкѣ, какъ они сѣдѣли прежде, угощаетъ ихъ водкою и закускою. Въ это время свахи пѣюць слѣдующую пѣсню:

40.

Уклоняйся молода Гапко
 Ёсему своему роду —
 И старому и малому,
 А мацѣ ѣ бѣлы ноги
 За ея за годовайненько,
 За хорошее уладжайненько.

Коровай дзѣлюць у молодой.

Сѣдзя за столомъ, староста обращается къ коренному свату, приговариваетъ: «Просили Бога и васъ, сваце, позволъ ици по хлѣбъ!» Свать отвѣчаетъ: «У цебе есь сыны (три дружки), нехай ены идуць собѣ по хлѣбъ. Дружки ўстаюць изъ-за

стола и большой дружекъ приговариваетъ: «Благословице отецъ—маца и добрые людзи по хлѣбъ ици!» — «Богъ благословиць!» отвѣчающъ ены три раза. За етимъ благословеньемъ свать идзе впередъ, за нимъ музыкантъ и дружки зъ задзи. По входзѣ въ клецъ берущъ на руки вѣко съ кубла, на которомъ лежиць коровай (большая булка въ 30 ф.) и несущъ въ хату, припѣвая слѣдующую пѣсню:

41.

Травка-муравка зелененько!
До клечи спѣжка бойненько.
«А нужъ, коровай, не упирайса!
Возьми пирогъ и подпирайса!»

Передъ хатными дверьми большой дружекъ говориць: «Благословице отецъ, маца и добрыя людзи коровай на столъ ставиць!» — «Богъ благословиць!» отвѣчающъ три раза. Унеся коровай въ хату, ставиць его на столъ. Большой дружекъ бере въ руку запасную булку хлѣба, вурѣзываетъ изъ нея вершину, въ объемъ отъ 2-хъ до трехъ вершковъ, въ которой прирѣзываетъ дзирку и вставляе дзвѣ свѣчи и, штобы запалиць ихъ, большой дружекъ достаетъ огня посредствомъ *краменя* съ огнивомъ и не иначе, какъ отъ одного размаху, а въ случаѣ недостачи *краменя* съ огнивомъ и губкою, передаетъ среднему дружку, послѣдній же, если не достанетъ отъ одного размаху, передаетъ послѣднему дружку, но штобы было непременно высѣчено огню съ одного размаху. Во время добыванія огня свахи пѣюць слѣдующую пѣсню:

42.

Ой краменю, краменю!
Да дай намъ огню
Свѣчекъ зажигаца,
Молодую завиваца.

Добывши огня, большій дружекъ прикладываетъ къ горячей губкѣ спичку и когда ена загорится, ѣтъ говориць: «Благосло-

вице, отецъ мацѣ и вся бесѣда свѣчи зажигади!» Имъ отвѣчаюць:
«Богъ благослови!» (три раза). Запаливши свѣчи, сваха пѣеъ
слѣдующую пѣсню:

43.

Леѣли гусочки черезъ садъ,
Махнули крылочками на весь садъ:
«Пора тобѣ, Гапочно, на посадъ!»
— «Ой» штожъ вамъ, гусочки, до того?
Есь у мене мамочка дле того,
Ена мене хорошо нарядзиць,
На *божжемъ* мѣсцячѣ посадиць,
Ена мнѣ коровку подориць.

Большій дружекъ передае горящія свѣчи брату молодой, который бере ихъ въ лѣвую руку берещъ въ правую молодую за полусвить, приговаривае: «Благословица отецъ—мацѣ и добрые люди молодую на посадъ заводзиць» (три раза). Бесѣда отвѣчае: «Богъ благословиць!» Тогда ёнъ становитца на лаву и ведзе за собою молодую, сажаетъ рядомъ съ молодымъ по правую сторону его. За молодою идуць три дружки. Братъ молодой отдае свѣчи большой свахѣ, которая держиць ихъ пока не подѣляць коровай. Дружки, усѣвшись рядомъ съ молодой, пѣюць пѣсни:

44.

Ой, ты, дружатко, войтѣову сынъ!
Ўскинь на тарелочку золотыхъ семь (1 р. 5 в.)
Ой ты дружатко войтѣову зяць,
Ўскинь на тарелочку золотыхъ пять!

Дружки вугоняюць дружекъ изъ-за стола и они имъ пѣсяи пѣюць:

45.

Му сами не пришли, —
Му сами не пойдземъ.

Насъ Гапочка позвала,
Дружками посажала.
Наймице дѹдачки,
Проведзице дрѹжечки,
Наймице цимбáлы,
Проведзице, гэдѣ брали.
Надъ нашею головою
Биса, дружка, объ стѣну годовую.
Наша стѣна костена,
Дружку голову разцела (разбила).

46.

На дружку кошуля
Чернымъ шовкомъ шита.
Ушивали ему жидзеня́та,
По улицы пасучи коценята.
Нашему дружку молодому
Пасци кáчки келе дому:
Которое нейдзѣ, то ведзѣ,
Которое здыхае, то попирае.

47.

Зажурился дружекъ дзядзя,
На чужіе дзѣвки глядзя.
«Ци жури́са, не жури́са,
Бери дзѣвку да-й жени́са.

Дружки, штобы вѹтѣсниць дружекъ изъ-за стола, плацець
по дзесятцѣ. Получивши подарки, подружки уходяць изъ-за стола
и припѣваюць пѣсню:

48.

Дзякуй, сваце, за ваши грошы,
Штобы вѹѣздъ вашъ бывъ хороши:

Штобы кони ноги поломали,
На спицы ноги повзбирали.

Староста спрашиваетъ свата кореннаго: «Што намъ, сватухна, робиць зъ етымъ хлѣбомъ?» — «Богъ благословиць и я, — дѣлице!» Меньшій дружка крѣпко коровай на малыя куски, кладетъ на тарелку, середній дружекъ бере ея въ руки и подаетъ старосѣ, большій дружекъ укликае лицъ, кому дѣлицъ коровай. Староста, получивши кусокъ коровай, кладетъ на тарелку четвертакъ или шестакъ (2—3 коп.). Послѣ старосты также даритъ короваемъ подстаросту, перепойника, свахъ, трехъ дружковъ. Передъ раздачей коровай меньшій дружекъ вурѣзаетъ отъ одного коровай — съ четырехъ его сторонъ по кусочку и подаетъ середнимъ дружкамъ брачнымъ. Одѣливъ всю бесѣду, пришедшую съ молодымъ, меньшій дружекъ рѣжетъ кусокъ коровай и передаетъ его середнему дружку, который по вызову большимъ дружкомъ отца молодого, вручаетъ ему. Отецъ же, получивши кусокъ коровай, даритъ молодымъ пчелы, а мать, получивши такой же кусокъ коровай, даритъ корову. Затѣмъ, одѣляющъ всю родню и сосѣдовъ молодой, которые дарящъ кто овцу, поросю, целю, кусокъ полотна и т. п.

По окончаніи раздѣла коровай большій дружекъ бере шапку молодого и тушищъ свѣчи, а староста спрашиваетъ свата: «Што робиць етому хлѣбу?» Сватъ отвѣчаетъ: «Поставьце, гдѣ взяли». Три дружки берутъ его вѣко съ оставшимися крошками хлѣба и въ сопровожденіи музыканта несутъ обратно въ клѣщъ.

Во время раздачи коровай свахи пѣютъ:

49.

Сядзьмо, матко, повечераймо!
По вечери подѣлимосо:
Тобѣ, матко, хатка домовка,
А мнѣ, матко, кубель да коровка,

Тобѣ, матко, волю половыя,
 А мнѣ, матко, кони вороные,
 Тобѣ, матко, ўсѣ *угельники* (углы)
 А мнѣ, матко, ўсѣ кубельчики.

50.

Чирвона калина
 Весь лугъ окрасила
 Калинами, журавинами.
 Молодая Гапка
 Всѣ сваты обдѣлила,
 А Никипарко обманула.

На разсвѣтѣ дня въ понедѣльникъ, вся бесѣда уходзиць на дворъ ставиць кони по порядку. Три дружки идуць въ клѣць, забираюць кублы, дзѣшки, кудзели, красницю и другое, што сказали браць молодой, все укладываюць на возы. А свахи, стоя на дворѣ, пѣюць:

51.

Загребай, матко, жаръ, жаръ,
 Будзе тобѣ дочки жаль, жаль.
 Загребай, матко, пѣпигъ,
 Му твою дочку ухѣпимъ;
 Да кидай, матко, дровы,
 Оставайсо, матко, здорова.

52.

Крѣче ворона, крѣче,
 Изъ луга не улетаетъ,
 Плачетъ Гапка, плачетъ,
 На возъ не всѣдаетъ.

53.

Ой кубле мой, кубле!
 Да куды ты да надумавса:
 Ци въ лугъ ипи, въ дубраву,
 Ци въ Никипоркову камору?

Дружки выносоуць изъ клѣщи кубель и ставяць его на возъ
 и тутъ же сажаюць молодыхъ и постельницу и отправляюць къ
 коренному свату — (отцу молодого). Идучи, свахи пѣюць:

54.

Кучаравуй да повозничку!
 Би-жъ коня да погоняй
 Изъ бацькова двора!
 Штобъ я не зачула,
 Якъ моя матка плаче,
 У голубничку стоя,
 Къ голубничку прилегаючи,
 Свое дзиця угождаючи.

55.

Запрагайце бацькову кони,
 Да накачивайце мацерины кублы.
 Бацькову кони тупчуць, рогочуць,
 Молодую везци не хочуць.
 Запрагайце свекрову кони,
 Накачивайце мацерины кублы.
 Свекрову кони якъ зарогоцѣли,
 Изъ двора полецѣли.

Когда бесѣда приближается къ дому свата, свахи пѣюць:

56.

Одчиняй, свекратко, ворота,
 Ъдзе къ тобѣ невѣхна изъ далека!

Одчиняй, свекратко, новый дворъ,
Бдзе къ тобѣ, невѣхна и сынъ твой!
Одчиняй, свекратко, окѣнце,
Бдзе къ тобѣ невѣхна и сынное сердце.

По прибытіи бесѣды къ воротамъ отецъ молодого, встрѣчая молодыхъ съ огнемъ — зубленкою, кладзе въ воротахъ куль соломы и запалывае его, чрезъ поломье котораго переѣзжае повозка съ брачными, кубломъ, постельницею и затѣмъ переѣзжае вся бесѣда. Дружки снимаюць кубло съ воза и несутъ въ клѣцъ, а свахи становяца въ шеренгу и пригѣваюць:

57.

Рада маці, рада,
Якъ сына родзила,
А цеперь раднѣйшая,
Якъ оженила.
Узела собѣ невѣхночку
И ручую, рабочую,
На дзѣло охвочую.

58.

Свекровь невѣсту у воротъ стрѣчала
Да доли путае:
«Ци счастлива невѣхна?
Ци уродлива, невѣхна?
Пушу я долю по своему дому,
Пушу я счастье по своей я хацѣ.»

Отецъ съ матерью становятся на порозѣ сѣней съ двора, молодые стояць на *тычкѣ* съ кубла. Ихъ угощаюць медомъ мезиннымъ пальцемъ. Бацько дае меду сперва сыну, а потомъ невѣсткѣ. Они облизываюць пальцы отца, что и повторяюць три раза. Окончивъ угощеніе медомъ, бацько говориць: «Дарю жиць-

емъ, буцѣмъ, счасцѣмъ, долею доброю и короваемъ. Затѣмъ этимъ же медомъ коренной свать угощае бесѣду и приглашае въ хату. Тамъ сажаетъ ихъ за столъ извѣстнымъ порядкомъ и даюць вечеру, послѣ которой постельница идзе въ клѣцъ застилаць коровацъ, за нею идущъ молодые, взявшись за руки, а свахи въ это время припѣваюць:

59.

Комаръ муху ведзе,
Гибку береу кладзе.
Ой комару, комарусенку,
Ведзи меня по малюсеньку.

Постельница, прос(т)лавши постель, предлагае молодой сняць чоботы съ молодого. Молодой садзитца на коровацъ, а молодая стегаетъ съ него чоботы. Въ это время въ клѣцъ вскакиваюць дружки помогаць постельницѣ с(т)лаць постель и въ тихомолку подкладываюць нѣсколько полѣнъ дровъ, — шобы мягко бую молодымъ лежаць.

Уложивши молодыхъ спать, вся бесѣда расходзицца тоже спать по домамъ.

Въ понедѣльникъ рано свать приглашаецъ опять къ собѣ всю бесѣду, сажаетъ ихъ за столъ и угощаетъ горѣлкою и закускою.— Свекруха (маць молодого) будзиць молодыхъ, припѣвая:

60.

Ўстань, невѣхно; ўстань, небожь!
Да *у*е в'людзей товкуць и мелюць,
А у насъ, небѣго, ни чуваць ничѣго.

61.

Якъ я у матки була,
То курей не чула,
Якъ къ свекрусь пришла,
Куры почула,

Товкучи и мелючи;
А зори познала,
По водзицу идучи.

62.

Чему моего бацюхна довго нѣтъ?
Написала бѣ листы, не умѣю,
Послала-бѣ послы, — не смѣю,
Пошла бѣ я сама, — боюся,
Вѣ буйстрой рѣченьки утоплюся.

Невѣста ўстаѣ изъ кроваци, усакивае на дворѣ, гдѣ набирае *моно* дровъ, несець вѣ хату и тамъ бросивъ дрова, берѣ ведро и идзе за водой. Принесши воды, пече ладзи (блины), а вся бесѣда вѣ это время танцуецъ вѣ сѣняхъ и на дворѣ подѣ игрой музыканта.

Коровай дѣляць у молодого.

Бесѣда молодого, погулявши на дворѣ, возвращается вѣ хату, садзитца за столъ. Сватъ угощаетъ ихъ горѣлкою и закускою и вслѣдъ за тѣмъ староста обращается къ свату со словами: «Штожъ сватокъ, му не пришли къ тобѣ на закуску, давай намъ ладъ, што робиць?» — Екъ етакъ-то, штожъ? Богъ благословиць и я. Идзице по хлѣбъ!» Дружки ўстаюць изъ-за стола и большій дружекъ *каге*¹⁾: «Благословице оцѣ, мацѣ, добрые людзи по хлѣбъ иди!» (три раза). Людзи отвѣчаюць: «Богъ благословиць!» и отправляются вѣ клѣць за хлѣбомъ: спередзи идзе музыкантъ, за нимъ дружки и сватъ; у послѣдняго вѣ рукахъ пляшка горѣлки, изъ которой ѣнъ угощае вѣ клѣцѣ дружковъ. Взявши хлѣбъ съ вѣчкомъ изъ кубла, несущъ вѣ хату. Передъ порогомъ большій дружекъ зновъ каге: «Благословице, оцѣ — мацѣ и добрые людзи, коровай несыци вѣ хату!» (тоже три раза). Отвѣтъ: «Богъ благословиць!» По входзѣ вѣ хату ставяць на столъ коро-

¹⁾ т. е.: коже.

вай и раздѣляюць такимъ же порядкомъ и такими же пѣснями, какими сопровождалось дѣленіе его у молодой.

По окончаніи дѣленія коровая бесѣда свободно сѣдзиць у хацѣ и ожидаецъ приданныхъ отъ свата молодой. Этотъ свать (отецъ молодой) въ свою хату собирае свою родню и сосѣдовъ, изъ мужчинъ и женщинъ, отъ 15-ти до 20-ти душъ, угощае ихъ и *уладжае* (?) къ свату молодого. Приданки, ѣдучи къ молодому, по дорогѣ пѣюць:

63.

Зеленая рупенька,
Аленый цвѣтъ!
Чему мои матоньки
Ко мнѣ нѣтъ?

По входзѣ приданныхъ на дворъ къ молодому онѣ становятца въ рядъ и женщины пѣюць:

64.

На дворѣ у колодзези ведро,—
Чему наше Гапки не видно?
На дворѣ у колодзези ключъ лежиць,—
Чему наша Гапка къ намъ не бѣжиць?

Свать молодого уходзиць на дворъ, здороваецца и витаетца съ приданными и честуе ихъ горѣлкою, приглашае ихъ въ хату. Бесѣда молодого тоже уходзиць на дворъ и тамъ гуляе — танцуюць подъ игрою на скрипкѣ музыканта. Сѣвши за столъ, приданные пѣюць:

65.

Стену́лиса сѣни,
Якъ приданы посѣли.
Ще лѣпшей стену́лиса,
Якъ горѣлки напи́лиса.

66.

Отчинице *мѣцень* (сѣни),
Нехай вѣе вѣцерь
Пудъ цесовня лавки,
Бо цверѣзеньки приданки.

Сватъ честуе приданныхъ горѣлкою и закускою и въ это время пѣюць:

67.

Звони, сваце, звони!
Позволь до коморы.
Тамъ двое дзѣточки спали:
Одно дзиця да роджоное,
А другое да суджоное:
Никипарко роджоное,
Гапко да суджоное.

Приданки ўстаюць изъ-за стола и идуць въ клѣць, а за ними туда же идутъ и дружки. Тамъ молодыя ихъ ожидаюць. Приданныя наряжаюць молодыхъ, т. е. переодзѣюць въ другую одежду, напередъ приносяць ведро воды, ўсыплюць туды овесь, вкинуць . . . . и молодыя разомъ муютьца и однимъ рушникомъ утираютца, За тѣмъ приданныя вунимаюць изъ кубла андаракъ . . . . надзѣюць молодой, завиваюць ей на голову наметку. Молодая подае мужу свою сорочку и дружки надзѣюць молодому, бывшую на немъ сорочку передаюць его мацери. Послѣ этого сватъ приходзиць въ клѣць съ горѣлкою и угощае всѣхъ, тамъ находящихся. Молодая вудаетъ приданнымъ свои скацеры, рушники, которые они приносяць въ хату, а со стола скацерьъ снимаюць и передаюць свекруси, а рушники вѣшаюць на стѣнкѣ. Въ это время пѣюць:

68.

Ой наша Гапка субруса раскачила,
Шовкомъ построчила.

Сему тому по подарочку,
 А Никипорку два подарочки:
 Одинъ подарочекъ—золотой перспенечекъ,
 А другой подарочекъ—молодая Гапка.

Изъ лицъ бесѣды, пировавшей у молодого, каждый приглашаетъ къ себѣ въ хату приданныхъ и угощаетъ ихъ горѣлкою и закускою. Это называется *перезеу*. Приглашенные въ течение дня и ночи обходятъ до 10 хатъ и въ каждой вупивають горѣлку и закусывають. На другой дзень, во вторникъ приданные приходзяць къ свату молодого, гдѣ ихъ тоже частуюць. Потомъ отправляются домой и вся бесѣда расходуется по домамъ своимъ и тѣмъ кончается веселіе.

Расходъ на все весельное пиршество несетъ молодой (отъ 50-ти до 70 р.), а свать невѣсты издерживаетъ только рублей до 15-ти.

Составилъ со словъ крестьянъ деревни Дзяковичъ Дзяковичскій волостной писарь Игнатій Ивановичъ Родковецъ. 20 октября 1889 г. Сообщ. Минск. Губерн. Статист. комитетомъ.

б) Минской губ., Мозырскаго уѣзда, с. Вересица.

Кажется, нигдѣ крестьянская свадьба не сопровождается такими церемоніями и обрядами, какъ въ Бѣлоруссіи вообще и въ частности въ Мозырскомъ уѣздѣ. Измѣнить, или пропустить что-либо изъ свадебнаго обряда, считается преступленіемъ. Если же что-либо подобное произошло во время свадьбы, то это почитается нехорошимъ предзнаменованіемъ для молодой четы. Однимъ словомъ, обрядовая сторона свадьбы возведена какъ бы въ догматъ и равносильна, по ихъ понятію, церковному браку.

Но прежде, чѣмъ начать описаніе самой свадьбы, необходимо сказать нѣсколько словъ и о заручинахъ, или какъ здѣсь говорятъ, *замоинатъ*. Эти замоины совершаются отцомъ и матерью жениха, да еще крестьянымъ отцомъ его. Со стороны невѣсты собирается вся ея родня и устраиваютъ попойку, довольно про-

должительную, ведя при этомъ посторонніе разговоры. Жениху при этомъ присутствовать не полагается. Невѣсты также въ это время не бываетъ дома; она гдѣ-нибудь скрывается. Пирующіе наконецъ спрашиваютъ: «Ай дѣжъ дѣвка? покажѣтце намъ еѣ?» Тогда мать тотчасъ посылаетъ кого-либо изъ домашнихъ привести невѣсту. По ея приходѣ и совершается актъ заручинъ слѣдующимъ образомъ: Невѣста подаетъ свою руку отцу жениха и при этомъ цѣлуются. Голыхъ рукъ не подаютъ, а обматываютъ ихъ цвѣтнымъ платкомъ. Потомъ она такимъ же образомъ подаетъ руку матери жениха и прочимъ его роднымъ. Здѣсь, какъ видимъ, вмѣсто того, чтобы дѣвушка отдавала свою руку непосредственно жениху, она отдаетъ ее ему чрезъ посредство его отца. Затѣмъ раздають подарки друзьямъ, послѣ чего попойка продолжается уже до разсвѣта.

Наканунѣ совершенія брака, въ домѣ, какъ жениха, такъ и невѣсты бываетъ, такъ называемый, *гостинецъ*. Онъ состоитъ въ томъ, что приглашаются родственники на вечеринку и при этомъ дѣлають свѣчу. Это дѣло, впрочемъ, лежитъ на обязанности крестнаго отца; затѣмъ, онъ же срѣзываетъ съ хлѣба верхушку, величиною съ тарелку, и вырѣзываетъ въ ней двѣ дырки, одна возлѣ другой. Въ эти дырки и вставляются двѣ свѣчи: жениха и невѣсты. Свѣчи эти играютъ видную роль во все продолженіе свадьбы и находятся на рукахъ старшей свахи (ближайшая молодая родственница невѣсты). Въ день свадьбы, предъ бракомъ женихъ въ сопровожденіи сватовъ, свахъ и маршалковъ (друзекъ), идетъ въ домъ невѣсты, для которой онъ несетъ подарокъ, состоящій изъ обаранковъ (калачи). Эти обаранки женихъ кладетъ на руки невѣсты, но она ихъ отбрасываетъ въ сторону. Женихъ опять кладетъ ихъ невѣстѣ на руки, она ихъ опять отбрасываетъ и такъ до трехъ разъ. И только послѣ третьяго раза она ихъ наконецъ принимаетъ. Затѣмъ слѣдуетъ благословеніе и троекратный обводъ молодыхъ вокругъ стола, послѣ чего всѣ отправляются въ церковь. Женихъ непремѣнно долженъ быть въ мѣховой шапкѣ (барашковой), хотя бы это было и въ лѣтнюю пору.

Въ этой шапкѣ онъ долженъ быть въ продолженіи всей свадьбы и ни на одну минуту не снимаетъ ея съ головы. Вмѣсто баята, жениху закладывается цвѣтной платокъ за поясъ съ правой стороны. Впрочемъ въ уѣздахъ Случкомъ, Новогрудскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ дѣлаютъ бантъ изъ лентъ и прикалываютъ къ шапкѣ. Въ церкви, предъ аналоемъ, вмѣсто ковра, постилаютъ подъ ноги кусокъ холста, на который кладутъ мѣдныя деньги. Предъ началомъ вѣнчанія дружка расплетаетъ молодой косу.

По совершеніи обряда, новобрачные идутъ въ домъ невесты на обѣдъ. По дорогѣ свахи поютъ:

69.

Да подзякуймо Богу,
 N — му попу,
 Що нашіе дзѣтки звѣнчавъ,
 Недорого за вѣнецъ ўзявъ:
 За двое молѣдзенькіе
 Да чотыри золѣценькіе.
 Перша квѣтка, тожъ Иванко,
 Да подзякуймо Богу! и проч.
 Други квѣтка, тожъ Оксенька
 Да подзякуймо Богу! проч.

Послѣ обѣда у невесты, женихъ со своими сватами и свахами идетъ, а если онъ съ другой деревни — ѣдетъ домой; невеста же еще остается дома. Вечеромъ этого дня, дѣлается начало свадьбы, которая состоитъ въ печеніи коровая. Коровой пекутъ, какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невесты и къ этому времени приглашаются всѣ родные и пріятель. Когда все готово, старшая сваха (крестная мать) обращается къ родителямъ жениха или невесты и говоритъ: «*Отцеиз и мацц, благословяце короуі роуццнннн*». «*Боігъ благословиць!*» отвѣчаютъ ей и такъ дѣлается до 3-хъ разъ. Затѣмъ сваха приступаетъ къ рощинѣ (закваскѣ) коровая, а гости между тѣмъ расходятся по домамъ. Черезъ 3 или 4 часа—это будетъ уже около 12 ч. ночи, таже сваха опять

обращается къ родителямъ съ тѣмъ же вопросомъ: «Благословѣе, отецъ и мацѣ, коровай мѣсяць?» «Богъ благословиць».... Затѣмъ дѣлается малое угощеніе этой коровайницѣ, при чемъ ее сажаютъ на почетное мѣсто. Между тѣмъ невѣста съ подружками, а въ домѣ жениха ближайшая родственница идетъ сзывать на коровай, т. е., когда нужно уже коровай выдѣлывать и сажать въ печь. «Отецъ и мацѣ, спрашиваетъ сваха, благословѣе коровай изъ дзѣжки выймацѣ?» «Богъ благословиць»... Послѣ этого тѣсто вынимаютъ на столъ и свахи или коровайницы поютъ:

70.

Попытаймося, жоночки,
У Иванова бацюхна:
Ци вольно намъ, коровайночкамъ,
Сей домъ повеселиць?
Да на тѣе жъ мы годовали,
Собѣ радости дожидали.
Вольно намъ, коровайночкамъ,
Сей домъ повеселиць.
Дробнѣ пшонце, дробнѣ!
Но все воно здобнѣ:
Курки гребуць, гуски шиплюць,
На столѣ коровай гиблюць.

Во время пѣнія этихъ пѣсенъ, старшая коровайница выдѣлываетъ самый коровай, а остальные — украшенія къ нему, — изъ тѣста же и лѣпятъ разныя фигурки по верхъ коровай. Окончивъ дѣло съ короваемъ, поютъ:

71.

Ой вису(?) мой, *мису!*
Да налѣце-жъ воды въ мису,
То я буду ручки мыци,
Да на вишеньки лицѣ
Щобъ вишеньки росцвѣтались
А молодые красовались.

Послѣ этого кладутъ коровай на лопату и сажаютъ въ печь. Въ это время сваха, садившая въ печь коровай, продѣлываетъ такую подробность обряда: посадивъ коровай, она стремительно бѣжитъ къ передней стѣнѣ дома съ лопатой и ударяетъ ею въ стѣну, затѣмъ назадъ — къ противоположной и ударяетъ, въ правую — отъ дверей и въ противоположную отъ ней, все ударяя лопатой, т. е., дѣлаетъ это крестообразно. Наконецъ этой же лопатой она ударяетъ три раза жениха по головѣ, приговаривая: «На 7 сыновъ, а на 8-ю дочку коровай всадила». Во все время процедуры съ короваемъ, старики пьютъ водку, а молодежь, подъ звуки одной скрипки и бубна, танцуютъ на дворѣ и въ сѣняхъ, съ такъ называемыми подскочными пѣснями, содержание которыхъ весьма неприлично.

Пока коровай печется, дѣлается обильное угощеніе коровайницамъ и въ особенности старшей, которую садятъ на «покуть» (подъ образы) и ей припѣваютъ:

72.

Старшая коровайница!
Не садися да на покуцы,
Сядзь собѣ на порози,
Щобъ хлопчики не напшили¹⁾,
Корова бѣ не вхонили.

Когда подходитъ время выбрать коровай изъ печи, то поютъ:

73.

Ой дайцежь мнѣ метъ, метъ!
Порублю я печь;
Недобре вчинили
Коровай засмолили.

Вынувши коровай изъ печи, его мажутъ медомъ и украшаютъ различными растеніями и поютъ:

¹⁾ Не насмѣялись.

74.

Буйная пшениченька на *гноть*,
Хорошъ коровай на столѣ.
Да широкіе скоки у сороки,
Довгіе ноги у журавля,
А весёлые пѣсеньки у соловья.

Послѣ этого коровай выносятъ въ клѣть, припѣвая:

75.

Пытався (спрашивалъ) *кмычз*¹⁾ перепечи:
«Чи далеко сжежка до клѣци?»
Травка, муравка зелененька,
До клѣци сжежка готовенька.

Подъ вечеръ другого дня дѣлается приготовленіе къ отъѣзду за молодой. Обыкновенно распорядителемъ бываетъ старшій свать, т. е., крестный отецъ жениха. Когда все готово къ отъѣзду, всѣ гости съ женихомъ побравшись за руки, ходятъ вокругъ стола 3 раза и всякій разъ женихъ цѣлуетъ образъ. Отецъ, мать и родня при этомъ плачутъ. — Поютъ:

76.

Хилиса, похилиса,
Зеленый дубъ къ дуброви!
Клониса, поклониса, Иванко
Своему бацюхну въ ноги.

Отецъ говоритъ: Зъ Богомъ, дзѣтки, зъ Богомъ,
Богъ тобѣ да помочи,
А Пречистая Маци
Будзе тцебе заступаца
И ворота отчиняца.

---

¹⁾ Пирогъ.

Выходя изъ хаты поютъ:

77.

На добра ночь, маци,
Да не ложиса спади.
Мы къ тобѣ, якъ свѣтъ, будземъ,
Свѣтовою зарюю,
И зъ Оксенькою молодою.

Подъѣзжая къ дому невѣсты, поютъ:

78.

Не лекайса, песцю,
Що твой зяць ѣдзе,
Небагато бояръ везе:
Осьмеро, дзевяцero,
Да и всѣхъ дзесяцero.
Не гнѣвайся, песцю,
Ще зяць спознивса!
Да не бувъ же я дома,
Бувъ же я въ Прилутцы
У короля въ наутцы.
Учивъ мене королѣсенько,
Щобъ не ѣхавъ ранесенько,
Хоць пріѣдомъ позно,
То свое возьмемъ,
Да ци рано, ци позно
А свое возьмемъ.

Пріѣхавши въ то село, или деревню, гдѣ невѣста, не вѣз-
жають прямо въ ея дворъ, а останавливаются у кого-нибудь изъ
своихъ хорошо знакомыхъ, гдѣ хозяинъ дома угощаетъ жениха
и сватовъ. Маршалки же прямо съ воза отправляются въ домъ
невѣсты и спрашиваютъ: «Ци примеце насъ на свое веселье?
Мы людзи подорожніе». Имъ отвѣчаютъ: «Идзѣце собѣ зъ Бо-

гомъ, мы васъ не знаемъ». Маршалки уходятъ, но скоро опять возвращаются съ тѣмъ же вопросомъ и удаляются опять съ тѣмъ же отвѣтомъ. Въ третій же разъ, когда маршалки появятся, то уже ихъ тщательно допрашиваютъ: кто они? откуда? и есть ли у нихъ паспортъ? При этомъ они обыкновенно запасаются лоскуткомъ какой-нибудь бумаги и показываютъ хозяину дома, говоря, что это и есть настоящій *пашпортъ*.

Послѣ этого ихъ просятъ въ хату, гдѣ ихъ угощаютъ. Поблагодаривъ за угощеніе, маршалки уходятъ, объявивъ, что они уже придутъ съ «весельемъ». Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени является женихъ въ сопровожденіи маршалковъ, сватовъ и свахъ; старшій маршалонокъ несетъ на головѣ коровай, а старшая сваха идетъ съ горящими свѣчами, о которыхъ было сказано выше; старшій же свать съ ведромъ водки.

Придя на дворъ, они не входятъ въ домъ, а останавливаются за дверями, которыя въ это время заперты на замокъ и здѣсь поютъ слѣдующее:

79.

У гордого песця
Стоиць зяць за воротами.
Що на заця мьяпець мьяцелица
И дробная дождзевица.

На это изъ хаты отвѣчаютъ:

80.

Крыйса, зяцю, крыйса!
И кунями и бобрами
И чорными соболями!

Зять въ отвѣтъ поетъ, или вѣриѣе, за него поютъ:

81.

Да вжежъ я крывса:
Куны мои позмокали,

А соболи позвисали,
 А свѣшечки поосѣпали (похрипли).
 Пустци свату въ хату!
 Мы жъ цебе не загубямо,
 Возьмемъ кого любимо.
 Выпьемъ по кѹбочку,
 Возьмемъ свою голѹбочку.

Послѣ этого ихъ обыкновенно впускають въ хату и приглашаютъ сѣсть за столъ. Старшій свать съ привезенною баклагою водки садится всегда на покутье, и просить посуды, для перелитія. Нужно замѣтить, что во время свадебъ водка по-ставляется на столъ не въ бутылкахъ, а наливають въ *братину* (въ миску), изъ которой уже ложками ее разливають по рюкамъ. Во время попойки и закуски свахи поють:

82.

Прилецьвъ соловейко,
 Сѣвъ на дому:
 «Ой скучненько мнѣ самому,
 Колибъ моя голубонька не со мною»!
 Пріѣхавъ Иванько,
 Сѣвъ за столомъ,
 Скучненько мнѣ самому,
 Колибъ моя Оксенька не со мною.

Въ это время молодая съ подружками сидитъ въ сторонѣ. Къ нимъ подходятъ маршалки и предлагаютъ деньги, лишь бы онѣ оставили имъ молодую и пошли съ ними гулять. Подружки сначала не соглашаются, но когда маршалки прибавятъ имъ нѣсколько денегъ, онѣ оставляютъ имъ молодую и идутъ съ маршалками гулять. Ихъ мѣсто возлѣ молодой занимаетъ ея сестра, или тетка. Уходя, подружки навсегда прощаются съ молодою, такъ какъ роль ихъ уже кончена.

Погулавъ немного съ подружками, маршалки съ музыкой

входятъ въ хату; старшій изъ нихъ беретъ жениха за руку и, приведя къ невѣстѣ, садитъ ихъ обоихъ на подушку.

При этомъ свахи поютъ:

83.

Гдѣ-жъ пошла, гдѣ подзѣлала
Оксеньчина маца?
Да нехай идзе, да нехай несе
Сповивало дзицяци.
Уже-жъ бо мнѣ косникъ тошницъ,
Уже-жъ бо мнѣ чепца хочетса,
На мою головоньку,
На любую размѣвоньку.

Наконецъ, вы видите, что какой-то парень точитъ ножъ. Это братъ молодой, или ея родственникъ. Онъ точитъ свой ножъ для того, чтобы отрѣзать у молодой косу. Видя это, старшій свать проситъ его пощадить сестрину косу и предлагаетъ ему 1 или 2 коп. Братъ не соглашается и все грозитъ, что урѣжетъ косу, пока, наконецъ свать не прибавитъ ему еще нѣсколько копѣекъ. Получивъ деньги, братъ расплетаетъ молодой косу и съ этой поры она уже не имѣетъ права заплетать свои косы во всю жизнь. Нарушаетъ этотъ законъ только женщина, потерявшая мужа и при томъ женщина распутнаго поведенія.

84.

Ой не братъ, не братъ, татаринъ,
Продавъ сестрицу за талеръ,
А русую косоньку за штакъ (3 к.),
А бѣлье личенько отдавъ такъ.

Послѣ этого мать молодой приноситъ сповивало (намитка изъ холста, арш. въ 5) и масло, а свахи отъ лица молодой поютъ:

85.

Дай, мамко, масло,
Я твои коровы пасла

Отъ росы, до росы,—
Помазати косы (волосы).

Одна изъ родственницъ беретъ масло и смазываетъ имъ волосы, сперва молодому, а потомъ молодой. Затѣмъ беретъ ихъ волосы и соединивъ вмѣстѣ, обжигаетъ брачными свѣчами. Сдѣлавъ это, она говоритъ: «Отцѣ и маці, благословѣцъ чепца надѣйца»—«Богъ благословица!» Когда же родственница приступаетъ къ тому, чтобы надѣть чепецъ на голову молодой, то она не допускаетъ и сбрасываетъ его. Ее уговариваютъ, просятъ, а сваты подсылаютъ деньги на тарелкѣ — коп. 5. Тогда она наконецъ соглашается, чтобъ ей надѣли на голову чепецъ. Послѣ этого ее еще сповиваютъ, т. е., обматываютъ ей новою намиткою голову и почти все лицо. Та, которая сповиваетъ молодую, одѣвается въ тулупъ на-изнанку и накрываетъ свою голову шапкою. Для чего такъ дѣлается, крестьяне и сами не могутъ дать отчета.

Во время сповиванья свахи поютъ:

86.

Сповивала ночка шельма.
Нащо мою коску сперла?
Сперла, изомьяла,
Подъ чепчикъ сховала.

Окончивъ дѣло съ повиваньемъ, старшій маршалокъ беретъ намитку и связавъ молодыхъ вмѣстѣ, ведетъ ихъ въ варивню¹⁾, гдѣ имъ приготовлена закуска. Послѣ закуски, маршалокъ опять приводитъ ихъ на прежнее мѣсто, а свахи поютъ:

87.

А ци тобѣ, мамонько, жаль не жаль,
Ци твого сердечка не крѣе,
Що твоя Оксенька не йграе?
Якъ сѣла еще вчора зъ вечѣра,
Положила рученьки на скам'ѣ,
Спустила воченьки до землѣ.

¹⁾ «Варивня — хозяйственный погребъ для храненія огородныхъ овощей». Слов. Носовича.

Затѣмъ всѣ садятся за столъ и имъ предлагается вечеръ (ужинъ); свахи поютъ отъ лица молодой:

88.

Сядьмо, мамко, повечераймо!
Повечерявъ, подзѣлемося:
Тобѣ, мамко, вся худобонька,
А мнѣ бодня и коровонька,
Тобѣ, мамко, нить и бердечко,
А мнѣ, мамко, полотенечко.

Послѣ вечеріи вносятся коровай невѣстинъ, а старшій маршалокъ беретъ коровай жениха, и поднимаетъ къ верху. При этомъ поютъ:

89.

«Чій, чій коровай выше?»
— «Нашъ, нашъ коровай выше.»
«А чія свѣчка яснѣе?»
— «Наша Оксенька краснѣе.»

Въ это время идетъ приготовленіе къ отъѣзду съ молодою въ домъ жениха и, само собою, сопровождается поклонами со стороны жениха и невѣсты и прощаніемъ, при чемъ поютъ:

90.

Добраночъ, мамонько, добраночъ!
До вже той добраночъ не на ночь,
Да вже той добраночъ на весь вѣкъ,
А славонька пошла на весь свѣтъ.

Старшій маршалокъ беретъ молодыхъ за руки и уводитъ изъ хаты; они садятся на повозки.

91.

Загребай, маци, жаръ, жаръ,
Будзе тобѣ дочки жаль, жаль!

Закидай въ печь дрова,
Оставайся здорова.

92.

Добре мы воевали
И шапокъ не знимали,
И шабелёкъ не выймали,
Собѣ Оксенку ўзяли.

Молодыхъ, связанныхъ наметкою, усаживаютъ на одной повозкѣ и ѣдутъ впереди всѣхъ; на другой — приданое невесты и старшій маршалокъ; на 3-мъ сваты; на 4-мъ свахи; на 5-мъ музыка и проч. Ёдучи гукають и поють:

93.

Лепи, лепи да соколоньку
Да на мою да стороньку,
Кажы, кажы да вѣстоньку,
Що везомо да невѣстоньку.

Отѣхавъ съ полъ-версты отъ деревни, свадебный поѣздъ останавливается и маршалки возвращаются въ домъ невесты за приданными, т. е., за роднею невесты, кромѣ отца и матери, за которыми будетъ послано, въ свое время, болѣе почетное посольство — съ женихомъ во главѣ.

Между тѣмъ въ домѣ жениха съ нетерпѣніемъ давно ожидаютъ поѣзда съ невѣстою и приготавливаются къ ея встрѣчѣ. Это бываетъ уже около 8 ч. вечера другого дня свадьбы. Когда слышатъ брачный поѣздъ, а его слышно за нѣсколько верстъ, приготавливается въ воротахъ двора кулъ соломы и, какъ только поѣздъ приблизится къ дому, солома зажигается и чрезъ этотъ огонь проѣзжаетъ весь свадебный поѣздъ. Въ домѣ же, на порогѣ въ дверяхъ ставится хлѣбная *опѣжа*, поверхъ которой молодые проходятъ въ домъ. Здѣсь мать жениха встрѣчаетъ ихъ, въ надѣтомъ на-пизнанку тулупѣ, съ хмелемъ и

медомъ. Первымъ она осыпаетъ молодыхъ; молодая, въ свою очередь, имѣя въ карманѣ свой хмель, осыпаетъ весь домъ, начиная съ печи; вторымъ, т. е., медомъ, мать тутъ же угощаетъ молодыхъ съ одной ложки и затѣмъ уже садятъ ихъ за второй столъ, — за первый столъ молодыхъ не садятъ. По поводу того, что мать жениха въ такомъ странномъ видѣ встрѣчаетъ свою невѣстку, родня невѣсты, пріѣхавшая съ нею, пригѣваетъ:

94.

Ой знаци, знаци,
Що не своя мацi:
Вывернула кожуха,
Да хоче спужацi.
Ой знаци, знаци —
Да хто хоче спацi:
И оченьки сплющцiць,
И рученьки спусцiць.

Послѣ этой пѣсни и др. болѣе нескромныхъ, дѣлается приготовленіе брачнаго ложа. Эта обязанность лежитъ на родственникахъ невѣсты. Когда все готово, берутъ молодыхъ и съ музыкою ведутъ на брачное ложе, которое устраивается всегда въ клѣти (амбарѣ), хотя бы то было и зимою. Женихъ садится на кровать, а невѣста должна снять ему чоботы (сапоги), — знакъ подчиненія ея мужу; а чтобы показать, что и она можетъ имѣть нѣкоторую власть надъ нимъ, она, стянувши сапогъ съ ноги мужа, ударяетъ его этимъ же сапогомъ. Затѣмъ молодые остаются, а всѣ прочіе удаляются изъ клѣти. Пока молодые отдыхаютъ, гости въ это время поютъ, гуляютъ и на ихъ счетъ выкидываютъ разные шутки и не пройдетъ полъ-часа, какъ подымутъ шумъ и гамъ къ тому, что молодыхъ уже пора *будить*:

95.

Вставайце, княжата,
Пшеница не жата!

Встаньце, сожнѣце,
Дай въ кѣпку складзѣце!

Будить молодыхъ идуть всегда съ музыкой. Молодые моются изъ одного умывальника и, умывшись, одѣваются въ чистое бѣлье. На голову молодой надѣваютъ уже уборъ женщины замужней, который состоитъ изъ завивки наметки; поверхъ этого покрываютъ другою наметкою и въ этомъ видѣ ведутъ молодыхъ въ хату, гдѣ бываетъ такая же встрѣча, какъ и при прїѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха. Тутъ ихъ садятъ за второй столъ противъ печи и поютъ:

96.

Святый понедзѣлку
Поперавъ намъ дзѣвку,
Посадзивъ подъ поліцею¹⁾,
Нарадзивъ молодзицею.

Въ это время отецъ жениха, а если его нѣтъ, то братъ, беретъ у музыканта смычекъ и вскрываетъ имъ молодую, т. е., снимаетъ съ нея верхнее покрывало — наметку и забрасываетъ на печь. При этомъ вскрытіи, онъ говоритъ: «Вскрываю тебе коровоу, рябою или гнѣдою.» Этотъ обрядъ совершается уже утромъ 3-го дня свадьбы.

97.

Добра годзиночка настала,
Що наша Оксенька да по бацюхна послала.
Послала жъ вона да чатыре кони,
Чатыре кони, а пятый возъ,
А 6-го повозничка, щобъ привьезъ.
Послала жъ вона чатыре сыри на страву,
Щобъ привѣзено еѣ бацюхна на славу.

Женихъ въ сопровожденіи старшаго маршалка и съ музыкой ѣдетъ за своимъ тестемъ съ бутылкою водки, которую тамъ

---

¹⁾ Полка.

выпиваютъ и наполняютъ ее житомъ (рожью). Молодой забираетъ своего тестя и тещу и увозитъ съ собою; имъ бываетъ слѣдовательно встрѣча въ домѣ жениха: выносятъ изъ хаты, на дворъ, покрытый скатертью столъ, на которомъ ставятъ хлѣбъ-соль и бутылки съ водкой. По пріѣздѣ на дворъ поютъ:

98.

Молодзенька Оксенька,
Выйдзи изъ камѳроньки,
Вынеси калиноньку,
Прпвитай всю родзѳноньку,
Близкую, далекую, богатую и убогую.
Изъ зимняго да колодзезя
Тамъ Оксенька да воду брала,
Въ свой край позирала:
«Ци не ѳдзе мой бацѳхно,
Ци не везе гѳспинчика,
Чирвоного да васильчика?
Не такъ рада я гѳспинчику,
Якъ я рада свойму бацѳхну.

Молодая стоитъ около стола и чрезъ него она здоровается съ отцомъ и матерью. Затѣмъ идутъ въ хату и садятъ ихъ на почетное мѣсто — подъ образами, и угощаютъ. Послѣ этого, мать невѣсты даетъ подарки жениховой роднѣ; подарки эти — холстъ и наметки. Послѣ раздачи подарковъ, бываютъ переводины, т. е., старшіе сваты ведутъ все *весеме* къ себѣ на угощеніе; тоже дѣлаютъ и другіе родные и сосѣди. Дорогою поютъ:

99.

Чѳй же это перезѳвъ ходзиць?
Да хто жъ ему перѣдъ водзиць?
Гѣто жъ того пана,
Молодого Ивана.

Розсунь, свату, хату,
 Бо великій перезовъ маю.
 Коли въ хату не влѣземъ,
 То свату бороду урѣжемъ.
 А въ нашего свата
 Свѣтлица, не хата:
 Печь его побѣлёная,
 Чесць его ухвалёная.

Погулявши у сватовъ, «веселье» возвращается въ домъ жениха, родня котораго припѣваетъ роднѣ невѣсты:

100.

Отзывайса, родзе богатый,
 Перепивай товаръ рогатый.
 А вы, приданочки, тонкіе сарпаночки,
 Тонкіе бѣленькіе, съ паперемъ ровненькіе.

Послѣ этого, отецъ невѣсты беретъ въ руки рюмку и говоритъ: «Перепиваю тобѣ корову!» Маршалки, по этому случаю, кричатъ, подражая звуку этого животного: «му-му-мууу!» Мать такимъ же порядкомъ перепиваетъ дочкѣ свинью или овечку, а маршалки кричатъ, подражая звуку этихъ животныхъ. Далѣе слѣдуетъ перепой крестнаго отца и др. Женскій полъ перепиваетъ обыкновенно холстъ, а это — деньги, которыя передаютъ въ рюмкѣ. Послѣ всякаго перепоя, или подарка, молодые кинутся. По окончаніи этой церемоніи родители невѣсты отправляются домой и имъ поютъ:

101.

Да їдзе жъ бацяхно до дому,
 Зове свою Оксеньку зъ собою:
 «Ходзи, ходзи, Оксенько, зъ нами,
 Дамо тобѣ вѣночка зъ перлами.»

— «Да не мушу, бацюхно, не мушу,
 Полюбила Иванька, якъ душу;
 Положила на рученцы — легенёкъ,
 Пригорнула до сердзенька — миленёкъ.

Съ отъѣздомъ родителей невѣсты, разъѣзжаются и расходятся и прочіе гости и собственно свадьбѣ тутъ бываетъ конецъ. Но у нашихъ крестьянъ тоже бываютъ свои визиты, извѣстные подъ именемъ *пироговъ*, потому что они везутъ съ собою пироги, или просто хлѣбъ. Сперва молодые ѣдутъ къ родителямъ молодой, а въ слѣдующее воскресенье послѣдніе пріѣзжаютъ къ нимъ.

Въ продолженіе 3-хъ дней свадьбы, крестьяне все пьютъ и мало ѣдятъ; поэтому водки берется до 10—15 ведеръ. Три дня пьютъ и почти не знаютъ, что такое сонъ. Только крѣпкая натура нашего мужика можетъ все это вынести и переварить, не подвергая опасности его здоровья. Впрочемъ бываютъ и исключенія, и въ такомъ случаѣ причину находятъ въ томъ, что такой то «перепивъ», т. е. околдовалъ.

Зап. свящ. Стеф. Сулковскимъ.

в) Минск. губ., Слуцк. у., Старобинской волости, д. Дубей и Жабина.

Завязка свадьбы или задружкованіе начинается съ засвата-нія. Оно состоитъ въ томъ, что отецъ «молодого» (жениха), по-совѣтовавшись съ семьей, приглашаетъ родственника или посторонняго кого-либо, лишь бы хорошо только умѣлъ болтать, какъ говорится, «зубы заговаривать», беретъ въ торбу коровай хлѣба, бутылку водки, немножко соли и отправляется къ родственникамъ невѣсты. Вошедши въ домъ, они обыкновенно вѣжливо привѣтствуютъ хозяина словами: «Дзень добры, пане сваце!» Отецъ жениха со сватомъ своимъ до трехъ разъ долженъ побывать у родителей невѣсты, въ виду того, что обычай требуетъ сразу не подаваться. Если послѣ перваго посѣщенія родители, или сама дѣвушка, не отошлютъ хлѣба и водки, значитъ, есть надежда «засвататься». Послѣ третьяго посѣщенія дѣвушка обыкновенно объявляетъ, что она согласна выйти за-

мужъ за такого-то. Тогда родители благословляютъ молодыхъ. Говоря: «Боже васъ, дѣтки, благослови!» Выпиваютъ бутылку водки и затѣмъ отправляются къ «попу» даваць на *замовѣди* (оглашеніе).

Возвратившись отъ батюшки, сваты уже дѣлаютъ условіе относительно запоинъ. Запоины состоятъ въ томъ, что отецъ жениха въ условленное время беретъ ведро водки и деньги и идетъ одинъ, безъ свата, къ невѣстѣ запивать; тотчасъ по его приѣздѣ туда невѣста наливаетъ рюмку водки и подаетъ своему будущему свѣкру, а онъ даетъ ей деньги на тарелку, предпрительно прихлебнувъ немного водки изъ рюмки. Кромѣ того онъ привозитъ ей гостинцы отъ жениха: платокъ, башмаки, чулки и пр. При запоинахъ отецъ жениха долженъ перепивать деньгами всѣхъ близкихъ родственниковъ невѣсты и тѣхъ подругъ невѣсты, которыхъ она избрала себѣ за «дружки-шаферки».

При запоинахъ сваты условливаются, когда коровай *замовлять*.

Замовленіе коровай состоитъ въ томъ, что отецъ жениха отправляется къ невѣстѣ, опять съ бутылкой водки, и тамъ родители невѣсты приглашаютъ «дружекъ» и дружка «маршалка» со стороны послѣдней, къ себѣ въ домъ, гдѣ они пьютъ водку. Затѣмъ дружка съ дружками идетъ въ сѣни съ платочками въ рукавахъ и, взявшись за шпенъ (палка вертикально стоящая при жерновахъ), возглашаютъ: «Благословѣце, оцецъ, маци и вся родня молодой коровай замовляецъ», три раза. Имъ отвѣчаютъ изъ избы: «Богъ благослови!» При этомъ поютъ пѣсню.

102.

Да хто мѣсе коровай,
Тому Боже помагай!
Братъ шеле(ть) съ сестрою
За ясною свѣчою.

При этомъ сыплютъ обыкновенно въ жернова рожь. На этотъ разъ сваты уговариваются о днѣ свадьбы.

На свадьбу обыкновенно приглашаются все родственники и сосѣди. Приглашенные приносятъ съ собою хлѣбъ или рожь. Избранный дружокъ, «маршалокъ», какъ распорядитель свадьбы заготавливаетъ немного пшеничной муки (примѣшиваютъ ее у бѣдныхъ къ ржаной, а у богатыхъ—пекутъ коровай изъ одной пшеничной муки). Когда все нужное для коровай готово, то приглашаютъ коровайницъ, молодухъ. Последнія, какъ можно лучше, наряжаются. Приглашенныхъ коровайницъ садятъ обыкновенно кругомъ стола и угощаютъ водкой, послѣ чего онѣ приступаютъ съ засученными рукавами коровай расчинять и возглашаютъ три раза: «Благословѣце, опецъ, мацѣ (если они въ живыхъ), вся родня, молодому коровай расчиняецъ!» Имъ отвѣчаютъ: «Богъ благослови!» Приступивъ къ мѣшенію коровай, коровайницы поютъ:

103.

Да съ суботуньки на недѣленьку годзіна,
Да собралася ўся Иванькова родзіна
И занесли, завезли три бочки муки на коровай.
—Хвалиць Бога (2), хорѹошь будзе нашъ коровай!
Да съ суботуньки на недѣленьку годзина,
Да собралася ўся Иванькова родзина;
Да знести, звести три вѣсы соли на коровай!
Хвалиць Бога и т. д.

Да съ суботуньки на недѣленьку годзина,
Да собралася ўся Иванькова родзіна
Да знести, звести три копе еецъ на коровай.
Хвалиць бога и т. д.

Когда коровай замѣшанъ и нужно садить его въ печку, то коровайницы поютъ:

104.

Да стояла сосонка вѹосемъ лѣтъ, —
Порубайце ее на загнетъ.

Штобъ нашъ загнеть ясенъ быў,
 Штобъ нашъ коровай красенъ быў.
 Гдзѣ-жъ пошовъ жениховъ бацяхно?
 Нехай ўвойдзе, нехай стане, 2,
 Да нехай стане близко къ короваю,
 Своимъ дзѣткамъ доли, 2:
 Первому да роджоннаму, 2,
 А другому да суджоному:
 «Въ мене Иванько, въ мене Иванько!
 Дзиця мое, пордзонное, 2,
 А Адарка, дзиця моё, да суджоное.

При этомъ коровайницы припѣвають одна другой:

105.

Чыя жъ бо-то жуѡнка, 2,
 Коровай мѣсила
 И Бога просила.
 Сама бѣла румяна, 2,
 Шевковые рукава,
 Сама бѣла — невеличка, 2,
 Румяное личко.

Коровайницы поютъ хозяину:

106.

Гдзѣ жъ нашъ госпадаръ дзѣвса, 2?
 Ци въ ключе вверцѣвса?
 Треба ему да сорамъ знаци, 2,
 Намъ горѣлочки даци.
 Я молодзица да не дзѣвка, 2,
 Тудемъ ишла, гдзѣ горѣлка.
 Пахне горѣлочка въ бочаце, 2,
 Мнѣ молодзенькуѡй хочаца.
 Дайце мнѣ мѣрочку — я выпью, 2,
 Дайце другую, — яй и тую,

И трейцею скоштую, 2,
 За чацьвортую дзенькую:
 У мене того не купиць, 2,
 Дайце и пята, буду пиць.
 Ёнъ кудрами потрасе, 2,
 Намъ горѣлачки принесе.

Когда всадятъ коровай въ печь, поютъ:

107.

Расци, расци, нашъ коровай,
 Да выше стола княжого,
 Да выше ставна золотого,
 Да выше князя молодого.
 Припечикъ сакоче, 2,
 А печь короваю хоче.
 А вы, панове, знайце, 2,
 Къ короваю поспѣшайце.
 Хвалиласа Хведарова жуѡнка, 2,
 Што умѣю коровай мѣсиць, —
 Ажъ ена солжила, 2,
 Коровая не вмѣсила.
 Да хвала табѣ, Боже, 2,
 Ёсе дѣло зробили —
 Коровай ўсадили.

Когда коровай еще въ печкѣ, «молодого» ведутъ «на посадъ». «Посадъ» состоитъ въ томъ, что маршалокъ, т. е. дружокъ, беретъ правою обвернутой платкомъ рукой руку жениха, а лѣвой руку брата «шафира», ведетъ ихъ за столъ, гдѣ для молодого положена подушка и возглашаетъ три раза: «Благословѣце, опецъ, мади, вся родня молодого на посадъ заводзиць!» Ему отвѣчаютъ: «Богъ благослови», тоже три раза. Послѣ этого коровайницы поютъ:

Да летѣли гусачки Perezъ садъ,
 Да гукали Иванька на посадъ, и т. д.

Когда молодой уже сядетъ на подушкѣ за столомъ, ему поють:

108.

Молодзенькій Ивашко!
Хтожъ да на сей посадь заводзивъ?
— Заводзивъ рѹднѣй братъ,
Посадзивъ мене Господзь Бѹогъ,
Сей посадь, да писаръ писавъ
Отъ Господа Бога.

Послѣ этого отецъ и мать молодого подходятъ и перешаиваютъ его деньгами (т. е. дарятъ его деньгами). При этомъ маршалокъ наливаетъ рюмку, поставленную на тарелкѣ, и подаетъ жениху, а женихъ проситъ отца принять отъ него эту честь. Отецъ или мать, взявъ въ такомъ видѣ рюмку водки, кладетъ на тарелку деньги 3, 5, 10 р. и больше, дѣлая рукой съ тарелкой круги въ воздухѣ — слѣва на право и приговариваетъ, подавая сыну деньги съ рюмкой: «Благославляю тебе, мѹой сынокъ, житамъ (житьемъ), бытамъ, шасцѣмъ, долею и вѣкамъ довѣтъ. Будзь здоровъ екъ вода, а богатъ екъ земля, а веселы(й) — екъ весна». Жениха перепиваютъ всѣ родные съ одинаковою перемоней.

Когда коровай вынутъ изъ печки, коровайницы поють:

109.

Да зелѣнь яворъ на дворѣ,
Гябаюць коровай на столѣ.
Да на явору пташечки,
Кола короваю свашечки.

Впрочемъ до вынутія коровай изъ печки еще идутъ по селу въ «корагѹодъ» и заходятъ къ шинкарю въ кабакъ. Идя въ «корагѹодъ», маршалокъ молодого беретъ каравай хлѣба, боченокъ, обвязанный наметкой, а коровайницы поють:

110.

Нутко, братки, въ корогудъ, 2
Да прославимся на весь рудъ!
Господу Богу все хвала, 2
А нашему молодому слава.

Возвратившись изъ *корогуда*, вынимаютъ коровай, благословляются имъ, и дружка съ главной коровайницей несутъ его въ амбаръ, а остальные коровайницы поютъ:

111.

Да пытался коровай у печи:
«Чи далеко спѣжечка до клещи?»
Да спѣжечка церазь перелазъ, —
Попытаймо аще разъ.

Послѣ этого женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ съ дружкой на одной повозкѣ, а отецъ жениха, или братъ старшій (или кто-либо изъ родственниковъ, если нѣтъ того или другого) на другой. Съ женихомъ ѣдутъ къ невѣстѣ и музыканты.

Когда начало свадьбы у жениха окончено, коровайницы поютъ:

112.

«Устань, бацюхно! повно спаць,
Пора сватове выправляць!»

Въ домѣ невѣсты свадьба начинается, когда пріѣдетъ къ ней женихъ. Его обыкновенно встрѣчаютъ родители невѣсты. Онъ имъ кланяется. Его и пріѣхавшихъ съ нимъ сватовъ сажаютъ за столъ и угощаютъ водкой. Въ это время кто-либо изъ родныхъ невѣсты отправляется по селу и приглашаетъ родныхъ и сосѣдей на свадьбу.

Когда родные невѣсты уже соберутся, то начинается «перепиванье» молодой. Порядокъ перепиванья невѣсты такой же,

какъ у жениха, когда его сажаютъ на посадъ, съ тою только разницей, что невѣста раздаетъ подарки: по одному ручнику и по одной наметкѣ отцу жениха и его товарищу, свату, которые даютъ ей въ обмѣнъ деньги. При этомъ женихъ даритъ невѣстѣ «чандыкѹоръ» (= кушакъ, поясъ или широкая лента яркаго цвѣта), а она ему — платочекъ.

Во время перепиванья въ хату невѣсты входятъ музыканты и троекратнымъ возгласомъ испрашиваютъ позволенія играть невѣстѣ заручины, говоря: «Благословѣце, опецъ, мацѣ, всѣ родня молодѹой, заручины играць.» На это всѣ тутъ присутствующіе отвѣчаютъ: «Богъ благословиць!».

Музыканты играютъ подъ пѣсню женинѣ, родныхъ невѣсты:

113.

То и въ васъ, то и въ насъ, — то заручины,

Богъ намъ давъ! (Этотъ припѣвъ повторяется послѣ
каждаго стиха).

То сему, то тому — господарочку,

А нашему молодому три подарочки:

Первый подарокъ — тонки китаекъ,

А другіи подарки — бѣлая хусточка,

Третьи подарки — молодѹ Адарку.

Потомъ:

114.

Да лепѣла сорока, чекѣче,

Сѣла сабѣ на оконце, щечече:

«Скажу тебѣ, Адарко — добру вѣсь,

Што вже твоѹ Иванько на дворѣ есь.

Да селомъ ѣнъ ѣхавъ, конь иржавъ,

А въ двѹорѣ заѣхавъ, двѹорѣ зазьявъ,

Ў сѣни вошовъ, шапку знявъ,

Своѹму цѣсьцюхну — ручку подавъ.

— «Да дзень добры, ци горазь (гораздъ)?
 Ци здорова Адарка моя у васъ?»
 — Да горазь, зацюжно, ўсё горазь,
 Да здорова Адарка твоя у насъ.

115.

Да ўхали сватове
 Да полемъ и боромъ,
 Поузь гай зеленый,
 Поузь садъ вишневый.
 Садъ поломили,
 Сокола отбили,
 Дорогія чашачки
 Коуныи побили.
 Вышла, выбёгла
 Молода Адарка.

— «Сватове, панове,
 Што жъ вы зробили?
 Садъ поломили, 2
 Сокола отбили.»
 — «Не плачь, Адарка —
 Коли будзешъ наша,
 Мы садъ поса́дзимъ, 2
 И сокола́ прива́дзимъ,
 Дорогія чашечки
 Дорого поплацимъ.

116.

Ой у поли садочекъ не мецёнъ,
 Золотою рутою опледёнъ,
 Да на небѣ зўорочка — зирае,
 Да Иванько коника сѣдлае.
 Да у его бацюжно пытае:
 «На што, Иванько, коника сѣдлаешъ?»

«Да куда, дзицятко, поѣдзешъ?»
 — «Да поѣду, бацюхно, на Дунай:
 Присочивъ ¹⁾ уточку — уловлю,
 Я жъ табѣ, бацюхно, привезу.
 Будзе табѣ слѹжачка щіренька,
 А мнѣ будзе жѹначка вѣрненка.

Всѣ дѣвушки, вмѣстѣ съ невѣстой закрываютъ лица платками, а «молодой» долженъ узнать свою невѣсту; въ это время женщины поютъ:

117.

Ѣдзь, ѣдзь Иванько,
 Да не верниса,
 Уже жъ твоя потрава,
 Да пыламъ ²⁾ припала,
 Уже жъ твоя Адарка
 Къ другому подпала.
 — «Я свою потраву
 Да понакрываю,
 Я свою Адарку
 Мижъ всихъ познаю:
 У моѣ Адарки
 По плечкахъ кѹоски, 2
 Подъ очима слѣзки.»

Когда невѣста навязываетъ ручники и наметки на сватовъ, ей поютъ:

118.

Ясное сонейко да по небу йграе,
 Свѣкоръ невѣхну да пераливае,
 И сто злотыхъ дае.

¹⁾ Отъ глгг. присочивъ: подстеречь. Слов. Носов.

²⁾ Пылью.

Ена ему за тѣе
 Да куколемъ ў трое.
 «Не дзиви, свекратко,
 Не дзиви, бацюхно,
 Да наше подарки!
 Не сама я прала,
 Не сама я ткала, —
 Мѣщанки прали,
 Подолянки ткали,
 А бѣлыя лебѣдки
 На моры бѣлили.
 Тымъ жежъ молодая
 Да свое сваты дарыла.

У молодой пекутъ коровай съ тѣми же пѣснями и церемоніями, какъ и у жениха. При этомъ коровайницы еще больше поютъ пѣсенъ при приготовленіи коровай для молодой. Онѣ поютъ:

119.

«Пойду я къ Дунаю,
 Да стану дле краю,
 Стану думаць,
 Стану гадаць:
 Што за дзѣло робиць,
 Зъ Дунаю воду носиць,
 Да коровай мѣсиць —
 Ручками, пересѣнками
 Зъ молодыми да лебѣдками.»
 Адарчинъ бацюхно
 Да по сѣнечкахъ ходзиць,
 Да въ ручкахъ сѣце носиць,
 Да сусѣдачекъ просиць:
 — «Да сусѣдачки жъ моѣ,
 Увойдзѣце вы ко мнѣ,

Да не ко мнѣ — къ мойму короваю,
 Короваю гибаці (браці):
 Первого да роджѣнаго,
 А другого да суджѣнаго.
 Роджонаго да Адарки
 Суджонаго да Иванька.»

120.

Увойдзи, Грисю,
 Да влей вода въ мису:
 Намъ ручки помыци,
 Да коровай мѣсици.

Молодую ведутъ на посадъ, при чемъ поютъ слѣдующія
 пѣсни:

121.

Скоро Адарко на посадъ, —
 Ее бацяхно встрѣчае
 И зъ долею и зъ добраю,
 Зъ щастливою годзѣною.
 То жъ не бацяхно встрѣчае, —
 Встрѣчае ее Господъ Богъ.
 И зъ долею и т. д.

Эти припѣвы поютъ къ каждому изъ родныхъ, которые ве-
 репиваютъ невѣсту. Когда же невѣста идетъ на посадъ, поютъ:

122.

Становиса, родзѣначка, ўся ў радъ!
 Идзе наша Адарка на посадъ!
 Половины родзѣначки не сышла,
 Да свойго бацяхна наша,
 Поклонившиса тай пошла.

Затѣмъ припѣвають къ матери невѣсты, къ брату, сестрѣ, теткѣ.

Такъ какъ невѣста идетъ съ братомъ на посадъ, то поютъ:

123.

По небу сонейко колесомъ идзе,
Раненько (повторяется послѣ
каждаго стиха).

Да братъ сестру на посадъ ведзе,
Дай ведучи да пытае:
«Хто жъ табѣ, сестра, наймигѣйшій?»
— Наймигѣй усихъ муой братъ!
«Ой неправду, сестрица, говоришь,
Наймигѣй усихъ молодѣ Иванько.»

Когда невѣсту перепиваютъ, то поютъ:

124.

Молодая Адарко 2
Сѣла сабѣ да на посадѣ,
Бацюхина жадае 2
— «Ой бацько, бацюхно, 2
Пи до мене повнѣйшою,
И долею найлѣпшою.»
— «Адарко, дзицятко! 2
Што маю, то даю, 2
Твое доли не вгадаю.
Твуой мужъ — альбо будзе пьяница, 2
Альбо будзе недбайлица ¹⁾,
Альбо будзе поцерай-косѣ 2
Альбо будзе разлѣй - слезы.
Лютѣ будзе его коню, 2,
Подъ обуозьнею стоечи,
Снѣгамъ припадаючи, 2

¹⁾ Лѣнивый, нерадивый. Слов. Носовича.

А мнѣ, молодѹой,
За ворота выбѣгаючи, 2
Да пѣяницы дожидаючи.

Когда коровай у невѣсты готовъ, ѣдутъ къ вѣнцу въ такомъ порядкѣ: женихъ съ шаферомъ, невѣста съ дружками, не менѣе двухъ *подтаци*, которыя во время бракосочетанія брачущихся держать зажженные свѣчи въ кругѣ изъ хлѣбной скорынки¹⁾, маршалакъ со стороны жениха и свать со стороны невѣсты.

При этомъ поются слѣдующія пѣсни:

125.

«Ѣхала Адарка до вѣнца,
Сыпанула золотамъ зъ рукавца.
Хтожь тоѣ золото подберѣ,
Той мене до шлюба повезѣ.»
Отозвавса старшій братъ:
«Не журиса, сестрица, не журиса!
Я твое золото подберу,
Я тебе до шлюба повезу.»

Да ѣхала Адарка подъ вѣнецъ
Да кинула подъ столикъ грабенѣцъ:
«Подай, брапейко, грабенѣцъ,
Расчасаць кѹсочку подъ вѣнецъ.»
«Есь у тебе, сестра, свѹой молодѹй,
Той подась тобѣ грабенѣцъ;
Той тобѣ подась грабенѣцъ,
Расчасаць кѹсочку подъ вѣнецъ.»

126.

Да до дуба зевзюлька, до дуба,
Да до шлюба, Адарка, до шлюба!
Да на тѹомъ конику воронѹомъ,

¹⁾ *Скорынка*: верхняя или исподняя корка печенаго хлѣба. Ср. Слов. Н.-совича.

Што назадъ копицникомъ ступае,
Дорогое зѣльейко копѣе,
Дорогое зельейко пьяное;
Енѡ мене, молодую, упоило;
Енѡ мене, молодую, споило,
Дай до шлюба спознило.

127.

Пераступи, Адарко, низки поруѡгъ,
Низки поруѡгъ!
Поклониса бацюхну низко до нѡгъ,
Низко до нѡгъ!
Стрѣчае себе ў дорожѣ Господзь Буѡгъ,
Господзь Буѡгъ.

128.

Оступѣцеса вороги,
Да не пераходзьце дороги:
Кабъ наша дорожечка руѡвна была,
Кабъ наша Адарка дѡльна была.
Руѡвна дорога до вѣнца,
Дѡльна наша Адарка до конца.
Да въ нашего свата Данила
Стояла въ воротахъ калина. 2.
До долу вѣцьейко, до долу.
Да пора табѣ, Адарко, въ дорогу!
Ой бо еще пора, Адарко.
«Ясны мѣсечикъ не свѣци мнѣ,
Ясныя зуѡрочки блесѣце,
Воронные коники бѣжѣце!»
Да побѣгли кони въ подѡлье,
На бацюшкаве подвѡорье.

129.

Зеленая яблынька 2
Серадъ саду стояла;

Серадъ саду стояла, 2
 Да росою припала.
 Тамъ же наша молодая 2
 Да росу брала.
 Росою умываласа, 2.
 Къ вѣнчаньейку собираласа.
 «Ой, вѣнчаньейко жъ мое,
 Красованьейко жъ мое!
 Зима и лѣто красоваласа, 2
 Екъ у бацька годоваласа.»

Къ молодому:

130.

«Да чаму Иванько не їдзешъ,
 Да чаму коника не куешъ?
 Да чаму кудзѣрекъ не чешешъ?»
 — «Да в мене ковали ў селѣ,
 Подкуюць коника ў сѣдлѣ.
 А грабенѣць муой ў возѣ,
 Расчашу кудзерки въ дорозѣ.
 Да вже коники запрагли,
 Подъ окенечко подвели.»
 Я велю коникамъ оброкъ даць:
 Нехай моё коники постояць,
 Нехай моё дружачки посѣдзяць,
 Да на моё подарки погледзяць:
 Сораць сораковъ ручниковъ,
 Пятцѣдзесять локтевъ наметокъ
 А кромѣ тое дробніцы,
 Што дарила дзевери и золувіцы.

Къ молодой:

131.

Да їдзешъ, молодзенька, до вѣнца,
 Не забудзь бацюхну покланица.

«Поѣду Богу помолюся,
Пріѣхавши — бацюхну поклонюся.»

По дорогѣ въ церковь, поють:

132.

Ступайце, кони, ширѣко,
Аще Божи дуомъ далѣко.
Ступайце, кони, узенько,
Бо ужъ Божи дуомъ близенько.

Обыкновенно, собирающіеся вѣнчаться, заѣзжаютъ къ священнику на дворъ и поють:

133.

Ой попе, попе бацько нашъ.
Оччини церковку, звѣнчай насъ!
Ой попе, попе, гардзѣю,
Звѣнчай дзѣтачекъ въ недзѣлю!
Ой попе, попе, бацько нашъ,
Звѣнчай дзѣтачекъ въ Божи часъ!

Нужно замѣтить, что послѣ вѣнчанья, на возвратномъ пути домой лошадей гонятъ во весь духъ и дружки поють:

134.

Ой зъ горы, зъ горы, зъ долины
Бѣгло коники чатыри,
Да ўсѣ чатыри сѣвые, —
Звѣнчали Адарку силою.
Не такъ силою — за гроши,
Што еѣ Иванько нехороши.

По прїѣздѣ поють:

135.

Прїѣхало да дзиця зъ вѣнца 2.

Животокъ поссохъ, ломить.

Отъ слезъ не промовиць.

Затѣмъ даютъ обѣдъ новобрачнымъ, причемъ они оба кушаютъ одной ложкой. Остальныхъ членовъ свадьбы тоже угощаютъ обѣдомъ. Тутъ пѣвицы поють слѣдующія пѣсни:

136.

Ой радъ радзенекъ молоды Иванько,
Што въ Божѹмъ домѣ побывавъ,
Молоду Адарку за ручку подержавъ,
Да съ правой рученьки персьцень знявъ,
Да на ее лѣвую ўзложивъ:
«Да носи, Адарко, персьцень мѹй,
Бо уже жъ я буду — вѣчный твѹй!»

137.

Да повѣнчана Адарка!
Перайдзи сѣнечки спїхенька,
Подай бацюхну водзицы!
Да твоя водзица солѹдка,
Солодже мѣду и вина,
Да солодже вина зелена.
Думай, гадай, чешухна:
Чимъ табѣ зяця частоваць?
Ситничкамъ да пшаничничкамъ,
Дай аладачки въ маслѣ.
Сыръ на маслѣ бѣленекъ,
Зяць дѣ чеши миленекъ.
Сыръ на маслѣ найбѣлѣйши,
Зяць дѣ чеши наймигѣйшій.

Свадьбу у неvěсты гуляютъ цѣлые сутки. На слѣдующій день, преимущественно, въ понедѣльникъ, родители назначаютъ приданое, которое состоитъ изъ домашнихъ животныхъ. Для записи приданого, какой-либо проворный мужикъ садится за столъ, въ красный уголъ и мѣломъ на заслонкѣ, которою закрываютъ печку, будто бы записываетъ, кто что даритъ неvěстѣ. Родители неvěсты взлѣзаютъ на печку и тамъ сидятъ, а маршалакъ, обращаясь къ мнимому писарю, говоритъ:

«Есть у князя такого-то, княжна, такая-то, ее даруюць — жѣтамъ-бытамъ, счастьемъ, долею и вѣкамъ довгимъ, бѣлаю фатою (наметкою), сто злотыхъ, и корову, на хвосту рабѣя, штобъ любилиса обое.» Все это мнимый писарь записываетъ. Все сказанное повторяется до тѣхъ поръ, пока всѣ родные ни передадутъ принесенные ими подарки. А молодая между тѣмъ сидитъ за столомъ съ лицомъ закрытымъ однимъ концомъ наметки (въ родѣ чадры или вуали) и кланяется.

Впрочемъ еще передъ этимъ завиваютъ наметку молодой на головѣ такъ, что одинъ конецъ этой наметки спускается ей на лицо и закрываетъ его, пока не перевезутъ ея къ жениху. При этомъ дѣлаютъ слѣдующее:

Женщины «завивальщицы» снимаютъ платокъ съ головы неvěсты, подстригаютъ немножко кончикъ волосъ, потомъ прижигаютъ ихъ свѣчей. Въ это время дѣвушки, преимущественно дружки, поютъ пѣсню:

138.

Догадайса, Адарко,
 Чаго твоя мацѣ
 Въ клѣць пошла?
 Ё кублице, на днище,
 По шовковое чапчище,
 По бѣлое наметнище.

Когда завивальницы приступятъ къ завиванью, то дѣвушки ихъ не допускаютъ и съ розгами въ рукахъ начинаютъ бить ихъ по рукамъ и припѣваютъ:

139.

Завивальницы сцѣрвы
 Мою косочку сцѣрли,
 И сцѣрли, сомяли,
 Подъ чипчикъ сховали.
 Да цѣтухно — татарка, 2
 Да не сунься близенько,
 Не церай да моѣ косы, 2.
 Да дзѣвоцкое красы!
 Хто косу сцѣрае, 2
 Того Господзь покарае.
 Дзѣвачки моѣ сестрицы!
 Не стойце подъ окенечкомъ,
 Побѣжеце да ў лѣсочекъ,
 Да нарѣжце рѹозачекъ. 2,
 Боронеце да мою косу!
 Рѹозачки да до рукъ збили,
 Куосочки невборонили.

Когда везуть невѣсту въ домъ жениха, то поють :

140.

Адѣрчина матухна,
 Зачиняй да воропечка! 2.
 Вылетае да лебѣдочка.
 Сама ена да сивенькая,
 Головочка да бѣленькая.
 Да выводзиць да добра много:
 Семь кубловъ зъ войцями,
 А восьмы зъ червонцами.

Когда привезуть невѣсту на дворъ жениха, поють:

141.

Выдзи, выдзи, моя матка, поглядзи,
 Што табѣ сватове привезли:

Да ци сиву кóзачку, чи ёгна?
 Отъ тобѣ невѣхна, екъ паненя!
 Отчини, матко, новы дворъ,
 Ёдзе табѣ невѣхна и сынокъ твѣой!
 Отчини, моя матко, оконце,
 Ёдзе табѣ невѣхпа, екъ сонце.
 Отчини, моя матко, нову клѣць,
 Ёдзе табѣ невѣхна, екъ медзьвѣдзь.
 Отчини моя матко, нову дзежу
 Вотъ везуць въ хату дзеразу ¹⁾.

Погоняй да коня зъ двора, 2
 Штобъ же жъ я да не зачула,
 Якъ матка плаче, 2
 За ворота выбѣгаючи,
 Да дзицяци позиряючи: 2
 «Гдзѣ жъ мое да дзиця дзѣли?»
 Ци на возѣ повезѣно? 2
 Ци на човнѣ поплавлено?
 Штобъ на возѣ повезено, —
 То бъ дорога курѣла,
 Штобъ на човнѣ поплавлено,
 То бъ вода лелѣла.»

На дворѣ жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ выстрѣломъ изъ ружья, а мать жениха, зажегши пукъ соломы, бросаетъ его на дворъ, чтобы лошади прошли чрезъ огонь. Слѣзши съ воза, женихъ ссаживаетъ свою невѣсту. Последняя распрягаетъ лошадей и сбрую бросаетъ на крышу дома своего жениха. Послѣ этого мать жениха, выворотивъ тулупъ на изнанку, въ видѣ медвѣдицы, выносить пересыченного меду въ рюмкѣ, булку и попеременно, взявъ на мизинецъ меду, три раза обмазываетъ новобрачныхъ, а затѣмъ даетъ его имъ испробовать.

---

¹⁾ *Cuscupadium*.

Когда новобрачные прїѣдутъ въ домъ молодого, то послѣ угощенія кладутъ ихъ спать въ кѣлѣи, и затѣмъ ждутъ извѣщенія о невинности или виновности невѣсты. Когда окажется, что она до замужества была честная, то поютъ:

142.

Добрая годзіночка настала,
Наша молодая по бацюхна послала;
Послала ена семеро коней, восьмы возъ,
Дзевятого хурмана, штобъ привезъ,
Дзесятого музыченьку, штобъ зайгравъ.
Дала ему копуньку грошей на справу,
Штобъ привезъ бацюхна на славу.

Въ противномъ случаѣ поютъ:

143.

Недобрая годзіночка настала,
Наша молодая по бацюхна послала,
Послала ена сиваго вовка и собаку,
Штобъ привезъ дубинку на ср... у.

Кромѣ того, если невѣста окажется честною, то снимаютъ съ нея *чандыкоръ* и перевязываютъ его черезъ правое плечо маршалку, а музыкантамъ на скрипицы навязываютъ красныя ленточки «окложки». Обманъ въ этомъ случаѣ членовъ свадьбы со стороны маршалка или со стороны невѣсты, по глубокому убѣжденію простонародья, влечетъ за собою великое несчастье для новобрачныхъ. Вотъ почему, если невѣста окажется нечестной, вѣшаютъ *чандыкоръ* на крючокъ.

При отвозѣ молодой въ домъ молодого, отецъ ея собираетъ и отправляетъ къ ней нѣсколько парней (число неопредѣляется), *постельниковъ* подъ предводительствомъ пожилого мужчины, но не менѣе 12. Это называется посылать *яцїе*¹⁾. Когда

¹⁾ Объясненіе этого загадочнаго слова мы нигдѣ не нашли. III

постельники придуть ко двору жениха, то передъ ними запирають ворота и одинъ изъ парней изнутри двора спрашиваетъ пришедшихъ: «Откуда вы?» — «Мы», говорятъ ящѣ, «отъ князя NN, пришли его княжну доставать и указъ отъ него маемъ.» И, будто бы, читають, какъ кто можетъ сказать, но ящѣмъ ворота не отпирають. Тогда они идутъ на приступъ, упираются грудью и руками въ ворота, иногда ихъ поднимаютъ вверхъ, иногда ломають. Если постельники приходятъ въ то время, когда новобрачныхъ поднимають съ постели, то, поютъ:

144.

Зъ вишневого да колодзезя 2
 Тамъ Адарка да воду брала,
 Въ свой край да позирала: 2
 Ци ни їдзе мѹой бацюхно?
 «Ци не везе мнѣ гощинчиковъ? 2
 Не такъ рада я гощинчикамъ
 Екъ я рада своему бацюхну, 2
 Екъ я рада радзѣхенька, 2.
 За имъ їхаць готѹвенька.
 Гдзѣжъ наша да повинная? 2
 Ци замкнѣна, ци зачинѣна?
 Екъ зачинена, очинице 2
 Нехай зъ нами повитаецца, 2
 На здорѹе попытаецца.

Послѣ того, какъ новобрачные побываютъ въ клѣти, женихъ їдетъ просить своего тестя и тещу къ себѣ въ гости. А отецъ, (какъ-бы) созываетъ родныхъ и знакомыхъ, понятно нѣкоторыхъ, и їдутъ вмѣстѣ въ «приданые», или, что тоже въ «сваты». Отецъ беретъ на свою телегу кубель, или сундукъ и їдетъ къ дочери. Съ придаными у жениха повторяется тотъ же обычай, что и съ ящѣми, но потомъ, какъ бы узнають отца невѣсты, отпирають ему ворота, а остальныхъ не впускають. Тогда послѣдніе идутъ на

приступъ, и какъ бы силою, врываются во дворъ. Когда отецъ невесты съ кубломъ на дворѣ, то музыканты взбираются на кубель, стоящій на возу и садятся на немъ, требуя платы за уступку отъ обруча 3, 5, 10, 15 коп., смотря по состоянію жениха. Приданные при этомъ поютъ:

145.

Да чія гэта приданочки блудзили,
Въ чистомъ полѣ доруюжочку згуболи?
Вышло, выбѣгло маленькое уценя.
«Ой сюды, сюды, приданочки, до села!
Ой сюдэми доруужечки чищена,
Сюдэйми наша Адарка везена.

146.

«Бѣлы, приданки, бѣлы: 2
Да ци лебедзя стрѣли?
Ци на моры бѣлился, 2
Чамужъ вы такъ спознилися?»
— Мы лебедзя да ни бачили 2
И на моры не бѣлился, 2
Такъ сабѣ спознилися.»

147.

Да стояла Адарка на горы,
Позирала бацюху зъ подъ зары:
«Бдзь, бдзь, муой бацюхно, не буйся,
Въ чирвоныя боцки обуйся.
Вжежъ мой чирвонецъ прибравса.
Цесовые столжки засланы, 2
И любыя госьцики зазваны.

148.

Куковала зевзюлечка 2
Въ вишневомъ садочку:
«Буо́же-же муо́й милесёньки! 2
Чамуо́ того да лё́та нема
И гнѣздэчка не звила, 2
И еёчка не знесла?
Заплакала молода Адарка: 2
«Чамуо́жъ моё да матки нема?
Головачка да неубрана, 2
И кошулечка не дана?

149.

Кабъ я знала, кабъ вѣдала, 2
Што я в' бацька не буду,
Я-бъ огородъ разгородзила, 2
Стадо коней напусьчила.
Стадо коней воробенькое, 2
Топтиць рѣпье зелёненькое,
И зельеко и корёнъеко. 2
Не изъ чаго вѣнка звици.
Да одзянъ звила, 2
Да-й того не зносила, —
Повѣсила до церама, 2
На церамѣ той на дзѣравѣ,
Гдзѣ муо́й бацюхна ходзиць, 2
Зъ вишнями да-й говориць:
«Вишни, да моё вишни! 2
Да беручъ да мене мысли:
Што одно дзиця маю, 2
Да-й тое отдаю.

150.

Ъхали сватове чорадомъ,
 Молады́ Иванько подъ перадомъ,
 Зъ далёкъ коники сунимѧе:
 «Стуойце сваты, не пойце:
 Ци въ бору зевзюля кукѹе,
 Ци моя Адарка голосѹе,
 Въ вишневомъ саду сѣдзючи,
 Да мнѣ кошулечку шіючи?
 Шіе, шіе, шлюбѹе,
 Да мнѣ молодому готѹе.
 Да гѣдзи, Адарко, вышиваць,
 Да хѣдзѣмъ со мною шлюбѹ браць.
 Ясныя зорачки блесцѣце,
 Близкіе сусѣдзи глядзѣце,
 Куда моѣ коники забѣгуць?
 Да забѣгли коники въ подѣлье,
 На цесцяхнаве подворье.

151.

Завивса, роечекъ, завивса 2
 Въ вишневомъ саду, 2
 На зеленомъ тыночку 2
 Да не хоче садзѣци,
 Да хоче ёнъ да полецици 2
 Ў шірые боры, 2
 На солодкіе меды.
 Собравса Иванько 2
 Со всею да родзиною, —
 Да хоче ёнъ гуляци, 2
 Да хоче ёнъ да поѣхацц —
 Цесцяхна звоевацц, 2
 Сабѣ Адарку взяцц.

«Не воюй, да зяцю, мною, 2
 Да воюй да моимъ дворомъ, 2
 Бери мою дочку здоровъ»

152.

Наказвала уточка сивенькому силіезѣнчику:
 «Прилѣць, прилѣць, сивы силіезѣнчикъ,
 Сѣй ночи цѣмненькае!»
 — «Ой радъ бы я лецици, —
 Коле тебе лѣса цемненькіе,
 Рѣченьки быстренькія.»
 — «Я лѣсы поломлю,
 Быстрыя рѣченьки загачу.
 Пріѣдзь, пріѣдзь, молоды Иванько,
 Въ недзѣлю да пораненьку.»
 — Ой радъ бы я ѣхаци,
 Твой бацюхно гóрдзенькій, —
 Воропечка да зачиняе,
 Сватовъ ў двѹоръ да не пускае.»
 — «Я бацюхна упрошу,
 Воропечка очиню,
 Кони на дворъ ўзведу.»

Когда приданные возвращаются домой, поютъ:

153.

Приданочки да домѹовъ ѣдучи, 2
 Да Адарки поджидаюць, 2
 Да Иванку приказываюць: 2
 «Не би ее да дубіною 2
 Зови ее господынею.
 Не би ее дубцѹмъ, 2
 Покарай ее словцомъ

154.

Приданачки жъ мое! 2
 Не нагяжуса на васъ
 Екъ прилѣсачка въ лѣсѣ,
 Екъ вербейко въ стрѣсѣ

Передъ окончаніемъ свадьбы у нашихъ крестьянъ есть обычай давать капусту для бросанья, какъ бы для испытанія силы невѣсты. Дружко беретъ кочанъ капусты, разрѣзаетъ на половины и сложа руки такъ, что молодой получаетъ капусту изъ правой руки, а молодая изъ лѣвой. Послѣдняя только кажется, бросаетъ свою половину качана на печку, въ стѣну, подъ порогъ, пока не разобьется.

Если молодая оказалась честною, то новобрачныхъ ведутъ въ гумно, гдѣ маршалкомъ заранѣе на току положенъ кулъ соломѣ, имъ даетъ въ руки цѣпъ, и они должны молотить до тѣхъ поръ, пока не перебьютъ перевязи.

Послѣ этого молодую посылаютъ въ колодезь за водою. Она должна на мизинцѣ принести полное ведро воды въ избу. Затѣмъ она мететъ избу, перевязавъ метлу лентой. Когда отецъ невѣсты уѣзжаетъ домой, поютъ:

155.

Отдавъ да мене бацько 2
 Да за той за Дунай быстры;
 Давъ же жъ мнѣ човнокъ гибки, 2
 Давъ же мнѣ и веселечко, —
 Надорвано мое сердечко, 2
 Поднелась да лихая нехвиля,
 Човнокъ да затопила, 2
 Веселечко да поломила.
 Да ни човна, ни прута 2
 Быць табѣ, молодую, тутъ,

Затѣмъ идуть къ шинкару корогодомъ и поють:

156.

Рушь намъ да, корогодзе! 2
 Пили, ѣли покуль годзи.
 Да посульшасо съ кута. 2
 Да годзѣло намъ тута.
 На цебе ландару добры годъ, 2
 Часту́й цепенерь нашъ корогодь.
 Мы у цебе вчора не были, 2
 Мы твое горѣлки не пили.
 Мы сегодня у цебе побываемъ, 2
 Мы твою горѣлку попиваемъ:
 Да у мене чоравички безъ подошовъ,
 Пѣце мое госцики, хто пришовъ

Въ концѣ сватъбы, маршалакъ когда никто ничего не ожидаетъ, бросаетъ въ стѣну горшокъ, приговаривая. «А вонъ веселье зъ хаты!»

Зап. учит. Старобинск. народн. учил. В. Протасеневымъ со словъ крестьянки д. Дубей, Іуліанія Шарко. Сообщено Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

Свадебн. пѣсни той же губ., Новогрудск. у., с. Берѣзовецъ.

157.

Да дзѣ быў, солавейко?
 Да дзѣ была, зязюлька?
 Да зляцѣлися ў вадзинъ садочикъ,
 Да ў вадзинъ садочикъ,
 На адзінъ кусточакъ.
 Да пѣли расіцу зъ аднаго листочка,
 Да ѣли сабѣ малинки зъ адной галінки.
 Да дзѣ шъ быў дзѣцінка,
 Да дзѣ шъ была дзѣвачка,
 Зъѣхалися на адно падвѣр'ѣ,
 На адно застоллѣ...

Пили сабѣ мѣдъ —
 Зъ одного килишка ¹⁾,
 Ъли сабѣ патраўку ²⁾
 Зъ однаго поўмиска ³⁾.
 Да прилятали сокалы
 Подъ вишнёвы садокъ,
 Да подмаўляли саколку ⁴⁾:
 «Да ты саколка, саколка,
 Да ци поляцішь ты зъ нами,
 Да зъ молады́ми сока́лами?»
 — Рада шъ я, рада поляцѣци,
 Жаль са́ду да пакі́нуци:
 Садочку зелянёнькога,
 Гняздэчка цяплёнькога,
 Пёрэйка да рабёнькога.
 Да подѣжда́ли свято́вя
 Подъ Бяро́зоўски засцѣ́накъ,
 Да подмаўляли дзѣ́вачку:
 «Дзѣ́вачка, дзѣ́вачка,
 Да ци паѣ́дзешъ ты зъ на́ми»
 Да зъ молады́ми со свата́ми?»
 — Рада шъ я, рада поѣ́хаци,
 Жаль ма́тки да пакі́нуци;
 Ма́тачки да старёнькія,
 Сястры́цы да малёнькія.
 Да зъѣ́халіся свато́вя
 Да на адно́ падворѣ́,
 Да вялі́ молады́хъ за адно́ засто́ллѣ.
 Пили шъ яны́ мѣдъ — вино
 Зъ однаго килишка,
 Ъли шъ яны́ потраўку
 Зъ однаго поўмиска.

¹⁾ рюмки.   ²⁾ родъ кушанья.
 вѣроятно пропущенъ одинъ стихъ.

³⁾ неглубокая миска.

⁴⁾ адѣсь

158.

Кóлам¹⁾ слóнейко па нéбѣ хóдзиць,
 Моладáя дзѣ́ванька па застóллю брóдзиць,
 Да бѣ́лыя рúченьки лóмиць
 Да дрóбныя слё́зачки рóниць.
 Да ў яé мáтачка пы́тáя:
 «Да чаго дзи́цятко ця́женька ў́здыхáешь?...»²⁾

159.

Тамъ ў лúзи на кáлiнѣ солаўи паюць,
 Моладúю дзѣ́ўчыначку за́мушъ выдаюць.
 Моладáя дзяўчы́начка зажу́рiлася,
 Па́шла ў сатъ ви́шнѣвы про́хадзі́лася.
 Су́страчаюць дзяўчы́начку тры ма́лбiйчыкі,
 Адзiнъ бя́рэ за рúчакку, другi за другú,
 А трэ́ці ўзяў за ка́сiцу
 Да i павёў ў святлiцу.
 Паса́дзі́ли дзяўчы́начку
 За ця́совы стóль,
 Са́мы сѣ́ли пóбачъ³⁾
 Да i гарѣ́лачку на стóль....
 «Пiця, лúдзi, гарѣ́лачку,
 Я поста́ўлю мёду,
 Я да сваёй дзѣ́ўчыначки
 За́рась⁴⁾ па́ўду».
 — Цi пры́ѣдзешъ, ни пры́ѣдзешъ,
 Ни вѣ́даешъ, дзѣ́ я:
 У ма́йгó ба́цька двóрь шiрóкi,
 Гу́стымъ плóтомъ⁵⁾ опляцѣ́нь,
 Я i замкнúся, за́чiнiюся
 Зо́лотымъ замкóмъ.
 Як пры́ѣдзя шгъ⁶⁾ мой мiленькi

¹⁾ кругóмъ.

²⁾ пьсня очевидно не кончена.

³⁾ радымъ съ нею.

⁴⁾ сейчасъ.

⁵⁾ плетнемъ.

⁶⁾ какъ прiѣдетъ же.

Дакъ я отчинюся,
 Сама выду, на свѣтъ покажуся.
 Бѣцько гудзѣ,
 Мѣци плача:
 Ня хочуць аддѣци...
 «Піця, піця гарѣлачку,
 Я пастаўлю вѣна,
 Ци вы плацця
 Ци ня плацця —
 То мая дзяўчына!»

160.

Да йдзіця дзѣвачки ў огаротъ,
 Да рвіця руту наўпяротъ ¹⁾,
 Да мяціця вулачку да канцѣ,
 Да будзя йци дзѣвачка да вянцѣ,
 Да мяціця вулачку ў шчыры боръ,
 Да будзя йци дзѣвачка ў Бѣжи домъ.

161.

Да ў нядзѣлю рѣненько,
 Синѣ мѣро трепяталосѣ:
 Слонейко купалосѣ,
 Да дзѣвачка ратавала ²⁾,
 Да й ратуючи самѣ ўпала.
 «Ойченько мой рѣдненьки,
 Да выратуй минѣ зъ мѣра,
 Да зъ вялікога гѣра!»
 — Дзипятко маѣ рѣднаѣ,
 Чаму ўпяротъ да ни казѣла,
 Якъ бѣлыхъ рѣчакъ да ни вязѣла,
 Жѣўтыхъ пярсцѣнкаў ни мянѣла.

¹⁾ прежде всего.   ²⁾ спасала.

162.

Да бѣлая бяро́за да до́лу¹⁾,
 Да прасі́лася, дзе́вачка да до́му²⁾:
 «Да вязі́ менэ́, мой мі́ленькі,
 Дзе́ мі́нэ ты ў́зяў,
 Капъ мой вяно́чакъ
 Тутъ ні звя́ў!»
 — Есць ў мі́нэ ма́тка
 Паглі́ня³⁾,
 Пры́нясе́мъ вадзі́цы съ крыні́цы
 Да бу́дземъ вяно́чакъ крапі́цы—
 Ні звя́ня.

163.

Да і́здзіў ма́ло́йчыкъ се́мъ годъ сва́тамі,
 Да вы́браў дзе́вачку зъ до́ўгімі пя́тамі;
 Да на печь ні злѣ́зя, да па́ть печь ні ў́лѣ́зя;
 Трэ́ба⁴⁾ ра́ды⁵⁾ да́ці, палаві́ну пя́тоў ў́цяці.

164.

Да сы́ця пшані́цу ў но́выя кары́та,
 Да кармі́ця ко́ні ў вялі́кую даро́гу.
 Да ў вялі́кой даро́зі трои ва́ро́тоў:
 У пе́ршія ва́ро́та да мѣ́сячыкъ ўзы́дзя,
 У дру́гія ва́ро́та да сло́нейко во́йдзя,
 У тре́ція ва́ро́та да ма́ло́йчыкъ ўѣ́дзя.
 Мѣ́сячыкъ ўзы́дзя—вядне́нько бу́дзя,
 Сло́нейко во́йдзя—цяпле́нько бу́дзя,
 Ма́ло́йчыкъ ўѣ́дзя—весе́ле́нько будзя.

¹⁾ до низу, до корня.   ²⁾ домой.   ³⁾ будетъ смотрѣть за нимъ.   ⁴⁾ нужно.
⁵⁾ средство, помощь.

Мѣст. Еремичи Мин. г. Новогрудск. уѣздъ.

165.

Чи я табѣ, матачка, ня къ души,
Штадаешъ мянѣ няўзроши;
Чи я табѣ кашульки ня мѣла,
Чи я табѣ пасцѣльки ня слала.
Мыла табѣ кашульку на мѣры,
Слала табѣ пасцельку ў камѣры.

166.

А ў сѣнячкахъ галубѣкъ гудзѣ,
А ў святлицу галасокъ идзѣ.
Да хто же тамъ адзываецца,
Да дзѣвачка адзѣваецца?
Да у мамачки да пытаецца,
Скѣльки съ собѣй сватѣў браці.

167.

Заграбѣй, маці, жаръ-жаръ, 2.
Будзѣ табѣ дачкі жалъ-жалъ.
Да кладзі, маці, въ печь дрова, 2.
Аставайся жа ты здарѣва.

168.

Прыданацкі на двѣрѣ їдучъ,
А курачкі патъ печъ лѣзучъ:
Семъ-семъ да на вячѣру,
Восьмую да на плячѣню,
Дзівятую на сняданья,
Дзясѣтую на адѣжджанья¹⁾.

---

¹ Отъѣздъ.

169.

Да клáняйся дзѣвачка (имя)
 И старóму й малóму,
 Да дасць табѣ Бохъ
 Да дóбрую й дóлю,
 И счаслívую гадзiну,
 Да й багáтую й радзiну.

170.

«Нéйдзя ў цябé, хлóпчикъ, да сакóльы бчи,
 Шта ты ня байсься да цёмнай нóчи?»
 — Чаго я маю да нóчи баяцца:
 Богъ нада мною, конь пада мною.
 А ма́й (имя) поплечъ да са мною,
 А ма́й дру́жiна да слѣдъ за мною.

171.

Дóбра табѣ, сивы гóлубя, да ня мнѣ,
 Ў цябе есць сiняя возяра, а у мяне не,
 Ты пьешъ воду крыничную, а я не.
 Сядзiць хлопчикъ за столикомъ мядокъ пье,
 А каля егó Мару́ська слёзы лѣе.
 «Дóбра табѣ мóлодъ Хóмчикъ да ля мнѣ,
 У цябé есць рóдны ба́цюшка, а ў мянѣ не.
 Табѣ радú парáдзюць, а мнѣ не.»

172.

Ни сядзi, Мары́ся, ни сядзi!
 Атчинi вакóнца, паглядзi:
 Ци ясянъ мѣсячикъ на зары?
 Ци хорóшъ хлóпчичакъ на конi?

Ай харошъ и прыгбшъ и вяликъ.
 А чаму шъ ня прывёсь чаравікъ?
 — Ай якъ я маю вазіцы,
 Калі шъ ня умѣя Марўся касіцы?
 Чаравічкі й чарвёныя ты ёй прывезі,
 А яна бѣдзя хадзіцы па гразі;
 Али ня такъ па гразі, якъ па клѣцы,
 Бѣдуць мае чаравічкі скрыпѣцы,
 А бѣдуць на яе ўсѣ людзі глядзѣцы.

173.

Выйдзі, татўлько, паглядзі,
 Што табѣ за наўду прывязлі:
 Ця умѣя яна жита жаці,
 Ця умѣя яна кросна ткаці.

174.

Ня гнѣвайся, маё братава, на мяне,
 Што я сѣла блізюсянька для цибѣ,
 Што я сѣла за стóликамъ за тваймъ,
 Я прыѣхала за браточкамъ за сваймъ.
 Было табѣ майго браточка ня любіць,
 Было табѣ къ майму браточку ня лѣсци,
 Было табѣ абараночкаў ня нёсци.
 Абараначкі — падманачкі на мядѣ,
 Адманяць цябѣ адъ мамачкі, маладѣ.

175.

Да ляцѣло уцѣтачко,
 Сѣло пало да на сыножаці,
 Стало сабѣ щебетаци
 Сянако́сы пракліна́ці:

---

1) печаль.

«Ўсю траву да пакасілі,
«Гняздэчко раструсілі».
Маладая (імя)
Сяла сабѣ ў канцы стóлика,
Стала сабѣ приплáкываці,
Свае́й ма́тца прыгавáрываці:
«Ма́тко ма́я родная,
«Ни знасі́ла я у цибе́
«Ни руцьмянаго вяно́чка,
«Ни залато́го пярсяно́чка».

176.

Да ста́рое бе́рдо (2 раза),
Да но́выя да ни́чальніцы.
Да ми́наюцца табѣ, дзе́вачка,
Ўсѣ тва́е да вечарні́цы;
Сь кимъ гуля́ла, жартава́ла,
Таго ў во́чы да ня ви́дала,
Сь каго кпи́ла, смяя́лася,
Таму́ сама́ да аста́лася.
Да ста́ры сві́рань (2 раза),
Да но́вае да будава́нейко,
Да ми́наецца, мала́дая (імя),
Ўсе́ тва́е да гуля́нняйко.
Што бры́ткае́ да нячы́стае́,
То́е ма́е да вячы́стае́.

177.

Мі́сяцъ свѣ́циць на дварѣ́,
Карава́й гы́блюць на сталѣ́.
Стало́выя но́шкі гы́блюцца,
Карава́йнічкі дзі́вюцца.

178.

Мары́сина слёзачка да па стагѣ каці́лася,
 Да на зѣмлю звалі́лася,
 Зямлі́цу прабывала,
 Матачку выклі́кала:
 «Прашу цябе, матачка, на вясе́ляйко,
 «На вясе́ляйко, да на сиротчаё,
 «Сиротчаё, да дзявотчаё:
 Есць каму́ пі́ци да гуля́нці,
 Не́каму да рады да́нці;
 Есць каму́ да вясялі́цца,
 Да не́каму да зажу́рыцца.
 Зажу́рыцца да ма́тачка
 Да ня зѣ вѣ́рнымъ слобу́цамъ,
 Да ня шѣ шы́рымъ се́рцамъ,

179.

Хадзі́ла дзе́вачка па по́лю,
 Да вилá вянóчикъ съ кукóлю,
 Прасі́ла у ма́тачки дзянё́чка,
 Панасі́ць съ кукóлю вянóчка.
 — Просі́ сабѣ́ (имя) ни прасі́,
 Ё́сей сабѣ́ дзянё́чакъ панасі́
 Ё́ веча́ра дзе́вачкамъ аддасі́.

180.

Нима́ це́спяваго двара́:
 Тамъ вы́сокая гарá,
 Ни пере́йцы да ни пира́ѣхаць,
 Да ни со́кагу пира́ляцѣ́нці,
 Да ни дзе́вацѣ́ паглядзе́нці.

Што даци, то даци,
Трэба тую гору скапаци,
Да тую дзёвачку къ сабѣ ўзяци.

182.

Па-мизъ горъ да камбóрачка,
Тамъ свяціла зóрачка.
Да ни зорачка свяціла,
Тамъ дзёвачка хадзіла,
Свайгó вóйчанька да пабуджа́ла.
— Ня в́ы́йду, маё дзiц́я́тко, да цябé:
Сплі́осну́ли мнѣ вóчки
Да цёмной ночки, —
                                Ни ўзѓля́ну;
Прылаж́или ручки
Да щі́рага сэрца —
                                Ни ўзды́мў;
Сплі́сну́ли нóшки
Ў сталёвыя дошки —
                                Ни ўста́ну;
Да цябé, дзiц́я́тко,
На парáдыньку —
                                Ни прыд́у.

183.

Дзяку́й Бóгу да за даръ Бóжи,
Ў гэтай же хáтца да гаспадаръ гóжи:
Навары́ў п́іва да гарб́ячкі,
Частавáў госци да сусéдачки.
Што мы сп́іли, набаўля́й, Бóжа!
Што мы зь́іли, прыспарай, Бóжа!

Всѣ зап. Е. Ө. Карскимъ.

ЧАРОДѢЙСТВО ¹⁾.

Изъ книги гр. Е. Тышкевича: *Opisanie powiatu Boryzowskiego*. Wilno 1847 (стр. 400—411).

Знаніе времени, придающаго силу словамъ, или способъ помогать или вредить здоровью людей и домашнихъ животныхъ, сопровождаемое тайнымъ шептаніемъ, будто бы съ обращеніемъ къ помощи нечистыхъ духовъ, называется у простаго народа *чародѣйствомъ*. Послѣдователи этой науки, ежели умѣютъ причинять зло и добро, называются *чародѣями*, *чародѣйками*; если они только лѣчатъ, или устраняютъ волшебства, такъ называются *знахарями*.

Кто-бы собралъ и описалъ все, что можно узнать отъ знахарей, тотъ оказалъ-бы, безъ сомнѣнія, большую услугу врачевой наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнилъ бы исторію разныхъ древнихъ преданій, воспоминаніе о которыхъ у простаго народа проходитъ съ каждымъ днемъ и сохраняется только у чародѣевъ. Знахари составляютъ какъ-бы особую касту, которая суевѣрными понятіями противодѣйствуетъ распространенію знаній, способъ лѣченія и испытанію растений, имъ только извѣстныхъ. Все покрыто большою тайной, сообщеніе которой молодому поколѣнію, по ихъ мнѣнію, дѣлаетъ употребляемые средства неэффективными. Нѣкоторые завистливые знахари умираютъ, не сообщивъ никому способъ лѣченія многихъ недуговъ зельями.

Они дѣйствительно знаютъ нѣкоторыя врачевныя средства, но смѣшанныя съ предразсудками, хотя иногда и безъ худаго намѣренія, иногда-же съ намѣреніемъ обмануть, для собственной

¹⁾ Помѣщая здѣсь эту статью, мы имѣемъ въ виду, во первыхъ, представить нашимъ читателямъ рядъ данныхъ изъ области чародѣйства и суевѣрій, могущихъ служить нелишними параллелями для однородныхъ фактовъ, сообщенныхъ нами выше и записанныхъ мѣстными наблюдателями въ болѣе близкомъ къ намъ времени, а во вторыхъ дать понятіе о взглядѣ на происхожденіе чародѣйства и суевѣрій, существовавшемъ въ сороковыхъ годахъ въ средѣ польскихъ этнографовъ. III.

пользы. Неоднократно помогаютъ распространенію предразсудковъ именно тѣ, кои, будучи обязаны распространять просвѣщеніе и высшее образованіе души и сердца, только потворствуютъ суевѣрію и заговариваніямъ простаго народа, или сами начинаютъ тому же вѣрить. Невозможно было мнѣ узнать обо всемъ, все описать или повторить то, что найти можно въ разныхъ сочиненіяхъ. Однако-же въ сочиненіи, посвященномъ не одному исключительно предмету, болѣе обширное описаніе нѣкоторыхъ статей будетъ, кажется, не излишнимъ.

ПЕРВАЯ ЧАРОДѢЙКА.

Сидя у окошка съ прялкой, хозяйка (вѣроятно старая и злая) увидѣла курицу, разгребавшую посянныя ячмень, въ гнѣвъ закричала: «а чтобы тебя ястребъ растерзалъ!» и тотчасъ-же, какъ-бы ожидающій повелѣнія, ястребъ упалъ на бѣдную курицу. Предсмертный ея крикъ навелъ хозяйку на мысль, что время, въ которое она выговорила проклятіе, придадо дѣйствительную силу ея словамъ, и въ этой увѣренности она обозначила время сіе по направленію тѣни у окна. Съ этого момента начала она свою практику. Подобное преданіе существуетъ у простаго народа. Отъ того и пословица: «Дай, Боже, ѹ добрый часъ гаварыць, ѹ благій помаўчаць.»

Столицею чародѣекъ считается Кіевъ. Тамъ онѣ имѣютъ свои собранія и совѣщанія. Отъ того происходитъ поговорка: «Кіевская вѣдзьма».

Такъ какъ народъ нашъ признаетъ Кіевъ за столицу чародѣекъ, то ясно, что волшебство и чары свойственны всему пространству, отдѣляющему насъ отъ Кіева. Чародѣйки добираются къ Кіеву воздушнымъ путемъ. Одинъ работникъ, увидѣвъ, что старая его хозяйка, съ своими сосѣдками ровесницами, обмокнувъ средній палецъ въ какой-то растворъ, полетѣла по направленію къ Кіеву, такъ увлекся любопытствомъ, что рѣшился послѣдовать за нею. Онъ привязалъ себя къ ступѣ, ибо безъ этой

предосторожности онъ не осмѣливался предпринять сего путешествія, и омочивъ затѣмъ палецъ свой въ ту же жидкость, очутился въ Кіевѣ на совѣщаніи чародѣекъ. Удивленная и разгнѣванная хозяйка велѣла ему возвратиться назадъ, давъ ему для этого бѣлаго коня. Когда же онъ возвратился домой, конь этотъ оказался тою же самою ступою ¹⁾).

Не однѣ только женщины посвящаютъ себя наукѣ чародѣйства, хотя онѣ оказываютъ къ тому болѣе охоты и способности, такъ что и самые черти дѣлаютъ имъ иногда честь, употребляя ихъ орудіемъ своихъ козней, какъ говорить простонародная пословица: «Гдѣ дьябелъ ня можець, тамъ бабу пасылаець». Красивую дѣвушку, видную женщину народъ считаетъ чародѣйками. Эти то красивыя женщины, потерявъ свои прелести, коими обольщали, желая продлить свою славу, прибѣгаютъ къ волшебству, которое доставляетъ имъ возможность помогать и вредить людямъ, чѣмъ и увеличиваютъ свой авторитетъ въ глазахъ простаго народа.

Мужчины, чаще всего изъ числа занимающихся охотою, записываютъ свои души дьяволу, желая этимъ вызвать у него готовность для услуженія имъ, а въ доказательство своей преданности, стрѣляютъ будто бы въ изображеніе Христа или въ святую просфору. Этотъ рассказъ можно слышать въ разныхъ мѣстахъ; однако-жъ еще не доказано, чтобы гдѣ-нибудь существовалъ столь дерзкій охотникъ, который заключилъ бы такой договоръ съ дьяволомъ. Поэтому должно почитать это за выдумку ненависти и злобы.

ЧАРОДѢЙСКІЯ ТАЙНЫ.

1. Чтобъ быть любимою молодыми людьми, дѣвица умывается водкою, въ которой была замучена пчелиная матка. Тогда, какъ пчелы къ своей маткѣ, такъ молодые люди будутъ льнуть къ ней.

¹⁾ Содержаніемъ своимъ этотъ рассказъ живо напоминаетъ балладу Пушкина «Гусаръ». III.

2. Для той-же цѣли служить орудія, приготовленныя изъ скелета нетопыря: кого зацѣплять крючкомъ изъ костей этого скелета, тотъ воспламенится любовью, кого-же толкнуть вилами, перестанетъ быть докучливымъ. Этотъ секретъ, вѣроятно, заимствованъ изъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Albertus Magnus»; отсюда, стало быть, происходитъ и много другихъ бредней.

3. Чтобы быть невидимымъ, должно найти въ гнѣздѣ ворона молодыхъ птенцовъ, пронзить ихъ проволокою и прикрѣпить ихъ къ вѣтви; тогда вороны для избѣжанія срама и для освобожденія дѣтей отъ терзаній, принесутъ въ гнѣздо небольшой камень, который имѣетъ свойство дѣлать человѣка невидимымъ.

4. Сонъ, какъ говорятъ простолюдины, можно причинить обнесеніемъ вокругъ дома песку изъ могилы самоубійцы и сыпаньемъ онаго въ западной сторонѣ; однакожь, кто и тогда не спитъ, уже не заснетъ, и средство сіе будетъ не дѣйствительно.

5. Дождь можно вызвать сыпаньемъ маку въ колодезь; градовыя тучи отгоняютъ тройнымъ объѣздомъ вокругъ дома на лопатѣ.

6. Въ оборотня (воўкалака) можно превратиться, вонзивъ ножъ въ землю, и три раза обернувшись кубаремъ чрезъ него.

7. Чтобы у сосѣда росли только однѣ травы, вмѣсто хлѣба, нужно, въ тотъ моментъ, когда онъ выходитъ, съ противной стороны сѣять на своемъ полѣ мякину.

8. Чтобы дичина набѣгала сама на охотника, должно ружье просунуть три раза чрезъ окно въ хатѣ, подъ потолкомъ въ то время, когда дымъ выходитъ изъ хаты.

9. Если ружье заколдовано и отъ того не попадаетъ, то стволъ промываютъ водою, надъ которой произносятъ три раза слѣдующія слова: «Душа раба N адгавариваетъ уроки, прароки и радасные, и зависные, и зъ радасци, и зъ зависци, и муцынскіе и жанадкіе и дзявичые и малыхъ дзяцей, и сустрѣчныхъ и попарѣчныхъ и заднихъ паглядаў».

10. Съ найденнымъ *заломомъ* поступаютъ слѣдующимъ образомъ: осину, срубленную съ восточной стороны, кладутъ на за-

ломъ, обкладываютъ его не много навозомъ и все это зажигаютъ. Средство это приведетъ сюда на поле того, кто сдѣлалъ заломъ. Этому человѣку не слѣдуетъ давать ничего, чего бы онъ ни попросилъ; также нужно наблюдать, чтобы онъ не взялъ горсти земли съ поля владѣльца; это причинило-бы ему то несчастье, которое противникъ желалъ ему сдѣлать. Такому чародѣю тяжело будетъ умирать и не умереть онъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ снятъ потолокъ. Только этимъ облегчится выходъ его рогатой души.

11. Чтобы вороны и ястребы не похищали цыплятъ и другихъ молодыхъ птицъ, ихъ окуриваютъ порохомъ или сажаютъ насѣдокъ на гнѣздахъ, насланныхъ вороньимъ перьемъ; выведенныхъ тамъ цыплятъ переносятъ черезъ колоду.

12. Чорта выгоняютъ изъ дѣтей, окуривая ихъ зельемъ, называемымъ «каткѣй». Судороги почитаютъ знакомъ пребыванія дьявола.

13. Ежели курица поестъ на подобіе пѣтуха, говорятъ, что въ ней сидитъ дьяволъ; тогда катаютъ ее отъ порога къ порогу: ежели при другомъ порогѣ выйдетъ хвостъ, то курица можетъ быть освобождена отъ дьявола отрѣзаньемъ хвоста; ежели голуву, то она останется неизлѣчимой.

14. Приведу здѣсь двѣ чародѣйскія тайны полѣскія, кои, можетъ быть, сохраняются и теперь у нашего простаго народа:

а) Чтобы достать зелье, которымъ отпираются замки при прикосновеніи его къ нимъ, то огораживаютъ яйца черепахи, которая приноситъ это зелье, истребляющее огражденіе и могущее служить съ пользою ворахъ.

б) Средство для добыванія кладовъ, сдѣлаться богатымъ: около праздника Св. Іоанна змѣи собираются въ громаду со своимъ царемъ съ золотыми ножками. Тогда, подкарауливъ появленіе его величества, должно разостлать подъ нимъ чистый платокъ; за сдѣланную ему такую честь, онъ открываетъ тайну обогащенія, показываетъ мѣсто храненія сокровищъ.

15. Лошадей, найденныхъ вспотѣвшими послѣ ночи, народъ почитаетъ не за больныхъ, но увѣренъ, что дьяволъ ихъ заго-

няетъ. Чтобы предохранить ихъ отъ этого, вѣшаютъ въ стойлѣ, гдѣ стоятъ лошади, застрѣленную сороку.

16. Видя метеоры, думаютъ, что змѣй переноситъ сокровища; надъ нимъ не должно смѣяться, ибо онъ сожжетъ смѣющегося съ домашнимъ скарбомъ; но желая завладѣть богатствами, которыя несетъ змѣй, нужно обращаться съ нимъ вѣжливо.

Лучина, зажженная съ обоихъ концовъ, служить ключемъ къ открытію сокровищъ и отпиранию различныхъ погребовъ, потому остерегаются зажигать лучину такимъ образомъ.

Если метеоры весьма блестящи, то сокровищемъ окажутся деньги, если менѣе блестящи, — то хлѣбъ.

СУЕВѢРІЯ (ЗАВОВОНЫ).

Одни суевѣрія сохраняются отъ язычества, другіе же возникли въ послѣдствіи и сопровождались благочестивыми обрядами. При описаніи празднествъ я говорилъ о разныхъ суевѣрныхъ обрядахъ, приличныхъ каждому празднеству....

1. На Купалу рвутъ зелье, называемыя «купалки»: каждый, воткнувъ сорванный цвѣтокъ въ стѣну, съ безпокойствомъ ожидаетъ, разовѣетъ-ли зелье свою почку или нѣтъ? Послѣдній случай означаетъ короткую жизнь и смерть въ продолженіе текущаго года.

2. У коровъ отнимаютъ молоко посредствомъ змѣй и жабъ, посылаемыхъ чародѣйками. Удостоверившись, что упомянутыя гады являются около строеній именно послѣ Купалы, на Полѣсьи думаютъ, что змѣи уходятъ изъ болотъ, изгнанныя крѣпкимъ запахомъ разцвѣтающаго тогда зелья, называемаго «парило». Находится-ли у насъ то же растеніе, неизвѣстно. Здѣсь вообще думаютъ, что молоко убываетъ у коровы, какъ скоро расцвѣтаетъ «сиолка». Для умноженія молока хозяйки даютъ коровамъ зелье, называемое «Божее кресло».

3. Старые люди неохотно переходятъ въ новую хату изъ увѣренности, что это сократитъ имъ жизнь. Быть можетъ, свѣ-
жесть и влажность имѣютъ вредное вліяніе на ослабленное до-
гою жизнью здоровье.

4. Кошкѣ урѣзываютъ хвостъ, предполагая, что дьяволъ на-
ходить въ немъ пристанище.

5. Кусокъ дерева, на которомъ рубятъ дрова, никогда не
кладутъ въ полѣницу, ибо почитаютъ его за дьявольское орудіе.
Ежели дитя будетъ придавлено матерью въ крѣпкомъ снѣ, го-
ворятъ, что это дьявольская шутка. Дьяволъ выкрадываетъ дитя
у матери и на его мѣсто кладетъ полѣно, на которомъ колютъ
дрова. Одинъ разъ старикъ, собиравшій милостыню, ночуя у
крестьянина, замѣтилъ, какъ дьяволъ воровалъ дитя, кладя взаменъ
полѣно; а какъ онъ былъ знахаремъ, то дитя у дьявола отобралъ
и спряталъ въ торбу. На другой день къ большому удивленію
родителей, полѣно, имѣющее безжизненный видъ дитяти, пере-
рубилъ онъ и бросилъ въ огонь, а приведеннымъ въ отчаянье
родителямъ возвратилъ живое дитя, вынувъ его изъ торбы.
Здѣсь мы видимъ явный источникъ этого повѣрья. Дабы усы-
пить совѣсть и усмирить материнскую печаль, самое ужасное пре-
ступленіе матерей дѣтоубійство, — сваливаютъ на дьявола.

6. Объ оборотнѣ. Повторяютъ сказку, что какому-то молодому
господину была предсказана смерть отъ оборотня (воўкалака).
Ѣдетъ этотъ господинъ однажды въ богатой каретѣ. День былъ
праздничный. По дорогѣ онъ увидѣлъ идущую прекрасную дѣ-
вушку; можетъ быть изъ вѣжливости онъ предложилъ ей войти
въ экипажъ, обѣщая довести ее до самой церкви. Ѣдутъ-ѣдутъ,
уже и церковь въ виду. Кучеръ останавливается. Едва отворилъ
онъ дверцы, какъ выскочилъ изъ экипажа волкъ, а въ экипажѣ
остались только кости молодого господина....

7. Посѣщая покойниковъ нужно смотрѣть на его ноги, и
онъ никогда не приснится и не наведетъ страха. Чтобы облег-
чить бorenіе со смертью, омываютъ грудь и ноги водою, подаю-
ною черезъ окошко, или окуриваютъ черезъ бердо.

8. Когда вынимають медъ изъ ульевъ, не рады тому, кто смотритъ черезъ заборъ, ибо тогда пчелы сильнѣе кусають. Быть, можетъ, потому такъ думаютъ, что, чѣмъ больше лицъ знаетъ о добычѣ меду, тѣмъ больше приходится тратить его на угощеніе.

9. Чтобы рой не уходилъ, зарываютъ въ пчельникъ гвоздь съ висѣлицы. Гоняясь за уходящими пчелами, одинъ изъ гоняющихся, попеременно, присѣдаетъ, чтобы пчелы присѣли. Съ этою-же цѣлью гостя, пришедшаго на короткое время, просятъ садиться.

10. Когда скотъ заблудится, вбиваютъ топоръ надъ дверью, думая, что онъ уцѣлѣетъ, если ничей глазъ не усмотритъ заблудившейся скотины. Когда волкъ разъ изувѣчилъ скотину, то уже когда-нибудь онъ ее съѣстъ; оттого пословица: «гэта ўжо наслинена».

11. Теленка, купленнаго для выкормленія, обливаютъ водой. Когда послѣ этого что-нибудь въ хозяйствѣ не удастся, не спорится, то продають теленка тому, съ кѣмъ находятся въ дружескихъ сношеніяхъ, торгуясь только для виду. Давать на расплодъ даромъ также нельзя, ибо дающій потеряетъ плодъ: нужно уплотить хоть копѣйку.

12. Пожаръ тушатъ, троекратнымъ обѣганіемъ вокругъ горящаго строенія, послѣ чего убѣгаютъ въ чистое поле.

13. Не слѣдуетъ оставлять толкача въ ступѣ, ибо тогда свиньи не будутъ водиться.

14. Новорожденнымъ дѣтямъ не даютъ рубахъ изъ новаго полотна, ибо скоро будутъ изнашивать бѣлье....

15. Женщины, въ извѣстное время, не навѣщаютъ родильницъ, въ противномъ случаѣ дитя получило бы сыпь.

16. Въ день 40 мучениковъ дѣвки ломають 40 досокъ, прыгая по нимъ и перерываютъ 40 веревокъ.

17. На св. Варвару пекутъ пироги съ макомъ, называемыя «варенье»¹⁾, чтобы хлѣбный скотъ хорошо плодился.

¹⁾ У Тышкевича «jak pazuwaja warędja», но обыкновенно называютъ ихъ «варениками».

18. Для истребленія въ засѣянномъ полѣ плевелъ, насыпаютъ на Благовѣщеніе сѣвалку рожью, втыкаютъ въ нее зажженную восковую свѣчу и обходятъ съ нею поле.

19. Если кто пойдетъ на волокитство, оставивъ домъ и семью, то дають на позвонъ: это должно оказать такое дѣйствіе, что волокита облагоразумится и не зайдетъ далеко; «обмарокъ ягѣ вѣзъмець». Вмѣсто этого также мелютъ въ ручной мельницѣ поясъ или какое-нибудь бѣлье, чтобы ему въ головѣ мололо, кружилось.

20. Чтобы наказать неизвѣстнаго вора, мѣряютъ его слѣдъ и таковую мѣру вѣшаютъ въ трубѣ, чтобы воръ изсохъ, какъ сохнетъ эта мѣра.

21. Когда кто сидя машетъ ногой, то говорятъ, что онъ качаетъ дьявола.

22. Когда женщина, отвязывая подвязку, говоритъ молитву, то молитва ея идетъ въ пользу висѣльниковъ, а не ея.

23. Когда кто, умываясь, говоритъ молитву, она идетъ въ пользу утопленниковъ.

Ворожба.

1. Дѣвица чтобы узнать, кто будетъ ея мужемъ, идетъ въ день Св. Іоанна на перекрестныя дороги, связываетъ тамъ пучекъ прутьевъ и вынимаетъ ихъ изъ него парами, приговаривая «воскресенье съ понедѣльникомъ, вторникъ съ средою, четвергъ съ пятницей, суббота одна и я одна.» Сдѣлавъ это, она идетъ спать и во снѣ получаетъ желаемое извѣстіе.

2. Сны служатъ также для ворожбы: вода, дитя, видѣнное во снѣ, также пиршество, предвѣщаютъ несчастье, похороны.

3. Ежели покойника выводятъ одними воротами, а явится кто въ другіе, это предвѣщаетъ смерть для домашнихъ.

4. Ежели дымъ съ зажженнаго пера изъ подушки расходится по угламъ, больной будетъ жить, ежели за порогъ, то умереть. Лошадь священника, прибывшаго для исповѣдыванія больного, тоже

служить предметомъ предвѣщанія: если она смиренная — больной будетъ жить, если же беспокоится, то будутъ похороны. Ежели послѣ исповѣди больной заснетъ — это хорошій знакъ.

5. Кукушка, кукующая возлѣ дома, предвѣщаетъ несчастіе. Она-же предвѣщаетъ, сколько лѣтъ кому жить, когда дѣвица выйдетъ замужъ. Кто услышитъ кукушку, будучи голоденъ, будетъ цѣлый годъ жить въ нищетѣ. Кто услышитъ въ первый разъ кукушку, имѣя при себѣ деньги, тотъ будетъ ихъ имѣть въ продолженіе цѣлаго года. Оттого пословица: «схавай три гроши на зязюльку».

6. Ниспадающая звѣзда означаетъ кончину человѣка....

7. Если жеребенокъ или теленокъ бѣгаетъ при закатѣ солнца, то онъ будетъ похищенъ волкомъ.

8. Если одно слово выговорится въ одно и то же время двумя лицами, то это предвѣщаетъ прибытіе гостя лгуна.

9. Заяцъ означаетъ дурную примѣту; встрѣча съ человѣкомъ, несущимъ полныя ведра, или волкъ, перебѣгающій дорогу, предзнаменуютъ хорошее....

Благочестивые обычаи.

1. Дабы вымолить дождь или хорошую погоду, дѣлаютъ приношеніе въ церковь полотномъ, вытканнымъ въ одинъ день. Оно называется «обудзенная».

2. Въ мѣстахъ болотистыхъ кладутъ кладки и вырѣзываютъ на нихъ стопу; всякій, кто по нимъ проходитъ, видя сей знакъ, читаетъ молитву за душу того, по чьему желанію положена кладка. Обыкновеніе это заслуживаетъ похвалы.

3. Если у кого умираютъ дѣти, берутъ въ кумовья такъ называемыхъ *спотыканныхъ* ¹⁾. Для того, чтобы дѣти оставались въ живыхъ, поднимаютъ также упавшіе кресты.

¹⁾ Т. е. первыхъ встрѣчныхъ.

ЛѢЧЕБНЫЯ СРЕДСТВА, УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ ПРОСТЫМЪ НАРОДОМЪ ВЪ БОРИСОВСКОМЪ УѢЗДѢ.

(Ср. Тышкевичъ: *Opisanie powiatu Boryzowskiego*, 244—262. Изъ растений выбраны только лѣчебныя).

Попутникъ большой «аббка» (*Plantago major*). Простой народъ употребляетъ противъ кроваваго поноса, лихорадки, опухли и снаружи прикладываетъ къ застарѣлымъ ранамъ.

Попутникъ водяной «жабинецъ» (*Alisma plantago*). Съ недавняго времени стали его употреблять противу бѣшенства. Въ деревенской медицинѣ это растеніе слыветъ какъ средство противъ цынги, корень-же его противъ лихорадки.

Клоповникъ, багульникъ «багунъ» (*Ledum palustre*). Растетъ въ лѣсахъ по мѣстамъ болотистымъ. Кромѣ другихъ онъ заключаетъ въ себѣ много наркотическихъ началъ и употребляется иногда въ ваннахъ для женщинъ и дѣтей. Употребляется онъ также въ хозяйствѣ для подстилки скоту и окуриванія его во время заразы, равно какъ и для очищенія мебели отъ клоповъ, омывая оную отваромъ изъ сего растенія, для охраненія одежды отъ моли, перекладывая ее листьями.

Медвѣжья лапа или борцъ (*Hepasleum sphondylium*). Прежде думали, что оно излѣчиваетъ холеру, прекращаетъ боль и шумъ въ головѣ.

Барвенокъ или могильница обыкновенная (*Vinca perivinsa*). Это растеніе наиболѣе извѣстно между простымъ народомъ и въ медицинѣ для выведенія и свитія колтуна, поэтому, кромѣ употребленія отвара изъ него внутрь, имъ омываютъ еще голову, для скорѣйшаго свитія колтуна въ волосахъ. Прежде у простаго народа оно употреблялось противъ кроваваго и застарѣлаго поноса и для прекращенія рвоты.

Мардовникъ (*Carduum Beneticti*). Растеніе горькое, поэтому усиливаетъ пищевареніе. Употребляется оно и противъ лихо-

радки. Прежде думали, что оно изгоняетъ отраву изъ тѣла, чухотку, укрѣпляетъ память и исправляетъ слухъ.

Басиликъ или Васильева трава. Б. водный (*Mentha pulegium*). Крестьяне думаютъ, что это растеніе имѣетъ слабительное свойство.

Буковица (*Betonica officinalis*). Простой народъ употребляетъ отъ кашля.

Бузина (*Sambucus niger*). У простаго народа почитается способнымъ умножить молоко у молодыхъ, кормящихъ грудью женщинъ. Мякоть зеленая изъ шелухи ея будто помогаетъ противу рожи, если обкладывать ею мѣста, подверженныя сей болѣзни.

Чернобыль (*Arthemisia vulgaris*). Простой народъ думаетъ, что во время грома, когда онъ горитъ на каминѣ, перунъ не ударитъ въ домъ.

Ибунка, козій ростъ «бобоуникъ» (*Veronica Bessabunga*). У простаго народа употребляется отъ хроническаго кашля.

Донникъ обыкновенный «баркантъ» (*Melilotus officinalis*). Употребляется въ ваннахъ для дѣтей.

Свекла «буракъ» (*Beta vulgaris*). Простой народъ думаетъ, что сокъ изъ этого растенія утишаетъ головную и ушную боль.

Лукъ огородный «цыбуля» (*Allium sera*). Простой народъ думаетъ, что свѣжій лукъ, повѣшенный скотинѣ на шею, защищаетъ отъ заразы.

Золототысячникъ (*Gentiana Centaurium*). Простой народъ употребляетъ его при лихорадкѣ и ослабленіи тѣла и желудка.

Хмель (*Humulus Lupulus*). Отваръ изъ шелухи его употребляется при мытьѣ головы для скорѣйшаго свитія колтуна и уменьшенія головной боли.

Горецъѣтанный корень «чемерыца» (*Veratrum album*). Имъ лѣчатъ заушницу свиней.

Божуродичная трава «чаборъ» (*Thymus serpyllum*). Простой народъ употребляетъ отъ удушливаго кашля.

Чеснокъ огородный (*Allium sativum*). Простой народъ кладетъ на подошвы отъ насморка и кашля.

Медетъжъе уxo и царскій скинтръ «дзевáнна» (*Verbascum thapsus*)—считаютъ испытаннымъ алопатическимъ средствомъ въ нашихъ странахъ для изгнанія червей изъ скота. Наклонивъ стебель къ востоку солнца, верхъ прижимаютъ камнемъ и говорятъ: «до того времени тебя не отпущу, пока изъ того-то червь не выльзутъ».

Куколь (*Agrostemma githago*)—простой народъ употребляетъ противъ червей.

Кошачьи лапки «шарота» (*Gnaphalium dioicum*) — простой народъ употребляетъ противъ поноса. Дѣлаютъ изъ онаго поло-сканіе противъ вередовъ въ горлѣ.

Купена или Соломонова печать «кокорнакъ» (*Convallaria polygonatum*). Простой народъ употребляетъ въ опухоли когѣвъ. Та же трава изгоняетъ будто лишая.

Дятелина луговая «каюшына» (*Trifolium pratense*). Сокъ изъ нея помогаетъ отъ всякой боли.

Примѣчаніе. Въ книгѣ Тышкевича списокъ лѣкарственныхъ травъ еще продолжается. Покойный П. В. Шейнъ, повидимому, удовольствовался тѣмъ, что привелъ для образца лишь нѣсколько изъ лѣчебныхъ средствъ, практиковавшихся въ Борисовскомъ уѣздѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Е. К.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ О ЧАРОДѢЙСТВѢ.

МОЛОЧНОЕ ЧАРОДѢЙСТВО.

Злые сосѣди иногда отнимаютъ молоко у коровъ своего сосѣда. Это дѣлается то невидимымъ образомъ заговоромъ, то напускомъ на коровъ «кырыватыхъ» лягушекъ, которыя очевиднымъ образомъ высасываютъ молоко коровы, ухватываясь за соски лежащей коровы и удерживаясь при нихъ до возмож-

наго насыщенія. Въ томъ и другомъ случаѣ корова перестаетъ давать молоко и становится «порченною». Помочь горю можно, стоять только открыть виновника, что неособенно трудно, и наказать его. Въ первомъ случаѣ, при заговорѣ, обыкновенно поступаютъ такъ: наложивъ въ молочную цѣдилку (рѣдинькія холстины) острыхъ камней, деревянныхъ острыхъ спицъ, иголокъ и друг. предметовъ, причиняющихъ уколы, завязываютъ и по возможности крѣпче, и кладутъ въ горшокъ съ холодною водою. Эту воду кипятятъ на особомъ огнѣ, внѣ печи и очага, а часто среди избы и двора, употребляя для этого въ большинствѣ случаевъ осиновые дрова. Съ постепеннымъ возвышеніемъ температуры, «лиходѣй» начинаетъ чувствовать боль, которая, наконецъ доводитъ его до ужаснѣйшихъ мученій, производя въ тѣлѣ невообразимый жаръ и колотье; «лиходѣй» не выдержитъ и явится съ просьбою о прекращеніи страданій. Если же виновникъ не является, то это значитъ, что онъ находится въ состояніи рѣшительнаго изнеможенія. Нужно замѣтить, что посредничество не облегчаетъ страданій виновнаго, и «лиходѣй» обязанъ явиться за прощеніемъ лично. — Кипяченіе воды въ теченіи сутокъ непрерывно доводитъ «лиходѣя» до смерти. Во второмъ случаѣ поступаютъ иначе. Увидя «кыриватую» лягушку при коровьихъ соскахъ, откуда отнять ее и нѣтъ человѣческихъ силъ, отрѣзываютъ у послѣдней то пальцы, то одну, то двѣ ноги. Иногда послѣ этого лягушка отпадаетъ, иногда же продолжаетъ висѣть. Но съ исчезновеніемъ лягушки обнаружится виновникъ молочной убыли тѣмъ, что у него немедленно обнаруживается увѣчная порча схватывающаго члена. Вѣрованіе бѣлорусса дополняетъ, что въ этомъ случаѣ самъ лиходѣй принимаетъ видъ лягушки, а слѣдовательно и то жестокое указаніе, которое указано выше. Въ силу того же вѣрованія во всякой земляной, сухопутной лягушкѣ бѣлоруссъ видитъ оборотня-лиходѣя, а потому беззащитное тихоходящее животное истребляется немилосерднѣйшимъ образомъ при всякой встрѣчѣ съ нимъ. Особенно жестокая судьба постигаетъ его при поимкѣ въ хлѣву. Въ этомъ

случаѣ иногда животное прибивается къ землѣ осиновымъ колыш-комъ, иногда утыкивается иголками и острыми спицами, иногда варится въ кипяткѣ или просто бросается въ пламя, иногда кладется въ пустой горшокъ, замуравливается тамъ и ставится въ печь, гдѣ конечно, и издыхаетъ, и тому подобное. Борьба съ этимъ несчастнымъ животнымъ такъ велика, что ее ведутъ всѣ крестьяне, отъ мала до стара, и съ одинаковымъ ожесточеніемъ.

Личныя воспоминанія о разказахъ и наблюденіяхъ по Витебской губерніи.

Зап. Н. Я. Никифоровскимъ.

Знахарки отнимаютъ молоко отъ чужихъ коровъ и придаютъ его своимъ. Для этого онѣ берутъ по девяти камней въ Чистый четвергъ съ нивы того хозяина, которому хотятъ оказать такую непріятность и выпариваютъ ими свои кринки, т. е. накалываютъ ихъ въ печи и бросаютъ въ кринку съ водою, отчего послѣдняя нагрѣвается почти до кипятка.

Чтобы противоѣствовать злему дѣлу, слѣдуетъ то-же самое дѣлать и по отношенію къ обидчицѣ, т. е. съ ея же полосы взять девять камней и парить ими свою кринку. Если же пропущенъ должный для этого дѣла срокъ, то очень помогаетъ слѣдующее: нужно смачивать цѣдилку (небольшой кусокъ рѣдкаго холста, замѣняющій цѣдильное ситко) майскою росой, выжимать ее въ подойникъ и такимъ образомъ вымывать его.

Сообщено Н. Я. Никифоровскимъ.

Виленскаго уѣзда.

На Ивана Купайло вѣдьма до восхода солнца тягаетъ обрусь (скатерть) по росѣ съ тою цѣлью, чтобы *оттрать* молоко у той коровы, которая раньше другихъ выйдетъ въ поле, почему крестьяне въ этотъ день стараются попозже выгонять скоть.

Запасшись водою изъ трехъ іорданей (т. е. изъ трехъ рѣкъ, въ которыхъ происходило водосвятіе, въ одинъ и тотъ же годъ) надо до восхода солнца поломать борону и на щепкахъ ея въ 3-хъ вышеупомянутыхъ водахъ варить цѣдилку. Въ это самое время не-

премѣнно придетъ вѣдьма, и тогда надо смотрѣть, чтобы она ничего не схватила. Когда вѣдьма воротится домой, у нея *«выпре языкъ»*. Если же вѣдьмѣ удастся что-либо утащить, то она непременно отниметъ у коровы молоко.

На Ивана Купайла до восхода солнца надо встать на хлѣвъ пустой улей, затѣмъ подоить корову и, взлѣзши на хлѣвъ, черезъ подолъ рубашки перепѣдить молоко надъ улемъ, дабы вѣдьма не отнимала у коровы молока.

Съ этой же самой цѣлью вѣшаютъ въ выюшкѣ мѣшокъ съ лягушкою.

Сообщено Вл. Гр. Станкевичемъ.

Въ «вѣдьмароу», и въ особенности «вѣдьмоу» крестьяне Гродн. уѣзда имѣютъ сильную вѣру. Они полагаютъ, что въ каждомъ селѣ (деревнѣ) есть вѣдьма. Ей приписываютъ напускание разныхъ болѣзней, отнятіе молока у коровъ, причины разныхъ непріятностей въ домашнемъ быту. Что касается отнятія молока у коровъ, то крестьяне даже объясняютъ, какимъ образомъ вѣдьма это дѣлаетъ: «Возьме», говорятъ они, *«скарачъ»*, удэрыць по корови, а послѣ возьме, повѣсиць скарачъ на жердзѣ у своей хацы и доиць скарачивы хвосцики, и кажа: «молоко зъ гѣтыхъ хвосцикоу такъ сáмо идзѣ, якъ зъ вымя, цыцакъ короу», а пой-дзешъ доиць свою корову, — уже ничóго не надóишь, для того — порожнее вымя, бо вѣдьма уже выдоила».

Если крестьяне наши заподозрятъ кого-либо изъ мужчинъ или женщинъ своей деревни, своего околотка, что они занимаются чародѣйствомъ, то никто изъ нихъ не станетъ съ ними вмѣстѣ ѣсть, а тѣмъ болѣе пить водку или пиво. Они говорятъ, что у такихъ людей подъ *пазухою* скрываются чары, и незамѣтнымъ для собесѣдника образомъ они могутъ однимъ прикосновеніемъ пальца къ рюмкѣ напустить на него какую имъ заблагоразсудится болѣзнь.

Точно также вѣрятъ наши крестьяне и въ силу дурного глаза. У кого глазъ дурной, такому человѣку, по ихъ мнѣнію, стоять только посмотрѣть на поросятъ, ягнятъ, цыплятъ, гусятъ,

утятъ и проч., и непременно всѣ передохнуть, а если онъ взглянетъ на тучную лошадь, корову, свинью и т. п., то эти животныя сейчасъ начнутъ худѣть. Но такихъ вредоносныхъ людей крестьяне не винятъ, потому что не отъ нихъ зависитъ то, что ихъ глазъ сталъ такимъ опаснымъ: вся отвѣтственность въ этомъ случаѣ падаетъ на ихъ матерей. Если мать 3 или 4 дня спустя послѣ отнятія ребенка отъ груди, подъ вліяніемъ сожалѣнія къ нему, опять дастъ ему сосать грудь, то его глаза сдѣлаются непременно вредоносными. Такого человѣка всѣ избѣгаютъ и стараются скрыть отъ него тѣ предметы, которымъ его глазъ можетъ повредить.

И. О. Карскій.

Новыя дополненія къ I отдѣлу.

Крестьянскія постройки.

(Мстиславскій уѣздъ Могилевской губ.).

Крестьянскій дворъ.

Жизненная обстановка бѣлорускаго крестьянина, начиная съ избы и кончая надворными постройками, не представляетъ ничего привлекательнаго и затѣливаго.

Крестьянскій дворъ имѣетъ большею частью видъ четырехъ угольника, одну сторону котораго занимаетъ изба, три же остальные заняты надворными постройками и заборомъ (рѣдко).

Изба.

Изба бываетъ длиною приблизительно отъ 7 до 12 арш. и шириною отъ 6 до 10 арш. Она обыкновенно строится самимъ хозяиномъ, поэтому и цѣнится имъ очень дешево, чему также

много способствуетъ дешевизна необходимаго для постройки избы матеріала.

Лѣсъ, благодаря его обилію, покупается крестьянами за безцѣнокъ. Мохъ, глина и прочее крестьянину ровно ничего не стоить, такъ какъ онъ раздобываетъ ихъ самъ.

Фасадъ крестьянской избы незатѣйливъ; на немъ нѣтъ никакихъ украшеній; только у богатыхъ хозяевъ изба иногда украшается «приборами самодѣльными», состоящими изъ вырѣзанныхъ узорами досокъ, которыя тянутся отъ «вильчика» крыши по краямъ ея. Смотря по размѣрамъ, изба имѣетъ два или три окна, выходящихъ на улицу, и два во дворъ. Одно изъ нихъ бываетъ маленькое, около четверти аршина въ квадратѣ. Оно называется «подъемнымъ» или «отодвижкой», смотря потому, поднимаютъ ли его вверхъ, отворяя, или отодвигаютъ въ сторону. Другія окна имѣютъ отъ 1 до 1 $\frac{1}{4}$ арш. въ высоту и отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ аршина въ ширину. На зиму двойныхъ рамъ не употребляютъ, а замѣняютъ ихъ соломенными щитами, которыми на ночь закрываются окна снаружи. Въ сторонѣ отъ оконъ помѣщается дверь съ задвижкой или «клямкой». Эта дверь ведетъ въ среднюю часть избы — «сѣни» или «сѣнцы»; по одну сторону ея находится «клѣть», по другую — «хата».

Клѣть.

Клѣть представляетъ изъ себя небольшую комнатку въ родѣ чулана. Она служитъ хранилищемъ всякой хозяйственной утвари. Тамъ можно найти все, начиная отъ огородныхъ овощей до одежды включительно. Одна стѣна (часть) клѣти занята развѣшанными на ней жупанами, поддѣвками, полушубками, сарафанами, андраками, рубашками, штанами и пр. Около другой ютятся кадушки или «кублы», наполненные «трубками» полотна собственнаго издѣлія крестьянъ. Къ третьей предвинутъ «судникъ» (родъ большого ящика съ полочками и крышкой на ремешкахъ), куда прячутъ молоко, хлѣбъ и т. п., что необходимо для домашняго обихода. Напротивъ двери въ клѣть находится дверь въ «хату».

ХАТА.

Хата есть жилая часть избы. Полы въ хатѣ большею частью земляные; только у зажиточныхъ крестьянъ можно найти полы деревянные; они называются «мостомъ». Въ хатѣ, около дверей по правую или лѣвую сторону помѣщается русская печь, которая занимаетъ почти четвертую часть избы.

Прежде по деревнямъ были «курныя печи», т. е. печи безъ трубъ, но со-временемъ они исчезли, и теперь только кое-гдѣ, да и то очень рѣдко, можно найти курную печь. У богатыхъ, вѣрнѣе зажиточныхъ мужиковъ печи побѣлены мѣломъ. Передъ печью, на разстояніи 1—1½ аршина отъ потолка, подвѣшена горизонтально жердь, на которую накладываютъ для просушки разное тряпье. Передняя часть печи имѣетъ подпечье или «подпечку», гдѣ зимой и лѣтомъ содержатся куры, утки, иногда поросята и овцы. Немного выше подпечья помѣщается «припечка» или «пріпечекъ», родъ печурки — мѣсто для мисокъ, горшковъ и латушекъ. Надъ нимъ находится «загнетъ» или предпечье, куда выставляютъ изъ печи горшки. По ту и другую сторону загнета помѣщаются «ямки», куда выгребаютъ изъ печи жаръ — «жаръ загребающъ». За загнетомъ въ видѣ полукруга поднимается «челѣстникъ», отдѣляющій загнетъ отъ самой печи. У иныхъ печей есть еще печурка, гдѣ можно найти «сѣрнички» (спички), лучину и тому подобные предметы. Двѣ другія стороны печи прилегаютъ къ стѣнамъ хаты, а третья имѣетъ небольшую лежанку. Къ лежанкѣ примыкаетъ «полъ» или «нары», поднимающіяся аршина на 1½ надъ «мостомъ» и тянущіяся до другой стѣны. Этотъ полъ намощенъ досками, настланъ «гороховинами, ржаницею, грецковьемъ» (солома гороха, ржи и гречи) и сѣнниками и служитъ постелью для старыхъ и для малыхъ. Подъ нимъ находится «подполье», куда ведетъ небольшая дверка на петляхъ или ремняхъ съ деревяннымъ затворомъ. Подполье дѣлится «перегородками» на нѣсколько частей. Въ одной изъ нихъ хранится «картопля», «мѣрка» и пр., въ другой — разный хламъ, въ родѣ

старого желѣза, разорванныхъ хомутовъ, въ третьей запираются телята, ягнята, поросята; это дѣлается съ цѣлью уберечь ихъ отъ вреднаго дѣйствія холода. Въ нѣкоторыхъ хатахъ надъ поломъ поднимаются «палати» (или палаци), которыя служатъ мѣстомъ ночлега и отдыха для людей болѣе взрослыхъ и стариковъ, которые придерживаются извѣстной пословицы: «паръ костей не ломить». Печь, полъ и полати занимаютъ почти половину хаты.

По другую сторону отъ входной двери на стѣнѣ прибита «градка» или рѣшетка, предназначенная для ложекъ и перемытой посуды; подъ ней стоитъ «лоханка» для помоевъ (иначе называемая «помыйница»); тутъ же помѣщается и «водянка» съ необходимыми атрибутами: ведрами, коромысломъ, ковшомъ или кружкой. Далѣе вдоль стѣны около оконъ тянется лавка съ двумя или тремя пробитыми въ ней дырами для гребней, которыми расчесываютъ ленъ. Въ заднемъ углу помѣщается столъ, около котораго въ видѣ четырехугольника расположены скамьи. Въ этомъ же углу («на кутѣ») на разстояніи 1 аршина отъ потолка висятъ образа («вобразы»), покрытые сверху бѣлымъ съ расшитыми концами полотенцемъ «набожникомъ». Сидѣть «подъ кúтомъ» или «на кутѣ» считается почетомъ у крестьянъ.

Дворъ.

Что касается расположенія надворныхъ построекъ, то оно бываетъ весьма различно. Поэтому при описаніи крестьянскаго двора буду придерживаться плана, по которому строится большая часть крестьянскихъ дворовъ.

Къ улицѣ фасадъ двора состоитъ изъ избы съ 3-мя окнами, досчатыхъ или тесовыхъ воротъ и амбара; за избой, сѣндами и клѣтью въ глубь двора слѣдуетъ конюшня, хлѣвъ для коровъ — «пуня», навѣсъ «повѣть» отъ этого хлѣва до овчарника, примыкающаго къ амбару, выступающему къ улицѣ; между амбаромъ и избой надъ воротами устраиваютъ еще навѣсъ.

Посрединѣ двора между хлѣвами оставляется пустое про-

странство, называемое «денникомъ», ибо днемъ на него выпускаютъ «дневать» разный скотъ.

Амбаръ устраивается въ размѣрѣ 7—8 арш. въ квадратѣ изъ разнаго мелкаго лѣса, настилагается «мостомъ» изъ накатника (мелкихъ бревнышекъ), запотолачивается досками. Въ амбарѣ отгораживаютъ два или три закрома «засѣка» — для ссыпки и сохраненія зернового хлѣба по уборкѣ его; въ немъ также ставятся «перерѣзы» съ мукой (перерѣзъ — сосудъ, имѣющій видъ половины перерѣзанной бочки). Овчарникъ срубается особо четырехугольникомъ аршинъ 6—7 въ квадратѣ на мху и запотолачивается. Въ немъ, какъ показываетъ само названіе, содержатся овцы, любящія тепло и плохо переносящія холодъ.

Навѣсъ (повѣть) и хлѣва (пуни) имѣютъ одну наружную стѣну; со двора-«денника» хлѣва отдѣляются особыми стѣнками, такъ что конюшня и коровня имѣютъ видъ отдѣльных сараевъ съ воротами со двора; навѣсъ же не отдѣляется отъ денника. Подъ навѣсомъ сохраняются разныя сельскохозяйственныя орудія: сохи, бороны, повозки (сани, возки, колеса) и сбруя. Въ хлѣвахъ содержатся лошади и коровы, смотря по назначенію. Въ конюшнѣ устраиваютъ ясли для корма лошадей, а иногда и «зерёды», родъ лѣстницы, прикрѣпленной боковой стороною къ стѣнѣ подъ нѣкоторымъ угломъ (меньше прямого); въ коровникѣ и овчарникѣ «комаги», т. е. длинныя, выдолбленныя изъ толстой осины корыта, предназначенныя для корма въ нихъ скота. Другія домашнія животныя, какъ-то: свиньи, козы и прочія, не имѣютъ отдѣльных помѣщеній, а ютятся гдѣ-либо подъ повѣтью или въ пунѣ. Всѣ хлѣва, повѣти и денникъ, по мѣрѣ надобности, застилаютъ ржаной соломой, которая, перегнивши, въ смѣси съ каломъ животныхъ доставляетъ «гною» — навозъ, служащій хорошимъ удобреніемъ для полей. Всѣ строенія кроются простою соломенною крышею; у нѣкоторыхъ крестьянъ, богѣе зажиточныхъ, изба кроется соломой — «подъ гребенку». Такая крыша прочнѣе простой и стоитъ (по словамъ крестьянъ) до 40 лѣтъ.

Размѣръ двора и хлѣбовъ различенъ, почему пространства ихъ нельзя точно опредѣлить.

ПОГРЕБЪ.

Недалеко отъ избы за дворомъ (обыкновенно на «городной» землѣ) строится погребъ, состоящій изъ ямы, обложенной деревомъ; погребная яма сверху запотолочена накатникомъ или досками и засыпана землею. Въ потолокъ продѣлывается отверстіе съ крышкою, которое служить входомъ въ погребъ. Для болѣе удобнаго входа въ погребъ отъ отверстія вглубь погреба ведетъ небольшая «лѣсвица». Въ погребъ кладутъ, для сбереженія на зиму, «картоплю» (картофель), квашеную капусту, бураки, «моркву» и проч. Надъ погребомъ устраивается небольшой крытый соломой сарайчикъ, который называется «погребня». Здѣсь помѣщаются обыкновенно бочки, кадки, ушаты, ведра и другіе сосуды, когда они не нужны въ избѣ.

Гумно (овинъ).

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ двора на «городной» или полевой землѣ устраивается гумно. Оно имѣетъ форму продолговатаго прямоугольника (длина 20—25 арш., шир. 12—15 арш.). Стороны этого прямоугольника уставлены сосновыми «шульями» на разстояніи 5—6 арш. другъ отъ друга. Разстоянія между шульями или «пролеты» забрасываются «заметами» изъ «бернышекъ» разныхъ породъ лѣса: осины, березы, ели и т. п. По угламъ рубятся «въ чашку» (накрестъ) для большей прочности «наугольники». Надъ заметами высится соломенная крыша, которая поддерживается слѣдующимъ образомъ: параллельно стѣнамъ гумна или залетамъ (вдоль) на разстояніи 5—6 арш. другъ отъ друга тянутся вкопанныя «сохи», высокія сосновыя или, для большей прочности, дубовыя бревна, заканчивающіяся вверху вилочками. Вышина сохъ приблизительно 8—9 арш. На сохи параллельно стѣнамъ накладываются «шлеги», бревна вершковъ 5 въ діаметрѣ;

поперекъ шлегъ прикрѣпляются балки или «подчепельники», а на нихъ ставятъ вертикально чепелки. На верхнія вилки чепелокъ опять помѣщаютъ длинныя шлеги. Такимъ образомъ 2 ряда шлегъ и верхнія бревна заметовъ служатъ основою крыши гумна. На верхней шлегѣ крестомъ закладываются крюки, которые тянутся отъ «вильчика» на заметы. Крюки покрываются тонкимъ поплетомъ, т. е. жердями отъ $\frac{1}{2}$ — 1 вершка толщиной на разстояніи 4—5 вершковъ одна отъ другой. На поплетѣ устраивается соломенная крыша, которая можетъ быть двухъ родовъ: 1) простая—обычная съ внизъ опущенными колосьями и 2) «подъ гребенку» — вверхъ колосьями. Послѣдній родъ крыши прочнѣе обычной и можетъ простоять (по убѣжденію крестьянъ), вынося погоду и «непогоду», лѣтъ 40. Солома на кровлѣ гумна, по настилкѣ каждаго ряда, закрѣпляется длинными деревянными поплетинами, которыя привязываются къ крюкамъ лыками или «своими» пеньки. Ряды соломы на кровлѣ настилаются такимъ образомъ, что верхніе послѣдовательно закрываютъ поплетины нижнихъ, и крыша поэтому является гладкой безъ всякихъ жердей. Въ меньшей сторонѣ прямоугольника, на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ наугольниковъ, помѣщаются «одиночныя» ворота, открывающіяся всегда внутрь гумна. Ворота или прикрѣпляются къ шулу желѣзными завѣсами или просто вставляются въ «вереву», т. е. въ выдолбленную съ одной стороны шулу. Запираются онѣ изнутри деревяннымъ заваломъ, который просовывается въ желѣзныя скобки, вбитыя въ шулы; такимъ образомъ завалъ, заложенный за скобки, мѣшаетъ воротамъ «отчиняться». Для плотнаго закрытія того свободнаго пространства, которое находится между землею и нижнимъ концомъ воротъ, служитъ подворотня—доска вершковъ 7—8 ширины съ пробитою въ ней дверкой для руки. Отъ воротъ тянется гладко-выбитый земляной токъ, въ концѣ котораго строится «асеть». Она состоитъ изъ обтыщенной ямы, аршина въ 3 глубины. Въ ямѣ, какъ разъ по срединѣ, находится печь «кожухомъ», т. е. простымъ сводомъ безъ трубы со множествомъ изворотовъ для прохода духа, заканчивающихся

большими люхтами (душниками). Съ боку ямы продѣлана небольшая лазейка. Надъ ямой ставится аршинъ восемь въ вышину съ основаніемъ 5—6 арш. въ квадратѣ «иструбъ» (срубъ), внутри котораго аршина на 2 надъ печью устраивается накатный потолокъ.

Отъ ученика VIII-го кл. Орловской гимназіи Зимницкаго.

Минской губ. и уѣзда.

Въ Минскомъ уѣздѣ крестьяне селятся обыкновенно деревнями (дзярѣўня, ўёска), которыя очень различаются между собою количествомъ дворовъ: есть деревни дворовъ въ 80, даже 100, но чаще можно встрѣтить такія, которыя состоятъ изъ 8—10 хатъ. Если въ деревнѣ находится волостное правленіе, училище, фельдшеръ, урядникъ и церковь, то она получаетъ названіе мѣстечка (мястѣчко). Корчма — также непременная принадлежность каждаго мѣстечка и строится большею частью, недалеко отъ волостного правленія, такъ какъ въ ней ведутся, обыкновенно, предварительные переговоры о различныхъ сдѣлкахъ, волостныхъ выборахъ, а по окончаніи сдѣлокъ въ ней же происходятъ «запѣяны»¹⁾ или «пьюць макарычъ».

Внѣшній видъ деревень въ Минскомъ уѣздѣ вездѣ одинъ и тотъ же. Строятъ избы съ одной стороны «вулицы», за избами «хатами» — дворъ и надворныя постройки, а дальше — огородъ, гумно и токъ; черезъ улицу и противъ «хатъ» очень часто разводятъ огороды; но, когда въ деревнѣ начинаютъ отдѣляться сыновья и братья на свое собственное хозяйство, то застраивается, какъ это теперь почти вездѣ и есть, и другая сторона улицы.

Дворы свои устраиваютъ крестьяне по одному образцу. Обыкновенно, съ улицы стоитъ домъ, съ правой стороны котораго помѣщаются ворота; справа отъ воротъ — «хлѣў» или «обѣра», т. е. сарай для рогатаго скота; къ оборѣ сбоку придѣлывается часто просто изъ частокола — «хлѣўчикъ», «хлѣву-

1) Выраженіе, рѣдко употребляемое при вспрыскиваніи сдѣлокъ, а всегда при свадебной процедурѣ, въ смыслѣ «заручины» — обрученіе.

шбѣкъ» или «свинѹшникъ» — сарай для свиней. Иногда первой по порядку постройкой является не «хлѣѹ» а «варѣѹня» или клѣтъ съ печью; въ этой «варѣѹнѣ» хранятся зимою овощи и молоко. Дальше слѣдуетъ «пуня» — сѣноваль, «вазоѹня» или «павѣтка» — навѣсъ для телѣгъ, саней, сохи и т. д.; потомъ — «стайня» — конюшня; въ «стайнѣ» иногда отдѣляется мѣсто для овецъ; специальныхъ же построекъ для овецъ почти нигдѣ нѣтъ, такъ какъ овцеводства въ Минскомъ уѣздѣ, можно смѣло сказать, не существуетъ. Далѣе идетъ «гумно» — чистая площадь передъ «токомъ» — ригой¹⁾. На «гумнѣ» просушиваютъ снопы, сѣно, свеженное почему-нибудь съ «сѣножаці» (съ луга) непросушеннымъ; «гумно» отдѣляется отъ двора заборомъ съ воротами. «Токъ» строится на самомъ дальнемъ краю «гумна», подальше отъ построекъ. Онъ представляетъ собою большой сарай²⁾, съ большими воротами по срединѣ, и раздѣляется на три части; въ средней части земля покрывается толстымъ слоемъ глины, плотно утрамбовывается и просушивается; на этомъ полу молотятъ и проѣвѣиваютъ зерно; боковыя части «тока» отгораживаются отъ средней, — которая, собственно, и есть «токъ», — невысокими бревенчатыми загородками, за которыми укладываются снопы «у торпы».

Овиновъ въ Минскомъ уѣздѣ почти нѣтъ, и хлѣбъ молотятъ сырой, отчего и «токъ» называется также «сыробойней».

Хаты крестьянскія какъ по внѣшнему виду, такъ и въ внутреннему устройству отличаются полнѣйшимъ однообразиемъ. Строятся онѣ такъ, чтобы поперечная стѣна выходила къ улицѣ. Окна, непременно, должны быть на «ѹсходѣ» и на «прѹдзѣ», т. е. на востокъ и на югъ. Рѣдко-рѣдко встрѣтится окно на западъ — «заходѣ», да и то всюду маленькое. Дверь должна быть на «ѹсходѣ» и во дворъ. При началѣ постройки хатъ соблю-

¹⁾ То, что здѣсь названо гумномъ, обыкновенно въ Бѣлоруссіи называется «прагменекъ».

Ж. К.

²⁾ То, что здѣсь названо токѣмъ, вездѣ обыкновенно называется «токомъ».

Ж. К.

ются нѣкоторыя церемоніи. Въ первый день кладутъ, если не успѣваютъ больше, одно звено и ставятъ дверныя косяки. Вечеромъ собираются у хозяина рабочіе и гости и «пьюць закладчины». При этомъ, конечно, желаютъ хозяину всякаго благополучія, богатства, здоровья и т. д.; тогда въ первомъ звенѣ выдалбливаютъ «ѹ правомъ куцѣ» (въ правомъ углу) маленькое углубленіе и хозяинъ кладетъ туда кусочекъ хлѣба, копейку, а кто побогаче, то — бутылочку съ «живымъ сирабрѣмъ», т. е. бутылочку съ ртутью, «кабъ грѣши вадзілися», «кабъ добра было много». При «закладчинахъ» обходятся безъ молебна, и духовенство приглашается уже для освященія новаго дома. При освященіи на каждое окно кладется цѣлая булка хлѣба и ставится свѣча, непременно, изъ желтаго воску, при этомъ приговариваютъ: «Дай жежъ, Бѣже, кабъ жилѣся, вялося, на землю урода, на царей згѣда».

Какъ сказано выше, окна устраиваются на «ѹсхѣдъ» и «поѹдзень», а входъ со двора. У входа устраивается «гѣанакъ» (крыльцо). Строится «гѣанакъ» слѣдующимъ образомъ: къ порогу двери ведутъ двѣ ступеньки, при чемъ верхняя представляетъ площадку, аршина полтора ширины и столько же длины; надъ этой площадкой устраивается крыша или соломенная, или изъ «драни», «драницы»; крыша эта съ одной стороны плотно придѣлывается къ дому, а съ другой стороны поддерживается двумя нетолстыми столбами. Дверь ведетъ въ темныя «сѣнцы», съ лѣвой стороны которыхъ находится дверь въ жилое помѣщеніе хозяевъ, собственно, въ «хѣту».

Въ «сѣнцахъ» ставятъ корыта, въ которыхъ кормятъ свиней, «цѣбры» — ушаты, бочки и другую крупную деревянную посуду; здѣсь же зимой, въ особенно сильные морозы, помѣщаются и стельная корова и поросная свинья; здѣсь же ихъ и кормятъ, такъ что воздухъ въ этихъ сѣняхъ страшно тяжелый; очень маленькіе телята и поросята берутся даже въ самую «хѣту».

Жилище самихъ хозяевъ состоитъ изъ одной большой комнаты, свѣтъ въ которую проходитъ черезъ три-четыре окна, а

дверь ведетъ въ «сѣнцы». Направо отъ входа помѣщается огромная печь, передняя часть которой до чела называется «припечкомъ»; подъ «припечкомъ» находится довольно большое углубленіе, называемое «подпріпечекъ», а подъ нимъ — отверстіе съ рѣшетчатой загородкой, ведущее въ «подпѣче». На «припечкѣ», обыкновенно, сохраняется «жарь», т. е. тлѣющіе угли, выпребующіеся изъ печки вмѣстѣ съ золой. Здѣсь отогрѣваютъ пищу «на вячѣру», жарятъ «яѣшню» и т. д. На «подпріпечкѣ» хранятся чугуны, горшки, кувшины и т. д. «Подпѣче» зимой служитъ помѣщеніемъ куръ. Около чела съ боку на «припечкѣ» устраивается нѣчто въ родѣ ниши — «ямка» или «печурка», куда сгребаютъ «жарь», на которомъ вечеромъ на «припечкѣ» подогрѣваютъ «вячѣру».

Противъ печки подвѣшивается къ потолку довольно длинный шестъ — «жѣрдка» или «жердка». На «жѣрдкѣ» просушивается мокрое платье, бѣлье, онучи и обыкновенно виситъ все грязное бѣлье и платье.

Къ печкѣ придѣлывается еще иногда «лежанка», которая служитъ кроватью для стариковъ и больныхъ, если на печи очень жарко.

Слѣва отъ двери, противъ печки, стоитъ «топчанъ» — иногда говорятъ «топцянъ», «топцянникъ» — широкая, но довольно короткая скамья для посуды, для ведра съ водой. Надъ топчаномъ прикрѣпляется къ стѣнѣ поставецъ для тарелокъ, небольших мисокъ, ложекъ. Отъ топчана идутъ вдоль стѣнъ «лаўки» для сидѣнья, замѣняющія иногда кровать, изъ липы или сосны. Чѣмъ толще и шире «лаўки», тѣмъ больше гордятся ими хозяинъ и указываетъ на нихъ, какъ на такое украшеніе хаты, какое не у всякаго найдется. Приходится встрѣчать такіа внушительныя «лаўки» изъ сосны, что трое сильныхъ мужчинъ съ трудомъ поднимаютъ одну. Скамьи эти переходятъ изъ рода въ родъ во наслѣдству.

Въ красномъ углу, «на куцѣ», вѣшаются образа; передъ образами у болѣе зажиточныхъ — лампада. Въ этомъ углу ста-

вять столъ, на которомъ и ѣдятъ, и дѣти располагаются со своими тетрадами и книжками, если кто-нибудь изъ дѣтей ходить въ школу; за этотъ же столъ садится и дѣвушка съ какой-нибудь работой — шитьемъ, вышиваньемъ... Каждый разъ послѣ ѣды столъ чисто вымывается, а къ празднику до-бѣла выскребывается ножомъ. Вообще этотъ столъ содержится всегда въ образцовой чистотѣ и грязная работа вся производится на полу или на «топчанѣ». На столѣ всегда лежитъ хлѣбъ, завернутый въ холстинку или специально сдѣланную скатерть. Своя семья обыкновенно ѣстъ безъ скатерти, но если есть какой-либо почетный гость, то часть стола, гдѣ сидитъ гость, покрывается скатертью, а члены своей семьи все-таки ѣдятъ на непокрытомъ столѣ. Уголь подъ образами, «кутъ», какъ и вездѣ, считается самымъ почетнымъ. Съ другой продольной стороны стола ставится «зѣдаль» или «зѣдликъ» — передвижная узкая скамейка на четырехъ ножкахъ.

Дальше слѣдуютъ кровати—«лѣжка». Теперь уже не встрѣчаются простыя настилки, нары, а вездѣ очень высокія и широкія «лѣжка». Постелью себя крестьянинъ не балуетъ. Обыкновенно тюфяки замѣняются довольно тонкой подстилкой изъ соломы, прикрытой «прастирадломъ» (простыней) изъ очень грубого домашняго полотна. Только у болѣе богатыхъ, да старыхъ, имѣются «сѣнники»,—простые большіе мѣшки, набитые соломой, а иногда даже и сѣномъ, что считается уже нѣкоторою роскошью. Подушка—тоже набитый сѣномъ небольшой мѣшокъ безъ всякихъ наволочекъ.

Впрочемъ, теперь такія спартанскія подушки быстро исчезаютъ и появляются «перинѣвыя», т. е. набитыя перьями, а у дѣвушекъ и «ясики», маленькія подушечки, набитыя пухомъ.

Одѣяло замѣняется простымъ кожухомъ; лѣтомъ же, въ жаркую пору, спать или совсѣмъ безъ всякаго покрывала или покрываются простыней, а иногда и специально приготовленнымъ для этого полотнищемъ, обыкновенно съ синими узорами.

Но опять же въ послѣднее время появляются и «ватѣвыя»

одѣяла, крытыя кумачемъ, ситцемъ или, гдѣ въ семьѣ есть дѣвушка-рукодѣльница, разноцвѣтными лоскутками; заводять уже и «капы», т. е. легкія тканевыя одѣяла; но послѣднія только у богатыхъ.

Надъ кроватями прикрѣпляютъ шесть, на которомъ вѣшаютъ чистое платье, бѣлье, иногда только, такъ какъ обыкновенно оно хранится въ сундукахъ — «кублахъ».

Шубы же вѣшаются на особой вѣшалкѣ, которая прикрѣпляется къ стѣнѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается «лаўка», идущая вдоль поперечной стѣны хаты; онѣ прикрываются простыней и тоже составляютъ одно изъ украшеній хаты. Но эти спеціальныя вѣшалки для шубъ не часты, такъ какъ и шубы хорошія не у многихъ, и вѣшаются онѣ вмѣстѣ съ чистымъ платьемъ надъ кроватями.

Но любимымъ мѣстомъ у всѣхъ членовъ бѣлорусской семьи всѣхъ возрастовъ является верхъ печки, самое теплое и самое уютное мѣсто въ хатѣ. Тепло бѣлорусъ любитъ больше всего, кажется, на свѣтѣ. Чѣмъ жарче натоплена печь, тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ ложится на нее бѣлорусъ и предпочтетъ скорѣе ожечься, чѣмъ спать хотя бы даже въ умѣренной температурѣ. На печи уже не полагается ни «сѣнника», ни одѣяла, которое тамъ, собственно, и не нужно. Тамъ постоянно валяется всевозможное грязное тряпье, которое и служить постелью неприхотливому простолюдину.

Чья запись, неизвѣстно. Е. А.

Минск. г., Борисовск. у., с. Юрьево.

Деревни свои крестьяне располагаютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ рѣчка и близокъ лугъ. Иногда ихъ строятъ въ лѣсу, гдѣ крестьяне занимаются разработкою поля или рубкою дерева, которое продаютъ на рынкахъ. Избы располагаются по большей части въ неправильномъ порядкѣ, но близко одна къ другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ большихъ селахъ, избы строятся въ длинный рядъ, по обѣимъ сторонамъ улицы.

Избы крестьянскія строятся изъ толстыхъ сосновыхъ или еловыхъ бревенъ въ простые углы и кроются досками или соломой; въ стѣнахъ прорубаютъ по два или по три окошка, въ которыхъ бывають узкія стекла. Изба крестьянина состоитъ изъ двухъ или одной комнаты и передней, которая называется сѣнями. Сѣни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздѣляются на двѣ части, изъ которыхъ передняя часть называется собственно сѣнями, а задняя коморкою. Въ коморкѣ стоятъ кублы (на подобіе ушата) и куфры (то же, что сундуки, только въ большихъ размѣрахъ). Въ кублахъ находится различная крестьянская одежда, а на стѣнахъ коморки иногда можно видѣть пальто, сдѣланное изъ простого сукна, которое составляетъ праздничную одежду деревенскихъ парней; тутъ же висятъ различные халаты, овчинные тулупы, бурки и другая верхняя одежда крестьянъ. Рядомъ съ избою строится амбаръ, который называется у крестьянъ клѣтью или свирномъ. Въ клѣти прячутся различные сѣстные припасы, а въ свирнѣ складывается различная посуда и конская упряжь. Возлѣ свирна находится истопка (то же, что кладовая), которая называется еще варевней. Въ варевнѣ стоятъ цѣлыя кадушки (бочки) капусты или свеклы; здѣсь же находятся ямы, въ которыхъ хранится картофель, свекла, морковь, брюква и другіе овощи до слѣдующей весны. Въ концѣ двора стоятъ хлѣвы, въ которые загоняють скоть. Возлѣ хлѣва находится повѣтка (крыша на столбахъ), гдѣ стоятъ телѣги, сани, соха, борова и другія земледѣльческія орудія. Дворъ крестьянина обносится тыномъ или обстраивается другими пристройками. Посреди двора находится колодезь, изъ котораго черпають воду для себя и для скота; у нѣкоторыхъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ на дворѣ имѣется ледовня, гдѣ стоитъ молоко и другіе сѣстные припасы. Подальше отъ дома строится гумно, состоящее изъ востѣи (овина), пуни (сѣновала) и тока, на которомъ молотятъ хлѣбъ. Токъ раздѣляется на нѣсколько частей: боковая часть за овинномъ называется уметникомъ (засѣкъ), гдѣ лежитъ мякина, а средняя называется собственно токомъ.

Не богато и внутреннее устройство избы крестьянина. Полъ деревянный, но чаще его вовсе не бываетъ. Стѣны хорошо не вытесаны и не выштукатурены, отъ чего въ избѣ крестьянина зимою бываетъ холодно. Въ красномъ углу на стѣнахъ подъ потолкомъ висятъ нѣсколько иконъ, запачканныхъ мухами, и поэтому ихъ съ трудомъ можно распознать.

Около стѣнъ находятся длинные деревянные зодли (скамьи), на которыхъ стоитъ различная деревянная и глиняная посуда. Въ соответственномъ красному углу на концѣ лавы (тоже скамья) стоитъ дежа (квашня) съ квасомъ. Подлѣ дежи стоитъ ведро или цебаръ (ушатъ) съ водою. Близъ него саганы (чугунные горшки), гладыши (кувшины), миски, чашки и терлица (сосудъ, въ которомъ крестьяне трутъ коноплю или макъ). Въ противоположномъ углу находится огромная русская печь, занимающая почти треть всей избы. Дымъ въ настоящее время выходитъ чрезъ широкую трубу, которая послѣ топки печи запирается заткаломъ (круглый комокъ тряпокъ) или व्यюшкой, въ чемъ и состоитъ главное отличие теперешней избы крестьянина отъ избы, которая была при крѣпостномъ правѣ. Мѣсто, гдѣ ставятъ горшки по вынутіи ихъ изъ печи, называется припекомъ, а куда загребають жаръ—копкою или ямкою. Подъ печкою находится пустое мѣсто, гдѣ прячутся зимою куры и паросята. Въ соответственномъ печкѣ углу стоитъ кровать, подъ кроватью зимою ютятся телята, ягнята, а нерѣдко и свинья съ поросятами. Отъ этого въ избѣ крестьянина часто воняетъ, хотя сама хозяйка или ея дочь метуть ѣ по нѣсколько разъ въ день. Хата крестьянъ освѣщается лучиною, которую при горѣніи втыкають въ стѣну или въ свѣтачъ (свѣтецъ); отъ этого стѣны и потолокъ покрываются сажею и могутъ пачкать чистое бѣлье.

Изъ записи учен. II класса Несвижской учительской семинаріи Н. Петровича, сообщенной учителемъ той же семинаріи г. Введенскимъ.

Хожденіе со звѣздою наканунѣ Новаго года.

Къ страницѣ 155.

Во всѣхъ мѣстечкахъ и городахъ Минской губ., въ особенности въ гор. Слуцкѣ, практикуется безъ исключенія древне-христіанскій обычай хожденія со звѣздою вечеромъ наканунѣ новаго года, сопровождаемый пѣснями религіозно - нравственнаго содержанія. Самое появленіе звѣзды въ установленное время наводитъ на людей какое-то свѣтлое, оживляющее христіанское чувство: до принесенія упомянутой звѣзды всѣ находятся въ бодрственномъ состояніи, хотя бы до полуночи. Въ многочисленныхъ городахъ и мѣстечкахъ устраивается опытными, практичными виновниками праздничныхъ увеселеній и забавъ мѣщанами не одна, а нѣсколько такъ называемыхъ звѣздъ, разныхъ видовъ и коливровъ съ возможно лучшимъ искусствомъ въ отдѣлкѣ. Звѣзды устраиваются о шести, двѣнадцати и двадцати четырехъ трехугольныхъ рогахъ.

Звѣзда устраивается такимъ образомъ: готовятъ два деревянныхъ обечка шириною въ вершокъ; въ первомъ обечкѣ продѣлываютъ пять дырочекъ или двѣнадцать, смотря по тому, о сколькихъ рогахъ предположено устроить звѣзду; въ каждую дырочку вставляется по два прутика—все это составляетъ переднюю часть звѣзды; во второмъ обечкѣ продѣлывается тоже шесть дырочекъ и въ каждую дырочку вставляется по одному прутику; концы прутиковъ перваго обечка, связываются съ прутиками втораго обечка, такъ что образуютъ форму трехгранной пирамиды. Самыя же обечка соединены другъ съ другомъ посредствомъ трехъ-четырехъ поперечныхъ палочекъ длиною вершковъ въ 5; къ заднему обечку прикрѣпляется доска, въ которую вдѣлывается трубка, а въ послѣднюю вкладывается шкворень, прикрѣпляемый къ шесту (подмежкѣ), на которомъ поддерживается звѣзда; на концѣ шкворня, внутри звѣзды, пристраивается висячій фонарь, такъ что звѣзда вмѣстѣ съ трубкою вертится около оси; шкворень при семъ съ фонаремъ остаются

неподвижными. Пространство между прутиками, образующими трехгранные роги звѣзды, обклеивается бумагой, которая потомъ вымазывается олеемъ (постнымъ масломъ); также вымазывается масломъ передняя часть лицевого обечка и задняя часть задняго обечка. Правая половина круга въ заднемъ обечкѣ, оклеенная толстой бумагой, приспособлена такъ, что ее можно отворять для вставки свѣчи внутрь звѣзды.

На кругѣ передняго обечка изображаютъ раскрашенный крестъ или солнце въ родѣ фигуры человѣческаго лица въ профиль, а по сторонамъ этой фигуры дѣлаютъ изображенія ангеловъ, деревьевъ, цвѣтовъ, плодовъ и т. п., такъ что все это вмѣстѣ взятое, при вращеніи звѣзды на оси, въ вечернее время представляетъ плѣнительное для глазъ зрѣлище на подобіе туманныхъ картинъ.

Съ описанною звѣздою совершается хожденіе съ цѣлью поздравить, кто позволить, съ наступающимъ новолѣтіемъ, пожелать всякаго благополучія. Въ хожденіи со звѣздою участвуютъ преимуществу мужчины, взрослые парни, человѣкъ пять-шесть и болѣе. Приходятъ они къ дому хозяина и спрашиваютъ позволенія поздравить его съ наступающимъ Новымъ годомъ. Получивъ позволеніе, они входятъ въ домъ, поздравляютъ съ новолѣтіемъ и поютъ пѣсни русскія или польскія, смотря по тому, въ польскомъ или русскомъ домѣ находятся. Для примѣра приведемъ нѣсколько такихъ пѣсенъ.

№ 1.

Даръ днесъ пребогатый отъ небесъ приде,
Яко капля каплющая на землю сниде.

Во утробу Дѣвы Слово вселися,
Изъ нея же невидимо міру явися. (2)

Богъ отъ Дѣвы плотію днесъ рождаетъ,
Тамо мрачно—ясно звѣзда сіяетъ. (2)

На свирѣляхъ пастыри пѣсни голосятъ,
Тріе цари тріе дары Богу приносятъ; (2)

Ливанъ, смирну, злато—въ даръ принесоша,
Рожденному безсмертному въ руцѣ дадоша. (2)

Всѣ вѣрные нынѣ дары несите,

Чистымъ сердцемъ Сына съ Отцемъ молитесь, (2)

Бы волилъ ниспославый Духа святаго,

Въ зрѣніи голубинѣ нисходящаго, (2)

Тройцу пречистую, славимую нами,

Оглядати да слышати на Иордани. (2)

Дай то, Христе, справедливый то видѣти

И съ Тобою въ царствіи Твоемъ

На вѣки жити. (2)

№ 2.

Видѣ Богъ нашъ, видѣ Творецъ,

Что весь міръ погибаетъ;

Архангела Гавріила

Въ Назаретъ посылаетъ.

Въ Назаретѣ благовѣсть стала —

Звѣзда ясная возсіяла;

Тремъ царямъ путь показала,

Три съ востока, триє цари

Принесли Христу дары.

Вельмо жъ Иродъ засмутился,

Что тамъ Христосъ родился;

Своихъ слугъ посылаетъ,

Христа убить шукаетъ;

Восемь тысячъ четырнадцать

Малыхъ дѣтокъ побиваетъ.

Матки плачутъ и рыдаютъ

Да по чадахъ маленькихъ.

Не плачь мати и не рыдай:

Будешь видѣть свойго сына;

Будешь видѣть свойго сына

Во праведномъ во Сіонѣ;
И ему намъ веселиться,
Рожденному поклониться.

Поется при семъ обычный тропарь Рождеству Христову.

Обхожденіе со звѣздою, несомнѣнно, школьнаго происхожденія. На это указываютъ и неискусные вирши, которые распѣваютъ при обходѣ со звѣздой. Въ католическихъ домахъ обыкновенно поютъ вирши изъ кантычекъ, въ родѣ: «Anioł pasterzom mówił», или «Dzieciątko się narodziło», иногда поютъ и свѣтскія пѣсни, какъ:

Ułanie, ułanie,
Malewane dzieci;
Nie jedna dziewczyna
Za wami polecі;
Polecі, polecі,
Aż do Warszawy—
Będzie wyglądać, ¹⁾
Jak szurka zpod ławy.

Сообщ. учител. народн. училища Н. Яцко.

Мясницы (поминки). Къ стр. 173.

Уже съ утра можно замѣтить по старанію хозяйки, что она ожидаетъ вечера этого дня не какъ обыкновеннаго. Но тутъ надъ суетней хозяйки нечего задумываться даже и въ первый разъ попавшемуся въ крестьянскую избу: слово мясница пришлось бы ему услышать много разъ. Крестьяне ожидая праздничнаго или разгульнаго дня, очень часто напоминаютъ о немъ, сосчитываютъ дни и недѣли, оставшіеся до праздника. (Мясница—день поминальный, проводится онъ, какъ и другіе поминальные дни).—Наступаетъ вечеръ; работа какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ приведена къ концу, въ хатѣ воцаряется от-

1) Этотъ стихъ дополняетъ пропускъ на стр. 186.

дыхъ, суетни уже нѣтъ и слѣда; напротивъ, по лицамъ можно замѣтить, что всѣ ждутъ чего-то таинственно важнаго. Даже разговоры, которыми занимались всѣ эти дни, прекращаются, развѣ только послышится вопросъ хозяина: не забыли того-то и того-то приготовить, да и сама семья въ это время уменьшается, потому что многіе изъ ея членовъ идутъ приглашать на мясницы.

Приглашенные приходятъ, здороваются съ хозяевами и послѣ непродолжительныхъ бесѣдъ садятся за столъ, куда подаютъ одно за другимъ кушанья, наконецъ доходитъ очередь до кутьи. Тогда зажигаютъ громничную свѣчу, всѣ выходятъ изъ-за стола, становятся на колѣни и говорятъ «Анѣлъ Панскій», молитву за умершихъ на польскомъ языкѣ. При окончаніи молитвы одинъ кто-нибудь изъ старшихъ встаетъ и говоритъ: «Нехъ бэндзе похвалѣны Езусъ Христусъ!» на что хозяинъ отвѣчаетъ: «на вѣки вѣковъ, амень!»

Затѣмъ опять садятся за столъ: ѣдятъ, пьютъ водку въ изрядномъ количествѣ и по окончаніи стола опять становятся на колѣни и вторично читаютъ «Анѣлъ Панскій». Затѣмъ прощаются и расходятся по домамъ.

Во все время ужина хозяйка, а иногда и хозяинъ вмѣстѣ съ ней прислуживаютъ гостямъ, просятъ кушать и пить водку. Последняя просьба въ средѣ женщинъ исполняется только послѣ долгихъ упрашиваній. «Я жъ», говоритъ, на примѣръ, одна, «ажъ догэтуль выпила, свацаца, кума и т. п.; такъ и ты жъ». Та спорить, отпихиваетъ въ сторону стаканъ, постоянно приговаривая: «до души-жъ, кумачка, не могу, якъ сабѣ хочипе, не могу». Наконецъ соглашается, выпиваетъ немного, беретъ бутылку, чтобы долить стаканъ и передаетъ его, кому слѣдуетъ по очереди, но бутылку выхватываютъ изъ ея рукъ и принуждаютъ больше выпить изъ стакана, — опять споры и соглашеніе. . . Какъ проводятся мясницы, такъ проводятся и другіе поминальные дни: тѣ же угощенія, споры, та же неизмѣнная кутья и свѣча громничная, «Анѣлъ Панскій», за души змарлыхъ, исключая нѣкоторыя

особенности. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поливаютъ столъ водкою для покойниковъ, или съ тою же цѣлью оставляютъ таковую на окнѣ въ стаканѣ вмѣстѣ съ блинами. Вечера эти имѣютъ для крестьянъ что-то таинственное: по нимъ они силятся опредѣлить въ какомъ-либо видѣ будущее, и для достиженія этой цѣли существуетъ немало примѣтъ и суевѣрій. Смотря, напримѣръ, весело ли горитъ свѣча, на кого пойдетъ изъ нея дымъ, кто послѣдній перестаетъ пить водку и пр.

Зап. учнт. Таватикъ.

ИГРА ВЪ ЦОТЬ И ЛИШКУ (ЧЕТЬ И НЕЧЕТЬ). Къ стр. 224.

Гродн. губ. и у.

Эта игра больше въ ходу у мальчиковъ. Всѣ участники за- пасаются предварительно простыми или калеными орѣхами и затѣмъ одинъ, на кого падеть жребій или выборъ съ общаго согласія, беретъ горсть орѣховъ въ руку, сжимаетъ ее въ кулакъ и спрашиваетъ близъ стоящаго товарища: «ци цоть, ци лишка?» Если послѣдній угадаетъ, то заключающіеся въ кулакѣ орѣхи переходятъ къ нему, если же нѣтъ, то онъ долженъ выдать спрашивавшему столько же орѣховъ, сколько ихъ было въ его кулакѣ. То же самое продѣлываютъ между собою поочередно и другія пары участниковъ игры. Иногда за неимѣніемъ орѣховъ играютъ такимъ образомъ и въ камушки, но весьма рѣдко. Эта игра отличается отъ другихъ подобныхъ тѣмъ преимуществомъ, что она не нуждается въ многочисліи: для нея вполне достаточно одной пары участниковъ¹⁾.

Изъ сообщеній И. О. Карскаго.

---

1) При этомъ нужно замѣтить, что игра въ четъ и нечетъ въ недавнемъ прошедшемъ была весьма распространена между дѣтьми еврейскаго населенія сѣверо-западнаго края. П. Ш.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Нижеслѣдующія опечатки и поправки касаются лишь бѣлорусскаго текста; чисто орфографическіе недосмотры не поправлены; дѣлать дополненія въ сборникъ, напечатанномъ при жизни автора, мы не рѣшились.

Проф. Е. Карскій.

Стран.	Строк.	Вмѣсто:	Должно быть:
8	17 св.	щербягни	щербачни.
43	12 »	пылсомъ	пыясомъ.
45	5 сн.	прибáровъ	прибóровъ.
46	2 »	зыпазугишу	зыпáзушшу.
48	3 св.	кружельная	кужельная.
50	14 сн.	жонцы	жонки.
53	11 »	вясéлияхъ	вясéлляхъ.
58	6 »	побыў	побыу.
61	7 св.	зробицы	зробици.
68	21 »	пороны	пáраны.
—	3 сн.	Рыгира, Петруки, Баутруки	Рыгора Петрука, Баўтрука.
—	2 »	Тумоша	Тумаша.
69	1 св.	душачка	душачки
74	8 сн.	баби	бабы.
77	4 »	падло—крыцаю	падло—сырыцаю.
78	12 »	все выраженіе болѣе правильно будетъ: «циперъ снъ бѣдзе ходзиць, бо я яму пѣцечко разрѣзаў».	
79	2 св.	(свя)тѣо или	(свя)тѣой.
114	13 »	нинѣшней ночь	нинейшей ночи.
115	1 »	говóрыць	говóрыць.
—	9 »	вышка	вышки.
—	16 »	трасучачы	трасучыса.
123	1 сн.	купци	куцци.

Стран.	Строк.	Вмѣсто:	Должно быть:
136	7 св.	Точки поставлены потому, что мѣсто было неразобрано. Какъ видно изъ приводимаго въ приложеніи (стр. 516) польскаго варианта, это мѣсто слѣдуетъ читать: И бэндзе щекаць, Якъ сучка съ-подъ лавы.	
145	12 сн.	бида-жъ	бѣдная-жъ; запятой послѣ «моя» не нужно.
146	2 »	чаю	чего (=почему). Вариантъ: Отъ Ирода (Дембовецкій, I, 626).
162	14 св.	травышоу ковыя	травы шоуковыя.
200	18 »	черапъ	черапъ.
—	21 »	И шли	Ишли.
212	8 сн.	босочка	басочка.
214	1 св.	по Рожествѣ	да Раствѣ.
215	2 »	золота	золоты.
232	12 сн.	Пашики	Пашина.
—	11 »	Петракова	Петрикова.
233	19 »	дѣланць	дзѣланць.
—	17 »	ѣ жица	ѣ жиця.
243	9 »	чарнымъ	чорнымъ.
—	7 »	щсьце	щасьце.
252	23 св.	жонгле	цѣнгле.
256	14 св. и 23 св.	миѣ кажутся подозрительными слова: вѣтницъ и точкою. Вмѣсто перваго обыкновенно употребляется вѣсники, а второе не тучкою ли?	
258	13 св.	азяѣ	ѣзяѣ
264	3 сн.	цесну	цѣску (лучину).
265	20 св.	дрещъ	драць.
266	1 »	лещиць	лежиць.
268	21 »	сорѣмацца	соромяцца
273	11 »	коливо	каливо.
276	23 »	«а мене не застаѣце»—вѣроятно, «не» не нужно.	
277	15 »	апцацѣ	апцацы.
281	1 сн.	шуле	шуло.
282	7 св.	пепагъ	попагъ.
284	4 »	раѣна	роѣно.
285	2 »	батьюшки	батьюшка.
293	2 »	жизе	жидѣ.
294	7 сн.	скацини	скацина.
295	25 св.	найсвеютша	найсвентша.
296	7 »	лапотѣ	лапатки.
298	9 »	тянуци	цянуця.
302	15 »	ѣ руччи ноччи	ѣ руччи ноччу.
307	14 »	опусъцицесь	опусъцицесь.
309	12 »	бѣгае и ища	бѣгае и ища.
—	11 »	кончыка	кончыки.

Стран.	Строк.	Вмѣсто:	Должно быть:
309	6 св.	бонць	боуць.
315	6 св.	дзѣўйка	дзѣўка.
316	7 св.	дзѣўйка	дзѣўка.
319	18 »	грудва	грудзи.
320	7 св.	ни ня	ниня.
321	8 »	(мо)гильцы, гилку	(мо)гилку.
323	4 св.	чарную	чорную.
409	19 св.	засмѣялса	засмѣявса.
419	14 св.	красницу	прасницу.
423	1 св.	въ выноскѣ должно быть каже.	
—	3 »	несьци	несьци.
425	4 св.	цесовня	цесовыя.
392—426.		Въ описаніи свадебнаго обряда Мозырскаго уѣзда употребленъ странный приемъ: слова мѣстныхъ бѣлорусскія перемѣшаны съ литературной рѣчью, при чемъ внѣшнимъ образомъ (посредствомъ кавычекъ) это большею частью не обозначено. Неопытному читателю легко принять литературную рѣчь за мѣстную бѣлорусскую. Кстати, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ пѣсняхъ и отдѣльныхъ мѣстныхъ выраженіяхъ часто на мѣстѣ ѡ является по неизвѣстной мнѣ причинѣ довольно непосредственно у: му, ву, перезву, буйстрой, вуѣздъ, штобу, отмукаци вмѣсто мы, вы, перезвы, быстрой, выѣздъ, штобы, отмыкаци. Не въ связи ли такой переходъ съ предыдущимъ губнымъ согласнымъ?	
428	14 св.	други	друга.
440	2 св.	кѡпку	кѡпку.
441	4 св.	перезѡвъ	перезѡвъ.
447	11 св.	ставна	стовпа (столба).
463	1 св.	въ выноскѣ должно быть	Lusorodіum.
471	5 св.	да посульшасо	да посуньмасо (двинемся).
—	6 »	да годзѣло	догодзѣло (надоѣло).
473	14 »	другу	другю.
475	10 »	прынясемъ	прынясемъ.
—	19 »	сыця	сыпця.
478	9 »	да сако́льы бѣи	да сако́льы бѣи.
478	5 »	чарвоныя	чирвоныя.
—	12 »	послѣ наѣду должно быть !).	

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Анстъ (бўсехъ): повѣрья о немъ 353.
 алигѣрка см. олигѣрка.
 амбаръ 502. Ср. свиронъ.
 андаракъ 8, 74, 365.
 аніолъ 223.
 асѣць см. осѣть.
- Баба: угощеніе бабы, принимавшей
 дѣтей, 381.
 бабка 65, бабки 195.
 бадлинка 74.
 баня 4, 5, 66.
 баранина 68.
 барка: сплавъ барокъ 80.
 бахаръ 117.
 бѣрка 30.
 бесѣда молодого (дружина жениха)
 406.
 бетлѣйки см. вертепъ.
 биндалики 75.
 Благовѣщеніе Пр. Богородицы 157,
 383.
 блазень (блазинъ, блазынь) 30.
 бляны 18, 27.
 боўтуха 18, 31.
 богатство: богатство и деньги 301,
 взглядъ на богатство и бѣдность
 306.
 Богачъ 173.
 Богъ: представленіе о Богѣ 371,
 вѣра въ Бога 88.
 божница 7.
 болото: происхожденіе болотъ 314.
 болѣзни 271, 272, 277, 279, 282.
- боль въ груди 279.
 больные люди и животныя 82, 272,
 289, 294.
 бонда 67.
 бондарство 11.
 бородавки: ихъ лѣченіе 281.
 боты — пришвы 45.
 бохонъ 67.
 бракъ: отношеніе къ браку и семей-
 ной жизни 95, примѣты, относя-
 щіяся къ браку и дѣтству 346.
 бра́нты: дра́нты — бра́нты 51.
 бросанье по полу гороха подъ Кре-
 щеніе 379.
 брушка 67.
 брыль 43.
 бубашки 17, 37.
 бу́лка хлѣба 26, 67.
 бу́льба 30.
 бульбонъ 72.
 бура 332.
 бѣдность см. богатство.
 бѣлизна (близна) 51.
- Вазбўня 506.
 ва́линцы 45.
 валъ 80.
 варзўня 506, 511.
 вдова: ея положеніе 22.
 Великъ (вьялыкъ) — дзень 16, вьялыкъ-
 дзень русалокъ 319.
 вендлина (вяндлина) 38.
 веретено (вѣраценѣ) 346.
 верей 504.

вертепъ или бетлѣйки: представление и устройство 121, 131, 132, 139, 141, 144, историческая справка о вертепѣ 152.

верещѣга (в-ка) 70.

вѣрхникъ 63.

весѣлье 401.

весеннія пѣсни 158 — 162.

вѣска (ѣска) 58, 505.

весна: призываніе весны, встрѣча ея 158, 160.

вечѣра (вѣчѣра) 40, 508.

вечерницы 370.

вечеръ у крестьянина 84, святыне вечера 117, 377, шедры вечеръ 113.

видѣльцы 32.

вильна 202.

вильчикъ крыши 499, 504.

вода: значеніе ея въ глазахъ народа 331, наговоренная вода 14, обычай съ водой на новый годъ 378, цѣлебныя свойства воды 332.

водяной: жертвы ему 249.

вогникъ см. огникъ.

вой собаки 353.

волки и овцы (игра) 220.

волки (воўки): средства противъ нихъ 297, люди, обращенные въ волковъ, 254.

волколаки (воўколаки) 253, 255, 485.

волога 36.

волося 8, 73, 365, 367, постригъ волосъ у ребенка 78.

волшебная книга 304.

волякъ см. олякъ.

вонтрѣбки 33.

воровство мелкое 94, средства воровъ для удаи при воровствѣ 300. ворожба 490, см. еще колдовство, чародѣйство.

ворота «одиночныя» 504.

восецъ см. осеть.

Воскресенье: Вербное 163, 383, Свѣтлое воскресенье 165, см. еще Великъ-дзень.

воспитаніе дѣтей 76.

врачъ: взглядъ на врачей 90.

вушки см. ушки.

входъ въ новую хату 361.

выгонъ скота въ поле 168.

высасываніе при глѣченіи 287.

вытираніе при глѣченіи 287.

вѣдзмы 262, 497, превращеніи

вѣдъмъ 265, вѣдма — жаба иѣ,

сказка о преслѣдованіи вѣдмой

парня на мотивъ Віа Гоголя 268,

сборище вѣдъмъ 483, прокли

вѣдъмъ 263, 268, отыманіе ко

лока вѣдъмами 263, 266, средства

противъ чаръ вѣдъмъ 266, 267.

вѣдзьмаки 257.

вѣдзьмары 497.

вѣнецъ: поѣздка къ вѣнцу 398, возвращеніе домой послѣ вѣнца 400.

вѣвоекъ 48 — 49.

вѣврованіи 309. Ср. еще Богъ,

вѣдзьмы, вѣдзьмаки, вѣдзьмары,

сглаженіе, дурной глазъ, домовою

и т. п.

вѣтки: украшеніе вѣтками дуба в новый годъ 378.

ва- см. ве-.

Гаданье: о погодѣ 245, объ урожаѣ 246, по хлѣбу 336.

галунъ 74.

ганаки 507.

гановицы (ногавицы) 73.

галиубъ 48.

гафта 48.

гафтыкъ 41.

Георгій: празднованіе св. Георгія 167, процессія карагода съ пирогами на Георгія 169.

гладышники 218.

глазъ дурной 497.

гной 502.

голѣука 74.

голубецъ 200.

горѣ (чердакъ) 62.

городки 209.

горѣхъ параный 68.

гостепріимство 94.

гостінецъ 427.

грады (жердочки) 63.

градка (рѣшетка) 501.

градовѣя середѣ 166.
 гребенка: крыша «подъ гребенку» 502.
 гребенѣцъ (грибенѣцъ) жѣдныи 46.
 громъ и повѣрья, соединенныя съ нимъ, 342 — 343.
 громниці 16, 155.
 громни́чный: производство громни́чныхъ свѣтъ 156, 380.
 громовѣя или рабѣиновѣя почъ 262.
 груганъ 206.
 грудзѣнка 33.
 груды (кучи гѣса) 12.
 грудь 279.
 грижа́нка 30.
 гризѣніе больногѣ мѣста 273.
 гризѣ́нка 13.
 губица 64.
 гужъ 199.
 гузѣнне 41.
 гузѣкъ 42.
 гузѣна 41.
 гулачка см. улачка.
 гульбишники 27.
 гумно 503, 506, 511.
 гуси 82, 219.
 гуска 67.
 гуща 17, 31.
 Дворъ 65, 498, 501, 505; ср. дѣвни́къ.
 двойни: чтобы были у скота двойни 297.
 дѣжа́ (дѣжа́, дѣжа́) 67, 512.
 дѣвни́къ 502.
 дѣнь: порядокъ дня и дневныя занятія 53, 83, 84, зимній д. 53, лѣтній д. 57, праздничныи д. 84.
 деньги и богатство 301, котъ носить деньги 303, чортъ носить деньги 305, змѣи носить д. 302, 487, добываніе денегъ знахаремъ 304, заколдованныи д. 307.
 деревня (дѣярѣ́ня) 3, 4, 58 — 59, 357, 505, 510.
 дерево смертельное 344.
 дѣе-, дзи-, дзѣ-, дзя- см. де-, ди-, дѣ-, дя-.
 дѣтя см. дѣти.

дичь: средство для привлеченія дичи 485.
 добрѣ: средство дѣлать добро и зло 299.
 добѣтокъ 167.
 дождь: средство вызвать дождь во время засухи 294, 295, 485.
 дожи́нки 235.
 домъ: заклинанія при постройкѣ дома 333, суевѣрія, сюда относящіяся, ib., примѣты 334, переходъ въ новый домъ 334, 335.
 домоводство: примѣты, касающіяся домоводства 349.
 домовѣй 310.
 домотѣ́нка 41.
 доръ 38.
 досѣ́йки 245.
 дружка 62.
 дры́жики 48.
 дубъ 378, 197.
 дѣхи: жертвы и способы умилющенія ихъ 249.
 душа́: взгляды на нее 89, продажа души чорту 249.
 дѣ́йка 10, привороженіе дѣвушки или парня 298, 299, издѣвательство въ чистый понедѣльникъ надъ дѣвушками, не вышедшими замужъ, 382, черти ухаживаютъ за дѣвушками 315.
 дѣды (дзѣ́ды, дзяды́, дзяды́), 14, 68, 372, 373, какъ принимаютъ дзѣдоу 373, прибытіе покойниковъ къ трапѣзѣ на дзѣды 374.
 дѣ́лянка 64, 67, 68.
 дѣ́ти (дзѣ́ци): воспитаніе ихъ 76, лѣченіе 77—78, суевѣрный обычай, когда дѣтя начинаетъ ходить 78.
 дѣ́га 42.
 дѣ́дько (дзядько, -ка) 92.
 дѣ́ня 7.
 еврей 100, 101, 292, 293 (отношенія къ нимъ).
 Жаба-вѣ́дьма 265.
 жаръ (угли) 500, 508.

жгутъ 211.
 женитьба — комина 185, 186, 326,
 хлѣба 337.
 женихъ-мертвецъ 322.
 жертвы — водяному 249, духамъ 249,
 огню 325.
 живое серебро 507.
 животныя: лѣченіе домашнихъ жи-
 вотныхъ 289, помощь животному
 289, какъ явились вредныя жи-
 вотныя 314.
 жи́жка сыядцѣвая 37.
 жилище 58, см. еще изба, хата, по-
 стройки.
 жизнь общественная 102.
 жихарь 38.
 жоу́тѣчка 279.
 жордка — жёрдка 508.
 жуковѣики 75.
 журъ 29.
 Забавы 370.
 заблудившаяся скотина 350.
 забобоны 487.
 завѣлки 280.
 загвѣтъ 500.
 заговариваніе ружья 485.
 заговины 381.
 задуманное сбудется ли 298.
 задуманный ребенокъ 320 — 321.
 заі́нники 234.
 заклѣдка хаты 507.
 заклинаніе со свѣчей въ церкви
 295, при постройкѣ дома 333, со
 стороны плотниковъ 334.
 заколдованныя деньги 307.
 заколота 28.
 закрѣса 28, 36.
 заломъ 231, 485.
 замѣтъ изъ бернышекъ 503.
 замѣса хлѣбная 26.
 занятія мужчинъ и женщинъ 11, 79,
 80, 370, лѣтнія з. 85, з. дѣтей 79.
 Ср. еще бондарство, славъ барокъ.
 запѣины 394, 426, 505.
 зарываніе чернаго пѣтуха при по-
 явленіи эпидеміи 293.
 застѣнокъ 3.

застѣйки 243 — 244.
 застѣкъ 502, 511.
 заткало-въ печи 512.
 зацірка 31, 68, 370.
 заѣдки 31.
 заѣцъ 202.
 звѣзда 153, 376, 513 (устройство
 звѣзды и обходъ съ нею).
 Зѣльна 173.
 землія: надѣлы 24, какого цвѣта ю-
 ламы слѣдуетъ пахать землю 243.
 земледѣліе 80, обряды и обычай же-
 мледѣльческіе, примѣты и суевѣры
 227, 240.
 змѣовины 396.
 змѣй — посящій деньги 302, 487,
 укушеніе змѣи 281.
 знахари 259, ихъ продѣлки 260, ю-
 бываніе денегъ 304.
 збѣлъ 509, 512.
 зблото 199.
 зубѣтки-плѣѣнки 73.
 зубная боль 277.
 зезде́ль — зоде́ль.

Игры дѣтей и взрослыхъ 191 — 224.
 518: см. аніоль, ба́тарь, вѣлыа,
 волки и овцы, гладышники, голубѣтъ,
 городки, груганъ, гужъ, гу́лаы
 (улочка), гуси, дубъ, жгутъ, зацъ,
 золото, камешковъ бросанье при
 помощи дощечки, кегли, карѣгъ,
 катанье кули, корогодъ, король,
 коршунъ, въ кости, ласочка-ба-
 сочка, мальчикъ-пальчикъ, Мале́д,
 небо, овечка, пекло, пинки, просо,
 рѣдка, свинарка, солоха, теренъ,
 четъ-лишка (цоть-лишка), шло,
 шулякъ, ящерь.

игрища и кермаши 188.
 изба 498, 511, внутренній видъ избы
 362, 512. Ср. еще хата.
 Илы́я 15.
 исподокъ, испѣтки 43.
 испугъ 273.
 истѣнка 511.
 иструбу 505.
 истужки 51.

Кавалоуъ 26.
 кадѹшка 511.
 казанцѣ 195.
 калитѣ (кылитѣ) 45, 46.
 калѹпка 47.
 камешкѣи 212.
 камизѣлька (кымизѣлька) 43.
 кѣпа 510.
 капелѹшъ 44.
 каплѹкъ 370.
 каптѹръ 74.
 капѹста 28, чтобы росла капуста 296.
 кашпѹкъ 46.
 карѣли 9, 10.
 карѣгли 204.
 картѹзъ 43.
 катаніе больного 272.
 катачыгъ—качадыгъ 8.
 кашель суевѣрный 338.
 квашеніи 68.
 кегли 196.
 кермашъ 188.
 кисель 18, 29, 31, бруски киселя 31—32.
 кисліца 29.
 киндзѹкъ 34.
 китликъ 48.
 кишень 42.
 кладъ: добываніе кладовъ 486.
 клѣпки 32.
 клопы: средство противъ нихъ 297.
 клѣтъ (клѣтъ) 7, 499.
 клѣмка 499.
 книга волшебная 33, книги (потроха) 33.
 ковнѣръ 41, 364.
 ковнерная рубашка 47.
 ковнѣрцы 364.
 коварзѣи (кыварзѣи, кыврзѣи) 8, 44.
 кожѹхъ 73, 76, 365, печь «кожухомъ» 504.
 колбасы 33.
 колѣра 51.
 колѣсы 7.
 колѣдцы: толки объ отравленіи колѣдцевъ во время холеры 392.

колотѹха 18, 31.
 кольца вѣнчальныя 10.
 коляда — коляды (кыляда — кыляды) 15—16, голодная к. 16, тлустая к. ib., постныя к. 17, 377, тоустая к. 17, богатая к. 377.
 колядки 16.
 комедіанты 153.
 коминъ 185, 186, 326.
 комоѣдица 162.
 комѣи 31.
 комыга 502.
 конецъ свѣта 343.
 конфедератки 76.
 копка 512.
 кошѹръ 49.
 копылье 52.
 копыло 12.
 копылицѣ ляды 12.
 корѣнне (кырѣнныя) 17.
 корѣцъ 362.
 кормѹшка 77.
 коровай (каравай) 428, к. дѣлится у молодой 414, у молодого 423.
 корѣва: зглаженіе кор. 289, предохраненіе к. отъ уроковъ ib., какъ исправить молоко коровы 297.
 корогѣдъ (карагѣдъ): процессія корогѣда съ пирогами на Георгіи 169, игра въ к. 213.
 корѣль 215.
 корѣвки 75.
 корѣста 281.
 корчма (коршма) 18—19, 102, 106, 505, какъ проводятъ время въ корчмѣ 109.
 коршунъ 207.
 костеръ: переѣздъ новобранныхъ черезъ горящій костеръ 327.
 кости: игра въ кости 195, обрядъ съ костями освященнаго на Пасху мяса 247.
 котъ: котѣ печь 118, к. носятъ деньги 303.
 кошѣль 47.
 кошѣлка 362.
 кошуля 41.
 кошунство надъ Св. Тайнами 250.

кράли 51.
 краски (цвѣты) 7.
 краюха 26.
 кресиво 46.
 крестины: обрядность кр. 384, 390, 391.
 Крещеніе Господне 120, 376.
 крикса 284.
 кротъ: средство противъ кротовъ 296.
 крупѣна 30.
 крупникъ 30, 67.
 крыша изъ соломы 503.
 крыщины 66.
 крѣпостничество: взглядъ на освобожденіе отъ к-ства 99.
 кубель 7, 52, 75, 499, 510, 511.
 кубликъ 58.
 кузель 47, 81.
 кукушка 491.
 кулага 32.
 куддѣбина 4.
 кулѣшь 31, 72.
 куля: катанье кули 204.
 кумовья спотыканы 491.
 кунпѣкъ 33.
 курица: поющая 353, 486.
 курная печь 500.
 куры 82, чтобы куры не ждали яицъ на сторонѣ 297.
 кусанникъ 26.
 кустъ 171.
 куть 501, 508.
 куты (куцѣя, куца), 32, 113, 375, куты съ каѣбасою 70.
 кушанья когда и какія употребляются 17—18, куш. мясныя 33, куш. съ саломъ и молокомъ 72, к. изъ травъ 70—71, к. въ великій постъ 70, к. на Пасху 70, к. въ сочельникъ 69, к. на дѣды 372, 373. Ср. еще пища.
 куферъ 511.
 кы- см. ка-, ко-.

Лѣва 64, 360, 512.
 лаѣка 6, 508.
 лѣдки см. оладки.

лайно, ланно 51.
 лапникъ 51.
 лапти 44, 75, 345.
 лѣсочка-бѣсочка 212.
 лѣтка (сковородка) 34.
 ледѣня 511.
 лѣжанка 508.
 лживость 94.
 ложечникъ 63.
 лѣшко 509.
 ломота въ тѣлѣ 278.
 лопуны 26.
 лошадь: предохраненіе ихъ отъ уроковъ 289.
 лѣста, лѣстка 26.
 лучина 345, 512.
 лѣтка 33.
 лѣкарь-врачъ 90.
 лѣчебныя средства: ср. высасываніе, вытираніе, грызеніе, катанье, мытье, откидываніе, подкуриваніе, продѣванье, растираніе, топтаніе, фиктивное убиваніе.
 лѣчебныя средства (растенія), употребленія простымъ народомъ и Борисовскомъ уѣздѣ, 492.
 лѣченіе болѣзней и средства противъ разныхъ напастей 271. Ср. бордавки, боль въ груди, жоутачи, укушеніе змѣи, завадки, зубимъ, боль, испугъ, короста, крикса, ломота въ тѣлѣ, огинкъ, переворотъ, подѣвѣй, поносъ кровавый, простуда, ревматизмъ, стѣны, сурроги, суроцы, сухотка, тошнота, трасца, чахотка.
 лѣченіе дѣтей 77—78, 282.
 лѣченіе домашнихъ животныхъ 82, 289, л. лошадей 289, л. свиней и любизники — приворотныя средства 298.
 лѣхта 505.
 лягушка въ колдовствѣ 497.
 лѣда 12.
 лѣдѣнка 13.
 лѣдное хозяйство 12.
 лѣкъ см. олякъ.
 лѣнни 26.

Майтки 41.
макароны, м-нъ 17, 39.
малець 9, 10.
мальчикъ-пальчикъ 208.
маргелка 43, 44.
марта 9 (сороки) 383.
Матки наисвѣтшей (Введеніе) 173.
Матѣй (игра) 154.
медъ: угощеніе медомъ на свадьбѣ 421, 439.
мертвецѣ 320, чтобы м-цы не являлись 321, м-цы ходятъ 321, 322, м-цѣ женихъ 322, плачъ по мертвецамъ 90.
мигдалы 39.
Микѡла святѣ 15, 184.
микольщина 15, 182.
миркачи 152.
Михаѣло святѣ 15.
михальщина 15.
мира твореніе 813.
моканіина 27, 33, 38.
молитва: способъ м-вы 64, м-ва ребенка 78.
молодѣй (женихъ): его бесѣда 406.
молодѣе: м-днхъ поднимаютъ 425, обрядъ съ овсомъ при подниманіи м-днхъ 425.
молоко — овецъ 77, продолжаніе м-ка надъ ульемъ 497, отниманіе м-ка вѣдъмами 263, 266, 487, 494, 496.
молочное чародѣйство 494, 496.
моргъ 11.
морьва 31.
моръ: олицетвореніе мора 290, средство отъ мора 290.
москаль 21.
мостъ—полъ въ хатѣ 500, настилка «мостомъ» 502.
моторѡкъ 41.
мотузъ 41.
мочѣнники 28, 39.
мошонка 47.
мстительность 94.
музыка 19.
музыканты 105.
мытье при гдѣненіи 288.

мыши: средство противъ м-шей 296.
мыстѣчко (мястѣчко) 505.
мышанка свиная 27.
маслицы 516.

Набоѣка 48.
наговоренная вода 14.
наказаніе провинившихся дѣвушекъ 90 — 91, нак. пьяныхъ 91.
наметка 49, 368.
народность: понятіе о ней 97.
наслѣдство: право н-ва 24.
насоу 8, 42.
настоѣльникъ 167.
насыкій 21.
насыкомыя: изгнаніе ихъ 165.
небо (игра) 223.
невидимъ: чтобы быть невидимымъ 485.
невѣста: обмѣнъ невѣстъ 95 — 96.
недѣля русальная 16.
неразмѣнный рубль 305.
нечистая сила 310, ея проказы 314.
нечистые 13.
ногавицы 364.
ногти 346.
ножикъ при поясѣ 46.
ножъ 346.
ночь: на-ночки обычаи ходить 190.
ночницы 324.
нравственность: отношеніе крестьянъ къ нравственности 86, 90.
ноухачъ 46.

Обаранки 86.
обловуха 43.
обметка 49.
обора, -рка 44.
оборотни 253, 254, 255, 488.
обпахиваніе деревни — бѣлыми волами 292, женщинами 290, молодыми нагими дѣвушками 293.
обряды и обычаи земледѣльческіе 227, 240, обрядность крестинъ 384, 390, 391, при входѣ въ новую хату 361, при закладѣ хаты 507, при призваніи весны 158, 160, постригъ волосъ у ребенка

78, обряды 5—6 января, имѣющее отношеніе къ урожаю, 380, свадебный обрядъ 392, 426, 443, 471, 476.

обсыпаніе хмѣлемъ на свадьбѣ 439.

обудѣнное полотно 491.

обувь 75, 366. Ср. еще боты, валенцы, коварзны, лапти, опорки, пастолы, похрасны, ходаки, черевки, щербачни.

обычай 491 (благочестивые). Ср. еще бросанье гороху подъ Крещеніе, съ водой на новый годъ, при выгонѣ скота въ поле, облаиваніе деревни, когда дитя начинаетъ ходить, ходить на-ночки, обсыпаніе хмелемъ на свадьбѣ, сниманье сапогъ у новобрачнаго мужа.

овѣчка (игра) 220.

овца: овцы не любятъ агнать 344.

овчарникъ 502.

огниѣ (вогниѣ) 282, 324.

огонь 323, огонь богацѣе 326, добываніе огня посредствомъ тренія 330, 331, жертва огню 325, отношеніе къ огню 327, очистительныя свойства огня 324—325, перѣздъ черезъ огонь во время свадьбы 421, 438, повѣрья, соединенныя съ огнемъ 327, 328, почитаніе огня 324, почитательность къ огню 326, 330, святой огонь 331, разговоръ огня 328.

одежда (адзѣжа) 7, 40, 73, 364; а) жанѣцкая адзѣжа 8, 47, 50, 74. Ср. еще — андаракъ, бадлинка, голеука, дрылихъ, китлихъ, каптуръ, кошуля, намѣтка, олигерка, панчоха, саянъ, сподница, хустка, чапецъ, шнуроука; б) мужская одежда 73. Ср. еще брыль, гаповицы (ногавицы), ковнерная рубашка (сорочка), кожухъ, камизелька, капелюшъ, картузь, конфедератка, майтки, маргелка, насоу, обловуха, пилистанка, портки, поасъ, рукавицы, свитка, сермага,

скарпетки, спиньжакъ, суконки, сурдуть, шапка.

одежда — въ Кобринскомъ уѣздѣ 366 — 367, въ Бѣльскомъ уѣздѣ 368.

одежда шляхты 76.

одинокъ 3.

озадовъ 33.

оeko подъежное или отодвѣжное 499.

окѣлицы 59.

оладки (ладки) 17.

олакъ (волакъ, лаякъ) 37, 69.

опѣрки 45.

осенина 100.

осѣнь у крестьянина 86.

осѣть (восѣть—восѣць) 504, 511.

отворотныя средства 484 — 485.

откидываніе: лѣченіе откидываніемъ 273.

отношенія—къ браку и къ семейной жизни 95, къ лицамъ, стоящимъ по положенію выше, 92, къ помѣщикамъ 98, къ помѣщикамъ ib., великорусскимъ помѣщикамъ 9: къ религіи 371, къ родителямъ 97, къ священникамъ 91—92, къ смерти 89, къ старшимъ лѣтамъ 92, къ судейскимъ 99, къ шляхѣ 98.

отравленіе колодезь въ время илери 292.

очагъ: значеніе очага 325.

Пакулья 80.

палики 41, 47.

паничъ (подсвѣчникъ) 7.

панчоха 45, 75.

панцакъ 70.

паркаль 47.

пастолъ 45.

пастухъ 102, наемъ пастуховъ ib., выборъ п-овъ 168.

пастушкѣ 10.

пастыръ 102.

пацѣрки 74.

пачеси 47.

пѣкло (игра) 222.

- пеляшки (пеляшки) 77.
 перёзвы 412.
 переполохъ (пярэполохъ) 282.
 перерѣзъ (родъ бочки) 502.
 печёнка (жаркое) 63.
 печисто (пачисто) 33.
 печурство 11.
 печурка 508.
 печь 62, 360, 512, курныя печи 500, открытая печь 344. Ср. еще лежанка. Спанье на печи 510.
 пилипоўка (пилипыўка) 17.
 пінка (игра) 216.
 піпка 46.
 пирадокъ 6.
 пиро́гъ 37, 67.
 пироженъчики 39.
 пища 25, 66, 369, п. постная 69. Ср. еще — баранина, блины, боўтуха, бубашки, брушка, бульба, бульбонъ, венди́на, верещага, горохъ, грудинка, грыжанка, грызника, доръ, сплядцовая жижка, журъ, затирка, капустъ, капуста, квашенина, киндзюкъ, кисель, клѣцки, книги, колбасы, колотуха, комы, кормушка, крупена, крупникъ, кулага, кулешъ, лопуны, лянны, макароны, моканина, молоко; морква, мочёники, обаранки, оладки, панцакъ, печенка, печисто, пиро́гъ, по́лиўка, похлопни, рѣдка, саламаха, сало, ситникъ, солодуха, сочни, студинъ, сыркваша, толокно, тцюнка, холодникъ, юшка, яешня, хлѣбъ в т. д. См. также «кушанья», «потравы», «страва».
 платки — у женщинъ 366, бѣлый платокъ 75.
 плачь по мертвымъ 90.
 плетенки-зубатки 73.
 плы́тня 42.
 повѣрья 309, п. объ аистѣ 353, п. относит. грома 342 — 343, 262, п., соединенныя съ печеньемъ хлѣба, 335, заломъ 231. Ср. еще «суроцы», «уроки», «суевѣрья», «примѣты».
 повѣтка 506, 511.
 повѣть 7, 361, 502.
 погода: примѣты 347, 349.
 погребъ 503.
 подбираемая юбка 9.
 подвечѣрокъ (пидвячѣрокъ) 40.
 подвѣй 274.
 подкуриванье при гѣченіи 287.
 подпадокъ (пидпадокъ) 48.
 подпечье (подпѣчье) 500, 508.
 подполье (подпѣлье) 500.
 подпріпечекъ 508.
 подробязина (пидрыбязина) 52.
 подскрёбокъ 67.
 подушки: ихъ приготовленіе 83.
 подысподокъ 43.
 покойникъ: прибытіе покойниковъ къ трапезѣ на дѣдахъ 374.
 покутье (поку́цце) 64.
 полати 6, 501.
 полатки 64.
 полдникъ 40.
 по́лиўка 17, 28.
 полічка 63.
 полоскозубъ 382.
 полотно однодневное (обыденникъ) 290, 294.
 полъ 360, 500.
 помѣйница 501.
 повѣсть кровавый 280.
 портки 41.
 портянки (пирцянки) 8.
 поскробышъ 26.
 посѣлокъ 3.
 посмѣшинне 36.
 постоялка (пыстылка) 36.
 постригъ волосъ у ребенка 78.
 постройки крестьянскія 498. Ср. еще дворъ, жилище, амбаръ (свиронтъ), баня, вазоўня, вароўня, гумно, ёўня, изба-хата, истопка, клѣтъ, ледоўня, повѣть, повѣтка, пуня, свишунникъ, свиронекъ, стайня, шопа.
 посуда 362. Ср. видѣльцы, дежа, кадушка, комята, корецъ, кубель, куферъ, латка, перерѣзъ, саганъ, судникъ, цебаръ.

потра́вы 28.
 похі́стки 51.
 похище́ніе дьяво́ломъ дѣтей 488.
 похло́пніи (пыхло́пніи) 44.
 похра́сьни (пыхра́сьни) 8.
 почи́нокъ 3.
 по́бась (пы́ась) 42.
 праздни́ки и забавы 111, 372, ро-
 ждественскіе праздни́ки 113. Ср.
 еще Благовѣщеніе, Богачъ, Ве-
 ликъ-день, Вербное воскресенье
 (вербница), Георгій, градовая се-
 реда, громни́цы, дѣды, Зельна,
 Илья, коляды, комо́дица, Креще-
 ніе, Матки наисвѣтшей, Микола,
 Михайло, мясни́цы, свѣча, Спасъ,
 святые вечера, щедрые вечера.
 представле́ніе о Богѣ 371.
 представле́ніе вертепное см. вертепъ.
 приборы́ — жанокіе 51, п. княгини-
 ные 49, п. самодѣльные (на набѣ)
 499.
 прива́рокъ 37.
 привороже́ніе дѣвушки или парня
 298, 299.
 приворотны́я средства 298, 484 —
 485.
 при́зба 358.
 призыва́ніе весны 158, 160.
 прима́къ 22, 23, 97.
 примѣ́ты 309, п. относящіися къ
 браку и дѣтству 346, п. касаю-
 щіися домоводства 349, при по-
 стройкѣ дома 334, относящіися къ
 погодѣ 347, 349, предвѣщающія
 смерть 353, касающіися урожаю
 348, касающіися хозяйства 351.
 припе́ка 27.
 при́пекъ 512.
 при́печекъ 500, 508.
 припѣ́вки при танцахъ 105.
 при́маки 28, 36.
 продѣ́ванье при лѣченіи 287, 289.
 происхожде́ніе болотъ 314.
 пролѣ́тъ 503.
 про́со (игра) 198.
 простира́дло (прыстира́дло, прасци-
 ра́дло) 51, 509.

простуда (лѣ́ченіе) 280.
 прусаки: средство отъ нихъ 297.
 прѣ́снакъ 27.
 пражени́на (прижани́на) 27, 33.
 пу́га 86.
 пу́ня 6, 7, 502, 506, 511.
 путра́нность 28.
 пучки́ 3.
 пѣ́сни весеннія 158 — 162, п. се-
 дебныя 395, 443, 471, 476.
 пѣ́тухъ: зарыва́ніе чернаго пѣту-
 въ землю при посяленіи энци́ени
 293.
 Раго́йжъ (?) 67.
 радо́ница (ра́днница) 16.
 раздѣ́лы земли 362.
 разрывъ-трава 486.
 разы́нки 39.
 растира́ніе больныхъ мѣсть 272.
 ревматизмъ 277.
 рекру́тчина: средство противъ р-и
 297.
 религі́я: отноше́ніе къ религіи 13, 8
 ризъ 51.
 Рожде́ство Христо́во 376.
 руба́ха 7, 8, 47, 73, 74.
 ру́жье: заговарива́ніе ру́жья 486.
 рукави́цы 43.
 руса́лки 316, продѣ́лки русалокъ
 319 — 320, русальная недѣ́ля 16.
 великъ-день русалокъ 319.
 ручни́къ 51.
 рѣ́дька 71, 191, 192, 195.
 Сага́нъ 512.
 са́жалка 59.
 салама́ха 369.
 са́ло 38.
 са́льнъ 48.
 сва́дебница — больша́я, ма́лая 16.
 свадебные обряды и пѣ́сни 443, 471.
 476.
 сватовство 394.
 свина́рка (игра) 210.
 свину́шникъ 505.
 свиро́нокъ 361.
 сви́ронъ 511.

свѣта 73, 75 — 76.
 свѣрена, -ица 71.
 свѣтачь для лучины 512.
 свѣча: праздникъ 173, 178, 181, 182, 184, сроки празднествъ 177, свѣчи вѣнчальныя 10, колдовство со свѣчей 14, заклинаніе со свѣчей въ церкви 295.
 свято 112.
 село 58.
 сермига 8, 42, 364.
 сила — нечистая 310, проказы нечистой силы 314.
 сѣтеникъ 37.
 скарачь 65, 167, 497.
 скариѣтки 43.
 скѣтирка 51.
 скварки (шкварки) 30, 38.
 скѣбка 26.
 своморѣхъ 116.
 скѣрка 26.
 скоромѣтна (скырымѣтна) 38.
 скотина: какъ вернуть заблудившюся 350.
 скотоводство 81.
 скотъ: выгонъ въ поле 168, что сдѣлать, чтобы у скота были двойни 297.
 скрѣня 52.
 скумѣтта 51.
 слонъ, слончикъ 65.
 смерть — чаровника 258, примѣты, предвѣщающія смерть, 353.
 снѣзокъ (снѣзыкъ) 8, 43.
 сниманіе сапогъ у новобрачнаго мужа 439.
 снѣданіе 40.
 собаки вой 353.
 собственность 21.
 совершеннолѣтіе 23.
 солодѹха 18, 29.
 солѣха 183.
 соль: освященіе ея 164.
 сонъ: толкованіе сновъ 339, значеніе сновъ 341, сны сбываются 341 — 342, вызвать сонъ 485.
 сопли: утереть сопли — получить денежную награду 308.

сѣпѹха 62.
 сорока убитая 345.
 сороки (сыроки) 17, 383.
 сорѣчка (сорѣчка) 40, 364.
 соръ 345.
 сохи — столбы 503.
 сочельникъ подъ Рождество 345.
 сочни 26.
 Спасъ 173, нельзя есть яблокъ до Спаса 372.
 спинѣжакъ 53.
 сподниѣа 48.
 спѣдокъ 43.
 споръ (прибыль): похищеніе спора 237.
 спѣваки 152, 153.
 средства — предохранительныя въ кругу сельскаго и домашняго хозяйства 296, с. противъ недуговъ 295, 296, противъ всего нехорошаго 298, противъ волковъ 297, с. воровъ для удачи въ воровствѣ 300, с. вызвать дождь во время засухи 294, 295, с. дѣлать добро и зло 299, чтобы капуста росла 296, с. отъ клоповъ и прусаковъ 297, какъ исправить молоко коровы 297, с. противъ кротовъ 296, чтобы куры не клали яицъ на сторонѣ 297, с. предохранить лошадей отъ уроковъ 289, с. противъ мышей 296, с. чтобы быть невидимымъ 485, с. для привлеченія дичи 485, с. отъ пьянства 297, с. противъ рекрутчины 297, с. какъ умилостивить судью 298, с. противъ холеры 291, с. противъ чаръ вѣдьмы 266, 267.
 ссуды 92.
 стаѣня 506.
 старѣзна 51.
 стѣбка (=истобка) 361.
 стогъ: устройство стоговъ 238.
 страва 28, с. прокислая 39.
 стрѣха 62.
 стѣнь (сѣнь) 274.
 стѹдинъ (сѹдзинъ) 34.
 сѹдникъ 499.

судороги 284.

судья 298.

суевѣрія 309, 487, относящіяся къ постройкѣ дома 333, когда дитя начинаетъ ходить 78, суевѣрный кашель 338, обуденное полотно 491, зарываніе пѣтуха въ землю при эпидеміи 293.

сукѣнки 8.

супрадки 9.

сурдуть 76.

сурѣцы 285.

сухотка 284.

сыркваша (сыропиха, сыропѣна) 36.

сыробѣйна 506.

сѣни 361, 499.

сѣнды 499, 507.

сѣринчакъ 500.

сѣянье хлѣба 243.

Танцы 104, припѣвки при танцахъ 105; ср. голубецъ.

Терешка (Церешка, Цярешка) 186—187.

тѣрица 512.

тѣтка 92.

тіунъ (ціунъ) 59.

тканье 81.

тлустый четвергъ 381.

токъ 506, 511.

толока 5, 60.

толокно 18, 369.

топаніе: изгнаніе болѣзни 272.

топчанъ 508.

торба 47.

тошнота 280.

трабухъ 34.

трѣсца 275.

Троицнй день 171.

трѣстки 26.

трубки полотна 499.

тряпье 52.

тутѣйшій 21, 97.

тихика 30.

Убіеніе фнктивное болѣзныхъ живот-
ныхъ 294.

уборы новомодные 53.

увеселенія 111.

уволоба 11.

ужъ съ золотыми рогами 343.

укушеніе змѣи 281.

улица 5.

улачка (вулачка, гулачка) 217.

уметникъ 511.

урожаѣ: примѣты 348.

утвора хлѣбная 26.

утро крестьянки 83.

ушки (вухи) 32.

Фартукъ (фартухъ) 9, 48.

Хата 5, 62, 358, 500, 506.

халимонъ 116.

характеръ бѣлоруссовъ 20.

хвилянки 75.

хлѣбъ 25, 335, 369, х. пушнѣ, и-
ловѣй 25, х. прѣжний 39, х. бѣ-
лый, черный 240, печенье хлѣ-
бъ 66, повѣрья, относящіяся свѣ-
335, значеніе хлѣба въ крестьян-
скомъ обыкодѣ 241, гадами хлѣ-
бъ 336, женитьба хлѣба 33
почтеніе къ хлѣбу 242, 33
сѣянье хлѣба 243.

хлѣбникъ 14.

хлѣвъ (хлѣвъ) 6, 505.

хлѣбчикъ 505.

хлѣбушокъ 505.

хмель: обсыпанье хмелемъ на свадь-
439.

ходаки 75.

хозяйство 351.

холера 291, 292.

холодникъ 26.

хотуль 47.

хѣлихъ 13.

хустка 45, 49.

Цѣбаръ (цѣбаръ) 507, 512.

церковь: посѣщеніе церкви 87.

це—це— см. те—

цвячки 52.

ци—ци— см. ти—

цмокъ 312.

цоть см. чоть.

цубукъ см. чубукъ.
 цѣлебныя свойства воды 332.
 ця- см. та-, те-.

Чапѣць 49, 74.
 чара, -н: средства противъ чаръ 266, 267.
 чаровникъ: отношеніе къ ч-амъ 250
 смерть ч-ка 258.
 чаровница: наказаніе ч-цы 261.
 чародѣй: какъ сдѣлаться ч-емъ 251,
 виды чародѣевъ и чародѣевъ 248,
 первая чародѣйка 483.
 чародѣйство 247, 482, молочное чародѣйство 487, 494, 496.
 чародѣйскія тайны 484.
 чахотка 278.
 чашка: рубка угла «въ чашку» 503.
 чекуляда 30.
 челѣстникъ 500.
 черевикъ (черавики) 50, 75.
 четвергъ чистый 164.
 чортъ — чертъ 13, 249, 305, 309, 311, 315, 486.
 чотъ—лишка (цотъ—лишка) 215 — 216, 518.
 чубукъ—цубукъ 46.

Шалка 8, 73, 365.
 шарпѣты 51.

шнѣлье 52.
 шило (игра) 210.
 шинкаръ 19, 108.
 шлѣги 503.
 шмѣтка, шмѣтчикъ 50.
 шнурѣла 9, 48, 74.
 шнуръ 11.
 шѣпа 361.
 шѣпка 41, 47, 73.
 шпунка 364.
 шуба 42.
 шула 503.
 шулякъ 205.

Щербачни 8.
 щѣдры вѣчаръ 113.

Ѣда: способъ ѣды 35, 55, время ѣды 39 — 40.
 Ѣжа гѣтомъ и зимой 50.

Юрій 15, 372. Ср. еще Георгій.
 юшка 28.

Ягоръ см. Юрій.
 яешня 32, яешня паршивая 72.
 ямка въ печи 500, 508, 512.
 ясикъ 509.
 ящеръ 214.

